

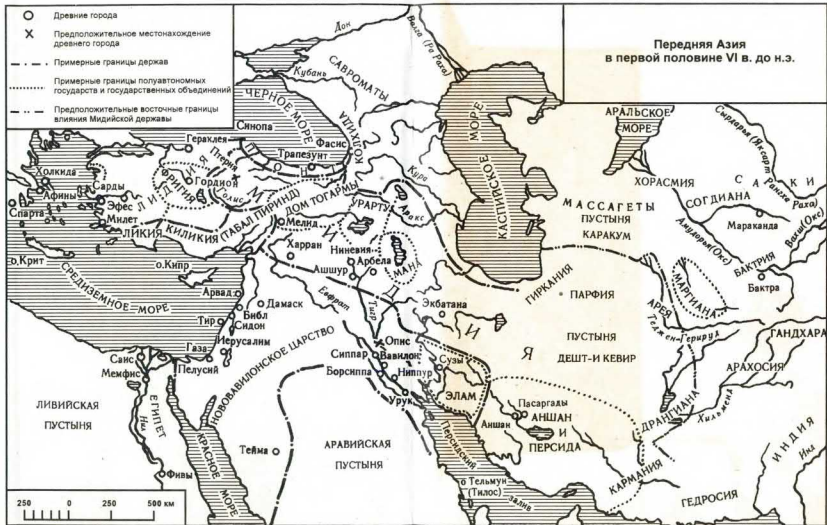
ИУДЕЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ

ИУДЕЙСКИЕ
ДРЕВНОСТИ

ИОСИФ
ФЛАВИЙ

ТОМ 2

Иосиф Флавий

ИУДЕЙСКИЕ
ДРЕВНОСТИ

том II

асТ

МОСКВА

«ФЕНИКС»

РОСТОВ-НА-ДОНУ

1999

ББК 63.3(03)3
И 75

Перевод с греческого *Г. Генкель*

Иосиф Флавий

И 75 Иудейские древности. В 2-х томах. Т. 2. Серия «Великие историки». Ростов-на-Дону, «Феникс», 1999. — 640 с.

ISBN 5-222-00477-5

ББК 63.3(0)3

© Оформление: изд-во «Феникс»,
1999

Книга десятая

Содержание:

1. Поход ассирийского царя Сенахирива против Иерусалима и осада, которой он обложил тамошнего царя Езекию.

2. О том, как ассирийское войско в течение одной ночи погибло от чумы и как его царь по возвращении домой был умерщвлен собственными сыновьями своими.

3. О том, как Езекия, процарствовав конец своей жизни в глубоком мире, умер и оставил своим преемником по престолу Манассию.

4. О том, как против последнего пошли войной цари халдейский и вавилонский, побили и пленили его и затем отвели его в Вавилон, где продержали его продолжительное время в плену, и наконец вновь отпустили назад в его царство.

5. О том, как царь Иосия оказал вооруженное сопротивление египетскому фараону Нехао во время похода последнего на Вавилонию, при проходе его по пределам Иудеи; о том, как Иосия был ранен в битве, доставлен в Иерусалим, там умер и как жители города провозгласили царем сына его Иохазу.

6. О походе царя Нехао на Иерусалим, после того как он сразился с царем вавилонским у Евфрата и вновь вернулся в Египет; о том, как фараон отвел Иохазу пленным в Египет и назначил царем иерусалимским его брата Иоакима.

7. О походе вавилонского царя Навуходоносора в Сирию и о том, как этот царь, подчинив себе все владения вплоть до границы Египта, направился к Иерусалиму и принудил тамошнего царя Иоакима вступить с ним в дружественный союз.

8. О том, как после ухода вавилонского войска Иоаким вновь перешел на сторону египтян, как Навуходоносор объявил ему войну, подверг его осаде и, когда сдался город, велел умертвить царя, но при этом назначил ему преемником его сына Иоакима и, захватив в Иерусалиме огромную сумму денег, пошел дальше на Сирию.

9. О том, как вавилонскому правителю вскоре же пришлось раскаяться в назначении царем Иоакима, как он поэтому двинулся на Иерусалим, захватил Иоакима с его матерью и семейством, взял множество военнопленных, похитил из храма жертвенные дары и вернулся в Вавилонию, назначив царем иерусалимским дядю Иоакима, Седекию.

10. О том, как Навуходоносор, при известии, что и Седекия собирается заключить союз с египтянами, двинулся против Иеру-

салима, приступом овладел им, сжег храм и перевел жителей Иерусалима вместе с Седекией на жительство в Вавилон.

11. О том, как Навуходоносор перед смертью назначил себе преемником сына своего, и о том, как власть последнего была сокрушена персидским царем Киром.

12. О том, каким бедствиям подверглись в то время иудеи со стороны вавилонян.

Содержание книги обнимает период в сто девяносто два года, шесть месяцев и десять дней.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Уже на четырнадцатый год правления царя Езекии над двумя еврейскими коленами царь ассирийский Сенахирив во главе огромного войска пошел на Езекию войной и взял приступом все города колен Иудова и Веньяминова. Затем, когда он собрался повести свое войско против Иерусалима, Езекия предупредил это, послав к нему посольство с обещанием подчиниться добровольно и платить дань, какую ему будет благоугодно наложить на него. Узнав о предложении, с которым явилось посольство, Сенахирив решил прекратить войну, принял сделанное предложение и выразил желание, получив триста талантов серебра и тридцать золота, заключить мир, причем дал послам клятвенное обещание вернуться теперь восвояси и при этом не причинять стране никакого вреда. Этому обещанию Езекия поверил, собрал все свои деньги и отправил их ассирийскому царю в расчете, что теперь он освободится от войны и не станет более подвергать свое царство опасности. Между тем ассириец взял деньги, но и не подумал сдержать данное обещание, а отправившись сам войной на египтян и эфиопов, оставил своего военачальника Рапсака с двумя другими полководцами во главе огромного войска под Иерусалимом для разрушения этого города. Имена этих двух полководцев были Фарат и Анахарис.

2. Придя к стенам Иерусалима и расположившись тут лагерем, полководцы ассирийские отправили к Езекии приглашение явиться к ним для личных переговоров. Царь из боязни за себя не сделал этого, но послал вместо себя трех преданнейших друзей своих, главного советника государства Елиакима, Совнея и канцлера Иоаха. Итак, эти мужи отпра-

вились в ассирийский лагерь и предстали перед военачальниками неприятельского войска. Увидя их, полководец Рапсак велел им возвратиться (в Иерусалим) и сказать Езекии, что великий царь Сенахирив спрашивает последнего, в уповании на что и в какой такой надежде он избегает признать его своим государем, почему он не желает послушаться его и не выпускает его войско в свой город? Или, быть может, он надеется на египтян, рассчитывая при их помощи усилить свою боевую способность? Если он рассчитывает на это, то пусть они объяснят ему, что он действует безумно и уподобляется человеку, который при падении своем опирается на надломленный камыш и таким образом портит себе только руку. Езекия должен знать, что Сенахирив предпринимает этот поход против него по специальному желанию Предвечного, который предоставил ассирийскому царю царство израильское на разрушение, дабы таким же образом погибли и подданные Езекии. Так как Рапсак говорил все это по-еврейски (он владел этим языком), то Елиаким, опасаясь, что народ услышит его, испугается и очень смутится, стал просить его говорить по-сирийски. Но полководец понял вполне его мысль и опасения и поэтому продолжал свою речь особенно громким и внятным голосом, сказав по-еврейски же следующее:

«Пусть все услышат о желании моего государя и сообразно с этим, выбрав себе наиболее подходящее, сдадутся нам. Очевидно, что как вы, так и царь ваш стараетесь удержать на своей стороне народ, питая его пустыми надеждами. Если же вы смелы и рассчитываете отразить наше войско, то я готов предоставить в ваше распоряжение две тысячи своих собственных коней, вы же посадите на них соответственное количество своих всадников и покажете свою силу. Однако вы не в состоянии дать то, чего у вас нет. Поэтому, чего же вы еще медлите сдать нам, более сильным и имеющим возможность взять вас и против вашей воли? Знайте ведь, что добровольная сдача не представляет для вас опасности, тогда как вынужденная война явится для вас опасным источником всевозможных бедствий».

3. Услышав эту речь ассирийского полководца, как народ, так и посланные передали ее содержание Езекии. В ответ на это последний снял с себя свое царское облачение, облекся в рубище и, по древнему обычаю приняв вид смирен-

ного грешника, пал ниц перед Господом Богом и стал молить Его об оказании помощи в такую минуту, когда у него нет более надежды на спасение откуда бы то ни было. Вместе с тем он послал нескольких приближенных своих и священников к пророку Исаии с просьбой помолиться Всевышнему и, принеся жертвоприношения за общее их спасение, умолить Предвечного сокрушить надежды врагов и смириться над его народом. Пророк поступил сообразно этому и по повелению Господа Бога успокоил затем как самого царя, так и приближенных друзей его, предсказав им, что врагам придется без боя отступить после позорного поражения и оставить свое настоящее высокомерие, ибо Господь Бог позаботится о том, чтобы они погибли. Равным образом и сам ассирийский царь Сенахирив ошибается в своих расчетах относительно Египта и, предсказал он, на возвратном пути домой сам погибнет от меча.

4. В то же самое время царь ассирийский прислал Езекии письмо, в котором называл его безумцем, если он думает избежать подчинения ему, который покорил своей власти много великих народов. При этом Сенахирив грозил окончательно загубить его, если он попадется ему в руки и если добровольно не откроет перед его войском ворот Иерусалима и не впустит его в город. Прочитав это послание, Езекия, однако, не обратил на него никакого внимания, потому что уповал на Господа Бога; свернув письмо, он сложил его в храме. И вот, когда он вторично помолился Предвечному, моля его о спасении города и всех его жителей, пророк Исаия объявил ему, что Господь внял его мольбам и что в скором времени прекратится осада ассирийцев, что на будущее время евреи совершенно безбоязненно смогут заниматься земледелием и, не страшась ничего, мирно делать свое дело. Действительно, немного спустя ассирийский царь, потерпев неудачу в своей египетской экспедиции, должен был без успеха вернуться восвояси, и притом по следующей причине. Потеряв много времени за осадой Пелузуима и уже достроив осадный вал, который он велел соорудить на одинаковой высоте с городскими стенами, чтобы затем свободно взять город приступом, Сенахирив получил известие, что на помощь египтянам идет во главе большой рати эфиопский царь Фарсика, причем поход его совершался по пустыне и

он внезапно вторгся в Ассирию. Смутившись при этом известии, царь Сенахирив, как я уже упомянул, покинул Пелузиум и, не окончив начатого дела, вернулся домой.

Об этом Сенахириве рассказывает и Геродот во второй книге¹ своей «Истории», что этот царь пошел войной против египетского фараона, который был жрецом бога Гефеста и, осадив Пелузиум, снял осаду по следующей причине: царь египетский обратился к своему богу с молитвой, которую бог услышал и наслал на арабов бедствие. Тут (очевидно) Геродот находится в заблуждении, называя царя Сенахирива не ассирийским, но арабским государем. Итак, Геродот рассказывает, что множество мышей в течение одной ночи перегрызли луки и остальное оружие ассирийцев, так что царь последних, не имея более оружия, увел свое войско из-под Пелузия. Так повествует Геродот. Беросс же², который написал историю Халдеи, упоминает о царе Сенахириве как о правителе ассирийском и о том, что он воевал со всей Азией и с Египтом.

5. Вернувшись из похода против египтян в Иерусалим, он соединил там свое войско с ратью, бывшей под начальством Рапсака (и подвергшейся опасности совершенно погибнуть от чумы). Дело в том, что Господь Бог наслал на это войско чуму, от которой в первую же ночь после его возвращения³ погибло сто восемьдесят пять тысяч человек вместе со своими военачальниками и таксиархами. Это бедствие повергло царя в неописанный ужас, и он, испугавшись за все свое войско, бежал с остатками его в свое царство, в город Ниневию. Тут он прожил, однако, недолго, пав от руки своих собственных старших сыновей, Адрамелеха и Сарасара, в своем собственном храме, носившем название Араска. После этого отцеубийцы бежали от ярости своих сограждан в Армению, а на престол вступил сын Сенахирива, одинаково с братьями ненавидевший его, Асархаддон⁴. Таков был конец похода ассирийцев на жителей иерусалимских⁵.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Освободившись столь необыкновенным образом от грозившей ему опасности, царь Езекия приступил совместно со всем народом к принесению благодарственных жертв Госпо-

ду Богу, потому что он отлично понимал, что враги погибли и удалились из-под Иерусалима из страха гибели не по какой другой причине, а только вследствие оказанной ему, Езекии, поддержки со стороны Предвечного. Отличаясь и далее всяческим рвением и усердием в деле истинного богопочитания, он, однако, немного спустя впал в тяжкую болезнь, так что врачи совершенно отчаялись в его исцелении и приближенные уже более не рассчитывали на благополучный исход. К этой болезни присоединялось еще страшное душевное расстройство царя, которое было вызвано его мыслью о своей бездетности и о том, что ему придется умереть, не оставив после себя потомства и не дав престолу законного наследника. Особенно тяжело и жестоко страдая от этой мысли, царь обратился к Всевышнему с мольбой даровать ему еще немного времени жизни, дабы он мог дожидаться потомства, и позволить ему расстаться с жизнью не раньше, чем он станет отцом. Господь Бог смилостивился над ним и внял его молитве, так как Езекия ведь печалился о предстоящей ему теперь смерти и просил продления срока жизни не потому, что боялся потерять личные блага, связанные с царствованием, а потому, что желал оставить после себя детей, которые смогли бы стать его преемниками по престолу. Поэтому Всевышний послал к Езекии пророка Исаию с поручением передать ему, что царь оправится от своей болезни через три дня, что он проживет после этого еще пятнадцать лет и что у него родятся дети. Когда пророк возвестил сообразно повелению Господа Бога об этом царю, то последний, вследствие болезни и невероятности предсказания, отнесся к нему с недоверием и просил Исаию явить какое-нибудь необычайное чудо, дабы он мог поверить, что его сообщение исходит от Предвечного: необычайные и совершенно неожиданные вещи могут быть подкреплены лишь подобными чудесными явлениями. На вопрос пророка, какого он желает чуда, царь попросил сделать так, чтобы, когда на (солнечных) часах тень пройдет десять делений, она вернулась на прежнее место и прошла этот путь вторично. Пророк обратился к Господу Богу с молитвой явить царю просимое чудо, и последний вскоре увидел, что желание его исполнилось. Вскоре затем он оправился от болезни, поспешил в храм и пал ниц перед Всевышним, благодаря его за свое исцеление.

2. Около того же самого времени царство ассирийское было уничтожено мидийцами, о чем я расскажу подробнее в другом месте⁶. Тогда вавилонский царь Валада отправил к Езекии посольство с дарами и предложением заключить с ним дружественный союз. Езекия любезно принял и угостил послов, показал им свои сокровищницы и арсенал, а также другие свои богатства, состоявшие из драгоценных камней и золотых предметов, и отпустил их с подарками к Валаде. Когда к царю пришел пророк Исаия и спросил его, откуда прибыли послы, то Езекия отвечал, что они прибыли от вавилонского царя и что он показал им все с той целью, чтобы они, увидев его богатства, вывели из этого заключение об его могуществе и сообщили об этом своему государю. Но пророк возразил на это: «Знай, что в скором времени все это твое богатство перейдет в Вавилон и что потомки твои станут евнухами, потеряв свое отличие от мужчин, и слугами царя вавилонского. Так предсказывает Господь Бог». Крайне опечаленный этими словами, Езекия сказал, что очень бы желал предохранить народ от такого бедствия, но так как решения Предвечного неизменяемы, то он просит лишь сохранить мир на время его жизни.

Об этом вавилонском царе Валаде⁷ упоминает и Беросс. А тот пророк (Исаия), который по общему признанию был человеком боговдохновенным и необычайно правдолюбивым, в сознании, что он не сказал решительно ни малейшей неправды, оставил все свои предсказания записанными в книгах, для того чтобы позднейшие поколения могли проверить их действительность. Впрочем, не один только этот пророк, но еще двенадцать других поступили таким же образом, и потому у нас не случается ничего, ни хорошего, ни дурного, что бы не было в соответствии с их предсказаниями. Но о каждом из этих пророков нам впоследствии еще придется упомянуть⁸.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Прожив указанное время, в течение которого он наслаждался полным миром, царь Езекия умер пятидесяти четырех лет от роду, на двадцать девятом году своего правления. Преемником его по престолу стал его сын Манассия, мать которого была Ахива, иерусалимская гражданка. Этот

Манассия не следовал примеру отца своего и начал вести совершенно другой образ жизни, обнаруживая всякого рода гнусности и не упуская случая проявлять свое богохульство. Подражая беззакониям царей израильских, погибших вследствие своих прегрешений относительно Предвечного, он дерзнул осквернить как храм Господа Бога, так и город Иерусалим и всю страну свою. Побуждаемый презрением к Всевышнему, он велел подвергнуть жестокой смертной казни всех праведников среди евреев; при этом он, конечно, не пощадил и пророков и, убивая их по нескольку ежедневно, учинил такую резню, что кровь лилась потоком по Иерусалиму. В сильнейшем гневе на это Господь Бог послал к царю и народу пророков, устами которых стал грозить им теми же самыми бедствиями, которым пришлось подвергнуться их братьям израильтянам, глумившимся над Ним. Но народ не поверил их словам, послушание которым могло бы их поставить в выгодное положение не подвергаться никаким подобным бедствиям, и впоследствии им на деле пришлось убедиться в правоте предсказаний пророков.

2. Оставаясь при своем прежнем образе жизни, евреи подверглись нашествию со стороны вавилонского и халдейского царя, который послал в Иудею войско, опустошил страну, велел хитростью захватить царя Манассию и привести к себе, так что последний очутился в его руках и мог подвергнуться с его стороны любому наказанию⁹. Тогда Манассия понял всю гнусность своего поведения и, считая себя лично виновником всех этих бедствий, обратился к Господу Богу с молитвой возбудить в его враге чувство жалости и сострадания к нему. Предвечный внял его мольбам и исполнил его просьбу, так что Манассия был освобожден царем вавилонским и отпущен им домой. Прибыв в Иерусалим, он стал стараться подавить в душе своей по возможности всякое воспоминание о своих прежних прегрешениях, желая вернуться на путь истины и вести сколь возможно более богобоязненный образ жизни. Храм был вновь освящен, город подвергся очищению, и с того времени царь стал думать лишь о том, как бы возблагодарить Господа Бога за свое избавление и на всю свою жизнь снискать Его к себе благоволение. Вместе с тем он понуждал следовать этому примеру и народ, который отлично понимал, какому бедствию еще недавно подвергся царь благодаря об-

ратному образу действий. Восстановив затем жертвенник, царь возобновил и те жертвоприношения, которые установил Моисей. Устроив таким образом все как следует для соблюдения истинного богопочитания, Манассия обратил свое внимание и на внешнюю безопасность Иерусалима, с этой целью ревностно занялся восстановлением древней городской стены, к которой присоединил добавочную новую, стал возводить огромнейшие башни и снабжать укрепления вне города всем необходимым для неприступности, именно особенно значительным запасом хлеба и съестных припасов. После всего этого он провел остаток своей жизни в состоянии столь полного раскаяния, что с того времени, как он начал почитать Предвечного, он стяжал себе славу счастливейшего и достойнейшего человека. Наконец, прожив шестьдесят семь лет, он умер после пятидесятипятилетнего царствования и был погребен в своем собственном саду, а престол перешел к его сыну Амосу, мать которого была некая Емалсема, происходившая из города Иоваты¹⁰.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Этот Амос начал подражать дерзкому поведению отца своего в его юности и за это стал жертвой своих собственных домашних; он был убит ими в своем собственном доме, достигнув только двадцатичетырехлетнего возраста после двухлетнего царствования. Народ перебил убийц его и похоронил Амоса рядом с отцом его, а престол был передан восьмилетнему сыну (Манассии) Иосии, мать которого происходила из города Воскефы и называлась Иедидою. Этот царь проявил прекрасный характер и большую склонность к добродетели, стремился к подражанию царю Давиду и всю свою жизнь имел перед глазами пример последнего, которым всегда и руководился. Уже двенадцати лет он выказал свое благочестие и справедливость, а именно, он взывал к благоразумию народа, увещевая отступников, объясняя им сущность идолов, которые не могут быть настоящими божествами, и приглашая их к почитанию истинного Бога отцов своих. Равным образом он подверг внимательному пересмотру все постановления своих предков; те из них, которые были неправильны, он благоразумно исправил, как человек зрелого возраста и вполне

Падение Иерихона

опытный в распознавании необходимого, а те, которые пашел годными и своевременными, он сохранил и поставил себе примером на будущее время. При всем этом он не только следовал голосу своей природной мудрости и врожденного ума, но пользовался также советом и предложениями старших. Вследствие того, что он следовал законам, ему должно было удаваться все касавшееся государственного устройства и богослужения, так как он не только не подражал беззакониям своих предков, но старался совершенно уничтожить всякий след их. Царь сам обходил как город (Иерусалим), так и всю страну, велел вырубать разведенные в честь чужеземных божеств рощи и сокрушать жертвенники их и с презрением срывал и уничтожал те жертвенные подношения, которые находились там и сям и происходили от его предков. Таким-то способом он отвратил народ от поклонения идолам и направил его на путь истинного богопочитания, так что население вернулось к обычным жертвоприношениям и к жертвам всежожения на алтаре Предвечного. Вместе с тем царь на-

значил судей и цензоров, чтобы ведать все дела по принадлежности, ставить выше всего справедливость и не щадить даже своей жизни в случае необходимости. По всей стране он разослал сборщиков за добровольными пожертвованиями золотом и серебром на украшение храма, причем предоставил каждому жертвовать сколько захочет, по усердию и силам своим. Когда были собраны нужные средства, он поручил украшение храма и все необходимые по этому делу распоряжения градоначальнику Амасии, канцлеру Сафану, анналисту Иоату и первосвященнику Елиакии. Последние, не откладывая дела в долгий ящик, немедленно пригласили строителей, выписали все необходимое для постройки и приступили к самому делу. Таким образом обновленный храм тоже стал наглядным памятником благочестия царя.

2. Достигнув за этими делами уже восемнадцатого года своего правления, царь послал однажды за первосвященником Елиакией и велел ему взять остатки средств и заказать литые чаши, жертвенные принадлежности и кубки для целей богослужения, а также употребить все золото и серебро, которое могло бы найтись в казне, равным образом на выделку чаш и подобной утвари. И вот, собирая золото, первосвященник Елиакия нашел в храме священные книги Моисея, извлек их и передал канцлеру Сафану¹¹. Прочитав их, последний отправился к царю, доложил ему об исполнении всех его указаний, а также прочитал ему написанное в тех книгах. Услышав их содержание, царь разодрал на себе одежду, послал за первосвященником Елиакией, а самого канцлера отправил в сопровождении нескольких наиболее приближенных друзей своих к пророчице Ольде, жене Саллума, выдающегося человека знатного происхождения. Посланцам было поручено попросить ее, чтобы она взяла на себя умиротворить Предвечного и постараться склонить Его в пользу иудеев, потому что являлось опасение, что, так как предки царя преступили законоположения Моисеевы, они сами подвергнутся опасности изгнания и, изгнанные из своей родины, должны будут, лишены всего, на чужбине влачить жалкое существование. Когда пророчица узнала от посланных, ради чего они явились к ней от царя, она поручила им вернуться к государю и сказать ему, что Господь Бог уже постановил относительно иудеев решение, которого путем молитвы никто не сможет изме-

Победа Иисуса Навина над аморреями

нить, а именно — погубить народ, изгнав его из страны и лишив всех присущих ему благ за то, что он преступил законы и не изменил своего образа мыслей в течение столь продолжительного времени, хотя пророки постоянно увещевали его прийти в себя и предсказывали кару за все его беззакония. Вот эта-то кара непременно постигнет народ, дабы люди убедились, что они имеют дело с Господом Богом и что все, предсказанное им пророками, вполне верно. Но за то, что царь держится праведного образа жизни, Господь Бог пока еще отдалит предполагаемые бедствия, тогда как после смерти царя Он пошлет народу обещанную гибель.

3. Посланные вернулись к царю и сообщили ему о предсказании пророчицы. Тем не менее царь повсюду разослал гонцов своих с приглашением народу собраться в Иерусалиме, куда он призвал также священников, левитов и всех людей, достигших известного возраста. Когда все приглашенные собрались, то царь сперва прочитал собранию священные книги (Моисеевы), а затем встал на возвышение среди на-

рода и пригласил его поклясться в том, что он будет почитать Господа Бога и соблюдать законы Моисея. Собравшиеся охотно согласились на это и выразили полное желание последовать увещаниям царя, а затем принесли жертвы Господу Богу и слезно умоляли Его оставаться к ним милостивым и снисходительным. Потом царь приказал первосвященнику выбросить из храма все остатки каких-либо сооружений в честь идолов и чужеземных божеств, которые были некогда воздвигнуты его предками. Когда этих остатков накопилось значительное количество, царь приказал сжечь их, а пепел развеять. Тех же языческих жрецов, которые происходили не из рода Аарона, он велел казнить

4. Совершив в Иерусалиме все рассказанное, он отправился в путешествие по стране, разрушая все святилища, сооруженные в ней царем Иеровоамом в честь иноземных божеств и сжигая кости лжепророков на том самом жертвеннике, который первоначально соорудил Иеровоам. Это было предвозвещено пророком, явившимся к Иеровоаму, когда тот приносил жертву, и весь народ слышал, как пророк сказал, что вышеуказанное будет сделано одним из потомков рода Давида, человеком по имени Иосия¹². Так оно действительно и случилось по прошествии трехсот шестидесяти лет.

5. После этого царь Иосия отправился и ко всем остальным израильтянам, которым удалось избежать ассирийского плена и порабощения, и стал убеждать их оставить свой греховный образ жизни и почитание иноземных богов, приглашая их вместе с тем поклониться своему родному Всевышнему Божеству и примкнуть к Нему. При этом царь распорядился сделать обыски в отдельных жилищах как сельских, так и городских, подозревая, что кое-где кто-либо мог скрыть у себя какого-нибудь идола. Не удовлетворившись этим, он велел убрать также и царственные колесницы, сооруженные его предшественниками для торжественных случаев, а также решительно все, чему те поклонялись как Божеству.

Подвергнув таким образом всю страну очищению, он пригласил народ в Иерусалим для празднования там праздника опресноков, иначе называемого Пасхой. Тут он подарил народу (в честь Пасхи) тридцать тысяч молодых козлят и ягнят и три тысячи волов для принесения жертв всеожжения. Наиболее выдающиеся между евреями подарили

священникам в честь Пасхи две тысячи шестьсот ягнят, а левитам начальствующие лица дали пять тысяч ягнят и пятьсот волов. При таком несметном количестве жертвенных животных они принесли жертвы вполне сообразно Моисеевым предписаниям, и священники с трудом могли справляться с требованиями каждого отдельного лица и служить за него.

Со времен пророка Самуила евреям уже не приходилось таким образом справлять этот праздник, т.е. совершенно точно по религиозным предписаниям и по старинным отечественным традициям. После этого Иосия жил еще долго, наслаждаясь глубоким миром, пользуясь богатством и полным у всех уважением. Умер же он следующим образом¹³.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Царь египетский Нехао собрал войско и направился с ним к реке Евфрату с намерением вступить в войну с мидянами и вавилонянами, которые разрушили ассирийское царство; дело в том, что его самого обуревало желание стать царем над всей Азией. Когда же фараон достиг города Менде¹⁴ (находившегося во владениях Иосии), то Иосия во главе войска выступил ему навстречу, чтобы воспрепятствовать ему пройти по его территории во время похода на мидян. Тогда Нехао отправил к нему посланного с заявлением, что он идет походом не на него, но желает лишь пробраться к Евфрату; к этому он присовокушил совет не раздражать его и не мешать ему идти походом на тех, воевать с которыми он порешил. Однако Иосия не обратил внимания на слова Нехао, но решился ни за что не пропускать его через свою страну. Мне кажется, к этому побудил его рок, так что царь ухватился за этот предлог (чтобы вступить в неприязненные отношения к фараону). И вот, пока он выстраивал в боевой порядок свое войско и разъезжал на колеснице от одного фланга к другому, кто-то из египтян пустил в него стрелу и тем положил конец его воинственному пылу. Жестоко страдая от полученной раны, он отдал войску приказ отступить и вернулся в Иерусалим. Здесь он умер от раны и был торжественно похоронен в усыпальнице своих предков, прожив всего тридцать девять лет и процарствовав в течение их тридцать один год. Кончина его вызвала во всем

народе великую скорбь и плач, и стенания по нем продолжались много дней. Пророк Иеремия сочинил на смерть его похоронную элегию, которая сохранилась по сей день¹⁵. Этот же самый пророк возвестил будущие бедствия, которые должны были постигнуть город, и оставил письменное предсказание о нашем теперешнем положении, равно как и о взятии Вавилона. Впрочем, не он один предсказал это народным массам, но то же самое сделал также и пророк Иезекииль, первый оставивший нам две книги об этом. Оба пророка происходили из священнических родов. Иеремия жил в Иерусалиме с тринадцатого года царствования Иосии вплоть до разрушения города и храма. Впрочем, все относящееся до этого пророка мы сообщим в своем месте¹⁶.

2. После вышеописанной смерти Иосии престол перешел к его двадцатитрехлетнему сыну Иоахазу. Мать его звали Амиталой, и она происходила из города Лобаны¹⁷. Этот царь жил также в Иерусалиме, но был безбожником и человеком гнусного характера.

Между тем египетский царь, возвращаясь с войны, послал за Иоахазом и пригласил его к себе в город Амафу, находящийся в Сирии. Когда Иоахаз прибыл, фараон взял его в плен, а престол отдал его старшему брату от другой матери, хотя и от одного с ним отца. Этого брата Иоахаза звали Елиакимом, но фараон изменил его имя в Иоакима. На страну же фараон наложил дань в размере ста талантов серебра и одного таланта золота. Эту огромную дань стал выплачивать Иоаким, а фараон увез Иоахаза с собой в Египет, где он и умер, процарствовав всего три месяца и десять дней. — Мать Иоакима звали Завудой, а родом она была из города Авумы¹⁸. Иоаким по природе своей был человеком несправедливым и злонамеренным, не отличавшимся ни религиозностью, ни гуманностью¹⁹.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Когда (Иоаким) был уже четвертый год царем, верховная власть над Вавилонией перешла к некоему Навуходоносору, который к тому времени пошел с большим войском на город Кархамиссу (лежащий на Евфрате), решив воевать с египетским фараоном Нехао; во власти последнего находилась

вся Сирия. Узнав о намерении вавилонянина и об его походе, Нехао сам несколько не испугался, но двинулся во главе большой рати к Евфрату, чтобы (там) отразить его нападение. Когда же произошла битва, он (фараон) был разбит и потерял при этом несколько десятков тысяч людей. Вавилонянин затем переправился через Евфрат и занял всю Сирию, исключая Иудеи, вплоть до Пелузиума. Лишь по истечении четырех лет царствования своего, когда Иоаким уже восьмой год правил евреями, вавилонянин Навуходоносор двинулся с большим войском также на иудеев, требуя от Иоакима дани или в противном случае угрожая ему войной. Иоаким испугался этой угрозы и, предпочтя деньгам мир, стал платить ему дань, которую тот назначил на три года.

2. На третий же год он услышал, что египтяне собираются идти походом на вавилонянина, и поэтому он ему не заплатил дани. Однако тут он обманулся в своих расчетах, ибо египтяне не решились предпринять поход. Впрочем, пророк Иеремия изо дня в день предсказывал (иудеям), что они напрасно надеются на египтян, так как городу предопределено быть разрушенным вавилонянином, а царю Иоакиму стать его рабом. Однако эти слова не имели никакого значения, потому что никому не было предопределено спастись. Народ и его вожди, услышав речи (пророка), не только не обращали на них должного внимания, но даже рассердились на него за то, что он выдумывает-де худые предсказания относительно царя, и поэтому они обвинили Иеремию и, привлекая к суду, требовали его осуждения на смерть. Большинство (судей) действительно подали голоса против Иеремии, но нашлись между более престарелыми среди них и такие, которые, в силу присущей им житейской опытности, требовали освобождения его от всякой ответственности, советуя и прочим отнюдь не причинять Иеремию зла. При этом они указывали на то обстоятельство, что не только один этот пророк предсказывает городу неизбежные бедствия, но что и до него то же самое предсказывали Михей и многие другие пророки, из которых ни один, однако, не подвергся от своего царя взысканию, но даже пользовался с его стороны особенным почетом именно за то, что он пророк Божий. Успокоив такими речами народ, они спасли Иеремию от решенной относительно его участи. Иеремия же записал

все свои пророчества и прочитал их перед народом, когда последний в девятый месяц пятого года царствования Иоакима постился и собрался в храме. В этой книге он изложил все свои предсказания относительно будущей судьбы города, храма и народа. Когда старейшины прослушали книгу, они отняли ее у него и посоветовали ему и его писцу Варуху поскорее бежать и никому не показываться на глаза. Книгу же они сами спесли к царю и отдали ее ему. Царь приказал своему секретарю прочесть ее ему в присутствии своих приближенных. Но когда он услышал содержание книги, то рассердился, разорвал ее, швырнул ее в огонь и вместе с тем отдал приказание отыскать Иеремию и писца его Варуха и представить их ему для наказания. Однако пророк и его слуга тем временем уже успели бежать от царского гнева.

3. Немного времени спустя Иоаким, когда на него пошел войной царь вавилонский, принял его к себе (в город) из боязни, что оправдаются предсказания пророка; в надежде, что не подвергнется никаким бедствиям, он и не думал запирать перед вавилонским властелином городские ворота, равно как не решался воевать с ним. Вавилонянин же, войдя в город, не подумал соблюсти (прежние) договоры, но велел перебить самых сильных и красивых из иерусалимцев вместе с их царем Иоакимом, причем приказал труп последнего выкинуть без погребения за (городские) стены. Царем же над всей страной и над городом поставил сына его Иоахима. Всех почетных лиц в городе, числом до трех тысяч, он увел в качестве военнопленных в Вавилон; в числе их находился и пророк Иезекиил, который тогда был еще отроком. Такой конец постиг царя Иоакима после того, как он прожил тридцать шесть лет, из которых в течение одиннадцати царствовал. Преемник же его на престоле, Иоаким, происходивший от гражданки Носты, царствовал всего три месяца и десять дней²⁰.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Между тем царя вавилонского, лишь только он отдал царство Иоахиму, внезапно обуял страх: он боялся, как бы Иоаким, в отместку за гибель отца своего, со своей страной не отложился от него. Поэтому он (тотчас) отправил (против него) войско и осадил Иоахима в Иерусалиме. Царь

же, будучи человеком порядочным и справедливым, не хотел допускать, чтобы ради него город подвергался опасности, но взял свою мать и родственников и отдал их (в виде заложников) присланным полководцам вавилонского царя, причем потребовал от последних клятвенного обещания, что ни заложники, ни город не подвергнутся никакой обиде. Однако этот договор не оставался у них ненарушенным даже в течение одного года. Его нарушил царь вавилонский, по-слав своим военачальникам приказ захватить в плен всех юношей иерусалимских и всех ремесленников и связанными отправить их к нему (а их всего было 10 832 человека) и в том числе самого Иоахима с его матерью и приближенными. Когда все они были доставлены к нему, он их отдал под стражу, царем же (в Иерусалиме) поставил дядю Иоахима, Седекию, от которого взял клятвенное обещание, что тот сохранит ему страну в целости, не задумает никакого переворота и не вступит в дружественные сношения с египтянами.

2. Когда Седекия вступил на престол, ему шел двадцатый год. Он был единоутробным братом Иоахима и крайне пренебрежительно относился к требованиям справедливости и долга. Все окружавшие его сверстники также были безбожниками, да и весь простой народ отличался крайней распущенностью и делал что хотел. Вследствие этого пророк Иеремия неоднократно посещал его и заклинал его оставить свое безбожие и беззакония и подумать о справедливости, не прилепляться к знатнейшим (так как между ними находятся люди гнусные) и не верить обманывающим его лжепророкам, будто вавилонский царь уже более не предпримет похода на город (Иерусалим) и будто египтяне начнут с ним войну и победят его²¹. Все это они говорят неправду и ничего этого не будет.

Пока Седекия слушал эти речи пророка, он слушался его и был вполне согласен с тем, что они справедливы и направлены к пользе его; но затем приближенные вновь совращали его с пути истины и отвлекали его от наставлений пророка ко всему, чего бы они ни желали. В то же самое время и Иезекиил предсказывал в Вавилоне ожидающие народ бедствия и, записав свои предвещения, отослал их в Иерусалим. Но тогда Седекия не стал более доверять предсказаниям обоих пророков и притом по следующей причине: в то время как во всем пророки сходились между собой, как в предсказани-

ях, что город падет, так и в том, что сам Седекия будет взят в плен, Иезекиил расхотел с Иеремией в том, что Седекия не увидит Вавилона, а Иеремия утверждал, что царь вавилонский уведет его с собой в качестве военнопленного. И так как оба пророка расхотелись в этом пункте (хотя во всем прочем между ними не было разногласий), царь решил, что и во всем остальном они говорят неправду, и потому не верил им вовсе. А между тем все предсказания их оправдались на нем, как мы укажем в своем месте.

3. Соблюдая в течение восьми лет верность вавилонянам, Седекия наконец нарушил свои договоры с ними и соединился с египтянами в надежде в союзе с последними разгромить вавилонян. Когда об этом узнал царь вавилонский, он двинулся на него походом, разграбил его страну и, заняв укрепленные местности в ней, прибыл к самому Иерусалиму в расчете осадить его. Тем временем и египетский царь, узнав, в каком положении находится его союзник Седекия, собрал большую рать и прибыл с ней в Иудею с целью снять осаду. Тогда вавилонский царь отступил от Иерусалима, выступил навстречу египтянам, сойдясь с ними в битве, разбил их и, обратив их в бегство, во время преследования совершенно изгнал из Сирии. И вот лишь только вавилонский царь отступил от Иерусалима, лжепророки (опять) стали обманывать Седекию, уверяя его, что вавилонянин не станет более воевать с ним, да и единоплеменники его, которых тот выселил из родины в Вавилон, вернутся и привезут с собой все сокровища храма, которые царь (некогда) похитил оттуда. Тогда пришел Иеремия и стал утверждать как раз противное и предсказывать истину, а именно указывать, что они поступают дурно, обманывая царя, что от египтян им нечего ожидать пользы, но что, когда вавилонский царь победит египтян, он соберется пойти походом на Иерусалим, что он осадит его и загубит путем голода (весь) народ, а оставшихся в живых отведет в плен; что он разграбит имущество, что еще раз похитит богатства из храма, а затем подожжет его и уничтожит город. «Мы же (продолжал он) в течение семидесяти лет будем рабами его и потомков его; а затем нас освободят из этого рабства персы и мидяне, которые разгромают вавилонян; освобожденные ими (персами и мидянами), мы вновь построим храм и восстановим Иерусалим».

Эти слова Иеремии были приняты большинством с доверием. Зпать же и безбожные люди стали насмехаться над ним как над сумасшедшим. И вот случилось, когда пророк захотел отправиться в свой родной город, по имени Анафоф, отстоявший от Иерусалима на расстоянии двадцати стадий, что кто-то из начальствующих лиц встретил его на дороге, схватил его и задержал, обвиняя его в том, будто бы Иеремия собирается перебежать на сторону вавилонян. Тот стал утверждать, что ему приписывается совершенно ложное намерение, так как он отправляется к себе на родину. Но начальник не поверил ему, а схватил его и представил его на суд старейшин, со стороны которых ему пришлось претерпеть всякие поношения и пытки; наконец он был брошен в темницу. Таким образом Иеремия провел некоторое время, совершенно незаслуженно подвергаясь всему вышеуказанному.

4. На девятый же год правления Седекии, в десятый день десятого месяца, царь вавилонский вторично выступил против Иерусалима, обложил его и в течение восемнадцати месяцев осаждал его по всем правилам искусства. В то же самое время над осажденными иерусалимцами разразились два величайших бедствия: голод и заразительная болезнь, сильно свирепствовавшие (среди них). Несмотря на то, что пророк Иеремия сидел (в то время) в темнице, он все-таки не мог успокоиться и громко взывал и советовал народу впустить вавилонянина в город, открыв перед ним ворота, при этом он утверждал, что, если они это сделают, все спасутся, если же нет, то погибнут. Он указывал при этом, что если кто-нибудь и останется в городе, то наверное погибнет либо от голода, либо от меча неприятелей; если же убежит к врагам, то избегнет смерти. Однако, даже находясь в таком бедственном положении, старейшины, слыша эти предсказания, не верили им, но в гневе отправились к царю, стали обвинять пророка и требовали его казни за его сумасшествие, выражающееся в том, что он своими заявлениями о предстоящих бедствиях смущает народ и старается подорвать его энергию. В то время как последний вполне готов подвергаться всяким опасностям ради самого себя и ради отечества, Иеремия убеждает его перейти на сторону неприятелей, уверяя, что город будет взят и все при этом погибнут.

5. Между тем сам царь, по своей порядочности и справедливости, лично несколько не разгневался на пророка, по

для того, чтобы именно в такое время своим противодействием планам знати не возбуждать вражды против себя, он предоставил им пророка и позволил распорядиться с ним по их собственному благоусмотрению. Ввиду этого данному им царем разрешения знатнейшие граждане тотчас отправились в темницу и, взяв пророка, бросили его в яму, наполненную грязью, дабы он в ней задохся. Погрузившись в грязь по шею²², пророк находился в яме. Однако один из главных царских служителей, родом эфион, сообщил царю о мучениях пророка и указал при этом на то, что царские приближенные и знатнейшие люди поступили вполне гнусно, погрузив пророка в грязь и придумав для него гораздо более мучительный способ смерти, чем тот, которому он подвергся бы при заключении в темницу. Когда царь узнал об этом, то раскаялся в том, что выдал пророка знати, и приказал эфиону взять тридцать царских служителей, веревок и всего, что могло быть полезно для спасения пророка, и немедленно извлечь Иеремию из ямы. Эфион поступил, как ему было повелено, извлек пророка из грязной ямы и отпустил его без стражи домой.

6. Когда же (затем) царь тайно послал за ним и спросил его (Иеремию), что он мог бы сказать ему от имени Господа Бога и какое предсказание мог бы дать ему в настоящую минуту, Иеремия отвечал, что имеет сообщить царю кое-что, но что тот ведь не поверит ему и не послушается его предостережения. «Какое преступление совершил я, — спросил Иеремия, — что твои друзья решили меня загубить? Где теперь те, которые утверждали, что вавилонянин уже более не пойдет на нас войной, те, которые вас обманывали при этом? Я остерегусь сказать теперь всю правду, дабы ты не присудил меня к смерти».

Когда же царь поклялся ему, что он не загубит его и не выдаст его знати, пророк, полагаясь на это уверение, посоветовал ему передать город вавилонянам. При этом он говорил, что то советует царю его, пророка, устами сам Предвечный, если только царь хочет спастись, избежать надвигающейся опасности и не желает сровнять город и храм с землей; если же он не послушается этого, то сам станет виновником всех указанных бедствий для сограждан и гибели собственного дома.

Услышав это, царь сказал, что он лично вполне желает последовать его увещаниям, которые могут принести ему одну только пользу; но вместе с тем он указывал также на то, что боится, как бы иерусалимские перебежчики к вавилонянам не наклеветали на него царю и как бы он не подвергся со стороны царя наказанию. Однако пророк стал ободрять его, указывая на неосновательность опасений царя относительно этого наказания; напротив, говорил он, ни малейшее бедствие не постигнет ни его самого, ни детей его, ни жен, если он сдастся вавилонянам, да и храм останется в таком случае в целости.

После этих слов царь отпустил Иеремию, запретив ему кому бы то ни было из граждан сообщать то, что было решено между ними, равно как и не говорить о том знатнейшим, если бы те узнали о том, что Иеремия был позван к царю, если бы стали расспрашивать, что он говорил последнему, и если бы захотели узнать об этом какие-нибудь подробности; пусть Иеремия, сказал царь, отговорится у них тем, будто он просил не сажать его более в темницу и под стражу.

И действительно, пророк так и говорил им, потому что они на самом деле явились к нему и стали расспрашивать его о том, что у него было решено с царем касательно их. На это они получили условленный ответ²³.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Пока все это происходило указанным образом, царь вавилонский очень усердно и ревностно занимался осадой Иерусалима. Он воздвиг огромные башни на валах и с помощью этих башен удалял со стен всех там показывавшихся. Вместе с этим он велел соорудить вокруг города множество насыпей, достигавших одинаковой со стенами высоты. Однако осажденные также упорно и настойчиво выносили осаду: они не поддавались ни голоду, ни моровой язве, но, хотя эти бедствия и страшно донимали их, они все-таки энергично выходили на бой, не смущаясь хитрыми приспособлениями и осадными орудиями противников, но придумывая против каждого нового их приспособления какое-нибудь другое свое собственное. Таким образом, в течение всей этой борьбы как вавилоняне, так и иерусалимцы выказывали

одинаковую быстроту и сообразительность, причем первые применяли все, по их мнению, возможное для взятия города, а вторые возлагали все свое упование на неустанное и соответственное измышление средств, как бы низвести на ничто приспособления своих врагов. Это продолжалось восемнадцать месяцев, пока (осажденные) не пали жертвой голода и метательных снарядов, которыми враги обсыпали их с вершин своих осадных башен.

2. Город пал на одиннадцатый год правления Седекии, на девятый день четвертого месяца. Взяли город те вавилонские военачальники, которым Навуходоносор поручил осаду. Сам он тем временем проживал в городе Реблафе²⁴. Если бы кто-либо захотел знать имена тех военачальников, которые взяли и разрушили Иерусалим, то вот они: Ниргелеар, Аремант, Семегар, Навосар и Ехарампсар. Город был взят около полуночи. Тогда военачальники врагов проникли в храм. Когда об этом узнал царь Седекия, он взял жен и детей своих, а также начальников и приближенных и бежал с ними из города через глубокое ущелье и пустырь. Но об этом некоторые перебежчики сообщили вавилонянам; на рассвете те бросились в погоню за царем, захватили его недалеко от Иерихона и окружили его. Приближенные же и знатнейшие, бежавшие вместе с Седекией, увидя врагов, покинули царя и, думая о своем собственном спасении, рассеялись в разные стороны. И вот когда Седекия был таким образом покинут всеми, враги захватили его и немногих (оставшихся ему верными) друзей с детьми и женами и отправили их всех к царю. Когда Седекия предстал перед Навуходоносором, этот начал упрекать его в нарушении благочестия и называть клятвопреступником, забывшим о своем обещании сохранить страну в его, Навуходоносора, власти. Вместе с тем он упрекал Седекию также в неблагодарности, так как последний от него ведь получил свое царство (которое он, Навуходоносор, отнял у Иоахима и отдал ему); и вот, говорил царь вавилонский, Седекия употребил свою власть против даровавшего ее ему. «Но, — сказал он, — великий Бог, которому ты стал ненавистен по всему своему складу, отдал тебя во власть нам». Сказав это Седекии, Навуходоносор велел немедленно, в присутствии самого Седекии и прочих пленных, перерезать его сыновей и приближенных.

Затем, велев выколоть Седекии глаза, он приказал заковать его и отправить в Вавилон.

Итак, Седекию постигло то, что предсказали ему Иеремия и Иезекиил, а именно, что он будет взят в плен, отправлен к царю вавилонскому, будет лично говорить с ним и глаза его узреют глаза царя. Так предсказал Иеремия²⁵; Иезекиил же²⁶ предсказал ему, что он будет ослеплен и, будучи приведен в Вавилон, не увидит его.

3. Все это мы привели потому, что на основании его вполне возможно объяснить тем, которые еще не знают сущности Божества, насколько велик и мудр Всевышний, насколько все Его решения исполняются в положенное время и как Он предсказывает все, что должно случиться. Равным же образом из этого возможно уяснить себе невежество и неверие людей, вследствие чего никто не хотел предвидеть того, что должно было случиться и благодаря чему они без удержу ринулись в свою собственную гибель, как будто им было невозможно избежать всех этих испытаний.

4. Таким образом окончили жизнь свою цари из рода Давидова. Их было двадцать один вместе с названным царем (Седекией) и процарствовали они всего пятьсот четырнадцать лет, шесть месяцев и одиннадцать дней. Из этого числа в течение двадцати лет власть находилась в руках первого их царя, Саула, происходившего не из одного с ними рода.

5. Царь же вавилонский отправил своего военачальника Навузардана в Иерусалим для разграбления храма, причем поручил ему одновременно сжечь и царский дворец, сровнять город с землей и переселить всех жителей в Вавилонию. Прибыв в Иерусалим на одиннадцатом году правления Седекии, военачальник предал храм разграблению и похитил священную золотую и серебряную утварь, а также сооруженный Соломоном²⁷ великий сосуд для омовений, равным образом как и медные колонны и их венцы, золотые столы и светильники. Похитив все это, он зажег храм в новолуние пятого месяца одиннадцатого года царствования Седекии, на восемнадцатом году правления Навуходносора. Вместе с тем он поджег и царский дворец и разрушил город до основания. Пожар храма произошел спустя четыреста семьдесят лет шесть месяцев и десять дней после его сооружения; от исхода (израильтян) из Египта успел к тому времени пройти

промежуток в тысячу шестьдесят два года, шесть месяцев и десять дней. Между потопом и разрушением храма прошел период в тысячу пятьсот семь лет, шесть месяцев и десять дней, а от рождения Адама до гибели храма прошло четыре тысячи пятьсот тринадцать лет, шесть месяцев и десять дней. Таковы хронологические данные. А о том, что совершилось в течение всего этого времени, мы уже говорили, и притом о каждом событии в отдельности.

Разрушив Иерусалим и переселив народ, полководец вавилонского царя взял в плен первосвященника Сарею и вместе с ним священника Сафонию и тех (трех) начальников, на обязанности которых лежало охранять святилище, а также предводителя тяжеловооруженных, равно как семерых приближенных Седекии, его секретаря и шестьдесят других начальствующих лиц. Всех их, вместе с награбленной утварью, он отправил к царю в сирийский город Реблафу. Тут царь приказал обезглавить первосвященника и начальников, а всех остальных военнопленных и Седекию взял с собой в Вавилон. С ними же он вел в оковах и первосвященника Иосадока, сына первосвященника Сарей, которого, как мы только что указали, царь вавилонский велел убить в сирийском городе Реблафе.

6. Так как мы указали на родословную царей и привели не только их имена, но и время их правления, то я счел необходимым упомянуть здесь также имена первосвященников и привести последовательный список их при царях. Итак, первым при сооруженном Соломоном храме был первосвященник Садок. После него звание это перешло к его сыну Ахиме, а после Ахимы к Азарии, потом к сыну его Иораму, и далее постоянно от отца к сыну в следующем порядке: к Иссе, Аксиофалу, Фидее, Судее, Иуилу, Иофаму, Урии, Нирии, Одее, Саллуму, Елкии, Сарее. Сыном же последнего был приведенный в Вавилон в качестве военнопленного Иосадок.

7. Прибыв в Вавилон, царь стал содержать Седекию, вплоть до его смерти, в плену. Затем он велел похоронить его с царскими почестями. Награбленную в Иерусалиме утварь он принес в жертвенный дар своим собственным богам; народ он расселил в стране вавилонской, а первосвященника освободил из заключения²⁸.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Взяв еврейский народ в плен, военачальник Навузардан оставил бедных и лиц, добровольно покорившихся (вавилонянам) на месте и поставил старшим над ними некоего Годолию, сына Айкама, человека, происходившего из хорошей семьи, доступного и справедливого. Вместе с тем он поручил им обрабатывать землю и платить царю определенную подать. Пророка Иеремию он взял из темницы²⁸ и предложил ему отправиться вместе с ним в Вавилон. При этом он сказал ему, что царь приказал ему исполнять все желания его; если бы Иеремия этого не захотел, то он позволил ему указать такое место, где бы Иеремия желал остаться, для того чтобы сообщить об этом царю. Однако пророк не пожелал ни последовать за военачальником, ни поселиться в другом месте, но предпочел прожить остаток дней своих среди развалин родного своего города и печальных руин его. Узнав о таком его желании, военачальник приказал Годолии, которого он оставил (за себя в Иерусалиме), немедленно исполнять все желания Иеремии, заботиться о нем и доставлять ему все нужное к существованию; сам же он одарил пророка богатыми подарками и затем отпустил его. Иеремия затем стал жить в городе Масфафе и убедил Навузардана отпустить к нему его ученика Варуха, сына Нира, который происходил из знатного рода и был особенно глубоким знатоком родного языка.

2. Сделав все эти распоряжения, Навузардан направился обратно в Вавилон.

Когда же лица, бежавшие во время осады Иерусалима и рассеявшиеся по стране, узнали, что вавилоняне ушли и оставили горсть людей в области иерусалимской для обработки земли, то стали опять отовсюду собираться и приходиться к Годолии в Масфафу. Во главе их стояли: Иоанн, сын Карея, Иезавия, Сарей и, кроме того, еще некоторые другие. Тут находился также некий человек из царского рода, по имени Измаил, человек скверный и плутоватый, который во время осады Иерусалима бежал к амманитскому царю Ваалиму и до сих пор проживал у него.

Итак, когда эти люди явились к нему, Годолия убедил их остаться тут, успокоив их насчет вавилонян и говоря, что, если только они станут обрабатывать землю, им нечего опа-

саться вавилонян. Это свое уверение он им скрепил еще клятвой и указал им на себя как на их заступника, на поддержку которого они могут, в случае затруднения, рассчитывать. При этом Годолия посоветовал каждому выбрать по личному усмотрению какой-нибудь город для местожительства, захватить с собой свое имущество, вновь приняться за обработку земли и жить себе спокойно. В то же время он обещал им, пока еще есть возможность, снабдить их хлебом, вином и маслом, чтобы у них была готовая пища на всю зиму. Переговорив с ними таким образом, он отпустил каждого в ту местность, куда кто захотел.

3. Когда среди народностей, населявших Иудею, разнеслась молва о том, что Годолия дружелюбно принял вернувшихся к нему беглецов и дал им землю для жительства и для занятия земледельческим трудом при условии уплаты (известной) подати вавилонскому царю, многие стали стекаться к Годолии и поселились в стране.

Между тем Иоанн и другие предводители, ознакомившись с условиями (нового) быта страны и узнав честность и человеколюбие Годолии, дошли в своей любви к последнему до крайних пределов; так, напр., они стали уверять его, будто амманитский царь Ваалим подослал Измаила, чтобы он коварным образом и тайно убил Годолию и затем сам мог бы стать во главе израильтян, тем более что он сам царского происхождения. Кроме того, говорили они, Годолия, наверно, избежит такого покушения, если позволит им убить Измаила таким образом, чтобы никто об этом не узнал. При этом они высказывали свои опасения в том смысле, что если бы он, Годолия, пал от руки его, то наступила бы окончательная гибель остатка израильской мощи. Но Годолия выразил им свое негодование по поводу того, будто такой коварный замысел, на который указывается ими, может исходить от человека, которого он (Годолия) благодетельствовал. Совершенно невозможно, говорил он, чтобы человек, который столь продолжительное время, в течение коего он его знает, не навлек на себя никакого упрека, чтобы именно такой человек оказался настолько гнусным и безбожным по отношению к своему благодетелю, что старался бы умертвить его, тогда как было бы уже большой несправедливостью, если бы такой человек не оградил его, Годолию, от других злоумышленни-

ков. Нет, этого быть не может; но уж если даже это и правда, то, уверял Годолия, он предпочитает умереть от руки этого человека, чем убивать того, который прибег к нему, ища спасения и совершенно отдаваясь во власть ему.

4. Тогда Иоанн и его товарищи, не будучи в состоянии убедить Годолию, удалились. По истечении тридцати дней к Годолии в город Масфафу прибыл Измаил в сопровождении десяти человек, которых Годолия, желая выказать им свое расположение, принял с радостью и для которых он устроил блестящий пир и обильное угощение. Но тут он сам увлекся и выпил лишнее. Когда же Измаил увидел его в состоянии полного, до бесчувствия, опьянения и глубокой дремоты от вина, то вскочил со своими десятью товарищами из-за стола и перерезал Годолию и прочих сотрапезников его, возлежавших с ним за пиром. После этой резни он выбежал (из дворца) и ночью перебил всех находившихся в городе иудеев и солдат, оставленных вавилонянами. На следующий день к Годолии явилось восемьдесят поселян с дарами; никто из них не знал о постигшей Годолию участи.

Когда Измаил увидел их, то пригласил их войти как бы к Годолии, и когда те вошли, то велел запереть двери, перебил земледельцев и бросил трупы их, чтобы избавиться от этого зрелища, в глубокую яму. Из этих восьмидесяти человек спаслись лишь те, которые просили его повременить с казнью, пока они не выдадут ему спрятанных в полях богатств своих, утварь, платье и хлеб. За такое их обещание Измаил пощадил этих людей. Все же население Масфафы с женами и малыми детьми он забрал в плен; в числе пленниц находились и дочери царя Седекии, которых вавилонский полководец Навузардан оставил у Годолии.

Совершив все вышеописанное, Измаил вернулся к амманитскому царю.

5. Когда Иоанн и его товарищи узнали о деяниях, совершенных Измаилом в Масфафе, они страшно рассердились за убийство Годолии и, собрав каждый своих воинов, двинулись войной против Измаила и настигли его вблизи цистерны в Хевроне. Военнопленные Измаила, увидя Иоанна и прочих предводителей, приободрились, рассчитывая на то, что те прибыли, чтобы поддержать их, и поэтому покинули полонившего их и прибежали к Иоанну. Тогда Измаил бежал с восьмью приверженцами к амманитскому царю, а Иоанн, приняв

спасенных и избавившихся от Измаила как рабов, так и женщин и детей, прибыл в местность, именуемуюя Мандрой²⁹ и остался там целый день. Тут было решено отправиться прямо в Египет, потому что существовало опасение, что, если они останутся в стране, вавилоняне в гневе за убийство поставленного ими военачальника Годолии могут убить их.

6. Придя к такому решению, Иоанн, сын Карея, и его сотоварищи отправились к пророку Иеремии с предложением попросить у Господа Бога указать им в данном затруднительном их положении, что следует делать; при этом они дали клятвенное обещание исполнить то, что бы им ни сказал Иеремия. Пророк уверил их в своем заступничестве перед Господом Богом, и по истечении десяти дней Всевышний явился ему и велел ему сообщить Иоанну, прочим предводителям и всему народу, что Он, Всевышний, будет охранять их, если они останутся в этой стране, будет заботиться о них и оградит их вполне от вавилонян, которых они (столь) боятся, если же они отправятся в Египет, то Он покинет их и в гневе своем поступит с ними точно таким же образом, как Он — они сами отлично это знают — поступил с их братьями. Когда пророк сообщил Иоанну и народу о предсказании Всевышнего, то они не поверили, чтобы Иеремия повелевал им остаться в стране по решению Предвечного, а подумали, что он в угоду ученику своему Варуху прикрывается именем Господа Бога и лишь для того убеждает их остаться на месте, чтобы они погибли от вавилонян. Таким образом, как народ, так и Иоанн ослушались совета Предвечного, того совета, который Он дал им устами пророка, и отправились в Египет, захватив с собой Иеремию и Варуха.

7. Когда они прибыли туда, Господь Бог указал пророку, что на египтян собирается идти войной царь вавилонский, а также велел ему предсказать народу взятие Египта и то, что (царь вавилонский) одних из них убьет, а других заберет в плен и уведет в Вавилон. Так и случилось. На пятый год после разрушения Иерусалима, а именно на двадцать третьем году правления Навуходоносора, последний пошел походом на Келесирию и, заняв ее, воевал с амманитянами и моавитянами, а затем, подчинив эти народы своей власти, вторгся и в Египет с целью разгромить его. При этом он умертвил правившего там фараона, поставил на его место другого, а

находившихся в стране иудеев вновь захватил в плен и увел в Вавилон. Итак, мы видим, что самостоятельность еврейского народа, таким образом, закончилась после его вторичной переправы через Евфрат: десять колен народа нали при Самарии от вторжения ассирийцев во время царствования Осии, а затем из остальных двух колен то, что оставалось после взятия Иерусалима, было уведено Навуходоносором, царем вавилонским и халдейским.

Когда Салманассар увел израильтян, то он вместо них поселил племя хутеев, которые раньше жили в глубине Персии и Мидии и теперь только стали называться самарянами, приняв название страны, в которую были переселены. Царь же вавилонский, выведя из Палестины два (остальных) колена, не поселил на место их никакого народа, и по этой-то причине вся Иудея, Иерусалим и храм семьдесят лет были в полном запустении. Весь же период от пленения израильтян до гибели двух (последних) колен обнимает сто тридцать лет, шесть месяцев и десять дней³⁰.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Царь вавилонский Навуходоносор взял самых знатных иудейских юношей и родственников царя Седекии, особенно отличавшихся физической силой и красотой, и отдал их для воспитания (особым) преподавателям. Некоторых из этих юношей он сделал евреями. Так же он поступил и с юношами других народностей, которые он подчинил и которые были у него в плену. Им он велел отпускать пищу от собственного стола и наставлять их в нравах и обычаях страны, а также в халдейской письменности. Все эти молодые люди были богато одарены мудростью, и царь приказал (еще более) развить ее в них. В числе той молодежи находилось четверо особенно богато одаренных юношей из родичей Седекии; имена их были: Даниил, Анания, Мисаил и Азария. Царь вавилонский приказал переименовать их, а именно Даниила в Валтасара, Ананию в Седраха, Мисаила в Мисаху, а Азарию в Авденаго. Этих юношей, выдававшихся особенной красотой, а также необычайным рвением к изучению наук и мудростью, царь выделил из числа всех прочих, оказывал им особенный почет и необыкновенную любовь.

2. Между тем Даниил и его родственники решили вести аскетический образ жизни, воздерживаться от пищи с царского стола и вообще от всякой убоины; потому Даниил отправился к евнуху Асхану, которому было поручено заботиться о них, и просил его взять и как-нибудь иначе утилизировать доставляемые им с царского стола яства, а им давать лишь стручковые плоды и финики или что-либо иное из растительного мира, ввиду того, что они решились остановиться на этом роде пищи, отказавшись от всякой другой. Асхан выразил полную свою готовность исполнить их желание, но вместе с тем высказал опасение, как бы они не вызвали подозрения в царе своей худобой и переменой внешнего своего облика (потому что, по его мнению, с переменной образа жизни у них обнаружится и перемена в самочувствии и в цвете лица), тем более что они резко будут выделяться среди прочих выхоленных юношей и тем навлекут на него самого опасность наказания. Однако, видя, что Асхан не совсем отрицательно относится к их решению, юноши упросили его попробовать с ними новый режим в течение десяти дней, и если их внешний вид при этом не изменится, то оставит его им как безвредный, если же он заметит, что они похудели и выглядят хуже всех прочих, вернуть их к прежнему образу жизни. При этом оказалось, что Асхан не только не пострадал, доставляя юношам желательную им пищу, но что они даже пополнили и стали выглядеть гораздо лучше прочих молодых людей, так что можно было бы (при сравнении) предположить, будто последние, пользовавшиеся пищей с царского стола, терпят нужду, тогда как товарищи Даниила как будто бы жили в полном довольстве и изобилии всех благ. С тех пор Асхан совершенно безбоязненно оставлял себе все то, что царь по-прежнему ежедневно посылал юношам, а Давиду с товарищами доставлял вышеуказанное. Благодаря такому режиму, последние достигли высокой душевной чистоты, умы их стали еще более восприимчивы к науке, а тела гораздо способнее к работе, ввиду того, что они не притупляли своих способностей и не подавляли их разнообразной изысканной пищей, да и не изнеживались от этой же причины, и потому они вскоре отлично усвоили себе всю образованность, которой располагали тогда евреи и халдеи. Особенно Даниил, уже прекрас-

но успевший изучить философию, стал ревностно заниматься толкованием сновидений, и Господь Бог уже являлся ему.

3. Спустя два года после покорения Египта царь Навуходоносор имел необычайное сновидение, значение которого Всевышний сам раскрыл ему во время сна, но которое царь при вставании с ложа совершенно забыл. Тогда Навуходоносор послал за халдеями, магами и предсказателями, сказал им, что видел сон, а также о том, что он уже успел забыть этот сон, и при этом приказал им сообщить ему, какой это был сон и что он означает. Те ответили, что для людей эта задача является невыполнимой, но что, если он им расскажет содержание сновидения, они обещают ему истолковать его. Однако царь угрожал им смертью, если они не расскажут ему самого сновидения. Когда же маги признали невозможным исполнить требование царя, то последний велел всех их умертвить.

Даниил же, узнав, что царь приказал убить всех мудрецов, и поняв, что в числе последних подвергаются опасности как он сам, так и его товарищи, отправился к Ариоху, которому было поручено командование отрядом царских телохранителей, и попросил узнать повод, по которому царь велел перебить всех ученых, халдеев и магов. Когда Даниил узнал историю со сновидением, то, что царь успел забыть свой сон, а также об его гневе на отказ магов рассказать ему об этом сновидении, то упросил Ариоха пойти к царю и выпросить у него отсрочку казни магов в течение хотя бы одной ночи. Дело в том, что Даниил надеялся в течение этой ночи умолить Господа Бога сообщить ему содержание сновидения. Ариох передал царю об этой просьбе Даниила. Царь повелел отложить казнь магов, пока он не убедится в исполнении обещания Даниила.

Тогда юноша удалился со своими товарищами к себе и в течение целой ночи молил Всевышнего спасти магов и халдеев, гибель которых повлечет за собой и их собственную гибель, и умерит гнев царя, показав ему, Даниилу, и объяснив сновидение, которое имел царь в предшествовавшую ночь и которое он успел забыть. И вот Господь, сжалившись над людьми, подвергшимися такой опасности и относясь благосклонно к мудрости Даниила, раскрыл последнему сновидение и вместе с тем также истолкование его, дабы царь услы-

шал от Даниила объяснение своего сна. Получив от Всевышнего это откровение, Даниил восстал в великой радости и, сообщив об этом своим братьям, которые было уже совсем отчаялись остаться в живых и думали только о приближающейся смерти, придал им прежнюю бодрость духа и возбудил в них новые надежды на будущее. Возблагодарив затем вместе с ними Господа Бога, сжалившегося над их юностью, он с наступлением дня отправился к Ариоху и просил отвести его к царю, так как он-де желает сообщить последнему сон предшествовавшей ночи.

4. Представ перед царем, Даниил начал с того, что просил Навуходоносора не считать его более мудрым, чем остальных халдеев и магов, если он собирается сообщить ему об его сне, чего не мог сделать ни один из тех. «Такое (мое) преимущество, — продолжал Даниил, — проистекает не из (моей) большей опытности, а также отнюдь не является следствием большей (с моей стороны) работы, чем у них, но только потому, что Предвечный сжалился над нами, когда мы подвергались опасности умереть, и сообщил мне сон и его разгадку вследствие молитвы моей за себя и за моих единоплеменников. При своей молитве я думал не только о нашем собственном горе, постигшем нас, когда ты приговорил всех нас к смерти, но и о твоей собственной славе, так как ты столь несправедливо приказал умертвить мужей, и притом наилучших, за то только, что поручил им задачу, не выполнимую простыми средствами общечеловеческой мудрости, и потребовал от них того, что является исключительно делом одного лишь Божества. Итак, в то время, как ты был погружен в раздумье, кто после тебя будет править всем миром, и когда ты за этим погрузился в сон, Господь Бог послал тебе следующее сновидение, желая представить тебе всех будущих правителей. Тебе казалось, будто ты видишь огромную статую, голова которой сделана из золота, плечи и руки из серебра, желудок и бедра из меди, а колени и ноги из железа. Затем ты узрел, как с горы сорвался камень и павалился на статую, опрокинул ее, разбил и не оставил в целости ни единой части ее, так что золото, серебро, железо и медь стали мельче песка, и их развеял страшный, повсюду внезапно поднявшийся вихрь, в то время как каменная глыба стала расти, и притом настолько, что вся земля казалась заполненной ею.

Вот какое сновидение приспилось тебе; а разгадка его следующая: золотая голова (статуи) означает тебя и двух твоих предшественников на вавилонском престоле, обе же руки и плечи указывают на то, что ваше могущество будет подорвано двумя царями. Власть последних сокрушит некий другой властелин, который придет с запада, облаченный в медное вооружение, а его силу, в свою очередь, сломит четвертый в железе и будет властвовать тут навсегда благодаря самой сущности железа, которое тверже золота, серебра и меди». Равным образом Даниил объяснил царю и значение камня; однако мне нечего сообщать об этом, так как приходится описывать лишь прошлое и уже случившееся, а не раскрывать будущее. Тот же, кто в поисках за истиной не страшится работы и желал бы осведомиться также насчет будущих событий, тот пусть ревностно читает книгу Даниила, которую он найдет в числе прочих священных книг (наших).

5. Когда царь Навуходоносор услышал об этом и признал сновидение правильным, он изумился дарованию Даниила и, пав пред ним ниц (так они, вавилоняне, поклоняются Богу), воздал ему божеские почести и велел принести ему жертвы как божеству. Не ограничившись этим, царь даже дал Даниилу имя своего собственного бога и сделал его вместе с его товарищами управителями всего своего царства. Товарищи же, впрочем, (вскоре) подверглись, вследствие зависти и недоброжелательства (врагов), большой опасности и навлекли на себя немилость царя по следующему поводу: царь соорудил огромную золотую статую в шестьдесят локтей в высоту и шесть в ширину и поставил ее на большой вавилонской равнине. Желая освятить статую, он пригласил на это торжество со всех своих владений знатнейших людей и повелел им при первом трубном сигнале пасть ниц и преклониться перед статуей; тем же, кто бы вздумал ослушаться, он угрожал, что бросит их в огонь раскаленной печи. И вот все при знаке трубы пали ниц и преклонились перед статуей, тогда как товарищи Даниила отказались сделать это, указывая на нежелание свое преступить родные законоположения. Их немедленно обвинили и тотчас ввергли в огонь; но здесь они спаслись благодаря заботливости Господней и чудесным образом избежали смерти. Дело в том, что пламя не коснулось их; полагаю, оттого не коснулось, что они без всякой вины были ввергнуты в огонь,

который оказался бессильным по отношению к ним, так как Господь Бог настолько укрепил тела их, что они стали нечувствительными к огню. Это обстоятельство доказало царю их правоту и то, что они богоугодны, а потому он после этого оказывал им всегда всякие почести.

6. Немного спустя царю приснилось новое видение, будто он потеряет власть, будет жить с дикими зверями по их образу жизни и, прожив таким образом в пустыше в течение семи лет, вновь вернется к власти. Увидев такой сон, он опять созвал магов и просил у них истолкования этого сновидения. Однако пикто из них не мог разгадать и объяснить царю значение этого сна, и тогда один Даниил изложил этот сон, и как он его объяснил и предсказал царю, так и случилось. Дело в том, что царь прожил действительно указанное время в пустыне, причем в течение того семилетнего периода никто не осмелился овладеть верховной властью; и когда царь затем умолил Господа Бога вернуть ему его престол, он возвратился снова на царство. Пусть никто не вздумает упрекать меня в том, что все это я рассказал так, как нашел записанным в наших священных книгах. Ведь я же в самом начале своего сочинения³¹ предупредил всех, кто бы вздумал приставать ко мне по поводу излагаемых событий или упрекать меня в чем бы то ни было, что я только на греческом языке пересказываю еврейские книги и буду делать это, не прибавляя от себя к ним ничего, но и ничего не отнимая, сообразно моему обещанию³².

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1 Царь Навуходоносор умер, процарствовав сорок три года и быв человеком предприимчивым и гораздо более счастливым, чем его предшественники на престоле. О его деяниях упоминает в третьей книге своей халдейской истории и Беросс³³, говоря следующим образом: «Когда отец его Набоналассар узнал, что наместник, назначенный над Египтом, Келесирией и Фишикией, отпал от него, старик, не будучи уже более в силах лично переносить трудности похода, поручил своему сыну Навуходоносору, который был тогда молодым человеком, часть своей рати и выслал его во главе ее против сатрана. Сойдясь с отступником и сразившись с ним, Наву-

ходоносор разбил его, а все страны вновь вернул под власть своего царства. Около того же времени отец его Набопаласар заболел в городе Вавилоне и умер, процарствовав двадцать один год. Когда вскоре затем Навуходоносор узнал о кончине отца своего, он (немедленно) распорядился относительно Египта и прочей области, поручил нескольким друзьям военнопленных иудеев, финикийцев, сирийцев и египтян и, велел им отправиться с главными военными силами и всей добычей в Вавилонию, сам в сопровождении небольшой свиты поспешил через пустыню в Вавилон. Приняв затем дела, которыми пока (во время его отсутствия) заведовали халдеи, и престол, временно занятый знатнейшим из них, и став, таким образом, единодержавным правителем над царством отца своего, Навуходоносор велел отвести для поселения прибывшим между тем военнопленным местности в самых плодородных частях Вавилонии, сам же занялся щедрым украшением из военной добычи святилища Ваала и прочих храмов; он также обновил древний город, доказав ему свое расположение тем, что расширил его новыми зданиями, а чтобы врагам, в случае осады, невозможно было отвести русло реки, окружил город двумя цепями стен, по три внутри и по столько же извне. Одни из этих стен он соорудил из кирпичей и асфальта, а другие из одного кирпича. Укрепив столь подобающим образом город стенами и украсив их богатыми воротами, царь приступил к сооружению нового дворца, находившегося рядом с отцовским дворцом и соединенного с ним; было бы лишним описывать устройство этого нового здания и вообще все его богатое убранство; скажем лишь, что оно было огромно и замечательно и было воздвигнуто в пятнадцать дней. При своем дворце он велел соорудить каменные возвышения, совершенно похожие по виду на горы, обсадил их всевозможными деревьями и устроил так называемый висячий сад, вследствие желания жены его, происходившей из Мидии, иметь такую вещь, к которой она привыкла у себя на родине».

Также упоминает о деяниях Навуходоносора и Мегасфен³⁴ в четвертой книге своей индийской истории и старается там доказать, что этот царь мужеством и доблестью своих подвигов превзошел самого Геракла: он-де, говорит историк, подчинил своей власти большую часть Ливии³⁵ и Иберию³⁶. Равным образом упоминает об этом царе и Диокл³⁷ во второй

книге своей персидской истории, а Филострат³⁸ в своей истории Индии повествует, что этот царь в течение тринадцати лет осаждал Тир, в то время как в Тире царствовал Ифовал.

Таковы сообщения всех историков об этом государе.

2. После смерти Навуходоносора преемником его стал сын его Авилмародах³⁹, который немедленно освободил от оков иерусалимского царя Иехонию, принял его в число ближайших друзей своих, одарил его богатыми дарами и сделал его заведующим царскими имуществами в Вавилонии. Ведь отец его (Навуходоносор) не сдержал клятвы верности по отношению к Иехонии, который добровольно с женами, детьми и всеми родственниками своими сдался ему ради спасения своего отечества, чтобы город после осады не был разграблен при своем падении, как это мы, однако, выше уже рассказали. Когда же и Авилмародах после восемнадцатилетнего царствования скончался, власть его перешла к его сыну Ниглисару, который умер, быв царем в течение сорока лет. После него царская власть перешла по наследству к его сыну Лавосордаху, но оставалась в его руках всего только семь месяцев, потому что он по истечении этого времени умер, а затем перешла к Валтасару, носившему у вавилонян имя Навоандила⁴⁰. Против последнего пошла войной персидский царь Кир и мидийский — Дарий⁴¹.

И вот в то время как он подвергся в Вавилоне осаде, с ним приключилось нечто удивительное и совершенно необычайное, пока он в обществе своих наложниц и приближенных возлежал за пиром в огромной зале, специально предназначенной для царских пиршеств. В это время ему вдруг пришло на ум велеть принести из храма те священные сосуды, которые Навуходоносор некогда захватил в иерусалимском храме при разграблении его, а затем, не пользуясь ими, поместил в капище своего собственного божества. Сам Валтасар дошел при этом до такой дерзости, что употребил сосуды в дело во время своего пиршества, и вот, пока он пил из этих сосудов и хулил Предвечного, он вдруг увидел, как из стены показалась рука и начертала на стене несколько неизвестных слов. Испугавшись этого видения, царь велел призвать магов и халдеев и всех тех вавилонян, кто умел объяснять чудесные явления и сны, дабы эти люди прочитали ему написанное (на стене). Но когда маги заявили, что

не могут найти разгадку и понять написанное, то царь впал в сильнейшее расстройство и отчаяние по поводу этого необычайного явления и велел объявить по всей стране, что обещает отдать лицу, которое смогло бы прочесть письма и сообщить ему скрытый в них смысл, кованую золотую нашейную цепь, пурпуровую одежду, какую носят халдейские цари, и третью часть своего царства.

После этого объявления собралось еще больше магов, которые, хотя и выбивались из сил над разбором смысла загадочных писем, однако все-таки несколько не преуспели в этом. Видя отчаяние царя по этому поводу, мать старалась утешить его; при этом она сказала, что (при дворе) имеется один военнопленный из Иудеи, родом оттуда же, которого привели сюда после разрушения Иерусалима Навуходносором; имя его — Даниил, он человек мудрый и отлично умеет раскрывать все загадочное и известное одному Господу Богу; этот Даниил вполне ясно разрешил царю Навуходносору значение волновавшего его вопроса в то время, как никто не сумел объяснить ему его просьбы. Поэтому царица советовала сыну послать за этим человеком, спросить его мнения о данных письменах, объяснить ему неуменше прочих разгадать их и узнать, не знаменуют ли эти посланные Господом Богом письма какого-либо несчастья.

3. Услыхав это, Валтасар приказал позвать Даниила и, переговорив с ним, чтобы ознакомиться с ним и его ученостью, а также сказав ему, что в нем, Данииле, жив дух Божий и что он один только умеет разгадать то, что недоступно всем прочим, просил его разобрать письма и объяснить смысл их. За это он обещал Даниилу дать право ношения пурпуровой одежды и золотой цепи на шее, отдать ему треть своей царской власти и возвести его в награду за его мудрость в такой почет, что он обратит на себя внимание решительно всех и все станут спрашивать о причине такого его благополучия. Однако Даниил просил царя оставить при себе все указанные подарки, так как божественная мудрость не продажа и достается нуждающимся в ней даром, и обещал объяснить ему загадочные письма. Последние, сказал он, означают наступление конца его жизни, так как он не научился благочестию и несколько не думает о том, что выше одного человеческого благополучия, несмотря на то, что отец

его был жестоко наказан за свое презрительное отношение к Господу Богу. Невзирая на то, что Навуходоносор за свои безбожные деяния был удален в общество диких зверей и лишь путем многих молитв и просьб смягчил гнев Предвечного и мог снова вернуться к жизни среди людей и на свое царство и за это до скончания дней своих восхвалял Всевышнего, у которого вся власть и который заботится о людях, он сам, Валтасар, совершенно забыл обо всем этом и, помимо всех прочих богохульств, осквернил божественные сосуды, употребив их во время пира со своими наложницами. И вот за это-то Господь Бог и разгневался на него и путем надписи указывает ему, каким образом ему придется окончить жизнь свою. А смысл тех писем таков: «*Мане* — это на эллинском языке⁴² означает *число*, т.е. время жизни твоей и владычества исчислил Господь Бог и тебе остается еще немного времени жить; *текел* — это означает *вес*, т.е. по отношению к тебе Предвечный взвесил время твоего царствования и объявляет тебе, что оно идет уже к концу; *фарес* — это на эллинском языке значит *раздел*. Другими словами, Предвечный разделит твое царство и распределит его между мидянами и персами».

4. Когда Даниил сообщил царю смысл писем на стене, Валтасара, как это и вполне естественно при таких грустных данных, обуяли печаль и отчаяние. Однако несмотря на то, что Даниил дал ему столь дурное предсказание, царь не только не удержал ничего из обещанной ему награды, но отдал ему все дары, совершенно правильно рассудив, что угрозы его царству являются результатом неизбежного предопределения, а не виной пророка, и считая, что самая возможность давать такие объяснения, хотя бы для него лично и роковые, является следствием добродетели и справедливости Даниила.

Таково было объяснение Даниила, а немного времени спустя сам Валтасар и его город пали во время похода на него персидского царя Кира. Именно при Валтасаре, процарствовавшем семнадцать лет, совершилось взятие Вавилона. Таким образом, как мы рассказали, и прекратился род потомков царя Навуходоносора. Вместе с Киrom участвовал при сокрушении вавилонского владычества также его родственник Дарий, которому шел уже шестьдесят второй год, когда был взят Вавилон; он был сыном Астиага и известен у греков под

другим именем⁴³. Этот-то и увел пророка Даниила с собой в Мидию и держал его при себе, воздавая ему всевозможные почести. Дело в том, что Даниил стал одним из тех трех главных сатрапов, которых Дарий назначил над своими шестьюдесятью тремя наместничествами, учрежденными им.

5. Итак, пока Даниил занимал столь почетную должность и пользовался особенным расположением Дария, да и всем народом признавался за единственного человека, носившего в себе дух Божий, он тем не менее успел возбудить и зависть против себя; ведь всегда люди относятся друг к другу недоброжелательно, если видят, что кто-либо из их среды снискал себе в глазах правителей большее, чем они сами, благоволение. Но сколько они ни старались найти случай, по которому они могли бы наклеветать на любимца Дария, он не подавал им никакого к тому повода. Будучи выше денег и относясь враждебно к какому бы то ни было подкупу, да и считая крайне постыдным брать какое бы то ни было вознаграждение, даже и законное, Даниил не давал своим ревностным недоброжелателям ни малейшей возможности подкопаться под него. И вот, когда последние не смогли найти решительно никакого повода обвинить его перед царем, дабы такой гнусной клеветой лишить его расположения Дария, они выискали другой способ избавиться от него. Видя, что Даниил трижды в день молится Предвечному, они решили употребить это обстоятельство, чтобы загубить его, и потому, придя к Дарию, заявили ему, что его сатраны и военачальники решили в течение тридцатидневного срока дать покой народу, чтобы никто не мог в продолжение этого времени обращаться с просьбами ни к нему, Дарию, ни к богам, и чтобы всякий, кто вздумал бы нарушить это постановление, был брошен в яму и там погиб.

6. Царь, не поняв их злого умысла и не подозревая, что все это направлено против Даниила, выразил свое согласие на их решение и, обещав им утвердить это постановление, выработал форму, в которой можно было бы объявить народу о решении сатрапов. И вот в то время как решительно все опасались преступить изданное постановление, Даниилу не приходила в голову даже и мысль о том, чтобы последовать общему примеру, по он по-прежнему, по своей привычке, на глазах у всех молился Предвечному. Тогда сатраны,

видя, что их уловка, предпринятая ими против Даниила, вполне удалась, немедленно явились к царю и обвинили Даниила как единственного, который преступает предписания (в то время как никто другой не дерзает молиться богам) и делает-де все это вовсе не из благочестия, но потому, что он чувствует себя безопасным и совершенно независимым в глазах своих завистников. Но так как они предполагали, что Дарий, вследствие своего чрезмерного расположения к Даниилу, охотно простит ему даже нарушение его собственных постановлений, а именно этого-то они желали избежать и в этом-то пункте и добивались до Даниила, то они не стали и говорить о помиловании, но потребовали, чтобы, согласно закону, Даниил был брошен в яму со львами. Тогда Дарий, надеясь на то, что Даниила поддержит Предвечный и что он не потерпит вреда от диких зверей, стал уговаривать (своего любимца) храбро встретить опасность. Когда Даниил был спущен в яму, то царь, собственноручно запечатав камень, лежавший над отверстием ямы, удалился к себе, но, крайне беспокоясь за Даниила, не ел в тот день уже более ничего и провел всю ночь без сна. С наступлением дня он поднялся с ложа и отправился к яме. Найдя печать, которую он оставил на камне целой, он открыл отверстие и громко позвал Даниила по имени, желая узнать, не спасся ли он. Когда последний отвечал царю, что с ним не произошло никакого несчастья, Дарий велел извлечь его из ямы с дикими зверями. И хотя недоброжелатели Даниила увидели его целым и невредимым, они решили, что он спасся не благодаря Предвечному и Его попечению о нем, но потому, что львы, заранее насытившись пищей, не были голодны и потому не тронули Даниила. Все это они стали высказывать царю. Последний же, разгневавшись на их испорченность, приказал бросить львам сперва множество мяса, а затем, когда львы насытились, также и врагов Даниила спустить в яму, чтобы узнать, действительно ли львы не тронули его вследствие своего пресыщения. И вот тут-то, когда сатраны были брошены на съедение львам, Дарий мог воочию убедиться, что именно Всевышний спас Даниила: львы не пощадили ни одного из сатранов, но разорвали их всех, как будто бы были еще голодны и нуждались в пище. Я же полагаю, что они рассвирепели не от голода, так как

они незадолго перед тем вдоволь поели мяса, но от людской испорченности, которую, по определению Предвечного, поняли, в наказание людям, даже неразумные животные.

7. Когда таким образом погибли злоумышленники Даниила, то царь Дарий разослал по всей стране приглашение воздать славу тому Богу, которому поклоняется Даниил; при этом царь признавал этого Бога единственно истинным и всемогущим. Даниила он осыпал неописуемыми почестями, сделав его самым близким к себе человеком. Пользуясь таким почетом и столь блестящим положением за общераспространенную славу о своей близости к Предвечному, Даниил соорудил в мидийской столице Экбатанах дворец, здание дивное и необычайно искусное, которое сохранилось в целости по сей день, производит на зрителей ошеломляющее впечатление и кажется каждому отстроенным как раз в самый тот день, когда его видишь, настолько жива и поразительна его красота, не поддающаяся столь продолжительному периоду времени. Ведь обыкновенно людские сооружения испытывают ту же самую судьбу, что и люди, причем они с годами теряют свою прочность, портятся и лишаются своей блестящей внешности. В этом дворце по сей день хоронят мидийских, персидских и парфянских царей и заведование этим зданием поручено иудейскому священнику; так это осталось до нашего времени. Впрочем, в жизни этого человека (Даниила) можно отметить еще целый ряд удивительных и необычайных случаев, о которых я расскажу. Все, что бы с ним ни случилось, было необыкновенно, как и подобает одному из величайших пророков, и, таким образом, он не только при жизни своей удостоился всякого почета от царей и народа, но снискал себе и после смерти вечную славу. Оставленные им после себя сочинения еще и по сей день читаются у нас, и мы приходим на основании их к твердой уверенности, что Даниил был близок к Предвечному. Дело в том, что он не только постоянно предсказывал, подобно всем прочим пророкам, будущее, но и в точности определял время исполнения своих предсказаний; но в то время как другие пророки предсказывали (всегда) худшее и вследствие этого навлекали на себя неудовольствие правителей и народа, Даниил был для них предвещателем добра, так что хорошие предсказания его привлекали к нему всеобщие симпатии; а так как в конце концов предвещения

его всегда сбывались, то он вместе с тем снискал себе в глазах простонародья и славу божественности. Он оставил нам записи, по которым мы можем в точности и вполне определенной форме ознакомиться с его предвещаниями.

Так, напр., он рассказывает, как однажды в бытность свою в персидской столице Сузах он вышел со своими товарищами на равнину и как вдруг затряслась и заколебалась почва у них под ногами, как он остался один в поле, потому что друзья его бежали, и как он в ужасе упал на землю с распростертыми руками. Вдруг кто-то прикоснулся к нему и тотчас велел встать и узреть то, что должно было спустя много поколений постигнуть его сограждан. И вот когда он поднялся с земли, то увидел огромного овна с массой рогов, и один из этих рогов был гораздо выше других. Затем ему было поведено взглянуть на запад, и там он увидел козла, несшегося оттуда на овна, ударившего его дважды рогами, низвергнувшего его на землю и начавшего топтать его ногами. Затем он увидел, как из лба козла вырос крупнейший рог, который раскололся на части и образовал четыре других рога, направленных к четырем странам света.

Из этих рогов, писал далее Даниил, выделился новый, поменьше, который, как сказал пророку Всевышний, показавший ему все это видение, должен был вырасти, пойти войной на его народ, силой взять его город, разрушить храм и остановить принесение жертв в течение тысячи двухсот девяноста шести дней. Это, по словам Даниила, узрел он на равнине близ Суз, а Господь Бог дал ему следующее объяснение указанного видения: овно изображает собой царства персидское и мидийское, рога — будущих царей, крайний рог означает последнего царя, который среди всех прочих отличится богатством и славой. Козел показывает, что из греков выйдет некий правитель, который дважды сразится с персами, победит их и захватит в свои руки всю власть. Под большим рогом на лбу козла следует понимать этого первого царя, а распадение рога на четыре новых, направленных к четырем странам света, знаменует собой деление царства между четырьмя преемниками после смерти первого царя, причем эти преемники будут властвовать над всей землей в течение многих лет, не будучи притом ни сыновьями, ни родственниками своего предшественника.

И вот (наконец) из среды их восстанет некий царь, который покорит себе народ войной, уничтожит его законы и его государственное устройство, разрушит храм и на три года приостановит (все) жертвоприношения.

Все это действительно пришлось испытать нашему народу при Антиохе Эпифане, как то предвидел и письменно предвещал Даниил за много лет вперед.

Точно таким же образом Даниил предсказал и владычество римлян, а также то, что ими будет взят Иерусалим и опустошен храм. Все эти предсказания, полученные им от Господа Бога, он записал и оставил нам, дабы читатели и свидетели событий могли преклониться перед тем, в какой чести был Даниил у Всевышнего, и дабы доказать таким образом заблуждения эпикурейцев, отвергающих предопределение в жизни и уверяющих, будто Господь не заботится о делах мирских, будто Вселенная не управляется верховным и стоящим выше всех превратностей Существом, и говорящих, что Вселенная развивается сама собой, без определенного плана, самостоятельно, без руководителя и направителя. Но кто, таким образом, без указателя стал бы жить, тому пришлось бы разбиться о непредвиденное препятствие и погибнуть навсегда, подобно тому как мы видим, что и корабли, лишенные кормчих, погибают от силы ветров, или как наблюдаем, что колесницы без возниц сбиваются с пути.

Итак, на основании того, что предсказано Даниилом, люди, которые совершенно отвергают промысл Божий в делах человеческих, кажется мне, сильно ошибаются и далеки от истины, ибо если бы все во Вселенной случилось по какому-то слепому случаю, то мы не могли бы убедиться, что все произошло так, как было предсказано Даниилом.

Я, впрочем, записал все это так, как я нашел в книгах и как прочитал там; если же кто-нибудь имеет на этот счет иное мнение, то иметь таковое ему не возбраняется⁴⁴.

КОММЕНТАРИИ

Глава первая

¹ Срв. Herod. II, 141.

² Срв. том I, кн. 1, III, 6.

³ Здесь греческий текст испорчен: *χατά τ. πρ. της πφλιорκίας νύκτα* не дает никакого смысла.

⁴ Это свр. Esarchaddon, предшественник Сарданапала. По ассирийским данным, он правил от 681 до 668 года. На ассирийском языке имя его было Aschur achiddin (т.е. «Ассур подарил брата»).

⁵ Срв. IV кн. Цар. XVIII, 13–36; XIX, 1–37; II кн. Парал. XXXII, 1–4, 20–22 и кн. Исаи, XXXVI, 1–21; XXXVII, 1–38.

Глава вторая

⁶ Ниже, в XI главе этой книги, еще кое-что упоминается о мидийцах.

⁷ В IV кн. Цар. XX, 12 он назван בַּרְאֲדָן בְּלָאֲדָן, тогда как у Исаии XXXIX, 1, он правильно цитирован под именем Merodach Baladan, чему соответствует клинописное Marduk habal iddina, т.е. (бог) «Мардук подарил сына». Подробности о нем см. у Riehm'a, I, с. II, р. 997 и 998, где упоминается также, что Беросс называет его Marodach-Baldan, насколько можно судить по отрывку у Евсевия. Посольство Валадана к Езхии относится к 703 году до Р. Хр.

⁸ Срв. IV кн. Цар. XX, 1–19; II кн. Пар. XXXII, 24 и 31 и кн. Исаии XXXVIII, 1–22 и XXXIX, 1–8.

Глава третья

⁹ Взявший Манассию в плен царь, по всем вероятностям, ассириец Асурбанипал, преемник Асархаддона. Заметка Иосифа, который на основании единственного библейского источника (IV кн. Цар. XXXIII, II), считает этого государя царем вавилонским, объясняется тем обстоятельством, что Манассия соединился с братом Асурбанипала, Самугом, который захватил подчиненный в то время ассирийцам Вавилон и восстал там против брата своего. Очень вероятно, что Асурбанипал велел привезти Манассию не в Ниневию, а в Вавилон, где он сам находился в то время, после покорения города и победы над братом. Все это случилось около 647 года. Срв Riehm, I, с. II, р. 962 и 963.

¹⁰ Срв. данные в IV кн. Цар. XXI, 1–16 и II кн. Парал. XXXIII, 1–11.

Глава четвертая

¹¹ В II кн. Парал. XXXIV, 14, эта книга носит краткое название книги законов Моисеевых. Но на основании того, что Сафан сравнительно быстро мог познакомиться с ее содержанием царя, на которого это содержание, как видно, оказало потрясающее влияние, можно заключить, что мы имеем здесь дело если не со всем Пятикнижием, то с выдающимися частями его, может быть, с Второзаконием, а это побудило некоторых ученых отнести окончательную редакцию V книги Моисеевой к этому времени, т.е. к 20-м годам VII века до Р. Хр. Срв. об этом Riehm, I, с. I, р. 786 и 520.

¹² Здесь греческий текст несколько испорчен, так как после слова «пророк» поставлено еще слово *ἀχίαν*, так что некоторые склонны видеть в этом указание на пророка Ахию или Иадона, на которого указывается выше, кн. VIII, гл. 8, п. 5.

¹³ Срв. IV кн. Цар. XXI, 19–22; XX, 3–20; XXIII; II кн. Парал. XXXIII, 21 – XXXV, 19.

Глава пятая

¹⁴ У LXX толковников этот город назван *Μαγεδδα*, у Геродота (II, 159) *Μαγδαλος*, в Св. Писании (II Парал. XXXV, 12) *מגדל*, так что это либо город Менды в устье Нила, либо (срв. Pauly, Realenc. IV, p. 1364) город в 12 милях южнее Пелузиума.

¹⁵ Срв. II кн. Парал. XXXV, 25.

¹⁶ См. ниже, главу VII.

¹⁷ Находился недалеко от Елефвсрополя. Срв. выше, книг. IX, 5, 1. — Еврейское *מגדל*. Срв. Boettger, l. c. p. 159–160.

¹⁸ Срв. Boettger, l. c. p. 6 и Ritter, Die Sinaihalbinsel, Paläst. u. Syg. II. p. 760 и сл. Вероятно, этот город идентичен с Argama (кн. Суд. IX, 41) и находился вблизи Сихема.

¹⁹ Срв. IV кн. Цар. XXIII, 20–37 и II кн. Парал. XXXV, 20–XXXVI, 5.

Глава шестая

²⁰ Срв. IV кн. Цар. XXIV, 1–7; II кн. Парал. XXXVI, 5–8; Иерем. XXVI, 2; XLVI, 1 и сл.; XXXVI, 1–26; XXII, 18, 19 и кн. Дан. I, 1–4.

Глава седьмая

²¹ Т.е. Навуходносора.

²² Большинство рукописей имеет следующий вариант: «Погрузившись по шею, пророк..., а народ обступил его».

²³ Срв. IV кн. Цар. XXIV, 10–20; XXV, 1–3; II кн. Парал. XXXVI, 9–12; Иерем. XXXVII, 1–15; LII, 1–5; XXXVIII, 4–27.

Глава восьмая

²⁴ Город этот находился на северной границе Вавилонии, в провинции Hamath, у большой дороги из Вавилона в Палестину; остатки этого города сохранились в нынешней деревушке Riblêh, вблизи реки Оронта. — Древние толкователи неправильно отождествляли *מגדל* с Антиохией. Срв. Boettger, l. c. p. 211.

²⁵ Иерем. XLI, 3.

²⁶ Иезек. XII, 13.

²⁷ См. кн. 8, III, 5.

²⁸ Как видно из Иерем. XXII, 3 и сл., XXXVII, 21 и XXXVIII, 13 и 28, Седекия не вернул свободы пророку.

Глава девятая

²⁹ Местность эта ныне совершенно неизвестна. Быть может, мы имеем здесь дело с искажением имени, хотя оно гласит также и в *Epitoma Josephi*.

³⁰ В основу рассказанного легли данные IV кн. Цар. XXV, 22 и Иерем. LII, 16; XL, 1-16; XLI, 1-18; XLII, 1-XLIII, 8.

Глава десятая

³¹ Срв. том I, предисловие автора.

³² В основу рассказанного легли данные кн. Дан. I, 1-20; II, 1-III, 100 и IV, 1-34.

Глава одиннадцатая

³³ О Бероссе т. I, кн. 1, III, 6.

³⁴ Мегасфен, упоминаемый Иосифом также в *Contr. Apion. I*, 20, был посланником Селевка Никатора (умер. в 281 г. до Р. Хр.) к индийскому царю Сандрократу. Тут М. собрал много материалов и составил книгу об Индии, впрочем, до нас не дошедшую и сохранившуюся лишь в отрывках, особенно у Страбона. По этим отрывкам видно, что сочинение Мегасфена состояло лишь из трех книг, так что упоминаемая здесь IV книга, по догадке Müller'a (*Fragmenta hist. graec. II*, 399), должна быть понимаема как вторая. Походы Навуходоносора, приписываемые ему Мегасфеном, чистейший миф. См. *Movers, Die Phönizier II*, p. 454.

³⁵ Так называлась древними вся Африка.

³⁶ Синоним Испании.

³⁷ Это, вероятно, Диокл Пепарефский, греческий историк, живший не позже III века до Р. Хр. Срв. Müller, *Fragment. hist. graec. III*, p. 74.

³⁸ Об этом писателе, кроме сказанного здесь, ничего не известно. Срв. *C. Apion. I*, 20.

³⁹ В греческих сочинениях имя это транскрибируется различно; в II кн. Цар. XXV, 27 и Иерем. LII, 31 оно передано через Эвил-Меродак, а в клинописных ему соответствует имя Авил-Марудук.

⁴⁰ Срв. *Contr. Apion. I*, 20 (стр. 32-34 русск. перев.).

⁴¹ Здесь явное историческое недоразумение. Дарий был преемником Смердиса и правил значительно позже Кира.

⁴² Знаменитые слова *מנה מנה חקל ופרס* отнюдь не греческого, но арамейского происхождения, означая причастные формы соответствующих глагольных корней.

⁴³ Иосиф имеет здесь в виду Киаксара II, сына последнего мидийского царя Астиага. Введение этой мифической личности в исторический род основывается, вероятно, исключительно на смутном воспоминании о том, что власти персов предшествовало владычество мидийское. Имя Астиага было забыто, и вот его заменили очень распространенным персидским именем Дарий. Вавилония никогда не находилась во власти мидян.

⁴⁴ В основу рассказанного в этой главе легли данные IV кн. Цар. XXV, 27-30; кн. Дан. V, I-VI, 28; VIII, 1-26.

Книга одиннадцатая

Содержание:

1. О том, как персидский царь Кир отпустил евреев из Вавилона на родину, позволив им заняться постройкой храма и велел отпустить им нужные для того средства.

2. Как царские чиновники воспрепятствовали евреям окончить сооружение святилища и мешали работам.

3. Как после смерти Кира вступивший на престол сын его Камбиз совершенно запретил евреям строить храм.

4. О том, как Дарий Гистасп, став царем персидским, гуманно относился к народу еврейскому и велел отстроить храм.

5. О том, как после него сын его Ксеркс был расположен к иудеям.

6. О том, как в правление Артаксеркса еврейский народ чуть не погиб от коварства Амана.

7. О притеснениях евреев Вагосом, военачальником Артаксеркса-младшего.

8. О том, какие благодеяния оказал евреям македонский царь Александр после того, как завоевал Иудею.

Содержание книги обнимает период в двести пятьдесят три года и пять месяцев.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. В первый год правления Кира¹ (т.е. в семидесятый со дня выселения нашего народа из родины в Вавилон) Господь Бог сжалился над пленом и страданием тех несчастных, сообразно тому, как Он накануне разрушения города (Иерусалима) предсказал им через Иеремию пророка², а именно, что после семидесятилетнего рабства Навуходоносору и его потомкам Он вернет их назад на родину, а они отстроят храм и будут наслаждаться прежним благополучием. И вот Господь теперь даровал им все это, внушив Киру написать и разослать по всей Азии следующее воззвание: «Так говорит царь Кир: после того как всемогущий Бог даровал мне царствование над всей землей, я убедился, что Он то же самое Божество, которому поклоняется народ израильтян. Он устами пророков предвещал имя мое и объявил, что я отстрою храм Его в Иерусалиме в стране Иудейской».

2. Это Кир узнал при чтении книги, в которой за двести десять лет до этого пророк Исаия оставил свои предвещения. Последний тайно сообщает, что Предвечный сказал: «Сделав Кира царем над многими великими народами, Я желаю, чтобы он вернул народ Мой на его родину и построил Мой храм»³. Это предсказал Исаия за сто сорок лет до уничтожения храма. И вот, когда Кир прочитал это, то преклонился перед Божеством, и необычайное рвение и усердие обуяли его к исполнению предначертанного. Созвав поэтому наиболее выдающихся из вавилонских иудеев, он сообщил им о своем разрешении отправиться им на родину и восстановить там город Иерусалим и храм Господа Бога. К этому царь присовокунил, что помощником в том деле будет им сам Предвечный, он же лично напишет своим начальникам и сатрапам пограничных (с Иудеей) областей, чтобы они доставили евреям необходимое для постройки храма золото и серебро, а также материал для жертвоприношений.

3. После того как Кир возвестил это израильтянам, начальники колен Иудова и Веняминова, равно как левиты и священнослужители, собрались в Иерусалим. При этом многие, не желая бросить свое имущество, остались в Вавилоне. А когда (уехавшие) прибыли (на родину), то все друзья царя стали оказывать им поддержку и доставлять для сооружения храма одни золото, другие серебро, третьи стада скота и лошадей. Тогда прибывшие возблагодарили Господа Бога и принесли издревле установленные жертвоприношения, так как город теперь должен был вновь возникнуть и снова должны были ожить прежние формы культа и богопочитания. Вместе с тем Кир прислал им обратно храмовые сосуды, которые некогда увез с собой Навуходоносор в Вавилон после разгрома храма. Утварь эту царь поручил своему казначею Митридату для доставления (в Иудею), причем поручил ему отдать ее на сохранение Авассару до тех пор, пока не окончится постройка храма, дабы он затем, по окончании сооружения, передал ее священнослужителям и начальникам народа для постановки в храм. Вместе с тем Кир отправил к сирийским сатрапам письмо следующего содержания:

«Царь Кир шлет привет Сисицу и Саравасану. Я позволил тем из живущих в стране моей иудеям, которые того пожелали, вернуться на родину и вновь отстроить город и

соорудить в Иерусалиме храм Божий на том же самом месте, на котором он был раньше. Вместе с тем я отправил (с ними) моего казначея Митридата и начальника над иудеями Зоровавеля, дабы они заложили фундамент храма и соорудили всю постройку, вышиной в 60 локтей и столько же в ширину, сделав три части здания из отесанных камней и одно отделение из дерева⁴, равным образом как и жертвенник, на котором они приносили бы жертвы Господу Богу. Расход на сей предмет я желаю принять на свой счет. Сосуды же, которые (некогда) похитил из храма царь Навуходоносор, я им послал, передав их казначею Митридату и начальнику над иудеями Зоровавелю, дабы они перевезли их в Иерусалим и поместили в храме Господнем. Число же сосудов этих следующее: чаш пятьдесят золотых и пятьсот серебряных, кубков золотых сорок, а серебряных пятьсот, пятьдесят золотых и пятьсот серебряных кадок, тридцать золотых и триста серебряных чаш для возлияний, тридцать золотых и две тысячи четыреста серебряных фиалов и еще тысяча других больших сосудов⁵. Позволяю иудеям вернуться к прежним почитаемым ими обычаям своих предков; пусть они получают на обзаведение скотом, вином и маслом двести пятьдесят тысяч пятьсот драхм и пшеничной муки двадцать тысяч пятьсот артабов⁶. Все эти расходы я повелеваю отнести на счет податей с Самарии. Из этого иерусалимские священнослужители принесут жертвы сообразно законоположениям Моисеевым и при этом будут молить Предвечного о спасении царя и его рода, дабы царство персидское пребывало нерушимым. Всех же, кто ослушается этого повеления или станет противодействовать ему, я повелю распятать, а имущество конфисковать в пользу царской казны».

Таково было содержание (царского) письма; число же вернувшихся в Иерусалим из плена было сорок две тысячи триста шестьдесят⁷ человек⁸.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Пока (иудеи) клали фундамент храма и особенно усердно занимались постройкой последнего, соседние племена, преимущественно же хутейцы⁹, которых царь ассирийский Салманасар вывел из Персии и Мидии и поселил в Самарии, когда

покорил себе народ израильский, стали просить сатрапов и прочих (царских) уполномоченных воспрепятствовать иудеям в восстановлении города и постройке храма. Уполномоченные, будучи подкуплены хутейцами, в угоду последним стали относиться нерадиво и беспечно к сооружению евреями построек. Между тем Киру было некогда думать об этом ввиду того, что он был занят войной; во время же своего похода на массагетов он умер¹⁰. Когда же на царский престол вступил Камбиз, сын Кира, то жители Сирии, Финикии, Амманитиды, Моавитиды и Самарии отправили Камбизу письмо следующего содержания: «Владыка! Рабы твои, Рафим историограф, Семелий книжник и члены сирийского и финикийского суда (шлют тебе привет). Знай, царь, что (некогда) уведенные в Вавилон иудеи прибыли теперь в нашу страну, отстраивают свой отступнический гнусный город с его площадями, сооружают стены и вновь восстанавливают храм. Будь, однако, уверен, что, если они закончат эти постройки, они не станут ни платить податей, ни пожелают повиноваться, но восстанут на царей и предпочтут сами властвовать, чем повиноваться. А так как они очень энергично и усердно принялись за отстройку своего храма, то мы, о царь, решили написать тебе и не упустить случая напомнить тебе, чтобы ты (сам) пересмотрел летописи своих предков. Тут ты найдешь указания на то, что иудеи с их городом изменники и враги (персидских) царей и что по этой именно причине город их теперь разрушен. Вместе с тем мы сочли нужным обратить твое внимание еще на один, несомненно, тебе также неизвестный предмет, а именно, что, когда город таким образом будет вновь отстроен и повсюду окружен стенами, тебе будет отрезан доступ в Келесирию и Финикию».

2. Когда Камбиз прочитал это письмо, то, будучи человеком подлого характера, весь проникся указанным наветом и написал следующий ответ:

«Царь Камбиз — историку Рафиму, Велсему, книжнику Семелию и всем остальным своим подчиненным, живущим в Самарии и Финикии, сообщает следующее: прочитав присланное мне вами письмо, я повелел справиться в летописях моих предков и узнал, что (указанный вами) город искони был враждебен (персидским) царям и что жители его (постоянно) были заняты возмущениями и войнами. Вместе с тем мы уз-

нали, что цари их (иудеев) были могущественны и деспотичны и налагали дань на Келесирию и Финикию. Поэтому я распорядился не разрешать иудеям вновь отстраивать их город, дабы еще более не возросла их постоянно проявлявшаяся по отношению к царям (персидским) ненависть».

По прочтении этого письма Рафим, книжник Семелий и их подчиненные немедленно сели на коней и поспешили в Иерусалим, собрали там большую толпу народа и объявили иудеям запрещение отстраивать город и храм. Таким образом, эти сооружения приостановились вплоть до второго года правления персидского царя Дария, т.е. в течение целых девяти лет. Прощаившись шесть лет и подчинив себе тем временем Египет, Камбиз по возвращении своем умер в Дамаске¹¹.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. После избиения магов¹², овладевших после смерти Камбиза правлением над персами и державших власть в своих руках в течение года, так называемые семь персидских домов¹³ выбрали царем Дария Гистаспа. Еще в бытность свою частным человеком, Дарий дал обет Богу, что если он станет царем, то пошлет в иерусалимский храм все священные сосуды Предвечного, которые еще находились в Вавилоне. Как раз в это время прибыл к Дарию из Иерусалима Зоровавель, который некогда был назначен начальником над пленными иудеями. Дело в том, что Зоровавель издавна был связан дружбой с царем, и благодаря этой дружбе он теперь вместе с двумя другими лицами удостоился чести, которой раньше добивался, а именно стал телохранителем царя¹⁴.

2. В первый же год своего правления Дарий устроил блестящий и крайне торжественный прием всем своим приближенным, своим сородичам, начальникам мидийским, персидским сатрапам, всем наместникам стран от Индии до Эфиопии и управляющим ста двадцати семи сатрапий. Когда все напились до пресыщения и каждый направился к себе домой для отдыха и сна, царь Дарий также отправился спать, но, темного подремав, уже более не мог заснуть; проснувшись и потеряв надежду на дальнейший сон, он вступил в разговор со своими тремя телохранителями. Тут он обещал того из них, который даст ему на его вопросы наиболее правдивые и откры-

венные ответы, наградить следующим образом: разрешить ему посить багряницу, пить из золотых чаш, спать на золотом вытканном ложе, подарить ему золотом украшенную колесницу, чалму из виссона и золотую цепь на шею, а также посадить его на почетное место рядом с собой. «Кроме того, — сказал царь, — он получит титул моего родственника».

Обещав им указанные награды, царь спросил первого, что самое могущественное (на свете) — не вино ли, второго, — не цари ли, третьего — не женщины ли, или не сильнее ли всего этого истина? Предложив им разрешить эту задачу, он снова заснул. Наутро же он пригласил (всех) вельмож, сатрапов и топархов Персии и Мидии и, сев на свое обычное председательское место, повелел каждому из своих телохранителей в присутствии всех высказать его мнение по поводу предложенных им вопросов.

3. Тогда первый телохранитель стал следующим образом описывать силу вина: «Господа, — сказал он, — свидетельствуя могущество вина, я могу сказать, что, по моему мнению, оно превосходит в этом смысле все существующее и притом потому, что оно обманывает и вводит в заблуждение разум пьющих его, равняет царя с сиротой и жалким нищим, побуждает раба к легкому обращению свободнорожденного и уравнивает бедняка с богачом. Вникая в людей, вино изменяет и перерождает их настроения, подавляет печаль людей, впавших в несчастье, дарует забвение неоплатным должникам и вызывает в них убеждение, что они богаче всех прочих, так что они уже и не говорят более о мелочах, но упоминают о талантах и тому подобных приличествующих лишь богачам суммах. Кроме того, оно делает полководцев и царей нечувствительными ни к чему и заставляет их забывать о друзьях и родных. Это же вино вооружает людей против наиболее преданных им друзей и заставляет их относиться к последним как к совершенно чуждым им лицам. Когда же люди протрезвятся и винные пары покинут их за время ночного сна, то они просыпаются в полном неведении того, что они совершили во время своего опьянения. Основываясь на всем сказанном, я нахожу, что вино могущественнее и властнее всего существующего».

4. Когда первый (телохранитель), прославлявший указанным образом мощь вина, закончил свою речь, за ним стал

Раздел земли обетованной

говорить тот, который взялся отстаивать царское могущество. Последнее он характеризовал как наивысшую и наимогущественнейшую силу среди всех, превосходящей интенсивностью силу физическую и интеллектуальную. Вот каким образом он повел свое рассуждение.

Сказав, что над всем доминируют люди, подчиняющие своей воле землю и пользующиеся по своему усмотрению морем, он продолжал: «А над людьми властвуют цари и распоряжаются ими. Поэтому естественно, что кто властвует над наиболее сильным и мощным существом (человеком), тот сам недосыгаем по силе и могуществу. Постоянно слышишь, как они поручают своим подданным ведение войны и подвергают их опасностям; посылая этих подданных в походы на врагов, они не встречают со стороны этих подданных, именно благодаря своему могуществу, ни малейшего отпора в этом. По их мановению сносятся горы, разрушаются стены и башни. Люди по царскому приказанию идут сами на смерть, равно как убивают других, лишь бы не павлечь на себя подо-

зрения в послушании царских повелений. После победы эти же люди доставляют своему царю всю военную добычу. Равным образом и не участвующие в походах, но обрабатывающие землю и вспахивающие ее впоследствии, несмотря на свои труды и перенесение всех тягостей работы, после жатвы и сбора плодов, обязаны доставлять царю подати. Что бы царь ни сказал и ни повелел, все это по необходимости немедленно исполняется. Когда же затем он, вдоволь насытившись и преисполнившись удовольствием, засыпает, его охраняют бодрствующие (за него) стражи, как бы скованные страхом; ибо никто не дерзает покинуть спящего и уйти от него ради своих собственных дел, но остается при нем, считая единственной своей обязанностью — охрану царя. Разве ввиду всего этого царь очевидно не превосходит всех могуществом своим, царь, приказаниям которого повинуются такое множество людей?»

5. Когда смолк и этот оратор, слово перешло к третьему из них, Зоровавелю, и он следующим образом стал объяснять свое мнение насчет (могущества) женщин и истины: «Сильны, конечно, и вино, и царь, которому все повинуются, но могущественнее того и другого женщины. Ведь и царя произвела на свет женщина, равно как и виноградарей, насаждающих лозы, которые дают вино, рожают и вскармливают женщины. Вообще же у нас нет ничего, чего бы мы не привели в связь с женщинами. Они ткнут нам наши одежды, все домашние дела наши поручены их заботливости и наблюдению; поэтому-то мы и не можем отдалиться от женщин; даже если нам удастся заработать множество золота или серебра или добиться каких-нибудь других драгоценных и достойных стремления вещей, мы готовы при виде красивой женщины бросить все это, глазеть на нее и даже готовы отдать все наше состояние, лишь бы наслаждаться красотой ее и назвать ее своей. Мы покидаем отцов и матерей своих и даже вскормившую нас землю и часто предаем забвению наиболее дорогих друзей своих ради женщин, а иногда отдаем за последних даже жизнь свою. Вот по этому-то вы и можете судить о могуществе женщин. Разве мы не приносим и не отдаем охотно нашим владычицам-женщинам всего того, ради чего мы трудились и, когда нужно было, подвергались бедствиям на суше и на море? Ведь я сам однажды видел этого нашего столь могущественного царя получающим побои от своей палачи-

цы Апамы, дочери фавмасийца Равезака; видел, как он терпеливо сносил, что она сняла с его главы диадему и надела ее на себя; видел, как он радовался ее веселости и был омрачаем ее гневом; видел, как он потакал всем внезапным капризам этой женщины; замечал, как он примирялся с ней путем страшнейших личных своих унижений, видя ее разгневанной».

6. Когда же (при этих словах) сатрапы и военачальники переглянулись между собой, Зоровавель стал говорить об истине. «Итак, сказал он, я показал, какова власть женщины. А между тем и они и царь являются все-таки бессильными сравнительно с истиной. Ибо если земля весьма велика, небо высоко, солнце быстроподвижно, то все это движется по воле Господа Бога; Он же справедлив и любит истину, а по этой причине следует и истину считать наиболее могущественным (в мире) началом и притом таким, против которого ничего не может поделаться несправедливость. К тому же в то самое время, как все, обладающее известной силой, является смертным и скоропреходящим, истина остается бессмертной и вечной. Она дает нам не красоту, увядающую с течением времени, не изобилие, пропадающее благодаря какой-либо случайности, но дарует нам все принципы справедливости и законности, отделяя и удаляя от них все несправедливое».

7. Зоровавель таким образом закончил речь свою об истине, и когда толпа собравшихся с восторгом воскликнула, что он говорил лучше всех, так как действительно одна лишь истина обладает несокрушимой и вечной мощью, царь предложил ему просить себе в награду еще чего-нибудь помимо того, что ему уже обещано: ибо, сказал царь, он охотно наградит его за мудрость и за выдающуюся перед всеми другими рассудительность.

«Итак, — продолжал он, — ты будешь восседать рядом со мной и именоваться моим сродником!»

При этих словах царя телохранитель напомнил ему об обете, данном им некогда по поводу вступления на престол, а именно — вновь отстроить Иерусалим, воздвигнуть в нем храм Предвечного и вернуть туда похищенные и привезенные Навуходоносором в Вавилон (священные) сосуды. «В этом и будет заключаться, — сказал он, — та моя просьба, исполнение которой ты мне предложил за выказанную мною мудрость и рассудительность¹⁵».

Самсон убивает льва

8. Царю это понравилось, и он, поднявшись (с трона), обнял Зоровавеля; затем он написал топархам и сатрапам повеление оказывать поддержку Зоровавелю и всем тем, кто захочет вместе с ним отправиться (в Иерусалим) для участия в построении храма. Вместе с тем он поручил своим сирийским и финикийским наместникам распорядиться рубкой кедровых стволов и отправкой их из Ливана в Иерусалим, а также приказал им оказывать Зоровавелю помощь при восстановлении города. При этом царь издал указ, коим даровалась свобода всем пленным иудеям, отправляющимся в Иудею, и запретил своим наместникам и сатрапам взимать с иудеев царскую дань. Вместе с тем он наперед освободил все земли, которые иудеи смогли бы обрабатывать, от каких бы то ни было податей. Кроме того, он повелел идумеянам, самарянам и келесирийцам вернуть иудеям отпятаые у них деревни и вдобавок доставить им еще пятьдесят талантов на сооружение храма. Равным образом он разрешил иудеям приносить установленные жертвы, распорядился дать им всю нужную для

богослужения обстановку, велел на свои личные средства заготовить нужные для первосвященника и иереев облачения, равно как необходимые левитам для прославления Предвечного музыкальные инструменты. Страже городской и храмовой он велел парезать земельные участки, а также отпускать им ежегодно определенное денежное содержание, и распорядился отправить (в город) священные сосуды. Одним словом, Дарий привел в исполнение все то, что до него Кир желал сделать для возвращения иудеев на родину.

9. Достигнув от царя таких результатов, Зоровавель вышел из дворца и, взглянув на небо, стал благодарить Господа Бога за (дарованную ему) мудрость и за ту победу, которой он, благодаря ей, достиг в отношении Дария; «ибо, сказал он, — я никогда не добился бы этого, если бы Ты, Господь, не оказал мне поддержки». Возблагодарив таким образом в присутствии всех Предвечного и присоединив к этому молитву, дабы Господь и впредь являл ему свои милости, Зоровавель отправился в путь, прибыл в Вавилон и объявил своим единоплеменникам радостную весть о распоряжениях царя. Еврейское население, узнав об этом, также вознесло благодарственные молитвы Господу Богу за то, что Он вновь вернул им их отчизну, а затем в течение семи дней предавалось полному широкому веселью, празднуя восстановление и возрождение своего отечества. Затем они выбрали из родных колен первых, которые с женами, детьми и скотом должны были вернуться в Иерусалим. Эти, получив от Дария охрану до Иерусалима, отправились в путь с радостью и весельем, с песнями, под звуки флейт и кимвалов. А за ними с торжеством двинулась и остальная масса иудеев.

10. Таким образом все эти люди покинули (Вавилонию), причем из каждого рода двинулось известное число их. Я, однако, не считаю пужным переименовать здесь все отдельные семьи, дабы не отвлекать внимания читателей от связи событий и не затруднять ему возможности следить за рассказом. Общее число выступивших евреев, свыше двенадцатилетнего возраста, было 4 628 000¹⁶ из колен Иудова и Вепьяминова и семьдесят четыре левита; кроме того, ушло сорок тысяч семьсот сорок две женщины с детьми. Кроме упомянутых, тут было еще сто двадцать восемь певцов из левитов, сто десять привратников и триста девяносто два слу-

жителя. К ним присоединялись еще шестьсот шестьдесят два человека, выдававших себя за евреев, но не бывших в состоянии доказать свое (иудейское) происхождение. Равным образом и из сословия священников пришлось исключить несколько за то, что они взяли себе в жены таких лиц, относительно происхождения которых ни они сами не могли дать нужные указания, равно как таковые не могли быть найдены в родословных таблицах левитов и священников. Таких набралось пятьсот двадцать пять человек. За отправившимися в Иерусалим последовало множество рабов, а именно в количестве 7 337 человек; кроме того, тут же было двести сорок пять арфистов и арфисток. Верблюдов было четыреста тридцать пять, а вьючного скота 5 525.

Предводителями всей указанной толпы являлись сын Са-лафиила, Зоровавель, происходивший из колена Иудова и являвшийся одним из потомков Давида, и Иисус, сын первосвященника Иоседека. Кроме них, народом были избраны в качестве руководителей еще Мардохей и Серевей, т.е. те, которые пожертвовали (на дело) сто мин золотых и пять тысяч серебряных. И вот таким-то образом священнослужители, левиты и часть всего иудейского народа, сколько его было в Вавилоне, переселились в Иерусалим. Остальные же иудеи вернулись на свое прежнее местожительство¹⁷.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. На седьмой месяц после выселения (иудеев) из Вавилона первосвященник Иисус и руководитель (всего дела) Зоровавель разослали приглашения всем без исключения жителям с просьбой прибыть немедленно и безотлагательно в Иерусалим и соорудили затем жертвенник на том самом месте, где он некогда был поставлен, дабы принести на нем сообразно законоположениям Моисеевым Господу Богу установленные жертвы¹⁸. Этим, однако, они отнюдь не снискали себе расположения соседних племен, так как все они относились (к иудеям) неприязненно.

Тем не менее евреи отпраздновали Кущи как раз в положенное на то законодателем время и вновь ввели после этого жертвы всесожжения и так называемые «непрерывные» жертвоприношения¹⁹, субботние и все праздничные жертвы;

поставленные с этой целью священнослужители возносили при этом (установленные) молитвы и стали приносить жертвы с новолуния седьмого месяца. Вместе с тем они приступили и к постройке храма, дав каменщикам и строителям значительные суммы денег, равно как отпустив нужные средства на содержание рабочего скота. При этом сидонянам не представляло никакого затруднения сплавлять из Ливана стволы кедров, связав их в плоты и спустившись на последних в гавань Ионы²⁰. Так некогда повелел еще Кир; в исполнение же приведено это было лишь теперь, по указу Дария.

2. На второй год после возвращения иудеев в Иерусалим, когда они считали второй месяц, было собрано все необходимое для постройки храма. В новолуние этого второго месяца второго года был заложен фундамент и затем было приступлено к дальнейшей постройке, причем во главе всего дела евреи поставили левитов свыше двадцатилетнего возраста, Иисуса с его сыновьями и братьями, а также Зодмиила, брата Иудова, и сына Аминадава с его сыновьями. Благодаря тому, что все, на кого было возложено это поручение, выказывали необыкновенное рвение и заботливость к делу, постройка храма окончилась гораздо скорее, чем первоначально можно было предполагать.

Когда святилище было готово, то священнослужители, одетые в установленное облачение и с трубами в руках, в сопровождении левитов и сыновей Асафовых стали возносить Господу Богу хвалебные песнопения сообразно тому, как это некогда впервые показал Давид. Между тем те священники, левиты и патриархи различных семей, которые еще помнили прежний огромный и драгоценнейшим образом убранный храм, глядя на ныне отстроенный, столь по бедности своей отличавшийся от прежнего, были очень удручены при мысли, насколько далеки от них их бывшее счастье и слава старого храма, и не могли в своей по этому поводу печали воздержаться от жалоб и слез. Народ тем временем радовался настоящему положению вещей и тому обстоятельству, что был, по крайней мере, отстроен хоть какой-нибудь храм; при этом ни одним словом не было упомянуто о прежнем храме, так как народ, по-видимому, не хотел мучиться сравнениями, молча признавая настоящее сооружение менее крупным, чем прежнее. Между тем, звук труб и ликования народа заглу-

шались рыданиями старейшин и священников, в глазах которых настоящий храм значительно уступал разрушенному.

3. Когда же самаряне, бывшие во враждебных отношениях с коленами Иудовым и Веньяминовым, услышали звук труб, то сбежались, чтобы узнать о причине такой шумной радости. Узнав, что иудеи, некогда отправленные в Вавилон в качестве военнопленных, теперь вновь сооружают свой храм, они явились к Зоровавелю, Иисусу и начальнику колен с просьбой поручить и им работу при сооружении храма и дать им возможность участвовать в постройке. «Ведь мы не менее тех (иудеев) почитаем Господа Бога, сказали они, — Его мы почитаем и с тех пор особенно усердно поклоняемся Ему, как царь ассирийский Салманассар привел нас сюда из страны хуфейской и из Мидии»²¹. На эту речь самарян Зоровавель, первосвященник Иисус и начальники колен отвечали, что им принимать участие в постройке (храма) невозможно, ибо именно они (иудеи) получили повеление построить храм, раз еще от Кира, а ныне от Дария, но что они разрешают им молиться в этом храме, буде они того пожелают, в чем единственно и выразится все общение (иудеев) с ними, равно как со всеми прочими людьми, которые вздумали бы прийти в храм на поклонение Предвечному.

4. Услышав это, хуфейцы (так иначе называются самаряне) сильно рассердились, стали уговаривать сирийские племена добиться от сатрапов таким же точно образом, как они то сделали при Кире, а затем и при его преемнике Камбизе, задержки в построении храма и стали сильно интриговать в этом направлении, чтобы затянуть или даже совершенно воспрепятствовать иудеям окончить сооружение храма. Как раз в это время прибыли в Иерусалим епарх Сирии и Финикии, Сисии и Саравазан, с некоторыми другими (саповниками). Они спросили начальников над иудеями, кто им позволил таким образом строить храм, что он скорее походит на крепость, чем на святилище, и почему они окружают город столь мощными портиками и стенами. На это Зоровавель и первосвященник Иисус отвечали, что (евреи) слуги Господа Всевышнего и что сей храм, который воздвиг Предвечному счастливейший и добродетельнейший царь их, стоял тут многие годы. «Затем же, — продолжали они, — когда предки наши оскорбили Предвечного, а вавилонский и халдейский царь Навуходоносор

взял город силой, разрушил его и, разграбив храм, поджег его, а парод увел в плен в Вавилон, преемник его на вавилонском и персидском престоле, Кир, сделал письменное распоряжение об отстройке храма, причем вручил Зоровавелю и казначейнику Митридату все похищенные некогда из святилища Навуходоносором жертвенные приношения и сосуды и поручил названным лицам отвезти всю эту утварь назад в Иерусалим и вновь поместить ее в храм, который должен быть сооружен там. Привести все это в исполнение царь повелел как можно скорее, почему и распорядился послать в Иерусалим Авассара с поручением заняться сооружением святилища. Авассар, получив от Кира письменное полномочие, тотчас же приехал и заложил фундамент здания. С того времени, однако, до сих пор это здание, благодаря проискам враждебных (иудеям) лиц, остается неоконченным. Итак, если вам благоугодно будет и вы считаете это нужным, напишите обо всем этом Дарию, чтобы он мог, справившись в царском архиве, убедиться, что мы рассказали истинную правду».

5. Ввиду этого объяснения Зоровавеля и первосвященника Сисин и его товарищи не решились остановить дальнейшую постройку храма, пока об этом не будет донесено царю Дарию, но вместе с тем немедленно отписали последнему обо всем. Иудеи тем временем сильно пали духом, испугавшись, как бы царь не передумал относительно восстановления Иерусалима и храма. Но в то же самое время среди них находилось двое пророков, Аггей и Захария, которые стали ободрять их уверениями, что иудеям нечего опасаться никаких новых бедствий со стороны персов и что Господь Бог предвещал им это. Поэтому евреи, полагаясь на пророков, неуклонно продолжали свои постройки, не теряя в этом деле ни одного дня.

6. Между тем, самаряне послали Дарию письменное обвинение иудеев в том, что последние укрепляют город и придают храму вид скорее крепости, чем святилища, причем уверяли царя, что эти начинания (иудеев) не принесут ему пользы; для вящего доказательства они указывали вдобавок на письменные распоряжения Камбиза, путем которых последний приостановил постройку храма. Когда Дарий таким образом был самарянами наведен на мысль, что восстановление Иерусалима может быть небезопасным для его власти, да к тому же прочитал еще тем временем доставленные ему донесения Сисина и

его товарищей, он приказал навести справки по всему этому делу в царских архивах. И вот в Экбатапах, в мидийском дворце, была найдена записка следующего содержания:

«В первом году своего царствования царь Кир повелел отстроить иерусалимский храм и воздвигнуть жертвенник, причем здание должно было иметь шестьдесят локтей в высоту и столько же в ширину, три стены из хорошо обтесанных камней, а четвертую деревянную²². Расходы на это сооружение царь приказал покрыть из царской казны. Вместе с тем он предписал возратить иерусалимцам и сосуды, которые некогда похитил Навуходоносор и отвез в Вавилон. Озаботиться приведением всего этого в исполнение было поручено эпарху и начальнику Сирии и Финикии с его подчиненными; вместе с тем им было предписано воздерживаться от активного участия в деле, но способствовать служителям Предвечного, иудеям и их старейшинам, в построении храма. При этом царь распорядился устроить всенародный сбор на задуманное дело и предписал начальникам областей доставить иудеям из доходов подначальных стран нужных для жертвоприношений быков, баранов, овец и козлов, а также муку, масло и вино, равно как все то, что потребуют священнослужители. Евреи же пусть молятся за здоровье царя и персидского народа. Кто же вздумал бы ослушаться этих предписаний, того царь приказал схватить и казнить путем пригвождения к кресту, имущество же его отбирать в царскую казну. Кроме того, царь воззвал к Предвечному, прося Его поражать всякого, кто бы решился воспрепятствовать построению храма, молнией и тем наказывать его за ослушание».

7. Найдя такие данные в архиве Кира, Дарий отписал Сисину и его товарищам следующее: «Царь Дарий посылает привет свой эпарху Сисину, Саравазану и их товарищам. Посылаю вам при сем копию письма, которое я нашел в архиве Кира, и желаю, чтобы все было сделано так, как сказано в том письме. Будьте здоровы». Прочитав это послание и ознакомившись из него со взглядом царя на данное дело, Сисин и его товарищи решили во всем слепо последовать его желаниям. Поэтому они присоединились к старейшинам иудеев и к начальствующим старцам и (вместе с ними) стали руководить священной постройкой. И вот при таком-то большом усердии удалось (наконец) сооружение храма, по пророчеству Агтея

и Захарии, сообразно велению Господа Бога и желанию царей Кира и Дария. Все сооружение было закончено в течение семи лет. В девятом году царствования Дария, двадцать третьего числа двенадцатого месяца, носящего у нас название Адара, а у македонян имя Дистра, священники, левиты и вся остальная масса израильского народа принесли в жертву, в честь возобновления прежнего благосостояния после возвращения из плена и в честь нового освящения храма, сто быков, двести баранов, четыреста овец и двенадцать козлов, сообразно числу колен израильских (ибо столько колен) для отпущения грехов. Сообразно законам Моисеевым, священнослужители и левиты поставили привратников при каждом входе в храм. Это было сделано потому, что иудеи вновь соорудили также некогда окружавшие самый храм пристройки с колоннами.

8. Так как был первый месяц, называющийся у македонян Ксанфиком, а по-нашему Нисаном, и наступал праздник опресноков, то весь народ стал стекаться из деревень в город. Затем народ приступил к празднованию, очистившись предварительно по установленному древнему обычаю вместе с женами и детьми и, принеся в четырнадцатый день того же месяца жертву, именуемую пасхальной, предавался в течение семи дней радостному празднованию. При этом не было пощажено ничего для вящего празднества; все приносили Предвечному жертвы всесожжения и заказывали благодарственные моления с жертвоприношениями за то, что Господь Бог привел их обратно на родину, вернул их к прежним законам и расположил к ним сердце царя персидского. Таким-то образом иудеи, наперерыв друг перед другом стараясь за все эти благодеяния выразить Предвечному свою благодарность обильными жертвоприношениями и усердным Его почитанием, жили в Иерусалиме, введя у себя полуаристократический, полуолигархический строй правления. Дело в том, что во главе их, вплоть до воцарения потомков Асмонея, стояли первосвященники. До своего пленения и удаления (из Палестины) евреи находились под властью царей, начиная с Саула и Давида, в продолжение пятисот двадцати двух лет, шести месяцев и десяти дней. Раньше этих царей ими правили так называемые судьи и правители, и этот род правления сохранялся у них в течение более пятисот лет после смерти Моисея и начальствования Иисуса (Навиша)²³.

9. Таково-то было положение иудеев, освободившихся из плена во времена Кира и Дария. Между тем самаряне причинили иудеям много зла, относясь к ним враждебно и отвратительно, полагаясь на свое богатство и опираясь на родство свое с персами, тем более, что они происходили из страны персидской. Так, напр., они ни за что не хотели платить из своих податей ничего евреям для их жертвоприношений, несмотря на точный указ царя; при этом они ссылались на то, что у них были солидарные с ними и потворствовавшие им в том эпархи. Напротив, жители Самарии не переставали прилагать все возможные усилия к тому, чтобы либо лично, либо через других вредить сколь возможно более иудеям. Тогда, наконец, иерусалимцы решили отправить к царю Дарию посольство с жалобой на самарян; послами явились Зоровавель и еще четверо других начальников.

Когда царь узнал от послов причину их жалоб и обвинения, взведенные ими на самарян, он отправил посольство домой, снабдив его предварительно письмом на имя эпархов Самарии и тамошнего верховного совета. Содержание же данного письма было следующее:

«Царь Дарий — эпархам самарянским, Тангане, Самваве, Садраку, Вавилону и прочим подчиненным их в Самарии. Иудейские посланцы, Зоровавель, Анания и Мардохей, обвинили вас в том, что вы препятствовали им при построении храма и не доставляли им предписанных мною средств для совершения жертвоприношений. Поэтому предписываю вам немедленно по прочтении сего письма доставить им из царского казнохранилища по счету доходов из Самарии все необходимое иудеям для жертвоприношений, согласно требованиям священнослужителей, дабы они не пропускали ни одного дня без жертв и без молитв Предвечному за меня и народ персидский».

Таково было содержание письма.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Тогда умер Дарий и сын его Ксеркс вступил на престол; последний унаследовал (от отца) его благочестие и уважение к Всевышнему. Ксеркс неусыпно следовал отцу своему в богопочитании и был очень расположен к иудеям.

В это самое время первосвященником был сын Иисуса, Иоаким. В самом Вавилоне тогда жил праведный человек, очень высокопочитаемый народом и бывший его первым священником. То был Ездра, отличный знаток Моисеевых законоположений и личный друг царя Ксеркса. Решив вернуться в Иерусалим и взять туда с собой несколько живших в Вавилоне иудеев, Ездра обратился к царю с просьбой выдать ему на имя сирийских сатрапов письмо для удостоверения своей личности. Царь дал ему на имя сатрапов письмо следующего содержания:

«Царь царей Ксеркс приветствует священнослужителя и знатока божественных законов, Ездру. Считаю долгом врожденного мне человеколюбия разрешить возвратиться в Иерусалим тем из еще остающихся в моей столице иудеям, священникам и левитам, которые бы того пожелали, я решил следующее:

Согласно желанию моему и моих советников, пусть всякий желающий (из иудеев) отправляется (в Иерусалим), чтобы там непреклонно управлять Иудеею по законам Предвечного; пусть они возьмут с собой те дары израильскому Богу, которые я и друзья мои дали обет пожертвовать Ему. Равным образом пусть все то серебро и золото, которое было посвящено Господу Богу и еще находится в стране вавилонской, будет доставлено целиком в Иерусалим и употреблено на жертвоприношения Предвечному. Тебе разрешается со своими братьями сделать из серебра и золота все то, что вам вздумается. Те священные сосуды, которые тебе при сем вручаются, ты поставишь (вновь в храме), но вместе с тем тебе позволено соорудить, кроме того, еще все, на твой взгляд, нужное; ты можешь взять необходимые для того денежные средства из царского казнохранилища. Я также дал сирийским и финикийским казначеям повеление озаботиться снабжением всем необходимым священнослужителя и знатока божественных законов Ездры при всех его начинаниях. А для того чтобы Предвечный не имел никакого повода гневаться на меня или на моих потомков, я требую, чтобы в честь Господа Бога было доставлено все, предписанное законом, вплоть до ста коров пшеницы. Вам же еще раз настоятельно напоминаю освободить от всяких налогов, поборов или поставок священнослужителей, левитов, певчих,

привратников, прислужников и писцов храма. Ты же, Ездра, по божьему указанию, назначь сведущих в законах твоих судей, которые могли бы творить суд по всей Сирии и Финикии и обучить этим законам всех тех, которые их еще не знают, дабы всякий твой единоплеменник, который вздумал бы преступить закон Всевышнего или царский, получил должное возмездие по заслугам, а не мог бы отговариваться переводением. Ибо если он сознательно нарушит законы, то он, дерзкий ослушник и человек, презрительно относящийся к постановлениям. Такие люди да будут наказываемы либо смертной казнью, либо денежным взысканием. Будь здоров».

2. Получив это письмо, Ездра очень обрадовался и тотчас же вознес молитву к Предвечному, приписывая только Ему причину расположения к себе царя и желая поэтому одному Ему быть всецело благодарным. Когда же он прочитал это письмо всем жившим в Вавилоне иудеям, то оставил его у себя, а копию с него разослал ко всем единоплеменникам своим в Мидии. Последние, узнав таким путем о благочестии царя и о его расположении к Ездre, все очень обрадовались, а многие из них, собрав свои пожитки, отправились в Вавилон, желая оттуда перебраться в Иерусалим. Большинство израильтян, однако, осталось на месте. Вот чем и объясняется то обстоятельство, что в пределах Азии и Европы лишь два (иудейских) колена подчинены римлянам, тогда как остальные десять колен до сих пор живут по ту сторону Евфрата, представляя из себя многотысячную и прямо неподдающуюся точному подсчету массу народа.

К Ездre примкнуло значительное количество священников, левитов, привратников, певчих и прислужников храмовых. Затем Ездра, переведя всех собравшихся к нему бывших пленных на ту сторону Евфрата, установил там для них трехдневный пост, дабы они предварительно помолились Господу Богу о своем спасении и о том, чтобы им не подвергаться в пути никаким бедствиям и опасностям ни от врагов, ни от каких-либо превратностей. Дело в том, что перед своим выступлением Ездра сказал царю, что Господь Бог охранит их, и поэтому отказался просить у царя копейки охраны.

И вот, по совершении молитвенных обрядов, евреи двинулись от Евфрата на двенадцатый день первого месяца седьмого года правления Ксеркса и прибыли в Иерусалим на

пятый месяц того же года. Тут Ездра немедленно вручил казначеям, принадлежавшим к священническому роду, предназначенные для святилища средства, именно шестьсот пятьдесят талантов серебра, серебряных сосудов на сто талантов, золотых на двадцать и на двенадцать талантов сосудов из такого металла, который дороже золота. Эти средства были подарены царем, его советниками и всеми оставшимися в Вавилоне израильянами. Передав все это священникам, Ездра повелел принести Господу Богу в виде установленных жертв всесожжения двенадцать волов за здоровье всего народа, девяносто баранов, семьдесят две овцы и двенадцать козлов в виде жертв отпущения грехов. Потом он вручил царским чиновникам и эпархам Келесирии и Финикии царское послание. Последние были принуждены исполнить заключающиеся в письме предписания, выражая при этом полное уважение к народу и снабжая его всем ему необходимым.

3. На это-то и сам Ездра рассчитывал, и сообразно с этим ему (все) и удавалось, так как, по моему мнению, Предвечный удостаивал его исполнением всех его желаний за его добропорядочность и любовь к справедливости.

Спустя немного времени к Ездру явились несколько человек, которые стали обвинять некоторых лиц из простонародья, из священников и из левитов в том, что последние нарушили государственные установления и древние законы, взяв себе в жены иностранок и осквернив тем самым (весь) священнический род. При этом обвинители просили Ездру оказать поддержку в деле соблюдения законов, дабы Господь Бог вновь не разгневался на весь народ и не вверг его снова в несчастье. Ездра в великом горе разодрал свои одежды, стал рвать себе волосы на голове и бороду и пал лиц на землю, будучи в полном отчаянии, что повод ко всему этому подают нервные представители народа; а так как он отлично понимал, что если он потребует от них изгнания жеп и родившихся от последних детей, они не послушаются его, то он (в полном отчаянии) оставался на земле. К нему сбегались все благомыслящие, обливаясь слезами и тем выражая свое сочувствие к постигшему его горю. Затем Ездра поднялся с земли, простер руки к небу и воскликнул, что ему совестно глядеть на небо вследствие греховности народа, который совершенно забыл все постигшее предков за их

беззакония. Вместе с тем он стал умолять Предвечного, спасшего горсть евреев от постигшей их гибели и от плена, вновь вернувшего их в Иерусалим и на родину и вселившего в сердце царей персидских жалость к ним, простить им и эти их прегрешения и не взыскивать с них, хотя они своими поступками и заслужили смерть; ведь у Господа Бога довольно милости, чтобы не подвергать даже таких людей (заслуженному) наказанию.

4. Так закончил он свою молитву. Все те, которые явились к нему с женами и детьми, обливались слезами. Некий же Ахоний, один из первых граждан иерусалимских, подошел к нему и заявил, что так как они согрешили, живя с чужеземцами, он теперь клянется, что все они изгонят жен и родившихся от них детей, и просил его подвергнуть наказанию тех, кто ослушается закона. Убежденный этими уверениями, Ездра, сообразно совету Ахония, взял клятву от начальников над священниками, левитами и прочими израильтянами в том, что они удалят от себя жен и детей своих. Приняв это клятвенное обещание, он тотчас удалился из храма в помещение²⁴ Иоанна, сына Елиасина, и пробыл там целый день, с горя вовсе не прикасаясь к пище.

Затем им было издано распоряжение, в силу которого все возвратившиеся из плена приглашались собраться в Иерусалиме, причем все те, которые в течение двух или трех дней не явились бы, исключались из списков народа, а имущество их, по постановлению старейшин, секвестровалось в пользу храма. Ввиду этого (в город) собрались в течение трех дней представители колена Иудова и Веняминова; так пастушил двадцатый день девятого месяца, посвящего у евреев название Кислева²⁵, а у македонян — Апеллея. И вот, когда во дворе храма сел народ вместе со своими старейшинами и, безмолвствуя от волнения, ожидал, что будет, тогда поднялся Ездра и стал обвинять евреев в нарушении закона, потому что они взяли себе жен не из числа единоплеменниц своих. Нынче же, продолжал он, они смогут совершить богоугодное дело, правда, очень тяжелое для них самих, а именно — отослать жен обратно на их родину. Все громко выразили свое согласие сделать это, но прибавили, что сделать это не так легко, потому что народу много, время года зимнее и дело это таково, что его не исполнишь в день или в два.

«Однако, — решило собрание, — пусть виновники всех этих передряг и те, кто живет с иностранками, объявятся для получения известной отсрочки и назначат каких угодно старейшин, на обязанности которых будет лежать следить за выполнением обязательства со стороны давших его». Так и было решено поступить. Когда же с новолуния десятого месяца стали разыскивать тех, кто жил с иностранками (эти поиски продолжались до новолуния следующего месяца), то нашлись многие из потомков первосвященника Иисуса, многие священнослужители, левиты и прочие израильтяне, которые, ставя соблюдение законов выше любви к близким людям, немедленно удалили от себя как жен, так и родившихся от них детей, и принесением Господу Богу в жертву баранов постарались вновь списать Его расположение. Назвать здесь всех их поименно я не считаю необходимым. Искушив таким образом грех относительно вышеупомянутых браков, Ездра сделал новые на этот счет постановления, дабы на будущее время не было повторения старых ошибок²⁶.

5. Когда на седьмой месяц наступил праздник Кущей и почти весь народ собрался на это празднество, то все вошли в верхний этаж храма вблизи восточных ворот и просили Ездру прочитать им законы Моисеевы. Ездра стал среди народа и начал читать; употребил он на это все время от утра до полудня. Народ же, внимая чтению законов, узнал, чего ему держаться, дабы теперь впредь быть справедливым, при этом люди очень опечалились, вспомнив все прошлое, и дошли даже до слез при мысли о том, что они не испытали бы никаких прежних своих бедствий, если бы соблюдали закон.

Когда Ездра увидел такое их настроение, то повелел им разойтись и более не плакать, ибо был праздник, в который печаль неуместна и не дозволена. Напротив, он стал побуждать их предаваться радости, соответственным образом как следует отнестись к празднику и соединить с раскаянием и печалью о совершенных прегрешениях также полную готовность остерегаться впадения в подобные прежним ошибки. Ввиду такого увещевания Едры народ приступил к празднованию и, проведя восемь дней в кущах, вернулся затем с славословием Предвечному домой, чувствуя живую благодарность к Едре за то, что он исправил все совершенные ими нарушения законов.

Ездра затем умер в преклонном возрасте, списав себе великое уважение в глазах народа, и был при большом стечении последнего погребен в Иерусалиме. А так как около того же самого времени умер также и первосвященник Иоаким, то преемником последнего стал его сын Елиасив.

6. Один из оставшихся в плену евреев, некий Неемия, виночерпий царя Ксеркса, однажды прогуливался перед воротами персидской столицы Суз и заметил нескольких чужеземцев, которые, видимо, возвращались из дальнего путешествия и разговаривали между собой по-еврейски. Подойдя к ним, Неемия спросил их, откуда они. А когда те ответили, что пришли из Иудеи, то он продолжал дальше расспрашивать их о житье-бытье тамошнего населения и о том, в каком положении находится (теперь) главный город страны, Иерусалим. На это путники отвечали, что дела там вообще плохи, так как стены города сровнены с землей, а окрестные племена сильно обижают иудеев, потому что днем они носятся по стране и предают все разграблению, а ночью позволяют себе такие насилия, что множество сельского населения, да и самих жителей Иерусалима уведено ими в плен, днем же дороги полны трупами. Тогда Неемию обуяло сострадание к бедственному положению своих единоплеменников, он заплакал и, подняв очи к небу, воскликнул: «Доколе, Господи, будешь Ты (безучастно) взирать на страдания нашего народа, который, таким образом, стал добычей и игрушкой всех?»

И вот, пока Неемия находился еще у ворот, погруженный в свои мрачные думы о всем слышанном, к нему пришли с известием, что царь уже собирается сесть за стол. Тогда Неемия поспешил так скоро, как только мог, к царю, чтобы исполнить при нем свои обязанности виночерпия, и даже забыл при этом совершить омовение. Когда после обеда царь развеселился и расположение духа его стало значительно лучше, он взглянул на Неемию и, видя его таким мрачным, спросил его, чем тот так подавлен. Тогда Неемия мысленно обратился к Господу Богу с молитвой явить ему милость и подсказать, что ему следует говорить, и ответил: «Царь, как мне не казаться таким (мрачным) и как не печалиться мне в душе, когда я слышу, что в Иерусалиме, на родине моей, где находятся могилы и надгробные камни моих предков, стены сровнены с землей? Умоляю тебя, окажи мне

милость и разреши мне отправиться туда, дабы восстановить стены и окончить постройку святилища».

Царь согласился оказать ему эту милость и повелел отправить к сатрапам грамоты, чтобы последние оказывали ему всевозможный почет и доставляли ему, по его желанию, все нужное. «А теперь, — сказал он, — прекрати печаловаться и весело продолжай служить мне остальное время своего здесь пребывания». Тогда Неемия возблагодарил Господа Бога и царя за милостивое обещание, и в радости от всего возвещенного ему удрученное и омраченное лицо его опять прояснилось. На следующий же день царь велел позвать Неемию и дал ему к наместнику Сирии, Фиикии и Самарии, Адею, письмо, в котором сделал нужные распоряжения относительно почестей, долженствующих быть оказанными Неемии, и касательно доставления последнему всех материалов для постройки.

7. Достигнув Вавилона и приняв там к себе множество единоплеменников, пожелавших добровольно последовать за ним, Неемия прибыл затем в Иерусалим на двадцать пятом году правления Ксеркса. Тут он с Божьей помощью передал свои письма Адею и прочим наместникам, а затем, созвав весь народ в Иерусалим, стал посреди храма и обратился к собравшимся со следующими словами. «Мужи иудейские! Вы знаете, что Господь Бог все еще помнит о праотцах наших, Аврааме, Исааке и Иакове, и вследствие праведности их не покидает Своей о нас заботливости. Он, несомненно, содействовал мне при получении от царя разрешения на восстановление стены нашей и на окончание постройки храма. Так как вам отлично известно враждебное к нам отношение окрестных племен, которые, при известии об оказанной нам в деле постройки поддержки, восстанут против этой постройки и приложат все усилия, чтобы воспрепятствовать ей, то мне хотелось бы, чтобы вы уновали первым долгом на Предвечного при отражении их нападений; вы также не должны ни днем, ни ночью не покидать дела своей постройки, но торопиться ею со всем своим усердием, потому что теперь наступил благоприятный для этого момент».

Сказав это, он немедленно повелел старейшинам измерить землю под стены и распределил работу между народом по селам и деревням, соответственно силам каждого. Обещав затем и лично со своими домашними принять участие в

этой постройке, он распустил собрание. Потом принялись за дело и (все прочие) иудеи. Это имя свое они стали носить с того дня, как они вышли из Вавилона, взяв его от колена Иудова, которое первое прибыло в ту местность, откуда как народ, так и самая страна получили свое название.

8. Узнав об ускорении постройки стен, амманитяне, моавитяне, самаряне и все кочевники Келесирии отнеслись к этому крайне несочувственно и не переставали строить иудеям козни, мешая осуществлению их предприятия. При этом они убили множество иудеев и пытались умертвить самого Немию, наняв с этой целью нескольких чужеземцев. Таким путем они нагнали страх и смятение на иудеев, причем распространили среди последних еще молву о готовящемся будто бы на них совместном походе целого ряда племен. Вследствие этого иудеи на некоторое время оставили свою постройку. Однако все это не ослабило энергии Неемии в предпринятом им деле. Он окружил себя, в видах личной безопасности, отрядом (телохранителей) и неизменно пребывал в своем усердии, не обращая ни малейшего внимания на все эти невзгоды ввиду воодушевления своего к начатому делу. Однако он относился столь внимательно и предупредительно к своей личной безопасности не потому, что боялся смерти, но вследствие глубокого убеждения, что с его смертью граждане уже более не примутся за восстановление (городских) стен. Поэтому он распорядился, чтобы работавшие были всегда вооружены. Таким образом, всякий каменщик имел при себе меч, равно как и всякий подвозивший бревна. При этом Неемия повелел, чтобы вблизи них были положены щиты, а также расставил на расстоянии пятисот футов друг от друга трубачей с повелением немедленно дать знать народу, если бы показались враги, дабы последним пришлось вступить в бой с людьми вооруженными, а не падали бы на безоружных. Сам он по почам обходил город, невзирая на свое утомление от трудов, от сурового образа жизни и от недостатка сна; теперь он питался и спал лишь постольку, поскольку это было крайне необходимо. Такие труды нес он в течение целых двух лет и четырех месяцев, ибо в такой промежуток времени была выстроена иерусалимская стена, а именно — закончена она была на девятый месяц двадцать восьмого года царствования Ксеркса. Когда же

постройка стены пришла к концу, Неемия и весь народ с ним принесли Предвечному благодарственную жертву и в течение восьми дней предавались веселью.

Когда населявшие Сирию племена слышали, что постройка стен приходит к концу, они очень взволновались. Тогда Неемия, видя, что в городе население слишком незначительно, предложил священнослужителям и левитам покинуть страну и, перебравшись в город, остаться здесь на постоянное жительство, причем построил им жилища на свои собственные средства.

Народу же, занимавшемуся земледелием, он повелел доставлять в Иерусалим десятину от плодов своих, чтобы священники и левиты имели достаточно средств к жизни и не пренебрегали богопочитанием. Народ, в свою очередь, охотно повиновался предписаниям Неемии. Таким образом, и Иерусалим стал населеннее.

Заслужив себе общую любовь еще целым рядом других похвальных мероприятий, Неемия достиг преклонных лет и умер. То был отличного нрава справедливый человек, отличавшийся необыкновенной любовью к своим единоплеменникам и оставивший после себя вечный памятник в виде стен иерусалимских²⁷.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Все это произошло при царе Ксерксе²⁸. Когда же Ксеркс умер, то царство перешло к его сыну Асвиру, которого греки называют Артаксерксом. В его правление над персами весь народ иудейский подвергся опасности погибнуть с женами и детьми. О причине этого мы сейчас расскажем. Дело в том, что сперва мне надлежит сообщить о делах царя, а затем уже о том, как он женился на еврейке из царского рода, которая, по преданию, и спасла наш народ.

Вступив на престол и назначив правителей в свои сто двадцать семь сатрапий от Инда до Эфиопии, Артаксеркс на третьем году своего правления пригласил к себе однажды своих друзей, представителей персидских племен и их начальников и устроил им столь блестящее угощение, какое подобало царю, желавшему выставить напоказ все свое богатство. Это пиршество длилось сто восемьдесят дней. Затем он в

течение семи дней увеселял отдельные племена и их посланцев в Сузах. Пир происходил следующим образом.

Велев соорудить шатер на золотых и серебряных столбах, царь распорядился покрыть его льняными пурпуровыми тканями. Шатер был таких размеров, что в нем могло расположиться много тысяч человек. Гости пользовались золотыми чарками, усыпанными драгоценными камнями, и из них было так же приятно пить, как и приятно смотреть на них. Вместе с тем он запретил служителям беспрерывно подносить гостям вино и тем самым принуждать их пить, как то обыкновенно принято у персов, но предоставил каждому из возлежащих за пиром свободный, по его вкусу, выбор. Вместе с тем царь разослал по всей стране распоряжение прекратить все работы и в течение целого ряда дней праздновать его вступление на царство.

Равным образом и царица Васты, в свою очередь, устроила во дворце пиршество для женщин. Вдруг царь, желая показать царицу гостям своим и доказать, что она превосходит красотой своей всех женщин, послал за ней и приказал ей явиться к нему на пир. Царица же, соблюдая персидские законы, в силу которых женщинам не дозволено показываться посторонним, не пошла к царю и, несмотря на то, что последний несколько раз посылал за ней евнухов, тем не менее упорно отказывалась предстать перед царем. Тогда царь в сильном гневе распустил гостей, поднялся со своего места и приказал призвать тех семерых персов, которым поручено истолкование законов. Когда они затем явились, он обвинил перед ними жену свою и объявил, что она ослушалась его, ибо, будучи неоднократно приглашаема им на пир, ни разу не повиновалась ему. Ввиду этого он потребовал (от законоведов) указать ему, какой закон они думают применить к ней. И вот тогда один из законоведов, некий Мухей, заявил, что оскорбление тут нанесено не одному ему (Артаксерксу), но и всем персам, которым отныне, вследствие презрительного к ним отношения жен их, угрожает опасность влачить крайне позорную жизнь («ибо ныне не будут обращать внимание на мужа, видя такой пример царицы по отношению к тебе, верховному властелину над всеми»), а поэтому он предложил применить к ее проступку высшее наказание и объявить это постановление касательно царицы

всему народу. Именно — было решено изгнать Васти и возвести в ее сан другую женщину.

2. Однако царь был очень расположен к Васти и не хотел примириться с мыслью о разводе, но он и не мог, ввиду закона, переменить свое решение и потому впал в печаль по поводу им самим вызванного постановления, отменить которое было уже невозможно. Видя его в таком подавленном настроении, друзья царя посоветовали ему выбросить из головы совершенно теперь бесполезное воспоминание о любви своей к этой женщине, разослать по всей земле людей искать красивых девушек и из последних выбрать наилучшую себе в жены. Они указывали при этом на то, что лишь замена прежней царицы новой утешит страсть его к первой и что он вскоре перенесет все свое чувство на новую супругу, забыв о Васти. Царь послушался этого совета и приказал нескольким лицам выбрать наиболее красивых девушек во всем царстве и представить их ему. И вот, когда было набрано уже много девиц, нашлась в Вавилоне еще одна, очень рано лишившаяся отца и матери и воспитывавшаяся у своего дяди Мардохея. Этот Мардохей принадлежал к колену Вепьяминову, происходя из одного из лучших иудейских семейств. Эсфирь (так звали девушку) отличалась необычайной красотой и этим всегда останавливала на себе взгляды всех видевших ее. Ее передали на попечение одному из евнухов; она пользовалась полнейшей его заботливостью и была снабжена в изобилии лучшими косметиками и самыми драгоценными благовониями для ухода за своим телом. Такими же попечениями пользовались в течение шести месяцев и все остальные девушки, числом четыреста. Когда же евнух счел указанное время достаточным в смысле ухода за девушками и полагал, что они уже могут удостоиться царского ложа, он ежедневно стал посылать царю по одной для сожительства. Но царь, лишь только сходил с ней, тотчас отсылал ее обратно. Когда же царю была доставлена Эсфирь, она поправила его, и он полюбил эту девушку так сильно, что сделал ее своей законной женой и отпраздновал свою с ней свадьбу на двенадцатый месяц седьмого года своего царствования, а именно в месяце Адаре. Он разослал ко всему народу конных глашатаев с предложением принять участие в свадебном торжестве его. Когда Эсфирь вошла во дворец, Артаксеркс возложил ей на голову диаде-

му. Таким образом, Эсфирь стала его женой и жила с ним, но не объявляла ему, к какому племени она принадлежит.

Затем и дядя ее перебрался из Вавилона в персидский город Сузы и поселился тут. Ежедневно он наведывался во дворец и узнавал о времяпрепровождении девушки, потому что любил ее как родную дочь свою.

3. Между тем, царь издал распоряжение, в силу которого никто из его приближенных не смел без особого разрешения являться к нему, когда он восседал на троне. Ввиду этого вокруг его трона были поставлены вооруженные секирами люди, которым было вменено в обязанность карать всякого, кто без зова являлся бы к царскому престолу. Сам царь, однако, восседал, держа в руке золотой скипетр, который он простирает в сторону того, кого он желал помиловать, если бы тот приблизился к нему без приглашения. Всякий, к кому таким образом прикасался царь, был уже вне опасности.

Однако пока об этом довольноно.

4. Когда некоторое время спустя внухи Вагафой и Феодест составили против царя заговор, то слуга одного из них, Варнаваз, родом иудей, узнав о заговоре, сообщил об этом дяде царицы. Мардохей же при посредстве Эсфири известил царя о заговорщиках. Царь пришел в сильное смущение и скоро разузнал всю истину. Затем он приговорил евнухов к смертной казни через пригвождение к кресту, а Мардохею, виновнику своего спасения, не дал в награду ничего; он велел лишь своим секретарям внести имя его в летописи, а самому ему приказал остаться при дворце в качестве весьма необходимого и преданного царю человека.

5. В то время все чужестранцы и персы по распоряжению самого Артаксеркса обязаны были падать ниц перед амалекитянином Аманом, сыном Амадафа, когда тот являлся к царю.

И вот когда Мардохей по своей мудрости и ввиду запрещения своего закона не стал падать ниц перед человеком, Аман обратил на него свое особенное внимание и стал узнавать, откуда он. Когда же Аману доложили, что Мардохей — иудей, он разгневался и стал недоумевать, почему Мардохей, будучи рабом, не считает нужным поклоняться ему, тогда как это делают же свободнорожденные персы. Поэтому, желая ему отомстить и считая исходатайствование от царя наказания

одного лишь Мардохея слишком недостаточным, Аман решил уничтожить весь народ его, тем более что он искони питал вражду к иудеям за то, что ими некогда было истреблено племя амалекитян, к которому принадлежал он сам.

Ввиду всего этого он отправился к царю и обратился к нему с жалобой, указывая ему на распространение в его царственных владениях некоего гнусного народа, который держится особняком, не входит в общение с прочими жителями страны, имеет различное от прочих богопочитание и пользуется другими законами. «Это племя, — сказал Аман, — как по своим взглядам, так и по своему образу жизни враждебно твоему народу, да и всем людям. Если ты желаешь оказать своим подданным истинное благодеяние, то прикажи с корнем уничтожить это племя, дабы и следа его не оставалось, ни в качестве рабов, ни военнопленных». А для того чтобы царь не лишился получаемых с евреев в виде налогов денег, Аман обещал выплатить ему, по его требованию, сорок тысяч талантов серебра из собственных своих средств. Деньги эти, прибавил Аман, он охотно готов заплатить, лишь бы избавить царство от этих негодяев.

6. В ответ на это предложение Амана царь отказался от его денег и предоставил ему поступить с евреями по личному его усмотрению. Тогда Аман, добившись своего, немедленно разослал якобы от имени царя ко всем народам царства распоряжение следующего содержания:

«Великий царь Артаксеркс, правящий землями от пределов Индии до границ Эфиопии, повелевает сатрапам ста двадцати семи своих сатрапий следующее: став правителем множества народов и овладев сообразно своему желанию землей, причем я отнюдь не злоупотреблял своей властью для стеснения или обиды моих подданных, но всегда выказывал себя государем мягким и общедоступным, я, заботясь о том, чтобы среди подданных моих царили мир и законность, всегда старался найти средства, как бы навеки закрепить за этими подданными указанные блага. Но так как Аман, по доброжелательству и справедливости своим занимающий в моем сердце первое место и являющийся, благодаря своей мне верности и постоянному ко мне благожелательству, вторым после меня человеком в стране, в заботливости своей указал мне на то, что повсюду в стране среди прочего населения живет

злонамеренный и подчиняющийся лишь своим собственным законам народ, который не повинуется царям, не принимает наших обычаев, ненавидит единодержавие и вообще относится крайне враждебно ко всем нашим начинаниям, то сим я повелеваю всех этих указанных мне вторым отцом моим, Аманом, людей перебить с их женами и детьми без всякой пощады, дабы никто, движимый состраданием, не осмелился послушаться сего моего письменного указа. Я желаю, чтобы указанное истребление (евреев) совершилось в четырнадцатый день двенадцатого месяца текущего года и чтобы мы, повсюду подвергнув в один день поголовному истреблению врагов наших, впредь могли жить мирно и спокойно».

Когда этот указ прибыл во все города страны, все (персы) очень обрадовались предстоявшей в указанный день резне среди евреев. В Сузах уже заранее распределялись жертвы. Между тем царь с Аманом предавались веселым попойкам, а городское население находилось в крайнем возбуждении.

7. Когда Мардохей узнал о случившемся, он разорвал на себе одежду, облачился во вретиче, посыпал главу свою пеплом и побежал по городу с воплем, что губят ни в чем не повинный народ. Так добрался он до царского дворца и здесь остановился, потому что в таком виде ему нельзя было войти туда. То же самое делали все иудеи во всех прочих городах, где был получен злополучный указ. Со слезами и воплями они жаловались на постановленное относительно их решение.

Когда кто-то сообщил царице, что Мардохей стоит перед воротами в таком жалком виде, то она, испугавшись лишних разговоров, выслала к нему нескольких людей с другим платьем. Однако Мардохея нельзя было уговорить снять с себя вретиче, ибо, сказал он, не кончилось еще бедствие, бывшее для него поводом к такому облачению. Тогда царица позвала евнуха своего Ахрафея, который как раз случился тут при ней, и послала его к Мардохею с расспросом, какая беда постигла его, что он явился к ней в таком одеянии и не снимает его даже по ее предложению. Мардохей указал евнуху, как на причину всего, на разосланный по всей стране царем указ относительно иудеев и на деньги, путем обещания которых Аман купил себе у царя распоряжение об истреблении всего иудейского племени. Вместе с тем Мардохей передал ему копию вывешенного в

Сузах указа для Эсфири и поручил ему передать ей, что он просит ее ходатайствовать по данному делу перед царем и не стыдиться ради спасения своего народа явиться перед царем в виде просительницы, ибо только таким путем она сможет отвратить грозящую иудеям гибель, на которых царь разгневался вследствие обвинения их со стороны Амана, занимающего в государстве второе место после самого царя. Узнав об этом, Эсфирь снова послала сказать Мардохею, что ее (давно уже) не призывали к царю и что всякий, входящий к повелителю без приглашения с его стороны, подвергается смертной казни, исключая того случая, когда царь, имея в виду помиловать его, протянет по направлению к нему свой жезл. Только тот, с которым, если он вошел к нему без зова, царь поступит так, не подвергается казни, но получает помилование.

Когда евнух этот ответ Эсфири сообщил Мардохею, последний просил его передать ей, чтобы она не столько заботилась о личной своей безопасности, сколько об общем благе народа. Если она теперь оставит этот народ без поддержки, то помощь ему, во всяком случае, придет от Господа Бога, сама же она со всем домом своим погибнет от руки тех, кем она пренебрегла. Тогда Эсфирь поручила Мардохею через того же служителя вернуться в Сузы и, собрав тамошних иудеев на сходку, предложить им наложить на себя трехдневный строгий пост за нее; сама она обещала сделать то же самое вместе со своими прислужницами и затем прямо, вопреки закону, отправиться к царю, хотя бы ей и пришлось поплатиться за это жизнью.

8. Сообразно поручению Эсфири, Мардохей побудил народ наложить на себя пост и вместе с народом стал молить Предвечного не допустить ныне угрожающей Его племени гибели, но, подобно тому как Он и раньше неоднократно заботился об этом народе и прощал ему его прегрешения, и ныне избавить его от грозящей ему беды. Ведь народу теперь приходится погибать совершенно безвинно, так как известно, что вся причина гнева Амана заключается в том, что он, Мардохей, не поклонился ему и не воздал Аману почести, которую он привык воздавать одному только Предвечному. На это-то Аман и рассердился и постановил решение против тех, кто в данном случае вовсе не преступил божеских законов.

Такие же точно молитвы возносил к Господу Богу и весь народ, умоляя Его озаботиться спасением и избавлением от надвигающейся на всех в стране израильтян гибели, которую они уже видели воочию и быстрое приближение которой отлично сознавали. Равным образом Эсфирь умоляла Господа Бога, пав, по обычаю своих предков, ниц наземь, облачившись в траурную одежду и в течение трех дней воздерживаясь от пищи, питья и всяких развлечений. Она просила Предвечного сжалиться над ней и даровать ей, когда она предстанет перед царем и начнет упрашивать его, убедительность речи, а телу ее еще большую прелесть, дабы этими двумя средствами она смогла умерить гнев царя, когда она предстанет перед ним, и смогла бы спасти своих единоплеменников, уже стоящих на краю гибели. Вместе с тем она молила Бога вселить царю ненависть против врагов еврейских, которые, если бы евреи были покинуты Предвечным, добились бы грозящей теперь иудеям гибели.

9. После такой трехдневной молитвы к Господу Богу Эсфирь сняла с себя траурное одеяние и надела другой наряд, украсившись как подобало царице. Затем она в сопровождении двух прислужниц, на одну из которых она слегка опиралась, причем другая несла за ней влачившийся по земле шлейф ее платья, пошла к царю, причем по лицу ее разлился густой румянец и вся она сверкала необычайно величавой красотой. С трепетом вошла Эсфирь к царю, который как раз восседал на своем троне. Когда она предстала перед лицом царя, бывшего в своем царственном облачении, которое представляло пеструю одежду, затканную золотом и украшенную драгоценными камнями, то он ей показался грознее обыкновенного. Когда же она взглянула на него и, увидев устремленный на нее взгляд его, заметила, что лицо его омрачилось и на нем вспыхнул румянец гнева, она от страха лишилась чувств и безмолвно пала в объятия своих прислужниц. Однако царь, вероятно, по решению Предвечного, вдруг совершенно преобразился и, боясь, как бы не случилось какой-нибудь беды с его женой вследствие обуявшего ее страха, сошел со своего трона и, заключив ее в объятия, стал ласкать и нежно уговаривать ее бросить страх и не бояться, что она пришла к нему без приглашения. При этом он сказал, что соответствующее распоряжение сделано им лишь относительно подчиненных и

что Эсфирь, как полноправная с ним царица, может ничего не бояться. С этими словами он вложил в ее руку скипетр, сообразно закону предварительно прикоснувшись им к ее шее, чтобы избавить Эсфирь от всякого сомнения. Эсфирь же, придя в себя от всего случившегося, сказала: «Владыка! Я нелегко смогу объяснить тебе причину столь внезапно постигшего меня припадка. Когда я узрела тебя столь величественным, прекрасным и вместе с тем грозным, у меня сразу захватило дух и я чуть не лишилась жизни». Так как царица выговаривала все это с трудом и крайне слабым голосом, самого царя обуяли страх и смятение; поэтому он стал уговаривать Эсфирь успокоиться и не бояться ничего, так как, если бы она захотела, он готов уступить ей даже половину своего царства. Тогда Эсфирь пригласила его вместе с его другом Аманом пожаловать к ней на обед, который она для них приготовила. Царь принял это приглашение и явился к ней (с Аманом). Во время здравицы он предложил Эсфире высказать ему свое желание, причем присовокупил, что он не пожалеет для нее ничего, даже если бы она запросила половины его царства. Эсфирь же обещала высказать ему свое желание на следующий день, когда он снова придет к ней обедать с Аманом.

10. Царь обещал прийти, Аман же ушел, преисполненный радости, что он один удостоивается чести принимать участие в царском обеде у Эсфири, чести, которой никто еще из царских приближенных пока не удостоивался. Однако ему пришлось вновь разгневаться, когда увидел на дворе Мардохея: последний при виде его опять ему не поклонился. Придя к себе домой, Аман призвал жену свою Зарадзу и своих друзей, и когда те явились, рассказал им о чести, которой он удостоивается не только у царя, но и у царицы, он-де сегодня обедал у нее один с царем, а также получил приглашение и на завтрашний день. При этом он присовокупил, что, однако, все это не может радовать его, пока он видит во дворе (дворца) иудея Мардохея. На это жена Амана, Зарадза, посоветовала ему распорядиться срубить дерево в пятьдесят локтей вышины и на следующий день добиться разрешения царя повесить на этом дереве Мардохея. Аману этот совет понравился, и он приказал своим слугам выбрать и поставить такую виселицу во дворе для казни Мардохея. Это вскоре было исполнено. Предвечный, однако, посмеялся над гнусны-

ми расчетами Амана и, зная то, что должно было случиться, с удовольствием ожидал ближайшего события. Дело в том, что Господь Бог в эту ночь лишил царя сна. Царь не желал празднично проводить время своей бессонницы, но чем-нибудь развеяться, помимо общества с царицей, и поэтому, повелел позвать своего секретаря, он поручил ему громко читать летописные данные о своих предшественниках на престоле и о деяниях своего собственного царствования. Когда явился секретарь и началось чтение, то царь услышал о некоем человеке, который за доблестное деяние получил в награду управление целой областью, имя которой тут же было прописано; затем, после того как было упомянуто о другом человеке, также получившем награду за (выказанную царю) верность, царь дошел до повествования о слугах царских, Вагафое и Феодесте, устроивших заговор против него, о чем донес Мардохей. Когда секретарь упомянул об этом без дальнейших подробностей и хотел затем перейти к другому эпизоду, царь остановил чтеца и спросил его, разве не записано ничего о том вознаграждении, которое получил за свое деяние Мардохей. Когда же секретарь ответил отрицательно, то царь велел ему приостановить чтение и узнать от специально для того приставленных лиц, который теперь час ночи. Узнав, что уже наступает утро, царь приказал сообщить ему, нет ли уже кого-нибудь из его приближенных во дворе. И вот оказалось, что явился Аман, потому что он пришел сегодня раньше обыкновенного, имея в виду просить у царя разрешения казнить Мардохея. Когда слуги доложили царю, что Аман на дворе, царь велел позвать его. При появлении Амана царь обратился к нему со следующими словами: «Я знаю, что ты единственный благорасположенный ко мне друг мой. Поэтому прошу тебя, посоветуй, как мне почтить некоего весьма любимого мною человека, чтобы награда вышла достойной моего царского великодушия». Тогда Аман, полагая, что ему придется говорить тут за самого себя (так как он один только пользовался любовью царя), назвал такую награду, которую сам считал наилучшей. Поэтому он сказал: «Если ты желаешь достойно возвеличить человека, тобой любимого, то вели посадить его на лошадь в подобном твоему царскому облачении с золотой цепью на шее и в предшествовании одного из твоих ближайших друзей провезти по всему городу

с громогласным объявлением, что этой чести удостоивается царский любимец». Аман посоветовал это в полной уверенности, что сам удостоится сказанной награды. Царю понравился этот совет, и потому он сказал: «Так как у тебя (мой) конь, мое облачение и цепь, то пойд и разыщи иудея Мардохея и, дав ему все указанное, объяви о нем, ведя его лошадь под уздцы. Ведь ты, — продолжал он, — один из ближайших друзей и поэтому ты лучше всего (сам) сможешь привести в исполнение то, что ты мне посоветовал. Этой чести да удостоится (Мардохей) за то, что спас мне жизнь». Услышав столь неожиданное решение царя, Аман был совершенно подавлен и уничтожен и в смятении своем вышел (из дворца), ведя за собой лошадь и неся порфиру и золотую цепь. Тут перед воротами он встретил Мардохея во вретище и велел ему облачиться в порфиру. Мардохей же, не понимая, в чем дело, и предполагая со стороны Амана глумление, воскликнул: «О ты, сквернейший из людей! Так тебе еще нужно смеяться над нами в нашем несчастье?»

Когда же он убедился, что царь награждает его таким образом за то, что он спас ему жизнь, донеся о некогда направленном против него заговоре царедворцев, он облачился в порфиру, которую обыкновенно посыл царь, возложил на себя цепь и, сев на коня, объехал кругом города, причем впереди него шел Аман и возглашал, что такова награда царя всякому, кого он полюбит и кого удостоит публично почтить. Затем, когда они объехали весь город, Мардохей отправился к царю (во дворец), Аман же со стыдом вернулся к себе домой и там со слезами на глазах рассказал все случившееся жене своей и друзьям. Последние признались, что ему не удастся отомстить Мардохею, так как ему покровительствует сам Предвечный.

11. И вот пока об этом шла речь, пришли слуги Эсфири, чтобы пригласить Амана на обед к ней. Между тем, один из евнухов, именно Савухад, увидя в доме Амана виселицу, которую готовили для Мардохея, и узнав от кого-то из слуг, что она предназначена для дяди царицы (ибо Аман хотел бы испросить у царя разрешения казнить Мардохея), не сказал пока об этом никому ничего.

Когда же царь, пообедав вместе с Аманом, предложил царице сказать ему, какого дара она желает от него, причем

заметил, что он дарует ей все, чего бы она ни пожелала, Эсфирь стала жаловаться на опасность, которой подвергается ее народ и указала на то, что и она подвергнется вместе с единоплеменниками своими гибели, почему и решается говорить теперь об этом; тут она прибавила, что не стала бы беспокоить царя просьбами, если бы он продал всех их в тяжелое рабство (ибо то было бы еще сносным горем), теперь же принуждена умолять его избавить евреев от смертной казни.

Когда затем царь спросил, кто постановил такое решение, то Эсфирь уже более не стеснялась, но открыто стала обвинять в том Амана, указывая на то, что последний, восставленный против иудеев, повел против них столь гнусную интригу. В сильнейшем волнении царь вскочил из-за стола и бросился в сад, Аман же стал умолять Эсфирь простить ему его проступок, так как он понял, что сам попал в беду. И вот, когда он бросился на ложе царицы и стал умолять ее, царь вошел в комнату и, еще более рассвирепев вследствие представившегося глазам его зрелища, закричал: «Теперь, мерзкий негодяй, ты еще пытаешься изнасиловать мою жену?»

Амана окончательно сразили эти слова, и он уже не мог ничего сказать. Тогда вошел евнух Савухад и стал изобличать Амана, говоря, что он нашел в его доме виселицу, предназначенную для Мардохея, что это сообщил ему в ответ на его расспросы один из слуг Амана, когда он пришел к последнему, чтобы пригласить его на обед, и что виселица имеет пятьдесят локтей вышины.

Услышав это, царь решил, что Амана следует подвергнуть именно тому самому наказанию, которое тот имел в виду для Мардохея. Поэтому он повелел немедленно повесить его на той же виселице. Здесь мне опять приходится отметить поразительную мудрость и справедливость Предвечного, который не только наказал Амана за его гнусность, но и уготовил ему тот самый способ казни, который тот предназначал для другого, причем Господь указал и на то, что если кто-либо готовит что-нибудь другому, то сам первый, не ведая того, направляет это против себя же.

12. Таким-то образом погиб Аман, первоначально пользовавшийся столь неограниченным почетом у царя. Имущество его перешло к царице. Затем царь призвал Мардохея, о своем

родстве с которым ему уже успела сообщить Эсфирь, и передал ему перстень, который он раньше поручил Аману. Царица отдала Мардохею все имущество Амана и просила затем царя избавить племя иудейское от того трепета за свою жизнь, который был следствием разосланного по всей стране указа Амана, сына Амадафа. При этом она сказала, что если отечество ее подвергнется разграблению, а единоплеменники ее — гибели, она сама покончит с собой. На это царь обещал ей, что не будет сделано ничего неугодного ей и ничего, что было бы ей неприятно. Вместе с тем он предложил ей написать от имени его все, что ей угодно будет решить касательно иудеев, скрепить это его печатью и разослать письмо по всему царству: ведь никто, кто прочитает послание, снабженное царской печатью, не осмелится действовать против указа.

Когда затем было послано за царскими писцами, она приказала им написать касательно иудеев следующее письмо, адресованное всем (жившим в стране) народностям, всем управителям и начальствующим, от пределов Индии до Эфиопии, сатрапам ста двадцати семи сатрапий:

«Великий царь Артаксеркс приветствует начальствующих лиц и всех благомыслящих и преданных ему людей. Многие злоупотребляют обильными благодеяниями и почетом, которых они добились благодаря щедрости своих правителей, и при том решаются оскорблять не только своих подчиненных, но даже своих же собственных благодетелей; таким образом, они искореняют чувство благодарности среди людей и, вследствие наглости своей, не умея пользоваться дарованными им сверх всякого ожидания дарами и не чувствуя признательности к виновникам этого их обогащения, они верят слепо, будто все это останется неизвестным Божеству и будто сами они сумеют избежать наказания. Некоторые из таких людей, получив от дружески к ним расположенных лиц управление делами и питая к некоторым особенную ненависть, путем ложных сообщений и клеветнических наветов побудили правителей своих восстать и разгневаться на совершенно невинных, которые в силу этого подверглись опасности погибнуть. Все это мы знаем не понаслышке и все это случилось не в древности, но такая дерзновенная попытка произошла на наших же глазах. Вви-

ду этого мы впредь не станем более слушать наветы и не будем более внимать клевете, кто бы в чем ни старался убедить нас, но будем судить лишь по собственному личному опыту и наказывать и награждать лишь по действительным заслугам, опираясь при этом на факты, а не на доносы.

И вот ныне сын Аманодоса, Аман, родом амалекитянин, следовательно, человек чуждый персам по происхождению своему, тут на чужбине достиг у всех великого почета, настолько, что он впоследствии стал носить титул «моего отца», ему все поклонялись и он занимал после меня второе место в государстве и пользовался всем подобающим столь высокому сану почетом, но не был в состоянии достойно отнестись к выпавшему на его долю счастью и не сумел разумно пользоваться великими доставшимися ему благами; но он злоумышлял против моей власти и моей жизни, стараясь загубить меня, виновника такой его неограниченной власти. При этом он даже посягнул на моего благодетеля и спасителя, Мардохея, и на мою подругу в жизни и на престоле, Эсфирь, злобно и обманным образом добываясь их гибели. Желая меня таким путем лишить преданных мне людей, он рассчитывал передать власть другим лицам. Я же, поняв, что обреченные этим негодяем на гибель иудеи отнюдь не преступники, но являются наилучшими подданными и привержены тому Богу, который сохранил за мною и моими предками царскую власть, не только освобождаю этих иудеев от всякого определенного им Аманом наказания, о котором вы лучше всего забудьте вовсе, но и желаю, чтобы им был оказываем всевозможный почет. Того же, который повел против них интригу, я повелел распять вместе со всем родом его перед воротами города Суз, ибо всевидящий Бог подверг его такому наказанию. Вам же я повелеваю вывесить копию этого указа во всем царстве, оставить иудеев в покое и предоставить им жить по их собственным законам, оказав им поддержку во всех тех случаях, если бы им на тринадцатый день месяца Адара пришлось отражать лиц, которые вздумали бы их в этот день обидеть. Этот день, по желанию Господа Бога, станет для них днем спасения вместо гибели. Да будет день сей днем радости для всех преданных нам людей и днем памятным для злонамеренных, дабы они вспомнили о наказании. При этом я желаю, чтобы мне было донесено о всяком городе и всяком племени, которые взду-

мали бы послушаться в чем-либо моего указа, дабы я мог их истребить огнем и мечом. Этот указ пусть будет обнародован во всех частях подвластной нам страны, и пусть все достаточно приготовятся к тому вышеуказанному дню, чтобы отразить врагов своих».

13. Всадники немедленно развезли эти указы по всем направлениям. Когда же Мардохей в царском одеянии, золотом венке и с цепью на груди появился на улицах, то все жившие в Сузах иудеи, видя, какого почета он удостоился от царя, разделяли с ним его радость. Когда же указы были получены на месте, то радость и веселье по поводу спасения охватили всех иудеев, живших как в городе, так и в прочих частях страны. Дело дошло до того, что многие другие племена из страха перед иудеями подвергли себя обрезанию, чтобы таким путем гарантировать себе личную безопасность. Когда же наступил тринадцатый день двенадцатого месяца, известного у евреев под именем Адара, а у македонян под названием Дистра, лица, привезшие царский указ, объявили, что теперь, в тот день, когда евреям суждено было подвергнуться такой опасности, они сами могут предаться избиению своих врагов. Правители над сатрапиями, начальствующие лица и царские писцы стали теперь относиться к иудеям с уважением, ибо страх перед Мардохеем побуждал их быть дипломатичными. В силу царского, разосланного по всей стране, указа, иудеи в одних только Сузах перебили около пятисот врагов своих. Когда же царь сообщил Эсфири о числе перебитых в городе (персов) с присовокуплением, что ему пока еще неизвестно число павших в прочих частях страны, и спросил, что она думает делать дальше, так как ей ни в чем не будет отказа, царица испросила разрешения позволить иудеям продолжать и окончить резню еще и на следующий день и распять на кресте также десять сыновей Амана. Не желая ни в чем отказывать Эсфири, царь и на это дал свое согласие. Ввиду этого евреи еще раз собрались четырнадцатого числа месяца Дистра и перебили до трехсот врагов, причем, однако, отнюдь не касались имущества этих лиц.

В стране же и в других городах пало от руки иудеев семьдесят пять тысяч врагов их. Эти люди пали в тринадцатый день того месяца, а четырнадцатое число провинциальные

евреи решили отпраздновать как день радостный. Равным образом и жившие в Сузах иудеи отпраздновали четырнадцатый и пятнадцатый день того месяца в радости и веселье. Отсюда произошел и доныне сохранившийся среди евреев обычай праздновать эти дни и посылать друг другу сласти. Дело в том, что Мардохей письменно предложил всем жившим в царстве Артаксеркса иудеям отметить эти дни, праздновать их и поручить празднование их также и потомкам, дабы этот обычай сохранился навсегда и не был предан забвению, так как ввиду предназначенной им в эти дни Аманом гибели, они, избегнув угрожавшей им опасности и даже отомстив врагам своим, сделают хорошо, если выделят эти именно дни для принесения благодарности Господу Богу. В силу этого иудеи празднуют указанные дни и называют этот праздник «Пурим».

Мардохей же достиг у царя высокого и почетного положения, разделяя с ним власть его и живя при особе царицы. Дела евреев, благодаря ему, значительно и сверх всякого ожидания поправились²⁹.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Таковы были происшествия, ознаменовавшие правление Артаксеркса (по отношению к евреям).

Когда умер первосвященник Элиасив, то сын его Иуда стал преемником его по сану, а после смерти Иуды первосвященство перешло, в свою очередь, к его сыну Иоанну. Благодаря последнему, военачальник Артаксеркса II, Вагой, осквернил храм и заставил евреев при принесении каждой жертвы ежедневно платить подать в размере пятидесяти драхм за каждого ягненка. Причиной этого послужило следующее обстоятельство: у Иоанна был брат Иисус. Будучи в дружеских с последним отношениях, Вагой обещал ему достать первосвященство. Уповая на это обещание, Иисус затеял в храме ссору со своим братом Иоанном; последний страшно рассердился и в гневе своем убил Иисуса. Это было со стороны Иоанна гнусным преступлением, особенно же вследствие того, что убитый был его брат, и ни у греков, ни у варваров никогда не совершалось подобного гнусного и страшного преступления. Господь Бог, однако, не оставил

этого дела без возмездия, и по этой-то причине народ впал в рабство у персов, а храм был последними осквернен. А именно полководец Артаксеркса, Вагой, узнав об убиении Иисуса в храме его родным братом, еврейским первосвященником Иоанном, немедленно налег на иудеев и гневно закричал на них: «Так вы дерзнули совершить смертоубийство в вашем храме?» А когда он захотел войти в храм, то евреи оказали ему сопротивление при этом, на что тот спросил: «Разве я не чище убийцы в храме?» С этими словами Вагой ворвался в святилище.

Пользуясь этим случаем, Вагой в течение семи лет притеснял евреев за смерть Иисуса.

2. Когда же умер Иоанн, первосвященство перешло к сыну его, Иаддуу. У последнего был брат по имени Манассия. Ему-то посланный последним Дарием в Самарию в качестве сатрапа хуфеец родом, т.е. того же племени, из которого происходят и самаряне, Санаваллет, охотно отдал в жены дочь свою Никасо. Дело в том, что сатрап знал о могуществе города Иерусалима и о том, что жители его причиняли немало хлопот царям ассирийским и правителям Келесирии. Поэтому-то он и рассчитывал путем такого брака более расположить к себе весь народ иудейский³⁰.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Около этого времени³¹ умер от руки коварного сына Кераста, Павсания, происходившего из рода Ореста, македонский царь Филипп в городе Егее. Тогда сын последнего, Александр, вступил на престол и, перейдя через Геллеспонт, разбил полководцев Дария при Гранике; затем он двинулся на Лидию и на Ионию, подчинил их себе и, сделав набег на Карию, ворвался в пределы Памфилии, как о том рассказано в других сочинениях³².

2. Тем временем старейшины иерусалимские, раздраженные тем, что к первосвященству имеет отношение женатый на иностранке брат Иаддуя, восстали против него (т.е. против Манассии). Дело в том, что они боялись, как бы этот брак не стал удобным предлогом для всех, кто вздумал бы преступить законоположение о смешанных браках, и как бы этот случай не положил начала слишком близкого общения

с иноплеменщиками, тем более что они располагали живым примером: смешанные браки с иностранками были некогда причиной их плена и различных других бедствий. Поэтому они предложили Манассии либо развестись с женой, либо не прикасаться к жертвеннику вовсе. Когда же и первосвященник сочувственно отнесся к требованию народа и запретил брату своему доступ к алтарю, Манассия отправился к своему тестю Санаваллету и заявил ему, что, хотя он и любит его дочь Никасо, но он, благодаря ей, не желает лишаться священнического сана, который являлся верховным в глазах его народа и составлял постоянное достояние его рода. Однако Санаваллет не только не хотел лишать его священства, но даже обещал доставить ему сан и могущество первосвященника и сделал его верховным правителем всей области, которая была в его распоряжении, лишь бы Манассия не прекращал своего сожительства с его дочерью. Он заявил зятю, что построит для него на высочайшей из всех самарянских гор, именно на возвышенности Гаризим, такой же храм, какой имеется в Иерусалиме, и обещал сделать это с особого разрешения царя Дария.

Уповавая на эти обещания и возгордившись вследствие их, Манассия, в надежде получить от Дария первосвященство, остался при Санаваллете, который был тогда уже довольно пожилых лет. А так как подобные браки были заключены у значительного числа священников и (прочих) израильтян, то этот случай вверг иерусалимцев в немалое смущение, потому что все эти лица перешли к Манассии, тем более что Санаваллет предоставил им денег и земли для обработки и наделил их участками для поселения, всяческим образом оказывая поддержку своему зятю.

3. Узнав около этого времени, что Александр переправился через Геллеспонт, что он разбил его сатрапов в битве при Гранике и что он наступает все ближе и ближе, Дарий решил выступить навстречу македонянам и предупредить вторжение их и разгром всей Азии и (с этой целью) стал собирать свою конную и пешую рать. Поэтому он перешел через реку Евфрат и, перевалив через киликийские горы Тавра, стал ожидать врагов при киликийском городе Иссе, чтобы тут вступить с ними в бой. Санаваллет был очень доволен прибытием Дария и обещал Манассии немедленное исполне-

ние всего сказанного, лишь только Дарий победит врагов и вернется обратно. Дело в том, что Санаваллет, подобно всем прочим жителям Азии, был того убеждения, что македоняне не решатся вступить в борьбу с персами вследствие многочисленности последних. Однако это ожидание не оправдалось, ибо, сразившись с македонянами, царь потерпел поражение, потерял большую часть своего войска и бежал в Персию, оставив в плену у македонян свою мать, жену и детей.

Затем Александр двинулся в Сирию, овладел Дамаском и, взяв Сидон, принялся за осаду Тира. Отсюда он отправил к первосвященнику иудейскому письмо с просьбой прислать ему подкрепление и продовольствие для войска и предложением списать себе дружбу македонян тем, что станет отныне платить ему (Александру) все те суммы, которые раньше получал от него Дарий. При этом царь македонский особенно подчеркнул то обстоятельство, что он не изменит своих требований (и будет настаивать на них). Когда же первосвященник ответил лицам, принесшим послание Александра, что он присягнул Дарию не поднимать против последнего оружия и еще раз подтвердил, что он не нарушит своего обещания, пока будет жив Дарий, Александр страшно разгневался, и так как ему не казалось удобным оставлять теперь Тир, который все еще не хотел сдаваться, грозно заявил, что он, по взятии Тира, пойдет войной на иудейского первосвященника и в его лице покажет всем, кому они должны оставаться верны относительно своих клятв. Затем он еще настойчивее повел осаду города и взял (наконец) Тир. Потом, распорядившись делами этого города, он направился к Газе и осадил ее с начальником ее гарнизона, Вавилисом.

4. Считая этот момент удобным для своих коварных замыслов, Санаваллет отпал от Дария и с восемью тысячами подчиненных прибыл к Александру. Последнего он застал как раз при начале осады Тира и заявил ему, что передаст ему приведенных воинов как представителей подчиненной ему провинции, причем заметил, что скорее готов признать над собой власть македонского царя, чем Дария. Александр охотно принял его, и вследствие этого Санаваллет уже смело повел с ним речь о своих планах и рассказал ему, что у него есть зять Манассия, брат иудейского первосвя-

щенника Иаддуя, и что многие из соотечественников этого его зятя готовы теперь приступить к постройке своего храма в подчиненной ему (Санаваллету) области. Попутно было указано, что это обстоятельство, т.е. распадение иудеев на два лагеря, может быть полезно и царю македонскому: таким образом, если даже это племя вздумает в полном между собою согласии и общими усилиями предпринять отпадение, то это не представит царям затруднения, как то однажды уже было сделано им по отношению к ассирийским правителям. Получив соответственное разрешение Александра, Санаваллет с крайним усердием приступил к построению храма и сделал верховным священником Манасию, в полной уверенности, что это будет для потомства его дочери наилучшей наградой. Между тем по прошествии семи месяцев осады Тира и двух месяцев осады Газы Санаваллет умер, Александр же, взяв Газу, поспешил по направлению к Иерусалиму. Когда известие об этом дошло до первосвященника Иаддуя, он совершенно растерялся от страха, не зная, как встретить ему македонян, ввиду того, что царь гневался на прежнее его неповиновение. Вследствие этого первосвященник поручил народу молиться и, принеся вместе с народом жертву Предвечному, стал умолять Господа защитить иудеев и оградить их от надвигающейся опасности. И вот, когда Иаддуй после жертвоприношения прилег отдохнуть, Предвечный явился ему во сне и повелел ему не робеть, а украсив ворота города венками, открыть эти ворота, всем облачиться в белые одежды, ему же и прочим священникам встретить царя в установленных ризах и не бояться при этом ничего, так как Господь Бог заботится о них. Восстав от сна, первосвященник был очень рад и, объявив всем о полученном предвещании и поступив сообразно полученному им во сне повелению, стал готовиться к прибытию царя.

5. Когда он узнал, что царь недалеко от города, он пошел ему навстречу к местности, посящей название Сафа, вместе со своими священниками и толпой горожан, чтобы сделать встречу царя как можно торжественнее и отличною от встреч, оказанных царю другими народами; имя Сафа в переводе значит «вышка», ибо оттуда возможно обозреть весь Иерусалим и тамошний храм.

Между тем финикийцы и следовавшие (за Александром) хуфейцы полагали, что, наверное, гнев царя падет на иудеев и он решит предать город разграблению, а первосвященника со всей семьей гибели. Однако на деле вышло совсем не то: Александр еще издали заметил толпу в белых одеждах и во главе ее священников в одеяниях из виссона, первосвященника же в гиацинтового цвета и золотом затканной ризе с чалмой на голове и золотой на ней дощечкой, где было выгравировано имя Господне, и потому один выступил вперед, преклонился перед именем Божиим и первый приветствовал первосвященника. Когда же иудеи единогласно громко приветствовали Александра и обступили его, цари сирийские и все прочие были поражены поведением его и подумали, не лишился ли царь рассудка. Тогда Парменион подошел к царю и на вопрос, почему он теперь преклоняется перед первосвященником иудейским, когда обыкновенно все преклоняются перед Александром, получил следующий ответ: «Я поклонился не человеку этому, но тому Богу, в качестве первосвященника которого он занимает столь почетную должность. Этого (старца) мне уж раз привелось видеть в таком убранстве во сне в македонском городе Дии, и, когда я обдумывал про себя, как овладеть мне Азией, именно он посоветовал мне не медлить, но смело переправляться (через Геллеспонт). При этом он обещал мне лично быть руководителем моего похода и предоставить мне власть над персами. С тех пор мне никогда не приходилось видеть никого в таком облачении. Ныне же, увидав этого человека, я вспомнил свое ночное видение и связанное с ним предвещание и потому уверен, что я по Божьему велению предпринял свой поход, что сумею победить Дария и сокрушить могущество персов и что все мои предприятия увенчаются успехом».

Сказав это Пармениону и взяв первосвященника за правую руку, царь в соупутствии священников пошел к городу. Тут он вошел в храм, принес, по указанию первосвященника, жертву Предвечному и оказал при этом первосвященнику и прочим иереям полное почтение. Когда же ему была показана книга Даниила, где сказано, что один из греков сокрушит власть персов, Александр был вполне уверен, что это предсказание касается его самого. В великой радости отпустил он народ по домам, а на следующий день вновь

собрал его и предложил требовать каких угодно даров. Когда же первосвященник спросил разрешения сохранить им старые свои законы и освобождения на седьмой год от платежа податей, царь охотно согласился на это. Равным образом в ответ на просьбу разрешить также вавилонским и мидийским иудеям пользоваться прежними законами, он охотно обещал им исполнить все их просьбы. Когда же затем он сам обратился к народу с предложением принять в ряды своих войск всех, кто того захочет, причем им будет предоставлено право не изменять своих древних обычаев, но жить, не нарушая оных, многим очень понравилось это, и они согласились участвовать в его походах.

6. Устроив таким образом дела свои в Иерусалиме, Александр двинулся дальше к другим городам, и всюду, куда бы он ни являлся, ему оказывали радушный прием. Тогда самаряне, главный город которых был в то время Сихем, лежащий у подножия горы Гаризим и построенный отщепенцами иудейского народа, видя, как Александр отличает иудеев, решили также и себя выдать за иудеев. Как мы выше уже имели случай показать³³, самаряне имеют такую привычку: когда иудеев постигает бедствие, тогда они отказываются от родства с ними и говорят в таком случае правду; когда же иудеев постигает удача, они тотчас готовы примкнуть к ним, опираясь якобы на свое право и выводя свое происхождение от потомков Иосифа, Ефраима и Манассии. Таким-то образом они и теперь вышли с блеском и выражением полнейшей преданности навстречу царю, почти вплоть до Иерусалима. Когда же Александр похвалил их за это, сихемиты пришли к нему со всеми воинами, которых послал ему некогда Санаваллет, и просили его посетить также их город и почтить своим приходом и их храм. Царь обещал исполнить их желание на возвратном пути. Когда же они стали просить его избавить и их от платежа повинности каждый седьмой год (ибо у них тогда не производится посева), царь спросил, кто они такие, что обращаются к нему с подобными просьбами. Когда же те ответили, что они евреи и что жители Сихема известны также под именем сидонян, царь еще раз спросил их — иудеи ли они. Получив отрицательный ответ, он сказал: «Однако эту привилегию я даровал иудеям; поэтому я, по возвращении своем и получении более

точных о вас сведений, сделаю нужные в этом деле распоряжения».

Простившись таким образом с сихемцами, он повелел солдатам Санаваллета идти вместе с ним походом на Египет, где он намеревался предоставить им земельные наделы, что он вскоре и сделал в Фиваиде, велел им охранять границы страны.

7. По смерти Александра³⁴ власть его была распределена между диадохами. Храм на горе Гаризим оставался там по-прежнему. И всякий, кто среди иерусалимцев обвинялся в нарушении предписаний касательно пищи, или в осквернении субботы, или в каком-либо другом нарушении этого рода, бежал к сихемцам и уверял, что его без вины изгнали. Около того же времени умер также и первосвященник Иаддуй, и сам его перешел к его сыну Онии.

Таковы были в те времена дела иерусалимцев³⁵.

КОММЕНТАРИИ

Глава первая

¹ В 536 году.

² Срв. Иерем. XXV, 12; XXIX, 10.

³ Срв. Исаия, XLIV, 28.

⁴ Это место, в котором поражает отсутствие данных длины здания, безусловно испорчено, что видно также из речи, вводимой Флавием (Иуд. Древн. XV, II, 1) в уста Ирода Великого. Гекатей (у Флавия, *Contra Apion*. I, 22) очень неопределенно отзывается о величине нового храма, говоря только о «большом здании». Заметка в I кн. Езд. 6, 4, где говорится: «рядов из камней больших три, и ряд из дерева один; издержки же пусть выдаются из царского дома», в связи с общей испорченностью текста, повели к неправильному пониманию Флавием этого места. Здесь имеются в виду отнюдь не стены храма, а лишь стена, окружавшая внутренний двор его (срв. I кн. Цар. VI, 36). О подробностях см. Riehm I. c. II, p. 1661 sqq. и Nowack, I. c. II, p. 71 sqq.

⁵ Относительно этих данных лишь общая сумма сходится у Флавия с указаниями библейскими. В частности имеются значительные отклонения (срв. I кн. Ездры, I, 9–11).

⁶ Персидская мера сыпучих тел, примерно в $1\frac{1}{2}$ четверика.

⁷ Иные рукописи Флавия имеют тут число 42 462. Мы оставили количество, помеченное в Библии.

⁸ В основу содержания этой главы легли данные I кн. Езд. 1–11; III кн. Езд. II, 1–15 и Исаии, XLIV, 28.

Глава вторая

⁹ См. выше IX, 14, 3 и X, 9, 7.

¹⁰ О смерти Кира, последовавшей в 529 г., существует несколько вариантов. Самое распространенное, передаваемое Геродотом (I, 201–214), а за ним Диодором Сицилийским и Флавием предание сообщает, что Кир пал в битве с скифским (готским) народом массагетами. По рассказу же Ктесия, он будто бы умер от раны, полученной в бою с дербиками на берегах Окса.

¹¹ В основу рассказанного легли данные из I кн. Ездр. IV, 4–24; III кн. Ездр. II, 16–31.

Глава третья

¹² Уже Геродот (I, 101) считает магов особым «племенем», вернее «кастою», сословием жрецов, отличавшихся особенным искусством в астрологии и волшебстве. В указанном месте он признает их мидийцами, но несколько далее (I, 181, 183) говорит и о находящихся в Персии вавилонских магах, т.е. так наз. «халдеях». Срв. Diodor, II, 24. Страбон (762) проводит между теми и другими довольно резкую грань. Срв. Riehm I. с. II, p. 951–953, Schrader, Keilinschr. u. Alt. Test. II, 417 sqq. и Gutschmidt, Neue Beiträge, p. 113, Maspero, Histoire ancienne, p. 539.

¹³ Это были заговорщики, представители семи дружественных Дарию персидских семей. Ср. Herod. III, 68–88.

¹⁴ Рассказанное в этом отрывке не примыкает к библейскому тексту, но представляет дополнение самого Флавия.

¹⁵ Весь этот рассказ, с некоторыми изменениями и дополнениями, взят из т. наз. III книги Ездры (III, 1–IV, 46), которой нет ни на еврейском, ни на греческом языках и которая известна лишь по тексту Вульгаты.

¹⁶ Это число, крайне преувеличенное, объясняется, вероятно, ошибкой в тексте.

¹⁷ В основу рассказанного легли данные III кн. Ездр. III, 1–24; IV, 1–64; I кн. Ездр. II, 64 и III кн. Ездр. V, 41.

Глава четвертая

¹⁸ Срв. Nowack, I. с. II, p. 71. ann.

¹⁹ Т.е. утренние и вечерние жертвы.

²⁰ Имя города Яффы.

²¹ Срв. выше IX, 14, 1, 3.

²² Срв. Nowack, I. с. II, p. 72.

²³ До сих пор рассказ настоящей главы непосредственно примыкает к содержанию I кн. Ездр. III, 1–13; IV, 1–4; V, 3–5; VI, 5, 6–VI, 22 и III кн. Ездр. V, 66–VII, 15.

Глава пятая

²⁴ В свр. тексте сказано просто *וילך אל־לשכח*, т.е. «отправился в жилище». У Флавия же поставлено слово *pastophorion*, которое, по данным Diod, I, 29 и Inscript. LXX, означает маленькую часовню при храме.

²⁵ В этом месте чтение не вполне установлено: различные рукописи имеют разные названия. Если считать началом года праздник Пасхи, падающий на месяц Нисан, то девятым месяцем года будет Кислев, соответствующий нашему ноябрю.

²⁶ Срв. I кн. Ездр. IX, 2 и сл.; X, 3 и Неем. XIII, 23 и след.

²⁷ В основу рассказанного легли данные из I кн. Ездр. VII, 1–26; III кн. Ездр. VIII, 1–91; I кн. Ездр. IX, 1–15; X, 1–44; III кн. Ездр. IX, 1–56; II кн. Ездр. VIII, 1–18; I, 1–II, 19–VII, 73.

Глава шестая

²⁸ Подобно тому как выше (глава V, 6), цитируется Ксеркс вместо Артаксеркса II, так и названный здесь Асвир или Агасфер Св. Писания не кто иной, как знаменитый в истории Ксеркс, сын Дария.

²⁹ В основу содержания этой главы легли данные кн. Эсфирь I, 1–IX, 32.

Глава седьмая

³⁰ Содержание этой главы не примыкает к библейскому тексту. Иосиф Флавий пользовался здесь различными источниками. Срв. ниже, прим. 35.

Глава восьмая

³¹ В 336 году до Р. Хр.

³² Писателями, посвятившими сочинения истории Александра Великого, являются, главным образом, Арриан, Квинт Курций, Плутарх и Диодор.

³³ Срв. т. I, кн. 9, гл. 14, 3.

³⁴ В 328 году.

³⁵ Источники, которыми пользовался Флавий при написании этой и предшествующей главы, нам в точности неизвестны. Недавно вышедшее и помещенное в *Revue des études juives* (janvier — mars 1898) исследование проф. Бюхлера под заглавием «*La relation de Joséphe concernant Alexandre le Grand*» устанавливает с большой убедительностью: 1) что обе главы скомпонованы по различным источникам, еврейским и самарянским, не считая греческих; 2) что рассказ состоит из первоначально самостоятельных и затем тенденциозно сопоставленных частей; 3) что порядок текста умышленно

нарушен и различные параграфы стоят не на своих местах; 4) что Флавий является не сам искажителем этих текстов, но, вероятно, лишь воспользовался готовыми, ныне утерявшимися, тенденциозными образцами; 5) что рассказ о глумливом отношении Александра Великого к иерусалимским евреям исторически невозможен и 6) что рассказ Флавия о встрече Александра первосвященником составлен по типу сообщения об отношении Юлия Цезаря к иудеям (срв. Древности, XVI, 10, 6–8, 20–24 и Contra Apionem II, 4). Остановиться подробнее на этом вопросе нам здесь не позволяет место, а потому отсылаем всех интересующихся к указанному исследованию проф. Бюхлера, где они найдут разбор миссий и других ученых на этот счет.

Книга двенадцатая

Содержание:

1. О том, как Птолемея Лагид обманым образом завладел Иерусалимом и Иудеей и переселил многих жителей в Египет.

2. О том, как его сын Птолемея Филадельф приказал перевести на греческий язык закон иудейский, отпустил из расположения к первосвященнику Елеазару многих пленных и принес Господу Богу много жертвенных приношений.

3. О том, как правители Азии почитали народ иудейский и даровали им во вновь основанных городах права гражданства.

4. О том, как сын Товия, Иосиф, снискавший себе дружбу Птолемея Епифана, избавил иудеев от бедственного их положения.

5. О дружбе и союзе лакседемонян с Онией, первосвященником еврейским.

6. О раздорах среди иудейских старейшин и о том, как последние просили Антиоха Епифана о помощи.

7. О походе Антиоха на Иерусалим, о том, как он взял город и предал храм разграблению.

8. О том, как Антиох запретил свреям соблюдать их исконные законы, и о том, как один лишь асмонеец Маттафия воспротивился повелениям царя и одержал победу над военачальниками Антиоха.

9. О смерти Маттафии в преклонных летах, после того как он успел поручить сыновьям своим ведение общественных дел.

10. О том, как сын его Иуда после борьбы с полководцем Антиоха вернул свреям их права и был народом избран в первосвященники.

11. О вторжении военачальника Антиоха, Аполлония, в Иудею, о его поражении и гибели.

12. Поход Лисия и Горгия на Иудею, их поражение и уничтожение всего их войска.

13. О том, как Иуда пошел войной на аммонитян и галаадцев, а его брат Симон на жителей Тира и на приверженцев Птолемея, и о победоносном исходе их предприятий.

14. О смерти Антиоха Епифана в Персии.

15. О том, как Антиох, прозванный Евпатором, двинулся вместе с Лисием на свреев, победил их и осадил Иуду в самом храме.

16. О том, что осада была очень продолжительна, пока наконец Антиох не заключил с Иудой дружбы и мирно покинул Иудею.

17. О том, как полководец Димитрия, Вакхид, пошел войной на Иудеев и вернулся к царю своему, не достигнув желанных результатов.

18. О гибели Никанора и его войска, посланных в поход вместо Вакхида.

19. О том, как Вакхид, вторично посланный против свреев, победил их.

20. О смерти Иуды на поле брани.

Содержание книги обнимает период в сто семьдесят лет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Итак, после того как Александр, царь македонский, вышеуказанным образом уничтожил владычество персов и так отнесся к Иудее, как мы сказали, он умер. Царство его распалось на много частей. Антигон получил в управление Азию, Селевк — Вавилонию с ее племенами, Лисимаху достались в удел земли у Геллеспонта, Кассандр получил Македонию, а на долю Птолемея Лагида выпал Египет. Так как все эти лица начали ссориться между собою, завидуя власти друг друга, то наступил ряд ожесточенных и кровопролитных войн, от которых особенно страдали города и в течение которых множество жителей (этих городов) лишилось жизни. Так, напр., вся Сирия претерпела от Птолемея Лагида, носившего тогда прозвище Сотер¹, как раз обратное тому, что значило его прозвище. Он же овладел хитростью и обманым образом также и Иерусалимом, а именно, вступив в город в субботу под предлогом принести жертву, он не встретил со стороны иудеев ни малейшего к тому препятствия (они нисколько не предполагали в нем врага) и вследствие того, что они ничего не подозревали и проводили этот день в беззаботном веселье, без труда овладел городом и стал жестоко править над ним. Об этом свидетельствует, между прочим, и книдиец Агафархид, оставивший после себя историю диadoхов, причем таким образом глумится над нашим суеверием, приписывая ему утрату нами свободы:

«Существует народ, называемый иудеями, которые, обладая укрепленным и большим городом Иерусалимом, допустили заятие его Птолемеем только потому, что не желали взяться за оружие. Вот вследствие такого несвоевременного и неуместного суеверия им пришлось предпочесть столь сурового деспота».

Таким образом рассуждал Агафархид о нашем народе.

Затем Птолемей, забрав в плен множество народа из гористой части Иудеи, из окрестностей Иерусалима, из Самарии и с горы Гаризим, повел их всех в Египет и поселил их здесь. Когда же он узнал, что иерусалимцы отличаются особенной надежностью в соблюдении клятв и сдержании данного слова, что видно уже из их ответа посланным Александра после поражения, понесенного в бою Дарием², он многих из них разместил по гарнизонам и сделал их равноправными с александрийскими македонянами, причем взял с них клятву, что они будут сохранять эту верность также его потомкам.

Также немалое число и других иудеев добровольно переселилось в Египет, отчасти подбиваемые к тому превосходным качеством тамошней почвы, отчасти же вследствие щедрости Птолемея. Однако (впоследствии) у этих иудеев возникли распри с самарянами, вследствие желания первых сохранить издревле установленные обычаи, и они стали воевать друг с другом, потому что иерусалимцы считали единственно свой храм священным и требовали отсылки жертвоприношений именно туда, самаряне же настаивали на требовании отправлять эти приношения на гору Гаризим.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. После того как Александр (Великий) процарствовал двенадцать лет, а после него Птолемей Сотер сорок один год, власть над Египтом перешла к (Птолемею) Филадельфу, который правил страной в течение тридцати девяти лет³. Он велел перевести закон и освободил живших в плену в Египте иерусалимцев, числом до ста двадцати тысяч человек, и притом по следующей причине: Димитрий Фалерейский, заведовавший царскими книгохранилищами, старался собрать по возможности все имевшиеся на земле книги; поэтому он скупал все то, о чем, как о стоящем, доходили до него слухи или что ему лично попадалось в руки, и тем самым вполне отвечал требованиям царя, который был необычайным любителем книг. Когда Птолемей спросил его однажды, сколько книг уже собрано у него, Димитрий отвечал, что пока палицо имеется двести тысяч, но что вскоре число томов дойдет до пятисот тысяч. При этом он заметил царю, что и у иудеев существует множество интересных и достойных царской биб-

лиотеки сочинений о действующих среди евреев законах, но что перевод этих книг на греческий язык доставит немалое затруднение вследствие еврейского шрифта и языка. Хотя, правда, шрифт еврейский, равно как и самый язык, имеет сходство с шрифтом и языком сирийским, однако язык еврейский все-таки своеобразен. Тем не менее, продолжал он, нет препятствия к переводу этих сочинений и к помещению их в царском книгохранилище, так как имеются на это свободные денежные средства. Ввиду того, что царь знал страсть Димитрия к увеличению числа томов библиотеки, он написал первосвященнику иудейскому письмо, в котором высказал желание видеть план Димитрия осуществленным⁴.

2. В числе лиц, наиболее близких к царю и особенно любимых последним за порядочность, находился также некий Аристей, который уже несколько раз собирался просить об освобождении из плена иудеев, живших в его царстве. Полагая, что именно теперь наступил подходящий момент к осуществлению этой просьбы, он первоначально переговорил о том с начальниками отряда телохранителей, Сосивием тарентинцем и Андреем, причем уговорил их поддержать его просьбу перед царем. Затем Аристей приступил к самому осуществлению своего плана, пошел к царю и обратился к нему со следующей речью:

«О царь, не станем самих себя обманывать, но признаемся себе в сущей правде. Если мы, в угоду тебе, решились не только списать, но и перевести законы иудеев, то с каким намерением мы станем делать это, раз в твоём царстве столько евреев находятся в положении (жалкого) рабства? Оставаясь последовательным в своей великодушии и своей милости, освободи этих людей от рабства, так как один и тот же Господь Бог руководил твоим правлением и дал им их законы, в чем ты можешь поверить мне и моей многоопытности. Как иудеи, так и мы поклоняемся одному и тому же всеотворившему Богу, именуя Его вполне основательно Жизнедарователем и полагая, что Он называется так вследствие того, что дарует всему жизнь. Ввиду этого, да будет даровано этим иудеям в честь Предвечного, которого они почитают столь изысканным способом, право возвращения на покинутую ими родину и к прежнему образу жизни. Знай, однако, о царь, что я не потому прошу тебя об этом, чтобы я находился в род-

Мсть и смерть Самсона

стве с этим народом, который отнюдь не является одноплеменным со мною. Ведь только оттого, что все люди — создания Предвечного и лишь потому, что знаю Его расположение ко всем творящим добро, я прошу тебя об этом».

3. В ответ на эти слова Аристея царь ласково и добродушно взглянул на него и спросил: «Сколько же тысяч человек, думаешь ты, придется мне отпустить?» Когда присутствовавший при этом разговор Андрей сказал, что их будет несколько менее ста тысяч, царь воскликнул: «Ну, Аристей, о малом же подарке ты просишь нас!» Тогда Сосивий и другие указали на то, что царю следует, ввиду своего великодушия, отблагодарить чем-либо Предвечного, даровавшего ему царство. Птолемей склонился на эти их доводы и сделал распоряжение, чтобы, когда воинам будет выдано жалованье, накинуть за каждого из бывших в их распоряжении военнопленных (иудеев) по ста двадцати драхм. Касательно же просьбы Аристея он в своем великодушии обещал издать соответственные указы, которыми скреплялось бы намерение Аристея и кото-

рые главным образом отвечали бы желанию Предвечного, причем царь выказал готовность не только освободить тех пленных, которые были переселены в страну его отцом и войском последнего, но и всех тех живущих в царстве (иудеев), которые прибыли туда раньше или позже. Когда же было указано на то, что потери при таком освобождении (иудеев) от рабства обойдутся более чем в четыреста талантов, царь согласился и на это. Тогда было решено в ознаменование великодушия царя снять копию с его указа и (навсегда) сохранить ее. Содержание этого акта было следующее: «Все те, кто вместе с отцом нашим участвовали в походах и набегах на Сирию и Финикию и, по взятии Иерусалима, забрали там военнопленных и привел их с собою в (наши) города и страну (нашу) или же купили себе таковых, будь то из числа уже раньше живших в моем государстве или из тех, которые ныне переселились сюда, пусть отпустят их на волю, получив за каждого военнопленного сто двадцать драхм, причем деньги эти будут отпущены солдатам вместе с их жалованием, всем же остальным будут отпущены из личной царской казны. Дело в том, что я вполне уверен, что эти люди были взяты в плен помимо желания отца моего и совершенно несправедливо, причем страна их сильно потерпела от своеволия солдат, которые, в свою очередь, извлекли из этого переселения евреев в Египет для себя лично великую выгоду. Преследуя поэтому теперь одну лишь справедливость и питая сострадание к столь незаконным образом притесненным, я повелеваю даровать свободу всем живущим у нас иудеям, по получении установленной за каждого из них выкупной платы, и желаю, чтобы никто не ослушался этого моего приказа, но в точности исполнил его. Я также желаю, чтобы освободительные грамоты с точным описанием освобожденного лица были, в присутствии последнего, заготовлены в трехдневный срок после совершения самого акта освобождения, и полагаю, что это принесет нам одну только пользу. Пусть будет донесено о всяком, кто вздумал бы ослушаться этого предписания, и тогда я распорядюсь забрать все имущество ослушника в царскую казну».

Когда этот указ был прочитан царю, причем тут было помещено все, кроме постановления об освобождении ранее или позже Птолемея переселенных (в Египет) иудеев, которое было опущено, царь сам великодушно прибавил к тексту

соответствующее гуманное постановление и, одобрив его в такой редакции, повелел своим казначеям и лицам, заведовавшим его суммами, приготовить нужные выкупные деньги. Это было быстро сделано, и таким образом постановление царя было всего в семидневный срок приведено в исполнение. Общий итог выкупных платежей достиг суммы свыше четырехсот шестидесяти талантов, ибо хозяева требовали себе выкупа также за каждого из несовершеннолетних иудеев, потому что царь в своем указе об освобождении иудеев употребил выражение «получить вознаграждение за каждого пленного».

4. Когда это было сделано сообразно великодушному постановлению царя, последний повелел Димитрию подать свое прошение относительно еврейских книг. При этих царях (т.е. Птолемах) все делалось по установленным формам, причем именно формы соблюдались с величайшей точностью. Ввиду этого были занесены в архив не только копия того прошения и копии с писем, обмененных по этому поводу, но и количество отосланных жертвенных даров с отметкой на каждом всех изображений, так что всякий желающий мог узнать по этому об искусстве художника и немедленно узнать последнего по качеству изделия его. Копия же того прошения была составлена в следующих выражениях:

«Великому царю от Димитрия. Так как ты, царь, сделал распоряжение о пополнении своей библиотеки еще недостающими сочинениями и о разыскании случайно затерявшихся книг, я всеусердно докладываю тебе, что у нас, между прочим, не имеется книг по иудейскому законодательству. К тому же последние, писанные еврейским шрифтом и на чуждом нам языке, нам недоступны. Тебе, вероятно, было донесено о них не так точно, как бы тебе, царю, следовало знать о том. А между тем необходимо, чтобы и они тебе были известны, ибо изложенное в них законодательство, как исходящее от самого Бога, свидетельствует о значительной мудрости и возвышенности иудейского учения. В силу того же соображения, как замечает Гекатей из Абдеры, не упоминают о нем ни поэты, ни историки, ни те, кто сообразно ему правил государством: ведь законодательство это священно и не должно профанироваться нечистыми устами. Поэтому, царь, если пожелаешь, напиши иудейскому первосвященнику, чтобы он прислал тебе по шести самых опытных в законах старцев из каждого

колена, дабы мы могли от этих людей узнать точное и полное содержание тех книг и, получив от них верный перевод, достойным образом исполнить твое в этом деле желание».

5. По получении этого прошения царь приказал написать о том иудейскому первосвященнику Елеазару и вместе с тем сообщить ему об освобождении от рабства живших (в Египте) евреев. При этом он отпустил для приготовления чаш, кубков и сосудов золота в слитках на пятьдесят талантов (а также на семьдесят талантов серебра) и огромное количество драгоценных камней. Вместе с тем царь повелел хранителям ящиков, в которых находились эти камни, предоставить выбор камней на личное благоусмотрение художников. Сверх того он приказал отпустить деньгами до ста талантов на жертвоприношения в храме и прочие нужды. Но раньше, чем мне рассказывать о сооруженных дарах и об их отделке, и раньше, чем мне приводить содержание отправленного первосвященнику Елеазару письма, я скажу, каким образом первосвященник этот достиг своего высокого сана. Поводом к тому послужило следующее.

По смерти первосвященника Онии преемником последнего стал его сын Симон, получивший за свое благочестие и за свое доброе расположение к своим единоплеменникам прозвание «Праведный». Когда же он умер, оставив после себя несовершеннолетнего сына Онию, брат Симона, Елеазар, о котором как раз теперь у нас идет речь, получил первосвященство. Ему-то Птолемей отправил следующее письмо:

«Царь Птолемей посылает первосвященнику Елеазару привет свой. В моем государстве жило много иудеев, которые, поднав после персидского плена власти отца моего, пользовались большим с его стороны уважением, причем одних из них он принял в ряды своего войска за повышенную плату, а другим, прибывшим с ним в Египет, дал земельные участки и разместил их по крепостям с поручением охранять (границы) и держать египтян в страхе и повиновении. Затем, когда я вступил на престол, я отнесся ко всем гуманно, особенно же к твоим согражданам, из которых свыше ста тысяч человек я освободил от рабства и плена, заплатив выкупные за них деньги из собственных моих средств, приняв наиболее молодых и сильных юношей в число своих воинов и сделав некоторых из них своими приближенными, доверив наиболее,

по-моему, способным охрану собственного дворца. Всем этим я полагал принести Предвечному соответственную благодарность за явленное Им обо мне попечение.

Желая сделать приятное всем живущим на земле иудеям, я решил приступить к переводу вашего закона и, переведя его с еврейского языка на греческий, поместить эту книгу в число сочинений моей библиотеки.

Поэтому ты поступишь хорошо, если выберешь по шести престарелых мужей из каждого колена⁵, которые вследствие продолжительности занятий своих законами многоопытны в них и смогли бы в точности перевести его. Я полагаю стяжать себе этим делом величайшую славу. Поэтому посылаю тебе для переговоров относительно этого начальника моих телохранителей, Андрея и Аристея, которые оба пользуются в моих глазах величайшим почетом. Через них я посылал и первое свое пожертвование на храм, для жертвоприношений и всего прочего, именно сто талантов серебра. Итак, ты окажешь мне услугу, если спросишь у меня, чего желаешь».

6. Получив это письмо царя, Елеазар в ответ на него написал следующее в самых почтительных выражениях. «Первосвященник Елеазар посылает привет свой царю Птолемею. Если ты, царица Арсиноя и дети ваши здоровы, то мы вполне довольны. По получении твоего послания мы очень обрадовались твоему намерению и, собрав народ, прочитали ему об этом, причем объяснили ему всю степень твоего благочестия по отношению к Всевышнему. Вместе с тем мы показали народу также посланные тобою двадцать золотых и тридцать серебряных сосудов, пять чаш и стол для жертвоприношений и те сто талантов, в которых столь нуждается наш храм для жертвоприношений и усовершенствования своего убранства и которые доставили нам Андрей и Аристей, лучшие из приближенных твоих, мужи славные, благовоспитанные и вполне достойные твоей добродетели. Поэтому, будь уверен, мы исполним все тебе угодное, хотя бы это и шло вразрез с нашими привычками⁶, ибо нам следует воздать тебе благодарность за твои столь щедро явленные нашим соотечественникам благодеяния. Ввиду всего этого мы немедленно принесли жертвы за тебя, сестру твою⁷, детей и друзей ваших, а народ присоединил к этому молитву, чтобы все твои начинания исполнялись, чтобы царство твое сохранялось в мире и

чтобы предпринятый тобою перевод законов благополучно удался тебе же на пользу. Я уже выбрал по шести более престарелых мужей из каждого колена и отправил их к тебе с законом. Затем мы рассчитываем на твоё благочестие и справедливость, в силу которых ты отошлешь нам, по снятию копии, оригинал законов, причем озаботишься, конечно, и об охране лиц, получивших это поручение. Будь здоров».

7. Таково было содержание ответного послания первосвященника. Я, впрочем, не считаю нужным приводить здесь имена семидесяти старцев, которые, будучи посланы Елеазаром, доставили царю закон, тем более что имена их отмечены в самом письме. Но зато я полагаю уместным остановиться здесь на описании драгоценных жертвенных даров, которые царь послал в честь Предвечного, дабы открыто засвидетельствовать Ему свое глубокое почитание. При этом царь не только ассигновал крупнейшую на это сумму, но сам постоянно посещал художников и следил за тем, чтобы все вещи были сооружаемы заботливо и тщательно. Хотя повествование, очевидно, и не требует, чтобы я в подробностях описывал все эти драгоценности, однако я все-таки беру на себя этот труд, желая выяснить читателям своим художественный вкус и великодушие царя.

8. Сперва я дам описание жертвенного стола. Имея в виду сделать его особенно крупных размеров, царь велел узнать о размерах уже имевшегося в Иерусалиме стола, а также о том, возможно ли соорудить стол еще больших размеров. Когда же царь узнал об его величине, а также, что ничто не препятствует соорудить еще больший, он выразил желание сделать стол в пять раз крупнее, но присоединил к этому опасение, как бы стол не оказался, по величине своей, негодным для богослужебных целей (а между тем царь именно имел в виду преподнести дары не только показательные, но и удобные для богослужения). Поэтому он решил соорудить стол одинаковой с уже имевшимся величины, но вместе с тем такой, который превосходил бы его обилием золота, красотой и богатством употребленного на него материала. Усердие его доходило до того, что он не только старался осмотреть всевозможные художественные произведения и познакомиться с разными новыми и редкими образцами, но и до того, что он сам пустил в ход природенные свои способности к рисованию и

делал эскизы, которые предлагал художникам, чтобы они могли по ним работать и имели точный образец для старательного выполнения предпринятой задачи.

9. Лица, которым была поручена эта работа, соорудили стол в два с половиной локтя длины, в один локоть в ширину и в полтора локтя вышины и вылили его целиком из золота. Края стола были сделаны в виде венка в ладошь ширины, которые на концах были загнуты и здесь снабжены витыми рельефными изображениями, так что один и тот же рисунок удивительным образом был виден в трех разных положениях. Дело в том, что стол был трехугольный и каждая сторона его являла один и тот же рисунок, так что, с какой стороны ни повернуть стол, все был виден один и тот же рисунок. Если края стола с внутренней своей стороны были украшены соответственными рельефами, то наружная сторона их, долженствовавшая бросаться в глаза, отличалась значительно большей красотой отделки. С этой-то целью и выдававшиеся кверху и книзу края были загнуты, так что ни один из углов, которых, как мы уже упомянули, было три, не уступал другому по красоте отделки. Витая полоса бортов была усеяна рядами драгоценных камней, сдерживавшихся золотыми проволоками, которые проходили сквозь отверстия в камнях. Наклонная, особенно бросающаяся в глаза сторона краев стола была украшена яйцевидными дорогими камнями, уложенными частыми рядами и образовавшими как бы рельефную сетку, которая шла кругом всего стола. Под этим яйцевидным рельефным узором художники сделали венок, состоявший из всевозможного рода плодов, так что в одном месте свешивалась кисть винограда, в другом выступал колос, в третьем прятался гранат. Камни озяряли все вышеназванные плоды, сообразно цвету каждого из них, и все это сдерживалось золотой оправой кругом всего стола. Под этим венком опять находилось то же самое украшение и ряд яйцевидных камней, подобных верхнему ряду, так что стол сверху и снизу являл одинаково красивую и искусную картину; поэтому, если бы перевернуть крышку стола, чтобы углы и венок изменили свои положения, все-таки не получалось никакой разницы. Та же самая цель преследовалась и при устройстве ножек стола. Художники сделали золотую, в четыре пальца толщины, раму под всей

крышкой стола и, впустив в эту раму ножки, укрепили их там гвоздями и винтами под бордюром, так что можно было поставить стол как угодно, и он всегда казался одинаково оригинальным и драгоценным. На поверхности стола были выгравированы арабески, в середине которых были вделаны во всевозможных сочетаниях драгоценнейшие камни, подобные звездам, а именно карбункулы и изумруды, очаровывающие всех людей, равно как всякие другие камни, которые по своей драгоценности вызывают в особенно значительной мере восторг и изумление зрителей. Рядом с арабесками тянулась витая цепь, замыкавшая собою рисунок посредине стола и состоявшая из хрусталя и янтаря, которые своим сопоставлением друг с другом вызывали чрезвычайный восторг всех осматривавших их. Верхние части ножек были сделаны наподобие лилий, причем края их листьев были вогнуты внутрь и подходили под крышку стола, тогда как снаружи резко выделялись выступавшие между этими листьями самые цветы. Каждая подставка ножек состояла из карбункула толщиной в четыре пальца и длиной в восемь дюймов, который имел форму сапога; на последнем уже покоились самые ножки. Эти ножки были выделаны весьма старательно до последних мелочей, так как художники изобразили на них ветки плюща и лозы с виноградными гроздьями, и притом столь естественно, что их можно было принять за настоящие; дело в том, что по своей нежной и тонкой работе они колебались от ветра и тем самым давали полную иллюзию природных растений, заставляя забывать, что они являются искусственными. Весь стол был художественным образом составлен из трех примыкавших настолько плотно друг с другом частей, что совершенно не видно было места их скрепления и даже нельзя было предполагать его существование. Толщина крышки стола была не менее чем в пол-локтя.

10. Таким образом, благодаря великому усердию царя, этот подарок отличался как по ценности своего материала, так и по изяществу отделки и формы и мог служить образцом для других художников, причем царь постарался сделать его если и не отличающимся по величине от уже имевшегося в (иерусалимском) храме стола, то, по крайней мере, по искусству, по повизне устройства, по блеску отделки значительно более ценным и видным.

Равным образом были сооружены две золотые чаши на резных чешуйчатых подставках, шедших от основания до середины ножки и усыпанных по краям разноцветными камнями. Затем на каждой из них был сделан замысловатый в локоть ширины витой рисунок из всевозможных камней, а под ним помещался вплоть до краев рельефный узор в виде плетеной сетки. Верх красоты являли прелестные, помещенные посредине чаши щитовидные камни величиной в четыре дюйма. Края же каждой чаши были окружены венком из лилий, листвы и виноградных лоз, обвивавшихся вокруг всего сосуда. Таким-то образом были сооружены эти золотые чаши, из которых каждая вмещала в себя по две амфоры. Серебряные же чаши блестели сильнее зеркала, так что в них гораздо лучше, чем в зеркалах, отражались изображения всевозможных предметов. Помимо этих сосудов, царь велел заготовить еще тридцать других фиалов, из золота, правда, но уже без драгоценных камней, а украшенных зато искусными рельефными изображениями в виде веток плюща или виноградных лоз.

Все это было сделано так не только вследствие опытности художников, обладавших удивительными познаниями в своем искусстве, но гораздо более вследствие чрезвычайно усердия и рвения самого царя. Последний не только предоставил художникам обильнейшие средства и не щадил в этом смысле казны, выказывая крайнее великодушие, но отказался даже от государственных дел своих и сам присутствовал и лично руководил всей работой художников. Это же, в свою очередь, повлияло на то, что художники необычайно старались, так как они, видя усердие царя, с особенной тщательностью отнеслись к своей задаче.

11. Таковы были жертвенные дары, отправленные Птолемею в Иерусалим. Первосвященник Елеазар поместил их в храме, почтил по возможности лиц, доставивших эти дары, и затем отпустил посланных обратно к царю, вручив им подарки для последнего. Когда эти люди прибыли в Александрию и Птолемей узнал об их прибытии и приезде семидесяти старцев, он тотчас послал за своими уполномоченными, Андреем и Аристеом. Явившись к царю, последние вручили ему письмо первосвященника и сообщили ему то, что первосвященник велел передать ему словесно. Так как царь очень

хотел повидаться с прибывшими из Иерусалима старцами и побеседовать с ними относительно перевода законов, то распорядился отправить домой всех лиц, явившихся к нему по делам, сделав этот раз исключение из общего правила и поступив вопреки обычаю. Дело в том, что докладчики являлись к царю через каждые пять дней, послов же он обыкновенно принимал раз в месяц. Теперь, однако, он отпустил всех, лишь бы иметь свидание с посланными Елеазара.

Когда эти старцы предстали перед ним с присланными первосвященником подарками и со свитками, на которых были золотыми буквами записаны законы, царь (немедленно) спросил их о книгах, а они показали их ему, вынув из помещений. Царь в течение некоторого времени с удивлением рассматривал тонкий пергамент и изумлялся невидимому скреплению отдельных листов между собой (которое было сделано очень искусно); затем он поблагодарил старцев за их приезд и выразил еще большую признательность по адресу пославшего их, а наибольшую — Господу Богу, от которого исходили данные законы.

Когда же и старцы и все присутствующие в один голос пожелали царю всех благ, царь в волнении от великой радости прослезился; ведь большая радость обыкновенно выражается подобным же образом, как и глубокая печаль. Велев затем отдать книги соответствующим чиновникам, он лишь теперь обратился к посланным с приветствием, причем сказал, что он нарочно сперва поговорил с ними по поводу их приезда, а потом уже приступил к частной беседе с ними. Тот день, продолжал он, в который они явились к нему, он обещал обратить в праздник, и на самом деле в течение всей его жизни этот день считался таковым. Это как раз тот самый день, в который он одержал на море победу над Антигоном⁸. Затем он пригласил старцев к себе на обед и распорядился отвести им наилучшие помещения вблизи дворца.

12. Никанор, которому было поручено оказать должный прием гостям, позвал Дорофея, на обязанности которого лежало вообще заботиться о вновь прибывших, и повелел ему озаботиться доставлением каждому из старцев всех удобств. В этом смысле царем были сделаны следующие распоряжения: в каждом городе, где не имелось ничего для удобства чужеземцев, имелось лицо, на обязанности которого лежало

озаботиться приемом иностранцев и доставить им все, что соответствовало их обычаям, дабы гости, найдя здесь все по-домашнему, были вполне довольны и не чувствовали неприятности на чужбине. Так было поступлено и относительно иудейских старцев этих, причем на долю Дорофея выпало озаботиться доставлением им всевозможных удобств во время их пребывания. Поэтому он сам достал все нужное для угощения гостей и велел поместить, по специальному приказанию царя, приборы на столе с двух сторон⁹. Царь распорядился разместить одну половину старцев против себя, а другую рядом со своим ложем, и при этом не упустил случая опять оказать им высокую честь. Распределив затем таким образом места, царь приказал Дорофею заготовить все так, как к тому привыкли явившиеся из Иудеи гости. По этой же причине царь отослал всех прислужников при жертвоприношениях, самих жрецов и всех обыкновенно молившихся за трапезой и предложил одному из присутствующих иудеев, священнослужителю Елиссею, произнести молитву. Елисей выступил вперед и помолился, присоединив к молитве благословение царю и всем его подданным. На это из толпы присутствующих раздались приветственные клики и рукоплескания, а затем уже по восстановлению тишины все приступили к еде. Пропустив некоторое время, сколько ему казалось уместным, царь начал философскую беседу и задавал вопросы из области физики каждому из гостей своих, и так как не нашлось среди них ни одного, который не сумел бы дать царю на всякие вопросы толкового ответа, то Птолемей очень этому обрадовался и распорядился устраивать такие обеды в течение двенадцати дней. Всякий же, кому вздумалось бы познакомиться с вопросами, предложенными на этих пиршествах, может прочитать о том в книге, написанной Аристеем по этому поводу.

13. Когда же удивление свое выказал им не только царь, но и (присутствовавший при этом) философ Менедем заявил, что все это результат внушения свыше, почему во всех речах иудеев и констатируется совершенно естественная при таких условиях логическая сила в связи с изяществом формы, то все разговоры прекратились, а царь громко заявил, что уже самое присутствие иностранных гостей является для него величайшим благом, ибо они принесли ему ту пользу,

что он научился от них, как следует править царством. Потом он распорядился вручить каждому (из старцев) по три таланта и назначил лиц, которые должны были сопутствовать им при уходе каждого в его помещение.

По прошествии трех дней за старцами явился Димитрий и, пройдя с ними *Heptastadion* (это дамба на море к острову¹⁰) и миновав мост, достиг с ними северной части острова и ввел их всех в расположенный на морском берегу дом, который по своей уединенности был особенно пригоден для научных занятий. Приведя их сюда, Димитрий указал им на то, что тут имеется все нужное для перевода закона, и просил их немедленно приняться за дело. Переводчики с величайшим усердием и трудолюбием стали ежедневно непрерывно вылоть до девятого часа заниматься переводом, а затем покидали его, чтобы позаботиться также о своем теле. На это им в изобилии было отпущено все нужное, и к тому же Дороефей доставлял им многое от царского стола (ибо царь сделал соответственное распоряжение). Рано поутру они являлись ко двору и, приветствовав здесь Птолемея, возвращались в свое место, где омывали в море руки и, очистившись таким образом, вновь принимались за свой перевод. Когда же перевод был по прошествии семидесяти двух дней окончен и записан, Димитрий собрал всех иудеев в то место, где происходил самый перевод законов, и прочитал работу громко в присутствии переводчиков. Все собрание выразило одобрение не только мудрым старцам, изъяснившим таким путем законодательство, но и Димитрию за его счастливую мысль, осуществлением которой он даровал им столь великое благодеяние. При этом народ просил также дать прочесть закон старейшинам.

Тут же все — первосвященник, старшие переводчики и начальники над иудеями — высказали пожелание оставить перевод в таком виде, в каком он сделан, и не изменять в нем ничего, так как он вполне точен и удачен¹¹. Все присоединились к этому пожеланию и высказали мысль, чтобы всякий, кто усмотрит в переводе что-либо лишнее, какое-нибудь дополнение или упущение, немедленно справился и указал бы на необходимость поправки; в этом случае они поступили вполне предусмотрительно, ибо таким образом они навсегда гарантировали неприкосновенность и сохранение раз признанного текста.

14. И вот, если царь уже радовался тому обстоятельству, что его предприятие удачно осуществилось, то он обрадовался еще более, когда ему были прочитаны законы; он был поражен прозорливостью и мудростью законодателя. Затем он обратился к Димитрию с запросом, почему никто из историков и поэтов не упоминает о столь необычайном законодательстве. На это Димитрий ответил, что никто не решался приступить к изложению данного законодательства, потому что это божественное и священное произведение и потому что уже несколько лиц, дерзавших взять на себя эту задачу, были наказываемы за это Предвечным. При этом он привел в пример Феопомпа, который взялся сообщить народу кое-что из законов, более тридцати дней страдал умопомрачением и во время просветления старался умиловить Божество, полагая, что именно в его предприятии кроется причина его умопомешательства¹². И действительно, он видел сон, где было ему указано, что вся беда его приключилась с ним оттого, что он слишком пренебрежительно отнесся к Божественному и собиравшись сообщить свои на этот счет познания массе народной; лишь когда он отказался от своего намерения, он вновь стал нормален. Равным образом Димитрий упомянул и о трагическом поэте Феодекте¹³, который задумал вывести в одной драме данные из Св. Писания и за это был поражен слепотой. Лишь сознав свою вину и вымолив себе прощение у Предвечного, он был избавлен от своего недуга.

15. Узнав от Димитрия все вышеприведенное, царь преклонился перед книгами и распорядился относиться к ним с особенной тщательностью, дабы сохранить их в наивозможной чистоте; переводчиков же он пригласил почаще навещать его из Иудеи; это-де будет, прибавил он, не только великой для них честью, но и не безвыгодно им вследствие связанных с такими посещениями подарков. Ныне же, сказал он, справедливость требует отпустить их домой; когда же они, по собственному почину, задумают вернуться к нему, они найдут у него все, что потребовалось бы для их мудрости и что в состоянии предложить им его готовность быть им полезным. Итак, царь отпустил их и дал каждому из них по три наилучших одежды, два таланта золотом, чашу в талант ценностью и весь обеденный прибор их. Таким образом одарил он их, первосвященнику же Елеазару он послал через них

десять лож на серебряных подставках со всеми принадлежностями, чашу в тридцать талантов, кроме того, десять одежд, порфиру, великолепный головной убор, сто штук кусков ткани из виссона, а также несколько фиалов, подносов и жертвенных чаш, равно как два золотых сосуда в виде жертвенного подношения. Вместе с тем царь прибавил к этому также и письмо на имя первосвященника, где была выражена просьба, если бы кто-либо из этих переводчиков вздумал навестить царя, разрешить это, так как он, царь, высоко ставит общество развитых людей и охотно готов уделять таким лицам из своих богатств¹⁴.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. В таком необыкновенном почете были иудеи у Птолемея Филадельфа; таким же уважением пользовались они и в глазах (прочих) царей Азии после того, как приняли участие в их походах. Селевк Никатор¹⁵ удостоил их во всех основанных им в Азии и Нижней Сирии городах, равно как в самой столице, Антиохии, права гражданства и сделал их равноправными с македонянами и греками, что осталось в силе по настоящее еще время. Это видно, между прочим, из следующего обстоятельства: так как иудеи не желают пользоваться чужим маслом¹⁶, то они взимают вместо этого от гимнасархов определенную сумму денег, соответствующую стоимости масла. Когда в последнюю войну население Антиохии собиралось лишить иудеев указанной привилегии, то бывший в то время сирийским наместником Мукиан сохранил за иудеями их право на нее¹⁷. Равным образом, когда Веспасиан и сын его Тит овладели всем миром, александрийцы и антиохийцы стали домогаться лишения иудеев всех прав гражданства, но потерпели при этом неудачу. На этом примере можно констатировать покладистость и великодушие римлян вообще, в частности же, Веспасиана и Тита¹⁸, которым круто приходилось во время иудейской войны и которые были сильно раздражены невыдачей иудеями оружия и упорной решимостью биться до последней возможности; при этом эти римляне не только не лишили иудеев ни одного из указанных гражданских прав их, но подавили в себе прежнее свое против них раздражение и настойчивые требования столь

могущественной александрийской и антиохийской черни, и не решились ни в угоду этой черни, ни в силу собственного своего озлобления против врагов своих, уничтожить что бы то ни было из древних иудейских установлений, но указали на то, что евреи, поднявшие против них оружие и вступившие с ними в бой, уже достаточно дорого заплатились за это, так что нет никакого основания лишать чего бы то ни было людей ни в чем не повинных.

2. Таково же было, насколько нам известно, и отношение Марка Агриппы¹⁹ к иудеям. Дело в том, что против них восстали ионяне и стали требовать от Агриппы, чтобы он предоставил им одним те права гражданства, которые даровал им внук Селевка, Антиох, получивший у греков прозвище Бог²⁰; при этом ионяне настаивали на том, чтобы, если иудеи хотят быть уравнены с ними в правах, то они должны поклоняться и божествам ионийским; когда же возникло по этому поводу дело, то иудеи, благодаря поддержке Николая из Дамаска²¹, отстаивали свое право пользоваться своими обычными установлениями.

Агриппа при этом наотрез отказался от правоспособности вводить у евреев какие бы то ни было новшества. Если бы кто хотел в подробностях познакомиться со всем этим делом, то пусть прочтает сто двадцать третью и четвертую книги исторического труда Николая. Если же такое постановление Агриппы и не особенно удивительно (ведь наш народ в то время не вел войны с римлянами), то великодушные Веспасиана и Тита прямо изумительно, потому что эти лица сдержали себя, несмотря на такую ожесточенную борьбу с нами.

Однако я возвращусь к своему рассказу, от которого я теперь отклонился.

3. Во время правления Антиоха Великого²² над Азией иудеям пришлось претерпеть большие бедствия не только в своей стране, которая подверглась полному разгрому, но и в Келесирии. Дело в том, что в продолжение войны, веденной Антиохом с Птолемеем Филопатором и сыном последнего, Птолемеем, известным под именем Епифана, на долю евреев выпадало страдать одинаково как в случаях его победы, так и в случаях его поражения, так что они вполне уподоблялись тогда кораблю во время бури, когда он страдает с обеих сторон от волн: они находились, так сказать, посре-

дине между удачами и неудачами Антиоха. Тем временем, однако, победа осталась за Антиохом, и он присоединил к себе Иудею. Когда же Филопатор умер, сын его выслал против жителей Келесирии огромную рать под начальством полководца Скопаса, которому удалось занять множество сирийских городов и захватить также нашу страну, которая лежала на пути его и оказала ему отпор. Немного спустя, однако, Антиох победил Скопаса в битве при истоках Иордана и при этом уничтожил значительную часть его войска. Когда же затем Антиох овладел городами Келесирии, которые подчинил себе Скопас, равно как Самарией, то иудеи покорились ему добровольно, приняли его в свой город, доставили всему его войску и слонам его обильные жизненные припасы и охотно помогли ему в осаде оставленного Скопасом в иерусалимской крепости гарнизона. Считая уместным воздать иудеям за выказанное ими по отношению к нему рвение и расположение, Антиох отправил затем своим военачальникам и приближенным послания, в которых свидетельствовал, как хорошо отнеслись к нему иудеи, а также указал на то, какие награды он решил дать иудеям за это.

Я пока оставляю в стороне написанное царем военачальникам письмо об иудеях и укажу, в каких выражениях свидетельствует нам об этом Полибий из Мегалополя, который в шестнадцатой книге своей истории говорит следующим образом:

«Двинувшись в выше расположенные местности, военачальник Птолемея Скопас подчинил себе зимой народ иудейский». Указав затем на победу, одержанную Антиохом над Скопасом, историк в той же книге продолжает: «Антиох занял Ватамею, Самарию, Авилу и Гадару, и вскоре затем к нему явились иудеи, живущие около храма, который носит название Иерусалима. Об этом я мог бы сообщить кое-какие подробности, особенно же о роскошном убранстве святилища, но разговор об этом мы отложим до другого раза». Так повествует Полибий. Мы же теперь вернемся к нашему рассказу и приведем сперва содержание письма царя Антиоха. Вот оно.

«Царь Антиох посылает привет Птолемею²³. Лишь только я вступил в страну иудеев, последние приняли нас дружелюбно, при вступлении нашем в их город оказали нам блестящий прием, выйдя к нам навстречу со всеми старейшинами, в избии доставили нам припасов для солдат и слонов и помог-

ли нам изгнать египетский гарнизон из крепости. Поэтому и мы²⁴ решили воздать им за это, восстановить их сильно пострадавший от непрерывных войн город и дать возможность множеству рассеянных повсюду евреев вернуться в него и вновь поселиться здесь. Ввиду этого мы для начала решили дать им за их благочестие все необходимое для жертвоприношений, именно жертвенных животных, вина, масла и курений, всего на сумму двадцати тысяч сребреников, шесть священных артаб²⁵ для пшеничной муки, сообразно их обычаю, одну тысячу четыреста шестьдесят мер пшеницы и триста семьдесят пять мер соли. Я желаю, чтобы все это, по точному моему приказу, было выдано им, равно как повелеваю закончить дело постройки храма, портиков вокруг последнего и всего, что бы потребовалось еще пристроить. Потребный для этого строительный материал пусть будет доставлен из пределов самой Иудеи, от других народов и из Ливана, и притом без взимания какой бы то ни было пошлины.

То же самое касается и всего прочего, что могло бы способствовать украшению храма. Пусть все принадлежащие к иудейскому народу управляются по собственным своим законам; пусть совет старейшин, священнослужители, ученые при храме и певчие будут освобождены от подушной, казенной и всякой другой подати. А для того, чтобы город скорее успел отстроиться, я освобождаю настоящих его жителей, равно как всех тех, кто бы вздумал поселиться в нем до месяца Гиперверетей, от всех повинностей в течение трех лет. Равным образом и впредь мы освобождаем их от третьей части всех налогов, пока жители не оправятся от понесенных ими убытков.

Всех же лиц, которые были уведены из этого города в рабство, мы сим отпускаем вместе с их потомством на свободу, повелевая вместе с тем вернуть им их имущество».

4. Таково было содержание письма. Затем царь издал, желая выделить святилище, распоряжение по всей стране, в том смысле, что ни одному иноземцу не позволено вступать в то отделение святилища, которое закрыто и для иудеев, исключая тех из последних, которые посвящены на то и которым это разрешается местными законами. Далее было постановлено, что никто не смеет ввозить в город мясо лошадиное или свинину, или диких или домашних ослов, кошек, лисиц, зайцев и вообще всех запрещенных иудеям жи-

вотных. Также воспрещалось ввозить в город шкуры таких животных или держать их в городе; лишь издревле употреблявшиеся для жертвоприношения животные, которые необходимы при богослужении, могли находиться в пределах города. Всякий же, нарушивший какое-нибудь из этих постановлений, подвергался штрафу в три тысячи драхм серебром в пользу священнослужителей.

Удостоверяя наше благочестие и верность, царь написал об этом в то время, когда находился в нагорных сатрапиях, и узнал, что во Фригии и Лидии готовятся перевороты. По этому поводу он повелел своему военачальнику и очень близкому человеку, Зевксиду, послать некоторых из наших из Вавилона во Фригию. Содержание этого приказа следующее:

«Царь Антиох посылает привет «отцу» своему Зевксиду. Если ты здоров; хорошо, я здоров. Узнав, что в Лидии и Фригии происходят беспорядки, я пришел к заключению, что на это мне следует обратить особенное внимание. Когда же я посоветовался с друзьями, то мы пришли к решению переселить в крепости и наиболее опасные места две тысячи иудейских семейств из Месопотамии и Вавилонии, снабдив их всем необходимым. Я убежден, что эти люди, вследствие своего благочестия, будут преданными нам стражами, тем более что, как я знаю, мои предки засвидетельствовали их преданность и готовность оказывать поддержку там, где это от них требуется. Поэтому, несмотря на всю трудность этого дела, я желал бы переселить их туда с разрешением им жить по их собственным законам. Когда ты распорядишься доставить их на указанные места, назначь каждому из них по участку для постройки здания, а также по наделу для земледелия и виноградарства и освободи их на десятилетний срок от всех податей с их полей. Пока они не получают с своей земли плодов, пусть будет выдаваемо им содержание из средств, назначенных для моих личных слуг; пусть будет выдано вознаграждение также и тем, которые добровольно окажут им в чем-либо поддержку, дабы выражение нашей признательности еще более привязало этих людей к нашим интересам. Одним словом, позаботься о народе, чтобы ему ни с чьей стороны не подвергаться неприятностям».

Этих фактов достаточно для удостоверения расположения Антиоха Великого к иудеям.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. После этого Антиох заключил дружественный союз с Птолемеем, выдал за него замуж дочь свою Клеопатру и уступил, ему, в виде приданого за ней, Келесирию, Финикию, Самарию и Иудею²⁶. Так как подати (с этих стран) делились между обоими царями, то знатнейшие люди в каждой стране брали себе на откуп эти подати и, собрав требуемую подушную податную сумму, выплачивали ее царям. В это время самаряне, которым теперь жилось хорошо, причинили много неприятностей иудеям, разграбляя их страну и похищая их население.

Все это случилось при первосвященнике Онии²⁷. Когда умер Елеазар, первосвященство перешло к его дяде Манасии, после кончины которого этот сан перешел к Онии, сыну Симона Праведного; Симон же, как мы указали выше²⁸, был братом Елеазара. Этот Ония был человеком недалекого ума и очень корыстолюбивым; вследствие последнего обстоятельства он не выплатил царям подати, которую предки его обыкновенно платили из собственных средств, именно в размере двадцати талантов серебра. Этим он возбудил против себя гнев царя Птолемея (Евергета, который был отцом Птолемея Филопатора), так что Птолемей отправил в Иерусалим посланного с упреком, что он не выплатил налога, и с угрозой, что он разделит страну на участки и пошлет туда, в виде постоя, своих солдат, если не получит указанной суммы. Услышав эту угрозу царя, иудеи растерялись, но Онию это нисколько не потревожило в его корыстолюбии.

2. Некий же Иосиф, сын Товия, еще совсем молодой человек, пользовался у иерусалимцев доброй славой вследствие своей порядочности, своего ума и праведности; мать его была племянницей первосвященника Онии. Когда же мать его сообщила ему о прибытии посла (а Иосиф как раз находился в то время в родной деревушке своей Фихоле), он тотчас направился в город и стал укорять Онию за то, что последний нисколько не заботится о безопасности своих сограждан, но желает, по своей любостыжательности, свергнуть народ в опасности; при этом юноша указывал также и на то, что именно корыстолюбие побудило Онию принять на себя власть над народом и добиваться первосвященнического

сапа. Если же он уж столь сильно привязан к деньгам, что ради них спокойно может взирать на угрожающую отечеству опасность и на всевозможные будущие бедствия своих сограждан, то, советовал Иосиф, ему лучше пойти к царю и упросить его предоставить ему либо всю сумму денег, либо некоторую часть их. Когда Ония ответил на это, что он уж вовсе не так желает властвовать и готов, если только это возможно, охотно сложить с себя первосвященство, но отнюдь не желает отправиться к царю (потому что уж он все не так дорожит всем этим), то Иосиф спросил, не позволит ли ему Ония отправиться к Птолемею в качестве заступника за народ. Получив на то согласие, Иосиф вошел в храм и, пригласив народ на сходку, стал убеждать его не беспокоиться и не бояться нерадивого к ним отношения его дяди Онии, но просил иудеев выкинуть из головы все их мрачные на этот счет опасения. При этом он указал собранию, что он сам собирается отправиться к царю и убедить его в том, что народ ни в чем не повинен. Услышав это, народ выразил Иосифу свою признательность, юноша же покинул храм и любезно принял посланного Птолемеем человека; затем он одарил его ценными подарками и, радушно угостив его в течение целого ряда дней, отправил назад к царю с указанием, что он сам вскоре отправится следом за ним. Теперь Иосифу еще более хотелось поехать к царю, потому что посланец особенно настоятельно побуждал его к этому и уговаривал его к поездке в Египет, вдобавок обещая Иосифу исполнение со стороны Птолемея всех его просьб. Посланному очень понравились свобода обращения и видимая порядочность юноши.

3. И вот, когда посланный вернулся в Египет, то рассказал царю о недалёковидности Онии и о порядочности Иосифа, а также о том, что Иосиф собирается прибыть к нему, чтобы просить за народ, которого заступником он является. Он расточал юноше столько похвал, что как сам царь, так и его жена Клеопатра оказались вполне на стороне Иосифа еще раньше, чем последний успел прибыть. Тем временем Иосиф разослал к своим друзьям в Самарии приглашение одолжить ему денег, сам заготавливал все необходимое для путешествия, одежды, сосуды и выучный скот, и затем, после всех этих сборов, обошедшихся ему около двадцати тысяч драхм, от-

правился в путь и прибыл в Александрию. Как раз к тому же времени случайно поехали туда все именитые граждане и начальствующие лица из сирийских и филадельфийских городов с целью приобретения прав на откуп податей; царь ежегодно предоставлял это наиболее влиятельным лицам в каждом городе. Когда эти люди встретили по пути Иосифа, то стали глумиться над его бедным и неказистым одеянием. Когда же он прибыл в Александрию и узнал, что царь Птолемей находится в Мемфисе, то он отправился к нему туда, чтобы видеть его там. Царь как раз сидел в колеснице со своей женой и приближенным своим Афинионом (это было именно то лицо, которое было послано им в Иерусалим и радушно принято там Иосифом). Увидя Иосифа, Афинион немедленно сообщил царю, что это именно и есть тот самый юноша, о преимуществах которого он рассказывал ему по возвращении своем из Иерусалима. Тогда Птолемей первый приветствовал его и пригласил его к себе в экипаж; затем же, когда тот сел, царь начал жаловаться на действия Онии. Иосиф же сказал: «Прости его ради старости; ведь тебе, вероятно, неизвестно, что у стариков и у малых детей одинаковый разум. Мы, молодежь, отнесемся к тебе во всем так, что тебе не придется жаловаться». Приятно пораженный любезностью и благовоспитанностью юноши, царь еще больше полюбил его после личного с ним знакомства, так что приказал ему отвести помещение в собственном дворце и ежедневно приглашал его к своему столу. Когда же царь прибыл в Александрию, то сирийские вельможи, увидя рядом с ним Иосифа, понятно, отпеслись к этому весьма несочувственно.

4. Когда наступил день, в который должен был произойти торг на откуп податей, все стали торговаться и предлагать свои цены. За откуп податей со всей Келесирии, Финикии, Иудеи и Самарии было предложено до восьми тысяч талантов. Тогда выступил Иосиф, стал укорять откупщиков за то, что они предлагают за подати столь ничтожную сумму, и сам предложил внести двойную сумму и вдобавок присоединить к тому еще все взыскания, которые получались за оскорбление лиц царской семьи и прежде обыкновенно присоединялись к податному фонду. Царь принял такое предложение с удовольствием и распорядился предоставить откуп податей Иосифу — как лицу, дававшему значительно большую сумму за

них. Когда же царь спросил его, каких поручителей он может представить за себя, тот отвечал очень тонко: «Я представляю вам людей прекрасных и безупречных, которым вы вполне поверите». На вопрос же царя, кто эти люди, юноша ответил: «Царь! Поручителями себе я назову самого тебя и супругу твою, каждого в равной половинной части».

Птолемей рассмеялся и предоставил ему откуп податей без поручительства. Это обстоятельство крайне огорчило лиц, прибывших из разных городов в Египет, потому что они таким образом ошиблись в своих расчетах.

5. Они с позором вернулись каждый в свой родной город; Иосиф же, получив от царя отряд в две тысячи воинов (которых он выпросил у него в помощь, если бы пришлось в городах прибегнуть к силе) и заяв у приближенных царя в Александрии пятьсот талантов, выступил в Сирию. Прибыв в Аскалон, потребовав от граждан уплаты податей и получив от них не только полный отказ, но и подвергшись насмешкам с их стороны, он схватил двадцать человек зачищников этих беспорядков и распорядился казнить их. Затем он овладел их имуществом на сумму до тысячи талантов и послал эти деньги царю с подробным донесением обо всем случившемся. Птолемей удивился его распорядительности, похвалил его за его образ действий и представил ему в дальнейшем полную свободу движений. Когда об этом узнали сирийцы, то очень испугались, и так как казнь аскалонских мужей представлялась им грозным примером наказания за непослушание, добровольно открыли Иосифу ворота своих городов, впустили его и стали выплачивать ему подати. Лишь население Скифополя вздумало встретить его насмешками и позволило себе не доставить ему податей, которые они раньше выплачивали без околочностей; тогда Иосиф и здесь казнил зачищников (беспорядка) и отправил к царю их имущество. Собрав значительные денежные средства и при этом способом откуна податей имея крупную выгоду, он употребил заработанные таким образом деньги на укрепление своего положения, вполне основательно полагая, что лучше всего будет гарантировать себе путем денег основание дальнейшего своего успеха. Ввиду этого он посылал лично от себя царю, Клеопатре, их друзьям и всем влиятельным придворным подарки, снискивая себе таким образом их расположение.

6. Так удачно вел он дела свои в течение двадцати двух лет, причем имел от одной жены семерых детей, от другой, дочери брата своего Солимия, одного по имени Гиркан. На последней он женился следующим образом: однажды он отправился в Александрию со своим братом, который вез с собою свою дочь, достигшую уже возраста, когда ее можно было выдать замуж за какого-нибудь именитого иудея. Когда во время обеда у царя в залу вошла красивая танцовщица, Иосиф воспылал к ней страстью и сообщил о том брату своему с присовокуплением просьбы помочь ему скрыть эту проделку (так как иудеям по закону запрещено сходитья с иностранкой) и поспособствовать ему получить эту женщину для удовлетворения своей страсти. Брат охотно взялся исполнить это поручение, ночью велел своей дочери приарядиться, повел ее к Иосифу и оставил ее ему. Не ведая в своем опьянении, что делает, Иосиф сошелся с дочерью своего брата и, повторив это несколько раз, был очень доволен. Потом он заявил своему брату, что рискует своей жизнью, так как имел дело с танцовщицей, которую ему царь, вероятно, не предоставил бы. Однако брат успокоил его, прося не тревожиться на этот счет, безбоязненно пользоваться обществом любимой женщины и взять ее себе в жены, причем сообщил Иосифу всю правду, сказав ему, что предпочел отдать ему лучше свою собственную дочь, чем видеть его позор и беду. За эту его любовь к нему Иосиф похвалил своего брата, стал жить с его дочерью и получил от нее сына, вышеупомянутого нами Гиркана.

Едва достигнув тринадцатилетнего возраста, этот младший сын Иосифа стал обнаруживать такое физическое и умственное развитие, что навлек на себя страшную ненависть со стороны своих братьев, которые могли превзойти его лишь в одном, именно в чувстве завистливости. Так как Иосифу хотелось знать, кто из сыновей его наиболее дельный, он посылал их всех поочередно к знаменитейшим в то время учителям. Однако все сыновья (кроме Гиркана) возвращались к нему неразвитыми неучами, вследствие своего легкомыслия и склонности к изнеженности и лени. Затем он послал младшего сына, Гиркана, со стадом в триста пар волов в пустыню, в местность, находившуюся на расстоянии двух дней пути, с тем, чтобы Гиркан обработал там участок земли, но при этом Иосиф нарочно не дал ему яремных ремней. Когда Гиркан

прибыл на место и не пашел ремней, он обратился за советом к погонщикам волов, как ему быть. Те посоветовали ему послать к отцу за ремнями. Однако юноша, не считая возможным терять время в ожидании возвращения посланных, выдумал нечто очень ловкое, совершенно не соответствовавшее его юному возрасту, а именно, велел зарезать десять пар волов, он распределил их мясо между рабочими, затем нарезал из шкур ремни, связал ими волов и, обработав таким образом указанный ему отцом участок земли, вернулся домой. Когда он пришел к отцу, последний еще более полюбил его за его сообразительность, похвалил его за остроумие и решительность и сосредоточил на нем одном всю свою любовь, как будто бы он один только и был настоящим его сыном, на что, конечно, досадовали остальные братья Гиркана.

7. Когда Иосифу было около того времени сообщено, что у царя Птолемея родился сын, и когда все именитые люди из Сирии и других подвластных областей с торжеством отправились в Александрию для отпразднования дня рождения дитяти, то сам Иосиф, вследствие преклонного возраста своего, должен был остаться дома; поэтому он спросил сыновей своих, не хочет ли кто-нибудь из них отправиться к царю. Так как все старшие отказались от этого, ссылаясь на свою неотесанность для пребывания при дворе, и советовали старику послать туда их брата Гиркана, Иосифу поправилась эта мысль; он позвал Гиркана и спросил его, не может ли он отправиться к царю и сделает ли он это охотно. Когда последний согласился поехать и присовокупил к этому, что ему не нужно на дорогу много денег (он-де будет жить скромно, так что довольно будет десяти тысяч драхм), отец опять порадовался благоразумию сына. Некоторое время спустя Гиркан посоветовал отцу не посылать царю от себя подарков, но дать ему, Гиркану, письмо к их делопроизводителю в Александрии с распоряжением выдать ему необходимую сумму на покупку лучших и драгоценных подарков. Тогда Иосиф, полагая, что десяти талантов хватит на покупку этих подарков царю, похвалил сына за добрый совет и написал соответствующее письмо на имя управляющего своего, Ариона, который заведовал всеми его находившимися в Александрии деньгами, достигавшими суммы не менее трех тысяч талантов. Дело в том, что Иосиф обыкновенно отсылал получаемые в Сирии

деньги в Александрию и затем, когда наступал срок выплаты царю податей, давал соответствующее распоряжение Ариону. К последнему-то Гиркан и попросил у отца письмо и, получив его, собрался в Александрию.

Однако после его отъезда братья отправили ко всем царским приближенным письма с просьбой погубить Гиркана.

8. Когда, по прибытии в Александрию, юноша передал Ариону письмо и тот спросил его, сколько талантов он желает получить (Арион рассчитывал на требование в десять талантов или немного больше), Гиркан отвечал, что ему нужна тысяча талантов. Тогда управляющий рассердился, стал упрекать его в разгульном образе жизни и сказал, каким образом отец его, бедствуя и воздерживаясь от всего, скопил себе свое состояние, причем просил его поставить себе в пример родителя. При этом Арион заметил, что он выдаст ему десять талантов и ни драхмы больше, да и то на приобретение подарков царю. Тогда юноша, в свою очередь, рассвирепел и приказал заковать Ариона в цепи²⁹. Жена же Ариона сообщила об этом Клеопатре и просила ее обуздать юношу (Арион пользовался у царицы большим почетом); Клеопатра, в свою очередь, сообщила обо всем царю. Тогда Птолемей отправил к Гиркану человека с выражением удивления по поводу того, что Гиркан, будучи послан к нему отцом своим, не только не отрекомендовался царю, но вдобавок еще заковал управляющего; тут же выражалось требование явиться к царю и объяснить ему весь этот случай. На это будто бы юноша велел передать царю, что у него (как иудея) существует закон, в силу которого запрещается отведывать чего-либо раньше, чем пойдет в храм и принесет Предвечному жертву. Ввиду этого соображения он и сам пока не явился к нему, ожидая возможности доставить царю, благодетелю отца своего, подарки. Раба же он наказал за ослушание, ибо нет никакой разницы в том, мал ли хозяин или велик. «Ведь если мы не станем наказывать таких людей, — сказал он, — то наконец и ты сам подвергнешься насмешкам со стороны своих подданных».

Когда Птолемеему был принесен этот ответ, он рассмеялся и удивился смелости мальчика.

9. Когда же Арион узнал, что царь такого мнения об юноше и что тут уже ничего не поделаешь, он выдал Гиркану тысячу талантов и был освобожден им от оков.

Спустя три дня Гиркан представился царской чете. Последняя отнеслась к нему благосклонно и в честь его отца угощала его прекрасно. Затем он тайно отправился к торговцам невольниками и купил у них сто красивых и грамотных рабов по таланту за каждого и столько же рабынь по той же цене. Когда он вскоре затем получил вместе с влиятельнейшими лицами страны приглашение к царскому столу, он очутился за столом ниже всех, потому что устроители обеда поместили его на последнем месте, вследствие его юного возраста. Все обедавшие сложили кости от мясных блюд перед Гирканом, съев самое мясо, так что весь столик перед Гирканом оказался заполненным этими костями. После этого шут царя, Трифон, который должен был смешить и веселить публику к концу пира за вином, по данному знаку гостей, предстал перед царем и сказал:

«Видишь, о царь, массу лежащих перед Гирканом костей; совершенно таким же образом, как этот объел все мясо с костей, и отец его обглодал всю Сирию». Царь рассмеялся на слова Трифона и, спросив Гиркана, почему перед ним лежит такая груда костей, получил в ответ: «Совершенно правильно, владыка! Ведь собаки обыкновенно съедают кости с мясом, подобно этим (тут он кивнул на гостей, перед которыми не лежало ничего), тогда как люди едят мясо, а кости кидают; я же, будучи человеком, так и сделал».

Царь был поражен его столь мудрым ответом и заставил всех рукоплескать ему за его находчивость и остроумие.

На следующий день Гиркан отправился ко всем приближенным царя и приветствовал всех влиятельных придворных; при этом он разузнавал от слуг, какие подарки собираются преподнести их господа царю по поводу рождения царевича. Когда же ему говорили, что одни собираются дать десять талантов, другие из них иные суммы, соответственно имуществу всякого, он с притворным сожалением заявил, что сам он не в состоянии представить такие богатые дары, ссылаясь на то, что в его распоряжении только пять талантов. Эти сведения слуги, конечно, сообщали своим господам, а последние предвкушали уже удовольствие, как осрамится Иосиф и потеряет расположение царя вследствие бедности своего подношения. И вот в назначенный день все они, считая свои дары слишком крушыми и ограничившись поэтому суммой не бо-

лее чем в двадцать талантов, поднесли их царю. Гиркан же представил ко двору купленных сто невольников и сто невольниц и дал каждому из них в руки еще по таланту. Юношей он подарил царю, женщин же Клеопатре. Все были поражены неожиданностью такого ценного подношения; удивилась этому и сама царская чета; к тому же Гиркан сделал на сумму многих талантов подарки царским приближенным и придворным служащим, чтобы избежать грозившей ему с их стороны опасности, ибо братья его ведь написали им письма в том смысле, чтобы они загубили Гиркана. Птолемей, в благодарность за богатое приношение юноши, предложил ему потребовать себе какой угодно подарок. Последний, однако, просил у него только одного, именно, чтобы царь отписал о нем отцу и его братьям. Потом царь, оказав ему величайшие почести и одарив его богатыми дарами, а также снабдив его письмами к отцу, братьям, всем своим военачальникам и наместникам, отпустил юношу домой.

Когда братья узнали обо всем случившемся с Гирканом у царя и о том, что он возвращается с великим почетом, они выехали ему навстречу с намерением убить его. Сделали они это с ведома отца своего, который рассердился на сына за то, что последний при трате денег нисколько не подумал о его интересах. Однако Иосиф, из опасения перед царем, скрывал свой гнев на сына. Когда братья вступили с Гирканом в бой, он перебил множество народа из их свиты, а также двоих из братьев, тогда как остальные спаслись бегством к отцу своему в Иерусалим. Так как при прибытии Гиркана в город никто не хотел принять его к себе, он испугался, переправился в местности по ту сторону Иордана и остался там, подчиняя себе дикие племена.

10. В это время царем (передней) Азии был сын Антиоха Великого, Селевк, прозванный Филопатором. Между тем умер отец Гиркана, Иосиф, человек прекрасный и великодушный, который успел поднять народ иудейский из его бедности и жалкого положения и поставить его в более благоприятные условия жизни; при этом он, в течение двадцати двух лет, держал на откупе подати в Сирии, Финикии и Самарии. Тогда же умер и дядя его Ония и оставил первосвященство сыну своему Симону. Когда же и последний умер и преемником его сана стал сын его Ония, то к этому Онии отправил посоль-

ство лакедемонский царь Арей³⁰, снабдивший посольство письмом, содержание которого было следующее:

«Лакедемонский царь Арей приветствует Онию. В какой-то книге мы нашли указание на то, что иудеи и лакедемоняне одного происхождения и ведут род свой в одинаковой мере от Авраама. Поэтому, раз вы нам братья, будет справедливо, если вы станете обращаться к нам в случае какого-нибудь желания. Так будем поступать и мы и смотреть на вас принадлежащее как на свое, причем и вам предоставляем смотреть на наше имущество как на свою собственность. Письмо это вручит вам Димотел, который обыкновенно составляет у нас послания. Письмо четырехугольного формата и снабжено печатью, представляющей орла, держащего змею».

11. Таково было содержание посланного лакедемонским царем письма. Когда умер Иосиф, в народе произошли смуты, повод к которым подали сыновья Иосифа. Дело в том, что старшие объявили войну Гиркану, младшему из детей Иосифа, и таким образом народ распался на две партии, наиболее многочисленная из которых стала на сторону старших братьев; то же самое сделал, вследствие родства с ними, и первосвященник Симон. Ввиду этого Гиркан решил более не возвращаться в Иерусалим, но засел в местности по ту сторону Иордана и беспрерывно воевал с арабами, множество которых он перебил или взял в плен. Он, между прочим, построил себе укрепленный замок весь из белого камня вплоть до крыши и украсил его огромными рельефными изображениями животных. Вокруг этого здания он соорудил широкий и глубокий ров. Со скал находившегося против дворца горного хребта он велел отбить все выступы, затем соорудил множество пещер длиной в несколько стадий и устроил тут в горе ряд комнат, предназначавшихся либо для пиршеств, либо для спален, либо просто для житья; кроме того, он провел внутрь пещер множество ключей, которые служили одновременно для пользы и украшения всего этого (подземного) дворца. Входы в пещеры он сделал настолько узкими, что можно было входить не иначе, как поодиночке. Все это он сделал преднамеренно, в видах личной безопасности, чтобы не попасться в руки братьям в случае осады с их стороны. Кроме того, он построил также целый ряд поселений различной величины и украсил их обширны-

ми садами. Всю эту созданную им колонию он называл Тиром. Местность эта лежит между Аравией и Иудеей, по ту сторону Иордана, недалеко от Ессевонитиды³¹.

В этих местах Гиркан правил в течение семи лет, именно все то время, в продолжении которого Селевк царствовал над Сирией. Когда же Селевк умер, то власть перешла к его брату Антиоху, прозванному Епифаном. Между тем умер и египетский царь Птолемей, также известный под именем Епифана, и оставил после себя двух еще малолетних сыновей, из которых старшего звали Филометором, младшего же Фисконом.

Когда Гиркан увидел, что Антиох располагает значительной ратью, то он, испугавшись, как бы царь не схватил его и наказал за его войны с арабами, окончил жизнь свою самоубийством. Всем имуществом же его завладел Антиох.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Так как около этого времени умер также и первосвященник Ония, то Антиох предоставил сан его, ввиду малолетства сына Ония, брату его. Историю этого малолетнего сына мы в свое время расскажем.

Иисус, однако (так звали брата Ония), вскоре был лишен первосвященнического сана, потому что царь рассердился на него и передал этот сан его младшему брату, носившему имя Онии. Таким образом, у Симона было трое сыновей, к каждому из которых, как мы показали, постепенно и переходило первосвященство. Иисус изменил свое имя в Иасона, а Ония в Менелая.

Когда прежний первосвященник Иисус восстал против позже назначенного на этот пост Менелая и народ разделился на две партии, то на сторону Менелая стали сыновья Товия. Однако преобладающая масса народа заступилась за Иасона, и последний настолько стеснил Менелая и сыновей Товия, что они бежали к Антиоху и заявили ему о своей готовности отказаться от своих законов и своего государственного устройства и принять установления царя и греческую форму правления. Потом они просили его разрешить им построить в Иерусалиме школу для гимнастических упражнений. Получив на то его согласие, они стали прикрывать наготу свою, чтобы не видно было их обрезания и чтобы с внешней стороны

походить на греков, оставив все свои прежние обычаи, стали теперь во всем подражать другим народностям.

2. Между тем, Антиох, правление которого протекало без приключений, решил предпринять поход на Египет, потому что он очень желал овладеть им ввиду того, что сыновья Птолемея³² не представляли в этом отношении затруднения, как по своей слабости, так и по неспособности справиться с трудностями похода. Поэтому он с большой ратью явился к Пелузию и, хитростью обойдя Птолемея Филометора, захватил Египет. Затем он появился в окрестностях Мемфиса и, завладев этим городом, двинулся на Александрию в намерении взять ее осадой и захватить царствовавшего там Птолемея. Однако ему пришлось покинуть не только Александрию, но и вообще Египет, так как римляне принудили его очистить страну, как мною уже было раньше указано в другом месте³³.

Теперь я последовательно расскажу историю этого царя, как он напал на Иудею и завладел храмом. В прежнем своем повествовании о нем я лишь в общих чертах упомянул об этом; теперь же мне кажется уместным посвятить ему более подробный рассказ.

3. Вернувшись из Египта в страхе перед римлянами, царь Антиох пошел войной на город Иерусалим и, придя туда в сто сорок третьем году после воцарения селевкидской династии³⁴, взял город без боя, потому что приверженцы его³⁵ отворили ему ворота. Овладев таким образом Иерусалимом, он перебил множество противников своих и, награбив значительное количество денег, возвратился в Антиохию.

4. Два года позже, именно в сто сорок пятом году (селевкидской эры), в двадцать пятый день того месяца, который у нас называется Кислевом, у македонян же Апеллеем, в течение сто пятьдесят третьей олимпиады, царь во главе огромного войска вступил в Иерусалим и обманым образом овладел городом, выдав свой приход за совершенно мирный. Но на этот раз он не пощадил даже тех, которые впустили его в город, ввиду находившихся в храме богатств; побуждаемый своим корыстолюбием и намереваясь ограбить храм, в котором он заметил множество золота и прочие столь дорогие жертвенные приношения, он решился нарушить данное тем людям слово. Итак, он совершенно ограбил храм, не пощадив даже священной утвари, золотых светильников,

золотого алтаря, транезы и жертвенников, и даже не отказался от занавесей, вытканных из виссона и пурпура; равным образом опустошил он и тайную сокровищницу и тем вверх иудеев в большую горе. К тому же он запретил им совершение ежедневных жертвоприношений, которые они по закону приносили Господу Богу. Затем он совершенно разграбил город, причем часть жителей перебил, других же вместе с женами и детьми взял в плен, так что более десяти тысяч человек стало рабами. Лучшие здания города он предал пламени и, срыв городские стены, укрепил находившийся в нижней части города холм, называвшийся Акрой³⁶. Этот холм был высок и господствовал над храмом; поэтому-то царь и укрепил его высокими стенами и башнями и поместил тут македонский гарнизон. Кроме того, в этой крепости остались также безбожники из народа и все гнусные люди, которые причинили своим согражданам много бедствий. Затем царь поставил на месте, где происходили жертвоприношения, алтарь и заклал на нем свинью, т.е. животное, которое как по божеским, так и по человеческим законам считалось у иудеев недозволенным.

Вместе с тем он принудил их отказаться от почитания своего Бога и навязал им его собственных богов, которым иудеи должны были в каждом городе и каждом селении посвящать рощи и воздвигать алтари; на последних, по его приказанию, они обязаны были ежедневно приносить в жертву свиней. При этом царь запретил также иудеям совершать обряд обрезания над мальчиками и грозил наказанием всякому, кто решился бы ослушаться этого запрещения. С этой же целью он назначил особых надзирателей, на обязанности которых лежало принуждать евреев к исполнению всех этих предписаний. И действительно, много иудеев, отчасти добровольно, отчасти из страха перед угрожающим наказанием, стали исполнять эти царские повеления. Однако наиболее выдающиеся и благородные из иудеев не обращали внимания на царя, ставя исполнение издревле установленных обычаев выше наказания, которым тот угрожал за ослушание, и потому ежедневно нескольким из них пришлось подвергаться пыткам и умирать в жестоких мучениях. Их бичевали, терзали и затем живьем пригвождали к крестам; женщин же и детей, которые были наперекор царскому велению обре-

запы, подвергали казни через удушение и вешали затем тела их на шею пригвожденным к крестам мужьям и родителям. Если же у кого-либо находили книгу со священными законами, то она уничтожалась, и всякий, у которого таковая была найдена, должен был умирать жалкой смертью.

5. Когда самаряне увидели все эти бедствия иудеев, то перестали выдавать себя за их сородичей и стали уверять, что их храм на (горе) Гаризим вовсе не воздвигнут в честь Всевышнего Бога; другими словами, они поступили сообразно своей обычной манере, о которой мы уже упоминали, и выдавали себя за потомков мидян и персов, что вполне правильно. Вместе с тем они отправили к Антиоху послов с письмом следующего содержания:

«Послание царю Антиоху Богу Елифану от сидонцев из Сихема. На основании некоего суеверия наши предки, побуждаемые к тому различными постигшими страну бедствиями, установили обычай почитать тот день, который у иудеев носит название субботнего. Вместе с тем они воздвигли на горе Гаризим святилище без определенного назначения и приносили тут разные жертвы. И вот, так как ты воздаешь теперь иудеям должное возмездие за все их гнусности, царские чиновники, полагая, что мы родственны евреям и потому следуем их примеру, подвергают и нас подобным же наказаниям, тогда как мы по происхождению своему сидоняне. Последнее, впрочем, видно и по государственным записям. Ввиду всего этого умоляем тебя, нашего благодетеля и спасителя, повелеть своему наместнику Аполлонию и уполномоченному своему Никапору не обижать нас применением к нам тех карательных мер, которые установлены для иудеев; ведь мы, как по своему происхождению, так и по своим обычаям, не имеем ничего общего с последними. Вместе с тем пусть будет никому не посвященное святилище наше предназначено греческому Зевсу. Если это будет сделано, то преследования наши само собою прекратятся и мы сможем безбоязненно посвятить себя делам своим, от чего увеличатся лишь твои собственные доходы».

На эту просьбу самарян царь послал им следующий ответ: «Царь Антиох — Никапору. Сихемские сидоняне проводили ко мне прилагаемую записку. Так как в совещании, которое я устроил по этому поводу с приближенными

моими, посланные самаряне подтвердили, что взводимые на иудеев обвинения совершенно неприменимы к ним, самарянам, и что последние готовы жить по греческим обычаям, мы освобождаем их от преследований и посвящаем, сообразно их просьбе, их храм Зевсу греческому».

Такой же указ царь послал и наместнику своему Аполлонию в сто сорок шестом году, в восемнадцатый день месяца Гекатомбеона³⁷.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Около этого самого времени в иудейской деревне Модии жил некто Маттафия, сын Иоанна, который, в свою очередь, происходил от Симеона асмонеянина; этот Маттафия был священником из разряда Иоарива и происходил из Иерусалима. У него было пять сыновей: Иоанн, прозванный Гаддес, Симон, иначе называвшийся Матфеем, Иуда, прозванный Маккавеем, Елеазар Ауран и Иоанаф, иначе прозванный Апфусом. Этот Маттафия оплакивал с сыновьями своими потерю прежней свободы, разграбление города, разгром святилища и все постигшие народ бедствия, причем говорил, что им лучше умереть за свои древние законы, чем продолжать жить так бесславно.

2. Когда же в деревню Модию явились царские чиновники, чтобы принудить иудеев к исполнению предписаний царя и повелеть им принести установленные царем жертвы, чиновники эти обратились с просьбой подать тому пример к Маттафии, который занимал (в селении) видное общественное положение, между прочим, вследствие своего высокого образования; (при этом чиновники были уверены, что именно его примеру последуют все его сограждане и Маттафия сможет тем самым списать себе расположение царя). Однако Маттафия наотрез отказался сделать это и заметил, что он со своими сыновьями никогда не решится изменить древнему благочестию, хотя бы все остальные народы и повиновались, либо из страха, либо из низкопоклонства, предписаниям Антиоха. Не успел Маттафия закончить речь свою, как кто-то из иудеев вышел из толпы и принес требуемую Антиохом жертву; тогда Маттафия и его дети в гневе устремились на него с мечами в руках, и старик убил не только

этого иудея, но и умертвил царского военачальника Апеллеса, принудившего иудея к жертвоприношению, и вместе с ним нескольких солдат. Разрушив затем алтарь, Маттафия воскликнул: «Кто еще привержен родным обычаям и истинному богопочитанию, тот пусть следует за мной».

С этими словами он, сопровождаемый сыновьями, направился в пустыню, оставив в селении все свое имущество. Его примеру последовало множество других жителей деревни, которые бежали с детьми и женами в пустыню и стали жить там в пещерах.

Когда об этом узнали царские военачальники, то они взяли все войска, находившиеся в то время в иерусалимской крепости, и последовали за иудеями в пустыню. Настигнув беглецов, они первоначально пытались вразумить их и выбрать то, что им было бы полезнее, прося не заставлять их прибегать к военной силе; но когда иудеи не вняли их убеждениям, а напротив, упорно стояли на своем, они напали на них в субботу и истребили их огнем в пещерах; при этом иудеи не оказали ни малейшего сопротивления вследствие субботнего дня, которого не желали греховным образом нарушать, так как в этот день нам законом предписано не работать. Таким образом, около тысячи иудеев с детьми и женами задохлись от дыма в пещерах; но многие, которым удалось спастись, бежали к Маттафии и выбрали его своим предводителем. Последний при этом пояснил им, что они должны сражаться даже и в субботу и указал им на то, что, если они, соблюдая закон, не станут делать это, они сами себе повредят, потому что враги и будут нападать на них именно по субботам, когда они не станут защищаться; таким образом ничто не спасет их от полной гибели без боя. Слова его убедили иудеев, и с тех пор по сей день у нас установился обычай сражаться даже по субботам, если того требуют обстоятельства. Затем Маттафия собрал вокруг себя значительную рать, разрушил жертвенники и стал убивать всех, кто навлекал на себя грех жертвоприношениями (греческим богам) и кого он только мог захватить. (Дело в том, что многие из этих богоотступников искали из страха спасения в переходе к окрестным племенам.) Равным образом Маттафия приказал подвергнуть обрезанию всех еще не обрезанных мальчиков и прогнал царских чиновников, которые должны были препятствовать этому.

3. Пробыв во главе (иудеев) в течение одного года и внаив в болезнь, Маттафия призвал к себе однажды сыновей своих, и когда они явились к нему, сказал им: «Я, дети мои, теперь собираюсь в путь, всем нам судьбой предначертанный. Оставляю вам свои убеждения и прошу вас не изменять им, но быть добрыми их охранителями. Помните о всегдашнем стремлении отца и воспитателя вашего спасти от гибели издревле установленные обычаи и поддерживать грозящее погибнуть древнее государственное устройство наше. Не входите в общение с теми, кто либо добровольно, либо по принуждению изменил ему, но являйте себя достойными меня сыновьями, которые, несмотря на господство всяческого насилия и принуждения, были бы в случае необходимости готовы даже умереть за свои законы. Помните при этом, что Господь Бог, видя вас такими, не забудет о вас, но, радуясь вашей стойкости, вернет вам все следуемое и возвратит вам свободу, пользуясь которой вы спокойно и без страха сможете жить по своим обычаям. Хоть тела наши смертны и бrenны, однако они достигают бессмертия благодаря воспоминанию о наших деяниях. Я желал бы, чтобы вы прониклись этим сознанием, стремились бы к такой славе и, не задумываясь пожертвовать за это даже жизнью своей, искали бы осуществления величайших идеалов. На первом же плане увещаю вас жить в согласии друг с другом и охотно признавать друг у друга имеющиеся у каждого из вас преимущества, чтобы каждый мог приносить другим пользу этими качествами. Признавайте брата своего Симона за его выдающиеся умственные способности отцом своим и слушайте его советов; Маккавея же, за его храбрость и силу, сделайте начальником вашего войска; он отомстит за народ свой и отразит врагов. Привлекайте также к себе всех праведных и благочестивых и укрепляйте свое могущество».

4. Переговорив так с сыновьями и помолясь Богу, дабы Он оказал им свою поддержку и вновь даровал народу возможность жить сообразно его обычаям, старик вскоре затем умер. Похоронили его в Модии. После того как весь народ сильно печалился о нем, сын Маттафии, Иуда Маккавей, в сто сорок шестом году³⁸ стал во главе правления, причем как его братья, так и все прочие иудеи охотно подчинились ему. Затем он изгнал из страны врагов своих, перебил всех тех

единоплеменников своих, которые преступили издревле установленные законы, и очистил страну от всякого осквернения³⁹.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1 Когда об этом узнал наместник Самарии, Аполлоний, то двинулся с большой ратью на Иуду. Последний выступил ему навстречу, сошелся с ним в битве и разбил его, причем убил не только множество его воинов, но и самого полководца, Аполлония, и овладел мечом его, которым тот обыкновенно пользовался. Еще большее число неприятелей было ранено, и затем Иуда, захватив в лагере врагов богатую добычу, вернулся восвояси.

Сирои же, наместник Келесирии, узнав, что многие прикнули к Иуде и что у последнего уже имеется достаточное для борьбы войско, решил пойти на него походом, потому что считал своей обязанностью наказать ослушников царских повелений. Поэтому он собрал все бывшее в его распоряжении войско, в ряды которого он принял также беглецов и богототступников из иудеев, и двинулся на Иуду. Достигнув иудейской деревни Вефора, он расположился тут лагерем.

Когда Иуда двинулся ему навстречу и приготовился сразиться с ним, то увидел, что его воины, отчасти вследствие своей малочисленности, отчасти вследствие голода (они постились) трусили. Поэтому он обратился к ним с увещанием и сказал, что не от численного превосходства зависит победа над врагами, но от благочестия сражающихся, чему может служить красноречивейшим доказательством пример их собственных предков, которым вследствие праведности столь часто удавалось в борьбе за свои установления и за своих детей поражать десятки тысяч врагов! Ведь действительно прочная сила заключается в полной праведности. Такими словами ему удалось убедить своих воинов не смотреть на многочисленность врагов и разом напасть на Сиропа. В последовавшем затем бою Иуда действительно обратил сирийцев в бегство, потому что в ту самую минуту, как пал их военачальник, они видели возможность спастись в одном лишь бегстве. Во время погони за врагами до равнины Иуда перебил еще около восьмисот из них, остальные же спаслись у берега моря.

2. При известии об этом событии царь Антиох жестоко разгневался и собрав всю свою рать, которую он усилил еще множеством наемников с островов, приготовился к началу весны вторгнуться в Иудею. При выдаче платы, однако, он заметил, что у него не хватит средств и наступит полное безденежье (ибо, с одной стороны, вследствие постоянных возмущений в стране подати не поступали в казну, с другой же — сам царь при своей крайней расточительности не справлялся со своими средствами), и потому он решил первоначально отправиться в Персию для того, чтобы собрать там подати этой страны. Поэтому царь поручил некоему Лисию, который пользовался его расположением, заведование всеми делами от пределов Египта по всей Азии до реки Евфрата, оставил в его распоряжении часть своего войска и слонов, а также поручил ему тщательно воспитать сына своего Антиоха до тех пор, пока он сам, царь, не вернется после покорения Иудеи, порабощения ее жителей, полного разгрома Иерусалима и уничтожения всего племени иудеев. Поручив это Лисию, царь Антиох в сто сорок седьмом году направился к Персии и, перейдя Евфрат, пошел в горные сатрапии.

3. Между тем, Лисий отрядил сына Доримена, Птолемея, а также Никанора и Горгия, весьма влиятельных приближенных царя, и, дав им сорок тысяч пешего и семь тысяч конного войска, отправил их против Иудеи. Они дошли до города Еммауса и расположились тут станом на равнине.

Здесь примкнули к ним союзники из Сирии и из близлежащих стран, а также множество иудейских перебежчиков, равно как несколько купцов, которые собирались купить будущих военнопленных и с этой целью привезли с собой оковы для связывания пленных и нужное для их покупки количество золота и серебра. Между тем Иуда, увидя вражеский стан и огромное количество противников, стал увещавать своих воинов мужаться и убеждать их возлагать надежду на Предвечного и умолять Его, по старинному обычаю, во вретницах; при этом он советовал им прибегнуть к обычному в случаях большой опасности способу умиловления Предвечного, дабы побудить Его таким образом даровать им победу над врагами. Затем, разместив своих воинов, по старинному обычаю, по тысячам и сотням, и отпустив домой новоженых и тех, кто недавно приобрел недвижимую

собственность, дабы эти люди из любви к своему дому не мешали сражаться, Иуда предстал перед своим войском и воспламенил его к бою следующими словами:

«Никогда еще, товарищи, не было более критического для вас момента, чем теперь, когда требуется все ваше мужество и полнейшее равнодушие к опасностям. Ныне следует в храбром бою вернуть себе свободу, которая уже сама по себе всем представляется желанным благом, особенно же для нас, потому что она даст нам возможность не прекращать нашего богопочитания. Поэтому, при таком положении дел, вам следует сражаться так, чтобы добиться этой свободы и вместе с ней возможности жить счастливо и беззаботно (что и требуется нашими законами и древними обычаями); иначе, если вы будете сражаться трусливо, вам придется подвергнуться крайнему унижению, а всему роду вашему уготовить полное истребление. Имея же в виду, что нам некогда предстоит смерть и помимо боя, и будучи уверены, что в борьбе за лучшие блага, за свободу и отечество, за законы и благочестие вы сможете стяжать себе вечную славу, вы должны приготовиться и собраться с духом, чтобы завтра утром на заре сойтись с врагами».

4. Такой речью Иуда стал воспалять мужество своего войска. Между тем враги выслали Горгия с пятью тысячами пехотинцев и тысячей всадников, причем Горгию служили в качестве проводников несколько иудейских перебежчиков; он должен был ночью напасть на Иуду. Лишь только сын Маттафии узнал это, он решил сам ворваться в стан неприятелей, тем более что теперь силы последних были разъединены. Поэтому, когда в определенный час солдаты поужинали, он оставил в лагере множество сторожевых огней, а сам в течение ночи держал путь к врагам, находившимся в Еммаусе. Между тем Горгий, не найдя врагов своих в лагере и полагая, что они отступили и скрываются в горах, отправился туда и стал их там разыскивать. Иуда же на заре появился перед неприятелем в Еммаусе со своими по бедности плохо вооруженными тремя тысячами войска и, увидев, что враги отлично укрепились и обезопасили свой стан по всем правилам искусства, обратился к солдатам с новым увещанием. При этом он указывал им на то, что в случае необходимости следует сражаться даже совсем без

оружия и что Предвечный передко и при таких условиях даровал более слабым победу над более многочисленным и хорошо вооруженным неприятелем, потому что Господу Богу благоугодно было их мужество. Затем он приказал трубачам подать сигнал к началу боя и совершенно неожиданно для врагов папал на них. Этим своим внезапным пападением он привел их в такое замешательство и так напугал их, что ему удалось множество их истребить в открытом бою, а остальных подвергнуть преследованию. Таким образом он достиг Гадары и равнины Идумейской с городами Азотом и Ямнией. Врагов пало около трех тысяч человек. Между тем Иуда запретил своим воинам думать пока о добыче врагов, потому что им еще предстояло помериться силами в бою с Горгием и его ратью. Если они одержат верх и над этими войсками, тогда, сказал он, пусть безбоязненно предаются грабежу, потому что им придется биться лишь в этом бою и другого не представится более. Еще пока Иуда так говорил со своими солдатами, люди Горгия увидели полное бегство того войска, которое они покинули в лагере, а самый лагерь в пламени. Уже издали дым от пожарища указал им на случившееся. И вот, когда воины Горгия увидели дела в таком положении и заметили, что солдаты Иуды готовы перейти в наступление, они сильно перепугались и сами обратились в бегство. Справившись таким образом без всякого боя с воинами Горгия, Иуда вернулся (в лагерь) и приступил к захвату добычи; захватив тут множество золота, серебра, пурпуровых и гиацинтовых тканей, он с радостью и прославляя Господа Бога за явленную милость, вернулся восвояси. Эта победа иудеев в значительной степени способствовала утверждению их свободы.

5. Вне себя от поражения, понесенного высланной ратью, Лисий на следующий год собрал войско из шестидесяти тысяч отборных солдат и, прибавив к ним еще пять тысяч всадников, вторгся в Иудею. Достигнув нагорной страны, он расположился станом в иудейской деревне Вефсуре. Ему навстречу выступил Иуда во главе десятитысячного войска. Увидя такое значительное количество врагов, Иуда обратился с молитвой к Предвечному, прося и на этот раз оказать свое содействие, и затем, напав на передовой отряд неприятелей, разбил его, перебил до пяти тысяч человек и

нагнал тем самым страх на остальных. Лисий поэтому без труда понял окончательную решимость иудеев либо умереть, либо добиться полной свободы и, боясь повторения с их стороны того урока, который он уже получил от них, вернулся с остальным своим войском в Антиохию и остался там, вербуя новых наемников и готовясь вторгнуться в Иудею с гораздо более значительным войском.

6. После стольких поражений, уже нанесенных полководцам царя Антиоха, Иуда созвал своих людей на сходку и сообщил им, что после такого множества дарованных иудеям от Предвечного побед, следует вернуться в Иерусалим, подвергнуть храм ритуальному очищению и принести установленных жертвы. Когда же он со всей массой своих приверженцев прибыл в Иерусалим и нашел храм пустым, ворота его сожженными и целые деревья, выросшие сами по себе в храме вследствие его заброшенности, он и все люди его начали плакать; так они были потрясены видом храма. Затем Иуда выбрал нескольких воинов и приказал им изгнать гарнизон крепости⁴⁰, пока он сам займется очищением святилища. По тщательном очищении последнего он снабдил храм новой утварью, светильником, столом и алтарем, сооруженными из золота, заготовил новые завесы на двери и навесил также новые створы дверей. Разрушив старый жертвенник, Иуда воздвиг новый из различных камней, которых не коснулось железо⁴¹.

И вот на двадцать пятое число месяца Кислева, именуемого у македонян Апеллеем, иудеи зажгли свечи на светильнике, совершили воскурения на алтаре, возложили на стол хлебы предложения и принесли на новом жертвеннике жертву всесожжения.

Все это случилось как раз в тот же самый день, в который, три года тому назад, священное место культа иудеев было осквернено и профанировано. Опустошенный Антиохом храм пребывал в таком запустении ровно три года. В сто сорок пятом году (селевкидской эры) это несчастье постигло храм, именно двадцать пятого Апеллея, в сто пятьдесят третью олимпиаду, а возобновлен храм был в тот же двадцать пятый день месяца Апеллея в сто сорок восьмом году, в сто пятьдесят четвертую олимпиаду. Опустошение храма совершилось вполне сообразно предсказанию Даниила за

четыреста восемь лет, когда пророк объявил, что македоняне разрушат святилище⁴².

7. Иуда праздновал со своими согражданами возобновление жертвоприношений в храме в течение восьми дней, причем не забыл ни одного рода удовольствий; богатые и блестящие жертвоприношения дали ему возможность обильно угостить народ, который песнями и псалмами прославлял Предвечного и увеселял самого себя. Иудеи так радовались явившейся теперь вновь возможности вернуться к своим прежним обычаям и внезапному случаю после продолжительного времени опять предаваться истинному богочитанию, что они условились на будущее время всегда праздновать день восстановления храма восьмидневным празднеством. С тех пор по настоящее время мы празднуем этот праздник под именем празднества света⁴³, вероятно, потому, что в этот день явилась нам против всякого ожидания, подобно свету, возможность вновь поклоняться Предвечному.

Иуда обвел весь город стенами, воздвиг для отражения вражеских набегов высокие башни и поместил в них сторожевые посты. Кроме того, он также укрепил город Вифсуру, чтобы пользоваться им вместо крепости против могущих произойти набегов врагов⁴⁴.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Пока все это происходило, окрестные племена очень недружелюбно отнеслись к успехам и возрастанию могущества иудеев, и общими силами путем всякого рода интриг и козней им удалось погубить множество иудеев. Поэтому Иуде пришлось постоянно вести с ними войны, по силе возможности удерживать их от вторжения в страну и тем оберегать своих единоплеменников от их обид. Так, напр., он напал на потомков Исава, идумеян, около Акраватины, перебил множество их и собрал богатую добычу. Потом он окружил сыновей Ваана, которые злоумышляли против иудеев, осадил их город, сжег их укрепления и перебил их воинов. Отсюда он затем двинулся на амманитян, которые располагали сильным и многочисленным войском под предводительством Тимофея, разбил их, взял их город Иазор, захватил их жен и детей в плен и, предав город пламени, вернулся в

Иудею. Когда же соседние племена узнали о его возвращении, то собрались в область галаадскую, против живших вдоль границ иудеев. Последние тогда бежали в крепостцу Дафем и послали к Иуде извещение, что Тимофей заметил место, где они искали себе убежища. Пока Иуда читал их письмо, явились посланные из Галилеи с извещением, что жители Птолемаиды, Тира и Сидона, а также другие галилеяне общими силами готовятся к нападению.

2. Подумав о том, как быть при извещении о такой двойной беде, Иуда поручил брату своему Симону с тремя тысячами отборного войска поспешить на помощь к жившим в Галилее иудеям, сам же он с другим своим братом, Ионафом, двинулся во главе восьмитысячного отряда в область галаадскую. Над остатками своего войска он поставил сына Захария, Иосифа, и Азарию и поручил им усердно охранять Иудею и не начинать войны ни с кем, пока он сам не вернется. Прибыв в Галилею и вступив в бой с врагами, Симон обратил их в бегство, преследовал их вплоть до ворот Птолемаиды, перебил при этом до трех тысяч человек, захватил в виде добычи доспехи убитых, а также иудеев, раньше взятых ими в плен, равно как все их имущество, и вернулся домой.

3. Между тем, Иуда Маккавей и брат его Ионаф переправились через Иордан и после трехдневного пути встретили наватеян, с которыми у них были дружеские и мирные отношения.

Когда последние рассказали им о положении дел в галаадской области, какое множество иудеев томится в плену в крепостцах и городах галаадских, и когда наватеяне при этом умоляли Иуду поспешить походом на иноплеменников и избавить своих единоплеменников от их ига, он, глубоко потрясенный, двинулся по направлению к пустыне, бросился сначала на жителей Восорры и, взяв ее, перебил всех мужчин, способных носить оружие, и сжег город дотла. Хотя за этим и наступила почь, Иуда все-таки не стал отдыхать, но двинулся дальше и шел в течение всей почь к той крепости, где были заключены иудеи.

Вся эта местность была занята войсками Тимофея. Явившись туда на заре, Иуда увидел, что враги расположились уже около самого города, причем одни приставляли к стенам лестницы, а другие подвозили осадные орудия. Тогда он

велел трубить в трубу и, увещевая своих воинов храбро встретить опасность, защищая своих братьев и единоплеменников, разделил свое войско на три части и с тыла напал на врагов. Когда люди Тимофея узнали, что это Маккавей, они, которые уже раньше имели случай испытать его беззаветную храбрость в бою, обратились в бегство. Иуда и его войско бросились их преследовать и перебили из них до восьми тысяч человек. Затем он направился к так называемому городу чужестранцев, Малле⁴⁵, взял и его, перебил все мужское его население и предал город пламени. После этого он двинулся дальше и разрушил Хасфом, Восор и множество других галаадских городов.

4. Немного времени, однако, спустя Тимофей вновь собрал большую рать, склонил другие племена и некоторых из арабов за плату вступить в союз с ним и сражаться вместе с ним, и явился с войском на той стороне ручья, против Рафы (тогда это был город)⁴⁶. Тут он стал уговаривать своих воинов храбро сражаться и препятствовать иудеям переправиться через ручей, когда дело дойдет до битвы. Если же иудеи перейдут через ручей, то это, по его мнению, поведет за собой поражение его собственного войска. Когда Иуда услышал о приготовлениях Тимофея к битве, он собрал всю свою рать и поспешил навстречу врагу. Перейдя ручей, он напал на неприятелей и стал истреблять тех из них, которые оказали ему сопротивление, на других же нагнал такой ужас, что они побросали свое оружие и поневоле обратились в бегство. Некоторым из врагов удалось убежать, другие же скрылись в так называемое карнаимское святилище⁴⁷, рассчитывая тут пайти убежище. Однако Иуда взял город, перебил жителей и поджег святилище, всяческим образом истребляя врагов своих.

5. После этого Иуда собрал всех галаадских иудеев с их детьми, женами и всем их имуществом, чтобы отвести их обратно в Иудею. Когда он на пути своем прибыл в город, носивший имя Ефрона, и нельзя было миновать его, но и не хотелось предавать город разрушению, он послал к жителям посланных с предложением отворить ворота и предоставить иудеям свободный пропуск. Дело в том, что жители завалили ворота камешными глыбами и, таким образом, замкнули проход. Когда же население отказалось исполнить

его просьбу, Иуда обратился с увещанием к своему войску, обложил город и приступил к его осаде. Спустя сутки он взял город, перебил всех его жителей мужского пола и, сжегши город дотла, получил возможность свободного прохода. Число убитых было при этом так велико, что пришлось идти по трушам.

Перейдя через Иордан, иудеи вступили в обширную равнину, при вступлении в которую лежит город Вифсапа, посвященный у греков имя Скифополя. Вскоре затем они очутились в стране иудейской, вошли в нее и предались там веселью, песням и установленным по случаю одержанных побед играм. Вместе с тем они принесли также благодарственные жертвы за благополучный исход своего предприятия и за спасение войска, потому что во время всех этих войн иудеи не потеряли ни одного человека.

6. В то самое время, как Симон находился в Галилее и вел войну с жителями Птолемаиды, а сам Иуда со своим братом Ионафом был занят в Галааде, оставленные Иудой в качестве военачальников Иосиф, сын Захария, и Азария, также побуждаемые желанием списать себе славу отличных полководцев, двинулись со своей ратью на Ямнию. Когда же при встрече с Горгием, военачальником Ямнии, произошла битва, то они потеряли две тысячи человек из своего войска и должны были обратиться в бегство, причем подверглись преследованию вплоть до пределов Иудеи. Это поражение было следствием того, что они ослушались приказаний Иуды не вступать в бой ни с кем до его возвращения. Таким образом, Иуда, кроме всех его военных подвигов, заслуживает также нашего удивления ввиду поражения, постигшего Иосифа и Азарию, которого неизбежность он предвидел заранее, если бы они в чем-либо ослушались его приказаний.

Между тем, однако, Иуда и его братья не прекращали своих военных действий против идумеян, по отовсюду налегали на них. Так, напр., они взяли город Хеврон, заняли всю массу его укреплений, сожгли башни и опустошили всю область неприятелей вместе с городом ее Мариссой. Потом они направились к городу Азоту, взяли и разграбили его. После этого они с множеством вражеских доспехов и богатой добычей вернулись в Иудею⁴⁸.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Около того же самого времени и царь Антиох, отправляясь походом в нагорную страну, узнал, что в Персии находится город Элиманда⁴⁹, отличающийся своим богатством и великолепным храмом Артемиды, который полон всевозможных жертвенных даров; в числе последних будто бы также находятся оружие и панцирь, оставленные тут Александром, сыном македонского царя Филиппа. Побуждаемый последним обстоятельством, Антиох двинулся на Элиманду и занялся осадой ее. Но так как жители города не испугались ни его нападения, ни его осады, а напротив, оказывали упорное сопротивление, царь ошибся в своих расчетах; жителям города даже удалось прогнать его из-под стен, сделав вылазку, обратить его в бегство и подвергнуть преследованию, так что ему пришлось спасаться в Вавилон и при этом потерять значительную часть своего войска. И вот, пока царь еще горевал об этой своей неудаче, ему доложили также о поражении его полководцев, которым он поручил вести войну с иудеями, и о возрастающем могуществе иудеев. При получении этого известия, в силу которого к прежним неудачам присоединялись еще новые, царь впал в сильное расстройство, а затем и в серьезную болезнь. Когда последняя стала затягиваться и страдания Антиоха все увеличивались, он понял, что наступает смерть, и потому созвал друзей своих, сообщил о безысходном положении своей болезни и заявил, что ему приходится страдать так оттого, что он обидел народ иудейский, разграбил его храм и глумился над Предвечным. С этими словами царь умер.

Я не могу не выразить здесь своего удивления по поводу того, что мегалополитанец Поливий⁵⁰, человек вообще вполне надежный, уверяет, будто Антиох умер вследствие желания своего разграбить храм персидской Артемиды; ведь человек, задумав что-либо, но не приведя этого в исполнение, еще не достоин за то наказания. Поэтому если Поливий желал именно в этом обстоятельстве видеть причину смерти Антиоха, то гораздо убедительнее будет принять, что он умер вследствие разграбления иерусалимского храма. Впрочем, по этому поводу я не стану спорить с теми, кто признал бы мнение мегалополитанца более правильным, чем наше.

2. Перед смертью Антиох позвал к себе одного из своих приближенных, Филиппа, поручил ему заведование государством и вручил ему царский венец, мантию и перстень с повелением передать все это его малолетнему сыну Антиоху и с просьбой позаботиться об его воспитании и о закреплении за ним царского достоинства. Антиох умер в сто сорок девятом году⁵¹. Лисий⁵² объявил об его смерти народу, провозгласил сына его, порученного его попечением, царем и дал ему прозвище Евпатора.

3. В это время гарнизон иерусалимской крепости и перебежчики иудейские причиняли немало затруднений иудеям. Так, напр., если кто-либо являлся в храм для принесения жертвы, солдаты внезапно вырывались из крепости и убивали такого человека; этому особенно способствовало то обстоятельство, что крепость непосредственно примыкала к святилищу. При таких обстоятельствах Иуда решил избавиться от гарнизона, собрал весь народ и приступил к упорной осаде крепости. Это было в сто пятидесятом году селевкидского правления. Итак, Иуда, заготовив осадные орудия и возведя вал, усердно принялся за взятие крепости. Однако многим из осажденных удалось ночью выбраться из нее и бежать; затем они собрали еще других себе подобных негодяев и явились все вместе к царю Антиоху. Здесь они просили его не допустить, чтобы они так страдали от своих же единоплеменников и притом по вине отца его, потому что они, по его повелению, оставили свое прежнее богопочитание и теперь терпят за это всякое притеснение. Дело в том, что если царь не придет к ним на помощь, то предстоит опасность, что Иуда и его приверженцы возьмут крепость и истребят царский гарнизон. Когда об этом услышал малолетний Антиох, то очень разгневался, немедленно послал за своими полководцами и приближенными и приказал им набрать наемников и созвать под знамена всех способных носить оружие подданных царства. Таким образом, было собрано войско приблизительно в сто тысяч пехотинцев и двадцать тысяч всадников с тридцатью двумя слонами.

4. С этим войском царь двинулся из Антиохии в сопровождении Лисия, которому было поручено главное командование над всей ратью. Прибыв в Идумею и двинувшись затем к укрепленному и представлявшему большие затруд-

нения городу Вефсуре, он остановился тут и приступил к его осаде. Но так как вефсурцы оказывали упорное сопротивление и при вылазках поджигали его осадные орудия, осада города затянулась на продолжительное время.

Между тем, Иуда, узнав о приближении царя, отказался от дальнейшей осады крепости, двинулся навстречу царю и расположился лагерем в ущелье Вефзахарии в расстоянии семидесяти стадий⁵³ от неприятелей. Тогда царь снял осаду Вефсуры и повел свое войско к ущелью, где был стан Иуды. С наступлением утра он выстроил свое войско к битве. Слоны должны были следовать гуськом один за другим, потому что их цельзя было выстроить рядами вследствие тесноты места. Вокруг каждого слона выстроились до тысячи пехотищев и пятьсот всадников. На спине у каждого слона помещалась высокая башня со стрелками. Остальному войску было приказано с обеих сторон взбираться на горы, причем командование этими отрядами было поручено царским приближенным⁵⁴. Дав приказание трубить нападение, царь направил свое войско на врагов, причем были обнажены золотые и серебряные щиты⁵⁵, издававшие необычайный блеск. В горах раздавалось громкое эхо от криков нападающих.

Видя это, Иуда не растерялся, но храбро встретил врагов и уложил на месте около шестисот человек авангарда. Брат же Иуды, Елеазар, носивший прозвище Аврана, увидев, что самый огромный слон вооружен царскими доспехами, и предполагая, что на нем сидит сам царь, с беззаветной храбростью бросился на него. Тут он перебил множество из окружавших слона воинов, разогнал остальных, а затем, подобравшись под слона, нанес последнему смертельный удар в живот. Слон унал на Елеазара и задавил его своей тяжестью. Таким образом, потерял жизнь тот герой, который столь храбро лишил жизни многих врагов.

5. Когда Иуда заметил численное превосходство неприятелей, он отступил к Иерусалиму и стал готовиться к осаде. Антиох же послал часть своего войска против Вефсуры для военных там действий, а с остальной ратью сам прибыл к Иерусалиму. Между тем, жители Вефсуры, испугавшись сильного войска и предвидя недостаток в съестных припасах, сдались царю, наперед взяв с него клятвенное обещание, что он их ничем не обидит. Антиох, завладев городом,

ограничился тем, что удалил жителей безоружными и поместил в городе свой собственный гарнизон. Но зато он очень долго осаждал Иерусалим, так как защитники его оказывали упорное сопротивление. Дело в том, что против каждого осадного орудия, которое царь воздвигал у стен города, они выставляли свое. Однако вскоре у осажденных проявился недостаток в съестных припасах, потому что запасы истощились, а земля в тот год не была обработана ввиду того, что то был год субботний, в который, по нашему закону, не позволено возделывать почву и она должна оставаться под паром. Вследствие этого многие из осажденных, ввиду недостатка в продовольствии, бежали, так что в святилище оставалось лишь незначительное число защитников.

6. Таково было положение осажденных в храме. Между тем, главнокомандующий Лисий и царь Антиох получили известие, что из Персии явился Филипп и собирается овладеть престолом. Ввиду этого они решили оставить осаду и двинуться против Филиппа, но вместе с тем условились не сообщать солдатам и военачальникам истинной причины отступления. Царь повелел Лисию переговорить с полководцами и, ничего не упоминая относительно Филиппа, сказать, что так как осада вследствие значительной неприступности города затягивается и к тому же у них уже ощущается недостаток в съестных припасах, да и в государстве ждет решения мнужество неотложных дел, ввиду всего этого кажется уместным заключить мир с осажденными, войти в дружеские сношения со всем иудейским племенем и предоставить ему жить по его древним законам, упразднение которых и подало повод к настоящей войне, а затем возвратиться восвояси. При объявлении Лисием этого решения солдаты и с ними их военачальники были очень довольны.

7. Затем царь послал к Иуде и его осажденным товарищам и предложил им мир с предоставлением права жить по собственным законам. Иудеи отнеслись к этому предложению вполне сочувственно и, получив клятвенное уверение в святости его, вышли из святилища. Потом Антиох вступил в храм, но, увидя его столь укрепленным, нарушил свою клятву и приказал сопутствовавшей ему рати разрушить его стены до основания. После этого он вернулся в Антиохию и захватил с собой первосвященника Онию, известного так-

же под именем Менелая. Дело в том, что Лисий посоветовал царю казнить Менелая, если бы он хотел привести иудеев в замешательство и обезопасить себя относительно их; от этого человека исходили все бедствия, потому что именно он-то и убедил отца его принудить иудеев к отказу от их прежнего богопочитания. Ввиду этого Антиох отправил Менелая в сирийский город Берею и казнил его там, после того как этот гнусный и безбожный человек был в течение десяти лет первосвященником и для укрепления своей власти принуждал народ (иудейский) преступить свои древние законы. После смерти Менелая первосвященником стал Алким, иначе называющийся Иакимом.

Между тем царь Антиох нашел Филиппа уже овладевшим престолом, пошел на него войной и, захватив его, приказал казнить. Когда же сын первосвященника Онии, который, как мы уже упомянули⁵⁶, потерял отца своего будучи еще ребенком, увидел, что царь казнил его дядю Менелая и передал первосвященство Алкиму, не происходившему из первосвященнического рода, и что царь по совету Лисия отнял это звание от его семьи и передал чужому семейству, то убежал к египетскому царю Птолемею. Будучи последним и его женой Клеопатрой признан достойным своего сана, он получил от них участок земли в номе Гелиополя и построил тут храм по примеру иерусалимского. Впрочем, поговорить подробнее об этом нам еще представится возможность⁵⁷.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Около этого самого времени из Рима бежал сын Селевка, Димитрий⁵⁸, и, овладев тремя главными сирийскими городами, провозгласил себя царем. Затем он окружил себя наемным войском и вошел в столицу, причем все приняла его весьма охотно и добровольно сдались ему. Войска его схватили царя Антиоха и Лисия и живыми доставили их ему. Те немедленно по приказанию Димитрия были подвергнуты смертной казни. Антиоху, как уже сказано раньше, таким образом, удалось удержаться на престоле лишь два года. И вот к Димитрию стали стекаться многие гнусные перебежчики из иудеев, и в том числе первосвященник Алким, и стали обвинять весь народ, а также Иуду и его братьев в том, что они-де

перерезали всех верных друзей его и погубили всех его истинных приверженцев, которые не изменяли ему и ждали в столице его возвращения. Сами они, мол, изгнаны из своей страны и ищут убежища в чужих местах. И вот теперь они просят его послать кого-нибудь из приближенных, чтобы тот мог узнать о всех дерзких предприятиях Иуды.

2. Димитрий рассердился и послал Вакхида, прежнего приближенного царя Антиоха Епифана, человека ловкого и отлично знакомого с положением дел во всей Месопотамии. При этом он дал ему войско и отправил с ним также первосвященника Алкима с поручением казнить Иуду и его приверженцев. Выступив с войском из Антиохии и прибыв в Иудею, Вакхид отправил к Иуде и его братьям послов с предложением вступить в переговоры о заключении дружбы и мира; при этом он хотел взять Иуду хитростью. Последний, однако, не поверил этим уверениям, так как видел, что Вакхид явился с таким многочисленным войском, с каким обыкновенно отправляются на войну, а не для заключения мира. Однако некоторые из простых иудеев поверили словам Вакхида и, полагая, что их не обидит их единоплеменник Алким, перешли на сторону врагов и, получив от обоих предводителей клятвенные уверения, что ни они, ни дальнейшие перебежчики не подвергнутся обидам, доверились сирийцам. Однако Вакхид забыл свои клятвенные обещания и распорядился перебить шестьдесят иудеев; по тем самым он удержал от неосторожного шага всех тех иудеев, которые еще имели в виду перейти на его сторону и которые теперь увидели, что он не сдержал обещания, данного первым. Затем Вакхид удалился из-под Иерусалима и направился к деревне Вифсифе; послав туда своих людей, он приказал схватить множество беглецов и простого народа и казнить всех. Вместе с тем он издал постановление, в силу которого все жители той местности подчинялись Алкиму. Наконец, он оставил последнего с некоторой частью войска тут, чтобы Алким мог удержать за собой страну, а сам вернулся в Антиохию к царю Димитрию.

3. Желая упрочить за собой власть и понимая, что править будет безопаснее лишь при условии, если списать себе расположение простонародья, Алким стал обращаться со всеми вежливо, угождать всякому и потворствовать всем.

Вместе с тем он поспешно окружил себя значительными военными силами. Большинство этого войска состояло из безобразников и перебежчиков. С такими-то сподвижниками и воинами он предпринимал экспедиции по стране и убивал всех, в ком находил преданность делу Иуды.

Видя усиление Алкима, который уже успел истребить множество порядочных и благоверных представителей народа, сам Иуда стал путешествовать по стране и избивать приверженцев своего врага. Когда же Алким заметил, что ему не справиться с Иудой и что его сила подтачивается, он решил вернуться к царю Димитрию и просить у него поддержки. Поэтому, когда он прибыл в Антиохию, то стал подстрекать царя против Иуды, жалуясь на притеснения со стороны последнего и указывая на то, что положение должно в значительной степени ухудшиться, если не выслать против Иуды сильного войска, которое схватило бы и казнило его.

4. Между тем, и сам Димитрий считал крайне опасным для своего собственного положения спокойно смотреть на такое усиление могущества Иуды и потому послать самого преданного и вернейшего своего друга, Никанора (который был его соучастником по бегству из Рима), с войском, по его мнению, достаточным для того, чтобы справиться с Иудой. Вместе с тем он отдал приказание отнюдь не щадить еврейского племени.

Когда Никанор подошел к Иерусалиму, он решил не вступать в бой с Иудой немедленно, но, имея в виду захватить его хитростью, послал к нему людей с мирными предложениями. При этом Никанор указывал на то, что нет ни малейшей необходимости вести опасную войну и что он клянется ему в том, что иудеям не будет нанесено никакой обиды. Сам-де он явился со своими друзьями, чтобы сообщить иудеям мнение царя Димитрия о положении их народа. Иуда и его братья поверили этим заявлениям Никанора и, не подозревая обмана, обменялись с ним клятвами и впустили Никанора со всей его ратью. Тогда Никанор, приветствуя Иуду, среди разговора дал своим людям знак, чтобы они схватили Иуду; последний, однако, понял коварный умысел, вскочил и убежал к своему войску.

Когда таким образом коварные намерения обнаружались, Никанор решил вступить в бой с Иудой. Поэтому он велел трубить сбор, приготовился к сражению и, сойдясь с Иудой

около деревни Кафарсаламы, разбил его там и принудил бежать в Иерусалимскую крепость.

5. Пока Никанор спускался с крепости к храму, ему встретилось несколько священнослужителей и старейшин, которые приветствовали его и указали ему на приносимые ими Предвечному за царя жертвы. Никанор, однако, стал смеяться над ними и грозил им, если народ не выдаст Иуды, при нападении разрушить храм дотла.

С этой угрозой сириец покинул Иерусалим. Священники впали в печаль, стали плакать по поводу этих слов его и усердно молили Предвечного избавить их от врагов.

Выйдя из Иерусалима, Никанор прибыл к деревне Ведору и расположился там лагерем, так как тем временем явилась к нему и остальная рать его из Сирии. Иуда, в свою очередь, раскинул свой стан в Адасе, другой деревне, отстоявшей от Ведора на расстоянии тридцати стадий. Войска у него было всего тысяча человек. Он убеждал их не страшиться численного превосходства врагов и не думать о том, против скольких им приходится сражаться, но думать о том, кто они такие и ради каких наград идут навстречу опасностям; пусть они поэтому храбро и безбоязненно сходятся с врагами. После этого он повел свои войска на бой. Сражение с Никанором вышло крайне ожесточенным, но Иуда победил противников и перебил множество их. Наконец⁵⁹, пал и сам Никанор, выказав чудеса храбрости. С его смертью войско (сирийское) уже не устояло, но, потеряв военачальника, бросилось в бегство и побросало все свое оружие. Иуда преследовал их и убивал и звуками трубы дал знать окрестным деревням, что одержал верх над врагами. Жители селений, услыша это, выступили в полном вооружении навстречу бежавшим неприятелям и, встретив их с фронта, стали умерщвлять их, так что все до одного пали, хотя их и было девять тысяч человек. Эту победу иудеи одержали тринадцатого Адара, который носит у македонян название Дистра. В сей день евреи до сих пор ежегодно справляют эту победу и признают этот день праздничным. Отпыне иудейский народ некоторое время мог отдохнуть от войны и пользоваться плодами мира; но потом ему вновь пришлось вступить в борьбу и подвергаться всевозможным опасностям.

6. Между тем, первосвященник Алким захотел разрушить стены святилища, которое было столь древне и сооруженно

древними пророками. Но тут его внезапно постигла кара Предвечного: Алким безмолвно пал паземь и умер после нескольких дней, проведенных в страшных мучениях; он был первосвященником в течение четырех лет⁶⁰.

После его смерти народ передал первосвященство Иуде, который тем временем узнал о могуществе римлян, о том, что они завоевали Галатию, Иверию и Ливийский Карфаген, кроме того, подчинили себе Элладу и в том числе царей Персея, Филиппа и Антиоха Великого. Ввиду этого он решил вступить с римлянами в дружественный союз и, послав с этой целью в Рим друзей своих Евполема, сына Иоанна, и Иасона, сына Елеазара, предложил римлянам через них заключить союз с ним и отписать Димитрию, чтобы он прекратил войну с иудеями. Посланных Иудой в Рим послов принял сенат и, когда они изложили причину своего прибытия, согласился на союз с иудеями. Составив протокол этого своего решения, сенат отправил один экземпляр его в Иудею, а другой был вырезан на медных таблицах и помещен в Капитолии. Содержание этого документа было следующее:

«Постановление сената по поводу оборонительного и наступательного союза с народом иудейским. Никто из римских подданных не должен воевать с народом иудейским, равно как не доставлять тому, кто вступил бы в такую войну, ни хлеба, ни судов, ни денег. В случае, если кто-либо нападет на иудеев, римляне обязаны по мере сил помогать им, и наоборот, если кто нападет на римские владения, иудеи обязаны сражаться в союзе с римлянами. Бude же народ иудейский пожелает прибавить к этому договору что-либо или убавить, то это должно быть сделано с согласия всего римского народа; лишь в таком случае все дополнения считаются обязательными».

Это решение было подписано Евполемом, сыном Иоанна, и Иасоном, сыном Елеазара, при первосвященнике иудейском Иуде и военачальстве брата последнего, Симеона⁶¹.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Таким образом, впервые состоялся союз римлян с иудеями.

После того как Димитрию было сообщено о смерти Никанора и о гибели всего его войска, он вторично послал Вакхида

с ратью в Иудею. Последний выступил из Антиохии, прибыл в Иудею и расположился лагерем при галилейском городе Арбелахе. Тут он осадил множество иудеев, бежавших в тамошние пещеры, и захватил их, а затем быстрым маршем двинулся на Иерусалим. Узнав, что Иуда расположился лагерем около деревни Вифзифы, он пошел против него с двадцатитысячным войском и двумя тысячами всадников. У Иуды же была всего тысяча человек. Когда последние увидели множество воинов Вакхида, то испугались и, оставя лагерь, бросились бежать, кроме восьмисот человек. Однако Иуда, несмотря на то, что был покинут своими собственными солдатами и при быстром натиске врагов не имел даже времени собрать все свои силы, захотел непременно сразиться с людьми Вакхида и, увещевав своих солдат храбро идти навстречу опасностям, убедил их вступить в бой. Когда же его солдаты указали на то, что они не могут биться с таким многочисленным неприятелем, и советовали на этот раз искать спасения в отступлении, чтобы впоследствии вновь собраться с силами и ударить на врагов, Иуда ответил: «Да не увидит солнце того, чтобы я обратил тыл перед врагами. Если даже в этот раз мне придется встретить смерть и окончательно погибнуть в сражении, я все-таки лучше храбро выдержу все, что случится, чем покрою позором прежние наши подвиги и прежнюю нашу славу теперешним бегством». Так говорил Иуда остаткам своего войска, убеждая его не взирая на опасности, но дружно броситься на врагов.

2. Между тем Вакхид вывел свою рать из лагеря и стал выстраивать ее на бой, причем поместил всадников по обоим флангам, выставил перед ядром своего войска легковооруженных и стрелков, а сам стал на правом крыле. Выстроившись таким образом, он подошел совершенно близко к неприятельскому лагерю и затем приказал войску трубить в трубы и двинуться вперед с громким криком. Точно так же поступил и Иуда и таким же образом напал на врагов. Когда же упорный бой, происходивший с обеих сторон с одинаковым ожесточением, затянулся до захода солнца, тогда Иуда заметил, что Вакхид с лучшими войсками находится на правом фланге. Поэтому он взял самых храбрых товарищей своих, двинулся с ними против этой части неприятельского войска, прорвал их строй и рассеял их. Ворвавшись в центр врагов, он принудил последних к бегству и преследовал их до горы Азы.

Когда сирийцы левого фланга увидели бегство своих товарищей с правого крыла, то бросились за Иудой и окружили его сзади, так что он попал в самый центр врагов. Не имея возможности бежать и окруженный отовсюду неприятелем, он со своими людьми решил биться до последней крайности. Перебив множество врагов, но, наконец, ослабев, он пал и умер, оставаясь до конца прежним героем. Когда пал Иуда, его товарищам уже не на кого было полагаться, и потому они, лишившись такого военачальника, обратились в бегство.

Во время перемирия братьям Иуды, Симону и Ионафу, удалось получить от врагов его труп. Они отвезли его в деревню Модию, где был погребен и отец их, и тут, похоронив его, в течение многих дней оплакивали его всем народом и воздали ему установленные почести. Такой конец постиг Иуду, человека благородного и необычайно отважного, помнившего заветы отца своего Маттафии и взявшего на себя труд и все тягости борьбы для восстановления прежней свободы своих сограждан. Благодаря такому своему благородству, он стяжал себе величайшую славу и оставил по себе вечную память, освободив народ свой и избавив его от македонского ига. Он умер на третьем году своего первосвященства⁶².

КОММЕНТАРИИ

Глава первая

¹ Это слово означает по-гречески: спаситель.

² Срв. выше, кн. XI, 8, 3, стр. 95.

Глава вторая

³ Следовательно, от 282 по 243 год до Р. Хр. По другим данным, Птолемей Филадельф царствовал от 284 по 247 год.

⁴ О переводе LXX толковников, его исторической достоверности и т.п. см. ниже, примечание к концу данной главы.

⁵ Уже в этом заключается повод к признанию всего рассказа о переводе LXX толковников легендарным.

⁶ Если здесь высказывается такой страшный, на первый взгляд, мотив, то это объясняется очень просто нежеланием, с одной стороны, знакомить иноверцев с иудейским вероучением, а с другой — боязнью неправильностей, которые могли бы вкрасться в перевод. И действительно, так называемый перевод LXX толковников крайне тенденциозен и напоминает таргумы.

⁷ Египетские фараоны сплошь и рядом женились на родных сестрах. Так и здесь.

⁸ В 304 году при осаде острова Родоса.

⁹ Греки обыкновенно возлежали за столом в один ряд, тогда как евреи сидели с обеих сторон стола.

¹⁰ Это остров Фарос, замыкающий александрийскую бухту.

¹¹ Нельзя не согласиться, что в этой фразе и в следующих заключается намек на далеко не единогласное признание народом точности перевода LXX толковников. Вероятно, и тогда уже раздавались протесты.

¹² Вероятно, уроженец о. Хиоса. Время рождения его в точности неизвестно, подобно Феодекту, род. около 380 г. до Р. Хр. Известный ритор, философ и историк. Срв. *Cont. Arion*, I, 24.

¹³ Ученик Исократа, Платона и Аристотеля. Из его 50 трагедий до нас дошли лишь названия и отрывки десяти. Срв. *Pauly, Realencyclor.* VI, p. 1799.

¹⁴ Весь рассказ о LXX толковниках в настоящее время представляется довольно грубым измышлением. Источником, на основании которого Флавий Иосиф передаст нам в предлежащей главе это событие, является произведение, известное в литературе под именем «*Письмо Аристия*». Перипатетик Аристовул из Александрии, наставник царя Птолемея Филометора и автор различных сочинений, отрывки которых находятся у *Clemens Alexandrinus* (*Strom.* I и II) и у Евсевия (*Pragag. Evang.* VII, 13; VIII, 9; XIII, 12), первый упоминает о предании Аристия. В более распространенном виде последнее находим у Филона (*de vita Mosis*, II), у жившего в II веке христианской эры Иустина Мученика, у Иринея (*Advers haer.* III, 15), у Августина (*de civit. Dei*, XVIII, 43) и других. В сокращенном виде предание встречается во многих средневековых комментированных изданиях Библии. О разборе перевода LXX толковников по форме и содержанию, см. *Hamburger Realencyclor.* II, p. 1234 sqq.

Глава третья

¹⁵ Царствовал от 322 до 280 года до Р. Хр.

¹⁶ Масло, которым умащались борцы в общественных школах (гимназиях), обыкновенно покупалось на казенный счет. В данном случае иудеи предпочитали умащаться собственным своим ритуально чистым маслом.

¹⁷ Это *M. Licinius Crassus Mucianus*, посланный императором Клавдием в Сирию, опасный впоследствии соперник Веспасиана. Срв. *Иуд. войн.* XI, 4, 4. Подробная характеристика его у Тацита, *Hist.* I, 10, II, 5.

¹⁸ Однако в Иуд. войн. VII, 1, 1 Флавий восклицает по поводу опустошения Иерусалима Титом: «Пришелец навряд бы поверил, что это место было когда-либо обитаемо».

¹⁹ Это знаменитый Марк Випсаний Агриппа, сподвижник Октавиана Августа. Последний в 23 году до Р. Хр. поручил ему управление Сирией.

²⁰ Это Антиох II, прозванный «Богом» милетцами за то, что освободил их от тирана Тимарха.

²¹ О нем и об его всеобщей истории в 144 книгах см. т. I, кн. 1, гл. III, 6.

²² Это знаменитый Антиох III (род. в 242, ум. в 187 году до Р. Хр.), вся жизнь которого протекла с переменным счастьем в битвах и походах. Проиграв в 217 году сражение при Газе, он заключил мир с Птолемеем IV Филопатором, а в 198 году выиграл битву при Панийи вблизи Иордана. Срв. Polyb. XXI, 9, 13 сл.; Diod. XXIX.

²³ Это, вероятно, ошибка. Антиох не имел решительно никакого повода посылать такое письмо Птолемею, врагу своему, войска которого были им разбиты. Кроме того, выше ясно говорится, что письма царя были адресованы его военачальникам и приближенным.

²⁴ В этом «и мы», вероятно, заключается отгадка, почему Флавий адресует это письмо на имя Птолемея. Здесь, как видно и из заключительных слов предложения, царю Антиоху приписывается такое же гуманное отношение к евреям, какое выказал им вышеупомянутый Птолемей Филадельф по поводу перевода так назыв. LXX толковников.

²⁵ Персидская мера емкости, заключающая в себе около $3\frac{1}{3}$ четверика.

Глава четвертая

²⁶ Здесь, видимо, вкралась неточность. Антиох заключил союз с Птолемеем Филопатором раньше, именно в 217 году, после битвы при Газе. Срв. Polyb. V, 82 sqq. и Justin, XXXI.

²⁷ С первосвященниками этого имени мы имели случай встречаться уже выше (срв. XII, 2, 4; XI, 5, 1, 9, 7). Их было всего четыре. Ония I, сын и преемник Иаддуя (XI, 8, 7), вероятно, тот, которого Флавий (ниже, XII, 4, 10) ошибочно смешивает с Онией III; к нему-то, по I кн. Маккав. XII, 7, 8, 20, спартанский царь и обратился с посланием. Внуком этого Онии был Ония II при Птолемеи III Еввергете (247–222 до Р. Хр.). Ония III, внук Онии II, был первосвященником при сирийском царе Селевке IV Филопаторе (187–175) и отличался большим благочестием (ср. II

кн. Маккав. 3, 4). Его сын Ония IV основал около 160 года храм в египетском городе Леонтополс. Срв. Richm, II, p. 1130.

²⁸ Срв. XII, 2, 5.

²⁹ По справедливому замечанию Kaulen'a, подтверждающемуся дальнейшим выражением «раб», Арнон был крепостным Иосифа.

³⁰ Срв. I кн. Маккав. XII, 7, 19, 20. Здесь может быть указание на Арся I, который царствовал в Спарте от 309 до 265 года до Р. Хр. Поэтому и первосвященником тут может быть только Ония I, а не Ония III. Впрочем, имя Арся встречается в этой форме лишь в латинском переводе кн. Маккав. и здесь у Флавия (также ниже, XIII, 5, 8); в греческом и сирийском текстах оно переделано в Darius. Срв. Richm, I, p. 112.

³¹ Кроме приведенных здесь Флавием данных, об этом Тире ничего более не известно. Некоторые ученые, сопоставляя это имя с названием Рамы, общим для нескольких возвышенных пунктов Иудеи, склонны предположить подобное же существование целого ряда городов под именем Тира. Срв. Boettger, l. c. p. 116.

Глава пятая

³² То были малолетние Филометор и Фископ.

³³ См. выше (X, 11, 7).

³⁴ Селевкидская эра считается с 312 г. до Р. Хр., когда Селевк I вступил в Вавилон. Следовательно, Антиох Епифан овладел Иерусалимом в 170 г. до Р. Хр. — Во II кн. Макк. V, 1 возвращение Антиоха Епифана здесь ошибочно относится к его второму походу на Египет.

³⁵ То были приверженцы первосвященника Менелая.

³⁶ Срв. об этой, по данным I кн. Маккав. I, 37, постросенной сирийцами крепости, которая здесь, по Флавию (также ниже XII, 9, 3), лежала на высоком холме. Richm, l. c. I, p. 711.

³⁷ Срв. I кн. Маккав. I, 1-67 и II кн. Маккав. IV, 7-15 и V, 11-17.

Глава шестая

³⁸ Не следует забывать, что здесь, как и ниже, мы имеем дело с так наз. селевкидской эрой, т. е. в данном случае с 167 г. до Р. Хр.

³⁹ Срв. I кн. Макк. II, 1-III, 9.

Глава седьмая

⁴⁰ Это укрепление в нижней части города было возведено Антиохом.

⁴¹ Возникновение в древности алтарей из священных камней видно из данных кн. Исход. XX, 24, где сказано, что жертвенни-

ки должны быть воздвигаемы из земли или из камней, не запятанных руками человека.

¹² Ср. выше, стр. 45.

¹³ Это праздник, известный под именем Ханука. В I кн. Макк. IV, 59 он называется *יחא*. О подробностях см. Hamburger, l. c. II, p. 1269–1270.

¹⁴ Ср. I кн. Макк. III, 10–IV, 61.

Глава восьмая

⁴⁵ В I кн. Макк. V, 35 этот город называется Maspha, а в III, 46 Mispath. Не совсем установлено, не имеется ли здесь в виду моавитское селение Mizpah, о котором упоминается в кн. Суд. I, 29.

⁴⁶ Это, вероятно, упоминаемая Плинием (V, 16) Rephana, один из десяти сирийских городов, вблизи которого находилось ниже упоминаемое святилище рогатой Астарты, на южном берегу ручья Гиеронакса, ныне Scherial el-Mundhur, или одного из его притоков. Срв. Voettger, l. c. p. 211.

⁴⁷ Это שְׁשׂוּרֹת קַיִם (кн. Быт. XIV, 5). Этот храм двурогой богини Астарты назывался Atergation, а сама богиня Atargatis, которой соответствует имя Derketo у Страбона (XIV, p. 785).

⁴⁸ В основу содержания этой главы легли данные I кн. Макк., гл. V, 1–68.

Глава девятая

⁴⁹ Такого города на самом деле не существовало. Некоторые комментаторы полагают, что тут имеется в виду Экбатана. Elam (עֵילַם) — вся область Сузианы по данным Библии (Быт. XIV, 1; Исаия, IV, 9; Иезек. XXXII, 24). Упомянутая ниже попытка разграбления храма подтверждается Полибием (31, 11), Юстином, Аппианом, Страбоном и другими писателями. Однако никто из них не говорит, где был этот храм. Срв. Voettger, l. c. p. 110.

⁵⁰ Знаменитый историк. Срв. его Hist. XXXI, 11 sqq.

⁵¹ Селевкидской эры, т. е. в 163 г. до Р. Хр.

⁵² Вследствие того, что Лисий, которому раньше царь поручил воспитание малолетнего Антиоха V Евпатора, не отказался от своего опекуинства в пользу другого любимца царя, упомянутого Филиппа, произошли серьезные междоусобицы, результатом которых была смерть Лисия и малолетнего Антиоха в 161 году. Срв. Justin. XXXIV, 3.

⁵³ Около тринадцати верст.

⁵⁴ Вариант: причем впереди шли легковооруженные.

⁵⁵ Обыкновенно щиты были покрыты чехлами. В бою блеск щитов должен был ослеплять врагов.

⁵⁶ Срв. выше, стр. 125, прим. 27.

⁵⁷ В основу рассказа этой главы легло содержание I кн. Маккав., гл. VI. Последняя фраза относится, собственно, уже к следующей главе.

Глава десятая

⁵⁸ Он был сыном Селсвка Филопатора и должен был бы по праву после смерти отца своего занять престол вместо дяди своего, Антиоха IV. Но Антиох сумел его удержать в Риме, где Димитрий проживал в качестве заложника. Срв. Schurer у Riehm'a, l. c. I, p. 308.

⁵⁹ В Св. Писании (I кн. Макк. VII, 43) говорится, что Никанор пал в самом начале битвы.

⁶⁰ По данным I кн., IX, 54-56, смерть Алкима последовала лишь тринадцать месяцев спустя после кончины Иуды Маккавья, в 158 г. до Р. Хр.

⁶¹ Срв. I кн. Маккав. VII, 1-VIII, 32.

Глава одиннадцатая

⁶² Срв. I кн. Маккав. IX, 1-21.

Книга тринадцатая

Содержание:

1. О том, как после смерти Иуды брат его Ионаф принял начальство.

2. Как он, ведя войну с Вакхидом, заставил последнего вступить в соглашение и вернуться обратно.

3. О походе Александра, сына Антиоха Епифана, в Сирию (Иудею) и о борьбе его с Димитрием.

4. О том, как Димитрий отправил к Ионафу посольство, заключил союз с ним и о том, какие подарки поднес он ему и нашему народу.

5. О том, как Александр, при известии об этом, превзошел Димитрия щедростью, назначил Ионафа первосвященником и таким образом списал его расположение.

6. О дружбе Онии с Птолемеем Филометором и о том, как последний воздвиг по образцу иерусалимского храма так наз. храм Онии.

7. Александр осыпает Ионафа, после смерти Димитрия, величайшими почестями.

8. О том, как сын Димитрия, Димитрий же, переправился с Крита в Сирию, как он победил Александра на войне, стал царем и заключил дружбу с Ионафом.

9. О том, как Трифон Апомейский победил Димитрия на поле брани, передал Антиоху, сыну Александра, царскую власть и принял в союзники Ионафа.

10. О том, как Трифон, после взятия Димитрия в плен парфянами, нарушил союз с Ионафом и, захватив его хитростью, велел убить, и о том, как он начал войну со своим братом Симоном.

11. О признании народом иудейским Симона, брата Ионафа, восначальником и об избрании Симона в первосвященники.

12. О том, как Симон в Доре осаждал Трифона, после того как заключил союз с братом Димитрия, Антиохом Благочестивым.

13. О том, как после убийства Трифона Антиох предпринял войну против Симона и как последний победил его восначальника Кендесея и изгнал его из Иудси.

14. О том, как Симон был коварно убит во время пира своим зятем Птолемеем, и о том, как Птолемей, удалив в темницу жену и детей Симона, пытался добиться власти.

15. О том, как младший сын Симона, Гиркан, предупредив Птолемя, сам завладел браздами правления и долго осаждал Птолемя в крепости Дагоне.

16. О том, как Антиох Благочестивый пошел войной на Гиркана, расположился лагерем перед городом Иерусалимом и лишь после того снял осаду, как Гиркан выплатил ему триста талантов и принял его в число своих союзников и друзей.

17. О походе Гиркана на Сирию после того, как Антиох умер в Мидии, и о взятии им силой множества городов.

18. О дружбе между Гирканом и Александром Зебиною.

19. О том, как Антиох был разбит Кизиком, который оказал помощь осажденным Гирканом самарянам, и как он должен был покинуть Иудею вследствие прибытия сыновей Гиркана.

20. О воцарении Аристовула, лишь только он достиг власти.

21. О том, как после смерти Аристовула его брат Александр, пресеник его по престолу, предпринял поход на Сирию, Финикию и Аравию и овладел множеством городов.

22. О победоносном походе Птолемея Лафура на Александра.

23. О том, как Димитрий Евкер повел свое войско против Александра и победил его.

24. О походе Антиоха Диониса на Иудею и об одержанной им победе.

25. О том, как после смерти Александра, его жена Александра в течение девяти лет правила мирно и славно и затем скончалась.

Содержание книги обнимает период в восемьдесят два года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. В предшествующей книге мы рассказали, каким образом народ иудейский, угнетенный македонянами, вновь снискал себе свободу, и после скольких и каких ужасных битв нал его предводитель Иуда в бою за народ свой.

После смерти Иуды все находившиеся еще в стране безбожники и законоотступники восстали против иудеев и со всех сторон стали паглым образом обижать последних. Благодаря гнусности этих людей страну постиг голод, так что многие из евреев вследствие недостатка во всем необходимом и вследствие невозможности противостоять еще, кроме этой беды, другой, именно козням врагов, перешли на сторону македонян. Между тем, Вакхид собрал всех тех, которые изменили древним своим обычаям и примкнули к новому (языческому) строю жизни, и поручил им управление страной. Тогда эти люди (немедленно) схватили друзей и приверженцев Иуды и выдали их Вакхиду. Этот, в свою очередь, подверг их первоначально пыткам, а затем, вдоволь помучивши их, прика-

зал их умертвить. Таким образом, иудеев постигло такое несчастье, какого они не испытывали со времени исхода из Вавилона, и когда оставшиеся в живых товарищи Иуды увидели столь жалко гибнущий народ, они обратились к брату Иуды Ионафу с просьбой пойти по следам своего брата, принять на себя заботу о своих единоплеменниках, подобно Иуде, который пал за свободу народа, и не допустить, чтобы народ, оставаясь без руководителя, погиб при таких ужасных условиях. Ионаф отвечал, что он охотно готов умереть за них, и так как, по всеобщему мнению, он ни в чем не уступал своему брату, он был избран военачальником иудейским.

2. Когда Вакхид узнал об этом, то испугался, как бы Ионаф не доставил разных хлопот царю и македонянам, как то было некогда с Иудой, и стал искать способа хитростью умертвить его. Однако это решение Вакхида не осталось скрытым ни от Ионафа, ни от его брата Симона. Когда они были поставлены об этом в известность, то пискоро собрали всех своих товарищей и бежали в ближайшую к городу пустыню и, прибыв к находившемуся там водоему, так называемому Асфару, остановились тут. Узнав об их уходе и о прибытии их в указанное место, Вакхид двинулся против них со всем своим войском и, расположившись лагерем на противоположной стороне Иордана, остановил тут свою рать. Узнав о выступлении Вакхида, Ионаф отправил своего брата Иоанна, называвшегося также Гаддисом, к наватейским арабам, с которыми евреи были в дружбе, для того, чтобы укрыть у них на время войны с Вакхидом всю свою движимость. Однако на выехавшего к наватейцам Иоанна попали засевшие в засаде у города Мидавы потомки Амарея, схватили Иоанна и его спутников, отняли у них все их имущество и умертвили как самого Иоанна, так и всех его товарищей. Однако за это они, в свою очередь, должны были заплатить и были наказаны братьями Иоанна, как мы сейчас расскажем.

3. Тем временем Вакхид узнал, что Ионаф расположился лагерем в низинах Иорданских, выждал субботу и попал на него в расчете, что Ионаф в этот день сообразно своему закону сражаться не станет. Однако тот стал увещевать своих товарищей и указал им на то обстоятельство, что теперь идет вопрос об их жизни и смерти, так как они настолько замкнуты между рекой и неприятелями, что нет никакой возможности

Помазание Саула на царство

спастись бегством (враги наступали спереди, а с тылу у них была река), и, обратясь к Предвечному с мольбой даровать победу, вышел на битву с неприятелями. Повергнув многих из них, Ионаф увидел, что (сам) Вакхид смело устремляется на него, и потому поднял уже руку, чтобы сразить его. Однако последний предвидел это и успел уклониться, — тогда Ионаф бросился с товарищами в реку и переплыл ее. Таким образом иудеи спаслись на противоположный берег Иордана, тогда как враги все еще не решались переправиться через реку. Вскоре затем Вакхид вернулся в иерусалимскую крепость. При этом он потерял из своего войска около двух тысяч человек¹. Заняв затем множество иудейских городов, и в том числе Иерихон, Еммаус, Вефор, Вифил, Фомнафу, Фарафон, Тахою и Газару, он стал укреплять их. Воздвигнув в каждом из этих городов башни и окружив города огромными прочными стенами, он разместил тут гарнизоны, которые могли бы выступать отсюда и наносить вред иудеям. Особенно же тщательно он укрепил замок иерусалимский. Вместе с тем он взял в

качестве заложников детей самых выдающихся иудеев, запер их в крепости и содержал их там.

4. Около этого времени к Ионафу и брату его Симону явился человек с извещением, что племя потомков Амарея готовится отпраздновать свадьбу и поведет невесту, дочь одного из знатных арабов, с большим торжеством и блеском из города Гавафы. Полагая, что тут представляется весьма удобный случай для того, чтобы отметить за смерть Иоанна, товарищи Ионафа и Симона направились к Мидаве и, засев в горах, стали поджидать врагов. Когда же они увидели наконец арабов, ведших невесту и жениха, окруженных по обыкновению большой толпой друзей, иудеи выскочили из своей засады, перебили всех людей и, забрав у них все свадебные подарки и всю остальную добычу, вернулись обратно. Таким образом отомстили они потомкам Амарея за смерть брата своего Иоанна; все арабы, как сами они, так и сопровождавшие их друзья с женами и детьми, числом до четырехсот, были истреблены.

5. Симон и Ионаф направились затем назад к приречным болотам, Вакхид же, гарантировав себе спокойствие по всей Иудее путем целого ряда гарнизонов, вернулся к царю. После этого в течение двух лет в Иудее господствовало спокойствие. Когда же затем перебежчики и отщепенцы (из иудеев) увидели, что Ионаф и его товарищи совершенно безбоязненно проживают в стране вследствие царившего там мира, они отправили послов к царю Димитрию с советом послать Вакхида для поимки Ионафа. При этом они указывали на то, что эта поимка не представит никаких затруднений и что если напасть на иудеев врасплох, то в одну ночь их можно перебить всех. Когда вследствие этого царь (действительно) выслал Вакхида и последний прибыл в Иудею, Вакхид разослал всем своим иудейским друзьям и прочим союзникам приглашение помочь ему при поимке Ионафа. Но хотя все и приложили всевозможные к тому старания и все-таки не могли захватить Ионафа (последний был все время пастором, потому что узнал о замысле врагов), то Вакхид рассердился на перебежчиков и, полагая, что они обманули как его самого, так и царя, приказал схватить и казнить пятьдесят главнейших из них. Ионаф, между тем, боясь Вакхида, ушел со своим братом и с товарищами в некую деревушку Вифалагу, находившуюся в пустыне. Тут он соорудил укреп-

Давид и Голиаф

ления, обнес их стенами и замкнулся в них как в безопасном убежище. Когда Вакхид узнал об этом, то двинулся со своим войском и иудейскими союзниками своими против Ионафа, подошел к его укреплениям и стал осаждать их в течение долгого времени. Между тем Ионаф, несмотря на усердную осаду, не поддавался, но выказал упорное сопротивление, а затем оставил в городе брата своего Симона для продолжения борьбы с Вакхидом, а сам тайком выбрался из крепости и отправился по стране; тут он собрал значительный отряд единомышленников, ночью нагрянул на лагерь Вакхида и перебил такое множество врагов, что его нападение не осталось незамеченным для брата его Симона. Лишь только последний заметил, что враги подвергаются избиению с его стороны, он и сам двинулся на них, поджег все осадные орудия македонян и учинил среди них страшную резню.

Увидя себя столь стесненным врагами, из которых одни напали на него с фронта, другие с тыла, Вакхид впал в отчаяние, и страх обуял его, потому что он был совершен-

но подавлен столь неожиданным исходом осады. Гнев свой он сорвал на перебежчиках, которые сманили его от царя и, по его мнению, парочно ввели в заблуждение. Теперь ему хотелось лишь как-нибудь по возможности приличнее прекратить осаду и вернуться домой.

6. Когда Ионаф узнал об этом его намерении, он отіправил к нему посольство с предложением заключить дружественный союз с условием, чтобы обе стороны могли обменяться военнопленными. Вакхид признал такое разрешение вопроса наиболее приличным, поклялся Ионафу в дружбе, и затем оба полководца дали друг другу клятвенное обещание более не воевать между собой. Затем Вакхид обменялся с Ионафом военнопленными и вернулся со своими людьми в Антиохию к царю, после этого отступления он уже более никогда не вторгнулся в Иудею. Ионаф воспользовался наступившим теперь моментом личной безопасности, чтобы расположиться на жительство в городе Махме. Тут он творил суд среди народа, наказывал преступных и безбожных людей и освобождал таким образом от них народ свой².

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. В сто шестидесятом году³ Александр, сын Антиоха Епифана, вернулся в Сирию и занял Птолемаиду, благодаря измене находившихся в ней воинов, которые были восстановлены против Димитрия за его заносчивость и надменное к ним отношение. Дело в том, что Димитрий замкнулся в какой-то дворец с четырьмя башнями, постройку, которую он сам воздвиг себе недалеко от Антиохии, и никого не допускал к себе; кроме того, он относился крайне легкомысленно к своим обязанностям правителя и пренебрегал ими. Отсюда еще более обострялась к нему ненависть подчиненных, как мы уже имели случай указать в другом месте⁴.

Итак, когда Димитрий узнал, что Александр находится в Птолемаиде, он двинулся на него со всем своим войском, а также послал послов к Ионафу с просьбой о вступлении с ним в дружественный союз. Таким образом он думал предупредить Александра, дабы последний не мог более ранними предложениями гарантировать себе поддержку Ионафа. Все это он сделал, опасаясь, как бы Ионаф, помня о прежних

неприятностях, не оказался в числе его противников. Ввиду всего этого он поручил Ионафу собрать войско и приготовить боевые припасы и взамен того получить обратно иудейских заложников, которые были заключены Вакхидом в иерусалимской крепости. В силу этого предложения со стороны Димитрия Ионаф отправился в Иерусалим и по прибытии туда прочитал в присутствии народа и крепостного гарнизона послание царя. После этого все отступники и перебежчики, бежавшие из крепости, сильно перепугались, потому что царь поручил Ионафу набрать войско и взять себе обратно заложников. Заложников Ионаф всех вернул их родителям.

Таким образом Ионаф (опять) очутился в Иерусалиме; он стал теперь обновлять городское управление и переделывать все по своему благоусмотрению.

Между прочим, он распорядился также выстроить городские стены из четырехугольных отесанных камней, дабы стены эти представляли более надежный оплот против врагов. Когда об этом узнали гарнизоны, находившиеся в иудейских крепостях, то покинули свои стоянки и бежали в Антиохию; так поступили все, кроме гарнизонов города Вифсуры и иерусалимской крепости, потому что те большей частью состояли из иудейских вероотступников и перебежчиков; в силу именно последнего обстоятельства они и не покинули своих укреплений.

2. Когда до сведения Александра дошли обещания, сделанные Ионафу Димитрием, и когда он узнал о храбрости Ионафа и как он отличался в войне с македонянами, а с другой стороны, сколько Ионаф претерпел от Димитрия и его полководца Вакхида, он сказал своим друзьям, что в настоящем случае ему трудно найти более подходящего союзника, чем Ионаф: последний-де выказал необычайную храбрость в борьбе с врагами и должен отличаться особенной ненавистью к Димитрию, так как он не только претерпел от него массу зла, но и, в свою очередь, причинил ему немало горя.

Поэтому, сказал Александр, если следует его отвратить от союза с Димитрием, то теперь наиболее подходящий момент к тому, чтобы предложить Ионафу союз. И вот, так как он сам и друзья его решили отправить к Ионафу послов с соответствующим предложением, Александр адресовал на его имя следующее письмо:

«Царь Александр посылает привет брату Ионафу. Мы давно уже слышали о твоей храбрости и надежности и поэтому посылаем тебе предложение вступить в дружественный союз с нами. Ввиду этого мы сейчас же назначаем тебя иудейским первосвященником и принимаем тебя в число наших друзей. При этом я отправляю тебе в дар пурпуровую одежду и золотой венец и прошу тебя относиться к нам с тем же уважением, с каким мы относимся к тебе».

3. Получив это письмо, Ионаф облекся в первосвященническое облачение, так как наступил праздник Кушей, — это было в первый раз в течение тех четырех лет, которые протекли со времени смерти брата его Иуды (в продолжение всего этого времени иудеи вовсе не имели первосвященника), стал собирать большое войско и заготовлять массу оружия.

Когда же Димитрий узнал об этом, он очень огорчился и стал себя укорять в медлительности, что не сумел как следует предупредить Александра, списать дружбу Ионафа, и дал Александру возможность сделать это. Ввиду этого он сам также отправил Ионафу и еврейскому народу письмо следующего содержания:

«Царь Димитрий посылает привет свой Ионафу и всему иудейскому народу. Так как вы соблюдаете дружественную к нам верность и не поддаетесь попыткам врагов склонить вас на свою сторону, то я не могу не воздать вам за это должную похвалу и прошу вас оставаться мне верными; за это вы получите от нас благодарность и всякие льготы. Я освобожу вас от большинства налогов и сборов, которые вы платили прежним царям и мне, и слагаю с вас теперь все налоги, которые вы обыкновенно платили. Кроме того, я с вас слагаю сборы за соль и государственный налог в пользу короны, которые вы нам платили, а также освобождаю вас с сегодняшнего дня от платежа третьей части злаков и от половины части древесных плодов, которые вы мне обыкновенно отдавали. Равным образом я отныне и навеки слагаю с вас подушную подать, которую каждый из жителей Иудеи, равно как из населения трех тошархий, Самарии, Галилеи и Переи, обязан был платить мне. Город Иерусалим я объявляю священным, неприкосновенным и свободным вплоть до границ его от десятины и от всех прочих поборов. Крепость (иерусалимскую) я поручаю вашему первосвященнику Ионафу;

пусть он поместит в ней такой гарнизон, который он сочтет достаточно надежным и преданным, дабы эти люди сберегали ее нам. Всех находящихся в нашей стране военнопленных или впавших в рабство иудеев я отпускаю на волю и запрещаю употреблять на какие бы то ни было казенные надобности принадлежащий иудеям выючный скот. Пусть будут дни субботные, всякий праздник и три предшествующих ему дня свободны от всякой принудительной работы. Равным образом возвращаю я свободу и все права живущим у меня (в Сирии) иудеям и позволяю желающим из них вступить ко мне в войско до тридцати тысяч человек; люди эти будут получать, куда бы они ни пошли, такое же точно содержание, какое причитается моему собственному войску. Некоторых из них я помещу в крепостные гарнизоны, других сделаю своими личными телохранителями, отчасти же назначу их начальниками моих придворных войск. Я разрешаю (иудеям) жить по их собственным законам и соблюдать их и желаю, чтобы эти же законы распространялись и на три прилегающие к Иудее провинции. Вместе с тем мне угодно, чтобы первосвященник позаботился о том, чтобы ни один иудей не поклонялся (Богу) в другом святилище, как только в иерусалимском. Из своих личных средств я отпускаю на расход по жертвоприношениям ежегодно сто пятьдесят (драхм) и желаю, чтобы из них весь излишек поступал в вашу же пользу. Те же десять тысяч драхм, которые обыкновенно получали цари из средств храма, я также предоставляю вам в пользу священников, несущих обязанности по богослужению в храме. Все те, кто стал бы искать убежища в иерусалимском храме или в одном из зависящих от последнего учреждений, будут отпущены на волю и имущество их останется в целости, хотя бы они искали спасения по задолженности царю или по какой-либо иной причине. Я разрешаю возобновить и достроить храм и отпускаю на то пужные суммы из своих собственных средств; равным образом, я разрешаю и постройку городских стен и позволяю возвести высокие башни, причем и на все это отпускаю свои средства. Если же понадобится где-нибудь в стране иудейской возвести сильную крепость, то да будет это сделано также за мой личный счет».

4. Такие обещания и льготы иудеям отметил в своем послании Димитрий. Между тем царь Александр собрал ог-

ромное войско из наемных и присоединившихся к нему сирийских солдат и пошел походом на Димитрия. Когда же произошла битва, левое крыло Димитрия обратило врагов в бегство и преследовало их на дальнейшее расстояние, причем перебило множество их и принялось разграблять лагерь. Между тем правое крыло, на котором находился Димитрий, потерпело поражение. Все тут бросились бежать; Димитрий же, сражаясь геройски, перебил немало количество противников, но во время погони за остальными въехал на коне в глубокую трясицу, из которой уже не был в состоянии выбраться. Тут ему, вследствие падения лошади, пришлось поплатиться жизнью, так как не было никакой возможности спастись бегством. Дело в том, что, когда неприятели увидели, что с ним случилось, они вернулись и, окружив Димитрия, забросали его дротиками. Хотя он и пеший геройски отбивался от них, однако в конце концов был так изранен, что пал, не будучи уже более в силах сопротивляться.

Таков был конец Димитрия, успевшего процарствовать одиннадцать лет, как мы уже упомянули в другом месте⁵.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Когда Ония, сын первосвященника того же имени, бежавший в Александрию к царю Птолемею Филометору и, как мы уже раньше указывали⁶, оставшийся там на жительство, увидел угнетение Иудеи со стороны македонян и их царей, то, желая спискать себе прочную славу и вечную память, решил отправить к царю Птолемею и царице Клеопатре просьбу о разрешении воздвигнуть в Египте храм, подобный иерусалимскому, и назначить к нему левитов и священнослужителей из своего собственного рода. В этом намерении особенно укреплял его пророк Исаия, который за шестьсот с лишним лет до него предсказал, что в Египте, безусловно, будет воздвигнут неким иудеем храм в честь Всевышнего⁷. Основываясь на этом, Ония отправил Птолемею и Клеопатре письмо следующего содержания:

«После того как я с помощью Всевышнего во время войны оказал вам целый ряд важных услуг, прибыл в Келесирию, Финикию, в гелиополитанский город Леонтополь с иудейским населением, а также в другие местности, где жи-

вут представители этого племени, я нашел, что очень многие из них против всякого закона имеют свои святилища и из-за них ссорятся между собой, что случается и среди египтян вследствие массы имеющихся у них храмов и происходящих из-за разных воззрений в религиозных делах разногласий; я нашел там весьма подходящее место в области, посвященной полевой богине Бубастис⁸, где было множество леса и обилие всевозможных священных животных⁹; и вот я прошу тебя уступить мне это заброшенное и не имеющее определенного назначения святилище, чтобы я тут мог воздвигнуть Всевышнему храм наподобие иерусалимского, тех же самых размеров. Туда будут в взаимном согласии стекаться все живущие в Египте иудеи и, молясь за тебя, твою супругу и детей, иметь возможность выказывать тебе свою глубокую преданность.

Ведь и пророк Исаия предсказал некогда: «Всевышнему Богу будет жертвенник в Египте». При этом он предвещал еще многое другое относительно этого».

2. Такое письмо отправил Ония царю Птолемею, который, в свою очередь, ответил ему посланием, могущим служить доказательством благочестия как самого царя, так и супруги и сестры его Клеопатры. Дело в том, что последние слагают с себя ответственность за всякое нарушение закона и переносят ее на Онию. Вот как они ответили (ему): «Царь Птолемей и царица Клеопатра посылают Онии привет свой. Мы прочли твою просьбу о разрешении предоставить тебе право восстановить запущенный храм, находящийся в гелиополитанском доме близ Леонтополя и приписываемый полевой Бубастисе. Однако мы очень удивляемся и сомневаемся, будет ли угодно Предвечному святилище, воздвигаемое в столь дурном месте, да еще кишашем священными животными.

Но так как ты уверяешь, что пророк Исаия предсказал об этом давно, то мы предоставляем тебе это право, поскольку оно не противоречит (вашему) закону, и притом с оговоркой, чтобы нас не считали ответственными за какие бы то ни было прегрешения относительно Всевышнего».

3. Получив таким образом в свое распоряжение указанное место, Ония воздвиг (тут) святилище и жертвенник Всевышнему, подобные иерусалимским, хотя и поменьше и победнее. Мне не казалось необходимым останавливаться теперь на размерах и убранстве этого храма, потому что об

этом уже писано мной в седьмой книге моей «Иудейской войны»¹⁰. Онии удалось также пайти некоторых единомышленников из иудеев, которые собирались отпраплять там обязанности левитов и священнослужителей.

4. Однако об этом храме у нас довольно было речи.

Между тем среди александрийских иудеев и самарян, поклонявшихся храму, сооруженному во времена Александра на горе Гаризим, произошли распри, и они в своем религиозном споре обратились за решением к самому Птолемею; иудеи при этом уверяли, будто по законам Моисеевым построен (лишь) храм иерусалимский, самаряне же утверждали то же самое относительно святилища на горе Гаризим. И вот обе стороны упрости царя образовать со своими приближенными судилище, выслушать доводы обеих партий и наказать смертью неправую сторону. За самарян выступили Саввей и Феодосий, а представителем интересов иудеев явился Андроник, сын Мессалама. Последние поклялись именем Господа и царя, что они будут давать свои показания по сущей истине, и просили Птолемея казнить того из них, кто нарушил бы свою клятву. Тогда царь созвал множество приближенных на совет и приготовился выслушать стороны. Александрийские иудеи очень беспокоились относительно тех мужей, которым теперь приходилось выступать на защиту прав иерусалимского храма, потому что они были бы совершенно подавлены, если бы этот храм, столь древний и почитаемый на всей поверхности земной, не выдержал испытания. Саввей и Феодосий предоставили Андронику первому слово, и вот он начал свою аргументацию с данных закона и с преемственности первосвященства, указал на то, как каждый первосвященник получал свой сан от отца своего и стоял во главе храма, а также на то обстоятельство, что все цари Азии почтили (иерусалимский) храм жертвенными приношениями и необычайно богатыми подарками, но никто из них ни одним словом не обмолвился о храме на горе Гаризим, как будто бы его не было вовсе. Такими доводами и целым рядом подобных соображений Андроник побудил царя признать, что святилище иерусалимское воздвигнуто сообразно постановлениям Моисеевым, и казнить Саввея и Феодосия.

Таковы были дела александрийских иудеев при Птолемеи Филометоре¹¹.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Когда Димитрий, как мы выше рассказали¹², пал в битве, Александр овладел царством сирийским и отправил к Птолемею Филометору письмо, в котором просил руки его дочери. При этом он указывал на то, что теперь, после того как ему удалось возвратить себе царство отца и по милосердию Божию быть признанным в нем после победы над Димитрием, будет вполне уместно вступить в родство с ним и что он во всем думает выказать себя достойным будущего своего тестя. Птолемей ответил ему, что охотно принимает его предложение, ибо он радуется, что отцовское царство вернулось к нему, и обещал выдать за него дочь свою; при этом он предложил Александру выехать в Птолемаиду, куда фараон собирался привезти дочь свою. Туда Птолемей хотел проводить дочь свою из пределов Египта и там справить ее свадьбу. Отправив это письмо, Птолемей быстро поехал с дочерью своей Клеопатрой в Птолемаиду, встретился там с Александром, согласно уговору выехавшим к нему навстречу, выдал за него дочь и дал ей в приданое столько серебра и золота, сколько и подобало царю.

2. После окончания свадебных торжеств Александр отправил первосвященнику Ионафу письмо с приглашением прибыть в Птолемаиду. Прибыв к царям и привезя им блестящие дары, первосвященник удостоился от них обоих величайшего почета. Александр заставил его снять одежду и облечься в порфиру, посадил его рядом с собой на троне, а также велел своим сановникам отправиться с Ионафом в самый центр города и объявить, что никому не разрешается жаловаться на Ионафа или делать ему какие бы то ни было неприятности. Когда сановники сделали это, то все те, которые собрались было выступить с обвинениями против Ионафа и относились к нему враждебно, при виде почета, которого Ионаф удостоился от царя, разбежались в страхе, как бы им самим при этом случае не пострадать. Царь Александр вообще так отличил Ионафа, что даже велел внести его в список первых своих приближенных.

3. В сто шестьдесят пятом году¹³ сын Димитрия, Димитрий¹⁴, отплыл с Крита в Киликию во главе множества наемников, которыми снабдил его критянин Ласфен. Когда Алек-

сандр узнал об этом, то страшно смутился и перепугался и немедленно поспешил из Финикии в Антиохию, чтобы ограждать ее раньше прибытия Димитрия. В качестве военачальника над Келесирией он оставил Аполлония Дава, который, направляясь с большим войском к городу Ямнии, отправил к первосвященнику Ионафу послов с заявлением, что он считает неприличным, что Оиаф один не подчиняется царю, а живет себе в полном спокойствии и безмятежно, и это для него полный позор, что он не покоряется царю¹⁵. «Не обманывай сам себя насчет того, будто бы ты, сидя в горах, был силен (говорил Аполлоний); если же ты так полагаешься на свое войско, то спустись на равнину, сразись с нашей ратью; исход битвы покажет, кто храбрее. Впрочем, знай, что лучшие люди каждого города сражаются в рядах моего войска, а это как раз те люди, которые привыкли всегда побеждать твоих предков. Вступи с нами в борьбу в такой местности, где нет возможности сражаться при помощи камней, но где приходится биться с оружием в руках и где нет места, куда можно было бы убежать побежденному».

4. Ионаф рассердился на такие слова его и, собрав десять тысяч воинов, двинулся из Иерусалима в сопровождении брата своего Симона. Прибыв в город Яффу, он расположился станом вне его, потому что жители, имея внутри города гарнизон Аполлония, заперли перед ним ворота. Когда же Ионаф приготовился осаждать город, население, боясь, как бы он силой не овладел городом, раскрыло перед ним ворота. Узнав о взятии Яффы Ионафаном, Аполлоний двинулся во главе трех тысяч всадников и восьми тысяч пехоты к Азоту и пошел оттуда медленно и не спеша (на Яффу). Приблизившись к Яффе, он стал притворно отступать и тем выманил Ионафа на равнину; при этом он гордо разъезжал на своем коне и был вполне преисполнен надежды на победу. Ионаф двинулся вслед за Аполлонием вплоть до Азота. Тогда Аполлоний, видя, что теперь приходится сражаться на ровном месте¹⁶, повернул фронт и вступил с Ионафом в бой. Хотя Ионаф и узнал, что у Аполлония спрятана тысяча всадников в засаде в некоей ложбине, чтобы с тыла ударить на врагов, он все-таки не испугался, но выстроил свое войско в двух направлениях, чтобы оно могло с фронта и с тыла встретить нападение врагов, и ободрил его отражать нападения последних

с обеих сторон. Когда же бой затянулся до вечера, он дал брату своему Симону часть своего войска и приказал ему врезаться с ним в строй врагов; сам же он велел своим войскам сомкнуть щиты и таким образом оградить себя от дротиков всадников. Воины так и поступили, тогда как вражеские всадники, выпустив на них все свои стрелы до последней, не причинили им решительно никакого вреда, потому что эти стрелы не могли ранить никого ввиду того, что сомкнутые в одну непрерывную стену и тесно составленные щиты легко отражали их и заставляли их безрезультатно падать.

Когда же Симон заметил, что враги, метавшие в иудеев снаряды с раннего утра до позднего вечера, утомились, то нагрянул на них со своим войском, и, благодаря необычайной храбрости последнего, ему удалось обратить неприятеля в бегство. Всадники, увидя бегство пехоты, сами тоже не выдержали, но, будучи также совершенно изнурены боем, затянувшимся до вечера, и потеряв всякую надежду на поддержку со стороны пехотинцев, обратились в беспорядочное и дикое бегство, так что они в полном беспорядке рассыпались по равнине. Ионаф преследовал их до Азота и перебил при этом множество их, остальных же, потерявших надежду на спасение, принудил бежать в находившийся в Азоте храм бога Дагона. Затем Ионаф взял город после первого же натиска и поджег его и близлежащие деревни. Он также не пощадил и храма Дагона, но предал пламени как храм, так и укрывшихся в нем. Число павших в бою и сгоревших в храме врагов было восемь тысяч. Одержав таким образом верх над столь многочисленной ратью, Ионаф двинулся от Азота к Аскалону и расположился лагерем перед этим городом; тут-то к нему навстречу вышли аскалонцы с дарами и всячески стали выражать ему свое уважение. Приняв их добровольное подчинение, он вернулся в Иерусалим с богатой добычей, которую ему доставила победа над врагами.

Когда Александр узнал о поражении своего полководца Аполлония, то стал притворно выражать свое удовольствие по этому поводу, потому-де, что тот против его желания напал на его друга и союзника Ионафа. При этом он отправил к Ионафу посольство с изъявлением и засвидетельствованием полного своего почтения и послал ему в дар золотой браслет, что обыкновенно дарится лишь царским родственникам,

а также уступил ему в собственность Аккарон и всю провинцию последнего.

5. Около этого времени явился в Сирию с флотом и сухопутным войском также царь Птолемей Филометор, чтобы поддержать Александра, тестем которого он был. По повелению Александра все города оказывали ему радушный прием, и так он добрался до города Азота; тут все жители встретили его громким криком по поводу поджога, которому подвергся их храм Дагона, и стали обвинять Ионафа за то, что он уничтожил это святилище, предал огню и мечу всю область и перебил множество жителей. Птолемей, услыша это, хранил молчание; когда же Ионаф выехал ему навстречу в Яффу, то удостоился получить от Птолемея богатые дары и всяческое уважение; после этого Ионаф сопровождал его до реки Елевфера, а затем вернулся назад в Иерусалим.

6. По прибытии своем в Птолемаиду, Птолемей чуть было, против всякого ожидания, не погиб, потому что против него злоумышлял в лице дружественного ему Аммония сам Александр. Когда все эти козни обнаружались, Птолемей написал Александру письмо с требованием наказать Аммония, так как последний злоумышлял против его жизни и вследствие этого должен дать ответ. Но так как Александр не выдавал ему Аммония, то царь понял, что тот сам злоумышлял против него, и потому страшно рассвирепел на него. Благодаря этому же Аммонию антиохийцы уже и раньше были восстановлены против Александра, потому что они претерпели от Аммония массу зла. Однако (наконец) Аммоний подвергся заслуженному наказанию за все свои преступления: он под видом женщины был позорно зарезан, потому что, как мы рассказали в другом месте¹⁷, хотел скрыться в женском одеянии.

7. Теперь Птолемей стал упрекать себя за то, что выдал дочь свою за Александра, равно как за то, что вступил с ним в союз против Димитрия. Поэтому он разорвал с ним все родственные узы и отнял у него дочь свою. Затем он немедленно послал к Димитрию для переговоров о заключении с ним дружественного союза, причем обещал ему выдать за него дочь и вернуть ему отцовское царство. Димитрий очень обрадовался этому предложению, немедленно заключил с ним союз и вступил в брак. Птолемею теперь оставалось устранить еще одно только затруднение, а именно, уговорить анти-

охийцев признать Димитрия, так как антиохийцы были не расположены к нему вследствие беззаконий, совершенных над ними его отцом Димитрием. И вот ему удалось уладить и это дело. Антиохийцы ненавидели Александра из-за Аммония, как мы уже сказали выше, и потому, недолго думая, изгнали его из Антиохии, после чего тот отправился в Киликию. И вот когда к антиохийцам прибыл Птолемей, то они и войска провозгласили его своим царем; таким образом, фараону по необходимости пришлось возложить на себя две короны: азиатскую и египетскую. Однако, будучи человеком вполне порядочным, справедливым и нелюбостыжательным, да к тому же и очень прозорливым в государственных делах, Птолемей решил отказаться, чтобы не вызывать зависти к себе со стороны римлян. Поэтому он созвал антиохийцев в народное собрание и стал уговаривать их принять к себе Димитрия, причем указывал на то, что последний, удостоившись с их стороны такого отличия, и не думает вымещать на них злобы за отца своего. Сам фараон предлагал себя в руководители и наставники Димитрию во всяком добром начинании и обещал не допускать его до каких бы то ни было неудобных предприятий. Сам же он, уверяя фараона, готов удовлетвориться царством египетским. Такими речами он убедил антиохийцев принять к себе Димитрия.

8. После того как Александр во главе огромного войска и с большими боевыми запасами двинулся из Киликии в Сирию и предал область антиохийскую огню и мечу, Птолемей выступил против него со своим зятем Димитрием (которому он уже успел дать в жены дочь свою); оба союзника разбили Александра и обратили его в бегство.

Тогда последний бежал в Аравию. В битве лошадь Птолемея, испугавшись рева слона, сбросила с себя своего всадника; враги же, увидев это, устремились на фараона, нанесли ему множество ран в голову и бросили его, подвергнув смертельной опасности. Телохранители фараона, однако, отбили его, но старик был в таком тяжелом положении, что в течение четырех дней не мог произнести ни слова и даже не приходил в сознание. Между тем арабский правитель Завил послал Птолемею голову Александра, так что, когда фараон на пятый день очнулся от ран и пришел в себя, то его ожидал приятнейший сюрприз, известие о смерти Александр-

ра и голова последнего в виде вещественного доказательства. Пораженный радостью по поводу смерти Александра, и сам Птолемей немного спустя умер.

Этот Александр, получивший прозвище Валаса, правил Азией в течение пяти лет, как о том повествуется в других местах¹⁸.

9. Не успел Димитрий, известный под именем Никатора, вступить на царство, как начал гнусно избивать войско Птолемея, совершенно забыв о своем союзе с фараоном и о том, что Птолемей был ему тестем вследствие женитьбы Димитрия на его дочери Клеопатре. Поэтому войска египетские бежали от его злодеяний в Александрию; Димитрию же удалось завладеть всеми слонами Птолемея.

Между тем первосвященник Ионаф собрал войска со всей Иудеи и, подступив к иерусалимской крепости, в которой находились македонский гарнизон, а также некоторые из вероотступников и перебежчиков, стал осаждать ее. Первоначально заключенные в крепости отнеслись презрительно к приготовлениям Ионафа к осаде, потому что полагались на укрепленность своего места; ночью, однако, несколько отщепенцев вышло из крепости и отправилось к Димитрию с извещением об осаде ее. Рассвирепев при этом известии, Димитрий собрал свое войско и двинулся из Антиохии на Ионафа. Прибыв в Птолемаиду, он отправил к Ионафу письменный приказ немедленно поспешить к нему в Птолемаиду. Ионаф, однако, осады не снял, но взял старейшин народа и священнослужителей и явился с ними и с запасом золота, серебра, одеяний и различных даров к Димитрию. Этими подарками ему удалось смягчить гнев царя и даже удостоиться от него чести быть утвержденным в сане первосвященника, подобно тому как он этого добивался и у его предшественников по престолу. Обвинениям перебежчиков Димитрий также не придавал веры, но, когда Ионаф стал просить царя удовлетвориться оброком в тридцать талантов за всю Иудею и три топархии — Самарию, Перею и Галилею, — Димитрий согласился и на это и выдал Ионафу относительно всего этого письмо следующего содержания: «Царь Димитрий приветствует брата своего Ионафа и (весь) народ иудейский. Копию с письма, которое мы написали нашему родственнику Ласфену, препровождаем вам при сем для того,

чтобы вы познакомились с пей». Вот она: «Царь Димитрий приветствует отца своего Ласфена. Так как народ иудейский дружествен нам и соблюдает по отношению к нам свои обязанности, то я решил выразить ему свое благоволение за эту его привязанность и закрепляю за ним три нома, Афериму, Лидду и Рамафу, которые они отняли у Самарии и присоединили к Иудее, равно как принадлежащие к этим номам земли. Кроме того, я освобождаю их от доставления мне тех платежей, которые мои предшественники по престолу получали за иерусалимские жертвоприношения, а также от платежей налогов на злаки и древесные плоды, равно как от всех прочих поступавших к нам повинностей, напр., с соляных копей и коронных платежей. От всего этого я освобождаю их и желаю, чтобы мое распоряжение не отменялось отныне на будущее время. Итак, позаботься о том, чтобы была сделана копия с сего указа, дабы она была вручена Ионафу и помещена на видном месте в святом храме».

Таково было содержание указа.

Тогда Димитрий, убедившись в прочности мира, в отсутствии какой бы то ни было опасности и в том, что теперь нечего бояться войны, распустил свое войско и сократил при этом вознаграждение ему; он выплатил жалованье полностью лишь иноземным наемникам, которые явились вместе с ним с Крита и с прочих островов. Этим он навлек на себя неудовольствие и даже ненависть со стороны своих солдат, потому что он им не заплатил, тогда как его царственные предшественники в одинаковой мере платили им плату, как во время войны, так и во время мира; этим они располагали их к себе и заручались их поддержкой, в случае необходимости, также и на войне¹⁹.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Между тем, заметив это нерасположение солдат к Димитрию, один из прежних военачальников Александра, Диодот, прозванный Трифоном и происходивший из города Анамен, отправился к арабу Малху. Последнему был отдан на воспитание сын Александра, Антиох, и вот Трифон сообщил Малху о нерасположении войск к Димитрию и уговорил араба отдать ему Антиоха: он собирался провозгласить

его царем и вернуть ему отцовский престол. Малх первоначально отнесся недоверчиво к этому плану и Трифону, но так как последний долгое время спустя все-таки настаивал на этом, то Малх наконец сдался на доводы Трифона. Однако сказанного пока довольно об этом лице.

2. Между тем, первосвященнику Ионафу крайне хотелось удалить гарнизон из иерусалимской крепости, равно как освободиться от гнусных иудейских перебежчиков и македонских гарнизонов в рассеянных по всей стране крепостях; он отправил к Димитрию послов с подарками и просил его удалить указанные войска из Иудеи. На это Димитрий не только отвечал выражением своей полной готовности исполнить его просьбу, но даже обещал ему сделать гораздо больше, только после окончания войны, в которую он был запутан и которая теперь отнимала у него все свободное время. При этом Димитрий со своей стороны просил первосвященника послать ему союзнический отряд, потому что его собственные войска отпали от него. Ввиду этого Ионаф отправил Димитрию три тысячи отборных ратников.

3. Тем временем ненавидевшие Димитрия за причиненные им, а еще более отцом его Димитрием бедствия антиохийцы только и выжидали удобного случая, чтобы восстать против него. Когда же они узнали о прибытии со стороны Ионафа, то тотчас поняли, что ему удастся собрать значительную рать, если они не предупредят его и не захватят его врасплох. Поэтому они раздобыли оружие и обложили царский дворец форменной осадой, заняли все выходы из него и старались схватить царя. Увидя восстание антиохийской черни, которая в полном вооружении приступила уже к военным против него действиям, Димитрий собрал своих наемников и присланных ему Ионафом иудеев и сразился с антиохийцами. Так как последних было несколько десятков тысяч, то ему пришлось потерпеть от них полное поражение. Тогда иудеи, видя, что антиохийцы одолевают, взобрались на крышу дворца и стали оттуда забрасывать наступающих дротиками. Так как они, благодаря высоте здания, были слишком удалены от нападающих, чтобы подвергаться с их стороны какой бы то ни было опасности, а напротив, сами сверху наносили им огромный урон своей стрельбой сверху, то им удалось вскоре отогнать антиохийцев от ближайших

зданий. Затем иудеи немедленно подожгли эти здания, а так как дома стояли близко друг к другу и большинство зданий были деревянные, то пламя вскоре распространилось по всему городу и уничтожило его дотла. Тогда антиохийцы, не будучи в силах дольше держаться и совладать с огнем, обратились в бегство. Тем временем иудеи бросались из дома в дом, преследуя врагов, и, таким образом, произошла эта единственная в своем роде погоня. И вот, когда царь заметил, что антиохийцы думают теперь только о том, чтобы спасти жен и детей и поэтому более уже не сражаются, он напал на них через другие улицы и перебил при этом такое множество жителей, что тем самым принудил их побросать все оружие и сдаться ему. Затем Димитрий простил их дерзкую попытку и тем самым положил предел этой смуте. Одарив иудеев из богатой добычи и отблагодарив последних как истинных виновников одержанной победы, царь отправил их обратно в Иерусалим к Ионафу и еще раз укрепил с последним союз свой. Впоследствии, однако, он нечестно поступил по отношению к Ионафу и нарушил свои ему обещания, пригрозив ему войной, в случае если тот не выплатит ему полностью той дани, которую платил прежним царям народ иудейский. Димитрий действительно привел бы свою угрозу в исполнение, если бы его от этого не удержал Трифон и не заставил бы обратить все направленные против Ионафа приготовления против самого него, Трифона.

Дело в том, что последний вернулся из Аравии в Сирию с малолетним еще сыном Антиоха²⁰ и провозгласил его царем. А так как на его сторону перешло все войско, которое покинуло Димитрия за неполучение наемной платы, то Трифон объявил войну Димитрию, сошелся с ним на поле брани, разбил его и захватил всех его слонов и самый город Антиохию.

4. Потерпев такое поражение, Димитрий отступил в Киликию. Тем временем молодой Антиох отправил к Ионафу послов с письменным уверением в своей дружбе и союзе и с утверждением за ним первосвященнического достоинства, равно как права на те четыре нома, которые были присоединены к стране иудейской. Сверх того он послал также золотую утварь, посуду и пурпуровую одежду с разрешением носить ее, а также одарил его золотым замятием и принял его в число своих первых приближенных. В то же вре-

мя он утвердил брата его, Симона, главнокомандующим над всеми войсками от Тирийских гор вплоть до границ Египта. Благодарный за такое отношение к нему со стороны Антиоха, Ионаф, в свою очередь, отправил послов к нему и к Трифону, с заявлением своей дружбы и союза и с обещанием воевать с ним против Димитрия. При этом Ионаф объяснил, что и Димитрий не отплатил ему благодарностью за все оказанные ему в тяжелую минуту услуги, но даже обидел его, воздав злом за добро.

5. Получив затем от Антиоха поручение собрать из Сирии и Финикии значительную рать и вступить в борьбу с военачальниками Димитрия, Ионаф немедленно выступил к городам²¹. Последние хотя и оказали ему блестящий прием, однако не дали ему войска. Отсюда он затем отправился в город Аскалон, и когда жители встретили его радушно и с подарками, он стал убеждать их, равно как и жителей всех отдельных городов в Келесирии, отпасть от Димитрия и, передавшись Антиоху, в союзе с Антиохом пытаться отомстить Димитрию за все те притеснения, которые им когда-либо довелось испытать от него. При этом он указал, что на такой образ действий у них имеется достаточно оснований.

Склонив, таким образом, эти города к союзу с Антиохом, он прибыл в Газу, чтобы ее жителей убедить перейти на сторону Антиоха. Однако жителей этого города он нашел совершенно иначе настроенными, чем он предполагал. Так, напр., они заперли перед ним ворота, не желая настолько же примыкать к Антиоху, сколько и отказываться от Димитрия. Это побудило Ионафа подвергнуть город осаде, а область опустошению, а именно, обложив частью войска Газу, он с остальной ратью ринулся на окрестные владения, предавая все огню и мечу.

Увидев себя в столь стесненном положении и не получая никакой помощи со стороны Димитрия в такую ужасную минуту и видя эту помощь и пользу от нее лишь впереди, да и то крайне неопределенной, жители Газы порешили, что благоразумнее будет оставить Димитрия и подчиниться Антиоху. Поэтому они отправили к Ионафу послов с заверениями своей готовности заключить с ним дружественный союз.

Таковы уж люди: раньше, чем испытать несчастье, они не сознают того, что им полезно. Лишь впад в беду, они вы-

бирают наконец то, что было бы лучше сделать с самого начала, потому что теперь только начинают соображать, что можно бы было без всякого для себя ущерба остановиться на этом и раньше.

Ионаф принял их предложение, заключил с ними дружественный союз и, взяв заложников, отправил последних в Иерусалим, а сам прошел по всей стране, вплоть до Дамаска.

6. Тут он узнал, что военачальники Димитрия, во главе большой рати, двинулись ему навстречу, к городу Кедесе, находящемуся как раз на границе между областью тирийской и Галилеей; полководцы рассчитывали на то, что они выманят его из Сирии и направят в сторону Галилеи, потому что он, наверное, не оставит без поддержки своих галилейских приверженцев, которые теперь были удручены войной. Ионаф выступил против них и оставил в Иудее брата своего Симона.

7. Последний собрал из всей страны все наиболее подходящее войско и принялся за осаду Вефсуры, самой укрепленной местности во всей Иудее, как нами об этом было уже выше упомянуто²². Крепость эту занимал гарнизон Димитрия. Когда же Симон воздвиг осадные валы, поместил осадные орудия и принялся по всем правилам искусства осаждать Вефсуру, гарнизон испугался взятия крепости силой и собственной гибели. Поэтому он отправил к Симону посланцев с просьбой поклясться, что если им не будет причинено никакого зла, они могут покинуть эту местность и уйти к Димитрию. Ионаф дал им в этом клятвенное уверение, изгнал их из города и поместил в нем свой собственный гарнизон.

Выступив из Галилеи от так называемого Генисаретского озера, где он было расположился станом, Ионаф прибыл в равнину Асор, не зная, что тут находятся враги. Солдаты же Димитрия, лишь накануне узнав, что Ионаф собирается прийти к ним, устроили ему засаду и тайком поместили в ущелье горы воинов, сами же с остальной ратью двинулись ему навстречу на равнину. Увидя их готовыми к бою, Ионаф и сам стал по силе возможности ободрять своих воинов к битве. Но когда враги, помещенные военачальниками Димитрия в засаде, очутились в тылу у иудеев, последние испугались, как бы им не очутиться отрезанными от своего войска и, наверное, погибнуть, и потому обратились в бегство. Тогда и все остальные покинули Ионафа; несколько же, числом не более пятидеся-

ти человек, в том числе сын Ансалома, Маттафия, и сын Хапсея, Иуда, бывшие военачальниками над всей ратью, остались при нем. Они храбро и с полным самозабвением ринулись на врагов и, поразив их своей смелостью, храбро обратили их в бегство. Когда вернувшиеся из воинов Ионафа увидели бегство врагов, то и сами приостановились, собрались в кучу и принялись гнаться за врагами. Так гнали они их до Кедасы, где находился лагерь неприятелей.

8. Одержав такую блестящую победу и перебив до двух тысяч врагов, Ионаф вернулся в Иерусалим. Видя, что с помощью Божьей все ему удастся, он отправил посольство к римлянам с предложением возобновить прежний дружественный союз иудейского народа с ними. Этим своим посланным он поручил завернуть на возвратном пути из Рима к спартамцам и напомнить им об их дружественном союзе с иудеями²³. Когда же посланные прибыли в Рим и, придя в сенат, объявили, что они приехали от первосвященника Ионафа, который прислал их с целью укрепления союза, то сенат утвердил прежнее свое постановление относительно дружбы с иудеями и снабдил посольство грамотами ко всем царям Азии и Европы и к правителям различных городов, чтобы послы могли безопасно вернуться восвояси. На обратном пути посольство заехало в Спарту и отдало там грамоту, заготовленную с этой целью Ионафом. Содержание ее было следующее:

«Первосвященник иудейского народа, Ионаф, совет старейшин и народ иудейский посылают привет свой эфорам лакедемонским, герусии²⁴ и братскому племени. Если вы здоровы и все ваши общественные и частные дела идут хорошо, то это прекрасно и вполне соответствует нашим желаниям. Сами же мы здоровы. В прежние времена наш первосвященник Ония получил у нас от вашего царя Арея через посредство Димотела послание относительно нашего общего с вами происхождения. Копия его при сем прилагается. Послание это мы приняли охотно и любовно отнеслись как к Димотелу, так и к Арею, тем более что нам вовсе не было необходимости в доказательстве этого нашего родства, так как в том уже убеждали нас данные нашего Св. Писания. И если мы сами не сделали первого шага для признания между нами указанного родства, то это произошло лишь оттого, что мы не желали показать вида, будто мы предвосхищаем у вас оказанную нам

честь. И все-таки, несмотря на то, что со времени установления между нами наших дружественных отношений прошло уже достаточное число лет, мы во все праздники и во все знаменательные дни при принесении Господу Богу жертв всегда молимся Ему о вашем здравии и благополучии. Несмотря на то, что благодаря дерзости и заносчивости наших соседей нам пришлось вести множество войн, мы все-таки не решались впутывать в них ни вас, ни других нам дружественных лиц. Окончив теперь борьбу с неприятелями своими, мы по случаю отправки нами почтенных членов совета, Нумения, сына Антиоха, и Антипатра, сына Иасона, снабдили последних также посланием к вам с целью возобновить с вами наш дружественный союз. Поэтому вы поступите прекрасно, если и вы, в свою очередь, напишете нам, не нужно ли вам чего-либо от нас, всегда готовых во всех случаях оказать вам посильную поддержку». Лакедемоняне любезно приняли послов и, постановив решение о закреплении дружественного союза с иудеями, отправили их на родину.

9. В это время существовало среди евреев три секты, которые отличались различным друг от друга мировоззрением. Одна из этих сект называлась фарисейской, другая саддукейской, третья ессеической. Фарисеи утверждают, что кое-что, хотя далеко и не все, совершается по предопределению, иное же само по себе может случаться²⁵. Секта ессеев учит, что во всем проявляется мощь предопределения и что все, постигающее людей, не может случаться без и помимо этого предопределения. Саддукеи, наконец, совершенно устроят все учение о предопределении, признавая его полную несостоятельность, отрицая его существование и нисколько не связывая с ним результатов человеческой деятельности. При этом они говорят, что все лежит в наших собственных руках, так что мы сами являемся ответственными за наше благополучие, равно как сами вызываем на себя несчастья своей перешимостью. Впрочем, об этом я подробно говорил уже во второй книге своей «Иудейской войны».

10. Между тем, однако, военачальники Димитрия, желая вознаградить себя за понесенное поражение, собрали значительно большую рать, чем в первый раз, и двинулись с ней на Ионафа. Узнав об их нашествии и желая предупредить их вторжение в Иудею, последний быстро пошел им навстре-

чу в область Амафы. Расположившись станом в расстоянии пятидесяти стадий от врагов, он выслал соглядатаев, которым было поручено высмотреть их лагерь и способ укрепления его. Лазутчики все донесли Ионафу и даже захватили почью в плен нескольких неприятелей, которые сообщили ему о намерении врагов напасть на него. Поэтому он, будучи своевременно предупрежден, приготовился к этому, выставил около своего лагеря сторожевые посты и в течение всей ночи держал свое войско под оружием. Вместе с тем он увещевал своих людей мужаться и быть наготове биться даже почью, если бы это потребовалось, дабы враги знали, с кем имеют дело. Когда же военачальники Димитрия узнали, что Ионафу уже все известно, они впали в отчаяние и их смутило сознание, что они спасовали перед неприятелями, что их коварный умысел не удался и что им придется осилить другого; для них было очевидно, что им не совладать с войском Ионафа. Поэтому они решились на бегство и отступили, зажегши предварительно множество костров, чтобы вид последних заставил врагов предположить, будто они еще остаются в лагере. Когда же Ионаф на заре нагрянул на их стан и нашел его пустым, то понял, что они бежали, и бросился за ними в погоню. Однако ему так и не удалось настичь их, потому что они уже успели переправиться через реку Елевфер и быть в безопасности. Поэтому он отсюда повернул в сторону Аравии, вступил в борьбу с навайтецами и отнял у них значительную добычу и множество военнопленных. С ними он двинулся к Дамаску и всех их там продал. Около того же времени и брат его, Симон, обошел всю Иудею и Палестину вплоть до Аскалона, завладел крепостями страны и, укрепив их новыми постройками и новыми гарнизонами, добрался до Яффы. Заняв и ее, он ввел туда значительный гарнизон, потому что слышал о желании жителей передать город военачальникам Димитрия.

11. После всех этих предприятий как Симон, так и Ионаф вернулись в Иерусалим. Собрав затем весь народ в святилище, Ионаф посоветовал ему восстановить городские стены, вновь отстроить разрушенную ограду вокруг храма и укрепить ее высокими башнями; далее воздвигнуть среди города другую стену и отрезать, таким образом, гарнизону крепости доступ на рыночную площадь; тем самым он и

предлагал лишить этот гарнизон возможности снабжаться съестными припасами; кроме того, он предлагал еще более укрепить и тем обезопасить существовавшие в стране крепости. Так как все эти предложения были благосклонно приняты народом, то он сам принялся за отстройку города, а Симона отправил внутрь страны, чтобы обезопасить ее. Между тем Димитрий переправился в Месопотамию, намереваясь овладеть ею и Вавилоном и, подчинив себе верхние сатрапии, овладеть уже отсюда всем царством. Дело в том, что жившие там греки и македоняне постоянно отправляли к нему посольства с обещанием передаться ему, если только он явится к ним, и в союзе с ним идти войной на парфянского царя Арсака. В уповании на это Димитрий двинулся к ним в расчете, если только подчинит парфян и создаст себе войско, начать войну с Трифоном и изгнать его из Сирии. Жители страны приняли его радушно, и он, собрав войско, начал борьбу с Арсаком, но потерял при этом все свое войско и сам попал в плен, как мы рассказали в другом месте²⁶.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Лишь только Трифон узнал, чем окончилось предприятие Димитрия, он уже более не оставался верным Антиоху, но стал злоумышлять против него, решив убить его и самому овладеть царством. Однако пока его удерживал от приведения этого намерения в исполнение страх перед Ионафом, который был другом Антиоху. Вследствие этого он хотел первоначально избавиться от Ионафа, а затем уже приняться и за Антиоха. Решив избавиться от первосвященника коварством и обманом, он отправился из Антиохии в Вифсану, носившую у греков название Скифополя, куда навстречу ему выступил Ионаф во главе сорокатысячного отборного войска, потому что Ионаф предвидел его воинственные намерения. Видя готовность Ионафа к бою, он отправился к нему с подарками, был с ним ласков и любезен. Вместе с тем он приказал своим полководцам повиноваться Ионафу, думая таким способом уверить последнего в своей преданности и совершенно освободить его от подозрения относительно того, будто он замышляет захватить его врасплох. Вместе с тем он посоветовал Ионафу распустить войско, указывая на то, что

в пастоящее время, когда нет войны и царствует полный мир, нет никакой необходимости держать это войско. Трифон советовал Ионафу оставить при себе лишь небольшой отряд и двинуться вместе с ним к Птолемаиде, которую он обещал передать ему, равно как помочь ему овладеть всеми остальными крепостями страны. На это-то, как бы на причину своего приезда, и указывал Трифон.

2. Ионаф действительно не предполагал во всем этом злого умысла, но поверил, что Трифон дал ему дружеский и вполне искренний совет, и потому распустил свое войско и удержал из него лишь три тысячи человек, из которых 2 000 оставил в Галилее, а с остальной тысячей вместе с Трифоном пошел на Птолемаиду. Немедленно по его прибытии туда жители по заранее данному им Трифоном приказанию заперли городские ворота; тут-то Трифон взял Ионафа живьем в плен, а всех товарищей его велел перебить. Вместе с тем он послал и за оставленными в Галилее двумя тысячами человек, чтобы и их также перерезать. Однако до этих уже дошла молва о постигшем Ионафа злополучии, и потому они предупредили прибытие посланных Трифоном отрядов и поспешили с оружием в руках удалиться из страны. Высланные против них войска, увидя евреев вполне готовыми биться до последней крайности, не рискнули причинить им какой-либо вред и вернулись к Трифону.

3. Когда жители Иерусалима узнали о плене Ионафа и о гибели его солдат, постигшее его несчастье опечалило всех, и все стали жалеть об этом муже. Вместе с тем они страшно беспокоились и боялись, как бы теперь, когда они единовременно лишились талантливового и столь храброго Ионафа, враждебные им и лишь сдерживавшиеся Ионафом окрестные племена ныне не напали на них и не заставили их вступить в крайнюю борьбу не на живот, а на смерть. А между тем эти опасения вскоре же действительно осуществились; ибо лишь только соседние племена узнали о смерти Ионафа, то начали войну с иудеями, зная, что те не имеют руководителя, сам же Трифон собрал войско и решил отправиться в Иудею и объявить войну ее населению.

Когда же Симон увидел, что иерусалимцев все это повергло в такое отчаяние, он, желая ободрить их и словом вызвать их мужество, чтобы смело встретить нашествие

Трифона, собрал весь народ в святилище и оттуда обратился к нему со следующим увещанием:

«Единоплеменники! Вам небезызвестно, насколько охотно, после смерти отца моего, как я, так и братья мои шли за вашу погибель на разные опасности, сопряженные с возможностью смерти. Полагаю, что как я лично, так и смерть членов нашей семьи за законы и богопочитание, дали вам достаточные тому доказательства. Поэтому нет такого страха, который вытеснил бы из души моей эту решимость и вызвал бы в ней особую привязанность к жизни или презрение к славе. Итак, если уже у вас нет теперь такого военачальника, который решился бы за вас на всякие крайности, то добровольно последуйте за мной, куда бы я вас ни повел. Если я не лучше своих братьев, чтобы не щадить своей жизни, то и не хуже их и не отступлюсь позорно от того, что они признали за наилучшее, а именно — умереть за ваши законы и ваше истинное богопочитание. Где понадобится явить себя достойным их, там я и явлю себя таким. Я смело надеюсь не только наказать врагов, но и избавить всех вас с вашими женами и детьми от их заносчивости и с Божьей помощью сохранить в целости Его святой храм. Я отлично понимаю, что соседние племена наступают на вас оттого лишь, что считают вас не имеющими военачальника, который повел бы вас в бой».

4. После этой речи Симона народ воспрянул духом, и боязнь его сменилась новым упованием на лучшее будущее. Поэтому весь народ единоплеменно провозгласил Симона своим военачальником и заместителем его братьев, Иуды и Ионафа, причем обещал безусловное повиновение всем его распоряжениям. Тогда Симон немедленно собрал все свои боевые силы и поспешил окончить постройку городской стены. Укрепив ее высокими и прочными башнями, он отправил одного из своих друзей, некоего Ионафа, сына Апсаломы, с войском в Яффу и поручил ему изгнать оттуда всех жителей, потому что опасался, как бы они не сдали города Трифону. Сам же он остался в Иерусалиме для охраны его.

5. Тем временем Трифон во главе большого войска выступил из Птолемаиды и двинулся в Иудею, ведя за собой пленного Ионафа. Навстречу ему выступил Симон с его ратью и подошел к городу Аддиду²⁷, лежащему на горе, у по-

дошвы которой расстилается иудейская равнина. Когда же Трифон узнал, что иудеи выбрали Симона главнокомандующим, то он послал к нему, имея в виду обмануть и его, с предложением выдать ему, в виде выкупа за его брата Ионафа, сто талантов серебра и двоих из детей Ионафа в качестве заложников, дабы Ионаф, будучи выпущен на свободу, не вздумал склонить Иудею к отпадению от царя. При этом Трифон ссылался на то, будто Ионаф держится в плену за долг, которого он не возвратил царю. Однако Симон отлично понял маневр Трифона. Напротив, он знал, что если он отдаст деньги, то и их потеряет и брата не освободит, а лишь, кроме него, оставит во власти врага еще детей своего брата. Однако, боясь навлечь на себя обвинения народа в том, что это он стал причиной смерти брата, если не отдаст за него выкупа и не оставит заложниками детей его, Симон собрал свое войско и сообщил ему о предложении Трифона, причем заметил, что и тут кроется коварная ловушка. Однако при этом он сказал, что все-таки предпочитает послать Трифону деньги и выслать детей, чем отвергнуть предложение его и тем самым навлечь на себя подозрение в нежелании спасти брата. Ввиду всего этого Симон действительно послал Трифону детей Ионафа и деньги, но по получении их Трифон все-таки не сдержал своего слова и не отпустил Ионафа, но со своим войском обошел вокруг Иудеи, решив впоследствии пройти к Иерусалиму через Идумею. Таким образом, он достиг идумейского города Адора. Симон, однако, со своей ратью не отставал от него, но постоянно располагался лагерем против него.

6. Между тем гарнизон иерусалимской крепости отправил к Трифону просьбу поспешить к ним и выслать съестных припасов. Поэтому он отрядил свою конницу и велел ей достигнуть в течение ночи Иерусалима. Ночью, однако, выпало много снега, который занес все дороги, сделал их труднопроходимыми для лошадей и не дал Трифону возможности добраться до Иерусалима. Поэтому он отсюда двинулся в Келесирию и затем быстро вторгся в область Галаадскую. Тут он велел казнить и похоронить Ионафа, а сам вернулся в Антиохию. Потом Симон послал в город Баску за останками своего брата и похоронил их на родине, в Модии, причем глубокая печаль охватила весь народ. При этом случае Симон воздвиг отцу своему и братьям своим огромный памятник из

белого отесанного камня. Вышина этого памятника была очень велика, так что он был виден на далекое расстояние, окружен был этот мавзолей портиками и обелисками удивительно искусной работы. Кроме того, он соорудил еще семь пирамид в честь своих родителей и каждого из братьев. Размерами и красотой эти сооружения вызывают вообще удивление. Они сохранились по сей день²⁸. С таким-то рвением позаботился Симон о гробнице Ионафа и надгробных памятниках прочих членов семьи своей. — Ионаф умер после четырехлетнего первосвященничества. Он был главой своего рода²⁹...

7. Такова была кончина Ионафа.

Симон был пародом избран в первосвященники и в первый же год своего служения избавил его от македонского ига настолько, что иудеям уже более никогда не приходилось платить дани македонянам. Это освобождение как личное, так и от податей началось у иудеев со сто семидесятого года со времени ассирийского владычества, именно с того времени, как Селевк, прозванный Никатором, овладел Сирией. Народ был в таком восторге от Симона, что в своих деловых сношениях и всех народных постановлениях стал писать «в первый год правления Симона, благодетеля и князя иудейского». При Симоне дела иудеев шли очень удачно, и они осилили окрестные племена. Дело в том, что он взял города Газару, Яффу и Ямнию, затем он осадил иерусалимскую крепость и срыл ее до основания, чтобы врагам более не представилось возможности иметь в ней опору для своих враждебных действий, как то было раньше. Сделав это, Симон признал за целесообразное срыть всю гору, на которой помещалась крепость, дабы тем самым поднять холм, на котором стоит святилище³⁰. Созвав народ, он старался убедить его в необходимости этого мероприятия, упомянув, сколько уже пришлось пострадать иудеям от неприятельских гарнизонов и перебежчиков, и указывая на то, что им придется претерпеть еще в будущем, если власть вновь перейдет в руки иноверного царя, который снова поместит в этой крепости своих воинов. Этими доводами ему удалось убедить народ в целесообразности предлагаемой меры.

Все охотно приступили к этому делу и принялись срывать гору. После трехлетней, не прерывавшейся ни днем, ни ночью работы они срыли гору до основания и сровняли все

занимаемое ею место, с тех пор, после уничтожения крепости и горы, над всем городом царит здание храма.

Таковы были дела, совершенные Симоном³¹.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Немного спустя после взятия в плен Димитрия Трифон умертвил сына Александра, Антиоха, который был прозван «Богом» и который во время своего четырехлетнего правления находился под опекой Трифона. Последний объявил о смерти Антиоха, будто она последовала от операции, и в то же самое время послал наиболее преданных и близких друзей к войскам с обещанием выплатить огромную сумму денег, если они провозгласят его царем. При этом он заявил, что Димитрий попал в плен к парфянам, и если брат Димитрия, Антиох, достигнет власти, то он сильнейшим образом накажет их за их отпадение. Ввиду этого солдаты, надеясь на всякие блага, если изберут на царство Трифона, провозгласили его правителем. Достигнув такого положения, Трифон немедленно выказался весь, во всем своем непривлекательном свете: будучи частным человеком, он служил народу и прикидывался добрым, угождая всем желаниям народа; достигнув же царской власти, он скинул с себя маску и явился настоящим Трифоном. Однако этим самым он лишь сыграл в руку врагам, потому что войско, ненавидевшее его, перешло на сторону жены Димитрия, Клеопатры, которая тогда заперлась с детьми своими в Селевкии. В то время по страхе скитался брат Димитрия, Антиох, прозванный Сотером. Его ни один город не принимал к себе из страха перед Трифоном. К нему-то Клеопатра послала предложение жениться на ней и овладеть царством. Призвала она Антиоха не только потому, что к тому побуждали ее приближенные, но и потому, что она боялась будущего, так как некоторые из жителей Селевкии приготовились отдать город Трифону.

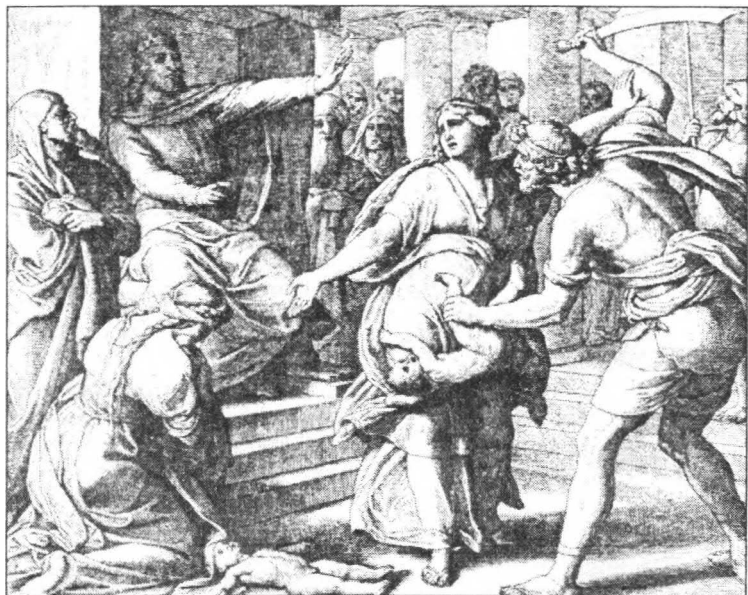
2. Прибыв в Селевкию и видя, что его положение со дня на день упрочивается, Антиох начал войну с Трифоном, победил его и прогнал из Верхней Сирии в Финикию. Он преследовал его до пределов последней и осадил в неприступной крепости Доре, куда тот спасся бегством. Вместе с тем он отправил к иудейскому первосвященнику послов с

Давид и Вирсавия

предложением заключить дружественный союз. Симон охотно принял его предложение, послал Антиоху значительное количество денег и много съестных припасов для осаждавших Дору войск и поступил при этом так великодушно, что в короткое время стал считаться одним из наиболее преданных друзей царя. Между тем Трифон бежал из Доры в Апамею и был там во время осады захвачен в плен и убит, успев процарствовать три года.

3. Однако Антиох, в своей заносчивости и испорченности, вскоре забыл об оказанной ему Симоном поддержке и выслал одного из своих приближенных, Кедевея, с войском для разграбления Иудеи и поимки Симона. Когда же последний узнал об этом вероломстве Антиоха, то он хоть и старик, невзирая на свои годы и побуждаемый несправедливостью, допущенной по отношению к нему Антиохом, с юношеским пылом взял на себя начальствование в походе. Сыновей своих он выслал с ядром войска вперед, а сам с другой частью рати двинулся с другой стороны в путь.

Соломоново решение

Поместив часть своих сил в засаде в ущельях гор, он не потерпел неудачи ни в одном из своих предприятий, но повсюду разбивал врагов. После этого он жил до окончания дней своих в глубоком мире, успев еще заключить дружественный союз с римлянами.

4. Всего восемь лет процарствовал Симон над иудеями и умер от коварного покушения, которое совершил на него во время пира зять его, Птолемей. Последний захватил также его жену и двоих сыновей его³² и, велев поместить их в темницу, подослал убийц к его третьему сыну, Иоаншу, который послал также имя Гиркана. Узнав, однако, об их приходе, юноша успел избежать грозившей ему опасности путем быстрого бегства в город³³, решаясь поручить себя здесь охране народа и уповая при этом, с одной стороны, на заслуги отца своего перед этим народом, а с другой — на ненависть черни к Птолемею. Когда же Птолемей пытался проникнуть в город через другие ворота, то народ не дозволил ему этого, потому что дал уже приют Гиркану³⁴.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Птолемей отступил в одну из крепостей, именно Дагон, расположенную вблизи Иерихона. Тем временем Гиркан, получив по наследству первосвященническое достоинство и путем жертвоприношений с самого начала умилившись Предвечного, выступил походом на Птолемея и приступил к указанной крепости (Дагону). Тут он вообще успевал одерживать победы, но в конце концов должен был уступить, исключительно благодаря чувству сострадания к своей матери и братьям. Птолемей, выведя последних на (крепостную стену), стал подвергать их на глазах у всех оскорблениям и угрожал сбросить их вниз, если Гиркан не прекратит осады. Хотя Гиркан старался овладеть этой местностью, однако считал нужным щадить наиболее близких людей и не давать их в обиду и приостановил свои нападения. Однако мать его воздела руки к небу и стала умолять его не поддаваться ради нее, но с большей ревностью и старанием взять место и отомстить врагу за насилия, причиненные его близким. При этом она заметила, что и бесславная смерть в мучениях приятна, если только врагу придется поплатиться за все совершенные им изуверства. Эти слова матери придали Гиркану известную бодрость все-таки взять крепость приступом, но, когда он увидел, как мать его подвергают побоям и оскорблениям, он пал духом и уступил из чувства жалости к ней. Таким образом, осада затянулась надолго, пока наконец не настал тот год, в который иудеям не приходится работать; это, подобно седьмому дню недели, обыкновенно происходит каждый седьмой год³⁵.

Освободясь по этой причине от войны, Птолемей казнил братьев Гиркана и мать его и после этого отправился к Зепону, носившему прозвище Котил и бывшему в то время правителем города Филадельфии.

2. Между тем, Антиох все еще никак не мог забыть того, что причинил ему Симон, и потому вторгся в Иудею на четвертый год своего правления и в первый год правления Гиркана, именно в 162-ю олимпиаду³⁶. Разграбив страну, он запер Гиркана в его столице. Окружив последнюю семью отрядами войска, он, однако, ничего не мог с ней поделать как вследствие высоты стен, так и доблести осажденных, несмотря на полный недостаток у них воды. От этого иерусалимцев

избавил сильный проливной дождь, заливший всю местность после захода семизвездия Плеяд. Но так как с северной стороны города было место, где стена являлась доступной, он распорядился выстроить тут сто трехэтажных осадных башен и поместил на каждой из них по отряду солдат. Кроме того, он делал ежедневные нападения на город и велел вырыть глубокий и широкий двойной ров и тем крайне стеснил жителей города. Последние, в свою очередь, предпринимали частые вылазки и наносили врагам значительный вред при всяком случае, где могли напасть неожиданно; когда же враги замечали их попытку, они поспешно возвращались в город. Но так как Гиркан видел, что чрезмерное население города только вредит делу и, способствуя скорейшему истощению съестных припасов, не ведет решительно ни к чему, а только всех стесняет, отобрал из него все бесполезные элементы и изгнал их из города, оставив себе лишь сильных и действительно способных сражаться. Между тем, так как Антиох не давал изгнанникам возможности удалиться, то им пришлось скитаться около городских стен, и многие из них умерли от голода жалкой смертью. Когда же наступил праздник Кушей, то заключенные в городе сжалились над этими несчастными и вновь приняли их к себе.

Затем, когда Гиркан обратился к Антиоху с просьбой назначить семидневное перемирие вследствие наступления праздника, Антиох, движимый уважением к Предвечному, не только охотно согласился на перемирие, но даже послал в город драгоценные жертвенные дары, именно быков с вызолоченными рогами и серебряные и золотые чаши, полные благовошных курений. Это жертвоприношение стража, стоявшая у ворот, приняла от жертвователей и доставила его в святилище. Антиох же в то же самое время устроил войску угощение, чем сильно отличился от Антиоха Епифана, который по взятии города стал закалывать на жертвенниках свиней, осквернил храм жиром этих животных и тем надругался над установлениями иудеев и их древним благочестием. Вследствие этого народ и восстал на него и стал его непримиримым врагом, тогда как этого Антиоха все прозвали «Благочестивым» за его высокое богопочитание.

3. Благодаря такой любезности Антиоха и убедившись в благочестии его, Гиркан отправил к нему посольство с просьбой

оставить иудеям их прежнее государственное устройство. Антиох не внял совету приближенных своих, требовавших полного искоренения иудейского народа за его отчуждение от прочих народов, и окончательно отверг его. Повинуясь голосу благочестия и желая во всем следовать последнему, он ответил посланным, что готов прекратить войну, если осажденные выдадут оружие, предоставят ему право взимания дани с Яффы и других соседних с Иудеей городов и, кроме того, примут к себе его гарнизон. Иудеи согласились на все его условия, но отказались принять к себе гарнизон, указывая на ритуальное запрещение общения с иноземцами. Вместо принятия гарнизона они выдали заложников и пятьсот талантов серебра. Из этой суммы они немедленно выплатили триста талантов и выдали заложников по собственному выбору Антиоха. В числе этих заложников находился и брат Гиркана. Вместе с тем Антиох велел скрыть городские укрепления.

На этих условиях Антиох снял осаду и удалился.

4. Затем Гиркан распорядился вскрыть гробницу Давида, который некогда превосходил богатством всех прочих царей, и, вынув оттуда три тысячи талантов серебра, первый из иудеев начал содержать наемные войска.

Впоследствии он заключил дружественный союз с Антиохом, принял его в свой город и в изобилии и с удовольствием доставил его войску все необходимое. Затем Гиркан участвовал вместе с ним в походе на парфян. У нас имеется также свидетельство Николая Дамасского, повествующего об этом следующим образом: «На реке Лике Антиох воздвиг памятник в честь своей победы над парфянским военачальником Индатом и оставался на том месте в течение двух дней, потому что об этом просил его иудей Гиркан ввиду наступления какого-то иудейского праздника, в который иудеям по их закону запрещено путешествовать»³⁷. И в этом Николай вполне прав: после субботы наступил праздник Пятидесятницы, и нам, действительно, запрещено законом путешествовать как по субботам, так и в праздник.

Когда же Антиох впоследствии сразился с парфянином Арсаком, он не только потерял большую часть своего войска, но и сам погиб тут. Сирийский престол перешел затем к его брату Димитрию, которого Арсак отпустил из плена

как раз около того времени, когда Антиох вторгся в страну парфянскую, как нами уже было рассказано в другом месте.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Узнав о смерти Антиоха, Гиркан немедленно отправился походом на сирийские города, потому что, как и оказалось на самом деле, он рассчитывал их застигнуть врасплох и без труда захватить. Действительно, ему удалось на шестой месяц осады завладеть Мидавой, причем войско его здесь подверглось многим серьезным лишениям. Затем он взял также Самегу и окрестные местности и, кроме нее, Сихем, Гаризим и подчинил себе племя нуфейцев, которые построили себе храм наподобие иерусалимского святилища. Этот храм, как мы уже выше упомянули³⁸, Александр разрешил построить своему военачальнику Санаваллету для его зятя Манассии, брата первосвященника Иадуя. Теперь, по прошествии двухсот лет, этот храм был закрыт.

Затем Гиркан взял идумейские города Адару и Мариссу и, подчинив своей власти всех идумеян, позволил им оставаться в стране, но лишь с условием, чтобы они приняли обрезание и стали жить по законам иудейским. Идумеяне действительно из любви к отчизне приняли обряд обрезания и построили вообще всю свою жизнь по иудейскому образцу. С этого самого времени они совершенно стали иудеями.

2. Между прочим, Гиркан пожелал возобновить дружественный союз с римлянами и ввиду этого отправил к ним посольство. Сенат принял послание его и следующим образом заключил с Гирканом дружбу.

«За восемь дней до февральских ид³⁹ претор Фанний, сын Марка, открыл собрание в комициях, в присутствии Луция Манлия, Луция Ментины, Гая Семпрония, Гнея Фалерна и рассмотрел просьбу послов — Симона, сына Дасафея, Аполлония, сына Александра, и Диодора, сына Иасона — почтенных мужей, посланных иудейским народом. Они изложили положение дела относительно наличности дружественного союза иудеев с римлянами и познакомили собрание со своими политическими требованиями, а именно, чтобы Яффа с ее гаванями, Газара с источниками и вообще все остальные города и области, которые, вопреки сенатскому постановлению, отнял

у них на войне Антиох, были возвращены им; затем, чтобы царским войскам не был разрешен проход по владениям иудейским или областям подвластных иудеям племен, чтобы все, Антиохом предпринятое во время той войны и не соответствующее сенатским постановлениям, было признано недействительным; далее, чтобы особое посольство вернуло иудеям все отнятое у них Антиохом и приступило к новой переоценке всех опустошенных этим царем земель и, наконец, чтобы римляне выдали им к царям и неподвластным им народам пропускные грамоты, дабы они, послы, могли беспрепятственно совершить обратное путешествие на родину. И вот сенатом постановлено следующее: возобновить дружественный союз с этими почтенными лицами, послами великого и почтенного народа». Что касается писем (Гиркана), то римляне отвечали, что они об этом будут совещаться между собою, когда сенат несколько освободится от внутренних текущих дел, дали уверение, что на будущее время иудеев более никогда не постигнет такая несправедливость, и распорядились, чтобы претор Фанний отпустил послам денежные средства из казны для возвращения посольства на родину. Ввиду этого Фанний снабдил иудейских послов казенными деньгами на обратный путь и отправил их домой, дав им постановление сената для всех тех, к кому они должны были на возвратном пути приехать, дабы эти последние не ставили им никаких препятствий во время их пребывания и путешествия.

3. Сказанного относительно первосвященника Гиркана, однако, достаточно. Между тем, царю Димитрию очень хотелось выступить в поход против Гиркана, но это ему не удалось, как вследствие неимения времени, так и по недостатку средств, потому что сирийцы, да и войска, ненавидели его за тяжелый характер. Как те, так и другие отправили к Птолемею Фискону послов с просьбой назначить им какого-нибудь преемника из рода Селевка на царский престол. На это Птолемею отправил к ним с войском Александра, прозванного Зевином. Когда Александр вступил в бой с Димитрием, последний потерпел поражение и бежал к своей жене Клеопатре в Птолемаиду, но так как жена не приняла его к себе, то он отсюда направился к Тиру. Тут он был взят в плен и погиб в страшных мучениях от рук ненавидевших его врагов. После этого Александр, вступив на царство, заключил дружествен-

ный союз с первосвященником Гирканом. Затем, однако, когда против него двинулся сын Димитрия, прозванный Грипом, он потерпел поражение в битве и сам пал⁴⁰.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Овладев сирийским престолом, Антиох тотчас же приготовился пойти войной на Иудею. Но, когда он услышал, что единоутробный брат его (также носивший имя Антиоха) набирает в Кизикие⁴¹ войско, чтобы предпринять против него поход, он решил пока остаться в Сирии и готовиться к отражению своего брата. Последний носил также прозвище Кизикиец вследствие того, что воспитывался в том городе, так как отцом его был Антиох Сотер, погибший в стране парфянской. Этот, в свою очередь, доводился братом Димитрию, отцу Грипа. Клеопатра же, как мы упомянули уже, вышла замуж последовательно за обоих братьев.

И вот, когда Кизикиец Антиох прибыл в Сирию, он в течение многих лет вел войну со своим братом. Гиркан же все это время пользовался полным миром. Еще со времени смерти Антиоха он совершенно устранился от македонян и не доставлял им ничего, ни в качестве подданного, ни в качестве союзника. Вследствие этого во времена правления Александра Зевина, а еще более при названных братьях, он всецело занимался своими делами, которые стали поправляться и вскоре достигли значительного процветания. Междоусобная же война двух братьев дала Гиркану полную возможность спокойно пользоваться плодами земли своей, так что ему за этот период удалось скопить значительные богатства. Когда же однажды Кизикиец вздумал опустошать его область, Гиркан открыто оказал ему отпор, и так как он видел, что Антиох лишился поддержки со стороны египтян, и отлично понимал, что оба брата ратуют за неправое дело, то он не обращал внимания ни на того, ни на другого.

2. Впрочем, он предпринял поход на весьма укрепленный город Самарию, о котором, так как он теперь носит название Себасты и вновь был отстроен Иродом, мы скажем в своем месте⁴². Он приступил к этому городу и обложил его осадой, потому что самаряне, повинаясь сирийским царям, жестоко обидели жителей Мариссы, которые были колонистами и

союзниками иудеев. Кругом всего города, на расстоянии около восьмидесяти стадий, Гиркан обвел ров и двойную стену и поручил ее надзору своих обоих сыновей, Антигона и Аристовула. Так как последние стали налегать на город, то он довел самарян до такого отчаянного положения, что они с голода стали есть всякую мерзость и в конце концов обратились за помощью к Кизикийскому Антиоху. Последний немедленно явился на этот зов, но потерпел поражение от войск Аристовула, а затем бежал, преследуемый вплоть до Скифополя обоими братьями. Затем братья вернулись назад к Самарии и вновь замкнули их за своими стенами, так что они вторично обратились за помощью, теперь уже к (другому) Антиоху. Последний обратился к Птолемею Лафуру и получил от него около шести тысяч войска, к величайшему прискорбию матери фараона, которая, узнав об этой посылке солдат, чуть было не свергла сына своего с престола. Антиох первоначально стал с этими египтянами разорять страну Гиркана разбойничьими набегами, но не решался вступить с ним в открытый бой, потому что для этого у него не было достаточно сильного войска. Такими разорительными набегами на страну он рассчитывал принудить Гиркана прекратить осаду Самарии. Однако ему пришлось попасть в засаду, и при этом он потерял значительную часть своего войска, почему и отступил к Триполису, поручив ведение войны с иудеями (своим военачальникам) Каллимандру и Епикрату.

3. Каллимандр стал смелее действовать против врагов, но был обращен в бегство и немедленно погиб. Епикрат, в свою очередь, побуждаемый сребролюбием, открыто передал иудеям Скифополь и прочие прилегавшие к нему местности и не был в состоянии освободить Самарию от осады. Поэтому после годичной осады Гиркан взял город и при этом не только не удовольствовался этим, но и разрушил его дотла, представив его действию бурных горных потоков. Дело в том, что он совершенно подрыл его, так что город провалился в пропасть, и могло казаться, что у него навсегда отнята была возможность когда-либо снова принять вид настоящего города.

При этом случае рассказывается о совершенно исключительном явлении, имевшем место по отношению к первосвященнику Гиркану, именно каким образом с ним говорил Предвечный. Дело в том, что в тот самый день, в который

сыновья его сразились с Кизикийцем, сам первосвященник приносил в храме жертву Богу. Тут он услышал голос, возвестивший ему, что его сыновья только что одержали победу над Антиохом. Выйдя из храма, Гиркан сообщил об этом народу, и известие это вполне оправдалось.

4. Таковы данные о Гиркане. В это же самое время дела не только иерусалимских и вообще палестинских евреев шли хорошо, но также удачно складывалась и жизнь иудейских жителей Александрии, Египта и острова Кипра. Дело в том, что египетская царица Клеопатра восстала против своего сына Птолемея Лафура и назначила правителями страны Хелкия и Ананию, сыновей того самого Онии, который, как мы рассказали выше⁴³, построил в гелиополитанском номе храм наподобие иерусалимского. Поручив им войско, Клеопатра ничего не предпринимала без их одобрения, как о том свидетельствует и каппадокиец Страбон⁴⁴, выражаясь по этому поводу следующим образом: «Большинство солдат, явившихся вместе с ними и впоследствии отправленных на Кипр, немедленно передались Птолемею; верность сохранили ей одни только так называемые онийские евреи, потому что их сограждане, Хелкий и Анания, пользовались величайшим влиянием у царицы». Так повествует Страбон.

5. Между тем удачи Гиркана и его сыновей возбудили к нему зависть со стороны иудеев. Особенно нерасположены были к нему фарисеи, иудейская секта, о которой мы упоминали уже выше⁴⁵. Эти фарисеи пользуются таким авторитетом в глазах народа, что им безусловно верят, хотя бы они говорили против царя или первосвященника. Учеником их был некогда и Гиркан и пользовался с их стороны большим расположением.

Однажды Гиркан пригласил их к себе на пир и принял их весьма радушно. Когда же увидел, как они довольны, то стал говорить им, что они знают, насколько он старается быть праведным и делать только угодное Богу и им (фарисеи стараются философски обосновать свое мировоззрение). При этом он просил их, если они заметят за ним какие бы то ни было ошибки или отклонения от пути истины, направить его обратно на этот путь и наставить. На это присутствующие громко засвидетельствовали Гиркану, что он человек праведный; он же порадовался их похвалам. Один

только из гостей, некий Елеазар, человек дурного нрава и придирчивый, сказал: «Если хочешь знать истину, то, желая быть справедливым, ты должен сложить с себя сан первосвященника и удовлетвориться положением правителя народа».

Когда же Гиркан спросил его о причине необходимости такого отречения от первосвященнической власти, тот ответил: «Мы слышали от стариков, что ты родился в то время, когда мать твоя находилась в плену у Антиоха Епифана».

Это замечание было совершенно ложно, но на него Гиркан разгневался, а все фарисеи были глубоко возмущены этим.

6. Между тем среди секты саддукеев, которые держатся диаметрально противоположных фарисеям взглядов, находился один очень близкий Гиркану человек по имени Ионаф. Он стал уверять Гиркана, что Елеазар в нанесенном ему оскорблении выражал как бы общее мнение фарисеев, и указывал при этом на то, что Гиркан может убедиться в этом путем предложения фарисеям вопроса, какому наказанию подлежит то лицо за свое заявление. Когда же Гиркан предложил им запрос, какого наказания считают они Елеазара достойным (при этом Гиркан был убежден, что нанесенное ему оскорбление не исходило от всей фарисейской секты и что они восстановят его честь назначением должного возмездия), те отвечали, что Елеазар заслужил наказание ударами и заключением в темницу. Итак, фарисеи в данном случае не остановились на смертной казни за клевету (как то полагалось по закону). Впрочем, фарисеи вообще весьма снисходительны в своих наказаниях.

На это Гиркан очень рассердился и готов был поверить, что тот человек нанес ему оскорбление именно с их ведома. В этом его особенно поддерживал Ионаф, который достиг в результате того, что Гиркан примкнул к партии саддукеев, совершенно отказавшись от фарисеев и не только разрешив народу не соблюдать установленных фарисеями законоположений, но даже установив наказание для тех, кто стал бы соблюдать их. Благодаря последнему обстоятельству, как сам Гиркан, так и его сыновья стали ненавистны народу. Впрочем, об этом мы расскажем немного ниже. Здесь же я только упомяну, что фарисеи передали народу на основании древнего предания множество законоположений, которые не

входят в состав Моисеева законодательства. Ввиду этого-то секта саддукеев совершенно отвергает все эти наслоения, требуя обязательности лишь одного писаного закона и отнимая всяческое значение у устного предания. Благодаря этому часто возникало множество споров и разногласий между обеими сектами, причем на стороне саддукеев стоял лишь зажиточный класс, а не простой народ, тогда как на стороне фарисеев была чернь. Впрочем, об этих двух сектах, равно как об ессеях, у меня подробно рассказано во второй книге моей «Иудейской войны»⁴⁶.

7. Гиркану, однако, удалось прекратить эти распри и прожить остаток дней своих в полном спокойствии. Являя из себя в течение тридцати одного года образец примерного правителя, он затем умер, оставив после себя пять сыновей и удостоившись от Господа Бога трех величайших благ: властвования над своим народом, первосвященнического достоинства и дара прорицания. Господь Бог не покидал его и дал ему возможность предвидения и пророчествования. Так, напр., он предсказал, что оба старших его сына не удержатся во главе правления. Судьба этих последних достойна более подробного повествования, и последнее покажет, сколь мало сыновья были счастливы в сравнении с отцом своим.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. После смерти отца своего старший сын его, Аристовул, решил изменить прежнюю форму правления и провозгласить себя, по собственному своему усмотрению, царем. Действительно, четырьмя годами и тремя месяцами спустя после возвращения (иудейского) народа из вавилонского плена он первый возложил на себя царский венец. Любя из своих братьев лишь ближайшего к нему по возрасту, именно Антигона, он только его держал наравне с собой, а остальных вверг в темницу. Равным образом он подверг заключению и родную мать свою, которая поссорилась с ним из-за правления (дело в том, что именно ее Гиркан назначил главной после себя правительницей), и дошел до такого изуверства, что уморил ее в темнице голодом. Подобной же участи подвергся затем и брат его Антигон, которого он, по-видимому, так сильно любил и которого сде-

лал своим соправителем. Он стал отчуждаться от Антигона вследствие наветов, которым он первоначально не поверил, потому что сперва действительно любил его, а затем и потому, что считал эти доносы наветами, имевшими своим основанием зависть недоброжелателей его брата. Но однажды Антигон со славой вернулся из какого-то похода (в то время как раз наступил праздник Кущей, Аристовул же заболел), и Антигону пришлось в блестящем наряде и в сопровождении своих тяжеловооруженных вступить в храм, чтобы тем подать знак к началу празднеств, а еще более, чтобы помолиться за выздоровление брата. Нашлись-таки гнусные люди, которым во что бы то ни стало хотелось посеять раздор между братьями, и вот они воспользовались блеском шествия Антигона и его распоряжениями, чтобы отправиться к царю и с гнусной задней мыслью значительно преувеличить торжественность обстановки, при которой Антигон начал празднество. При этом они указывали на то, что все происшедшее тут вовсе не соответствовало положению Антигона как частного лица и что все это указывает лишь на стремление его к достижению царской власти; далее, что Антигон, очевидно, собирается явиться к Аристовулу с значительной партией и убить его, так как он совершенно логично рассуждает, что вместо того, чтобы участвовать, с разрешения брата, в управлении, он может сам овладеть престолом и достигнуть высочайшего почета.

2. Услыша это и поверив этому, Аристовул не пожелал возбуждать никакого подозрения в брате, но и захотел позаботиться о своей личной безопасности. Поэтому он велел поместить своих телохранителей в темном подземелье (в это время он сам лежал в укрепленном дворце, переименованном в замок Антониев) и распорядился, чтобы они не трогали никого, кто бы пришел к нему без оружия, но немедленно убить Антигона, если бы он явился к нему вооруженным. Тем временем он послал за Антигоном и просил его прийти к нему без оружия. Однако царица и лица, злоумышлявшие вместе с ней против Антигона, уговорили посланного сказать как раз обратное, а именно, что брат слышал, будто Антигон завел себе новое оружие и доспехи и поэтому просит его к себе в полном вооружении, чтобы он мог любоваться им в его военном убранстве.

Антигон, не предполагая тут никакого злого умысла и вполне полагаясь на расположение брата, отправился в вооружении к Аристовулу, чтобы показать ему свое оружие. Когда же он достиг башни, носящей имя Стратоновой, где имеется темный проход, телохранители зарубили его. Смерть его служит явным доказательством мощи клеветы, которая разрывает все узы благоволения и родства и показывает, что никакое возвышенное и благородное чувство недостаточно сильно, чтобы оказать противодействие зависти.

Особенное же удивление вызвал к себе по поводу этого случая некий ессеянин, по имени Иуда, который никогда еще не ошибался в своих предсказаниях. Видя шествие Антигона к храму, этот человек, окруженный товарищами и учениками, посещавшими его ради того, чтобы обучаться у него прорицанию, воскликнул, что ему лучше умереть, так как он ошибся: Антигон, смерть которого он предсказал на сегодня в Стратоновой башне, как видно, еще жив, потому что проходит теперь мимо него; между тем эта местность (Стратонова башня), где он предсказал ему смерть, отстоит отсюда на целых шестьсот стадий; теперь же прошла уже большая часть дня, так что, по всей вероятности, есть опасность, что его предсказание не сбудется. И вот в то самое время, как Иуда жаловался на это, ему донесли, что Антигон убит в подземелье, которое также носит название Стратоновой башни, подобно приморскому городу Кесарее. Последнее обстоятельство⁴⁷ и сбilo прорицателя.

3. На Аристовула немедленно после описанного события напало раскаяние в совершенном братоубийстве, а затем он впал в болезнь. Рассудок у него помрачился от постоянно испытываемого позыва к тошноте, а внутренности его жестоко болели, так что он даже харкал кровью. И вот однажды один из малолетних прислужников, вероятно, по божественному предопределению, вынося кровь Аристовула, поскользнулся на том самом месте, где был убит Антигон и где еще виднелись следы преступления, и пролил кровь. Видевшие это подняли крик и завопили, что слуга умышленно пролил тут кровь (царя). Тогда Аристовул справился, в чем дело, но не получая ответа, тем более заинтересовался причиной крика, как то совершенно естественно у людей, видящих в молчании признак особенного несчастья. Когда же

приближенные царя ввиду угроз его сказали ему всю правду, Аристовул, мучимый угрызениями совести по поводу вины своей, разразился потоком слез и громко застонал. «Итак, Господь Бог не забыл такого нечестивого и дерзкого поступка моего, и вот меня сейчас постигает кара за убийство родного мне человека! Доколе же, бесстыжее тело, удержишь ты в себе душу, занятную кровью брата и матери? Почему ты не выпускаешь ее, но по частям приносишь мою кровь в жертву убитым?»

Это были его последние слова, с которыми он умер, успев процарствовать один только год. Правда, он выказывал себя другом греков, но зато он оказал и большие услуги своему отечеству, ведя войну с Итуреей и присоединив значительную часть этой страны к Иудее, причем принудил тех из итурейцев, которые захотели остаться в своей области, принять обрезание и жить по законам иудейским. По природе своей он был человеком мягким и очень застенчивым, как о том свидетельствует от имени Тимагена и Страбон, говоря: «Этот человек был мягок и принес иудеям большую пользу, потому что расширил область иудейскую и поселил среди своего народа часть итурейцев, принудив их принять обряд обрезания»⁴⁸.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. После смерти Аристовула жена его, Саломия, носившая у греков имя Александры, освободила из оков братьев своего покойного мужа (мы уже выше упомянули о том, что он их держал в темнице) и объявила царем Янная Александра, который был к тому лицом наиболее подходящим как по возрасту своему, так и по порядочности. Этому Яннаю пришлось с первого же момента своего рождения навлечь на себя ненависть отца своего, так что он, вплоть до его смерти, не смел никогда показываться отцу на глаза. Причиной этой ненависти, как говорят, послужило следующее обстоятельство: Гиркан больше всех других детей любил Антигона и Аристовула. И вот, когда он во сне однажды увидел самого Предвечного, то спросил Его, кто из детей будет его преемником. Господь Бог указал на Янная. Тогда Гиркан, огорчившись, что именно этот сын его станет наследником всех его благ, распорядился, когда Яннай родился, отдать

его на воспитание в Галлилею. Однако предсказание Предвечного Гиркану оправдалось.

Получив после смерти Аристовула царский престол, Яннай казил того из своих братьев, который сделал попытку лишить его царской власти, а к другому, который предпочел жить вдали от дел, он относился с большим почетом.

2. Устроив дела свои наилучшим, по его мнению, образом, Яннай отправился в поход на Птолемаиду; разбив жителей в открытом бою, он замкнул их в городе и, обложив последний, приступил к его осаде. В прибрежной области ему оставалось только подчинить себе еще только Птолемаиду и Газу, а также Стратонову башню⁴⁹ и Дору, которыми владел Зоил. Но так как (в это время) Антиох Филометор и брат его Антиох, прозванный Кизикийцем, все еще воевали друг с другом и губили свои войска, то жителям Птолемаиды нечего было ждать от них помощи. Однако в стесненном вследствие осады положении к ним на помощь явился Зоил, владевший тогда Кесареей и Дорой, и привел с собой отряд войска, и так как он рассчитывал на расширение своей власти благодаря распри царей между собой, то он оказал некоторую поддержку жителям Птолемаиды. Впрочем, цари вовсе уже не были столь расположены к последним, чтобы надеяться на получение какой-нибудь выгоды от них. Таким образом, как та, так и другая сторона поступили в этом случае подобно борцам, которые обессилели в борьбе, но, стыдясь уступить друг другу, паузами и кратковременными передышками стараются затянуть ее подольше. Последней надеждой населения Птолемаиды являлись египетские фараоны и владевший островом Кипром Птолемей Лафур, который перебрался на Кипр после того, как был матерью своей лишен власти. Итак, жители Птолемаиды отправили к последнему просьбу явиться к ним на помощь и вырвать их из рук Александра, который подвергает их всевозможным опасностям. А так как посланные укрепили Птолемея в надежде, что он сможет подчинить себе жителей Газы, находившихся в союзе с птолемаидцами, а также Зоила и, кроме того, сидонян и еще многие другие народы, если только переправится в Сирию, то он в уповании на это согласился и поспешно стал готовиться к отплытию.

3. Однако в это же самое время жителей Птолемаиды старался разубедить в их решении некий Деменет, пользо-

вавшийся тогда у них большой популярностью народный оратор. Он указал на то, что лучше будет рискнуть опасностью войны с иудеями, чем подвергать себя явному рабству, если отдаться (иноземцу) деспоту, который при этом вовлечет их не только в эту войну, но и подвергнет их гораздо большей опасности со стороны Египта. Он указал также на то, что Клеопатра не отнесется безучастно к тому, что Птолемей по соседству с ней составляет себе крупную военную мощь, но, наверное, нападет на них с огромным войском. Если Птолемей ошибется в своих расчетах, то ему предоставляется полная возможность вернуться назад на Кипр, тогда как им самим, во всяком случае, грозит крайняя опасность.

Между тем Птолемей, узнав в пути об изменившемся решении жителей Птолемаиды, тем не менее поплыл к ним и, прибыв в Сикамин, высадил там свое войско. Всего у него было вместе с конницей около тридцати тысяч человек, которых он и повел к окрестностям Птолемаиды. Тут он расположился лагерем, а так как жители города не только не приняли его посланных, но и не стали слушать их, то это его весьма озаботило.

4. Когда к нему явились Зоил и представители города Газы с просьбой вступить с ними в союз для борьбы против иудеев и Александра, разорвавших их область, Александр испугался Птолемея и снял осаду. Уведя свое войско домой, он теперь обратился к хитрости, тайно послав к Клеопатре просьбу оказать поддержку против Птолемея и в то же самое время делая вид, будто заключает с последним дружбу и союз. При этом он обещал уплатить Птолемею четыреста талантов, если тот подчинит ему правителя Зоила и присоединит его владения к Иудее.

Птолемей тогда охотно заключил дружественный союз с Александром и подчинил ему Зоила; но когда он впоследствии узнал, что Александр тайно обращался к матери его, Клеопатре, за содействием, он счел себя свободным от всяких по отношению к нему обязательств, отправился к Птолемаиде и осадил ее за то, что жители этого города не приняли его к себе. Осаду он поручил своим полководцам, которым предоставил с этой целью часть своего войска, а сам он с остальными солдатами принялся покорять Иудею.

Но так как Александр (вовремя) узнал о намерении Птолемея, то и он собрал около пятидесяти тысяч воинов, а по

даным некоторых историков, даже восемьдесят тысяч, и с этой ратью двинулся на Птолемея. Тогда последний неожиданно напал на галилейский город Асоху, взял ее штурмом в одну из суббот и увел и унес оттуда около десяти тысяч пленных и значительную добычу.

5. Попробовав сделать то же самое с городом Сепфорисом, отстоявшим недалеко от разрушенной Асохи, он, однако, потерял здесь множество войска и (потому) пошел войной на Александра. Последний встретился с ним около реки Иордан, в местности, посящей название Асофон, в непосредственной близости около реки Иордан, и расположился лагерем вблизи врагов. У Александра, между прочим, было до восьми тысяч солдат, которым он дал название гекатонтамахов⁵⁰ и которые были снабжены медными щитами. Впрочем, и у передовых бойцов Птолемея имелись медные щиты. И хотя противники уступали во многом иудеям, все-таки солдаты Птолемея с большой уверенностью шли на опасность, потому что их воодушевлял специалист по военной тактике, Филостефан, который распорядился переправить войско с того берега реки, где оно расположилось станом, на противоположный. Впрочем, Александр решил не препятствовать этому переходу, потому что он рассчитывал, что, если река останется у них в тылу, ему легче будет захватить врагов, которые тогда будут лишены возможности бегства.

Когда противники сошлись, вначале с обеих сторон мужество и энергия были выказаны одинаковые, и множество воинов пало как там, так и здесь. Когда же победа стала склоняться в пользу воинов Александра, Филостефан разделил свою рать и очень удачно послал подкрепление отступавшим. Часть иудеев дрогнула, и так как ей не было оказано поддержки, то она ударилась в бегство, причем близстоявшие отряды не только не поддержали их, но тоже обратились в бегство, тогда как войска Птолемея поступили как раз наоборот. Следуя за иудеями, которые в конце концов все бросились бежать, они стали так рубить бегущих, что мечи их наконец притупились и руки устали. Таким образом, пало, как говорят, тридцать тысяч иудеев (Тимаген даже говорит о пятидесяти тысячах убитых), остальные же либо попали в плен, либо бежали на родину.

6. После этой победы Птолемей напал на окрестности и при наступлении вечера остановился в некоторых иудейских

деревнях, которые нашел полными женщин и детей. Тогда он приказал своим воинам всех их перерезать и разрубить на мелкие части, а последние затем бросить в котлы с кипятком. После этого он удалился. Он сделал это распоряжение с той целью, чтобы беглецы, вернувшись с битвы домой, предположили, что враги их людоеды, и при представившемся их взорам зрелище еще более исполнялись страха перед ними. О таких действиях (Птолемея) рассказывают, подобно мне, также и Страбон и Николай (Дамасский).

После этого Птолемей штурмом овладел также и Птолемаидой, как это сообщено мной в другом месте⁵¹.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1. Когда Клеопатра увидела, как усиливается могущество ее сына, который беспренятственно разорял Иудею и успел подчинить своей власти город Газу, она не могла спокойно отнестись к тому, что Птолемей как бы уже находится перед воротами в ее царство и, благодаря своей силе, нагоняет страх на Египет. Поэтому она немедленно выступила против него с флотом и войском, назначив начальниками над всеми своими силами иудеев Хелкия и Ананию.

Главные же свои богатства, внуков своих и духовное завещание, она отправила на остров Кос для сохранения. Дав затем своему сыну Александру повеление отплыть с огромным флотом в Финикию, сама Клеопатра со всем войском прибыла к Птолемаиде. Но так как жители последней не захотели принять ее к себе, то она приступила к осаде города.

Тем временем Птолемей покинул Сирию и внезапно поспешил в Египет, рассчитывая овладеть им теперь, когда в нем не было более войска. Однако ему пришлось ошибиться в своем расчете. Около этого же времени Хелкий, один из двух военачальников Клеопатры, умер в Келесирии, преследуя Птолемея.

2. Клеопатра, узнав о попытке своего сына относительно Египта и о том, что попытка эта совершенно не удалась ему, отправила туда часть своего войска и изгнала его из страны. Таким образом, ему вновь пришлось покинуть Египет и провести зиму в Газе, между тем как гарнизон Птолемаиды не выдержал осады и Клеопатре удалось взять город.

Не имея другой защиты, кроме Клеопатры, и сильно пострадав от ее сына Птолемея, Александр Яшнай прибыл к царице с дарами и оказал ей те знаки уважения, которых она была достойна. Тогда некоторые из приближенных царицы посоветовали ей принять дары, но в то же самое время напасть на Иудею, овладеть ею и не забывать того, что от этого одного человека находится в зависимости такое значительное количество храбрых воинов. Однако Анания воспротивился их убеждениям, указывая на то, что царица поступит несправедливо, если лишит власти союзника своего, который вдобавок является единоплеменником. «Знай, — сказал он ей при этом, — что если ты обидишь его, то возбудишь против себя ненависть со стороны всех нас, иудеев».

Благодаря такому совету Анании Клеопатра решила не трогать Александра и даже заключила с ним дружественный союз в Келесирии, в городе Скифополе.

3. Избавившись, таким образом, от страха перед Птолемеем, Александр Яшнай немедленно двинулся походом на Келесирию. Тут он после десятимесячной осады взял Гадару, а также Амафунт, значительнейшую крепость на Иордане, где сын Зенона, Феодор, сохранял тогда самые лучшие и ценные свои сокровища. Однако Феодор неожиданно нагрянул на иудеев, перебил из них десять тысяч человек и разграбил обоз Александра. Однако последний не испугался этого, а направился в приморские области, Рафию и Анфедон, который царь Ирод впоследствии переименовал в Агриппиаду. Последний город ему удалось взять приступом. Видя затем, что Птолемей ушел из Газы на Кипр, а мать его, Клеопатра, вернулась в Египет, он в гневе на жителей Газы за то, что они призвали к себе на помощь Птолемея, приступил к осаде также и этого города и стал разорять всю примыкавшую к нему область. Однако военачальник Газы напал ночью во главе двух тысяч наемников и десяти тысяч жителей на иудейский лагерь. Пока было темно, победа оставалась на стороне горожан, потому что в иудеях им удалось поселить уверенность, будто на них напал Птолемей. Когда же рассвело, ошибка эта обнаружилась, и иудеи увидели, с кем имеют дело; иудеи подбодрились, налегли на жителей Газы и перебили до тысячи человек их. Тем не менее горожане стойко выдерживали нападения и не сдавались, несмотря на отчаянное положение

и на массу убиваемых иудеями людей (они предпочитали вынести все, только бы не подчиниться врагам своим). Кроме того, они крепились в надежде на то, что знаменитый арабский царь Арет явится и окажет им поддержку. Впрочем, раньше этого Аполлодоту пришлось погибнуть: брат его Лисимах, относившийся к нему с завистью вследствие его популярности у граждан города, умертвил его. Затем он склонил на свою сторону войско и сдал город Александру. Этот, войдя в город, сперва воздержался от всякого насилия, но затем напустил войско на жителей Газы и разрешил ему наказывать их. Солдаты повсюду ринулись на жителей города и стали умерщвлять их. Впрочем, и горожане оказались не робкими, и, оказывая сопротивление нападавшим на них иудеям, перебили немалое число их. Некоторые из них покидали дома свои и зажигали их при этом, чтобы ничего из имущества не попало в руки врагов. Другие самолично убивали своих жен и детей, не видя другой возможности спасти их от рабства у врагов. Городской совет, состоявший из пятисот членов и как раз заседавший в то время, когда произошло нападение на жителей, в полном составе бежал в храм Аполлона и искал там убежища. Однако Александр велел перебить и этих людей и, предав затем город пламени, вернулся в Иерусалим после годичной осады Газы.

4. Около того же времени умер и Антиох Грип, коварно убитый неким злоумышленником Гераклеоном; прожил он всего сорок пять лет и был царем двадцать девять. Преемником его стал сын его Селевк, который начал войну с дядей своим, Антиохом Кизикийским, победил его, захватил в плен и велел казнить. Немного спустя сын последнего, Антиох, прозванный Благочестивым, прибыл в Арад, провозгласил себя царем и пошел войной на Селевка, которого ему наконец удалось победить и совершенно изгнать из Сирии. Тогда Селевк бежал в Киликию и, прибыв в город Мопсуэсту⁵², вновь стал требовать от жителей денег. За это чернь города рассердилась на него, подожгла его дворец и умертвила его и приверженцев его.

Пока сын Антиоха Кизикийского правил в Сирии, брат Селевка, Антиох, пошел на него войной, но был побежден и погиб со своим войском. После него брат его, Филипп, возложил на себя корону и стал править одной частью Си-

рии. В то же время Птолемей Лафур послал в Книд за четвертым его братом Димитрием, носившим прозвище Эвкер⁵³, и провозгласил его царем в Дамаске. Антиох оказывал этим двум братьям сильное сопротивление, но вскоре умер, потому что нашел геройскую смерть в бою с парфянами, оказывая поддержку самийской царице Лаодике. Тогда Сирией стали владеть оба брата, Димитрий и Филипп, как об этом сказано нами в другом месте⁵⁴.

5. Между тем на Александра восстали его подчиненные (так как народ был возбужден против него): когда наступил праздник и Александр приблизился к алтарю, чтобы принести жертву, они стали кидать в него лимонами; дело в том, что, как нам пришлось уже упомянуть в другом месте⁵⁵, у иудеев был обычай держать в руках в праздник Кушей ветки финиковых пальм и лимонных деревьев. Кроме того, народ стал поносить его, что он родился от военнопленных родителей и потому не может быть признан достойным чести совершать жертвоприношения.

Рассердившись на это, Александр велел перебить до шести тысяч человек и, кроме того, распорядился отделить деревянной перегородкой алтарь и часть храма вплоть до того места, куда имели право доступа одни лишь священнослужители. Этим он оградил себя от оскорблений черни.

В то же время он содержал наемные писидийские и киликийские войска. С сирийцами же он не желал иметь никакого дела, потому что они питали к нему неприязнь. Затем он напал на живших в Аравии моавитян и галаадцев и сделал их своими данниками, равно как разрушил Амафунт, причем Феодор не посмел сразиться с ним. После этого он вступил в борьбу с арабским царем Оведом, но очутился в засаде в тесном и труднопроходимом месте. Множество верблюдов⁵⁶ вогнало его в глубокую ложбину около галаадской деревни Гадары, и он едва спасся оттуда бегством в Иерусалим. К довершению его несчастья народ тут восстал против него, и он вступил с ним в ожесточенную борьбу, длившуюся шесть лет, в течение которых он перебил не менее пятидесяти тысяч иудеев. Несмотря на его увещевания прекратить против него неприязненные действия, народ не унимался, но еще более стал его ненавидеть за все свои несчастья. Когда же он предложил им высказаться, чего им, соб-

ственно, нужно, все потребовали его смерти. Затем иудеи призвали к себе на выручку Димитрия Эвкера.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1. Димитрий действительно явился со своим войском, принял в него тех, которые призвали его, и расположился лагерем в окрестностях города Сикима (Сихема). Александр двинулся во главе 6 200 наемников и около 20 000 приверженцев своих из иудеев навстречу Димитрию, в распоряжении которого находилось три тысячи всадников и сорок тысяч пехоты. Тогда с обеих сторон были пущены в ход всевозможные средства, чтобы склонить наемные войска Александра на сторону Димитрия указанием того, что они эллины, а от Димитрия отвратить иудеев. Но когда ни те, ни другие не поддались этим убеждениям и предпочли сразиться, победа осталась за Димитрием. Тут пали все наемники Александра, являя редкий пример верности и храбрости; впрочем, и Димитрий потерял многих из своих воинов.

2. Когда же Александр бежал в горы, то из жалости к переменчивой судьбе под его знаменами собралось шесть тысяч иудеев. Испугавшись последних, Димитрий тогда отступил. Однако после этого иудеи начали войну с Александром, но проиграли сражение и множество их пало в битве. Потом Александр запер самых влиятельных из иудеев в городе Вефоме и обложил его осадой. Взяв затем город и овладев иудеями, он отвел их в Иерусалим и учинил над ними ужасное дело: находясь со своими наложницами в уединенном уголке и пируя там с ними, он велел распять около восьмисот иудеев и перерезать на виду их всех жен и детей. Таким образом он наказал их за все причиненные ему огорчения, и этот способ возмездия превзошел все, что когда-либо совершалось в этом роде. Правда, он чрезмерно и более чем следует пострадал (в своей жизни) от иудеев, которые угрожали ему постоянными войнами и довели его до крайнего страха за жизнь и за целостность царства, так как они не удовлетворились сами сражаться за себя, но даже повели на него толпу иноземцев и наконец настолько стеснили его, что ему пришлось уступить царю (сирийскому) все владения моавитские, галаадские и прочие области Аравии, которые

он себе подчинил, и все это для того, чтобы царь не оказал иудеям поддержки в войне их с ним. Кроме того, иудеи десятки тысяч раз глумились и насмеялись над ним. Однако как бы там ни было, поступать так было явно нелепо, и за свою чрезмерную жестокость он получил от иудеев прозвище Фракид⁵⁷. Все его противники, число которых доходило до восьми тысяч человек, почью бежали и находились в изгнании в течение всего того времени, что Александр был жив. Этот же, освободясь от их угроз, правил остальное время в полном спокойствии.

3. Между тем, Димитрий, покинув Иудею, пошел к городу Верее и с десятью тысячами пехотинцев и тысячью всадников приступил к осаде ее, причем там находился его брат Филипп. Тогда союзник Филиппа, владетельный князь Верей, Стратон, призвал на помощь Зиза, князя одного арабского племени, равно как Митридата Синака, властелина парфянского. Последние прибыли с огромным войском и стали осаждать Димитрия в его же окопах. Тут их метательные снаряды, равно как недостаток воды у осажденных, принудили последних сдаться. Опустошив всю страну и захватив в плен Димитрия, они отправили его к тогдашнему парфянскому царю Митридату, а всех тех военнопленных, которые были антиохийцами, они отдали антиохийцам без выкупа.

Парфянский царь Митридат оказывал Димитрию всякие почести, пока Димитрий не впал в болезнь и умер. Филипп же немедленно после битвы двинулся на Антиохию, занял ее и стал царствовать над Сирией.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1. Затем брат Филиппа, Антиох, посивший прозвище Диониса, желая овладеть престолом, явился в Дамаск, забрал там все в свои руки и стал царствовать. Пока он ходил войной на арабов, об этом узнал его брат Филипп и двинулся на Дамаск. Некий же Милезий, который был оставлен для охраны дамаскской крепости, передал ему город. Но так как Филипп оказался по отношению к Милезию неблагодарным и не даровал ему ничего из того, на что тот рассчитывал при впуске его в город, и так как Филиппу было желательно, чтобы казалось, что он взял город, наведя страх

на жителей, а не обязан был этим приобретением любезности Милезия, то он навлек на себя нерасположение (жителей) и вскоре должен был покинуть Дамаск. Дело было так: когда он однажды отправился на ипподром⁵⁸, Милезий запер город и стал оберегать последний для Антиоха.

Когда же Антиох узнал о предпрятии Филиппа, то вернулся из Аравии и двинулся немедленно в Иудею во главе восьми тысяч тяжеловооруженных воинов и восьмисот всадников. Испугавшись его нападения, Александр стал рыть глубокий ров от самого города Хаварзавы, носящей теперь имя Антипатриды, до Яффского залива, т.е. в той местности, которая одна только и представляла опасность в смысле нападения; равным образом он воздвиг стену с деревянными башнями и с бойницами на расстоянии полутора стадий и стал ожидать нашествия Антиоха. Последний, однако, поджег все эти сооружения и перевел затем по этой местности войско свое в Аравию. Сперва царь арабский отступил, но затем внезапно вновь появился с десятью тысячами всадников. Выступив навстречу им, Антиох вступил с ними в ожесточенный бой, одержал верх, но вместе с тем сам пал мертвый, подавая помощь части войска, находившейся в опасности. Когда пал Антиох, войско его бросилось бежать в деревню Кан⁵⁹, где большинство воинов погибло от голода.

2. После него царем Келесирии стал Арет, которого призвали на царство войска, занимавшие Дамаск; к тому побудила их ненависть к Птолемею Меннею. Напав отсюда на Иудею, Арет разбил Александра в сражении при Аддиде, но затем, на основании заключенного договора, вновь удалился из Иудеи.

3. Затем Александр, в свою очередь, двинулся на город Дий, взял его и пошел на Ессу, где в то время находились главные сокровища Зенона. Окружив этот город тройной стеной, он овладел им и двинулся на города Гауланию и Селевкию. Заняв эти пункты, он овладел также т. наз. Антиоховым ущельем и крепостью Гамалой. Здесь он под всевозможными предлогами совершенно ограбил правителя тех мест, Димитрия, и затем возвратился, после трехлетнего отсутствия, на родину, где иудеи приняли его с радостью благодаря его военным удачам.

4. Около этого же времени иудеи успели овладеть целым рядом сирийских, идумейских и финикийских городов, а

именно, приморскими городами — Башней Стратоновой, Аюллонией, Яффой, Ямнией, Азотом, Газой, Анфедоном, Рафией, Ринокорурой; на суше, вблизи границ Идумеи, Адорой, Мариссой и вообще всей Идумеей, Самарией, горой Кармелем и Итавирийским хребтом, Скифоподем, Гадарой, Гауланитидой, Селевкийей, Гавалой, моавитскими городами — Ессевоном, Мидаввой, Лемвой, Ороном, Телифоном, Зарой, ущельем киликийским, Пеллой (этот город они разрушили до основания, так как жители не согласились принять иудейские обычаи) и другими главнейшими сирийскими городами, которые они уничтожили дотла.

5. После этого царь Александр впал, вследствие невоздержанности в вине, в болезнь, и хотя в течение трех лет страдал перемежающейся (через четыре дня) лихорадкой, однако не отказывался от своих походов, пока не умер от истощения в горах Герасинских во время осады крепости Рагавы по ту сторону Иордана.

Когда царица увидела его столь близким к смерти и убедилась, что более уже нет никакой надежды на его спасение, то она, ударяя себя в грудь и плача, стала убиваться по поводу предстоявшего ей и ее детям одиночества и сказала мужу: «На кого оставляешь ты теперь меня и детей, столь нуждающихся в поддержке, и как отнесется ко всему этому народ, столь тебя ненавидящий, когда узнает о твоей смерти?» На это царь просил ее слушаться его советов, а именно, крепко с детьми держаться престола и скрыть от солдат его смерть, пока город не будет взят; затем же, когда она после блестящей победы вернется в Иерусалим, предоставить фарисеям какую-нибудь привилегию, ибо если последние станут хвалить ее за дарованную им милость, то тем самым они расположат и народ в ее пользу. При этом царь заметил, что фарисеи могут сильно повредить в глазах иудеев тому, кто относится к ним недружелюбно, равно как могут оказать поддержку тому, кто к ним отнесется ласково. Дело в том, что народ им очень верит, если они из зависти говорят о ком-нибудь дурно; этому примером является он сам, так как они, униженные им, поссорили его с народом.

«Итак, ты, — сказал он, — по прибытии в Иерусалим, призови к себе самых влиятельных из них (фарисеев), покажи им мой труп и предоставь им поступить с ним как угод-

но, захотят ли они лишить меня погребения за все нанесенные им мной обиды или как-нибудь иначе в гневе опозорить меня. При этом обещаю им не предпринимать ничего в делах правления помимо совета их. И вот, если ты так скажешь им, то они и меня удостоят более почетных похорон, чем могла бы ты устроить мне, так как они уже более не захотят обидеть мертвого, да и ты будешь править спокойно».

С этим советом жене своей царь умер, процарствовав двадцать семь лет и прожив без одного года пятьдесят лет⁶⁰.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1. Между тем Александре удалось взять крепость, и затем она обратилась к фарисеям сообразно указанию своего покойного мужа; передав им труп последнего и бразды правления, она успокоила гнев фарисеев на Александра и вместе с тем окончательно расположила их к себе. Фарисеи стали после этого распространять в народе добрую славу о деяниях Александра и уверяли народ, что у них погиб праведный царь. Этим они так разжалобили и своими похвалами так настроили народ, что последний почтил царя своего более торжественными похоронами, чем кого-либо из предшествовавших правителей.

Александр оставил после себя двух сыновей, Гиркана и Аристовула, а царство передал Александре. Из сыновей этих Гиркан был не способен к государственным делам и более всего предпочитал мир и спокойный образ жизни, тогда как младший, Аристовул, был энергичнее и предприимчивее его. Вместе с тем царица сумела спискать себе расположение народа тем, что открыто выказывала свое несочувствие ко всему тому, что предпринимал столь ошибочно ее покойный муж.

2. Царица назначила первосвященником сына своего Гиркана, как вследствие его возраста, так еще более для того, чтобы наполнить чем-нибудь его досуг. Вместе с тем она передала все дела фарисеям, повиноваться которым повелела и народу, причем вновь санкционировала все те дополнения фарисеев к установленному закону, которые были введены фарисеями и затем отменены ее свекром, Гирканом. Таким образом, она носила лишь имя царицы, вся же власть на самом деле была в руках фарисеев. Последние возвращали

изгнанников на родину, освобождали заключенных, одним словом, ничем не отличались от настоящих правителей.

Впрочем, и царица не совсем оставляла своих забот о государстве. Она набрала огромное войско из наемников и значительно расширила свою власть, побив окрестных владельцев и взяв с них заложников. Тем временем вся страна жила в глубоком мире; волновались одни только фарисеи. Они стали терроризировать царицу, убеждая ее перебить всех тех, кто посоветовал Александру избиение восьмисот (фарисеев). Затем они убили одного из таких людей, некоего Диогена, а после него последовательно еще несколько человек, пока некоторые из (наиболее) влиятельных лиц не явились во дворец. В числе их находился и Аристовул (он открыто порицал все случившееся и заявил, что, безусловно, когда только сможет, воспротивится начинаниям своей матери). Все эти лица напомнили (царице), сколько претерпели они во время опасностей войны и как они всегда являли государю своему верность, за что и удостоивались со стороны его величайшего почета; при этом они просили царицу не лишать их последней надежды и не предоставлять их безнаказанному избиению, подобно скотине, у себя дома, после того как им удалось избежать опасностей войны. Если враги, говорили они, удовлетворятся числом пока загубленных жертв, то они из уважения к царскому дому спокойно перенесут все случившееся, если же те безобразия повторятся, то они просят об увольнении. Помимо нее, царицы, у них нет спасения, и потому они даже были бы готовы умереть в ее дворце, если бы она не простила их ухода. Впрочем, как для них, так и для самой царицы будет позором, если они, отстраненные ею, найдут приют у врагов ее мужа. Они встретят, наверное, в высшей степени радушный и почетный прием у арабского князя Арета и у других правителей, которые будут рады увидеть на своей стороне столько мужей, при произнесении одного только имени коих они еще так недавно содрогались. Если же она на это не согласна и предпочитает другое, именно отдаться во власть фарисеям, то пусть она каждого из них назначит начальником какой-либо крепостцы, ибо, если уже раз такое несчастье постигло дом Александра, они готовы проводить жизнь свою хотя бы в жалкой и низкой должности...⁶¹

3. Так как они еще долго и много говорили на эту тему и призывали дух Александра сжалиться над умершими и подвергавшимися такой же участи, то все окружающие разразились слезами. Особенно непринужденно высказывал свое мнение Аристовул и при этом отнюдь не щадил своей матери. Между тем, придворные, собственно говоря, были сами виноваты в постигшем их несчастье, тем, что наперекор обычаю предоставили властолюбивой женщине править государством, тогда как у нее был вполне подходящий для этого сын. Не зная, как с честью выйти из этого затруднительного положения, царица доверила им тогда охрану различных местностей, кроме, впрочем, Гиркании, Александрума и Махерона, где она держала свои драгоценности. Немного спустя она отправила сына своего, Аристовула, в поход против Дамаска, против Птолемея Меннея, который явился тяжелым для города соседом...

4. Однако Аристовулу пришлось вернуться, не совершив ничего достопримечательного. Около того же самого времени пришло известие, что армянский царь Тигран ворвался с трехсоттысячным войском в Сирию и собирается прибыть в Иудею. Это, вполне естественно, испугало царицу и народ, и потому, пока царь осаждал Птолемаиду, к нему было отправлено посольство со многими ценными дарами. В то время Сирией правила царица Селена, иначе называвшаяся Клеопатрой. Она-то и уговорила жителей Птолемаиды закрыть перед Тиграном городские ворота. И вот посланные явились к Тиграну и стали просить его пощадить царицу и их народ, он же благосклонно принял их, ибо они явились столь издалека для выражения своей покорности, и обещал им свою милость.

Впрочем, Тигран только что успел взять Птолемаиду, как ему было донесено, что Лукулл, находясь в погоне за Митридатом, упустил его, потому что Митридат спасся бегством в Иверию и теперь грабит Армению и старается овладеть ею. При этом известии Тигран немедленно поспешил к себе домой.

5. Вскоре после этого царица (Александра) впала в тяжкую болезнь, и тогда Аристовул решил овладеть правлением. Поэтому он однажды ночью, в сопровождении одного только слуги, отправился к тем крепостям, где находились преданные ему отцовские друзья его. Если он уже раньше был крайне недоволен мероприятиями своей матери, то те-

перь он очень опасался, как бы с ее смертью вся семья не подпала окончательно под влияние фарисеев. Он отлично сознавал полную невозможность передачи правления брату. Об этом предприятии Аристовула знала одна лишь жена его, которую он с детьми оставил тут, в городе.

Сначала он прибыл в Агаву, где жил один из самых влиятельных приверженцев его, Галест, и тут нашел приют.

Когда под утро царице было донесено об исчезновении Аристовула, она пока вовсе не думала приводить этот факт в связь со стремлением сына совершить государственный переворот. Когда же затем постепенно стали прибывать друг за другом новые лица с извещением, что Аристовул овладел первым укреплением, затем вторым и всеми остальными (дело в том, что покончив с первой крепостью, он тем самым немедленно овладел и всеми прочими), тогда и царицу и весь народ обуяло величайшее беспокойство. Все боялись, что весьма скоро Аристовул будет в состоянии захватить всю власть, и особенно опасались мести с его стороны за оскорбления, нанесенные его дому. Предварительно было решено заключить жену и семью Аристовула в крепость около святилища.

Между тем около Аристовула собралась такая значительная толпа приверженцев, что он уже стал походить на настоящего царя. Менее чем в пятнадцать дней он овладел двадцатью двумя городами, что дало ему возможность набрать войско на Ливане, в Трахоне и от соседних правителей. Так как люди вообще охотно примыкают к более могущественному, то и в этом случае легко подчинялись Аристовулу; кроме того, поддержав его теперь, при не вполне выяснившемся положении дела, рассчитывали извлечь впоследствии пользу, когда он станет царем, потому что царство будет им добыто при помощи их.

Тогда старейшины иудейские и Гиркан явились к царице и просили ее высказать свое мнение относительно положения дел в настоящий момент. Аристовул, овладев таким множеством пунктов, фактически почти уже безгранично владеет всем, и хотя царица теперь так тяжело больна, они все-таки считают неуместным решать что бы то ни было помимо нее, пока она еще жива; между тем опасность, угрожающая им, уже не за горами.

На это царица предоставила им решить и поступить по их усмотрению, указав на то, что в их распоряжении имеется еще целый ряд значительных средств, а именно: сильный народ, войско и богатая казна. Она же сама мало интересуется делами, так как тело ее уже сокрушено.

6. Вскоре после этого царица умерла, процарствовав девять лет и проживя семьдесят три года. Это была женщина, ничем не уступавшая, несмотря на свой пол, мужчине по силе характера. Преисполненная ненасытным властолюбием, она в серьезнейших положениях жизни явила на практике доказательство того, как тверда была ее воля и как неразумны мужчины, терпящие крушение в государственных делах. Так как она всегда придавала большее значение настоящему, чем будущему, и на первом плане ставила неограниченную власть свою, она не заботилась ни о прекрасном, ни о справедливом. Таким образом, она своими отнюдь не приличествовавшими именно женщине вкусами довела свой дом до того, что он вскоре утратил могущество, добытое столькими трудностями и опасностями, потому что она добровольно подчинилась влиянию тех, кто был неприязненно настроен против ее семьи, и лишила правительство искренно заботливых и преданных друзей. Таким образом, она наполнила дом свой бедствиями и смятением и своими поступками навлекла несчастье на всю свою династию даже после своей смерти. И все-таки, несмотря на такое правление, она сохранила для народа своего мир. Так окончилась деятельность царицы Александры. Теперь же, в следующей своей книге, я собираюсь рассказать о судьбе, постигшей после ее смерти сыновей ее, Аристовула и Гиркана.

КОММЕНТАРИИ

Глава первая

¹ По данным Св. Писания (I кн. Макк. IX, 49), Вакхид потерял лишь тысячу человек.

² Срв. I кн. Макк. IX, 22–73.

Глава вторая

³ Т. е. в 153 году до Р. Хр.

⁴ Ни в «Древностях», ни в «Иуд. войне», ни в «Возраж. пр. Апиона» нет соответствующего упоминания.

⁵ Срв. данные I кн. Маккав., гл. X.

Глава третья

⁶ Это был, по всем данным, Ония IV, который около 160 года основал храм в египетском городе Леонтополе. См. выше, стр. 125, прим. 27.

⁷ Срв. Исаия XIX, 19, где сказано: «В тот день жертвенник Господу будет посреди земли Египетской, и памятник Господу — у пределов ее».

⁸ Так называлась у египтян богиня луны; она изображалась в виде женщины с кошачьей головой, и ей были посвящены кошки.

⁹ Это и были, вероятно, посвященные богине кошки.

¹⁰ Срв. «Иуд. война», VII, 10, 3.

¹¹ Эта глава не имеет никакого отношения к данным Библии.

¹² См. XIII, гл. II, 4, стр. 177.

Глава четвертая

¹³ Т.е. в 148 г до Р. Хр.

¹⁴ Прозванный Никатором.

¹⁵ Здесь существует вариант текста, а именно: «Для него (Аполлония) это особенный позор, что он не подчинил Ионафа (до сих пор) царю». — Весь этот отрывок крайне неясен. По рассказу Флавия, нападение Аполлония на Ионафа произошло против желания царя Александра, тогда как данные I кн. Маккав. X, 69 указывают на то, что Аполлоний успел уже отложиться от Александра и передаться на сторону Димитрия. («И поставил Димитрий военачальником Аполлония, правителя Келесирии, — и он собрал большое войско» и т. д.).

¹⁶ Где он мог пользоваться своей конницей.

¹⁷ Впрочем, и на это нигде у Флавия нет подробных и более полных указаний.

¹⁸ Срв. Iustin. XXV, 2; Polyb. XXXIII, 14.

¹⁹ Срв. I кн. Макк. X, 51—XI, 38.

Глава пятая

²⁰ Срв. кн. 12, стр. 152.

²¹ По I кн. Маккав. 11, 60, по ту сторону Иордана лежавшим (Kaulen).

²² Срв. кн. 12, стр. 141.

²³ См. кн. 12, гл. IV, 10 (стр. 133—134).

²⁴ Эфорами назывались в Спарте издавна существовавшие и избиравшиеся на один год пять чиновников с крупной законодательной властью, особенно расширившейся после падения царя

Клеомена III (221 до Р. Хр.). Срв. O. Müller, *Doric*, I, III и след. Герусией же было высшее государственное учреждение, состоявшее из 28 членов и представлявшее верховный совет страны под председательством самих царей. Каждому из членов должно было быть не менее 60 лет от роду.

²⁵ Ниже Иосиф, сам принадлежавший к философской школе фарисеев, а также одно время бывший ессеем и хорошо изучивший жизнь их и все их мировоззрение, указывает на II кн. своей «Иудейской войны» (II кн., гл. VIII, стр. 169–177 русск. перевода) как на источник, где можно детально ознакомиться с этими сектами, их устройством и учением. Данные Флавия восполняют сказанное у Евсевия (греческ. *evangelica* VIII) и Плиния (*Hist. Nat.* V, 17).

²⁶ Срв. I кн. Макк. XI, 39–XII, 38 и XIV, 1–3.

Глава шестая

²⁷ Насчет точного местоположения этого города, упоминаемого Иосифом ниже (глава 15, 2) и в «Иуд. войне» IV, 9, 1, (где имя это пишется через одно δ) известно довольно мало. Срв. Boettger, I. c. p. 11.

²⁸ См. *Revue archéologique, nouvelle serie* XXIV (1872), p. 265, статья Guénig: *Découverte du tombeau des Maccabées*.

²⁹ Здесь следует, вероятно, дополнить: «в течение восемнадцати лет».

³⁰ В Св. Писании об этом не упоминается.

³¹ В основу содержания этой главы легли данные I кн. Макк. XII, 39–XIII, 30 и 42.

Глава седьмая

³² По I кн. Макк. XVI, 16, он убил их вместе с Симоном.

³³ По I кн. Макк. XVI, 22, он велел схватить убийц.

³⁴ В основу рассказанного в этой главе легли данные I кн. Макк. XIII, 31, 33 и XV, 1–XVI, 22. Этим заканчивается параллельный Библии рассказ Иосифа Флавия. Ближайшие сведения, быть может, почерпнуты из упомянутого в I кн. Макк. XVI, 24 и затерявшегося дневника Иоанна Гиркана.

Глава восьмая

³⁵ Т. наз. субботний год.

³⁶ Т.с. в 132 г. до Р. Хр.

³⁷ См. т. I, глава V, 11.

Глава девятая

³⁸ См. кн. 11, гл. VII, 2.

³⁹ Идами называлось каждое 13 или 15 число месяца. За восемь дней до февральских ид — 5 февраля.

⁴⁰ Срв. «Иуд. войну» I, 2, 5 и 6.

Глава десятая

⁴¹ Знаменитый по своему богатству и живописному положению город в Мизии, основанный фессалийскими пелазгами. Ср. Kiepert, Handbuch der alten Geographie, p. 107.

⁴² См. ниже, XV, 8, 5.

⁴³ См. XIII, 3, 3.

⁴⁴ Знаменитый, происходивший из каппадокийского города Амасии и живший при императоре Тиверии географ и составитель утраченных исторических хрестоматий. Его обширное географическое сочинение, написанное по-гречески (Geographicorum libri XVII), весьма содержательно в отношении обилия бытового материала.

⁴⁵ См. выше, стр. 192.

⁴⁶ Срв. «Иуд. война», II, 8, 2–14 (стр. 169 и след. русского перевода).

Глава одиннадцатая

⁴⁷ Дело в том, что Стратоновой башней назывался также город Кесарей (Caesarea Palaestinae), отстоявший от Иерусалима на 600 стадий. Имя Кесарей город получил от Ирода, переименовавшего его таким образом из Strathonos purgos. См. ниже. XV, 8, 5 и 9, 5.

⁴⁸ Срв. Иуд. войну. I, 3, 1–6.

Глава двенадцатая

⁴⁹ См. предпоследнее примечание выше, стр. 213.

⁵⁰ Т.е. таких, из которых каждый должен был вступить в бой с сотней противников.

⁵¹ Срв. «Иуд. война», I, 4; 1–2.

Глава тринадцатая

⁵² Этот красивый и живописно расположенный киликийский город особенно возвысился при императоре Констанции. Страбон (XVI, p. 676) и Арриан (II, 5) упоминают его красивое местоположение. Теперь это грязная деревушка. Ср. Voettger, l. c. p. 188.

⁵³ Рукописи расходятся в чтении. Древнейшие называют его *Ευκαίρος* (своевременным), новейшие же *Ἀκαίρος* (несвоевременным).

⁵⁴ Ср. «Иуд. войну», I, 4.

⁵⁵ См. выше, кн. 3, гл. X, 1.

⁵⁶ Арабское войско схало не только на конях, но еще чаще на верблюдах, как то по сей день замечается у разных африканских племен.

Глава четырнадцатая

⁵⁷ Фракийцы пользовались славой беспримерной жестокости.

Глава пятнадцатая

⁵⁸ Ипподром этот находился вне города, и Филипп, очевидно, вышел туда со всем своим войском, может быть, на ученье (Kaulen).

⁵⁹ Весьма вероятно, что эта Капа идентична с упоминаемой в Ев. от Иоанна (II, 1, 11; IV, 46; XXI, 2).

⁶⁰ Срв. «Иуд. войну», I, 4, 7 и 8.

Глава шестнадцатая

⁶¹ Здесь, как и несколько ниже, в греческом тексте заметен пропуск.

Книга четырнадцатая

Содержание:

1. О том, как после смерти Александры младший из ее сыновей, Аристовул, вел войну из-за первенства со своим братом Гирканом, победил его и преследовал до иерусалимской крепости; о том, как они затем пришли к соглашению, в силу которого Аристовул получал царскую власть, а Гиркан становился частным человеком.

2. Об Антипатре и его семье и о том, как он со своими сыновьями, занимая первоначально скромное положение, достиг влияния, славы и великого могущества; о том, как по его совету Гиркан бежал из Иерусалима к арабскому царю Арету и путем общания значительных земельных участков и крупных денежных сумм убедил вольно поставить его на царство.

3. О том, как Арет дружелюбно принял Гиркана, пошел войной на Аристовула, разбил его и оттеснил к Иерусалиму, а затем обложил этот город войском и осадил его.

4. О том, как Гиркан и Аристовул отправили посольства с просьбой о помощи к Скавру, когда последний был послан Помпеем Великим в Армению.

5. О том, как Скавр, подкупленный ценой четырехсот талантов, стал на сторону Аристовула.

6. О том, как Аристовул и Гиркан обратились со своим спором относительно царства к явившемуся из Армении в Дамаск Помпею и о том, как последний решил все дело указанием, что исследует его по прибытии в их страну.

7. О том, как Аристовул, замстив отношение к нему Помпея, вернулся в Иудею и удалился в весьма укрепленный и трудноодолимый город Алесксандреум, потому что Помпей, гневаясь на него, выступил против него походом.

8. О том, как Помпей, при известии об этом, обратился к военной хитрости и уговорил Аристовула покинуть крепость и явиться к нему, так как он, Помпей, желал бы утвердить его в царском достоинстве. О том, как Помпей, после того как Аристовул послушался его и несколько раз спускался по этому делу со своим братом, побудил его отправить начальникам крепостей собственноручное письмо с приказанием передать эти крепости Помпею.

9. О том, как Аристовул, испугавшись, так и поступил, а затем бежал, будучи недоволен тем, что Помпей ничего не сделал, на что Аристовул рассчитывал; о том, как он затем хотел запереться в Иерусалиме.

10. О том, как Аристовул, ввиду преследования со стороны Помпея и его войска, изменил свое решение и вышел навстречу римскому полководцу до Иерихона, как он просил простить ему прежние ошибки и обещал передать ему город со всеми городскими суммами; о том, как жители Иерусалима, видя, что Габиний, посланный с отборным отрядом Помпеем для занятия города и присма денег, обращается с Аристовулом как с пленником, заперли ворота перед римлянами.

11. О том, как разгневанный всем этим Помпей вселел заковать Аристовула в оковы, со всей своей ратью обложил Иерусалим осадой и как при этом приверженцы Гиркана впустили его в верхний город, а приверженцы Аристовула искали спасения в храме.

12. О том, как Помпей на третий месяц осады занял храм и нижний город, равно как об его сдержанности и благочестии.

13. Как Помпей не тронул ничего в храме, несмотря на массу собранных там денег.

14. О том, как он, совершив все это, подчинил Иудею римлянам, назначил Гиркана этнархом, перевел пленного Аристовула с его детьми в Рим и поставил наместником над Сирией Скавра.

15. О походе Скавра на главный арабский город Петру и об ее осаде; причем, однако, у его войска оказался недостаток в съестных припасах; как при этом Антипатр уговорил арабского царя уплатить Скавру триста талантов и за это вступить в союз с ним.

16. О том, как сын Аристовула, Александр, убежал от Помпея, прибыл в Иудею, собрал тут большое войско и выступил в поход против Гиркана и Антипатра.

17. Как разбитый Габинием в бою Александр был оттеснен в крепость Александреум и тут подвергся осаде.

18. О том, как Габиний отпустил Александра, которого мать уговорила подчиниться и сдать крепость римлянам; о том, как Габиний сделал сенату письменное предложение освободить братьев Александра, которые находились в плену вместе со своим отцом Аристовулом, и отправить их к матери, оказывающейся вследствие своей верной преданности римлянам достойной такой милости.

19. О том, как несколько позже Аристовул бежал из Рима в Иудею, но был схвачен Габинием и вновь отправлен в Рим.

20. О вторжении Красса в Иудею во время его похода против парфян и об учиненном им разграблении казны храма.

21. О бегстве Помпея в Эпир и о прибытии Сципиона в Сирию с приказом умертвить Александра.

22. О намерении Цезаря, освободившего Аристовула из плена, послать его с двумя когортами в Иудею и о том, как приверженцы Помпея освободились от Аристовула путем его отравления.

23. О походе Цезаря в Египет и о том, как Гиркан и Антипатр покорились ему и побудили иудеев перейти на его сторону.

24. О геройстве и доблести Антипатра, чем он спускал себе дружбу Цезаря; о том, как Цезарь, радуясь победе, осыпал Гиркана почестями и разрешил ему вновь отстроить срытые стены родного города; как Цезарь назначил Антипатра прокуратором Иудеи.

25. Письма Цезаря и сенатские постановления относительно дружественного союза с иудеями.

26. О том, как Антипатр передал управление своим детям, а именно, Ироду поручил заведование Галилеей, а Фасаилу — Иерусалимом, и о том, как Секстий Цезарь возвеличил Ирода в благодарность за подарки, полученные им от него в бытность наместником Сирии, и назначил его наместником Келесрии.

27. О том, как Кассий после убийства Цезаря двинулся на Иудею, разгромил страну и вынудил у иудеев восемьсот талантов дани; о том, как Ирод заслужил расположение Кассия доставлением этих денег.

28. О том, как Малих интриговал против Антипатра и отравил его, причем подкупленный им виночерпий Антипатра оказал деятельное содействие.

29. О том, как Ирод разбил в сражении сына Аристовула, Антигона, который выступил против него со вспомогательными войсками сирийского владетеля Мариона, и изгнал его из Иудеи.

31. О том, как Ирод, после победы Августа и Антония над Кассием в Македонии, богатыми дарами склонил в свою пользу Антония при его прибытии в Вифинию, и как вследствие этого Антоний не принимал никаких жалоб на Ирода.

32. О том, как Антоний при вторичном прибытии своем в Сирию не только вновь не принял вторичного обвинения Ирода и Фасаила, но назначил обоих этнархами и распорядился казнить десятерых обвинителей.

33. О походе парфян на Сирию, причем они вновь провозгласили царем сына Аристовула, Антигона.

34. Как парфяне взяли в плен Гиркана и брата Ирода, Фасаила.

35. О том, как Ирод бежал из Иерусалима, затем отправился в Рим и там, благодаря настойчивым просьбам Антония и общанию крупных денежных сумм, был сенатом и Октавианом объявлен царем иудейским.

36. Морская поездка Ирода из Рима в Иудею; его война с Антигоном, в продолжение которой ему была оказана поддержка со стороны римских войск и их воспачальника Силона.

37. О том, как при осаде Силоном Иерусалима Антигон был побежден Сосием и Иродом.

Содержание книги обнимает период в тридцать два года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. О деяниях царицы Александры и о ее смерти мы рассказали в предшествующей нашей книге. Теперь нам следует непосредственно перейти к ближайшим к этому событиям, причем придется обратить все внимание на то, чтобы не упустить ничего, ни одной подробности, ни по неведению, ни по забывчивости. Ведь читателям необходимо иметь историческое повествование о таких фактах, которые по своей древности большинству совершенно неизвестны, мы же должны по силе возможности украсить этот рассказ чистотой стиля, поскольку это в смысле гармоничности сочетаний отдельных слов зависит от нас, дабы читатели получали сведения в красивой форме и с удовольствием усваивали их; по на первом плане для историков все-таки должна стоять историческая точность и правда, потому что читатели путем чтения их сочинений желают пополнить пробелы своего знания.

2. Когда на третий год сто семьдесят седьмой олимпиады¹, в консульство Квинта Гортензия и Квинта Метелла, носившего прозвище Критского, Гиркан стал первосвященником, Аристовул немедленно объявил ему войну, и вот во время битвы, происшедшей при Иерихоне, многие из солдат (Гиркана) перешли на сторону его брата. Вследствие этого Гиркан бежал в крепость, где в то время были заключены, по распоряжению его матери, как было нами изложено выше², жена и дети Аристовула. Последний, однако, между тем успел напасть и захватить своих (главных) противников, искавших спасения в портике святилища. Затем Гиркан вступил в переговоры со своим братом по поводу всего случившегося, и спор их разрешился соглашением в том смысле, что править станет Аристовул, а самому ему жить вне дел, спокойно пользуясь своими личными средствами. Когда они порешили это в храме, то закрепили свой уговор клятвой и рукобитием, а затем на виду у всего народа обняли друг друга и расстались, причем Аристовул направился во дворец, а ставший теперь частным человеком Гиркан в (прежнее) жилище Аристовула.

3. У Гиркана был друг Антипатр, идумеянин родом, который при значительном богатстве обладал весьма энергичным и беспокойным характером; вследствие своего располо-

жения к Гиркану он находился в неприязненных и натянутых отношениях с Аристовулом. Николай из Дамаска сообщает, что он происходил от первых вернувшихся из Вавилона в Иудею евреев; но это он говорит лишь в угоду сыну его Ироду, который по некоей случайности стал царем иудейским. Об этом (Ироде) мы в свое время побеседуем.

Итак, этот Антипатр первоначально, как и отец его, посыл имя Антипа. Отца его царь Александр и жена его назначили начальником над всей Идумеей, а он, как говорят, заключил дружбу с симпатизировавшими ему арабами и жителями Газы и Аскалона, причем склонил их на свою сторону многими богатыми дарами.

И вот Антипатр-младший взглянул косо на захват власти Аристовулом и, боясь, как бы ему самому не пострадать вследствие ненависти к нему Аристовула, тайно собрал к себе наиболее влиятельных и знатных из иудеев на совещание, причем выставил им на вид, что совершенно невозможно спокойно взирать на то, что Аристовул незаконно захватил власть, лишив ее своего старшего и вследствие этого старшинства гораздо более правоспособного брата. Точно такие же речи он постоянно твердил и Гиркану и указывал ему при этом на то, что он подвергает свою жизнь опасности, если не оградит себя бегством. Дело в том, говорил он, что друзья Аристовула не пропускают ни одного случая, чтобы не советовать ему умертвить брата, так как только в таком случае он сможет прочно укрепить за собой власть. Однако Гиркан не придавал веры этим речам, потому что он по природе был честным человеком и по своей порядочности нелегко склонялся на сторону клеветы. Кроме того, его бездеятельность и умственная вялость вызывала во всех представление о нем как о человеке слабом и немужественном, тогда как Аристовул был как раз обратного права, человеком предприимчивым имышленным.

4. И вот когда Антипатр увидел, что Гиркан не склоняется на его речи, он не пропускал ни единого дня без того, чтобы не наговорить ему на брата и не убеждать его в том, что Аристовул собирается его умертвить. Лишь после настойчивых просьб ему удалось склонить его к бегству к арабскому царю Арету. При этом он обещал ему помощь последнего, если он согласится вынять его просьбам. Ввиду этого (Гиркан) дей-

ствительно признал бегство к Арету весьма полезным, тем более что Аравия граничит с Иудеей. Впрочем, сперва Гиркан послал к арабскому царю Антипатра, которому поручил взять с царя клятвенное уверение, что тот его не выдаст врагам, если он явится к нему с просьбой об убежище. Получив от арабского царя нужное обещание, Антипатр вернулся к Гиркану в Иерусалим и немного спустя вместе с ним покинул город ночью и после продолжительного путешествия прибыл с ним в так назыв. Петру, резиденцию Арета. Будучи очень дружен с царем, Антипатр стал его уговаривать вернуть Гиркану Иудею; делая это беспрестанно, ежедневно и подкрепляя слова свои подарками, он наконец склонил Арета. Впрочем, и Гиркан обещал последнему, в случае, если удастся вернуться в страну и вновь овладеть престолом, отдать ему область с двенадцатью городами, которую отец его Александр отнял у арабов. Города эти были следующие: Мидава, Навалло, Ливиада, Фараваса, Агалла, Афона, Зоара, Орон, Марисса, Ридда, Луса и Орива.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Побуждаемый такими (заманчивыми) обещаниями, Арет во главе пятидесятитысячного войска, отчасти конного, отчасти пешего, выступил в поход против Аристовула и победил его в бою. Так как после этой победы многие воины перебрались на сторону Гиркана, Аристовул увидел себя покинутым и бежал в Иерусалим. Тогда царь арабский двинулся во главе всего войска за ним к святилищу и приступил к осаде Аристовула. При этом народ со своей стороны стал поддерживать Гиркана и помогать ему в осаде (врага), тогда как на стороне Аристовула оставались одни только священнослужители. Между тем Арет распорядился, чтобы арабы и иудеи расположились лагерем рядом, и затем со всем усердием принялся за осаду. Так как все эти события произошли как раз в праздник опресноков, посвящий у нас название Пасхи, то наиболее знатные из иудеев покинули теперь страну и бежали в Египет.

Тем временем некий праведный и боголюбивый муж по имени Ония, который некогда во время засухи обратился к Предвечному с молитвой о даровании дождя и молитве ко-

того Бог немедленно внял, скрывался, видя, что эта жестокая распря еще не скоро прекратится.

Когда же его привели в лагерь иудеев, то стали упрашивать, чтобы он, как некогда молитвой своей прекратил бездождие, и теперь проклял Аристовула и его приверженцев. Несмотря на все возражения и просьбы, Ония был принужден толпой стать посредине ее; затем он сказал: «О, Предвечный, царь всего существующего! Так как окружающие теперь меня — народ твой, а осаждаемые — твои служители, то я молю Тебя не впитать ни просьбам первых, ни же приводить в исполнение относительно вторых их просьбы».

За эту его молитву ближайшие из стоявших около него гнусных иудеев убили его.

2. Однако Предвечный немедленно наказал их за эту гнусность и следующим образом воздал им за убиение Онии: пока священнослужители и Аристовул подвергались осаде, наступил праздник Пасхи, в который, по нашему обычаю, приносятся Предвечному обильные жертвы. Тогда товарищи Аристовула, нуждаясь в материале для жертвоприношений, обратились к единоверцам с просьбой снабдить их таковыми за какие угодно деньги. Несмотря на то, что единоверцы назначили за каждую голову (жертвенного животного) по 1000 драхм³, Аристовул и священнослужители охотно согласились заплатить эту цену и выплатили деньги, спустив их на ремнях со стен. Однако осаждающие, взяв деньги, и не думали отдать за них жертвенных животных, и даже дошли при этом до такой гнусности, что нарушили данное слово и глумились над Предвечным, не выдав просителям нужного для жертвоприношения. Увидев себя таким образом обманутыми, священнослужители стали молить Бога воздать единоверцам по заслугам. Предвечный же не откладывал возмездия, но послал на страну сильный ураган, который уничтожил все плоды страны, так что модий⁴ зерна стоил тогда одиннадцать драхм.

3. В это время бывший пока еще в Армении Помпей, все еще воевавший с Тиграном, послал в Сирию Скавра⁵. Когда последний прибыл в Дамаск, то пошел там Лоллия и Метелла, которые только что взяли этот город, и потому сам поспешил в Иудею. По прибытии его туда к нему явились посланные как от Аристовула, так и от Гиркана с просьбой оказать поддержку. За это Аристовул обещал заплатить ему

четыреста талантов, и такую же сумму обещал ему Гиркан. Но Скавр склонился на сторону Аристовула, потому что этот был и богаче и великодушнее и менее требователен, тогда как Гиркан был беден и скуп и требовал за свое неопределенное обещание гораздо большего. Большая была разница, насильно ли взять в высшей степени укрепленный и сильный город, или же прогнать беглецов с толпой наватейцев, даже не вполне приготовленных к ведению войны.

В силу этих соображений он склонился на сторону Аристовула, получил с него деньги и освободил его от осады, причем повелел Арету удалиться, иначе он будет объявлен врагом римлян. После этого Скавр вернулся назад в Дамаск, Аристовул же во главе большого войска двинулся на Арета и Гиркана, сразился с ними при Папироне и разбил их. При этом он перебил до шести тысяч врагов, в числе которых пал и брат Антипатра, Фаллион.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Через некоторое время Помпей прибыл в Дамаск и посетил Келесирию. Тогда к нему явились посланные от всей Сирии, от Египта и от Иудеи. Аристовул при этом послал ему крупный подарок, а именно — золотой виноградник ценой в пятьсот талантов. Об этом подарке упоминает также каппадокиец Страбон, выражаясь следующим образом: «Из Египта также явилось посольство с вещью стоимостью в четыре тысячи золотых монет, и от иудеев с целым виноградником или садом; это произведение было названо художниками «Усладою».

Это подношение и мы видели в Риме выставленным в святилище капитолийского Юпитера, с надписью: «Принадлежит Александру, царю иудейскому». Оценено оно было в пятьсот талантов, и, по преданию, именно оно и было послано Аристовулом, правителем иудейским.

2. Немного спустя к Помпею вновь явились посланные, а именно, от лица Гиркана Антипатр, а от лица Аристовула Никодим. Последний стал обвинять во взяточничестве сперва Габиния, а потом Скавра, указывая, что один из них взял триста, а другой четыреста талантов. Этим он увеличил лишь в лице их число врагов Аристовула.

Соломон строит храм

Приказав спорящим сторонам явиться в другое время, Помпей с наступлением весны вывел войска свои из зимних стоянок и двинулся в область Дамаска. По дороге он разрушил крепость Апамею, которую укрепил кизикиец Ангиох, и разгромил владения Птолемея Меннея, птисного человека, который был несколько не лучше своего родственника, обезглавленного Дионисия из Триполиса, сам же за свои злодеяния он избег кары ценой в десять тысяч талантов, которыми Помпей и выплатил жалованье своим солдатам. После этого Помпей овладел Лисиадой, где властвовал иудей Силас. Затем он прошел через города Гелиополь и Халкиду и, перейдя через хребет, прорезающий Келесирию, вернулся через Пеллу в Дамаск. Тут он занялся также разбором дел иудеев и их споривших между собой вождей, Тиркаца и Аристовула, тем более что и народ был восстановлен против обоих, не желая подчиняться ни тому, ни другому и мотивируя это тем, что у них существует обычай, в силу которого народ обязан подчиняться лишь священнослужителям почитаемого Бога. Между

Соломон и царица Савская

тем, хотя Гиркан и Аристовул и потомки священников, они старались ввести другую форму правления, чтобы поработить себе народ. Гиркан обвинял брата в том, что хотя он, Гиркан, и старше его, был, однако, лишен Аристовулом права перворождения и владеет небольшой частью страны, тогда как всю остальную насильно захватил Аристовул. Именно Аристовул, по его обвинению, совершает постоянные набеги на пограничных соседей, равно как занимается морским разбоем; народ никогда бы не думал восстать против него, если бы Аристовул не был таким своевольным и беспокойным человеком. Это обвинение поддерживалось более чем тысячу наиболее знатных иудеев, которых привел Антипатр. Аристовул на это возражал, что виной потери власти брата является характер последнего, его бездеятельность и вследствие этого отсутствие у него авторитетности. Сам он по необходимости принужден был взять власть в свои руки из опасения, как бы ее не утратить вовсе, а теперь правит совершенно так же и на том же основании, как некогда его отец Александр. Для

подтверждения своих слов он сослался на молодых франтов, которых пурпуровые одежды, головные прически, запястья и прочие украшения вызывали насмешки, так как эти щеголи явились сюда как будто не на суд, а на какой-то парад.

3. Выслушав их, Помпей признал факт насилия, совершенного Аристовулом, и затем с ласковыми увещаниями отправил их домой, обещая явиться в их страну и там привести все в порядок, лишь только покончить все с наватейцами. Пока же он просил их держаться спокойно. Вместе с этим он отличил Аристовула, чтобы удержать его от организации восстания в стране и от занятия проходов. Впрочем, Аристовул действительно так и сделал: он не стал ожидать всего того, что ему обещал Помпей, но отправился в город Дий, а оттуда в Иудею.

4. На это Помпей разгневался и, собрав войско, предназначенное для похода против наватейц, равно как вспомогательные отряды из Дамаска и прочей Сирии, во главе всех римских войск двинулся на Аристовула. Миновав Пеллу и Скифополь, он прибыл к Корею, самому северному городу Иудеи, и отсюда отправил в прекрасную, воздвигнутую на вершине горы крепость Александрию, куда бежал Аристовул, (гонца) с предложением явиться к Помпею. Аристовул, побуждаемый многими не воевать с римлянами, покинул крепость и, уговорившись с братом относительно дальнейшего правления, вернулся затем, с разрешения Помпея, назад в крепость. Так поступал он и во второй и в третий раз, постоянно льстя себя надеждой овладеть еще царством и притворяясь покорным исполнителем всех решительно приказаний Помпея, но вместе с тем каждый раз возвращаясь назад в свою крепость, чтобы не лишать себя опоры и иметь возможность готовиться (там) на случай войны, постоянно опасаясь, как бы власть не перешла все-таки к Гиркану. Когда же (в конце концов) Помпей приказал ему сдать крепость и лично поручить это своим военачальникам (иначе нельзя было сделать это), то Аристовул хотя и повиновался, но сделал это со злобой в сердце, вернулся затем в Иерусалим и стал готовиться (там) к войне. Немного спустя, когда Помпей был уже в пути, собираясь воевать с ним, к Помпею прибыли посланные из Понта с известием о смерти Митридата, павшего от руки собственного своего сына, Фарнака.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Расположившись станом около Иерихона, где растут финиковые пальмы и добывается лучший бальзам, вытекающий, если надрезать острым камнем плоды кустарников, откуда и появляется пахучий сок^б, Помпей затем на заре двинулся к Иерусалиму.

Тогда Аристовул переменял свое решение, явился к Помпею, обещал ему (значительную) сумму денег и впустил в Иерусалим. При этом он просил его прекратить войну и мирно решить дело, как ему будет угодно. Помпей выслушал его просьбы и простил его, а затем послал Габинию с военным отрядом в город за деньгами. Впрочем, ни одно из этих обещаний не было приведено в исполнение: Габинию пришлось вернуться без денег и не быть впускаемому в город, потому что воины Аристовула не допустили сделать так, как было условлено. На это Помпей страшно рассердился; он отдал Аристовула под стражу и сам двинулся к городу, который со всех сторон был очень укреплен и лишь с севера представлял менее надежный оплот; дело в том, что город был окружен широким и глубоким ущельем, шедшим вокруг весьма сильно укрепленного каменной стеной храма.

2. Внутри города тем временем происходил спор партий, не соглашавшихся между собой относительно дальнейшего образа действий: одним казалось лучше всего отдать город Помпею, другие же, именно приверженцы Аристовула, советовали запереться в городе и воевать, так как Аристовула держат под стражей. Затем последние предупредили первых, заняли храм и уничтожили мост, который ведет от него к городу; они решились вполне выдержать осаду. Прочие жители впустили (римское) войско и передали Помпею город и царский дворец.

Тогда Помпей послал своего военачальника Пизона с войском для занятия города и дворца и для того, чтобы укреплять дома вблизи и около храма. Сперва он еще предложил заключившимся в храме мирные переговоры, когда же те не приняли его предложения, он окружил стеной все окрестности храма, причем Гиркан охотно помогал ему во всем. Помпей между тем на заре расположился лагерем вблизи северной части святилища, там, где его легче всего можно

было взять. Впрочем, и здесь воздымались огромные башни и был проведен ров по ту сторону глубокого ущелья. Сторона, направленная к городу, представляла из себя крутой обрыв, после того как был разрушен мост, около которого расположился Помпей, поэтому насыпаемый римлянами вал весьма медленно продвигался вперед, причем римлянам приходилось вырубать окрестные леса. После того как вал достиг достаточной вышины и глубокий ров был более или менее засыпан, Помпей придвинул привезенные из Тира осадные орудия и снаряды и, поместив их (на валу), стал осыпать святилище градом камней. Если бы закон наш не повелевал нам не работать по субботним дням, то вал не достиг бы своей вышины, потому что этому воспрепятствовали бы осажденные; дело в том, что закон разрешает отражать наступление и нападение, но не позволяет препятствовать какому-либо другому предприятию неприятелей.

3. Когда римляне заметили это, то они по субботам перестали обстреливать иудеев или вступать с ними в бой, но занимались насыпанием валов и сооружением башен, либо придвигали осадные орудия, чтобы на следующий день иметь их под рукой в полной исправности. В сколь высокой мере у нас развито богопочитание и соблюдение законов, видно из того, что священнослужителей не удерживал от отправления своих обязанностей страх перед осадой, но что они ежедневно, дважды, рано утром и около девятого часа, приносили свои жертвы на алтаре и не прекращали этих своих жертвоприношений даже в тех случаях, когда в деле защиты храма от нападений иудеи терпели какую-нибудь неудачу. Так, напр., когда город был взят в день поста третьего месяца в сто семьдесят девятую олимпиаду, в консульство Гая Антония и Марка Туллия Цицерона, в то время как враги ворвались в храм и стали избивать всех там находившихся, священнослужители тем не менее не прерывали своего священнодействия и их не могли принудить к бегству ни страх за свою жизнь, ни множество убитых уже товарищей, потому что они были убеждены, что лучше подвергнуться своей участи, оставаясь у жертвенников, чем в чем бы то ни было нарушить предписания законов. А что это не только пустые речи в похвалу ложного благочестия, но истинная правда, это свидетельствуют все историки, повествующие о деяниях

Помпея, в том числе и Страбон, и Николай, и вдобавок Ливий, написавший римскую историю.

4. Когда вследствие ударов подведенного тарана рушилась величайшая башня и образовалась некоторая брешь, враги толпой влились (за стену). Первым вступил на стену сын Суллы, Корнелий Фауст, со своими воинами, за ним в другом месте центурион Фурий со своими людьми, а между обоими другой центурион, Фабий, со значительным отрядом. Тогда все преисполнилось убийства. Некоторые из иудеев были перерезаны римлянами, другие своими же земляками; были и такие, которые кидались в бездну или сгорали живьем, поджигая свои собственные дома, лишь бы не дожидаться угрожающей им гибели. Таким образом, погибло до двенадцати тысяч иудеев; римлян же пало очень немного.

Также и Апсалом, дядя и тесть Аристовула, попал при этом случае в плен. Сильное поругание постигло тогда и святилище, которое до этого было закрыто и невидимо⁷. Дело в том, что туда проникли Помпей и немалое число его товарищей, и узрели то, что не было разрешено видеть никому, кроме первосвященников. Несмотря на то, что он пошел здесь золотую трапезу со светильником, жертвенные чаши и множество курений да, кроме того, в казне еще около двух тысяч талантов священных денег, он, в силу своего благочестия, ничего этого не тронул, но поступил так, как того и следовало ожидать от его добродетели.

Повелев на следующий день храмовым прислужникам очистить храм и принести Предвечному установленные жертвы, он передал первосвященство Гиркану за множество оказанных им услуг и, между прочим, за ту услугу, которую он оказал ему, удержав живших в той местности иудеев от союза с Аристовулом; затем он распорядился отрубить головы виновникам войны и наградил Фауста и остальных его товарищей, которые храбро взобрались (первыми) на стену, соответственными знаками отличия.

Иерусалим он заставил платить дань римлянам, те же города Келесирии, которые прежде находились в зависимости от жителей Иерусалима, он занял сам и подчинил их своему собственному полководцу, парод же весь (иудейский), дошедший прежде до высокой степени могущества и распространения, он втиснул обратно в пределы его страны. Неза-

долго перед тем разрушенный город Гадару он велел вновь отстроить в угоду своему вольноотпущеннику Димитрию Гадарскому; остальные же города, Ишпос, Скифополь, Пеллу, Дий, Самарию, Мариссу, Азот, Ямнию и Арефус, вернул прежним обитателям. Все эти расположенные внутри страны города, исключая тех, которые были окончательно разрушены, равно как приморские — Газу, Яффу, Дору и Стратонову башню, которая, великолепно отстроенная Иродом и украшенная гаванями и храмами, была теперь переименована в Цесарею, — все эти города Помпей объявил независимыми и включил их в состав (римской) провинции.

5. Виповниками этого бедствия, постигшего Иерусалим, являлись Гиркан и Аристовул, ссорившиеся между собой. Теперь мы утратили свою свободу и стали подвластны римлянам, теперь нам пришлось поневоле вернуть сирийцам страну, которую мы отняли у них силой нашего оружия; кроме того, римляне в короткое время получили с нас более десяти тысяч талантов, а царская власть, которая прежде предоставлялась в виде почета родовитым первосвященникам, теперь стала уделом мужей из простонародья. Впрочем, об этом нам еще придется говорить в своем месте. Между тем, Помпей, передав Скавру Келесирию до реки Евфрат и Египта и оставив ему два римских легиона, направился в Киликию, чтобы скорее вернуться в Рим. Вместе с ним ехал в оковах также и Аристовул с его семейством; у Аристовула было две дочери и столько же сыновей; из последних один, Александр, по дороге бежал, младший же, Антигон, вместе со своими сестрами был доставлен в Рим⁸.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Между тем Скавр предпринял поход на аравийскую Петру и, так как ее было трудно взять и он кругом нее опустошил всю страну, войску его пришлось страдать от голода. Тогда, по распоряжению Гиркана, Антипатр доставил ему из Иудеи хлеба и всего, в чем Скавр нуждался. Когда же Скавр послал Антипатра к Арету, с которым он находился в дружественных отношениях, в качестве посла, то Антипатр убедил его заплатить Скавру известную сумму денег за прекращение опустошения страны и сам явился

поручителем в сумме трехсот талантов. На этих условиях Скавр прекратил войну, впрочем, не столько по желанию Арета, сколько потому, что и сам давно хотел этого.

2. Когда впоследствии сын Аристовула, Александр, объезжал Иудею, то в Сирию прибыл претором римским Габиний. В числе прочих предприятий последнего можно отметить также то, что он пошел войной на Александра. Гиркан пока еще не был в состоянии совладать с силой римлянина, хотя и пытался уже вновь восстановить иерусалимскую стену, разрушенную Помпеем. Однако в этом ему воспрепятствовали находившиеся в городе римляне. Между тем Александр объезжал всю страну и вооружал множество иудеев; в короткое время ему удалось собрать десять тысяч пехотинцев и к ним пятьсот всадников и укрепить Александреум, крепость около Кореи, равно как Махерон в горах арабских.

Тогда на него двинулся Габиний, успев послать вперед Марка Антония с остальными военачальниками. Последние вооружили своих римлян, равно как подвластных им иудеев с Пифолаем и Малихом во главе и, захватив также добровольцев Антипатра, выступили навстречу Александру. За ним следовал сам Габиний во главе регулярного войска. Александр отступил тогда в местность вблизи Иерусалима, и когда враги здесь сошлись и дело дошло до битвы, римляне перебили около трех тысяч врагов и не меньше того взяли в плен.

3. В это время Габиний подошел к Александреуму и предложил находившимся в нем воинам сдаться, обещая простить им все их прежние провинности. Между тем перед крепостью расположилось станом множество врагов. На них падали римляне, и при этом случае Марк Антоний отличился как храбрый воин, перебивший множество неприятелей. Между тем Габиний оставил тут часть своего войска, чтобы овладеть этим местом хотя бы путем осады, а сам двинулся в другую часть Иудеи, где распорядился вновь отстроить города, которые находил разрушенными. Таким образом, вновь возникли Самария, Азот, Скифнополь, Анфедон, Рафия, Дора, Марисса, Газа и множество других. Так как люди охотно повиновались распоряжениям Габиния, тогда можно было опять спокойно жить в тех городах, которые столь долгое время оставались пустыми.

4. Совершив все это в пределах страны, Габиний вернулся к Александреуму. Во время осады Александр отправил к

нему посольство с просьбой простить ему его провинности и получить взамен того крепости Гирканию и Махерон, а затем и Александреум. Эти укрепления Габиний срыл до основания; когда же к нему прибыла мать Александра, державшая сторону римлян, потому что ее муж и остальные дети находились тогда в Риме, Габиний исполнил все ее просьбы. Удовлетворив ее, он ввел Гиркана в Иерусалим и поручил ему на будущее время заботу о святилище. После этого Габиний учредил пять синедрионов⁹ и разделил весь народ на пять округов, так что одна часть иудеев имела свое управление в Иерусалиме, другая в Гадаре, третья в Амафуште, четвертая в Иерихоне, а пятая в галилейском Сепфорисе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Таким образом, иудеи, утратив монархическое устройство, подчинились аристократическому образу правления. Тем временем Аристовул бежал из Рима в Иудею и собрался вновь восстановить Александреум, только что окончательно разрушенный. Тогда Габиний выслал против Аристовула воинов под начальством Сисенны, Антония и Сервилия, чтобы они воспрепятствовали ему овладеть местностью и захватили его. Тогда многие иудеи перешли на сторону Аристовула за его прежнюю доблесть, а также потому, что они всегда радовались каким-нибудь новшествам. Так, напр., передался ему с тысячью воинов некий Пифолай, бывший помощником военачальника в Иерусалиме. Между тем многие из перешедших к Аристовулу были безоружны. Аристовул отпустил всех их в Махерон, так как они ему только мешали, не будучи годны для дела, и двинулся вперед во главе восьми тысяч вооруженных. Когда же на них с силой ударили римляне, иудеи были побеждены, несмотря на всю свою отчаянную храбрость, и под натиском врагов обратились в бегство. При этом их было перебито до пяти тысяч человек, остальные же разбежались и старались спастись кто как мог. Впрочем, более чем с тысячью (товарищей) Аристовул бежал в Махерон и стал там укрепляться, предаваясь розовым надеждам, невзирая на попесенный урон. В течение двух дней ему удавалось выдерживать осаду, но затем, покрытый ранами, он попал вместе со своим сыном Антигоном, бежавшим с ним из Рима, в плен

к Габинию. После этого несчастья Аристовул вновь был отослан в Рим и там содержался в темнице, процарствовав и быв первосвященником три года и шесть месяцев. Это был блестящий и великодушный человек. Детей его сенат, впрочем, отпустил на волю, потому что Габиний написал, что обещал это их матери в награду за передачу (римлянам) крепостей.

2. Затем дети Аристовула вернулись назад в Иудею. Габиний тем временем решил предпринять поход на парфян. Когда же он уже перешел через Евфрат, ему заблагорассудилось двинуться в Египет и восстановить Птолемея на троне. Впрочем, об этом рассказано в другом месте¹⁰.

Во время этого похода против Архелая Антипатр снабдил Габиния хлебом, оружием и деньгами, а также расположил в его пользу и сделал его союзниками тех иудеев, которые жили выше Пелузиума и должны были охранять доступ в Египет. Когда же он вернулся из Египта, то нашел Сирию в полном возмущении и восстании. Дело в том, что сын Аристовула, Александр, которому вновь удалось насильно овладеть царством, возбудил многих иудеев, прошел во главе огромного войска по стране, убивал всех римлян, попадавшихся ему на пути и бежавших на гору Гаризим, и, наконец, приступил к осаде остальных (римлян).

3. Когда же Габиний нашел Сирию в таком положении, он, как умный человек, послал вперед к повстанцам Антипатра с тем, чтобы тот постарался отговорить их от безумного предприятия и вернуться на более разумный путь. Антипатру действительно удалось уговорить многих и вернуть их к своим обязанностям, но Александра он не был в состоянии убедить. Последний во главе тридцатитысячного иудейского войска выступил против Габиния, но потерпел в бою поражение, причем у него пало у горы Итавирийской¹¹ десять тысяч воинов.

4. Устроив затем дела в Иерусалиме таким образом, как то казалось желательным Антипатру, Габиний двинулся на наватейцев. Победив их в бою, он послал вперед (в Рим) парфянских беглецов Митридата и Орсапа, которые явились было к нему под предлогом, что они убежали. Затем Габиний после великих и славных военных подвигов сам отправился в Рим, а провинцию передал Крассу. О походах Помпея и Габиния на иудеев писали также Николай Дамасский

и кашпадокиец Страбон, причем их сообщения совершенно совпадают между собой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Собираясь в поход против парфян, Красс явился в Иудею. Тут он похитил храмовые деньги, оставшиеся от Помпея (на сумму двух тысяч талантов), а также имел дерзость утащить из храма всю золотую утварь (на сумму восьми тысяч талантов). При этом он присвоил себе также штангу из червонного золота весом в триста мин, а наша мина весит два с половиной фунта. Эту жердь передал ему священнослужитель Елеазар, на обязанности которого лежала охрана сокровищ храма, и сделал он это не из гнусности (напротив, это был человек почтенный и праведный), но потому, что видел, как Красс собирается захватить все золото храма. Так как Елеазару было поручено охранять также завесы храма, которые были удивительной красоты и очень ценны, то он, опасаясь за все храмовые сокровища, решился отдать Крассу золотую жердь вместо всех остальных ценностей, причем взял с Красса клятвенное уверение, что тот не тронет ничего более, но удовлетворится этим подарком стоимостью во много десятков тысяч. Золотая штанга была вделана внутрь деревянной перекладки; об этом было известно одному только Елеазару, тогда как все прочие ничего о том не знали. Между тем Красс взял эту штангу, как будто бы действительно не имел в виду взять еще что-нибудь, но затем вопреки своей клятве похитил из храма решительно все золото.

2. Никого не должно удивлять, что в нашем храме была такая масса золота, потому что все в мире иудеи, равно как прочие почитатели Предвечного, в Азии и в Европе, с давних времен доставляли туда свои приношения. Впрочем, масса упомянутых нами сокровищ вовсе не преувеличена нами из тщеславия или из хвастовства; множество других историков подтверждают наши данные. Так, напр., у кашпадокийца Страбона сказано следующее: «Послав на (остров) Кос, Митридат велел взять ценности, спрятанные там царицей Клеопатрой, а также восемьсот талантов иудеев». У нас нет другой общественной казны, кроме священной; поэтому очевидно, что азиатские евреи из страха перед Митридатом пе-

ревели свои богатства на остров Кос: иначе совершенно непонятно, почему иудеи, обладавшие укрепленным городом и храмом, стали бы посылать свои ценности на Кос. В равной мере вполне естественно, что этого не сделали александрийские иудеи, которым нечего было бояться Митридата.

В другом месте тот же самый Страбон сообщает, что в то время, как Сулла переправлялся в Элладу для войны с Митридатом, он послал в Кирену Лукулла для подавления восстания наших единоплеменников, говоря, что последними полон весь мир. Его слова следующие: «Четыре рода жителей было в городе Кирене: граждане, земледельцы, колонисты и иудеи. Последние проникли уже во все города, и нелегко найти какое-либо место на земле, где не нашлось бы это племя и которое не было бы занято им. Так, напр., Египет и Кирена, находящиеся под властью одних и тех же правителей, относятся ко всем остальным безразлично, но охотно принимают и содержат у себя толпы иудеев и процветают вместе с ними, следуя законам иудейским. В самом Египте иудеи пользуются правом жительства и гражданства, и в Александрии значительная часть города отведена этому племени. Над ними поставлен даже их собственный этнарх, который управляет народом, разбирает его тяжбы и скрепляет сделки и решения, совершенно на правах представителя самостоятельного народа. Итак, в Египте иудейское племя достигло такого могущества потому, что египтяне и иудеи одного происхождения, а также оттого, что вышедшие (из страны) иудеи поселились поблизости; а в Кирену это перешло потому, что ее границы находятся в соприкосновении с Египтом, подобно Иудее, которая вдобавок прежде была составной частью Египта». Таковы данные Страбона.

3. Устроив все по своему желанию, Красс пошел войной на Парфию. Тут он погиб со всем своим войском, как то рассказано в другом месте¹². Кассий между тем бежал в Сирию и, овладев ею, стал охранять ее от набега парфян, ставших смелее после победы над Крассом. Затем он прибыл в Тир и пошел также на Иудею. Тут он напал на Тарихею, быстро взял ее и, захватив около тридцати тысяч человек в плен, велел казнить Пифолая, который сменил Аристовула в качестве главаря мятежников; к этой казни побудил его Антипатр, который пользовался огромным авторитетом у него, так

же как и у идумеев, из среды которых он взял себе и жену знатного арабского рода, по имени Каирос. От нее Антипатр имел четырех сыновей: Фасаила, Ирода, который впоследствии стал царем, Иосифа и Ферору, а также дочь Саломию.

Этот Антипатр находился, впрочем, в дружеских отношениях также с другими правителями, особенно с арабским князем, которому он даже переслал детей своих во время войны с Аристовулом. Кассий, впрочем, вскоре двинулся к Евфрату, чтобы там встретить нападение врагов, как то повествуется и другими писателями.

4. Несколько позже Цезарь овладел Римом после бегства Помпея и сената за Ионийское море и, освободив Аристовула из заточения, решил послать его во главе двух легионов в Сирию, чтобы, в качестве влиятельного там лица, дать благоприятный оборот тамошним делам. Однако Аристовулу не пришлось порадоваться осуществлению надежд, которые возникли у него благодаря могуществу Цезаря: соумышленники Помпея поторопились отравить его, и приверженцам Цезаря пришлось похоронить его. Его труп был набальзамирован и долгое время сохранялся в меде, пока впоследствии Антоний не послал его в Иудею, распорядившись похоронить его в царском склепе. Затем по поручению Помпея Сципион велел отрубить голову сыну Аристовула, Александру, обвинив юношу в происках против римлян. Александр, таким образом, погиб в Антиохии, а братьев его принял к себе Птолемей Менней, который правил над Халкидой, расположенной вблизи Ливанского хребта. Потом Птолемей послал сына своего Филиппиона в Аскалон к вдове Аристовула, предлагая переслать к нему ее сына Антигона и дочерей. В одну из них, Александру, Филиппион влюбился и женился на ней. Впрочем, впоследствии Птолемей убил его и сам женился на Александре, а о братьях ее постоянно заботился.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. После победы над Помпеем и его смерти, когда Цезарь сражался в Египте, ему весьма много услуг оказывал Антипатр, правитель иудеев сообразно повелению Гиркана. Так, напр., когда Цезарь пытался привести вспомогательное войско пергамскому царю Митридату и не был в состоянии

пройти через Пелузиум, почему и должен был остановиться около Аскалона, к нему явился на выручку Антипатр с тремя тысячами тяжеловооруженных иудеев и в конце концов побудил также союзников из Аравии явиться к нему на помощь. Ради Антипатра пошли в поход также все сирийцы, не желавшие отставать от других в своем воодушевлении к Цезарю, в том числе князь Иамвлих и сын его Птолемей, населявшие хребет Ливанский, а также почти все остальные города. Тогда Митридат выступил из Сирии и прибыл в Пелузиум. Когда жители отказались принять его к себе, он приступил к осаде города. Тут опять отличился Антипатр, а именно, он первый пробил брешь в одном месте стены и тем дал всем прочим возможность проникнуть в город. Таким образом окончилось дело при Пелузиуме. Когда же Антипатр и Митридат были на пути к Цезарю, иудеи, населявшие дом Онии, воспротивились их проходу. Впрочем, и их убедил перейти на свою сторону Антипатр, особенно тем, что предъявил им письмо первосвященника Гиркана, где тот убеждал их быть друзьями Цезарю и доставлять его войску съестные припасы и все необходимое. Когда же иудеи убедились в солидарности Антипатра и первосвященника, то охотно подчинились; а на основании слухов об их покорности жители окрестностей Мемфиса также пригласили к себе Митридата, который явился к ним и подчинил их себе.

2. Когда он обошел так называемую Дельту, он сразился с врагами около иудейского стана. Над правым крылом начальствовал Митридат, над левым Антипатр. Когда войска сошлись в бою, крыло Митридата отступило, и ему пришлось бы подвергнуться страшной опасности, если бы Антипатр, который успел уже разбить врагов, не прибежал со своими солдатами вдоль берега реки, не освободил бы Митридата и не обратил бы в бегство уже побеждавших египтян. Во время преследования последних Антипатр овладел также их лагерем, а Митридата удержал от дальнейшего бегства. У Митридата пало при этом восемьсот человек, у Антипатра же сорок. Обо всем этом Митридат сообщил Цезарю, указывая при том на Антипатра как на виновника не только победы, но и их спасения, так что тогда Цезарь выразил Антипатру похвалу и впоследствии, в самые критические минуты войны, всегда пользовался его поддержкой. Во время этих битв Антипатр был ранен.

3. Когда впоследствии Цезарь окончил войну и отплыл обратно в Сирию, он удостоил Гиркана и Антипатра великих почестей: первого он утвердил в сане первосвященника, а второму дал право римского гражданства и освободил от всех решительно повинностей.

Многие уверяют, будто и Гиркан участвовал в том походе и (вместе с Антипатром) был в Египте. Это доказывается сообщением каппадокийца Страбона, говорящего от имени Азиния следующее: «после вторжения Митридата и иудейского первосвященника Ииркана» в Египет. Тот же самый Страбон в другом месте, ссылаясь на Ипсикрата, говорит, что Митридат выступил (против Египта) один, а затем призвал к себе в Аскалон Антипатра, правителя Иудеи, который и доставил ему 3 000 воинов, равно как склонил на его (Митридата) сторону также и других правителей, и что в этом походе участвовал тоже первосвященник Гиркан.

4. Так повествует Страбон. В это время явился к Цезарю Антигон, сын Аристовула, и, жалуясь на печальную участь отца своего, который по вине Цезаря пал жертвой отравления, и на то, что брат его был казнен Сципионом, просил сжалиться над его грустным положением человека, изгнанного из своих владений. При этом он обвинял Гиркана и Антипатра в том, что они правят народом лишь при помощи насилия и поступили с ним (Антигоном) крайне несправедливо. Бывший при этом Антипатр стал оправдываться в взводимых против него обвинениях, указал на то, что Антигон окружен мятежными и беспокойными людьми, а также упомянул о своих трудах и подвигах во время походов, коих, по его словам, сам Цезарь был свидетелем. Он при этом указывал на то, что Аристовул совершенно основательно был увезен в Рим, потому что являлся всегда заклятым врагом римлян; что же касается его брата, то его казнь Сципионом была лишь заслуженным возмездием за его разбойничьи набеги, и он потерпел наказание совершенно основательно и справедливо.

5. После такого объяснения Антипатра Цезарь объявил Гиркана первосвященником, а Антипатру предоставил все права, которых тот домогался, и решил сделать его полновластным заместителем в Иудее. При этом он разрешил Гиркану, на основании его просьбы о такой милости, восстановить стены родного города, которые оставались после Пом-

пея все еще разрушенными. Вместе с тем он распорядился, чтобы консулы в Риме записали это постановление и поместили его в Капитолии. Решение сената поэтому было редактировано следующим образом:

«Претор Люций Валерий, сын Люция, сделал следующее предложение сенату в декабрьские иды¹³, в храме Согласия. Присутствовали при записи решения Люций Копоний, сын Люция, из коллинской, и Папирий из квиринской (Трибы).

Относительно предложения иудейских старейшин: Александра, сына Иасона, Нумения, сына Антиоха, и Александра, сына Дорофея, мужей доблестных и (римских) союзников, возобновить прежде заключенный с римлянами дружественный союз, в знак чего они привезли золотой щит ценностью в пятьдесят тысяч червонцев и просили выдать им охранные грамоты к независимым городам и царям, чтобы беспрепятственно и безопасно проезжать по их владениям и входить в их гавани, — постановлено: вступить с ними в дружественный союз, исполнить их просьбы и принять привезенный щит». Этот договор был заключен при первосвященнике и правителе Гиркане в девятый год его правления, в месяце Панеме.

И от афинского народа Гиркан, оказавший ему множество услуг, добился подобной же чести. Афиняне прислали ему народное постановление следующего содержания: «При притании¹⁴ и священстве Дионисия, сына Асклепиада, в пятый день после месяца Панема, было передано старейшинам сие решение афинян. Записал при архонте Агафокле Эвкл, сын Менандра из Алимуса, в одиннадцатый день месяца Мунихия, в одиннадцатую пританию, во время заседания в театре; за правильностью голосования следил ерхиец Дорофей с помощниками; докладывал Дионисий, сын Дионисия. Постановлено народом: так как Гиркан, сын Александра, первосвященник и правитель иудейский, постоянно являл по отношению ко всему (афинскому) народу и по отношению к отдельным его представителям благоволение и всяческую о них заботливость, как относительно тех афинян, которые являлись к нему в качестве послов, так и по своим личным делам, всегда радушно принимал их и заботился о доставлении им безопасного проезда по стране, что было и прежде засвидетельствовано нами и подтверждается ныне сообщениями сунийца Феодосия, сына Феодора, который сделал об этом доклад народу и ую-

мянул о доблести названного мужа, присовокупив, что последний имеет в виду и впредь оказывать нам по силе возможности всякую поддержку, — мы решаем почтить Гиркана золотым почетным венком по закону, воздвигнуть в храмах народном и Харит его бронзовую статую и возвестить об этом через глашатаев в театре во время праздников Дионисия, при представлении новых трагедий, а также в праздники Папафинеийские и Элевсинские во время гимнастических игр. Чиновники должны позаботиться о том, чтобы Гиркану, пока он будет пребывать в столь дружественном к нам расположении, оказывались всевозможные льготы и любезности, дабы видно было, что народ наш чествует славных мужей и питает такие чувства признательности к достойным людям. Вместе с тем следует избрать из среды афинян послов, которые отвезли бы Гиркану данное постановление и предложили бы ему после оказания ему указанных почестей и впредь всегда относиться благожелательно к нашему городу».

Однако довольно этих доказательств того, каким почетом пользовался Гиркан у римлян и у афинского народа.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Устроив дела в Сирии, Цезарь отплыл назад. Лишь только Антипатр, сопровождавший Цезаря во время отбытия его из Сирии, вернулся в Иудею, он приступил немедленно к восстановлению разрушенной Помпеем стены и, разъезжая по стране, успокаивал смуту либо угрозами, либо увещаниями держаться спокойно. При этом он поставлял на вид, что те, кто будет предан Гиркану, будут жить в полном благополучии и спокойно и безмятежно пользоваться своим имуществом, тогда как все те, которые станут предаваться пустым надеждам на возможность восстания и рассчитывать на могущие явиться в результате его выгоды, будут иметь в нем вместо палача — властелина, в Гиркане вместо царя — тирана, а в римлянах и Цезаре вместо покровителей — злых врагов. При этом Антипатр присовокуплял, что и римляне не допустят смещения того, кто ими самими поставлен во главе страны. Такими убеждениями он водворял порядок по всей стране.

2. Видя, что Гиркан медлителен и апатичен, Антипатр назначил старшего из сыновей своих, Фасаила, начальником

над Иерусалимом и его окрестностями, а следующему за ним сыну, весьма еще молодому Ироду (ему было тогда лишь двадцать пять лет¹⁵) поручил управление Галилеей. Впрочем, последнему нисколько не мешала его юность; будучи человеком рассудительным, юноша немедленно нашел возможность выказать свою доблесть, а именно, ему удалось захватить Езекию, атамана разбойников, совершавшего во главе огромного отряда набеги на пограничные с Сирией области; затем он казнил его и многих его товарищей по шайке. Это дело вызвало в сирийцах большую симпатию к Ироду, потому что он очистил страну от разбоев, о чем они давно мечтали. Поэтому они стали прославлять его за это в деревнях и городах, так как он вернул им мир и спокойное, безмятежное пользование благами жизни. Благодаря этому Ирод стал известен также и Сексту Цезарю, родственнику Цезаря Великого, наместнику Сирии. Тогда у брата Ирода, Фасаила, также явилось желание совершить подобные подвиги и, побуждаемый славой брата, он желал снискать себе такую же популярность. Ему удалось достигнуть этого и снискать полное благоволение жителей иерусалимских, самостоятельно управляя городом, не возносясь, как то свойственно неблагородным людям, и не злоупотребляя своей властью. Все это привело к тому, что Антипатр пользовался в глазах народа прямо царской властью и почестями, которые обыкновенно выпадают на долю лишь неограниченным властителям. Между тем, однако, Антипатр нисколько, как то часто случается, в своем всемогуществе не умалял своей преданности по отношению к Гиркану.

3. Когда те из иудеев, которые занимали общественные должности, увидели, насколько возвысились Антипатр и его сыновья благодаря популярности их и денежным средствам Иудеи и Гиркана, они почувствовали злобу против Антипатра. Дело в том, что он заключил дружбу с римскими властелинами, а затем уговорил Гиркана послать им денег, которые тот передавал ему, а Антипатр пересылал римлянам эти суммы уже от своего имени, а не от лица Гиркана. Когда Гиркан узнал об этом, он не только не рассердился, но даже очень был рад этому.

Между тем, более выдающиеся иудеи, видя, как своевластен, отважен и властолюбив становится Ирод, явились к

Гиркану и стали уже открыто обвинять Антипатра, говоря: «Доколе же станешь ты спокойно взирать на все происходящее? Или ты не видишь, что Антипатр и его сыновья разделили между собой всю власть, тогда как ты лишь по имени остаешься царем? Не закрывай же на это глаз своих, не считай себя вполне безопасным, относясь столь легкомысленно к себе и царской власти. Не обманывай себя убеждением, будто Антипатр и его сыновья теперь все еще твои заместители, но обрати внимание на то, что они открыто признаются полновластными правителями. Так, напр., сын его Ирод нарушил наш закон, казнив Езекию и его товарищей. А между тем закон запрещает казнить без приговора суда даже преступника. Тем не менее он решился на такое деяние, не имея от тебя на то полномочия».

4. При этих словах Гиркан склонился (в пользу обвинителей), тем более что и матери убитых Иродом возбуждали его гнев тем, что ежедневно напоминали в храме царю и народу, что он должен предать Ирода суду синедриона. Все это наконец побудило Гиркана вызвать Ирода в суд, дабы он оправдал себя в взводимых на него обвинениях. Ирод действительно явился в суд, причем отец посоветовал ему явиться туда не в качестве частного лица, но с предосторожностями и отрядом телохранителей. Сделав в Галилее нужные на всякий случай распоряжения, Ирод явился в сопровождении такого отряда, который по сравнительной малочисленности своей не мог возбудить опасений в Гиркане, но вместе с тем был достаточен для того, чтобы в случае необходимости защитить его в суде. Тем временем наместник сирийский Секст написал Гиркану письмо с предложением оправдать Ирода и с выражением угрозы в противном случае. Письмо Секста явилось для Гиркана желанным поводом освободить Ирода, которого он любил как родного сына, от ответственности перед синедрионом. И вот когда Ирод, окруженный своим отрядом, явился в синедрион, он нагнал на всех такой страх, что никто из прежних его обвинителей не решился сказать против него ни одного слова, наступила минута всеобщего молчания, и все были в полном недоумении, что делать дальше. В таком положении один только человек, некий Самея, муж праведный и стоявший вследствие того выше всякого страха, поднялся со своего места и ска-

зал: «Товарищи судьи и ты, царь! Ни я сам, ни вы, вероятно, никогда еще не видали, чтобы таким образом являлся в суд обвиняемый. Всякий, кому приходилось когда-либо являться сюда на судьище в качестве обвиняемого, являлся сюда в смущении и с робостью, с видом человека, желающего возбудить нашу жалость, с распушенными волосами и в темном одеянии. Между тем наш любезнейший Ирод, обвиняемый в убийстве и с этой целью приглашенный сюда, облекся в пурпур, убрал по-праздничному свою голову и явился к нам в сопровождении воинов с целью перебить всех нас, если мы по закону осудим его, а самому спастись, совершив насилие над правосудием. Впрочем, я не стану обвинять Ирода, что он более занят ограждением своей личной безопасности, чем соблюдением закона: ведь вы сами, равно как и царь, приучили его к такой смелости. Однако знайте, что Господь Бог всемогущ и что этот (юноша), которого вы теперь желаете в угоду Гиркану оправдать, некогда накажет вас и самого царя за это».

Все это действительно впоследствии вполне сбылось: Ирод, сам став царем, казнил всех судей синедриона, кроме одного Самеи, равно как самого Гиркана. Самею Ирод ставил очень высоко за его праведность, равно как за то, что, когда впоследствии город был осажден Иродом и Соссием, Самея уговорил народ впустить их, ссылаясь при этом на то, что вследствие греховности народа это неизбежно. Впрочем, об этом мы поговорим в своем месте.

5. Когда Гиркан заметил, что члены синедриона (все-таки) собираются осудить Ирода, он отложил заседание до другого дня, а сам тайно послал Ироду совет бежать из города и тем избежать опасности. Ирод действительно удалился в Дамаск, как будто убегая от царя, когда же он прибыл к Сексту Цезарю и почувствовал себя у него в безопасности, то явно высказал нежелание повиноваться, если бы синедрион вздумал вызвать его вторично в суд. На это члены синедриона рассердились и всеми силами старались убедить Гиркана, что все это он делает себе же во вред. Гиркан это отлично сознавал, но ничего не мог поделать по отсутствию мужества и бездеятельности.

Когда же Секст назначил Ирода (за известную сумму денег) заместником над Келесирией, Гиркан испугался, как бы

Ирод не вздумал пойти на него войной. Немного спустя это его опасение действительно сбылось, потому что Ирод двинулся во главе войска войной, чтобы отомстить за свой вызов в суд и за то, что ему пришлось выслушать в заседании синедриона. Впрочем, от нападения на Иерусалим его удержали выступившие ему навстречу отец Антипатр и брат его; им удалось успокоить его гнев и убедить не предпринимать ничего, но удовлетвориться тем, что он нагнал страх на того, кто помог ему достигнуть такого высокого положения. Если Ирод, говорили они, сердится на то, что ему пришлось предстать перед судом, то пусть он вспомнит также о своем освобождении и будет благодарным за него, вместо того, чтобы платить за это насилием и не быть признательным за свое спасение; кроме того, пусть он подумает также о том, что, если Господь решает судьбы войны, этот поход крайне несправедлив; поэтому он не может и рассчитывать на победу, так как собирается воевать с царем и близким человеком, от которого он испытал много хорошего и который не оказал ему никакого зла; если же этот человек навлек на себя его подозрение и хотя бы тень неудовольствия, то в этом можно обвинять не его самого, а скорее его советников.

Ирод внял таким убеждениям, полагая при этом, что для его личных расчетов вполне уже достаточно, если ему удалось хотя бы только показать народу свое могущество.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Таковы были тогда дела в Иудее. Тем временем Цезарь, вернувшись в Рим, готовился к отплытию в Африку, чтобы воевать там со Сципионом и Катонем. Тогда Гиркан отправил к нему послов с просьбой утвердить дружественный союз с ним. При этом случае я считаю необходимым упомянуть здесь о всех почетных союзах, заключенных между римлянами, их властителями и нашим народом, дабы все знали, как хорошо относились к нам цари Азии и Европы, уважая нашу храбрость и верность. Так как многие из нерасположения к нам не доверяют тому, что писано о нас персидскими и македонскими авторами, которые к тому же не находятся в публичных библиотеках, но имеются только у нас и у некоторых других варварских народов, тогда как сообщения римлян нео-

споримы (дело в том, что все эти данные записаны в городских архивах и в Капитолии до сих пор находятся вырезанными на медных таблицах, подобно тому как Цезарь Юлий, сделав александрийских иудеев полноправными гражданами, объявил о том, распорядившись воздвигнуть медную колонну в Александрии с соответствующей надписью), — ввиду всего этого я и остановлюсь на данном вопросе. Я приведу факты на основании решений римского сената и Юлия Цезаря, касающихся Гиркана и нашего народа.

2. «Гай Юлий Цезарь, император и верховный жрец¹⁶, вторично избранный диктатором, посылает свой привет начальству, совету и народу сидонийскому. Если вы себя чувствуете хорошо, то я радуюсь, ибо я со своим войском тоже доволен.

Посылаю вам при сем копию постановления, внесенного на (медную) доску и касающегося Гиркана, сына Александра, первосвященника и правителя иудейского, дабы вы внесли его в ваш государственный архив, и выражаю при этом желание, чтобы вы выставили это постановление на медной таблице написанным по-гречески и по-латински. Вот эта копия: Юлий Цезарь, вторично император и верховный жрец, постановил на основании решения совета: так как иудей Гиркан, сын Александра, как ныне, так и раньше, во время мира и на войне, являл себя всегда верным и ревностным представителем наших интересов, как то засвидетельствовано целым рядом других полководцев, и ввиду того, что он во время последнего александрийского похода явился к нам на помощь во главе полуторатысячного отряда, а во время отправки его мной против Митридата превзошел всех, бывших в строю, храбростью, то по всем этим причинам я назначаю Гиркана, сына Александра, с потомством иудейскими этнархами, желаю, чтобы они навсегда сохранили за собой установленное их законами первосвященническое достоинство, и желаю видеть в нем и его сыновьях наших союзников, которые должны постоянно считаться в числе преданнейших друзей наших. Все дела, касающиеся культа или внутренних отношений иудеев между собой, пусть разрешает он сам или ведают его сыновья. Равным образом, если бы возник какой-либо спор между иудеями, я признаю авторитетность его решения (Гирканом). Вместе с тем запре-

щаю, чтобы войска располагались у него на зимние стоянки или чтобы с него взимались какие-либо денежные суммы».

3. «Решение и постановление консула Гая Цезаря таково: пусть сыновья его (Гиркана) правят народом иудейским и пользуются доходами с предоставленных им земель, а первосвященник, он же и правитель иудеев, пусть творит верховный суд. К Гиркану, сыну Александра, иудейскому первосвященнику, следует отправить послов для заключения с ним дружественного наступательного и оборонительного союза. Должно выставить на Капитолии, равно как в храмах сидонском, тирийском и аскалонском, по медной таблице с соответственной надписью на римском и греческом языках. Пусть это постановление будет сообщено всем городским начальникам и их подчиненным, равно как всем нашим друзьям. Следует вручить послам дары и повсюду разослать это (наше) решение».

4. «Гай Цезарь, император, диктатор и консул, сим объясняет сенату и римскому народу, что за доблесть и расположение назначает самого Гиркана, сына Александра, и его потомков первосвященником и священнослужителями иерусалимскими и судьями народа на том самом основании, в силу которого их предки занимали священнические должности».

5. «Гай Цезарь, в пятый раз консул, сим постановляет, что первосвященник и этнарх иудейский Гиркан, сын Александра, может владеть, управлять городом Иерусалимом по своему усмотрению и укрепить его стенами. Пусть будут иудеи освобождены в каждый второй податный год от взноса одного кора (пшеницы), и пусть они не будут употребляемы на какие бы то ни было общественные работы и освобождены от всяких других повинностей».

6. «Гай Цезарь, вторично император, сим постановил: все иудейские города, за исключением Яффы, должны платить известную сумму в пользу Иерусалима ежегодно, исключая каждого седьмого года, который называется иудеями субботним, в каковой ни сеют, ни собирают плодов древесных; жители Сидона обязаны каждый второй год в виде пошлины выплачивать четвертую часть жатвы; кроме того, они обязаны платить Гиркану и его сыновьям десятину, как они платили таковую также предкам его; пусть ни один чиновник, ни один претор, ни один легат не набирает войск в пределах иудейских, равно как не допускает солдат вымогать от иуде-

ев деньги ни для зимовок, ни под каким-либо другим предлогом; пусть иудеи будут свободны от всех решительно повинностей; все, что впоследствии будет принадлежать иудеям в силу приобретения или покупки, должно принадлежать им невозбранно. Мы желаем, чтобы город Яффа, который первоначально уже принадлежал иудеям при заключении ими дружественного договора с римлянами, будет, как и прежде, их собственностью; пусть в качестве натуральной повинности сын Александра, Гиркан, и его потомки получают с окрестных землевладельцев за вывозимую ежегодно из страны в сидонскую гавань пшеницу, двадцать шесть тысяч семьдесят пять мер, исключая седьмой год, так назыв. субботний, когда иудеи не сеют, не собирают плодов древесных; все поселения, находящиеся в так назыв. Великой равнине, которыми раньше владели Гиркан и его предки, по решению сената должны и впредь принадлежать ему на прежних основаниях. Равным образом остаются в силе все древние отношения как между отдельными иудеями, так и между первосвященниками и священнослужителями, равно как все постановления (римского) народа и сената относительно иудеев. Все эти права их распространяются также на жителей города Лидды. Все местности, земли и поселения, которыми владели сирийские и финикийские цари в награду за свой союз с римлянами, сенат признает (отныне) собственностью этнарха Гиркана и иудеев. Гиркану, его сыновьям и их послам предоставляется право сидеть в театре среди сенаторов во время гладиаторских боев или боя зверей и, в случаях, если бы они просили у диктатора или высшего сановника права присутствовать на заседаниях сената, то они должны быть допускаемы туда, и постановления сената должны сообщаться им не позже десятидневного срока после постановления решения».

7. «Гай Цезарь, в четвертый раз выбранный полномочным диктатором и уже пожизненным и в пятый раз назначенный консулом, постановил следующее решение относительно прав иудейского первосвященника и этнарха Гиркана, сына Александра: ввиду того, что мои предшественники по управлению провинциями засвидетельствовали все лучшее относительно первосвященника иудейского Гиркана и самих иудеев перед лицом сената и народа римского, причем как народ, так и сенат выразили иудеям свою за это признательность,

то и нам следует вспомнить о том и позаботиться, чтобы со стороны сената и римского народа еще раз воспоследовало выражение благодарности Гиркану, всему иудейскому народу и сыновьям Гиркана за выраженное ими к нам расположение и всяческие их нам услуги».

8. «Юлий Гай, претор и консул римский, посылает привет свой начальникам, совету и народу (острова) Пароса. В присутствии ваших послов ко мне явились делегаты от делосских иудеев и некоторые из иудейских поселенцев и заявили мне, что вы путем законодательных решений препятствуете им жить по их родным обычаям и отправлять их богослужение. Мне вовсе не нравятся такие решения ваши относительно наших друзей и союзников, что вы им препятствуете жить по их собственным обычаям, собирать деньги на их личные и богослужебные нужды, тогда как это не возбраняется им даже в Риме. Наш претор и консул Гай Цезарь в своем постановлении относительно запрещения всяких сходок в городе (Риме) изъял именно иудеев из общего правила и разрешил им собирать деньги и собираться на совещания. Равным образом и я, запретив все прочие сходки, разрешаю одним только иудеям собираться сообразно их установлениям и отправлять требования их закона. Поэтому и вы должны отменить все свои постановления, которые вы сделали относительно наших друзей и союзников, вследствие доблестного и прекрасного к нам отношения иудеев».

9. Когда после смерти Гая консулами были Марк Антоний и Публий Долабелла, они собрали сенат и, введя туда посланных Гиркана, стали поддерживать их просьбу, т.е. также заключили дружественный союз с ними. Все их просьбы исполнил сенат, сделав соответственное распоряжение. Для того чтобы читатели этого сочинения имели под руками точное тому доказательство, я привожу здесь самый текст сенатского решения. Вот оно:

10. «Сенатское решение, взятое из архива и из общественных таблиц квесторов, при квесторах Квинте Рутилии и Квинте Корнелии. Таблицы второй пачало: постановлено за три дня до апрельских ид¹⁷ в храме богини Согласия, в присутствии Люция Кальпурния Пизона из мешенской трибы, Сервия Папиния Квинта из лемонской трибы, Гая Каниния Ревила из теретинской трибы, Публия Тидетия, сына Лев-

кия из поллийской трибы, Левкия Апулина, сына Левкия из серпийской трибы, Флавия Левкия из лемонской трибы, Публия Плавтия, сына Публия, из папирской трибы, Марка Акилия, сына Марка, из мекийской трибы, Левкия Ерукия, сына Левкия из стеллатинской трибы, Марка Квинта Плаккилла, сына Марка из поллийской трибы, и Публия Серия. Доклад сделали консулы Публий Долабелла и Марк Антоний. Ввиду того, что сенатское постановление, состоявшееся относительно иудеев при Гае Цезаре, не было внесено в квесторский архив, мы, по предложению консулов Публия Долабеллы и Марка Антония, решили внести его на медные таблицы и сообщить городским квесторам, дабы и они поместили у себя двойную копию его. Постановление это состоялось за пять дней до февральских ид в храме Согласия. Представителями первосвященника Гиркана были при этом следующие лица: Лисимах, сын Павсания, Александр, сын Феодора, Патрокл, сын Херея, и Ионаф, сын Онии».

11. Одного из этих делегатов Гиркан послал также к тогдашнему претору в Азии, Долабелле, с просьбой освободить иудеев от военной службы и разрешить им, держась старинных обычаев, не нарушать исконного их образа жизни. Получение этого разрешения ему не стоило большого труда: получив письмо Гиркана, Долабелла без дальних соображений разослал по всем городам Азии, на первом же плане главному тогда городу в Азии, Ефесу, относительно иудеев циркуляр следующего содержания:

12. «В первое число месяца Ленея при пританне Артемон претор Долабелла посылает совету, начальникам и народу города Ефеса свой привет. Александр, сын Феодора, посланный первосвященника и этнарха иудейского Гиркана, сына Александра, доложил мне о невозможности его единоплеменникам носить оружие и участвовать в походах в субботние дни, равно как о невозможности доставать предписанную им законом пищу. Поэтому и я, подобно примеру моих предшественников, освобождаю иудеев от военной службы, разрешаю им следовать их законным исконным ритуальным установлениям и отправлять священные жертвы, равно как собирать с этой целью нужные для того денежные суммы и предлагаю вам сие мое решение оповестить по городам».

13. Такую любезность оказал Долабелла Гиркану, отправившему к нему посла.

Постановление консула Люция Лентула:

«Сим освобождаю римских граждан иудейского исповедания, живущих и отправляющих свое богослужение в Ефесе, ввиду их религиозных убеждений, в этом заседании, состоявшемся за двенадцать дней до октябрьских календ¹⁸, в консульство Люция Лентула и Гая Марцелла, от военной службы. Постановление это состоялось в присутствии трибуна Тита Аппия Бальба, сына Тита, из гарагтинской трибы, Тита Тонгия, сына Тита, из кростоминской трибы, Квинта Раисия, сына Квинта, Тита Помпея Лонгина, сына Тита, военного трибуна Гая Сервилия Гракха, сына Гая, из теретинской трибы, Публия Клузия Галла, сына Публия, из ветурийской трибы, и Гая Сенция, сына Гая, из саботишской трибы».

«Трибун и пропретор Тит Аппий Бальб, сын Тита, сим посылает должностным лицам, совету и народу города Ефеса свой привет. Ввиду моего ходатайства за живущих в Азии иудеев консул Люций Лентул освободил их от военной службы. После этого я достиг того же самого постановления от пропретора Фанния и проквестора Люция Антония, почему прошу вас позаботиться о том, чтобы никто не побуждал (к военной службе) иудеев».

14. Народное решение делоссцев:

«Распоряжение начальства при архонте Беоте, в двадцатый день месяца Фаргелиона. Квартирующий в нашем городе и заведующий воинским набором легат Марк Пизон, созвав нас и правоспособных граждан, распорядился не набирать в военную службу никого из римскоподданных иудеев, ввиду того, что они по ритуальным соображениям освобождены от военной службы консулом Люцием Корнелием Лентулом. Ввиду этого мы должны повиноваться решению легата».

Подобное же постановление сделали относительно нас также граждане города Сарды.

15. «Гай Фанний, сын Гая, проконсул, посылает привет должностным лицам Коса. Сим извещаю вас, что посланные иудейские обратились ко мне с просьбой получить копию постановленного относительно их сенатского решения, которое при сем и прилагается. Вместе с тем прошу вас, на основании сенатского декрета, позаботиться об этих людях и

приложить старание, чтобы они могли беспрепятственно проехать к себе домой через ваши владения».

16. «Консул Люций Лентул объявляет: тех иудеев римскоподданных, которых я нашел отправляющими свое богослужение в Ефесе, я освобождаю сим вследствие соображений ритуального свойства (от военной службы). Постановление это сделано за двенадцать дней до календ месяца Квинктилия»¹⁹.

17. «Проквестор и пропретор Люций Антоний, сын Марка, сим шлет привет свой должностным лицам, совету и населению города Сарды. Так как римские граждане иудейского закона явились ко мне с заявлением, что у них имеются издревле существующие собрания и судилище, где они разрешают все свои (внутренние) дела и личные споры, и просили меня сохранить за ними эти учреждения, я решил исполнить их просьбу и предоставить и дальше им его».

18. «Марк Публий, сын Спурия, Марк, сын Марка, и Люций, сын Публия, заявляют: после того как мы доложили проконсулу Лентулу о просьбе александрийца Досифея, сына Клеопатрида, чтобы римские граждане иудейского вероисповедания, отправляющие издавна свое богослужение, были освобождены от военной службы, и спросили его мнения на сей счет, он освободил этих иудеев ввиду соображений ритуального свойства. Постановление его состоялось за двенадцать дней до календ месяца Квинктилия».

19. «При консулах Люции, Лентуле и Гае Марцелле, в присутствии трибуна Тита Апния Бальба, сына Тита, из горацанской трибы, Тита Тонгия из кростолинской трибы, Квинта Раисия, сына Квинта, Тита Помпея Лонгина, сына Тита, из корнелийской трибы, военного трибуна Гая Сервилия Гракха, сына Гая, из трибы теретинской, Публия Клузия Галла, сына Публия, из ветурийской трибы, военного трибуна Гая Тевтия, сына Гая, из эмилийской трибы, Секста Атилия Серрана, сына Секста, из эмилиевой трибы, Гая Помпея, сына Гая, из сабатинской трибы, Тита Апния Менадра, сына Тита, Публия Сервилия Страбона, сына Публия, Люция Пакция Капитона, сына Люция, из коллинской трибы, Авла Фурия Тертия, сына Авла, и Апния Менаса — в присутствии всех этих лиц Лентул постановил следующее решение: сим освобождаю (от военной службы) тех римских

граждан иудейского вероисповедания, которые издавна отправляют свое богослужение в Ефесе; я делаю это в настоящем заседании ввиду соображений ритуального свойства».

20. «Должностные лица города Лаодикеи сим приветствуют консула Гая Рабилия, сына Гая. Отправленный первосвященником Гирканом посол Сопатр вручил нам письмо твое, в котором ты пишешь нам, что от первосвященника иудейского Гиркана явились послы с письменной просьбой разрешить иудеям отправление суббот и остального культа сообразно их древним религиозным постановлениям, дабы никто не имел права вмешиваться в их дела, так как они наши друзья и союзники, и дабы никто не обижал их в нашей области. Так как жители Тралл открыто воспротивились этому твоему постановлению, а ты все-таки принудил их к этому, то иудеи просили тебя также отписать и нам относительно их. Итак, мы готовы повиноваться твоему предложению и заявляем, что, получив твое послание, мы внесли его в наш общественный архив. Относительно же всего того, что ты нам предлагаешь, мы примем надлежащие меры к точному его исполнению».

21. «Проконсул Публий Сервилий Гальба, сын Публия, посылает привет должностным лицам, совету и народу Милета. Ваш согражданин Пританис, сын Герма, обратился ко мне, когда я был в заседании в Траллах, с заявлением, что вы относитесь к иудеям несообразно нашим установлениям, препятствуете им справлять их субботы и собирать плоды сообразно с их обычаями, тогда как он постановил решение на законном основании. Ввиду этого заявляю вам, что по выслушании обеих сторон я решил, что не следует препятствовать иудеям в отпращивании их обычаев».

22. Постановление жителей Пергама: «При пританше Кратиппе, в первый день месяца Деся состоялось следующее решение властей: так как римляне, следуя похвальному примеру своих предков, охотно заступаются за сохранение безопасности всех вообще людей и особенное внимание и старание прилагают к тому, чтобы доставлять своим союзникам и друзьям благоденствие и прочный мир, то, когда к ним были посланы от иудейского народа и его первосвященника Гиркана послы в лице почтенных и заслуженных Стратона, сына Феодота, Аполлония, сына Александра, Энея, сына Антипатра, Аристовула, сына Аминта, Сосипатра, сына Филиппа».

па, сенат, по выслушании всех отдельных пунктов их предложений и просьб, постановил: чтобы царь Антиох, сын Антиоха, не смел ни в чем обижать иудеев, римских союзников; чтобы он возвратил им все укрепления, гавани и вообще местности и все, что он у них отнял; затем, чтобы был разрешен вывоз товаров из их гаваней, но с тем условием, чтобы никто, ни царь, ни народ какой-либо, не смел вывозить из страны или гаваней иудейских ничего беспошлинно, исключая одного только александрийского царя Птолемея, так как он союзник и друг наш; наконец, чтобы был удален, согласно их просьбе, яффский гарнизон. В силу этого один из сочленов нашего совета, Люций Петтий, человек доблестный и почтенный, предложил выразить нашу полную готовность следовать во всем предписанию сената и позаботиться о доставлении посланным возможности возвратиться беспрепятственно и безопасно домой. Потом мы пригласили в заседания совета и народного собрания Феодора, который вручил нам свою грамоту с изложением сенатского решения и выслушали его горячую речь, в которой он описал нам всю доблесть и все великодушие Гиркана, ко всем вообще прекрасно относящегося и особенно любезно принимающего у себя всякого иностранца. Затем мы отправили грамоту (Феодора) в общественный архив, а сами решили, согласно сенатскому постановлению, оказать всякую поддержку иудеям как союзникам римлян. После этого Феодор, вручив нам грамоту, обратился с просьбой к нашим властям отправить Гиркану копию решения с послами, которым поручит сообщить ему о прекрасном отношении к нему народа нашего, а также просить его и впредь сохранять и не умалять к нам дружбы и поддержать нас при случае, за что ему будет выражена должная благодарность, равно как напомнить, что еще во времена иудейского патриарха Аврама наши предки были в дружественных с ними отношениях, как мы находим о том официальные записи в общественных архивах».

23. Постановление жителей Галикарнаса: «По предложению Марка Александра, при священстве Мемнона, родного сына Аристида и приемного сына Эвоима, (такого-то числа, месяца) Анфестериона, постановлено народом: так как мы всегда относились и относимся с благоговением к выражению всякого религиозного чувства, то, следуя великодушному в

Разделение царства на Израиль и Иудею

отношении всех людей народу римскому, известившему нашу общину относительно своей дружбы и союза с иудеями и пожелавшему, чтобы последним были разрешены их богослужение, установленные празднества и собрания, мы также решили, чтобы всем желающим иудеям, будь то мужчины или женщины, было позволено справлять их субботы, приносить жертвы по иудейскому ритуалу и совершать богослужения у моря, сообразно их установлениям. Буде же кто-либо, частное лицо или официальное, воспрепятствует им в том, да будет обложен в пользу города денежным штрафом».

24. Постановление жителей Сард: «По предложению должностных лиц, совет и народное собрание решили: после того как наши иудейские сограждане, которые всегда пользовались большими симпатиями со стороны нашего народа, теперь обратились к совету и народному собранию с просьбой разрешить им, ввиду восстановления им со стороны римского сената и народа права пользоваться свободно собственными установлениями и жить по своим законам, свободно и

Смерть Ахава

беспрепятственно отправлять свой культ, а также отвести им место, где бы они могли собираться с женами и детьми своими для отправления своего богослужения и принесения Господу Богу своих жертв, — совет и народное собрание постановили: разрешить иудеям собираться в определенные дни для отправления установленного их законами богослужения и предписать начальникам отвести им соответствующее для постройки место, которое они найдут подходящим, равно как вменить в обязанность городским сборщикам доставлять им все для того необходимое».

25. Постановление жителей Ефеса: «В пританнию Минофила, в первый день месяца Артемисия, народ решил, по докладу Никандра, сына Евфима, и по предложению должностных лиц: ввиду того, что иудейские жители (нашего) города обратились к проконсулу Марку Юнию Бруту, сыну Понтия, с просьбой разрешить им отправление суббот и беспрепятственное богослужение согласно их установлениям, и ввиду того, что он согласился на их просьбу, совет и народ-

ное собрание, в солидарности с римскими интересами, сим постановили, чтобы никто не смел препятствовать иудеям справлять субботы, чтобы они за это не подвергались никакому взысканию, а напротив, чтобы им было разрешено руководствоваться во всем их собственными законоположениями».

26. Существует еще множество других подобных постановлений римского сената и должностных лиц относительно Гиркана и нашего народа, равно как имеется масса решений отдельных городов и охранных грамот должностных лиц для утверждения за нами прав, поверить содержанию коих могут спокойно читатели наши ввиду всего того, что мы пока привели. Так как мы привели целый ряд явных и наглядных доказательств дружественного к нам отношения со стороны римлян, доказательств, записанных на медных столбах и таблицах, по сей день хранящихся в Капитолии, где они и впредь будут храниться, то мы сочли приведение всех решительно постановлений (такого рода) излишним и неинтересным и полагаем, что не найдется столь неумного читателя, который бы не поверил нашей искренности и правдивости наших слов относительно дружественного расположения к нам римлян после приведения вышеуказанных тому доказательств, и потребовал бы еще больше их. Итак, мы (в достаточной мере) показали, сколь дружественны были (нам) римляне в те времена.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Около того же времени вспыхнули смуты в Сирии и притом по следующей причине: один из единомышленников Помпея, Басс Цецилий, составил заговор против Секста Цезаря и, убив его, стал во главе войска и овладел верховной властью. Ввиду этого возгорелась ожесточенная война вблизи Апамеи, так как военачальники Цезаря двинулись (против Басса) во главе отряда конницы и пешей рати. В виде помощи Антипатр также послал им отряд под начальством своих сыновей, потому что помнил все оказанные ему Цезарем благодеяния и считал вследствие этого своей обязанностью отомстить за его убийство и наказать его убийцу. Пока затягивалась эта война, заместителем должности Секста явился из Рима Мурк. В это время был убит в курии Кассием и

Брутом также и (Юлий) Цезарь, после того как владел верховной властью три года и шесть месяцев.

2. Когда вследствие возникшей из-за смерти Цезаря войны все более или менее влиятельные лица рассеялись повсюду с целью набирать войска, в Сирию прибыл из Рима Кассий с тем, чтобы принять командование над стоявшими при Апамее войсками. Затем он снял осаду, примирил Басса и Мурка, направился к прочим городам, чтобы набрать там оружие и войска, и наложил на эти города значительную дань. При этом он особенно обидел Иудею, требуя с нее семьсот талантов серебра. Видя ужас и большое смущение населения, Антипатр распорядился распределить сбор этой дани между своими сыновьями и другими лицами, в числе которых находился также некий Малих, очень плохо относившийся к нему. Первым внес назначенную сумму от лица Галилеи Ирод и тем снискал себе особенную дружбу Кассия, так как Ирод разумно решил, что теперь следует выслуживаться перед римлянами и за чужой счет снискивать их благоволение. Тем временем заплатились своей личной свободой управители всех других городов, и Кассий лишил самостоятельности четыре города; наиболее могущественными из них были Гофна и Эммаус; другими же двумя являлись Лидда и Фамна. Кассий при этом был так разгневан, что убил бы Малиха (рискнувшего оказать ему противодействие), если бы Гиркан не удержал его от решительного шага при посредстве Антипатра, послав ему сто талантов из собственных своих средств.

3. Когда Кассий покинул Иудею, Малих стал злоумышлять против Антипатра, рассчитывая, что смерть его станет для Гиркана залогом прочности власти последнего. Между тем этот план не остался секретом для Антипатра. Узнав о нем, Антипатр двинулся за Иордан и стал набирать (себе) войско из арабов и туземцев. Будучи, однако, хитрым человеком, Малих отрицал свои козни и стал клятвенно уверять Антипатра и его сыновей, что ему никогда и в голову не могла прийти такая мысль, потому что ведь Фасаил охраняет Иерусалим, да и склады оружия находятся в ведении Ирода. Видя невозможность осуществления своих планов, он примирился с Антипатром. В это время претором Сирии был Мурк. Узнав о готовящемся Малихом перевороте в Иудее, он чуть было не казнил его, но Малиха спас заступившийся за него Антипатр.

4. Однако Антипатр не думал, что в лице Малиха он спас своего собственного убийцу. Дело в том, что, собрав войско, Кассий и Мурк поручили заведование всеми делами Ироду, назначили его правителем Келесирии и, дав ему флот и конные и пешие отряды, обещали провозгласить его царем иудейским после войны, которая тогда возникла между Антонием и молодым Цезарем (Августом). Испугавшись такого оборота дел, Малих теперь стал особенно стараться избавиться от Антипатра; с этой целью он подкупил виночерпия Гиркана, у которого Антипатр обедал, и тот отравил последнего. Держа наготове солдат, Малих овладел всем городом. Когда же Ирод и Фасаил узнали о покушении Малиха на их отца и гневно потребовали от него объяснения, Малих вновь стал отрицать свою вину и так и не сознался в убийстве. Таким образом, умер Антипатр, отличавшийся благочестием, справедливостью и любовью к своей отчизне. Сын его Ирод немедленно решил отомстить за отца и двинуться с этой целью во главе войска на Малиха, тогда как старшему сыну, Фасаилу, казалось более подходящим захватить Малиха хитростью, чтобы не навлекать на себя обвинения в возбуждении междоусобной войны. Поэтому он принял к сведению оправдания Малиха и подал вид, будто верит, что тот отнюдь не виновен в смерти Антипатра. Тем временем он стал воздвигать отцу своему роскошный надгробный памятник. Между тем Ирод отправился в Самарию, которую нашел в грустном положении, и прекратил распри населения ее.

5. Когда вскоре затем наступил праздник в Иерусалиме, он явился во главе своего войска к городу. Малих испугался и стал уговаривать Гиркана не позволять Ироду вступать в город. Гиркан послушался его и привел в качестве объяснения своего запрещения, что нельзя вводить в город иностранцев во время священного праздника. Однако Ирод, не обратив никакого внимания на вестника (Гиркана), ночью вступил в город. Этим он вверг в ужас Малиха, который, впрочем, не переставал разыгрывать комедию, открыто оплакивая Антипатра и называя его своим другом, на самом же деле втайне принимая меры предосторожности для ограждения своей личности. Тогда и приверженцы Ирода решили не подавать вида, что понимают эту комедию, а как будто ничего не подозревая, относились к нему любезно и предупредительно.

6. Тем временем Ирод письмом сообщил Кассию о смерти отца своего. Кассий, отлично зная характер Малиха, написал ему в ответ, что должно отомстить за смерть отца, а сам тайно разослал предписания тирийским военачальникам оказывать всякое содействие Ироду, когда тот начнет требовать (с Малиха) удовлетворения. Когда Кассий взял Ладикею и к нему стали со всех сторон привозить венки и дары, то Ирод рассчитал, что туда прибудет Малих и получит там свое возмездие. Однако Малих, находившийся тогда около финикийского города Тира, стал подозревать обо всем этом и решился на исполнение еще более отчаянного плана, а именно, так как его собственный сын находился тогда в Тире в качестве заложника, он решил, проникнув в город, похитить ребенка, двинуться в Иудею и, пока Кассий будет занят войной с Антонием, склонить народ к отпадению и самому занять престол. Однако этот план потерпел неудачу вследствие противодействия со стороны Предвечного и потому, что более хитрый Ирод разгадал его. Он послал в город одного из своих служителей под предлогом приготовить все к пиру (на который были приглашены все его друзья), на деле же к начальникам с предложением выступить против Малиха с кинжалами. Начальники вышли из города, нашли Малиха поблизости на морском берегу и убили его там. В ужасе Гиркан лишился языка; когда же он затем пришел в себя, то спросил у людей Ирода о подробностях этого случая и кто явился убийцей Малиха. Когда же ему ответили, что тот убит по повелению Кассия, Гиркан выразил свое одобрение, потому что Малих был весьма гнусным человеком и (часто) злоумышлял против отчизны.

7. Такое возмездие понес Малих за свое предательство относительно Антипатра. Лишь только Кассий покинул Сирию, в Иудее (опять) возникла смута. Дело в том, что оставленный в Иерусалиме некий Геликс двинулся во главе войска на Фасаила. Таким образом, народу (опять) пришлось взяться за оружие. Тогда Ирод двинулся к дамасскому военачальнику Фабию, но в своем желании поспешить на помощь к брату был удержан болезнью. Тем временем, впрочем, Фасаил собственными силами одержал верх над Геликсом, заключил его в башню, а затем уже, заключив с ним договор, отпустил опять на волю. Вместе с тем он стал укорять Гиркана в том, что

он, которому они оказывали столько услуг, поддерживает их врагов. Дело в том, что брат Малиха склонил тогда немало местностей к отпадению и стал укреплять их, в том числе также и наиболее недоступный город Масаду. Впрочем, в это же самое время Ирод успел оправиться от своей болезни; он отнял у него все занятые им местности и, на основании заключенного договора, отпустил его на волю²⁰.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. Тем временем расположенный к сыну Аристовула, Антигону, который успел набрать войско и деньгами склонить на свою сторону Фабия, Птолемей Менней из родственных чувств сделал попытку вернуть Антигону власть. Вместе с ним двинулся в поход также оставленный Кассием в Тире в качестве правителя Марион. Этот Кассий разделил вообще всю Сирию на отдельные наместничества. Марион вторгся в находившуюся по соседству Галилею, захватил там три укрепленных пункта и занял их своими гарнизонами. Против него двинулся Ирод и отнял у него все его приобретения; но при этом он отнесся крайне снисходительно к тирийским гарнизонам, некоторым из них он даже дал подарки из расположения своего к их городу. Совершив это, Ирод выступил навстречу Антигону, сразился с ним и, победив его, изгнал из Иудеи, пока тот еще не достиг (пограничных) возвышенностей. По возвращении своем в Иерусалим Ирод удостоился от Гиркана и народа награждения венками. В то время он успел уже стать в близкие отношения к семье Гиркана и потому оказывал последнему особенное внимание; он был нареченным женихом дочери Аристовулова сына Александра и внучки Гиркана со стороны матери. Впоследствии она родила ему трех сыновей и двух дочерей. Впрочем, раньше он успел уже взять себе жепу из простонародья, некую Дорис, от которой у него родился его старший сын, Антипатр.

2. Тем временем Антонию и Цезарю (Августу) удалось победить Кассия при Филиппах, как о том повествуется и другими историками. После этой победы Цезарь отправился в Италию, Антоний же в Азию. Когда Антоний прибыл в Вифинию, к нему отовсюду потянулись посольства. В числе прочих явились также и знатные представители иудеев и стали

жаловаться на Фасаила и Ирода, указывая на то, что Гиркан царствует лишь по имени, тогда как на деле вся власть в руках последних. Между тем Антоний относился весьма хорошо к Ироду. Когда последний прибыл к нему, чтобы оправдаться в возводимых на него обвинениях, ему удалось добиться, что обвинителей перестали даже слушать. Этого достиг Ирод у Антония путем подкуна.

Когда Антоний прибыл в Ефес, первосвященник Гиркан и весь народ (иудейский) отправили к нему посольство с поручением вручить ему золотой венец и с просьбой издать указ, в силу которого были бы отпущены на свободу по отдельным епархиям все неправильно захваченные Кассием в плен иудеи и им была бы возвращена земельная собственность, которой они были лишены во времена Кассия. Признав это ходатайство иудеев правильным, Антоний немедленно отправил Гиркану и иудеям, равно как и тирийцам, постановление следующего содержания:

3. «Марк Антоний император посылает привет первосвященнику и этнарху Гиркану, а также (всему) иудейскому народу. Если дела ваши хороши, я доволен, сам я с войском своим нахожусь в вожделенном здравии. Лисимах, сын Павзания, Иосиф, сын Меннея, и Александр, сын Феодора, явились ко мне в Ефес в качестве послов, исполнили теперь, как и некогда в Риме, данное им поручение твое и народа и усердно описали мне твое к нам расположение. Убежденный их вещественными доказательствами и доводами в том, что вы действительно весьма преданы нам, и узнав ваш благородный образ мыслей и ваше благочестие, позволяю себе выразить вам свое благоволение. После того как враги ваши и римского народа прошли по всей Азии, не щадя ни священных мест, ни храмов и не соблюдая данных клятв, мы, которые заступаемся не только за наши личные интересы, но преследуем общее благо, наказали всех виновных в беззакониях относительно людей и безобразиях по отношению к богам. Этими своими преступлениями враги, по нашему мнению, вызвали и то, что солнце отвернулось, лишь бы не взирать на гнусное убийство Цезаря. Однако мы расстроили их богопротивные замыслы, для приведения в исполнение которых Македония представляла самое подходящее и самой природой как бы предназначенное место, и разбили гнусную толпу их едино-

мышленников, которую они собрали вблизи македонского города Филишсы, причем им удалось занять отличные позиции за оградой тянувшихся до самого моря гор, так что доступ туда представлялся возможным лишь через один только проход. Несмотря на все это, мы побили их, потому что боги решили наказать их за все их безбожные начинания. Бежавший в Филиппы и подвергшийся там осаде нашей Брут разделил с Кассием его печальную участь. Итак, теперь, когда те подверглись наказанию, мы надеемся, что Азия впредь сможет наслаждаться миром и отдохнуть от войны. Дарованный нам Господом Богом мир мы желаем распространить и на союзников наших, так что ныне, благодаря нашей победе, тело Азии сможет как бы оправиться от продолжительной болезни. Поэтому я теперь памятую особенно о тебе и о (твоем) народе, заботясь о развитии вашего благосостояния. Ввиду сего я рассылаю указы по отдельным городам, чтобы была возвращена свобода всем тем свободнорожденным или рабам, которые были проданы с публичного торга Гаем Кассием или его подчиненными. Вместе с тем я утверждаю за вами невозбранное пользование всем тем, что даровано вам было мной и Долабеллой. Тирийцам я сим запрещаю подвергать вас каким бы то ни было насилиям и повелеваю им возратить все то, что они отняли у иудеев. Присланный тобой венец (с благодарностью) я принял».

4. «Император Марк Антоний посылает привет должностным лицам, совету и народу города Тира. Ввиду того, что ко мне в Ефес прибыли послы первосвященника и этнарха Гиркана и заявили мне, что вы владеете их областью, которую вы заняли во время владычества наших противников, я желаю, так как мы начали войну за главенство и, заботясь о всех благочестивых и праведных людях, наказали тех, кто забывал оказанные благодеяния и нарушал данные клятвы, — итак, я желаю, чтобы тот мир, которым пользуетесь вы, распространился также на союзников наших, и повелеваю вам долее не задерживать имущества, полученного от наших противников, но возратить его тем, у кого вы его отняли. Ведь никто (из противников наших) не получал ни своей области, ни своего войска от сената; напротив, овладев всем этим насильно, они держались за это силой и вознаграждали этим своих сообщников по преступности.

Так как они подверглись теперь заслуженному наказанию, то мы желаем, чтобы наши союзники невозбранно владели своей прежней собственностью и чтобы вы вернули иудейскому этнарху Гиркану все занятые вами теперь земли, которые принадлежали ему хотя бы за день до начала преступной войны Гая Кассия против нашей провинции, равно как запрещаем вам насильно мешать им в пользовании их личной собственностью. Если же у вас есть какие-нибудь в этом отношении оправдания, то вы можете привести их в свою пользу, когда мы приедем в ваши места, ибо мы намерены соблюдать в одинаковой мере интересы всех союзников наших».

5. «Император Марк Антоний посылает привет свой должностным лицам, совету и населению Тира. Сим посылаю вам свое распоряжение, которое прошу принять к сведению и относительно которого прошу распорядиться поместить его в общественном архиве с латинскими и греческими копиями. Самый же оригинал прошу держать на особенно видном месте, чтобы все желающие могли прочесть его. Император Марк Антоний, один из триумвиров, постановил: ввиду того, что во время последнего бунта Гай Кассий разграбил чужую провинцию, занятую войсками союзников, и притеснял дружественных римскому народу иудеев, мы, наказав его за наглость с оружием в руках, путем наших постановлений и решений повелеваем, чтобы все отнятое у наших союзников, равно как все то, что у иудеев было продано (с публичного торга), будь то люди или вещи, было возвращено им, а именно, чтобы всем людям была возвращена их первоначальная свобода, а вещи были отданы прежним владельцам. Всякого, кто осмелится ослушаться моего распоряжения, постигнет кара. В случае нарушения мне предоставляется право распорядиться с ослушником сообразно моему личному каждый раз усмотрению».

6. Совершенно то же самое он написал также сидонянам, антиохийцам и арадийцам. Мы считали уместным привести здесь все это в подтверждение указанного нами расположения и попечения римлян о нашем народе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1. Когда впоследствии Антоний прибыл в Сирию, то выехавшая к нему навстречу и свидевшаяся с ним в Киликии Клеопатра очаровала его своими прелестями. Тогда вновь

явились к нему сто самых влиятельных иудеев с жалобами на Ирода и его клеветов, причем они выбрали из своей среды наиболее ловких ораторов. Но против них стал говорить от имени молодого поколения Мессала и сделал это в присутствии самого Гиркана, который тем временем уже успел породниться (с Иродом). Антоний выслушал обе стороны в Дафне²¹ и затем спросил Гиркана, кто из них лучше умеет править народом. Когда же тот указал на Ирода, Антоний, который и раньше относился к нему благосклонно в память своей давнишней дружбы к отцу его, с которым он и Габиний некогда были в наилучших приятельских отношениях, назначил обоих братьев тетрархами²² и поручил им заведование всеми делами иудеев, причем утвердил их в этом сане специальной грамотой. Вместе с тем он распорядился арестовать пятнадцать противников их. Когда же он собрался казнить их, его отговорили от этого намерения приверженцы Ирода.

2. Впрочем, вернувшись с такой неудачей послы все-таки не отчаивались, но послали еще тысячу человек к Антонию в Тир, куда тот, по слухам, должен был приехать. Однако Антоний, успевший получить от Ирода и его брата большие взятки, отдал приказ наместнику казнить иудейских посланных, которые-де стремятся к возбуждению смут, и поддерживать приверженцев Ирода. В то же время Ирод (находившийся вместе с Гирканом на песчаной равнине перед городом) тотчас пошел к ним навстречу и посоветовал им удалиться, чтобы, в противном случае, не подвергнуться крупной беде. Послы не послушались этого совета, и тогда внезапно выбежавшие (из города) и вооруженные короткими мечами римляне многих из них перебили, а некоторых ранили. Остальные же обратились в бегство, вернулись домой и прятались в ужасе. Когда народ стал громко роптать на Ирода, Антоний разгневался и приказал умертвить арестованных.

3. На следующий год Сирией овладели царский сын Пакор и парфянский сатрап Барзафарн. В это время умер также и Птолемей Менней; получивший после него престол сын его Лисаний заключил дружбу с сыном Аристовула, Антигоном, причем это дело уладил (вышеуказанный) сатрап, который пользовался у него огромным влиянием. Антигон обещал дать парфянам тысячу талантов и пятьсот женщин, если они лишат Гиркана власти, передадут ее ему и убьют при-

верженцев Ирода. Впрочем, обещания своего он (впоследствии) не сдержал. Ввиду этого парфяне пошли войной на Иудею, собираясь сделать царем Антигона; Пакор двинулся по прибрежной полосе, Барзафарн же вторгся изнутри страны. Тирийцы не впустили Пакора, сидоняне же и птолемаидцы приняли его к себе.

Тогда Пакор отправил в страну иудейскую конный отряд для рекогносцировки и поддержки Антигона. Начальствовал над этим отрядом царский виночерпий, носивший с ним одно и то же имя. Когда же многие из живших около горы Кармела иудеев явились к Антигону с изъявлением желания принять участие в его экспедиции, Антигону показалось вероятным, что он при их помощи овладеет частью страны. Место это называется Дримы. Но здесь им было оказано сопротивление, и они распались и двинулись (окольными путями) к Иерусалиму. Так как по дороге к ним присоединялись новые приверженцы, то в конце концов образовался значительный отряд, который явился к царскому дворцу и приступил к его осаде. Однако люди Фасаила и Ирода немедленно явились на помощь; произошел бой на площади, и тогда молодежь побила врагов, вогнала их в храм и разослала по ближайшим домам воинов для ограждения их. Однако поднявшийся против них народ, видя их покинутыми союзниками, сжег их вместе с этими домами. За это насилие, впрочем, немного спустя Ирод сильно отомстил своим противникам, сразился с ними и перебил многих из них.

4. Пока между ними ежедневно происходили стычки, враги стали поджидать из страны прибытия простонародья, которое должно было явиться к так назыв. празднику пятидесятницы. Когда же наступил этот праздник, около храма собралось несколько десятков тысяч людей вооруженных и безоружных. Они заняли святилище и весь город, исключая окрестностей дворца, который был еще во власти Ирода и его немногочисленного военного отряда. И вот, пока Фасал охранял стену, Ирод во главе отряда двинулся на врагов через городское предместье и, сразившись тут с ними в жестоком бою, обратил в бегство много десятков тысяч, причем одни из его противников бежали в город, другие в храм, третьи в находящееся вне города небольшое укрепление, которое там имеется.

При этом Фасаил оказал брату должную поддержку. Тем временем парфянский военачальник Пакор по просьбе Антигона прибыл в город во главе немногочисленного конного отряда под предлогом подавить восстание, на самом же деле с тем, чтобы помочь Антигону добиться власти. Так как Фасаил выехал ему навстречу и принял его дружелюбно в свой дом, то Пакор стал уговаривать его отправить его во главе посольства к Барзафарну, причем имел в виду коварный какой-то замысел. Ничего дурного не подозревавший Фасаил так бы и поступил, если бы Ирод не удержал его от этого шага, не доверяя варварам. Напротив, он советовал принять меры предосторожности относительно Пакора и его спутников.

5. Впрочем, Гиркан и Фасаил все-таки отправились (к сатрапу), и Пакор, оставя у Ирода двести всадников и десять человек отборного отряда, известного под именем «свободных», поехал вместе с ними. Когда они прибыли в Галилею, к ним навстречу выступили с оружием в руках начальники тамошних городов. Барзафарн принял (иудеев) сперва любезно и одарил их подарками, а затем стал злоумышлять против них. Фасаил с товарищами был помещен вблизи (города) Экдиппона²³ недалеко от моря.

Когда они тут узнали, что Антигон обещал парфянам за них тысячу талантов и пятьсот женщин, то они стали уже с подозрением относиться к варварам, тем более что кто-то сообщил им, будто на них ночью готовится нападение и будто с этой целью за ними наблюдает специальная стража. Они действительно были бы схвачены, если бы варвары не вздумали подождать, пока остававшиеся в Иерусалиме парфяне не схватят Ирода, чтобы он не убежал от них, если узнает об избиении своих товарищей. Так оно и было на самом деле, и иудеи (своими собственными глазами) видели стражу. Тогда кое-кто посоветовал Фасаилу сесть на коня и не ждать дольше. Особенно побуждал его к этому Офеллий, который узнал (о коварных помышлениях парфян) от некоего Самаралла, самого богатого в то время сирийца, и обещал приготовить корабли для бегства, ибо море было близко. Однако Фасаил не желал покидать Гиркана и навлекать опасность на брата. Поэтому он отправился к Барзафарну и представил ему всю незаконность его действий, если он так злоумышляет

против них. При этом он обещал ему заплатить больше денег, чем дал бы ему Антигон, и указал на то, что для него было бы опасно убивать явившихся к нему на основании его слова послами ни чем не обидевших его людей. На это варвар стал клясться, что все эти опасения нисколько не основательны и что он мучается ложной подозрительностью. Затем он отправился к Пакору. После его отъезда несколько парфян заключили Гиркана и Фасаила в оковы, а эти несчастные стали осыпать парфян бранью за их вероломство.

6. Отправленный к Ироду виночерпий получил поручение выманить Ирода за стены города и там схватить его. Между тем, Фасаилом были посланы люди с извещением о коварстве парфян, но эти вестники были перехвачены врагами. Когда об этом узнал Ирод, он обратился к Пакору и к парфянским военачальникам, которые, в силу своего высокого положения, являлись начальниками остальных парфян. Хотя им на самом деле и было все известно, однако они коварно прикинулись, будто ничего не знают, и предложили Ироду выехать в их обществе за город навстречу послам, которые привезут извещение; при этом парфяне уверяли, что эти посланные отнюдь не захвачены врагами, но скоро явятся с извещениями о том, как устроился Фасаил. Ирод им не поверил, потому что узнал из других источников о плене своего брата. Когда же его предупредила о том еще его теща, дочь Гиркана, он стал еще осторожнее относиться к парфянам. Хотя другие и не очень доверяли ей, однако сам Ирод поверил этой в высшей степени умной женщине.

7. Пока парфяне совещались о дальнейшем образе действий (они не решались открыто напасть на человека, занимавшего столь видное положение) и сговаривались отложить исполнение своего плана до следующего дня, Ирод был крайне смущен и, более доверяя тому, что он узнал о судьбе своего брата и о кознях парфян, чем уверениям противоположного характера, с наступлением вечера решил воспользоваться темнотой для бегства и более не медлить, как будто бы угрожавшая ему со стороны врагов опасность была еще недостаточно определена. Поэтому он собрал своих воинов, посадил на вьючных животных женщин, а именно мать, сестру и невесту, внучку Аристовула, равно как мать последней (дочь Гиркана), а также младшего своего брата,

равно как всю прислугу и домочадцев, Ирод незаметно от врагов двинулся по направлению к Идумее. Впрочем, навряд ли нашелся бы тогда столь черствый сердцем враг, который, присутствуя при этом, не пожалел бы о судьбе этих людей, видя, как женщины прижимали к себе младенцев и со слезами и рыданиями покидали теперь свою отчизну и томившихся в оковах друзей своих, идя навстречу собственной весьма неопределенной будущности.

8. Между тем Ирод, возвышаясь над постигшим его страшным ударом, сам нисколько не терял мужества и присутствия духа, но во время пути утешал еще своих спутников и уговаривал их не предаваться слишком печали, потому что это только помешает их бегству, в котором одном заключается все их спасение.

Ввиду утешений Ирода те действительно по мере сил старались спокойнее переносить постигшее их горе. Впрочем, сам Ирод чуть было не наложил на себя рук, когда один из мулов оступился и мать Ирода подверглась при этом большой опасности. Этот порыв его был вызван не только мыслью о матери, но и опасением, как бы не попасть в руки гнавшихся за ними неприятелей, вследствие происшедшей от этого падения задержки. Он было уже извлек свой меч и собирался пронзить себя им, но тут его удержали более многочисленные спутники и указали ему, что он не может бросить их на произвол врагов, ибо неблагородно избегать самому опасности и тем самым ввергать в нее близких людей. Таким образом, Ирод был удержан от приведения в исполнение своего отчаянного намерения отчасти чувством самолюбия, отчасти убеждениями, отчасти же множеством лиц, не допустивших его наложить на себя руки. Когда же тем временем и мать его опять пришла в себя и оправилась, насколько позволяли обстоятельства, благодаря окружавшим ее попечениям, Ирод стал продолжать начатый путь и по возможности скорее пытался достигнуть крепости Масады. По дороге ему пришлось часто сражаться с выступавшими ему навстречу и преследовавшими его парфянами, но он (постоянно) оставался победителем.

9. Впрочем, во время своего бегства Ирод подвергался опасностям также со стороны иудеев, которые напали на него с оружием в руках по пути, когда он успел удалиться от

города на расстояние шестидесяти стадий. Однако он побил их так, как будто бы он не был захвачен в тяжелую и критическую минуту, но был наилучшим образом вооружен и стоял во главе огромного специально готового к бою войска.

Впоследствии, когда Ирод стал уже царем, он воздвиг на месте этой своей победы над иудеями великолепный дворец и положил основание городу, который назвал Иродиадой. Когда Ирод достиг идумейского города Фрисы, навстречу ему выступил брат его Иосиф и стал совещаться с ним о дальнейшем образе действий, потому что с Иродом шла значительная масса народа, помимо наемных воинов, а Масада, куда он хотел укрыться, не могла вместить в себе такого огромного числа людей. Тогда Ирод отпустил от себя большинство их, более девяти тысяч человек, предложив им по мере возможности укрываться в Идумее и дав им деньги на дорогу. Сам же он с самыми ловкими и преданными удалился в крепость, оставил там женщин и свиту (около восьмисот человек) благодаря значительным в крепости запасам хлеба, воды и прочих припасов, а сам двинулся к Петре Аравийской.

Тем временем с наступлением дня парфяне стали грабить все в Иерусалиме и, между прочим, царский дворец, оставив, впрочем, нетронутым имущество Гиркана, доходившее стоимостью до трехсот талантов. Однако многое из имущества Ирода ускользнуло от них, главным образом потому, что этот умный и предусмотрительный человек заранее предупредил их, отослав главные свои ценности в Идумею. Однако парфяне не удовлетворились тем, что нашли в городе; поэтому они предавали грабежу и разорению также все его окрестности и разрушили при этом весьма могущественный город Мариссу.

10. После того как Антигон таким образом был вновь водворен в Иудее, при помощи парфянского царя он получил от него пленных Гиркана и Фасаила. Впрочем, он был в довольно безысходном положении, так как у него ускользнули те женщины, которых он должен был сообразно своему обещанию отдать врагам вместе с деньгами. Вместе с тем он опасался также, как бы народная масса не вздумала вернуть царскую власть Гиркану (которого стерегли парфяне), и потому он велел отрубить ему уши, рассчитывая лишить его таким образом возможности быть первосвященником вслед-

ствие телесного порока, так как закон требовал, чтобы сан первосвященника занимало лицо нормально сложенное.

Нужно изумляться присутствию духа Фасаила, который, при известии о предстоящей ему казни, вовсе не утратился смертию, но, считая такую смерть от руки врага слишком тяжелой и позорной, не имея возможности лично наложить на себя руки вследствие оков, решил разбить себе голову о стену. Таким образом он сам лишил себя жизни, причем этот род смерти казался ему наиболее достойным в его безысходном положении: он все-таки лишил врага своего удовольствия казнить его по своему усмотрению. Говорят, что, когда он умирал от своей тяжелой раны, Антигон послал к нему врачей, якобы для подания помощи, но на самом деле, чтобы окончательно отравить его. Но раньше, чем Фасаил испустил дух, некая женщина принесла ему известие, что его брат Ирод избег преследований врагов. Поэтому Фасаил спокойно встретил смерть, зная, что остается в живых человек, который сможет отомстить за его смерть и жестоко наказать врагов²⁴.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1. Тем временем Ирод не отчаивался в постигших его крупных несчастьях, но изо всех сил старался выпутаться из затруднительного положения. Напр., он отправился к арабскому царю Малху, которому он раньше оказал целый ряд услуг, и рассчитывал получить от него столь нужную ему теперь денежную помощь, в виде ли ссуды или в форме подарка, так как царь сам в свое время немало попользовался его щедростью. Так как Ирод пока не знал еще ничего о постигшей его брата судьбе, то он спешил освободить его из рук врагов и был готов заплатить за него крупный выкуп, хотя бы стоимостью в триста талантов. Ввиду этого он захватил с собой также семилетнего сына Фасаила, чтобы оставить его арабам в качестве заложника. Когда же ему навстречу выехали послы Малха с просьбой вернуться назад (дело в том, что Малх утверждал, будто бы парфяне запретили ему принять Ирода; впрочем, эта отговорка служила лишь предлогом, чтобы не возвращать Ироду долга, а также была вызвана убеждениями знатнейших арабов, которые не желали лишаться денежных сумм, оставленных им некогда Антипатром),

тогда Ирод ответил им, что целью его приезда вовсе не является желание стеснить арабов, но необходимость посоветоваться (с царем) о крайне неотложных делах.

2. Затем, однако, Ирод все-таки считал более разумным удалиться в Египет. Тогда он прибыл в какое-то святилище (где он оставил небольшой отряд своих приверженцев), а на следующий день в Ринокоруру, где узнал о судьбе, постигшей его брата. Тем временем, впрочем, Малх успел одуматься и поспешил вслед за Иродом, однако не мог его догнать, потому что последний, спеша к Пелузиуму, удалился значительно вперед. Когда он прибыл туда и находившиеся там корабельщики не захотели повезти его в Александрию, он обратился к начальствующим лицам. Принятый последними с почтением и сопутствуемый ими к городу, он прибыл туда и был там удерживаем Клеопатрой. Однако Клеопатра не смогла уговорить его остаться у нее, потому что он вследствие наступления зимы спешил в Рим, тем более что из Италии приходили вести о тамошних смутах и больших политических переменах.

3. Поэтому Ирод поехал отсюда (на корабле) в Памфилию; его застигла страшная буря, и он с трудом спасся в Родосе, потеряв при этом, однако, свой багаж. Тут он встретил двух друзей, Сашина и Птолемея. Найдя город страшно разоренным вследствие войны Кассия, он, несмотря на личный недостаток средств, все-таки не мог удержаться от того, чтобы не поддержать его, и помог ему свыше сил своих. Затем он велел снарядить себе трирему и поехал на ней в сопровождении друзей своих в Италию, где и высадился в Брундузиуме. Прибыв затем в Рим, он сперва сообщил Антонию о событиях в Иудее, а именно, как был загублен взятый парфянами в плен брат его Фасаил, как Гиркан (до сих пор) находится у них в плену, как парфяне провозгласили царем Антигона, обещавшего им (за это) тысячу талантов деньгами и пятьсот женщин из наиболее знатных семейств, как он сам, Ирод, однако, увез этих женщин ночью и как ему удалось избежать врагов, претерпев множество лишений; как затем его домашние подвергаются крайней опасности вследствие осады и как он сам, несмотря на зимнее время и забыв о всяких личных неудобствах, приплыл сюда в уповании исключительно на его, Антония, помощь.

4. Антоний сжалился над постигшим Ирода бедствием, и так как подумал о том, что и самые могущественные люди зависят от превратностей судьбы в такой же точно мере, как и угнетенные, он, в память прежних дружественных отношений к Антипатру, а также побуждаемый обещанными Иродом, в случае назначения своего царем, денежными суммами (он заплатил ему и раньше, когда был назначен тетрархом), особенно же вследствие ненависти к Антигону (в котором видел опасного для римлян мятежника), охотно согласился поддержать Ирода и исполнить его просьбу. Сам Цезарь также выразил готовность исполнить желание Ирода и поддержать его, потому что он памятовал о походе Антипатра вместе с отцом его в Египет, равно как его гостеприимство и во всех отношениях предупредительную любезность, а также потому, что желал сделать угодное Антонию, который особенно отстаивал интересы Ирода. Когда затем собрался совет, представленные Иродом Мессала, а за ним Атратин рассказали об услугах, оказанных отцом его (Антипатром) римлянам, вспомнили о всегдашнем его расположении к ним, а также стали обвинять Антигона во враждебных римлянам замыслах, что видно не из одного того только, что он напал на них, но главным образом из того, что он, совершенно помимо римлян, добился власти при помощи парфян. Так как сенат не скрыл при этом своего гнева, то Антоний немедленно явился с указанием, что для предстоящей парфянской войны было бы полезно провозгласить Ирода царем. Это предложение было принято и единогласно утверждено.

5. Так ревностно соблюдал Антоний интересы Ирода, что не только выхлопотал ему, не рассчитывавшему вовсе на это, царскую власть, но и добился того, чего уже никак не ожидал Ирод, что он мог в качестве царя выехать спустя семь дней из Италии. (Дело в том, что Ирод хотел домогаться царского достоинства не для себя лично, так как не рассчитывал на это, потому что римляне имели обыкновение провозглашать царями лишь лиц соответствующего происхождения, а для своего шурина Аристовула, который был внуком Аристовула со стороны отца и внуком Гиркана по матери.) Этого молодого человека Ирод, впрочем, казнил, как мы покажем в свое время.

Когда окончилось заседание сената, Антоний и Цезарь вышли оттуда в сопровождении Ирода, консулов и всех остальных должностных лиц, для того чтобы принести (установленную) жертву и поместить состоявшееся решение в Капитолии. Затем Ирод в первый день своего царствования обедал у Антония.

Таким образом, он достиг царской власти в сто восемьдесят четвертую олимпиаду, во вторичное консульство Гнея Дометия Кальвина и (в первое) Гая Азиния Поллиона.

6. В течение всего этого времени Антигон осаждал заключившихся в Масаде, причем у них было вдоволь всяких жизненных припасов и ощущался лишь недостаток в воде, так что вследствие этого брат Ирода, Иосиф, решил было с двумястами своих людей бежать к арабам, так как до него дошли слухи, что Малх раскаивается в своей проступке относительно Ирода. От исполнения этого предприятия, впрочем, сам Господь Бог удержал Иосифа, послав ночью дождь: когда водоемы наполнились влагой, не было более необходимости бежать, и все теперь снова ободрились, тем более что в пополнении недостававшего запаса воды они усматривали поддержку, оказанную им самим Предвечным. Поэтому они рискнули сделать вылазку и сразиться с войсками Антигона, отчасти в открытом поле, отчасти под прикрытием. При этом они перебили множество неприятелей. В то время прибыл за парфянами в Иудею римский полководец Вентидий, посланный из Сирии для того, чтобы прогнать парфян. Он явился якобы на помощь Иосифу, на самом же деле вся цель его была при этом получить взятку с Антигона. Расположившись поэтому вблизи самого Иерусалима, он тотчас получил от Антигона деньги и сам удалился с большей частью своего войска; а для того, чтобы не навлекать на себя подозрения (в подкупе), он оставил тут Силона с отрядом. Антигон, впрочем, подкушил и его и обезопасил себя этим, рассчитывая, между прочим, на то, что парфяне вторично поддержат его²⁵.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1. Когда вскоре затем Ирод приехал из Италии в Птолемаиду и набрал там значительное войско, состоявшее отчасти из наемников, отчасти из единоплеменников (иудеев), он

направился по Галилее против Антигона. Вместе с тем к нему примкнули также Силон и Вентидий, которых уговорил посланный Антонием Деллий поддержать Ирода. Вентидий был как раз занят тем, что подавлял беспорядки, возникшие в различных городах благодаря парфянам, тогда как Силон, подкупленный Антигоном, пребывал в Иудее. Между тем, по мере того как Ирод продвигался вперед, могущество его росло с каждым днем, и, за малыми исключениями, к нему присоединилась вся Галилея. Когда же он двинулся к Масаде (где было необходимо выручить осажденных родственников), город Яффа представил ему некоторую задержку; ввиду его враждебности пришлось сперва взять этот город, чтобы, при дальнейшем следовании Ирода к Иерусалиму, не оставалось крепости в тылу для врагов. При этом Силон воспользовался представившимся случаем изменить свою позицию; когда же иудеи принялись преследовать его, Ирод пошел во главе небольшого отряда, поспешил к нему на выручку, обратил иудеев в бегство и тем спас Силона, очутившегося было в крайне затруднительном положении. Взяв затем Яффу, Ирод поспешил на выручку своих родных. Из жителей многие теперь примкнули к нему отчасти вследствие расположения к отцу Ирода, отчасти ввиду славы, которая следовала за Иродом, отчасти в воздаяние оказанных ими обоими услуг, большинство же было побуждаемо к тому надеждами, которые возникали у них относительно будущего, когда Ирод утвердит за собой царскую власть.

2. Таким образом, у Ирода набиралось внушительное войско, и по мере того как он двигался вперед, Антигон занимал своими отрядами самые важные пункты по пути следования его или помещал в них засады; впрочем, все это вовсе или, по крайней мере, очень мало вредило врагам. Ирод освободил своих родственников в Масаде, взял крепость Фрису и двинулся на Иерусалим, причем вместе с ним шло не только войско Силона, но к нему примкнули также многие из жителей Иерусалима, испугавшиеся его могущества. Когда Ирод расположился лагерем на западной стороне города, то поставленная здесь стража стала стрелять из луков и метать дротики; некоторые отряды рискнули даже выйти из города и вступили в борьбу с авангардом Ирода. Тогда Ирод в первый раз приказал возвестить под стенами (горо-

да), что он, явившись лишь для блага народа и спасения города, готов не только забыть все обиды, нанесенные ему его отъявленными врагами, но и дать амнистию за самые тяжкие провинности. В ответ на это воззвание Ирода Антигон обратился к Силону и римскому войску, что они нарушат всякую справедливость, если отдадут царскую власть Ироду, который является совершенно частным лицом и притом идумеянином, т.е. полуевреем, тогда как по справедливости и обычаям (страны) эта власть должна принадлежать лишь кровным иудеям. Если, продолжал он, иудеи теперь и недовольны тем, что он (Антигон) добился царской власти при помощи парфян, и решили ее отнять у него, то все-таки имеется еще много членов его семьи, которые, не причинив никакого зла римлянам и вдобавок будучи священниками, совершенно несправедливо терпят обиду, будучи лишены этой власти; впрочем, они сумеют добиться ее. Пока происходили переговоры, перешедшие затем в ругань, Антигон распорядился отогнать врагов от стены. Последние, однако, принялись за стрельбу из луков и, пустив в ход всю свою храбрость, без труда согнали противников с их башен.

3. Тогда-то Силон явно обнаружил, что его подкупили. Дело в том, что по его наущению многие из солдат стали громко роптать на недостаток съестных припасов и требовать денег для приобретения их, причем просили, чтобы их отвели в более удобные места на зимние стоянки, потому что все окрестности города разорены солдатами Антигона. Вследствие этого весь лагерь заволновался и сделал попытку удалиться. Однако Ирод стал энергично убеждать военачальников Силона и его солдат не покидать его, ссылаясь при этом на то, что они следуют за ним по приказанию Цезаря, Антония и сената. При этом он говорил, что позаботится об их благополучии и без труда доставит им в изобилии все, чего бы они ни пожелали. После этого обещания он немедленно двинулся в глубь страны и тем самым лишил Силона всякого повода к отступлению; при этом ему удалось добыть такое множество припасов, на какое никто не мог рассчитывать, и послал своим друзьям в Самарии просьбу доставить к нему в Иерихон хлеба, вина, оливкового масла, скота и всего прочего, дабы его войско не терпело ни малейшего недостатка. Об этом узнал также Антигон, и потому он немедленно распорядился разо-

слать по окрестностям отряды, которые должны были перехватить обозы (Ирода). Сообразно приказанию Антигона, около Иерихона собралось значительное войско, которое засело в горах и стало ожидать прохода транспортов. Впрочем, и Ирод, в свою очередь, не дремал. С десятью когортами, пятью римскими и пятью иудейскими, равно как с отрядом наемников, к которым было присоединено еще несколько кавалерии, он двинулся к Иерихону. Город этот он нашел покинутым жителями; лишь пятьсот человек заняли с женами и детьми крепость, но Ирод взял ее и отпустил их; римляне тем временем рассыпались по городу и стали грабить его, причем нашли в жилищах множество всевозможных драгоценностей. Затем царь оставил в Иерихоне гарнизон, сам вернулся назад и отпустил римское войско на зимовье в преданные ему области — Идумею, Галилею и Самарию. Вместе с тем и Антигон путем подкупа добился от Силона согласия на оставление части войска в Лидде; этим он думал снискать себе расположение Антония. Таким образом, римляне, освободясь от военной службы, устроились отлично.

4. Ирод, однако, не желал пребывать в бездействии. Послав в Идумею брата своего, Иосифа, во главе двух тысяч пехотинцев и четырехсот всадников, он сам направился к Самарии. Устроив тут свою мать и прочих домашних, освободившихся тем временем от заключения в Масаде, Ирод пошел в Галилею с целью занять несколько пунктов, где были помещены гарнизоны Антигона. Прибыв при снежной выюге в Сепфорис, причем отряд Антигона покинул город, он завладел богатым запасом продовольствия. Так как там жило в пещерах несколько разбойничьих шаек, он выслал против них отряд конницы и три когорты пехоты и решил прекратить грабежи. Это произошло в непосредственной близости к деревне Арбеле. На сороковой день явился сам Ирод во главе всего своего войска, и хотя враги выступили ему навстречу весьма храбро, однако правое крыло их дрогнуло; когда же они вступили в бой с отрядом самого Ирода, то они, которые одержали уже победу, обратились в бегство, и воины царя преследовали их. Таким образом, Ирод гнал за ними до реки Иордан, а также за теми, которые бежали по другим дорогам. Таким путем Ирод подчинил себе всю Галилею, исключая разбойничьих шаек (в горных пещерах). После этого он

роздал войску денежные награды, а именно — каждому солдату вручил полтораста драхм, а начальникам гораздо более. Затем уже он разместил все войско по зимним квартирам. В это время прибыли к нему Силон и другие находившиеся на зимних стоянках военачальники, потому что Антигон отказался давать им продовольствие дольше месячного срока. Вместе с тем Антигон распорядился отдать всем своим приверженцам в окрестностях приказ собрать все припасы, имеющиеся в стране, и бежать с ними в горы, дабы римляне, лишенные всего необходимого, погибли от голода. Между тем Ирод поручил своему младшему брату Фероре позаботиться об этих людях и вместе с тем приказал ему вновь отстроить Александреум; последний быстро доставил войску в изобилии все нужное, а также укрепил покинутый всеми город Александреум.

5. Около того же времени Антоний находился в Афинах. Вентидий между тем, послав Силона против парфян в Сирию, поручил ему сперва поддержать в этой войне Ирода, а затем уже собрать союзников для римского похода. Ирод, однако, отправил Силона обратно к Вентидию, а сам собрался лично покончить с разбойничьими шайками в пещерах и с этой целью двинулся против них. Пещеры находились в крайне недоступных горах, и вход в них был среди почти отвесных скал, защищенных остроконечными утесами. В этих пещерах разбойники укрывались со своими семействами. Тогда царь распорядился соорудить большие кованые ящики и спустить их на железных цепях с вершины гор, потому что его люди не могли спуститься по скатам, благодаря их отвесности, ни же подняться наверх (по той же причине). Эти ящики были полны воинов, снабженных длинными баграми, которыми они должны были схватывать выходящих из пещер разбойников и сбрасывать их затем вниз. Впрочем, спуск этих ящиков представлял значительную опасность ввиду необычайной глубины пропастей. В то же самое время разбойники (в пещерах) были снабжены в достаточной мере продовольствием и всем нужным; когда же ящики были спущены вниз, никто из разбойников не решился выйти на площадки перед пещерами, но все были в большом страхе. Тогда один из воинов (Ирода) опоясался мечом, ухватился обеими руками за цепь, на которой висел ящик, и выскочил на площадку, сердясь на то, что разбойники не решаются выйти к нему. Подойдя за-

тем к входу в пещеру, он сперва своими копытами перебил множество столпившихся у входа, а затем схватил багром тех, кто двинулся вперед, вытащил их на площадку и сбросил в пропасть. После этого он проник в самую пещеру, убил там множество разбойников, а затем спокойно прыгнул обратно в свой ящик. Тогда на остальных врагов напал страх, они услышали стоны умирающих и стали отчаиваться в своем спасении. Однако наступление ночи положило конец всему этому предприятию. Когда царь возвестил им требование сдаться, многие вышли, отдались во власть его и обещали ему покорность. Точно таким же образом продолжалась осада (остальных) на следующий день, тем более что солдаты стали смелее выскакивать из ящиков и драться у входа в пещеры, куда они также кидали огонь, чтобы опустошить внутренности пещер, где было собрано много дров. При этом один старик, заключенный в пещере с семьей сыновьями своими и женой, сделал следующее: когда члены его семьи просили его разрешить им выйти на площадку и отдаться во власть римлян, он сам встал у входа и поочередно перебил всех выходящих детей своих, равно как и жену. Затем он сбросил тела их в пропасть и за ними сам ринулся вниз, предпочитая смерть рабству. Перед этим он еще стал хулить Ирода за его низкое происхождение, хотя царь (присутствовавший при всем этом) и простирал к нему правую руку, обещая полную безопасность. Таким образом все пещеры в конце концов были заняты.

6. После этого царь поручил Птолемею охрану этих местностей, а сам во главе шестисот всадников и трех тысяч пехотинцев двинулся к Самарии с целью решить спор свой с Антигоном на поле брани. Однако командование Птолемея окончилось для него неудачей, потому что те отряды, которые и раньше производили смуты в Галилее, напали на него и убили его, после чего бежали в болота и неприступные местности, предавая все на пути своем разграблению. Однако Ирод сейчас же вернулся и наказал их, перебив часть мятежников и подвергнув осаде других, которые бежали в укрепления. Укрепления эти он взял, а людей перебил. Этим он раз навсегда подавил в них стремление к мятежам, а города в наказание обложил данью в сто талантов.

7. Тем временем Пакор пал в битве, и счастье отвернулось от парфян. Тогда, по приказанию Антония, Венгидий послал

Ироду на помощь Махера с двумя легионами и тысячей всадников. Между прочим, Махер, несмотря на увещевания Ирода, склонился на подкуп со стороны Антигона и удалился под предлогом ближе ознакомиться с положением дел последнего. Но, подозревая его истинные намерения, Антигон не стал дожидаться его прибытия, но встретил его градом камней пращников, тем самым показывая ему, что он понял его планы. Когда теперь Махер убедился, что Ирод посоветовал ему наилучшее и что он, не вняв его совету, поступил нехорошо, он двинулся назад к городу Эммаусу и в гневе на постигшую его неудачу стал избивать всех попадавших к нему по пути иудеев, невзирая на то, враждебны ли они или дружественны ему. Тогда царь, в свою очередь, страшно рассердился и пошел к Самарии. Он решил пожаловаться Антонию и сказать ему, что не нуждается в таких союзниках, которые приносят больше вреда ему, чем врагам, и что он сам в силах справиться с Антигоном. Однако Махер последовал за ним и стал упрасивать остаться здесь или, по крайней мере, в случае ухода все-таки оставить при нем брата своего Иосифа, чтобы он вместе с ним мог воевать с Антигоном. Усиленные просьбы Махера заставили Ирода склониться на его сторону; он оставил ему Иосифа с войском, но советовал брату остерегаться опасности и не ссориться с Махером.

8. Сам Ирод поспешил к Антонию (который как раз в это время осаждал город Самосату на Евфрате), имея для своего прикрытия отряды конный и пеший. Прибыв в Антиохию и найдя там множество лиц, которые непременно желали поехать к Антонию, но не решались на это из боязни подвергнуться по пути нападению варваров и погибнуть, он смело предложил взять на себя главенство в этой экспедиции. В расстоянии двухдневного перехода от Самосаты туземцы устроили засаду, чтобы лишить Антония подвоза (припасов), причем эти люди заняли лесные опушки при входе в равнину, а значительные спрятанные там же конные отряды должны были дожидаться, пока проезжающие не вступят на равнину. Когда проехали первые части и проследовал в арьергарде Ирод, на него внезапно бросилось из засады до пятисот врагов. Первые ряды быстро были обращены в бегство, царь же ринулся немедленно вперед на выручку товарищей и стал рубить врагов; этим он вновь

возбудил мужество своих людей и придал им отваги, а так как тем временем бежавшие вернулись назад, то на варваров отовсюду посыпались удары, и множество их подверглось избиению. Царь сам налег на них изо всех сил и двинулся вперед тогда лишь, когда ему удалось отбить у врагов все то, что они успели было похитить (множество выючного скота и рабов). Когда же затем на них напало еще более значительное количество врагов, находившихся в засаде в лесах при выходе из равнины, Ирод вступил и с ними в отчаянный бой, обратил их в бегство и, перебив множество их, дал своим спутникам, которые называли его теперь своим спасителем и заступником, возможность беспрепятственно совершать дальнейший путь свой.

9. Когда Ирод приблизился к Самосате, Антоний выслал ему навстречу войско и личную свою свиту, чтобы выразить ему этим свое почтение и оказать поддержку: Антоний уже знал о нападении варваров. Он с удовольствием ждал приезда Ирода, и так как узнал о подвигах, совершенных им в пути, то принял его с выражением удивления его храбрости, немедленно заключил его в объятия и принял его с тем большим почетом, что он сам недавно провозгласил его царем. Так как немного спустя Антиох сдал Антонию свою крепость и тем самым война окончилась, Антоний поручил Соссию Сирию с приказанием поддерживать Ирода, а сам двинулся в Египет. Соссий тотчас выслал два легиона в Иудею для поддержки Ирода, а сам с ядром своего войска последовал за ним.

10. В это время в Иудее умер Иосиф следующим образом: он совершенно забыл о том, что советовал ему брат его при отъезде к Антонию, и расположился лагерем на склонах гор (дело в том, что он во главе предоставленных ему Махером пяти когорт собирался двинуться на Иерихон, чтобы овладеть посеянным тамошними хлебом). Но так как римский отряд состоял из одних только новобранцев, которые были еще неопытны в военном деле (тем более что большинство этих людей было набрано в Сирии), то, когда на него там напали враги, он увидел себя в критическом положении и должен был умереть. Пал он, сражаясь геройски, и потерял при этом всех своих воинов, именно шесть когорт. Победив таким образом врагов, Антигон велел отрубить Иосифу голову, а брат последнего, Ферора, предложил ему за нее пятьдесят

талантов. После этого галилеяне отложились от своих наместников и потопили приверженцев Ирода в озере²⁶. В Иудее (также) произошли значительные смуты. Тем временем Махер принялся за укрепление местечка Гитты.

11. К царю, между тем, явились вестники с сообщением о случившемся и довели до его сведения в антиохийской Дафне о судьбе его брата, причем сам Ирод уже был предварен различными непреложными сновидениями о смерти брата. Поэтому он ускорил свое выступление к Ливанскому хребту, прибыл туда и, приняв в свое войско, состоявшее из одного римского легиона, еще около восьмисот туземцев, направился к Птолемаиде. Отсюда он ночью выступил во главе своего войска и пошел через Галилею. Тут против него выступили враги, но, будучи побеждены в битве, должны были вновь запереться в той крепости, откуда они вышли накануне. На заре Ирод совершил нападение на эту крепость, но так как он вследствие сильной снежной бури ничего не мог тут поделывать, то отступил со своим войском в ближайшие деревни. Когда же сюда прибыл к нему второй присланный ему Антонием легион, то враги, занимавшие укрепление, испугались и ночью покинули его. Затем царь поспешил к Иерихону, имея в виду отомстить жителям за смерть своего брата. Расположившись станом и угостив всех начальствующих лиц, Ирод затем отпустил их, а сам отправился в свою половину. Тут явилось доказательство милости Божьей к царю: дело в том, что в этот самый момент рушилась крыша дома, причем никого не ранила. Из этого все могли убедиться, как Предвечный любит Ирода, раз Он дал ему возможность избегнуть такой явной и великой опасности.

12. На следующий день шесть тысяч врагов спустились с горных вершин и своим желанием вступить в бой испугали римлян. Неприятельские легковооруженные выступили вперед и стали закидывать дротиками и камнями вышедший против них отряд царя, причем какой-то воин ударил самого Ирода копьем в бок.

Тем временем Антигон послал в Самарию полководца по имени Папи с небольшим отрядом, желая возбудить во врагах убеждение, что он ведет войну с большими силами, чем бы следовало. Этот полководец укрепился станом против Махера. Между тем Ирод (вскоре) взял пять городов, пере-

бил найденных и захваченных там жителей, число которых доходило до двух тысяч, а сам, сжегши эти города, двинулся на Паппа. Последний расположился станом около деревни Иканы. Тут (к Ироду) пристало множество людей из Иерихона и других частей Иудеи; когда же он подошел ближе и враги отчаянно ринулись ему навстречу, он сразился с ними и разбил их, а затем в отместку за убийство брата преследовал их до самой деревни, в которую они бежали, и по пути предавал их избиению. Так как все жилища были наполнены воинами и многие искали убежища на крышах, то Ироду пришлось взять их силой; когда же он велел разрушать крыши, то увидел, что внутри дома были полны воинов. Тогда сверху стали на них швырять глыбами камней и убивать их кучами. Это было самое ужасное зрелище за всю ту войну; груды тел были затем свалены друг на друга около стен. Это обстоятельство совершенно подавило мужество врагов, которым приходилось ожидать и себе такой же (печальной) участи.

Тогда вблизи деревни можно было видеть множество народа. Это были беглецы. Если бы не наступила жестокая зима, упоенное победой царское войско пришло бы к самому Иерусалиму и все дело было бы сделано, тем более что и Антигон ввиду всеобщего бегства теперь думал лишь об окончательном оставлении города.

13. Тогда царь, ввиду наступления вечера, отпустил солдат своих обедать, а сам, будучи очень утомлен, вошел в один из домов и стал купаться. Здесь (опять) он подвергся крайней опасности, из которой спасло его лишь Божье Провидение. Дело в том, что Ирод совсем уже разделся и при нем находился для услуг один только мальчик, как вдруг мимо него пробежал какой-то воин с обнаженным мечом и выскочил в дверь, за ним последовали с таким же оружием второй и третий. Эти воины бежали было в тот дом и скрывались внутри него из страха. Теперь они так были напуганы, что не тронули царя, думая об одном лишь, как бы самим беспренятственно спастись из дома. На следующий день Ирод распорядился отрубить у павшего Паппа голову и отослать ее Фероре в знак отпущения за судьбу брата: Папп собственноручно убил последнего.

14. По окончании зимы Ирод двинулся отсюда, подошел к самому Иерусалиму и расположился вблизи его лагерем. То

был уже третий год, что его назначили в Риме царем. Затем он двинулся вперед, подошел совсем близко к той части городской стены, которая была менее всего укреплена, и расположился лагерем перед самым храмом, имея в виду вести атаку точно таким же образом, как то некогда сделал Помпей. Он распорядился соорудить три вала в этой местности и воздвигнуть на них башни, причем работа шла крайне энергично и все окрестные деревья были срублены. Поручив эти работы специалистам, сам Ирод, пока его войско стояло здесь еще лагерем, поехал на свою свадьбу в Самарию, чтобы жениться там на дочери Александра и внучке Аристовула, с которой, как мной было выше упомянуто, он был обручен²⁷.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1. Свадьба эта была уже справлена, как через Финикию двинулся Соссий, выславший вперед часть своего войска изнутри страны, а сам во главе многочисленного конного и пешего отряда следовавший за ним. Тогда явился из самарянской области и царь, ведя с собой значительное подкрепление к прежним своим боевым силам: у него было теперь около тридцати тысяч человек. Все эти войска, в составе одиннадцати легионов, шести тысяч конницы и прочих вспомогательных сирийских сил, собрались под стенами Иерусалима и расположились станом у северной части города. Войска эти были под командой двух лиц: Соссия, посланного Антонием в качестве союзника, и Ирода, старавшегося ради себя самого лишить власти Антигона, который в Риме был объявлен врагом (республики), чтобы самому вместо него занять, сообразно сенатскому постановлению, царский престол.

2. Собравшиеся отовсюду иудеи тем временем с большим рвением и мужеством сопротивлялись войскам Ирода и, будучи заключены в стенах города, сильно хвастались (неприступностью) храма и прославляли народ свой, которого Господь освободит-де от угрожающих опасностей. Все то, что из припасов находилось еще вне города, они собрали к себе, чтобы ни самим врагам, ни их вьючным животным не оставалось никакой пищи, причем доставляли врагам затруднения своими неожиданными разбойничьими набегами. Когда об этом узнал Ирод, он поместил в наиболее соответствующую

щих местах засады для поимки разбойников, а для доставления припасов разослал на далекое пространство вооруженные отряды и таким образом собрал столько продовольствия, что вскоре у его войска было в изобилии все необходимое.

Вместе с тем благодаря дружной работе стольких рук вскоре были сооружены и три вала. Теперь было летнее время, так что ни погода, ни люди не могли помешать успешному ходу этих работ. Затем поместили (на валах) осадные орудия, стали поражать стену и пустили в ход все способы, чтобы овладеть городом. Тем временем, однако, осажденные нисколько этим не смущались, но, в свою очередь, употребляли все старания, чтобы ослабить начинания врагов; так, напр., при своих вылазках они поджигали полуготовые или уже совсем готовые осадные орудия, а в происходивших при этом стычках нисколько не уступали римлянам в смелости, хотя и не обладали их опытностью (в военном деле). Когда они разрушили первые осадные сооружения (римлян), неприятели воздвигли новые; иудеи приняли, в свою очередь, все меры, сражались под землей с солдатами, занятыми прокладкой подземных подкопов, и вообще бились в этой войне до крайности, скорее, впрочем, из отчаяния, чем по предварительно строго определенному плану, тем более что их осаждало такое значительное войско, да и донимали их голод и недостаток во всем необходимом, потому что тот год был субботним. И вот первыми из врагов взошли на стену двадцать добровольцев, а затем и центурионы Соссия. Первая стена была взята по истечении сорока дней, а вторая по прошествии пятнадцати дней. При этом были подожжены некоторые из храмовых портиков, в чем Ирод обвинил Антигона, имея в виду тем самым возбудить против него ненависть иудеев. Когда же были взяты окрестности храма и нижний город, иудеи бежали в самый храм и в верхнюю часть города. А так как они боялись, что римляне помешают продолжать ежедневные жертвоприношения Господу Богу, то они отправили к ним посольство с просьбой разрешить им ввоз исключительно жертвенных животных. Ирод позволил им это в расчете, что они теперь сдадутся ему. Когда же он увидел, что ошибся в своих надеждах и что иудеи особенно рьяно стоят за Антигона, он собрал все свои силы и штурмом взял город. Произошла страшная резня, так как римляне были разъярены

продолжительностью осады, а иудейские приверженцы Ирода не желали оставлять в живых ни одного противника. Тогда происходили массовые избиения на улицах, в домах и в храме, где жители искали убежища. Не было пощады никому: ни детям, ни старцам, ни слабым женщинам. Хотя царь повсюду посылал своих людей с просьбой щадить врагов, однако никто уже не сдерживал своих порывов, но предавал, как бы в оцепенении, всех и вся избиению. Тогда и Антигон, не думая о своей прежней, равно как и настоящей участи, покинул башню и бросился к погам Соссия. Последний, однако, отнюдь не сжалился над постигшей его неудачей, но резко накинулся на него и обзывал его Антигоной; впрочем, это не помешало ему не отпустить его, как женщину, на свободу; напротив, он велел связать его и отдать под стражу.

3. Теперь, победив врагов, Ирод задался целью обуздать также и своих иповерных союзников, потому что чужеземные войска собирались подвергнуть осмотру храм и его святыни. Одних царь удержал от этого путем убеждений, других угрозами, а некоторых пришлось прогнать даже с оружием в руках, потому что, если бы они узрели что-либо из запрещенного (видеть в храме), он считал бы победу хуже поражения.

Вместе с тем он запретил также вполне разграблять город, неоднократно спрашивая Соссию, разве римляне желают лишить город окончательно людей и имущества и оставить его (Ирода) царем пустыни, тогда как ему не хотелось бы купить владычество даже на всей Вселенной убиением стольких сограждан. Когда же тот возразил, что солдаты имеют право на грабеж вследствие участия своего в осаде, Ирод сказал, что он готов выдать каждому из них вознаграждение из своих собственных средств. Выкупив, таким образом, остальную часть города, царь исполнил свое обещание: он блестяще вознаградил каждого воина, подобающим образом одарил военачальников, а Соссию сделал прямо царский подарок, так что римляне расстались с ним богатыми людьми.

4. Это бедствие постигло Иерусалим в консульство Марка Агриппы и Квинция Галла, в третий месяц сто восемьдесят пятой олимпиады²⁸ и опять-таки в день поста, как бы для повторения постигшего иудеев несчастья при Помпее: двадцать семь лет тому назад, в этот же самый день город был

взят последним. Принеся затем в жертву Господу Богу золотой венец. Сосний ушел из-под Иерусалима и повез с собой в оковах Антигона, чтобы отдать его Антонию. Однако Ирод опасался, как бы Антигон не был пощажен Антонием, привезен им в Рим и там не был бы оправдан сенатом, если только он там заявит, что сам он происходит из царского рода, Ирод же простой человек, и что поэтому, несмотря на некоторые его провишности относительно римлян, все-таки по происхождению царская власть принадлежит детям Антигона. Опасаясь такого оборота дела, он большой суммой денег уговорил Антония казнить Антигона. После этого Ирод избавился от своего страха, а владычество асмонеев прекратилось после ста двадцати шести лет.

Эта семья отличалась блеском и славой, не только происходя из знатного рода и обладая первосвященническим саном, но и выдаваясь геройскими подвигами, совершенными предками на пользу народа²⁹. Но асмонеи потеряли власть благодаря своим постоянным распрям, и власть эта перешла к сыну Антипатра, Ироду, происходившему из простонародья, и из семьи, подчиненной царям. Однако довольно о семействе асмонеев³⁰.

КОММЕНТАРИИ

Глава первая

¹ Т.с. в 70 г. до Р. Хр.

² См. выше, стр. 229.

Глава вторая

³ На наши деньги около 375 рублей.

¹ Около 8 литров; стоимость такой меры определялась тогда, следовательно, в 4 рубля.

⁵ Срв. «Иуд. войну». I, 6, 3.

Глава четвертая

⁶ Срв. «Иуд. война» I, 6, 6: «Земля иерихонская -- самая плодотворная в Иудее, производящая в огромном изобилии пальмовые деревья и бальзамовые кустарники. Нижние части стволов этих кустов надрезываются заостренными камнями, и капающие из надрезов слезы собирают как бальзам». Вследствие этого во многих

местах Ветх. зав. Иерихон называется городом пальм. — О подробностях см. Boettger, l. с. р. 143—145.

⁷ Здесь, очевидно, имеется в виду Святая святых, доступ куда был разрешен лишь первосвященнику.

⁸ Срв. «Иуд. война» I, VI, 6—VII, 7.

Глава пятая

⁹ Таким образом, был упразднен центральный и раньше единственный синедрион страны, иерусалимский, состоявший из семидесяти членов и фактически управлявший всей страной.

Глава шестая

¹⁰ Срв. «Иуд. война», I, VIII, 7. В примеч. к русск. переводу (стр. 42, пр. 1) сказано: «В Египте в то время были два царя, оба побочные сыновья Птолемся Лафура: Птолемей Авлет в Александрии и Птолемей Кипрский — на Кипре. Оба приобрели свою власть подкупом; но теперь римский сенат рассудил, что пора прогнать бессильных царей и присоединить их владения к римскому государству. Посланный сенатом Катон без всякого труда подчинил остров, так как царь его отравился. Авлет же за свои жестокости был изгнан жителями Александрии, передавшими власть его зятю, жрецу Архелаю. Момент был очень удобный для того, чтобы уничтожить египетскую династию и превратить Египет в римскую провинцию. Но Помпей и Красс, подкупленные Авлетом, поручили Габинию возвести его на престол. За исполнение этого поручения Габиний был щедро награжден Авлетом, но по возвращении в Рим он был обвинен во взяточничестве и осужден на изгнание».

¹¹ Библейская гора Тавор, ныне Djebelth-Tur. Упоминается также в «Иуд. войне», где дано следующее описание (IV, 1, 8): «Она подымается на высоту 30 стадий и едва досягаема с северной стороны; на ее вершине расстилается равнина в 26 стадий, вся заключенная укрепленими».

Глава седьмая

¹² Срв. «Иуд. война», I, 8, 8. Парфянс, по преданию, влили несытному и алчному Крассу в рот расплавленное золото.

Глава восьмая

¹³ Т.с. 13 декабря.

¹⁴ Пританниями назывались промежутки в 35, позже в 29—30 дней, в течение которых известное отделение совета пятисот афинских старейшин ведало все общественные дела. По этим пританниям велся счет в официальных бумагах, в начале которых обыкновенно

но помещалось еще упоминание имени первого из десяти архонтов, стоявших во главе республики.

Глава девятая

¹⁵ Таково обычное чтение. В издании Naber'a по Casaubon. правильное поставлено число 15.

Глава десятая

¹⁶ Так назыв. pontifex maximus, титул одного из наиболее выдающихся чиновников в Риме.

¹⁷ Т.е. 11 апреля.

¹⁸ Т.е. двадцатого сентября.

¹⁹ Т.е. 19 сентября.

Глава одиннадцатая

²⁰ Срв. «Иуд. война», I, 10, 10–12, 1.

Глава тринадцатая

²¹ Так называлось предместье Антиохии, славившееся своей красотой и служившее любимой резиденцией сперва сселевкидов, затем и римских полководцев. Здесь находилась знаменитая роща из лавровых деревьев (отсюда и название местности) с храмом Аполлона. Срв. Voettger, l. c. p. 101.

²² Первоначально так назывались князья, поделившие между собой какую-нибудь область, разбив ее на четыре отдельные части. Впоследствии это название стало синонимом независимого мелкого царька, не имевшего права открыто именоваться царем.

²³ Приморский город в Галилее, между Тиром и Птолемаидой.

²⁴ Срв. «Иуд. войну», I, 12, 5–1, 13, 10.

Глава четырнадцатая

²⁵ Ср. «Иуд. войну», I, 14, 1–15, 2.

Глава пятнадцатая

²⁶ Т.е. в Галилейском море (Kaulen).

²⁷ Срв. «Иуд. войну», I, 15, 3–17, 8.

Глава шестнадцатая

²⁸ Т.е. в 37 году до Р. Хр. Что касается выражения «в третий месяц», то оно еще не вполне выяснено. Вообще, хронологические данные Иосифа с момента восшествия на престол Иоанна Гиркана до сих пор весьма неточны. Срав. D. Cassel, Jüdische Gesch. u. Litterat., p. 98, anm.

²⁹ Родословная асмонеев:

³⁰ Срв. «Иуд. войну», I, 17, 9–18, 4.

Книга пятнадцатая

Содержание:

1. О том, как Антоний, по заятии Иерусалима Сосием и Иродом, велел в Антиохии отрубить Антигону голову и как Ирод приказал казнить сорок пять друзей Антигона, знатных иерусалимских граждан, и предал город разграблению.

2. О том, как Гиркан, прежний правитель и первосвященник иудейский, был отпущен на волю парфянским царем и вернулся к Ироду.

3. О том, как Ирод назначил шурина своего Аристовула первосвященником и немного спустя велел его умертвить.

4. О том, как Клеопатра, домогавшаяся власти над иудеями и арабами, добилась от Антония части областей их.

5. О прибытии Клеопатры в Иудею.

6. О войне, предпринятой Иродом против Арета как раз в то самое время, как Антоний потерпел при Акциуме поражение от Цезаря.

7. О происшедшем в Иудее землетрясении, погубившем много людей и животных.

8. Речь Ирода к иудеям, потерявшим при таких напастях и ударах судьбы все свое мужество.

9. О том, как Ирод, отправляясь к победителю — Цезарю, велел умертвить Гиркана, как он получил от Цезаря царское достоинство и сопровождал Цезаря в Египет.

10. О том, с каким почетом Цезарь относился к Ироду, пока они не приехали в Александрию.

11. Как затем, по возвращении из Египта, Ирод поддался наветам и дал склонить себя к умерщвлению Мариамны.

12. О постигшей Иудею и Сирию голодовке и о заботливости Ирода о стране и об ее населении.

13. О построении греческих городов, богато украшаемых царем Иродом.

14. О том, как Ирод распорядился снести старый храм иудейский, простоявший шестьсот лет, и соорудил вместо него новый, вдвое больший.

Содержание книги обнимает восемнадцатилетний период.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. О том, как Соссий и Ирод силой взяли Иерусалим и при этом полонили Антигона, нами было рассказано в предшествующей книге. Теперь нам придется говорить о событиях, находящихся в связи с предыдущими.

После того как Ирод подчинил себе всю Иудею, он удостоил высокого почета всех тех, кто поддерживал его, пока он еще не достиг власти; всех же приверженцев своих противников он постоянно и непрерывно преследовал, и не проходило дня, чтобы он не подвергал их мучениям. Особенного же почета с его стороны удостаивались фарисей Поллион и ученик последнего, Самея, потому что эти люди советовали своим согражданам во время осады Иерусалима принять к себе Ирода. Теперь они получали за это заслуженную награду. Этот же самый Самея некогда предсказал Гиркану и судьям, когда они судили Ирода в преступлении, за которое полагалась смертная казнь, что, если они оправдают Ирода, последний всех их умертвит. Это предсказание, по воле Господа Бога, впоследствии действительно оправдалось.

2. Теперь же, овладев Иерусалимом, Ирод стал собирать все царские драгоценности. При этом он не стеснялся грабить лиц состоятельных. Набрав таким образом множество серебра и золота, он одарил всем этим Антония и его друзей. Вместе с тем он распорядился умертвить сорок пять главных приверженцев Антигона и велел поставить к городским воротам стражу с приказом следить за тем, чтобы из города не было унесено имущество казненных. При этом убитые подвергались тщательному обыску и все серебро и золото, равно как все находившиеся при них драгоценности, передавались царю. Вообще делались всякие безобразия ввиду того, что царь отличался отчасти большой любостыжательностью, отчасти очень пуждался в деньгах, потому что ввиду субботнего года земля оставалась совершенно невозделанной. Именно теперь наступил субботний год, когда нам запрещено сеять.

Между тем, взявший в плен Антигона и державший его в оковах Антоний рассчитывал сохранить его для своего триумфа. Когда же он узнал, что народ волнуется и относится с расположением к Антигону, ненавидя Ирода, он решил от-

рубить Антигону голову в Антиохии, ибо иначе нельзя было никак успокоить иудеев. Подтверждение моим словам находитсЯ у киппадокийца Страбона, который говорит (по этому поводу) следующее:

«Привезя иудея Антигона в Антиохию, Антоний отрубил ему там голову. Он был первым римлянином, который велел таким образом казнить царственное лицо; по его мнению, иначе нельзя было заставить иудеев признать вместо него вновь провозглашенного царем Ирода, потому что даже пытки не могли побудить иудеев называть последнего царем. Так высоко было их мнение о прежнем царе. Антоний при этом полагал, что бесславная смерть царя заставит забыть иудеев о нем, а с другой стороны, ослабит ненависть их к Ироду». Таково свидетельство Страбона.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Когда первосвященник Гиркан, находившийся в плену у парфян, узнал, что царская власть перешла к Ироду, он явился к последнему, бежав следующим образом из плена: Барзафарн и Пакор, военачальники парфянские, захватив в плен Гиркана, бывшего сперва первосвященником, а затем и царем, а также брата Ирода, Фасаила, увели их к себе в страну парфянскую. Фасаил, не снесший позора быть в оковах и предпочитавший славную смерть какой-нибудь жалкой жизни, сам наложил на себя руки, как я рассказал уже выше¹.

2. Когда же Гиркан был привезен к парфянскому царю Фраату и последний узнал о его знатном происхождении, то к нему стали относиться более мягко. Ввиду этого царь освободил Гиркана от оков и разрешил ему жить в Вавилоне, где тогда было много иудеев. Последние почитали Гиркана как первосвященника и царя, равно как делали это и все прочие иудеи, жившие у Евфрата. Это было Гиркану приятно. Когда же он узнал, что царская власть перешла к Ироду, он воспрянул духом, во-первых, потому, что был вообще расположен к Ироду, а затем и оттого, что рассчитывал, что Ирод вспомнит об оказанной ему некогда услуге, когда Гиркан спас его от опасности смерти во время суда, которому подвергся Ирод. При этом Гиркан говорил с иудеями о том, как бы ему хотелось отправиться к Ироду. Те,

Вознесение Или

однако, удерживали Гиркана от этого и уговаривали его остаться, указывая на то, что он пользуется у них всеобщей властью и почетом как первосвященник и царь, тогда как он на это не будет там иметь права вследствие того, что его некогда искалечил Антигон²; при этом они поставляли ему еще на вид, что цари не всегда помнят услуги, оказанные им, когда они были еще простыми людьми, и что поворот в их судьбе нередко изменяет их мирозерцание.

3. Несмотря на все эти представления, имевшие в виду одно лишь благо Гиркана, последний, однако, все-таки хотел уехать, тем более что и Ирод прислал ему письмо, в котором советовал упрощать Фраата и тамошних иудеев не сердиться на него, если он, Гиркан, разделит царскую власть с Иродом. При этом Ирод упоминал еще, что теперь как раз наступил момент, когда он сможет отблагодарить его за все оказанные ему благодеяния — как за полученное воспитание, так и за спасение ему жизни — и когда Гиркан сможет воспользоваться этим. Отправив такое письмо Гиркану, Ирод

Разрушение Иерусалима и пленение израильтян

единовременно с этим послал к Фраату послом Сарамаллу с богатыми дарами и просьбой долгие не препятствовать ему воздать должное по заслугам своему благодетелю. Впрочем, Ирод тут вовсе не имел в виду оказать услугу Гиркану; но так как он правил вовсе не так, как следовало, то он опасался всяких осложнений и потому скорее желал иметь в руках Гиркана или же совершенно от него избавиться. Последнее он, впрочем, несколько позже и сделал.

4. Гиркан склонился на эти убеждения и, будучи отпущен царем парфянским и снабжен деньгами со стороны иудеев, прибыл (к Ироду), который принял его со всякими почестями и дал ему первое место во время совещаний и обедов, называя его при этом обманчивым образом отцом своим и всячески стараясь подавить в нем всякое подозрение в его лояльности. Вместе с тем Ирод предпринял также многое другое, чтобы таким путем закрепить за собой власть. Но из этого вышли лишь осложнения для него самого и для его семьи. Остерегаюсь назначить на пост первосвященника какого-нибудь предста-

вителя знати, он нарочно послал в Вавилон за неким Апанилом, простым священником, и поручил ему первосвященство.

5. Однако дочь Гиркана, Александра, жена Александра, сына царя Аристовула, родившая Александру двоих детей, прекрасного Аристовула и миловидную Мариамну, жену Ирода, не отнеслась спокойно к такому унижительному с ней обращению. Она очень обеспокоилась и смутилась позором ее сына в том смысле, что при его жизни первосвященническое достоинство перешло к какому-то выскочке. Поэтому она отправила при содействии одного музыканта письмо Клеопатре с просьбой добиться от Антония назначения на пост первосвященника ее сына.

6. Но Антоний медлил с исполнением этой просьбы; (в это время) в Иудею прибыл по своим делам друг его Деллий. Увидя Аристовула, он был в восторге от его красоты и статного сложения, равно как преклонился перед красотой царицы Мариамны и сказал, что Александра является матерью редко красивых детей. Когда же Александра стала говорить с ним, он убедил ее велеть срисовать обоих детей и послать портреты Антонию, который-де при виде их не откажет ей ни в чем. Александра из тщеславия поддавалась этим убеждениям и послала портреты Антонию. При этом Деллий не прекращал своих восхвалений и дошел до того, что сказал, что эти дети не человеческие, но от какого-нибудь бога. Этим он хотел возбудить в Антонии чувство похотливости. Антоний, впрочем, побоялся послать за царицей, женой Ирода, но отправил послов за юношей с оговоркой, впрочем: «Если это не представит затруднений». Когда это было сообщено Ироду, он решил, что небезопасно послать такого красавца, каким тогда был шестнадцатилетний Аристовул, да вдобавок еще знатного рода, к Антонию, самому могущественному тогда римлянину, который охотно предавался всевозможным эротическим увлечениям и имел возможность беспрепятственно доставлять себе какие угодно удовольствия. Поэтому он отписал ему, что если только этот юноша выйдет из страны, это подаст немедленно повод к войне и всяким смутам, потому что иудеи только и рассчитывают на нового царя для совершения государственных переворотов.

7. Приведя это в свое оправдание перед Антонием, Ирод решил дольше не оскорблять юноши и Александры, тем бо-

лее что и жена его Мариамна усиленно упрашивала его предоставить первосвященническую власть ее брату; к тому же и Ирод был убежден в соблюдении своих личных при этом интересов, потому что Аристовул, достигнув такого почета, не сможет уже уйти из страны. Поэтому он созвал друзей своих на совещание и стал сильно жаловаться на Александру, говоря, что она злоумышляет против царства и при посредстве Клеопатры домогается свержения его с престола, дабы, при помощи Антония, юный Аристовул получил престол вместо него. При этом он указал на незаконность и бесчестность ее домогательств, потому что Александра тем самым лишила бы и дочь свою ее высокого почетного положения и вместе с тем вызвала бы смуты в самом царстве, которое он создал с такими трудностями и которого добился путем невероятных опасностей. Вместе с тем, продолжал он, он готов забыть все несправедливые домогательства и попытки ее лишить его законной власти и готов теперь передать первосвященническое достоинство ее сыну, вместо которого он раньше назначил Ананила, так как (в то время) Аристовул был еще совсем ребенком. Все это Ирод говорил не без задней мысли и крайне обдуманно, имея в виду ввести в полнейшее заблуждение присутствующих женщин и друзей. Тогда Александра в волнении, отчасти от радости вследствие выпавшей на долю сына ее чести, которой она теперь никак уже не ожидала, отчасти из страха перед тем, как бы не навлечь на себя подозрения, стала со слезами на глазах оправдываться, говоря, что она действительно из всех сил старалась добиться для сына первосвященнического достоинства, но отнюдь не злоумышляла против царской власти. Впрочем, говорила Александра, она не желала бы воспользоваться последней, если бы ей и пришлось достигнуть ее, так как уже теперь на ее долю выпала достаточно великая честь, что царствует Ирод, который один перед всеми умеет дать всей семье достаточную безопасность. Ныне же, закончила она речь свою, она совершенно подавлена благодеянием, оказанным ее сыну в форме предоставленной ему чести быть первосвященником, и она сама готова безусловно повиноваться во всем (Ироду), причем просит извинить ее, если она вследствие родственных отношений или слишком понадеявшись на себя совершила что-нибудь непристойное.

После этого все они помирились и в знак того подали друг другу руки. Этим, казалось, было устранено всякое недоразумение³.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Тогда Ирод немедленно сменил первосвященника Ананила, который, как мы упомянули выше, не был туземным евреем, но происходил из переселившихся за Евфрат иудеев, ибо много десятков тысяч представителей этого народа поселилось в Вавилонии. В числе их был и Ананил, происходивший, впрочем, из первосвященнического рода. Издавна у него были дружественные отношения к Ироду. Захватив царский престол, Ирод почтил Ананила (высоким саном первосвященника), а теперь опять сместил его для того, чтобы уладить внутренние семейные неурядицы. Впрочем, тут Ирод поступил противозаконно, потому что первосвященник, раз утвержденный в этом сане, считался несменяемым. Впрочем, первым нарушил это правило Антиох Елифан, сменивший Иисуса и поставивший на его место Онию, вторым был Аристовул, отнявший сан у своего брата Гиркана, а третьим явился Ирод, предоставивший это место юному Аристовулу.

2. Таким образом, Ироду казалось, что он уладил свои семейные дела, хотя он и не переставал, как бы то следовало ввиду состоявшегося примирения, относиться с подозрением к Александре, боясь, чтобы она, по примеру прежних интриг, не вздумала улучшить минуту для совершения государственного переворота. Поэтому он распорядился, чтобы она не покидала царского дворца и ничего не смела предпринимать самостоятельно; кроме того, была назначена стража, которая должна была следить, чтобы она без ведома царя не делала ничего, что не входило бы в круг ее ежедневных обязанностей. Все это вскоре восстало против него Александру и вызвало в ней ненависть к Ироду. Преисполненная женского тщеславия, она не выносила подозрительного за собой наблюдения, предпочитая подвергаться чему угодно, чем лишаться, под видом почета, свободы и жить в рабстве и (постоянном) опасении.

Поэтому она отправила Клеопатре письмо с горькими сетованиями на свою судьбу и с просьбой оказать ей посиль-

ную помощь. Клеопатра посоветовала ей тайно бежать с сыном к ней в Египет. Этот совет пришелся Александре по вкусу, и она следующим образом стала приводить его в исполнение. Велев приготовить два гроба, она легла в один и приказала сыну лечь в другой, причем распорядилась, чтобы посвященные в план слуги вынесли их ночью. Путь отсюда лежал у них к морю, где уже был готов корабль, на котором беглецы намеревались переправиться в Египет. Этот план сообщил при случайной встрече Саббиону, одному из приверженцев Александры, ее прислужник Эзоп, полагая, что тот уже знает о нем.

Узнав об этом, Саббион, который был на дурном счету у Ирода, считавшего его одним из отравителей отца своего, Антипатра, вздумал вновь снискать себе благоволение царя доносом и сообщил ему о всем плане Александры. Ирод дал последней дойти до исполнения задуманного намерения и затем велел схватить ее с поличным на месте преступления. Несмотря на все желание наказать ее, Ирод тем не менее посмотрел сквозь пальцы на ее провинность (тем более что не желал возбуждать и без того недовольную им Клеопатру) и сделал вид, будто прощает ей из великодушия. Однако вместе с тем он окончательно решил избавиться от юноши; впрочем, он решил отложить пока это дело, чтобы совпадение двух событий не слишком резко бросилось всем в глаза.

3. Когда вскоре наступил праздник Кушей (празднующийся у нас с большой пышностью), он весело провел эти дни, предаваясь вместе со всем остальным народом удовольствиям. Впрочем, по этому поводу чувство зависти вскоре побудило его привести в исполнение задуманное намерение. Дело в том, что когда юный Аристовул, достигший тогда семнадцатилетнего возраста, в полном первосвященническом облачении приступил к алтарю, чтобы принести жертву и совершить все по установленному ритуалу, и при этом обнаружилась его необыкновенная красота и статность, явный признак его родовитого происхождения, собравшуюся толпу народную охватил пескряваемый экстаз, и все вспомнили о деяниях, совершенных его дедом Аристовулом. Победенная этим чувством толпа сейчас же обнаружила свое настроение, стала громко и бурно выражать свой восторг кликами и пожеланиями всякого благополучия, так что тут обнаружился весь

восторг народа, притом в более высокой степени выражалась благодарность за прежде полученные благодеяния, чем то было позволено в присутствии настоящего царя. Вследствие всего этого Ирод решился привести в исполнение свой замысел относительно юноши. Когда однажды, по миновании праздника, Ирод обедал в Иерихоне, куда Александра пригласила его вместе с сыном, царь весело шутил с юношей, а затем увлек его в отдаленное место и здесь стал предаваться в его обществе различным играм и юношеским забавам. Но так как здесь стало слишком жарко, то они скоро утомились и вышли освежиться к тем большим прудам, которые находились на дворе и несколько освежали полуденный зной. Они сперва глядели, как купались служители и приближенные, а затем и Аристовул, по совету Ирода, полез в воду. Тут приятели, которым Ирод заранее отдал соответственное распоряжение, стали как бы в шутку погружать Аристовула в воду и не раньше отпустили его, пока он не потонул. Таким образом погиб Аристовул, которому было всего только восемнадцать лет. В течение одного года он был первосвященником, а преемником ему вновь стал Ананил.

4. Когда весть об этом несчастье дошла до женщин, их радость сразу сменилась горем и глубокой печалью о безвременно погибшем; также и во всем городе при получении скорбного известия был траур, причем каждая семья оплакивала юношу как своего родного. Еще более скорбела Александра, особенно когда узнала, каким образом произошла гибель ее сына; но ей приходилось сдерживать себя, чтобы избегнуть еще большего горя. Она несколько раз думала покончить с собой самоубийством, но воздерживалась от этого при мысли, что, если она останется в живых, ей легче будет отомстить за столь гнусно загубленного юношу. Поэтому она решила оставаться дольше в живых и не подавать никакого вида, будто знает, что ее сын погиб несчастливо, самой же тем временем выжидать удобного случая для мести. Таким образом Александра всеми силами отвлекала от себя подозрение. Ирод же, со своей стороны, старался перед всеми показать, что смерть юноши произошла совершенно случайно, и потому не только представлялся глубоко опечаленным, но горько плакал и выражал печаль свою открыто, причем, быть может, истинная скорбь и обуяла его, когда

он видел перед собой труп цветущего и прекрасного усопшего, хотя и считал смерть последнего необходимой для своей личной безопасности. Очевидно, всем этим Ирод старался отвлечь от себя подозрение виновности в смерти юноши. Вместе с тем он ревностно отнесся к устройству особенно торжественных похорон, велел соорудить великолепный гроб и позаботился об обилии курений; равным образом он распорядился положить в гроб также множество драгоценностей. Этим он рассчитывал несколько умерить горе женщин и ободрить их своей щедростью.

5. Между тем, всем этим он, однако, несколько не обманул Александры; напротив, постоянное напоминание ей о постигшем ее бедствии делало царя еще ненавистнее, и она печалилась больше и больше; тогда она написала Клеопатре о коварстве Ирода и гибели сына. Клеопатра и раньше всегда готова была исполнить просьбы Александры, несчастью которой она соболезновала, и потому она приложила всяческое старание, не переставая побуждать Антония отомстить за смерть юноши. Несправедливо, говорила она при этом, что Ирод, получивший от Антония без всякого со своей стороны права царскую власть, теперь совершает такие беззакония по отношению к настоящим царям. Антоний склонился на ее доводы и когда прибыл в Лаодикею, послал за Иродом, чтобы он оправдался в гибели Аристовула, причем Антоний присовокупил, что, если это убийство случилось с его ведома, он поступил совершенно незаконно. Опасаясь этого разбирательства, а также боясь раздражить Клеопатру, не перестававшую возбуждать против него Антония, Ирод решил повиноваться (другого выхода тут не было); поэтому он передал все дела шурина своему Иосифу, тайно наказав ему, в случае если ему, Ироду, придется погибнуть от руки Антония, немедленно убить также Мариамну: сам он был слишком привязан к этой женщине и опасался, как бы в случае его смерти ее красота не послужила для кого-либо другого предметом искушения. Такого позора Ирод особенно боялся, имея в виду главным образом Антония, который домогался этой женщины, потому что уже успел прослышать об ее красоте и влюбиться в нее. Распорядившись таким образом, Ирод отправился к Антонию, причем вообще не ожидал ничего для себя хорошего.

6. Заведуя всеми делами во дворце и потому часто встречаясь с Мариамной, которую приходилось навещать из чувства приличия, Иосиф многократно бывал у нее и каждый раз особенно распространялся о любви и преданности к ней Ирода. А так как они, и в особенности Александра, по-женски принимали его слова за комплименты, Иосиф в своем рвении показать расположение царя к Мариамне дошел однажды до того, что сообщил им о приказании царя. Этим он думал уверить царицу, что Ирод не может жить без нее и не желал бы даже разлучиться с ней после смерти, если бы его постигло какое-нибудь несчастье. Таковы были намерения Иосифа. Между тем женщины, как и можно было предполагать, вовсе не усмотрели в этом любви Ирода, а, напротив, вывели заключение о гнусности его, который при своей смерти думал лишь об их гибели и пасильственной кончине, и отнеслись к словам (Иосифа) с сильной подозрительностью.

7. В это же время со стороны недругов Ирода по городу Иерусалиму был пущен слух, что Антоний позорно казнил его. Конечно, этот слух привел в замешательство всех во дворце, особенно женщин. Александра стала уговаривать Иосифа бежать с ними из дворца к знаменам римского легиона, который тогда расположился станом под стенами города для охраны царской власти и находился под командой Юлия. Таким путем, говорила она, во-первых, расположенные в их пользу римляне дадут им безопасное убежище в случае возникновения бунта во дворце, а во-вторых, они смогут рассчитывать на исполнение всевозможных желаний, если только Мариамну увидит Антоний, при помощи которого можно будет вернуть утраченную власть и все то, что по праву принадлежит людям истинно царского происхождения.

8. Между тем, пока они все еще рассуждали об этом, пришло письмо Ирода с сообщением всего хода дела, из которого видно было, что слухи, безусловно, ложны и неправильны. Прибыв к Антонию, Ирод быстро склонил его на свою сторону теми дарами, которые привез с собой из Иерусалима, а дружественным разговором вскоре достиг того, что Антоний перестал сердиться на него, и прежние наветы Клеопатры на него совершенно утратили всякую силу. При этом Антоний выразился в том смысле, что нехорошо привлекать царя к ответственности за то, что происходит у него в цар-

стве (в таком случае он сам не желал бы быть царем), ибо те, кто предоставил царю его власть, должны предоставить ему и полное право пользоваться ею. Вместе с тем он сказал, что не позволит более Клеопатре вмешиваться в дела правителей. О всем этом писал Ирод и описывал при этом о почестях, которыми удостоил его Антоний, ежедневно приглашавший его на совещания и к своему столу, несмотря на все происки Клеопатры, сильно желавшей завладеть его страной и добиться царской власти, а потому старавшейся всеми способами избавиться от него. А раз он достиг благоволения Антония, ему, Ироду, уже нечего опасаться более неприятностей с его стороны; он скоро вернется, а расположение Антония укрепит его на престоле и упрочит за ним его положение. Клеопатре тоже более не на что рассчитывать, потому что в ответ на ее домогательства Ирод предоставил ей Келесирию, чем удовлетворил ее и положил предел ее вожделиниям, которые она всегда питала относительно Иудеи.

9. По получении этого письма женщины отказались от своего намерения бежать к римлянам в случае смерти Ирода. Однако план их не остался в тайне. Когда Антоний двинулся на парфян, а Ирод вернулся в Иудею, сестра царя Саломия и мать его немедленно донесли ему то, что они узнали об Александре, причем Саломия стала еще обвинять мужа своего Иосифа в сожительстве с Мариамной. Саломия говорила все это из чувства давнишней вражды к царице, потому что последняя во время случавшихся между ними размолвок всегда держала себя свысока с ней и укоряла ее в низком происхождении. Так как Ирод был страстно влюблен в Мариамну, то страшно взволновался и едва мог удержаться от выражения своей ревности каким-нибудь насильственным актом. Однако он сдержал свой порыв и с глазу на глаз спросил Мариамну об ее отношениях к Иосифу. Та стала клясться и привела в доказательство своей невиновности все, что только могла, и тогда царь понемногу склонился в ее пользу. Побежденный любовью к жене, он вскоре забыл свой гнев, так что даже стал извиняться, что поверил наветам. Вместе с тем он горячо благодарил ее за ее целомудрие и стал уверять ее в своей пылкой любви. В конце концов, как это бывает в таких случаях, оба расплакались и заключили друг друга в объятия. Пока царь хотел все больше и больше уверить ее в

своей любви к ней и вызвать в ней то же самое чувство к нему, Мариамна вдруг сказала: «Однако вовсе не доказательство твоей любви, что ты приказал сделать, если бы погиб от руки Антония, а именно, чтобы и я безвинно погибла». Эти слова совершенно расстроили царя, он немедленно оттолкнул от себя жену, зарыдал, стал рвать на себе волосы и говорил, что теперь имеется налицо явное доказательство ее интимных отношений к Иосифу, ибо тот не проговорился бы о тайно полученном поручении, если бы у них не установились слишком близкие отношения. В таком состоянии царь чуть не убил своей жены; однако и на этот раз любовь к ней осилила порыв его, и он сдержался, хотя это стоило ему громадных усилий. Вместе с тем он, даже не повидав Иосифа, велел казнить его; Александру же, как виновницу всего несчастья, приказал заключить в темницу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. В это время в Сирии опять возникли волнения, потому что Клеопатра не переставала возбуждать Антония против всех. Она уговаривала его отнимать у всех престолы и предоставлять их ей, а так как она имела огромное влияние на страстно влюбленного в нее Антония и при своей врожденной любостыжательности отличалась неразборчивостью в средствах, то решила отравить своего пятнадцатилетнего брата, к которому, как она знала, должен был перейти престол; при помощи Антония она также умертвила свою сестру Арсинию, несмотря на то, что та искала убежища в храме эфесской Артемиды. Где только Клеопатра могла рассчитывать на деньги, там она не стеснялась грабить храмы и гробницы; не было столь священного места, чтобы она не лишила его украшения, не было алтаря, с которого она не сняла бы всего, лишь бы насытить свое незаконное корыстолюбие. Ничего не удовлетворяло этой падкой до роскоши и обуреваемой страстями женщины, если она не могла добиться чего-либо, к чему стремилась. Вследствие этого она постоянно побуждала Антония отнимать все у других и отдавать ей; точно таким же образом она вздумала добиться Сирии, после того как с ним проехала по ней. Так она добилась смерти Лисания, сына Птолемея, под предлогом, будто он соединился для совершения

переворота с парфянами, а затем стала требовать от Антония, чтобы он отнял у царей Иудею и Аравию и предоставил эти страны ей. Хотя Антоний вообще во всем уступал этой женщине, однако расположение и страстная любовь к ней не допустили его до готовности во всем слушаться ее, потому что он не желал навлекать на себя укор, будто он для нее не останавливается даже перед самыми тяжкими преступлениями. Итак, для того, чтобы не навлекать на себя обвинения в явной гнусности в силу исполнения всех решительно желаний этой женщины, он отнял у каждого из царей по части их владений и подарил их Клеопатре. Он отдал ей города в пределах области от реки Елевтера до границ Египта, исключая Тир и Сидон, которые, как он знал, издавна пользовались независимостью, хотя Клеопатра и сильно приступала к нему с просьбами отдать их ей.

2. Добившись этого и проводив до Евфрата Антония, отправлявшегося в поход против Армении, Клеопатра вернулась назад и прибыла в Аламею и Дамаск. Затем она поехала также в Иудею, и здесь с ней встретился Ирод, который заарендовал у нее полученную ею в дар часть Аравии и окрестности Иерихона. Эта область дает наилучший бальзам, равно как имеет множество прекрасных финиковых пальм⁴. При этих обстоятельствах, когда ей приходилось иметь довольно много дела с Иродом, Клеопатра, природой своей побуждаемая к чувственным удовольствиям, а может быть, и охваченная действительно чувством искренней любви к нему, пыталась интимнее сблизиться с царем; может быть, она тут преследовала цель, и это, вероятнее, иметь новый повод овладеть им для исполнения своих коварных замыслов. Как бы то ни было, она делала вид, будто совершенно покоряется Ироду. Однако последний и раньше не был расположен к Клеопатре, зная, что она всем в тягость; он стал ее еще более ненавидеть за то, что она дошла до такого бесстыдства, и вместе с тем решил предупредить ее коварные замыслы и отомстить ей. Поэтому он отверг ее предложения и стал совещаться со своими приближенными, не лучше ли будет убить ее, раз она теперь в его руках. Таким образом он полагал освободить из затруднения всех тех, кто уже испытал на себе гнет Клеопатры, равно как будущие ее жертвы. Этим самым он думал оказать услугу самому Антонию, так как Клеопатра изменит ему, если

только он очутится в каком-нибудь затруднении и обратится к ее помощи. От исполнения этого замысла Ирода, однако, удержали друзья его, поставляя ему, во-первых, на вид, что ему, который имеет совершить более важные предприятия, вовсе не подобает подвергать себя такой явной опасности, а затем умоляя его не предпринимать ничего слишком поспешно, ибо Антоний не снесет этого спокойно, даже если ему кто-нибудь наглядно сумеет представить всю пользу такого поступка. Его страсть к Клеопатре лишь еще более возгорится от сознания, что его лишили ее насильственным или коварным образом. При этом Ирод не будет в состоянии привести какое-либо достаточное основание того, что он рискнул поднять руку на женщину, обладавшую величайшим значением своей эпохи. А пользу, которая проистечет из этого, навряд ли кто-либо примет во внимание, несмотря на то, что Ирод добьется ее ценой такой смелости и риском потерять расположение (Антония). Из всего этого очевидно, что он потрясет царство свое массой невообразимых бедствий и подвергнет таковым всю семью свою, тогда как он вполне приличным образом может отклонить столь преступное предложение (Клеопатры). Такими соображениями и представлением очевидной опасности приближенные удержали Ирода от приведения в исполнение задуманного им плана. Поэтому он щедро одарил Клеопатру и проводил ее до Египта.

3. В это время Антоний овладел Арменией и отослал в Египет пленными сына Тиграна, Артабаза, с его семьей и сатрапами. При этом он подарил всех их, равно как все награбленные сокровища, Клеопатре. Впоследствии в Армении воцарился Артаксий, старший из сыновей царя, успевший спастись тогда бегством. С течением времени, однако, Архелай и Нерон Цезарь прогнали его из страны и возвели на престол его младшего брата Тиграна.

4. Но об этом потом; что же касается дани, которую Клеопатра должна была получать с подаренной ей Антонием области, то Ирод был в этом отношении аккуратен, не считая безопасным подавать Клеопатре повод к ненависти. Арабский царь, за которого поручителем являлся Ирод, некоторое время выплачивал двести талантов, но затем стал неисправен в своих платежах, и если иногда и выплачивал часть наложенной на него дани, то делал это не без принудительных мер⁵.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Ирод, в свою очередь, видя такую неискренность (арабского царя), который в конце концов не желал более исполнять свои обязанности, решил пойти на него походом, но был удержан от этого римской (междоусобной) войной. Так как теперь ожидалась битва при Акциуме, которая и произошла в сто восемьдесят седьмую олимпиаду⁶, причем Цезарь сражался с Антонием из-за верховного владычества, Ирод решил собрать для Антония отборное вспомогательное войско, потому что страна Ирода давно уже давала обильные урожаи, а сам царь достиг значительного благосостояния. Впрочем, Антоний отклонил эту помощь и (вместо того) предложил Ироду вступить в борьбу с царем арабским, недобросовестность которого по отношению к нему и к Клеопатре уже была известна ему. Этого также желала Клеопатра, рассчитывая сама выиграть, если те ослабят друг друга. Ввиду такого поручения со стороны Антония Ирод вернулся восвояси, но не отпускал еще своего войска, чтобы немедленно вторгнуться в пределы Аравии. Поэтому он приготовил значительные конные и пешие отряды и двинулся к Диосполису, где его уже поджидали арабы, которые успели узнать о готовящейся против них войне. В ожесточенной последовавшей затем битве победителями остались иудеи. После этого в Кане, местности Келесии, собралось огромное арабское войско. Заранее об этом извещенный, Ирод явился туда во главе ядра своего войска и, приблизившись к Кане, решил расположиться там лагерем, чтобы в удобный момент вступить в бой. Пока он был занят этим, иудейское войско стало кричать, что довольно потеряно времени и что следует идти на арабов. Войско желало немедленно вступить в бой с врагами, потому что оно уповало на свою отличную боевую готовность и потому что особенно храбрились все те, которые участвовали в победоносной первой схватке с арабами.

При такой явной и шумной воинственности царь решил воспользоваться тылом своего войска и, уверяя солдат, что не желает стеснять их мужество, выехал в полном вооружении вперед, тогда как все остальные следовали за ним в боевом порядке. Тотчас арабов обуял ужас; хотя они сперва и оказали некоторое сопротивление, однако, увидав непоколебимость и отчаянную решимость врагов, большинство их

дрогнуло и побежало. Арабы, наверное, погибли бы при этом случае, если бы (некий) Афинион не повредил Ироду и иудеям. Будучи военачальником над той частью Аравии, которая находилась в зависимости от Клеопатры, и (постоянно) враждуя с Иродом, он не стал равнодушно смотреть на ход событий, но решил держаться в стороне, если победителями выйдут арабы, а в случае их поражения, как то и было на самом деле, напасть на иудеев во главе отряда, заранее набранного и приготовленного к бою. И вот, когда иудеи успели утомиться и уже считали себя победителями, он внезапно напал на них и стал избивать их. Дело в том, что иудеи уже успели израсходовать весь запас энергии в борьбе с явными врагами, да и слишком беспечно пользовались своей победой над ними. Поэтому они потерпели поражение от быстрого натиска врагов и понесли тяжкие утраты в этой неудобной для кавалерии гористой местности, к которой нападающие, однако, привыкли. Видя поражение иудеев, арабы также вновь собрались с силами, вернулись еще раз и стали избивать уже обратившихся в бегство иудеев.

Таким образом, всюду происходила ожесточенная резня, а из тех, кто успел спастись, немногие вернулись назад в лагерь. Видя такой исход битвы, Ирод немедленно поехал за помощью; однако он не успел вовремя вернуться, потому что лагерь иудеев был уже взят, и арабы немало радовались, что им неожиданно удалось одержать такую победу над грозным врагом и уничтожить столь значительное неприятельское войско. После этого Ирод принялся за грабежи и, делая частые набеги на страну арабов, наносил им крупный вред. При этом он располагался станом на горах, но воздерживался от открытого боя. Беспokoя и расстраивая врагов своими постоянными набегами, он вместе с тем заботился также о том, чтобы всячески исправить урон, нанесенный его воинам.

2. В это время между Цезарем и Антонием произошла также битва при Акциуме, а именно в седьмой год царствования Ирода. Тогда же страну иудеев постигло небывалое дотоле землетрясение, результатом которого была массовая гибель скота. Также погибло до тридцати тысяч человек под развалинами рушившихся зданий. Впрочем, одни только солдаты, жившие под открытым небом, не потерпели при этом никакого урона. Когда о том узнали арабы от тех людей,

которые сообщением этих сведений хотели особенно выслужиться перед ними, то арабы еще более возгордились, полагая, что теперь, после постигнутого неприятельскую страну бедствия и гибели стольких людей, им уже нетрудно будет овладеть этой страной. Они даже схватили посланных иудейских (явившихся для заключения с ними, после всего случившегося, мира) и убили их, чтобы затем с отчаянной храбростью двинуться на самое войско иудеев. Однако иудеи не решились встретить нападение врагов, отчасти потому, что впали в оцепенение после стольких бедствий, отчасти же и еще более потому, что не забыли недавнего поражения; поэтому у них не было уже никакой надежды победить арабов в открытом бою, тем более что нельзя было рассчитывать на помощь единоплеменников, столь тяжко у себя дома пострадавших. В таком положении царь старался всячески образумить военачальников и пытался ободрить тех, которые совершенно пали духом. Когда ему удалось успокоить и ободрить главнейших между ними, он решился обратиться также к войску. Этого он не посмел раньше, чтобы при таких грустных обстоятельствах не возбудить его еще более. Теперь же он обратился к солдатам со следующей речью:

3. «Я, люди, отлично понимаю, что в настоящее время произошло многое такое, что препятствует нашему преуспеянию; вполне естественно, что даже самые храбрые люди при таких обстоятельствах теряют свое мужество. Однако, так как война теперь неизбежна и постигшие нас бедствия не таковы, чтобы одним славным подвигом нельзя было поправить все сделанное, я решился поговорить с вами и указать, каким образом вы сможете вновь явить свою прежнюю, врожденную вам храбрость. Сперва я желаю объяснить вам всю правоту этой нашей войны, к которой мы вынуждены благодаря наглости наших врагов. Если вы об этом хорошенько подумаете, то это должно быть для вас главной побудительной причиной к храбрости. После этого я намерен доказать вам, что постигшие нас теперь бедствия вовсе уже не так страшны и что у нас есть немало надежды на победу.

Итак, я начну с первого пункта, причем беру вас в свидетели правильности моих слов. Вы, конечно, знаете незаконный образ действий арабов, которые всегда всюду отличаются вероломством, как то и естественно в варварах, не знаю-

щих Господа Бога. Особенно же они насолили нам своим корыстолюбием, своей завистливостью и своими коварными интригами. Зачем мне много говорить об этом? Кто другой, как не мы спасли их от опасности потерять власть и подпасть под иго Клеопатры? Только моя дружба с Антонием и расположение его к нам были причиной того, что их не постигли слишком тяжелые бедствия, так как Антоний старательно избегал предпринимать все такое, что могло бы возбудить наше подозрение. Когда же Антоний пожелал предоставить Клеопатре по части наших обоюдных владений, я также уладил это дело, одарив его из своих средств богатыми подарками и снискав обоим дальнейшую безопасность. Расходы по этому делу я также взял на себя, выплатив двести талантов и поручившись (за арабов) в такой же сумме. Эти деньги должны были бы пасть на всю страну, а теперь мы освобождены от этого платежа. Если уже несправедливо, чтобы иудеи платили кому-нибудь подати или поземельные налоги, то еще более неосновательно, чтобы мы платили таковые за тех, кого мы сами выручили. Особенно это относится к арабам, которые, по собственному признанию, удержали за собой свою независимость благодаря нам и которые теперь желают лишить нас всего и обидеть нас, причем мы не враги их, но друзья. Если верность должна иметь место относительно самых ярых врагов, то тем более она неизменно должна быть соблюдаема по отношению к друзьям. Впрочем, это не относится к арабам, которые на первом плане преследуют одну свою личную выгоду, причем не отступают даже перед (явной) несправедливостью, лишь бы иметь возможность обогатиться. Итак, неужели у вас еще возникает сомнение в том, следует ли наказывать нечестивцев, когда того желает сам Предвечный и требует, чтобы (мы) всегда ненавидели запосчивость и несправедливость, тем более что мы в данном случае пачали не только вполне справедливую, но и необходимую войну? То, что (даже) у эллинов и варваров признается за величайшее беззаконие, они сделали с нашими посланцами, а именно, убили их. Греки считают послов людьми священными или неприкосновенными, мы же получили величайшие откровения и священнейшие законы наши от вестников самого Господа Бога. Священное имя послов может напоминать людям о Господе Боге и в состоянии примирять врагов между собой. Итак, разве

можно совершить более крупное беззаконие, как убить послов, отправленных для выяснения истины? И каким образом такие люди смогут впредь быть счастливыми в жизни или рассчитывать на военную удачу, если они совершили такое злодеяние? Я полагаю, что это невозможно. Впрочем, быть может, найдется человек, который скажет, что правда на нашей стороне, тогда как враги и многочисленнее и храбрее нашего. Но так говорить совершенно недостойно вас, ибо на чьей стороне право, там и Бог, а где Господь Бог, там и сила и мужество. Если мы разберем наше положение, то придем к следующим результатам: в первой битве мы остались победителями; когда мы вторично сразились с ними, то они также не выдержали нашего нападения, но тотчас ударились в бегство, не будучи в состоянии выдержать наш натиск и нашу храбрость. Когда мы уже одерживали победу, на нас напал Афинион, не известив нас о своей войне с нами. Разве это свидетельствует о храбрости врагов, а не о вторичной гнусности и коварстве? Чего нам поэтому отчаиваться в таком положении, которое, напротив, раскрывает нам наилучшие надежды? Неужели нам страшиться таких людей, которые всегда побеждаемы, когда сражаются по всем правилам, а когда считают себя победителями, то всегда достигают этого незаконным способом? Итак, если кто-нибудь все-таки станет еще считать их храбрыми, разве он сам при таком положении вещей не бросится на них с еще большим мужеством? Ибо отвага заключается не в бою со слабыми противниками, а в умении побить более сильных врагов. Если же кого-либо устрашают наши домашние бедствия и результаты землетрясения, то пусть он подумает о том, что этими самыми бедствиями введены в заблуждение те же арабы, имеющие о них самое преувеличенное представление, а также о том, как недостойно нам трусить из-за того, что придает им столько смелости. Ведь враги наши набираются храбрости не вследствие какой-нибудь своей личной удачи, но потому, что рассчитывают, что мы утратили всякую надежду, будучи сломлены нашими бедствиями.

Когда же мы двинемся на них, то сумеем умерить их пыл, причем наше мужество возрастет по мере того, как они в битве будут падать духом. Ведь мы вовсе не понесли уже столь крупного урона, да и постигшее нас бедствие вовсе не является, как готовы думать некоторые, знаком гнева Предвеч-

ного на нас. Вся эта неудача — дело простого случая. Если же все это случилось по желанию Господа Бога, то ясно, что теперь и прекратилось по Его желанию, ибо Он удовлетворяется прошедшим; если бы Он и дальше думал наказывать нас, то не изменил бы теперь Своего решения. А что сам Господь желает этой войны и считает ее справедливой, это видно из следующего: в то самое время, когда многие в стране погибли от землетрясения, все солдаты остались невредимыми и все вы спаслись, так что тем самым Предвечный показал вам, что, если бы вы двинулись в поход всем народом, с детьми и женами, никто из вас не потерпел бы никакого урона. Имея все это в виду, особливо же памятуя, что в Господе Боге вы имеете всегдашнего заступника, вы теперь смело и спокойно можете выступить против тех, кто нечестив к друзьям, кто вероломен в битвах, кто насильствен по отношению к послан и кто всегда был побеждаем вашей доблестью».

4. После этой речи иудеи почувствовали больше храбрости вступить в бой. Ирод же совершил установленные жертвоприношения и быстро двинулся на арабов, перейдя через реку Иордан. Затем он расположился лагерем вблизи врагов, имея в виду занять лежавшее между ним и неприятелями укрепление, которое считал полезным для себя как в случае быстрого начала битвы, так и в том случае, если бы дело затянулось, так как у него был бы в распоряжении укрепленный стан. Так как и арабы рассчитывали таким же точно образом, то произошел бой из-за крепости. Сперва завязалась перестрелка, затем большие толпы вступили между собой в рукопашный бой, причем порядочное число людей пало с обеих сторон, и, наконец, арабы были побеждены и отступили.

Это тотчас же сильно воодушевило иудеев; Ирод же⁷, понимая, что войско арабское теперь решится скорее на все другое, только не на бой, начал храбро срывать их укрепления и двинулся вперед с целью овладеть их лагерем. Таким образом, враги были принуждены биться и выступили в беспорядке и робко, потеряв всякую надежду на одержание победы. И все-таки они вступили в бой, уповая на свое большинство и побуждаемые к тому необходимостью. Произошла ожесточенная битва, в которой пало немало людей с обеих сторон. Под конец, однако, арабы были обращены в бегство. При этом началась страшная резня среди бегущих, потому что они не

только умирали от руки врагов, но сами губили друг друга, ибо при массе и беспорядочности беглецов последние топтали друг друга или ранили себя своим же собственным оружием. Таким образом, их пало около 5 000 человек, остальная же масса врагов поспешно бежала в (какое-то) укрепление, где ей, однако, представлялось мало надежды спастись вследствие недостатка в съестных припасах, особенно же в воде. Преследовавшим их иудеям не удалось проникнуть вместе с ними в крепость; поэтому они окружили ее и отрезали к ней решительно всякий доступ, не впуская и не выпуская из нее никого.

5. В такой крайности арабы отправили парламентаров к Ироду, чтобы переговорить с ним об условиях сдачи, а также (вследствие ужасной жажды) с предложением каких угодно условий, лишь бы он дал им воды. Однако царь не принял ни послов, ни выкупа за пленных, ни другого чего-либо, потому что намеревался наказать их за все несправедливости, нанесенные ими иудеям. Таким образом, побуждаемые недостатком всего прочего и особенно жаждой, некоторые арабы вышли из крепости, отдались в руки врагов и дали связать себя. Так, в течение пяти дней отдались в плен около четырех тысяч человек; на шестой день все остальные решили сделать из крепости нападение на врагов и вступить с ними в бой, предпочитая пасть на поле брани в случае необходимости, чем бесславно погибать поодиночке. Решив это, они вышли из укрепления, но не могли долго биться и храбро сопротивляться, потому что были утомлены душой и телом и видели благодеяние в смерти и позор, если бы остались в живых. В этой первой битве пало около семи тысяч человек. После такого удара арабы окончательно утратили все свое прежнее мужество. В таком бедственном положении арабы, изумляясь военному искусству Ирода, добровольно подчинились ему и признали его правителем своего народа. Ирод, очень радуясь своим успехам, вернулся в свою страну, где его сильно превозносили за этот его доблестный подвиг.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. После того как Ирод устроил дела свои вообще хорошо и во всех отношениях гарантировал себя, он подвергся опасности сразу потерять все, так как Цезарю удалось по-

бедить Антония в сражении при Акциуме. Тогда изменилось положение не только самого Ирода, но вместе с тем также всех его друзей и врагов, потому что казалось невероятным, чтобы Ирод остался теперь безнаказанным вследствие его столь тесной дружбы с Антонием. Друзья Ирода перестали уповать на возможность поддержки с его стороны, что же касается до его врагов, то они делали вид, будто соболезнуют ему, а в тайниках души своей лелеяли надежду на перемену к лучшему. При таких обстоятельствах Ирод считал полезным избавиться от Гиркана, в котором видел единственного себе соперника, имеющего право на царский престол; при этом он рассчитывал, что, если он сам (Ирод) удержится и избегнет грозящей опасности, в настоящем положении дел для него будет выгоднее, если не найдется человека, имеющего больше прав на царский престол, чем он сам, если же придется потерпеть от Цезаря, то он все-таки считал более целесообразным избавиться от Гиркана, не желая, чтобы последний стал его преемником по престолу.

2. Пока царь обдумывал это дело, с другой стороны ему само собой представился повод привести его в исполнение. Вследствие мягкости своего характера Гиркан ни в это, ни в другое время не желал интриговать и вообще касаться политики, удовлетворяясь тем положением, которое дала ему судьба. Между тем, отличавшаяся честолюбием и постоянно рассчитывавшая на поворот дел Александра стала теперь уговаривать отца своего (Гиркана) не допускать, чтобы Ирод навсегда продолжал свои беззакония относительно членов своей семьи, но воспользоваться случаем и в уповании на лучшее будущее постараться гарантировать себе безопасность. Поэтому, уговаривала она, нужно о всем написать правителю арабскому, Малху, и просить его принять их к себе и дать им безопасное убежище, ибо, если по их удалении дела Ирода примут такой оборот, как они должны принять вследствие вражды к нему Цезаря, им одним будет принадлежать законное право на престол как по их происхождению, так и вследствие расположения к ним народной массы. Первоначально Гиркан не обращал на эти слова никакого внимания, но, когда Александра, в пылу своего честолюбия и женской настойчивости, не переставала уговаривать его денно и пощно и всегда указывала ему на подходящий момент и на козни Ирода,

старик наконец решился вручить одному из преданных друзей своих, некоему Досифею, письмо, где он просил араба прислать ему всадников, которые могли бы взять их и проводить до Асфальтового озера, отстоящего от пределов Иерусалима на расстоянии 300 стадий. Гиркан потому доверил это письмо Досифею, что он был предан ему и Александре и к тому же имел немало поводов быть враждебным Ироду. Дело в том, что Досифей приходился родственником казненного Иродом Иосифа и братом тех, которые в Тире были раньше перебиты Антонием. Впрочем, все это не побудило Досифея оставаться верным Гиркану, но, предпочитая снискать себе милость царя, он передал письмо Ироду. Последний похвалил его за расположение и приказал ему довести дело до конца, а именно вновь запечатать письмо, доставить его Малху и получить от него ответ, потому что Ироду очень хотелось узнать при этом случае мнение Малха. Досифей старательно исполнил поручение, арабский же правитель ответил, что готов принять к себе Гиркана и членов его семьи, равно как всех его единомышленников из иудеев, и обещал прислать рать, которая могла бы эскортировать их, причем обещал всякую поддержку, в чем бы иудеи ни нуждались. Получив и это письмо, Ирод немедленно послал за Гирканом и спросил его, не заключил ли он союза с Малхом. Когда же Гиркан стал отрекаться, он в заседании синедриона предъявил ему письмо и затем велел казнить его.

3. Все это мы описываем, как рассказано в мемуарах самого царя Ирода. У других писателей имеются, впрочем, на этот счет разногласия, а именно, будто Ирод велел казнить Гиркана не за это дело, но основываясь на всегдашних интригах последнего против него. По этим источникам выходит, будто Ирод задал во время пира ничего не подозревавшему Гиркану вопрос, не получал ли он каких-либо писем от Малха; когда Гиркан сказал, что в письме Малх послал ему только привет, то Ирод будто бы спросил, не получил ли при этом Гиркан чего-либо в подарок (от арабского правителя). Когда же старик ответил, что принял от араба лишь четырех верховых коней, Ирод в этом усмотрел подкуп и измену и велел казнить старика. В виде же доказательства того, что Гиркан совершенно невинно умер таким образом, писатели приводят не только мягкость его характера, в силу которой он даже в

юности не выказывал ни смелости, ни предприимчивости, почему он в то время, как сам имел в руках своих царскую власть, лично вовсе не пользовался ею, но предоставил ее почти целиком Антипатру из расположения к последнему. В данное же время ему шел уже восемьдесят второй год; он знал, что Ирод вполне упрочил за собой власть свою; при этом он ведь также приехал из-за Евфрата, где покинул глубоко чтившее его население, чтобы совершенно отдаться во власть Ирода. Ввиду всего этого совершенно неправдоподобно, будто Гиркан домогался чего-либо или принимал участие в заговоре; всему этому препятствовал весь склад его характера, и (потому) все это произошло вследствие подозрительности одного только Ирода.

4. Такой конец постиг Гиркана, после того как он в жизни испытал всевозможные перемены и превратности судьбы. С самого начала, когда царство перешло к его матери Александре, он был тотчас назначен первосвященником иудейского народа и девять лет занимал эту почетную должность. Затем, после смерти матери, царство перешло к нему, и он правил три месяца, после чего был смещен своим братом Аристовулом, но затем вновь восстановлен в своих правах Помпеем. Пользуясь всеми знаками почета, он пребывал царем в течение сорока лет. Будучи вторично свергнут с престола, а именно Антигоном, и изувечен им, он жил в плену у парфян. Через некоторое время он вернулся от них на родину, побуждаемый к тому упованием на поддержку со стороны Ирода. Однако во всех своих на этот счет надеждах он ошибся, найдя (во дворце царя) лишь многотрудные условия существования. Самое тяжелое несчастье его постигло в момент выше рассказанной нами смерти его. Он был человеком покладистым и нерешительным, а так как он не задавался широкими замыслами и, в сущности, не был способен заниматься государственными делами, то и предоставлял главную заботу об управлении близким людям. Вследствие мягкости Гиркана Антипатру и Ироду и удалось добиться своего высокого положения, а между тем они-то и уготовили ему столь незаслуженный и безбожный конец.

5. Избавясь таким образом от Гиркана, Ирод поспешил к Цезарю, причем не мог рассчитывать со стороны последнего за все свои деяния, а особенно за дружбу к Антонию,

на отличный прием. Так как Ирод опасался, что Александра воспользуется удобным случаем, взбунтует народ и восстановит его против царя, то он поручил все дела брату своему Фероре, отправил мать свою Кипру, сестру и всех детей своих в Масаду и поручил брату, в случае, если он услышит о каком-либо постигшем его бедствии, не выпускать из рук власти. А так как жена его Мариамна, вследствие размолвки между ней и его матерью и сестрой, не могла жить вместе с последними, то он поместил ее с ее матерью Александрой в Александреуме, причем оставил их там под присмотром своего казначея Иосифа и итурейца Созма, которые с самого начала доказали ему свою полнейшую верность. Теперь он поручил им надзор за этими женщинами под предлогом оказания им особенного почета. При этом Иосифу и Созме было дано поручение немедленно убить обеих женщин, если бы они узнали о каком-либо несчастье, постигшем Ирода, и всеми силами стараться закрепить царскую власть за его детьми и братом Феророй.

6. Сделав все эти распоряжения, Ирод поспешил в Родос, чтобы встретиться там с Цезарем. Приехав в город, он снял диадему, но остался во всем прочем царском убранстве своем. Когда ему удалось добиться аудиенции, он в полной мере выказал всю свою неустрашимость, а именно, не прибежал, как то делается обыкновенно в таких случаях, к просьбам и не выказал ни малейшего опасения за все совершенные им проступки, но безбоязненно дал отчет во (всех) своих поступках. Он рассказал Цезарю о своей большой дружбе с Антонием, о том, что он не участвовал в его походах, так как сам был вовлечен в борьбу с арабами, но что он посылал Антонию деньги и хлеб. Этого было, впрочем, слишком мало, что он сделал для Антония, потому что, по его мнению, тот, кто объявляет себя чьим-либо другом и видит в нем своего благодетеля, должен всеми силами души и тела, поскольку это в его власти, поддерживать друга. Хотя он (Ирод) и оказал таким образом Антонию меньше услуг, чем бы следовало, он все-таки очень доволен дальнейшим образом своих действий относительно него, а именно, он не покинул Антония после поражения его при Акциуме и не перешел на сторону того, которому теперь улыбнулось счастье, но остался если и не фактическим товарищем

Антония по полю брани, все-таки его наилучшим советником, а именно — он указал ему, как на единственную возможность спастись и не утратить власти навсегда, на необходимость умертвить Клеопатру. «Если бы он избавился от нее, — продолжал Ирод, — то у него осталась бы надежда захватить верховную власть и легче найти средство примириться во вражде своей к тебе. Однако Антоний не внял этому совету, себе во вред, а тебе в пользу, и предпочел отвергнуть его. Итак, если ты теперь, в гневе на Антония, поставишь мне в вину мое к нему расположение, то я не только не стану отречься, но не задумаюсь еще раз открыто подтвердить здесь мою приязнь к нему. Если же ты, оставя его в стороне, посмотришь, каков я к своим благодетелям и каков я в дружбе, то у тебя доказательство налицо в виде совершенных мной деяний. Если переменилось имя, из этого еще не следует, чтобы моя дружба пошатнулась к тому, кто является заместителем и преемником моего друга».

7. Такими словами, в которых ясно звучала полная независимость, Ирод без труда склонил на свою сторону Цезаря, человека, отличавшегося благородством духа, так что то, что представлялось первоначально поводом к обвинениям, теперь вызвало благоволение к нему императора. Вместе с тем последний вновь венчал Ирода царским венцом и просил его об одном лишь: быть с ним так же дружным, как дружен он раньше был с Антонием. К этому Цезарь присовокупил, что ему написал Квинт Дидий, насколько отважно Ирод поддерживал его в бою с гладиаторами. Удостоившись такого приема и видя, что теперь он укрепился еще более в своей власти отчасти благодаря подарку Цезаря, отчасти же вследствие римского (сенатского) постановления, которого он добился для большей уверенности, Ирод решил сопровождать Цезаря в Египет после того, как успел по мере сил одарить и самого императора и его приближенных и выказать им все свое великодушие. Вместе с тем он рискнул даже заступиться за одного из близких Антонию людей, именно за Александра, прося пощадить его. Однако достигнуть этого Ироду не удалось, потому что Цезарь клятвенно обещал казнить его. Затем Ирод вновь вернулся в Иудею с большим почетом и большей уверенностью, чем крайне поразил всех, кто ожидал совершенно обратной развязки. Народу казалось, что царь, по

милости Предвечного, всегда выходит из опасности лишь с большим и новым блеском. Ирод немедленно приступил к приготовлениям к встрече Цезаря, собиравшегося вторгнуться из Сирии в Египет. Когда император прибыл, он принял его с царской пышностью в Птолемаиде, причем угостил все его войско и изобильно снабдил его всеми припасами. Таким образом, он вскоре попал в число наиболее близких императору людей. Во время военных смотров он сопровождал Цезаря верхом, примкнув к его свите с отрядом из блестяще и богато вооруженных ста пятидесяти человек. Вместе с тем он сопровождал императорское войско также по пустынным местностям. Самому Цезарю он преподнес в подарок восемьсот талантов и этим заставил всех предположить, что данный подарок превзошел все платежные силы его царства. Это уверило всех еще более в его преданности и расположении, и для него было весьма полезно, что он успел так кстати выказать свое великодушие. Когда римляне возвращались назад из Египта, он также явил снова полную готовность снабжать их всем нужным и оказывать им услуги.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Вернувшись назад, Ирод застал всю семью свою в сильном смятении и жену свою Мариамну и ее мать Александру крайне расстроенными. Они были очень огорчены, потому что поняли, как и можно было подозревать, что их заключили в Александреум не в видах их личной безопасности, но как в крепость, где они не только потеряли всякую власть над другими, но и не были в состоянии распоряжаться собой. Мариамна стала подозревать, что вся любовь царя к ней является лишь притворной и притом в его же личных интересах, и печалилась о том, что если бы что-нибудь случилось с Иродом, и у нее была бы отнята всякая надежда остаться долее в живых. При этом она вспомнила о поручении, некогда данном Иосифу, и старалась всячески склонить в свою пользу стражу, особенно же Соэма, понимая, что судьба ее всецело зависит от последнего. Сначала Соэм соблюдал верность Ироду и в точности исполнял все его предписания, но несколько позже поддался увещаниям и подаркам льстивших ему женщин и кончил тем, что сообщил им обо всем, что поручил

ему царь. Сделал он это главным образом потому, что уже не рассчитывал, что Ирод вернется назад облеченным прежней властью. Рассчитывая ввиду этого не подвергнуться со стороны Ирода особенно большой опасности, он решил сделать многое в угоду этих женщин, которых, по его расчетам, никак не минует власть и которые впоследствии особенно щедро наградят его, когда сами овладеют престолом или, по крайней мере, станут в близкие отношения к (будущему) царю. Но он не боялся ничего даже в том случае, если бы Ирод, устроив все по своему желанию, вернулся назад, потому что и в таком случае Ирод ни в чем не откажет жене своей, так как Соэм отлично знал необыкновенную любовь царя к Мариамне. Все эти соображения побудили его сказать Мариамне о полученном поручении. Мариамна тут с ожесточением узнала, что ей предстоят со стороны Ирода одни только опасности, и была бы очень опечалена, если бы царя не постигла заслуженная им участь, причем решила, что дальнейшая совместная жизнь ее с Иродом невозможна, если он вернется.

Впоследствии она все это высказала Ироду, нисколько не скрывая от него всей своей печали.

2. Когда царь возвратился с большей, чем на какую мог рассчитывать удачей, он как и следовало, раньше всех поделился своей радостью с женой, которую любил больше всего на свете. Мариамна, однако, во время его рассказа об удачном путешествии, видимо, не столько радовалась, сколько казалась огорченной, и не могла скрыть неудовольствие, но в сознании своего достоинства и благородства вздохнула в ответ на приветствие Ирода, причем открыто показала, что скорее печалится при его рассказах, чем радуется. Следствием этого было то, что теперь Ирод смутился не только на основании (неопределенных) подозрений, но и вследствие наличности фактов. Он совершенно растерялся при виде такой нескрываемой ненависти со стороны жены, опечалился, но не считал возможным отказаться от любви своей к ней. Он то не мог сдерживать свой гнев, то снова примирялся с ней, переходя от одного к другому и всегда сильно страдая. Таким образом, обуреваемый и ненавистью и любовью к ней, он несколько раз был готов казнить ее за пренебрежение (к нему), но каждый раз чувствовал себя слишком слабым для того, чтобы устранить от себя эту женщину (навсегда). Вообще же он

охотно казнил бы ее, но вместе с тем боялся разлуки и полагал, что, если Мариамна умрет, он сам будет более ее наказан.

3. Видя такие отношения Ирода к Мариамне, сестра и мать его признали этот момент наиболее подходящим для выражения своей ненависти к ней и в разговоре стали постоянно возбуждать против нее Ирода такими тяжкими обвинениями, которые были в состоянии возбудить в нем одновременно как ненависть, так и отвращение к Мариамне. Ирод слушал все эти речи не без удовольствия, но вместе с тем не решался на основании их предпринять что-либо против нее, так как был далеко не уверен. Однако отношения к ней становились у него все хуже и хуже, и наконец возникли несказанные страдания, так как Мариамна не скрывала своего недовольства, а у Ирода любовь понемногу сменялась гневом. В конце концов он принял бы решительные меры, но в это время получил извещение, что Цезарь вышел победителем из борьбы, что Антоний и Клеопатра умерли и что он овладел теперь Египтом. Поэтому он поехал навстречу Цезарю и оставил домашние дела в прежнем их положении. При отъезде царя Мариамна стала просить у него награды Соэму за его ревностную службу, а именно — места военачальника. Соэм действительно получил это почетное назначение. Ирод же, встретившись с Цезарем в Египте, мог теперь свободнее общаться с ним, считаясь его другом, и удостоился при этом величайших почестей: Цезарь подарил ему четырехсот галлов, телохранителей Клеопатры, и вновь отдал ему область, отнятую у него царицей, равно как включил в пределы его царства также Гадару, Гиппос и Самарию, а также приморские города Газу, Анфедон, Яффу и Стратонову башню.

4. Достигнув этого, Ирод еще более возвысился и сопровождал Цезаря в Антиохию. Насколько его внешние дела шли удачно, настолько печальными нашел он при возвращении домашние дела свои, особенно относительно жены, со стороны которой он прежде всегда пользовался таким счастьем. Любил он Мариамну действительно так сильно, как никто другой, о котором повествует история. Хотя она и соблюдала царю верность и вообще держала себя во всех отношениях к нему благопристойно, однако, по привычке всех женщин, вместе с тем относилась к нему с неприязнью, причем иногда обходилась с ним, невзирая на всю его страсть

к ней, крайне резко и, несмотря на все свое подчинение и покорность ему, нередко давала ему чувствовать свои капризы. Но всего этого Ирод как будто не замечал вовсе и с достоинством и терпением переносил все. Вместе с тем она открыто стала укорять мать и сестру царя в низком происхождении, так что результатом этого явилась ненависть и непримиримая вражда между всеми этими женщинами; в то же время появились и более тяжкие обвинения. Таким образом, подозрительность царя получала обильную пищу и возрастала в течение целых полугода с тех пор, как Ирод вернулся от Цезаря. В конце концов эта все более и более раздуваемая вражда обнаружилась по следующему поводу. Когда однажды Ирод в полдень отправился в опочивальню, чтобы отдохнуть от жары, он позвал к себе Мариамну, побуждаемый большой любовью к ней. Царица явилась к нему, но отказалась разделить с ним ложе и стала укорять и поносить его за убийства ее отца и брата.

Царь с трудом снес это оскорбление и готов был решиться на крайность, но в это время услышавшая необычайный шум сестра царя Саломия послала к нему заранее подготовленного к тому виночерпия, которому было приказано сказать Ироду, будто Мариамна просила снабдить его любовным питьем для царя. Если же царь смутится и спросит его, что это за питье, то виночерпий должен отдать его царю по приказу последнего; если же царь не смутится этим, пусть он воздержится от дальнейших разговоров; при этом Саломия уверила виночерпия, что здесь нет никакой опасности. Подготовив все таким образом, Саломия именно теперь послала виночерпия к царю. Виночерпий уверенно и свободно явился к царю с заявлением, что Мариамна дала ему подарки и уговорила его предложить царю любовное питье. Когда Ирод крайне заволновался и спросил его, что это за питье, тот ответил, что Мариамна дала ему нечто такое, содержание чего он сам не знает. Поэтому-то он и объявляет ему об этом, чтобы оградить себя от ответственности и предупредить царя. Услышав это, и без того уже возбужденный Ирод еще более разгневался и велел пытать евнуха, наиболее преданного Мариамне, потому что знал, что, помимо этого евнуха, жена его не могла решительно ничего предпринять. В такой крайности евнух под пыткой ничего, правда, не мог сказать

относительно любовного питья, но зато рассказал, как у царицы явилась ненависть к Ироду вследствие разоблачении, сделанных ей Созмом. Не успел тот произнести свои слова, как царь громко закричал, что всегда бывший верный ему и царству Созм не осмелился бы проговориться о полученном поручении, если бы не был в близких отношениях к Мариамне. Поэтому он распорядился немедленно схватить и казнить Созма, а жену свою предал суду самых преданных друзей своих, ожесточенно обвиняя ее в приготовлении любовного питья и отравы. При этом Ирод несколько не сдерживал себя и был вспыльчивее, чем бы следовало при судебном разбирательстве. В конце концов присутствующие, видя такое настроение царя, приговорили Мариамну к смерти. По произнесении этого приговора как сам царь, так и некоторые из судей решили не сразу приводить его в исполнение, но пока посадить царицу в одну из темниц при дворце. Однако Ироду пришлось внять настойчивым требованиям Саломии, советовавшей ему умертвить Мариамну, чтобы тем самым избежать народных смут, которые могли бы возникнуть, если бы народ узнал, что царица еще жива.

5. Итак, Мариамна была отведена на казнь. Тогда Александра, видя, в каком положении дела, и понимая, что ей осталось мало надежды не потерпеть таким же точно образом от Ирода, круто и весьма неприлично изменила прежнее свое высокомерное поведение. Желая доказать полную свою непричастность к возводимому на царицу обвинению, она выбежала (на улицу) и стала при всех поносить дочь свою, называя ее гадкой и неблагодарной к мужу женщиной и говоря, что теперь она подвергается заслуженному наказанию за свои дерзости, так как поступила непристойно относительно своего главного благодетеля. Так как Александра столь наглым образом притворялась и даже вцепилась при этом дочери своей в волосы, то ее, как и следовало, многие сочли неприличной ханжой; особенно дала понять это Александре сама осужденная, которая с самого начала не ответила ей ни слова и, несколько не смутясь, лишь с презрением посмотрела на эту гнусную женщину, очевидно, показывая ей все ее жалкое ничтожество. Сама она совершенно бесстрашно и не изменившись в лице пошла на казнь, даже в последнюю минуту являя всем доказательство своего благородства.

6. Таким образом умерла Мариамна, этот высочайший идеал женской целомудренности и великодушия. Впрочем, ей недоставало сдержанности, и в характере ее в слишком сильной степени замечалась некоторая неуживчивость. Красотой своей и умением с достоинством держать себя она превосходила всех своих современниц; это и явилось главной причиной того, что она недостаточно любезно встречала царя и относилась к нему с недостаточной предупредительностью. Пользуясь всегда любовью со стороны царя и не имея повода предполагать с его стороны какой-нибудь неприятности, она позволяла себе с ним слишком много. А так как ее угнетала судьба, постигшая близких ей людей, и она нисколько не стеснялась высказывать ему это прямо, то она в конце концов навлекла на себя вражду матери и сестры царя и даже самого Ирода; относительно последнего, между тем, она всегда была уверена, что он оградит ее от всяких неприятностей.

7. После казни Мариамны любовь царя к ней возросла еще более, чем то было когда-либо раньше, как мы уже имели случай упоминать. Дело в том, что эта любовь к ней царя вовсе не была временной или ослабилась вследствие привычки, но как она с самого начала отличалась страстным энтузиазмом, так она не ослабевала и впоследствии при постоянном сожительстве. Теперь же казалось, что, в виде наказания за казнь Мариамны, любовь к ней охватила его в еще гораздо более сильной степени, так что он часто громко призывал ее к себе, предавался ничем не сдерживаемым слезам, в конце концов стал придумывать всевозможные способы забыться и развлечься и с этой целью задавал попойки и пиры. Впрочем, все это отнюдь не помогало, так что он запустил даже все государственные дела и страдал в столь высокой степени, что приказал своим слугам громко звать Мариамну, как будто бы она была еще жива и могла слышать это и явиться. В то время как царь находился в таком состоянии, (в стране) появилась чума, которая похитила не только массу простонародья, но и наиболее близких к царю друзей его, причем у всех явилась мысль, что это бедствие служит доказательством гнева Божьего за беззаконие, совершенное относительно Мариамны. Все это еще более расстраивало царя, так что он под предлогом охоты отправился наконец в пустынное место. Но здесь ему удалось пробыть лишь короткое время, ибо через

Возведение нового храма в Иерусалиме

несколько дней он впал в опасную болезнь. Его поразило сильное и сопряженное со страшными болями воспаление затылка, связанное с сотрясением мозга и расстройством умственных способностей. Все примененные средства, однако, несколько не помогали, так что наконец явилось сомнение в возможности выздоровления царя. Так как все попытки в этом отношении оказывались тщетными, и сам царь мог соблюдать лишь ту диету, к которой принуждал его характер болезни, врачи согласились давать ему все, чего бы он ни пожелал, и предоставили случаю выздоровление его, на которое, впрочем, было мало надежды. Болезнь эта охватила царя в Самарии, прозванной Себастой.

8. Тем временем пребывавшая в Иерусалиме Александра, успев узнать о положении царя, приложила все старания, чтобы овладеть укрепленными пунктами города. Этих пунктов было два; из них один находился в самом городе, другой же в храме. Всякий, кто овладевал ими, тем самым подчинял себе и весь народ иудейский: помимо этих пунктов,

Мардохею оказывают великие почести

не могли совершаться жертвоприношения, без которых не может жить ни один иудей, потому что все они готовы скорее лишиться жизни, чем отступить от установленного служения Предвечному. Поэтому Александра вступила в переговоры со стражей, указывая на необходимость передать эти укрепления ей и детям Ирода, чтобы в случае кончины последнего никто не мог предупредить их и захватить власть. В случае же, если бы царь выздоровел, по ее мнению, опять-таки самыми надежными людьми явятся члены его собственной семьи. Гарнизоны отнеслись к этому предложению Александры с неудовольствием и, оставаясь прежде верными царю, тем более решили оставаться таковыми и теперь, так как чувствовали ненависть к Александре и считали безбожным изменить находившемуся еще в живых Ироду. Они были издавна преданы ему, а один из них, Ахиав, даже доводился племянником царю. Поэтому они немедленно донесли последнему о планах Александры. Ирод распорядился тотчас казнить ее, а так как он сам едва успел оправиться от

болезни и все еще страдал душой и телом, то был крайне раздражителен и стал казнить по самым ничтожным причинам всех, кто попадался ему под руку. Так, напр., он казнил многих из самых преданных друзей своих, а именно — Костобара, Лисимаха, Гадию, носившего прозвище Антипатр, а также Досифея. Поводом к этому послужило следующее.

9. Костобар был идумеянином и принадлежал к числу знати своей страны, потому что предки его были жрецами идумейского божества Котзе. После того как Гиркан ввел у идумейян иудейские обычаи и религию, Ирод овладел страной и назначил правителем Идумеи и Газы Костобара, причем выдал за него сестру свою Саломию, после казни ее первого мужа Иосифа, о которой мы сообщали выше⁸. Достигнув неожиданно столь высокого положения, Костобар вознесся в своем счастье и несколько вышел из своих границ, не считая себя более обязанным повиноваться предписаниям Ирода и полагая, что идумеяне вовсе не для того приняли иудаизм, чтобы быть в подчинении у иудеев. Поэтому он послал сказать Клеопатре, что, так как Идумея всегда находилась под властью ее предков, она имеет право требовать себе от Антония эту страну, причем он сам выражал полную готовность прикнуться к царице. Впрочем, все это Костобар сделал не для того, чтобы угодить Клеопатре и усилить ее власть, а потому что рассчитывал сам стать полновластным правителем идумейского народа и увеличить свое могущество за счет ослабления Ирода. Этим надеждам он предавался с тем большей охотой, что имел крупную поддержку не только в знатности своего происхождения и в значительных денежных средствах, добытых путем систематической экономии, но и в том, что всегда энергично преследовал раз намеченную цель.

Итак, Клеопатра стала просить у Антония этой страны, но не получила ее, тогда как Ироду было сообщено все это, и он совсем уже было приготовился казнить Костобара. Однако ввиду заступничества сестры и матери своих он простил его, причем, однако, все остальное время никак не мог освободиться от недоверия к Костобару за его тогдашнюю попытку.

10. Спустя некоторое время Саломия поссорилась с Костобаром. Тогда она немедленно послала ему разводное письмо с целью расторжения своего брака. Так поступила она во-

преки иудейским законам⁹, потому что это у нас разрешается мужу, тогда как женщина не вправе вступить в новый брак, пока она не получила развода от первого своего мужа. Однако Саломия пренебрегла этим основным законом и поступила здесь совершенно произвольно. Брату же своему, Ироду, она объявила, что бросила мужа из любви к нему, Ироду: она узнала, что муж ее вместе с Антипатром, Лисимахом и Досифеем злоумышляют против безопасности государства. Вместе с тем для подтверждения своих слов она указала на то, что Костобар держит у себя вот уже двенадцать лет сыновей Вава, что и было в действительности так. Все это, узнанное столь неожиданно, крайне смутило царя, и он очень заволновался, так как не ожидал ничего подобного. Что касается сыновей Вава, Ирод первоначально собирался казнить их, так как они стали во враждебные к нему отношения, впоследствии же он совершенно забыл о них, и с тех пор прошло много времени. Вражда же и ненависть к ним возникли следующим образом: когда еще царская власть была в руках Антигона и Ирод во главе войска осаждал Иерусалим, нашлось много лиц, которые вследствие массы связанных с осадой бедствий желали впустить Ирода в город и уже были готовы возложить на последнего все свои надежды. Происходившие, однако, из знатного рода и пользовавшиеся в глазах толпы авторитетом сыновья Вава продолжали оставаться верными Антигону, постоянно поносили Ирода и побуждали народ сохранить за Антигоном принадлежащую ему по праву рождения власть. И вот народ держался их взгляда на вещи, считая это более полезным и целесообразным. Когда же Ирод взял город и верховная власть оказалась в его руках, Костобар, которому было поручено занять и оберегать все выходы из города, чтобы из него как-нибудь не ускользнули виновные граждане или противники царя, принял сыновей Вава и отвез их к себе, зная, в каком они почете у народа и рассчитывая, что в случае переворота спасение их может сослужить ему самому крупную службу. Впоследствии он, чтобы освободиться от всякого с его стороны подозрения, клятвенно уверил Ирода, что ему ничего не известно о судьбе их. Также и позже, когда Ирод велел объявить о том во всеобщее сведение и обещал награду за поимку и всячески старался найти их, Костобар не сознал-

ся. Раз он однажды солгал, то он считал теперь для самого себя небезопасным выдать этих людей и еще старательнее скрывал их не только из расположения к ним, но и по необходимости.

После того как Ирод узнал все это от сестры своей, он послал в указанное место, где находились сыновья Вава, и велел казнить как их, так и всех вместе с ними обвиненных. Теперь не оставалось в живых уже никого из родни Гиркана, и Ирод властвовал единолично, так что никто более не осмеливался противодействовать его незаконным начинаниям.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Таким образом, Ирод все более и более уклонялся от соблюдения древних установлений и обычаев и введением иноземных начинаний подтачивал издревле сложившийся и собственно ненарушимый строй жизни. Так как все то, что раньше поддерживало в народной массе прежнее благочестие, теперь подвергалось презрению, то мы в результате от этого немало пострадали в позднейшее время. Во-первых, он ввел в честь Цезаря через каждые пять лет повторявшиеся общественные игры и построил в (самом) Иерусалиме театр, равно как на равнине огромный амфитеатр, которых роскошь бросалась всем в глаза, но которые отнюдь не соответствовали мировоззрению иудеев, ибо иудеи были непривычны к такого рода зрелищам. Празднование этих игр он производил с большой торжественностью, приглашая с этой целью зрителей из соседних стран и собирая весь (иудейский) народ на них. Также и борцы и всякие другие участники в состязаниях приглашались со всех концов земли, и они являлись в надежде на призы и на славу победы, причем тут участвовали крупнейшие корифеи своего дела. Ирод назначал выдающиеся призы не только участникам в гимнастических состязаниях, но также и знатокам музыки и танцев и тем побуждал также большие призы квадригам¹⁰, парным экипажам и одиночкам; одним словом, все, что где бы то ни было выдавалось роскошью и блеском, он старался превзойти еще большей красотой. Кругом всего театра тянулись надписи в честь Цезаря и были воздвигнуты из червонного золота и серебра изображения

трофеев его от тех народов, которых он победил на войне. Не было таких драгоценных и прекрасных одеяний и камней, которые бы не показывались зрителям на этих состязаниях. При театре имелся запас диких зверей, в том числе масса львов и всяких других зверей, отличавшихся чрезмерной силой или особенной редкостью. Этим зверей выпускали на бой как между собой, так и с присужденными к смерти людьми, причем иноземцам в одинаковой мере доставляли удовольствие как роскошь обстановки, так и волнение, вызываемое этими опасными зрелищами, тогда как для туземцев тут было лишь доказательство явного разложения нравов, чистоту которых они так свято соблюдали. Иудеи считали явным безбожием предоставлять диким зверям людей для удовольствия других людей и в столь же высокой степени безбожным вводить в свою личную жизнь чужеземные обычаи. Больше же всего оскорбляли их трофеи, и они немало печалились, видя в них запрещенные законом изображения вооруженных людей.

2. Впрочем, от Ирода не ускользнуло возмущение народа и, так как он счел неуместным действовать в этом случае силой, то позвал к себе нескольких лиц и пытался убедить их, что тут нет ни малейшего богохульства. Однако это ему не удалось, и все в негодовании на его беспутство единогласно закричали, что, если они пока сносили многое, теперь они никак не допустят в городе идолов, причем имели в виду трофеи. При этом они ссылались на то, что это возбранено им их законом. Видя такое их волнение и что нелегко будет их успокоить иначе, как путем наглядного доказательства, Ирод пригласил наиболее влиятельных из них в театр и, указав на трофеи, спросил, за что они принимают их. Когда же те закричали, что это изображения людей, он распорядился снять оружие и показал им голые деревянные столбы. Это тотчас же вызвало неудержимый смех, и общая веселость еще более увеличилась оттого, что иудеи раньше столь иронически относились к убранству этих трофеев.

3. Успокоив таким образом народ и умерив его гнев, Ирод увидел, что большинство убедилось в безопасности (этим трофеев) и более не волнуется. Впрочем, было еще несколько лиц, которые никак не желали примириться с противными народному духу нововведениями и видели в нарушении ос-

новых обычаев начало великих бедствий. Эти люди считали своей священной обязанностью скорее подвергнуться опасности, чем допускать такие нововведения в государстве и спокойно взирать на то, как Ирод насаждаёт противные народному духу начала, причем является царем лишь по имени, а на деле представляет из себя врага народа. Вследствие этого десять граждан составили заговор и поклялись подвергнуться любой опасности (в числе заговорщиков был также один слепой, которого принудили примкнуть тревожные слухи; хотя он и не был в состоянии принять в деле личное участие, однако он приготовился пострадать со всеми прочими, если бы заговорщиков постигла неудача; этим он немало содействовал подъему духа в остальных своих товарищах).

4. Спрятав под плащами кинжалы, заговорщики немедленно отправились в театр в надежде, что Ирод не уйдет от них, так как они нападут на него внезапно, и что в крайнем случае, даже если им не удастся убить его самого, они переубьют многих из его приверженцев; они готовы были удовольствоваться хотя тем, что смерть их заставит по крайней мере царя образумиться и подумать, насколько он поглумился над народом. Заговорщики были вполне подготовлены ко всему и отличались большой отвагой. Но один из шпионов Ирода разузнал все дело и сообщил обо всем плане царю, когда последний собирался войти в театр. Так как Ирод знал, что большинство его реформ вызывало лишь возбуждение и ненависть, то счел это сообщение довольно вероятным и потому вернулся во дворец и велел поодиночке позвать к себе обвиняемых. Ввиду того, что заговорщики были схвачены слугами царя с поличным, они стали думать не о том, как бы избежать наказания, но решили встретить неизбежную теперь смерть с возможно большим мужеством. Поэтому они не выказали раскаяния и не пытались отрицать свою вину, но тотчас после ареста отдали свои кинжалы и храбро сознались, что составили заговор с благой и честной целью, причем не было и речи о какой-нибудь личной для себя выгоде или о личной мести, но преследовалось лишь общее благо народа, которое оберегать и за которое умирать должен быть готов всякий. После того как они так смело рассказали весь ход своего заговора, они были арестованы

царскими телохранителями и умерщвлены под пыткой. Немного, впрочем, спустя некоторые лица схватили и навлекшего на себя всеобщую ненависть доносчика и не только убили его, но разорвали на части и бросили псам. Хотя многие из граждан присутствовали при этом, но никто не донес о том. Наконец, Ирод распорядился нарядить строжайшее следствие, и тогда несколько женщин во время пытки показали то, чему они были свидетельницами. После этого всех виновных вместе с их семействами постигла кара, причем пощады не было никому. Но народное волнение и привязанность иудеев к своим законам поставили Ирода в затруднительное положение, и ему пришлось изыскивать меры обезопасить свое правление. Поэтому он решил всячески удерживать в повиновении народ и поставить его в такие условия, чтобы он при таком стремлении к перевороту не мог перейти в открытое восстание.

5. У него в городе имелось два укрепленных пункта, а именно — дворец, в котором он сам жил, и храмовая крепость, названная Антонией и сооруженная им. Теперь он задумал возвести для ограждения себя от народа третью крепость, а именно в Самарии, которую он назвал Себастой. Итак, он решил укрепить это место, находившееся в расстоянии одного дня пути от Иерусалима и представлявшее то удобство, что оно могло служить отличным средством для обуздания не только города, но и всей страны. Для ограждения себя от всенародного восстания Ирод приступил к перестройке города, носившего название Стратоновой башни и теперь прозванного Иродом Цезареей. На великой равнине он воздвиг укрепление и поместил в нем отряд всадников, выбранных для того по жребию; в Галилее он построил Гаву, в Перее Есевон. Ирод воздвиг все эти крепости в разных местностях, постоянно озабочиваясь укрепить и обезопасить свое положение и стараясь держать в своих руках весь народ, чтобы он менее думал о возмущении (впрочем, некоторое небольшое брожение замечалось всегда) и чтобы ни малейшее движение не оставалось незамеченным, так как всегда имелись налицо силы, бывшие в состоянии немедленно все узнать и подавить всякую такую попытку. Когда он отправился, чтобы укреплять Самарию, он пригласил поселиться там многих из своих прежних солдат, равно как и многих

пограничных жителей, причем соблазнил их перспективой постройки нового храма. Вместе с этим он также желал поднять таким образом значение этого города, который раньше не принадлежал к числу особенно блестящих. Главной побудительной для этих иноземцев причиной было то, что Ирод в видах своей личной безопасности не скупился на деньги. При этом Ирод переименовал город в Себасту и распределил между жителями ближайшую, лучшую во всей стране землю, дабы они при своем поселении сейчас же пользовались известным благосостоянием. Он окружил город крепкой стеной и воспользовался покатостью местности, причем дал городу такие размеры, что он не уступал в этом отношении даже наиболее знаменитым городам. Он обнимал двадцать стадий. Внутри города он оставил красивую открытую площадь в полторы стадии и воздвиг здесь храм, принадлежавший по величине и красоте к числу самых выдающихся. Отдельные части города также были им постоянно украшаемы, причем это вызывалось соображениями личной безопасности, стремлением воспользоваться крепкими стенами для обращения всего города в огромную крепость, а также желанием оставить после себя достойный памятник своего вкуса и человеколюбия.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. В этот же самый год, именно в тринадцатый год царствования Ирода, великие бедствия постигли страну вследствие ли гнева Господня или потому, что несчастья повторяются периодически. Сперва наступила продолжительная засуха, так что земля стала совершенно бесплодной и не принесла даже того, что она обыкновенно дает в необработанном виде. Затем, так как вследствие недостатка хлеба пришлось изменить весь образ жизни, явились болезни и род чумы, причем одно бедствие сменяло другое. Ввиду отсутствия должного ухода и пищи чума уносила все больше и больше жертв, а гибель последних уменьшала бодрость остальных, тем более что они не были в состоянии противопоставить этому бедствию что бы то ни было. Так как посевы текущего года погибли и запасы прежних лет истощились, то не было уже никакой надежды на благоприятное будущее, тем более что

чума против ожидания затягивалась все дольше и дольше. Итак, теперь уже ничего не оставалось; были уничтожены также и семена для будущего посева, так что можно было ожидать вторичной голодовки. Нужда заставляла людей прибегать в этой крайности к многообразным средствам. В не меньшей мере ощущал ее и сам царь, так как он теперь лишился обычных земельных податей и в своей щедрости успел израсходовать все свои деньги на тех, чьи города он восстановил. Он не видел тут никакой возможности помочь беде, а последняя между тем росла, и с ней росла также ненависть его подданных: в неудаче обыкновенно обвиняются лица начальствующие.

2. Находясь в таком положении, Ирод стал всячески измышлять средства помочь беде. Его положение затруднялось тем, что и у соседей, которых постигло то же бедствие, нельзя было получить хлеба и что у него не хватило бы денег, если бы даже они нашлись, помочь такой массе страждущих. Но так как царь считал обязанностью всеми возможными средствами помочь беде, то он собрал все ценности своего дворца и велел сплавить все золото и серебро, не щадя ни драгоценной, ни художественной утвари. Затем он послал эти деньги в Египет, где наместником Цезаря (тогда) был Петроний. Несмотря на то, что многие искали у последнего помощи в этой беде, он все-таки, будучи очень расположен к Ироду и желая помочь его подданным, дал ему первому право вывезти (из Египта) хлеб, причем всячески содействовал покупке этого хлеба и его вывозу. Таким образом, Ирод был главным виновником этой помощи. И вот Ирод, по прибытии хлебных запасов, легко заставил народ приписать именно его заботливости эту помощь и тем самым не только изменить мнение своих прежних недоброжелателей, но и постарался выказать народу свою особенную о нем заботливость и свое попечение. Классифицировав население точнейшим образом, он сперва роздал часть хлеба всем тем, которые были в состоянии сами озаботиться приготовлением себе пищи; потом он направил к пекарям и доставил готовую пищу всем тем многочисленным лицам, которые по старости или другой какой-либо причине не могли сами испечь себе хлеб. Вместе с тем царь позаботился также оградить от бедствий зимы многих, которые не имели теплой одежды, по-

тому что в этой беде погиб также весь скот, так что не было ни шерсти, ни другой возможности сделать одежду. Когда и эти лица были удовлетворены, он оказал помощь соседним городам и послал в Сирию семян для посевов. Тем самым он оказал не в меньшей мере и самому себе услугу, потому что вернул стране ее плодородие и дал всем возможность впредь иметь обилие хлеба. Когда же вновь наступило время жатвы, он разослал по стране пятьдесят тысяч человек, которых он сам кормил за это время и которым помог оправиться, и таким образом вернул себе расположение всего своего столь сильно пострадавшего царства, причем немало оказывал поддержки и окрестным племенам, очутившимся в столь же бедственном положении. Не было такого лица, постигнутого нуждой, которому он не помог бы сообразно средствам; при этом он оказал поддержку даже целым народам и городам, не говоря уже о тех частных лицах, которые впали в нужду вследствие многочисленности своих семей. Все, кто обращался к нему, получали просимое, так что по точному подсчету оказалось, что царь раздал иностранцам десять тысяч кобов хлеба (кор равняется десяти аттическим медимнам), а своим подданным около восьмидесяти тысяч. Эта заботливость и своевременная помощь царя настолько упрочили его положение среди иудеев и так прославили его у других народов, что возникшая прежде к нему ненависть из-за введения новых порядков в царстве теперь прекратилась у всего народа, потому что царь своей щедрой помощью в столь опасную минуту примирил с собой всех. Слава его росла за пределами его владений, и казалось, что все это постигшее страну горе было предназначено лишь для того, чтобы увеличить его популярность. Так как Ирод во время бедствия выказал столь неожиданное великодушие, то отношение простонародья к нему совершенно изменилось: народ смотрел теперь на него не так, как привык судить о нем по его прежним деяниям, а видел в нем своего заступника в беде.

3. Около этого же времени царь послал также Цезарю пятьсот избранных телохранителей своих для войны. Галл Элий повел их к Черному морю¹¹, и здесь они оказали ему весьма ценную поддержку. Когда же у Ирода вновь накопились в достаточном количестве деньги, он приступил к по-

стройке дворца в верхней части города, причем устроил в нем обширные помещения, которые богато изукрасил золотом, камнями и диванами; в каждом из них имелось много кроватей, чтобы принять большое количество людей. Сообразно с объемами этих помещений царь дал им и названия, наименовав, напр., одно из них в честь Цезаря, другое в честь Агриппы.

В это же время Ирод вновь вступил в брак. Его побудили к тому его эротические наклонности, причем он вообще никогда не упустил случая пользоваться обстоятельствами для своего удовольствия. Мысль о браке явилась у него следующим образом: живший в Иерусалиме некий Симон, сын александрийца Воэта, выдающийся священнослужитель, обладал дочерью, считавшейся тогда первой красавицей. О ней говорили в городе, и слухи о ней дошли до Ирода. Когда же он увидел эту девушку, красота ее поразила его. Но царь отказался от мысли прибегнуть в данном случае к насилию, справедливо боясь навлечь на себя обвинение в тирании. Поэтому он предпочел вступить с девушкой в (законный) брак. Но так как Симон занимал слишком незначительное место, чтобы быть в состоянии породниться с царем, с другой же стороны, был слишком известен, чтобы не считаться с ним, то Ирод нашел удобное средство исполнить свое желание, решив поднять общественное положение всей семьи и дать ей более почетное место. Поэтому он немедленно сместил первосвященника Иисуса, сына Фавита, и назначил на его место Симона. Затем он вступил с ним в родственные отношения.

4. По окончании брачных празднеств он соорудил укрепление в той местности, где когда-то одержал победу над иудеями, когда он сам утратил власть и она была в руках Антигона. Эта крепость отстоит от Иерусалима на расстоянии около шестидесяти стадий и самой природой предназначалась быть удобным укреплением, так как поблизости находился довольно значительный холм, искусственно увеличенный человеческими руками и наверху срезанный и выровненный. На нем возвышались круглые башни, к которым вела крутая лестница из двухсот отесанных камней. Внутри этих башен находятся красивые царские покои, сооруженные не только в видах безопасности, но и для красоты. Около подножия холма возвышались грандиозные здания, служившие,

между прочим, водопроводами (в этой местности воды нет), причем вода течет сюда издалека. Здания эти сооружены с огромными издержками. Равнина покрыта домами наподобие целого города, а на холме возвышается крепость, господствующая над всей этой местностью.

5. Так как Ироду все удалось сообразно его надеждам, то он более уже не боялся возникновения смут в государстве: подданных он держал вполне в руках, отчасти нагоня на них страх, будучи неумолим в случае необходимости наказания, отчасти же выказывая к ним великодушную заботливость в беде. Вместе с тем, однако, он прибег к помощи иностранцев для укрепления своей личной безопасности, как будто бы ему нужен был такого рода оплот против своих собственных подданных. С иностранными государствами он поддерживал отличные отношения и при случае оказывал им услуги, чем еще более располагал их в свою пользу, причем выказывал всю свою истинно царскую щедрость. Благодаря этому и постоянной удаче влияние его росло. Такое ревностное его отношение и такая услужливость его к Цезарю и к наиболее влиятельным римлянам поневоле заставили его уклоняться от установленных родных обычаев и во многом нарушать иудейские законоположения. Он в своем усердии основывал города и воздвигал храмы, правда, не в Иудее (иудеи этого не потерпели бы, так как почитание статуй и изображений на манер греческих нам запрещено), но делал это вне пределов страны. При этом он оправдывался перед иудеями тем, что все это он предпринимает не по собственному желанию, но по поручению и предписаниям свыше, тогда как перед Цезарем и римлянами он выказывал достаточное пренебрежение к установленным законоположениям и делал вид, будто ставит почитание римлян выше последних. Впрочем, сам он больше всего имел тут в виду свою собственную пользу, так как сгорал желанием оставить потомству выдающиеся памятники своего правления. Это-то и побуждало его основывать города и не жалеть для того никаких расходов.

6. Найдя на морском берегу местность, в высшей степени удобную для города и раньше называвшуюся Стратоновой башней, он велел составить обширный план и приступил к постройкам, восстановил весь город, притом из бело-

го мрамора, и украсил его роскошными дворцами и общественными зданиями. Самым же замечательным его сооружением, отличавшимся как величиной, так и массой употребленного на него труда, была обширная гавань, величиной с Пирейскую¹², представлявшая внутри отличную стоянку и двойной ряд пристаней. Сооружение это было замечательно особенно тем, что царь не имел нужных материалов на месте, но должен был с большими издержками доставлять их издалека. Город этот расположен в Финикии, по дороге в Египет, между Яффой и Дором. Это два приморских пункта, неудобные по своей доступности ветрам, которые здесь наносят песок морской на берег и затрудняют причал, так что в большинстве случаев купцам приходится становиться на якорь в открытом море. Желая изменить характер этой местности, царь назначил для гавани настолько обширное пространство, что тут могли укрыться целые большие флотилии, и с этой целью приказал бросить в воду на глубину двадцати аршин огромнейшие камни. Большинство из них имело пятьдесят футов в длину, не менее восемнадцати футов в ширину и около девяти футов в высоту. Впрочем, тут были камни и больше, и поменьше. Весь мол, который он воздвиг в море, достигал двухсот футов в длину. Половина этого сооружения представляла оплот против набегавших волн (почему и называлась молотом), а другая половина представляла из себя каменную стену с башнями. Самая большая башня получила название Друзовой и была особенно красива. Прозвище свое она получила в честь пасынка Цезаря, Друза, умершего в юных летах. Тут же были устроены и сводчатые помещения, служившие местом отдыха и пристанищем для моряков. Пространство перед ними представляло шедшую кругом всей гавани набережную, которая служила отличным местом прогулки для желающих. Вход в гавань был устроен с северной стороны, потому что именно северный ветер тут наиболее мягкий. При въезде в гавань с левой стороны возвышалась огромная башня, построенная на прочном основании, чтобы противостоять напору волн, а с правой стороны были поставлены как раз против башни два огромных и соединенных между собой каменных столба. Кругом всей гавани тянулись дома из белого мрамора; среди них воздымался холм, на котором стоял храм в честь

Цезаря. Храм этот был виден еще издали с моря; в нем находились две статуи, одна, изображавшая Рим, другая — самого Цезаря. Вследствие красоты и дороговизны материалов самый город получил название Цезареи. Подземные его каналы и ходы были не менее грандиозны, чем наружные сооружения. Некоторые из них, отделенные друг от друга равными промежутками, тянулись вплоть до самого моря. Всех их перерезывал один большой канал, куда стекались дождевая вода и нечистоты; а так как он выходил в самое море, то волны морские проникали сюда извне и очищали таким образом весь город. Царь соорудил в самом городе также и театр, равно как амфитеатр за городом, у южной оконечности гавани. Этот амфитеатр мог вместить огромное количество народа и был помещен так удобно, что из него открывался вид на море. Город принял такой вид свой в течение двенадцатилетнего периода, потому что царь не щадил в этом случае ни сил, ни денег.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Окончив это дело, равно как успев отстроить и Себасту, Ирод решил послать сыновей своих, Александра и Аристовула, в Рим, чтобы они представились Цезарю. Когда они прибыли в Рим, то нашли пристанище в доме особенно преданного друга Ирода, Поллиона, хотя могли остановиться также у самого Цезаря. Последний принял юношей в высшей степени любезно и предоставил Ироду право назначить одного из них, по собственному желанию, своим наследником. При этом он отдал ему также области Трахона, Ватаней и Авранитиды. Подарок этот был вызван следующим поводом: некий Зинодор арендовал у Лисания его область, но так как он не удовлетворялся доходами с нее, то увеличивал последние путем разбойничьих набегов на Трахон. В этой местности обитали вообще погибшие люди, грабившие владения дамассцев. Между тем Зинодор несколько не препятствовал этому, но, напротив, сам имел долю в добыче. Страдавшие от этого пограничные жители обратились к тогдашнему наместнику Варрону с жалобой и просили написать Цезарю о безобразном поступке Зинодора. В ответ на это Цезарь послал распоряжение прекратить

эти разбои, а самую область предоставить Ироду, который позаботится уже о том, чтобы соседи более не подвергались неприятностям со стороны жителей Трахона. Впрочем, поимка разбойников представлялась делом далеко не легким, так как они привыкли к грабежам, представлявшим для них единственный источник доходов: у них не было ни города, ни земельной собственности, и они укрывались в подземных пещерах, которые служили им убежищем и где они жили со своим скотом. Так как они запаслись водой и пищей, то, очевидно, могли выдержать довольно продолжительную осаду. Входы в их пещеры были узки, и в них приходилось входить гуськом, тогда как внутри эти пещеры были весьма обширны и могли вместить множество народа; при этом верх их выступал немного наружу, будучи почти сровнен с поверхностью. Вся местность представлялась скалистой и труднопроходимой, если не пользоваться указаниями проводника, потому что тропинки вели не прямо, но сильно перекрещивались. Когда жившие здесь люди не могли совершать насилия над ближайшими соседями, они грабили друг друга, не останавливаясь ни перед какими преступлениями. И вот, когда Ирод отправился в эту местность, полученную им в дар от Цезаря, он при содействии проводников прекратил все прежние безобразия и даровал окрестным жителям спокойствие и мир.

2. Рассердившись сперва на отнятие области, а еще более возбужденный тем, что она досталась Ироду, Зинодор отправился в Рим, чтобы пожаловаться на Ирода. Но ему пришлось вернуться безуспешно. Тем временем в местности за Ионийским морем был в качестве представителя Цезаря послан Агриппа. Когда последний остановился для зимовья в Митилене, находившийся с ним в коротких приятельских отношениях Ирод прибыл также туда, а затем возвратился обратно в Иудею. Тогда к Агриппе явилось несколько гадарцев с обвинениями против Ирода, но Агриппа даже не выслушал их и отправил в оковах обратно к царю. Также и арабы, которые издавна были недовольны образом правления Ирода, всполошились и пытались устроить восстание, притом, как кажется, по довольно веским соображениям. Дело в том, что, когда Зинодор увидел, что ему уже не на что более рассчитывать, он поспешил отдать арабам за пятьдесят талантов

часть своих земель, а именно Авранитиду. Так как эта область входила в состав подаренных Ироду Цезарем, то арабы усмотрели в этом насилии лично по отношению к себе, совершали поэтому частые набеги, желая овладеть страной насильно, или же прибегали к жалобам. Вместе с тем они склоняли на свою сторону также несостоятельных солдат, вообще были очень враждебно настроены против Ирода и надеялись всегда на какой-нибудь переворот, на который обыкновенно рассчитывают всякие неудачники. Давно видя это и не желая подавать повода к открытым смутам, Ирод не обращал внимания на их угрожающие выходы, а старался успокоить их добрыми речами.

3. По истечении семнадцатого года царствования Ирода в Сирию прибыл Цезарь. Тогда значительное количество жителей Гадары обратилось к нему с жалобой на Ирода, обвиняя его в жестокости и тираническом образе правления. На этот шаг они решились главным образом по настояниям и наущению Зинодора, который при этом клятвенно уверял их, что не преминет всяческим образом освободить их из-под власти Ирода и подчинить их исключительно и непосредственно одному только Цезарю. Гадарцы дали себя убедить такими соображениями и энергично принялись обвинять царя, причем большую смелость придавал им факт, что выданные Агриппой Ироду связанными жалобщики не подверглись никакому наказанию, ибо Ирод отпустил их, не причинив им ни малейшего зла. Вообще насколько Ирод был неумолим по отношению к своим собственным подданным, настолько же великодушно он прощал проступки чужеземцев. И вот когда гадарцы стали обвинять его в насилиях, грабежах и разорении храмов, Ирод бесстрашно стал готовиться к защите; однако Цезарь крепко пожал ему руку и несколько не переменил своего к нему отношения, несмотря на волнение народной толпы. Расследование этого дела продолжалось целый день, а на следующий оно стало совершенно лишним, потому что гадарцы, видя расположение к нему Цезаря и синедриона и предполагая, что и было естественно, что их выдадут царю, боясь пыток, решили ночью покончить с собой; при этом одни из них зарезались, другие низверглись со скал, третьи искали добровольной смерти в волнах реки. Итак, они сами осудили себя за свое

легкомыслие и за свою виновность, вследствие чего Цезарь немедленно оправдал Ирода. К этой удаче царя присоединилась другая, довольно крупная, а именно: Зинодор повредил себе кишку, так что, обессилев от большой потери крови, умер в сирийской Антиохии. Тогда Цезарь отдал Ироду также довольно значительную область Зинодора, а именно: всю местность Улафу и Паниады с окрестностями, лежавшими между Трахоном и Галилеей. Вместе с тем он познакомил его также с сирийскими наместниками, причем приказал им предпринимать все только с одобрения Ирода. Вообще царь имел во всем большую удачу, а именно, два правителя огромного римского государства, Цезарь и Агриппа, относились к нему с таким расположением: Цезарь после Агриппы любил больше всего Ирода, Агриппа же отводил Ироду в своем сердце второе место после Цезаря. Пользуясь таким большим влиянием, Ирод выпросил у Цезаря для брата своего Фероры тетрархию, причем уделил брату из своей собственной казны капитал в сто талантов, чтобы, в случае несчастья, он был бы лично гарантирован и не очутился в зависимости от сыновей его (Ирода). Проводив затем Цезаря до моря, Ирод на возвратном пути воздвиг в честь его в бывшей области Зинодора, вблизи места, называющегося Панием, великолепнейший храм из белого мрамора. Здесь в горе находится очень красивая пещера, под которой земля образует глубокую, бездонную, наполненную стоячей водой бездну, а сверху возвышается огромнейшая гора. У подошвы ее, вблизи пещеры, находятся истоки реки Иордан. Это чудное место Ирод украсил храмом, посвященным Цезарю.

4. В это же время он освободил подданных своих от взноса третьей части податей под предлогом, чтобы люди оправились от неурожая, а на самом деле с целью вернуть себе утраченное расположение сограждан. Дело в том, что последние были недовольны всеми этими новыми сооружениями, в которых усматривали залог гибели прежнего благочестия и падение правов, причем на это постоянно глухо раздавался ропот недовольного народа. Впрочем, Ирод зорко следил за всем этим, лишая подданных удобного случая для выражения неудовольствия и постоянно принуждая их к работам. Сходки были запрещены гражданам, равно как

совместные прогулки и собрания, причем везде был установлен строжайший надзор. Ослушников постигали жестокие наказания. Много людей открыто и тайно были уводимы в крепость Гирканию и там предаваемы казни. Как в городе, так и по большим дорогам имелись смотревшие за этим шпионы. Рассказывают, что сам Ирод не брезговал этим средством, но часто, облекшись в одежду простолюдина, ночью смешивался с толпой простонародья, чтобы узнать настроение его относительно правительства. Тех, кто всячески и решительно противился нововведениям, он преследовал многообразным образом, прочий же народ он принуждал присягать на соблюдение ему верности и повиновения всем правительственным предначертаниям. Большинство уступало этим требованиям отчасти из расположения, отчасти из страха, всех же недовольных и озлобленных этими насилиями он всяческим образом губил. При этом Ирод потребовал присяги на верность также от учеников фарисея Поллиона и от Самеи, равно как от большинства их приверженцев; но последние отказались от этого и, несмотря на такой отказ, все-таки не подверглись каре благодаря заступничеству Поллиона. Равным образом были освобождены от этой принудительной меры так называемые ессеи. Это секта, образ жизни которой устроен по образцу школы греческого мудреца Пифагора. Впрочем, о них я в другом месте скажу подробнее¹³. Здесь следует указать, почему царь так глубоко чтит ессеев и считал их выше прочих людей, тем более что таким путем выяснится и взгляд общества на эту секту.

5. Был некий ессеянин по имени Манаим (Менахем), который вообще, особенно же вследствие своего праведного образа жизни, пользовался общим уважением, тем более что Господь Бог открыл ему знание будущего. Этот человек взглянул однажды на маленького Ирода, когда тот шел в школу, и предсказал ему, что он будет царем иудейским. На это Ирод, полагавший, что тот его не знает или шутит с ним, ответил, что он ведь принадлежит к простому классу. Манаим, однако, улыбнулся, ударил его рукой по спине и сказал: «И тем не менее ты будешь царствовать, и притом счастливо, ибо Предвечный так решил. Помни также об ударах Манаима, и пусть они будут тебе символом переменчивости судьбы. Все это было бы прекрасно, если

бы ты всегда любил справедливость и благочестие, равно как всегда был бы мягок со своими подданными. Но я, который знаю все, знаю, что ты не останешься таковым. Правда, ты будешь счастлив, как никто другой, и уготовишь себе вечную славу, но вместе с тем ты забудешь также о благочестии и справедливости. Все это известно Предвечному, и в конце своей жизни ты вспомнишь о Его гневе на тебя».

На эти слова Ирод тогда не обратил внимания, потому что не мог рассчитывать на их осуществление. Впоследствии, однако, он возвысился, достиг царской власти и высшего счастья. Тогда он во всем величии своей власти послал за Манаимом и стал расспрашивать его, сколько времени он будет править. Манаим воздержался от точного ответа. Тогда, ввиду его молчания, Ирод спросил его, будет ли его царствование продолжаться десять лет, на что Манаим отвечал, что и двадцать и тридцать; но при этом он воздержался от точного определения этого срока. Ирод удовлетворился и этим, обласкал старика и отпустил его и с тех пор в честь его относился всегда с уважением к ессеям. Несмотря на всю странность этого факта, мы все-таки сочли необходимым уделить ему здесь место и сообщить нашим читателям все о нем, тем более что многие из ессеев высоко чтимы (у нас) за свой праведный образ жизни и за знание всего божественного.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. После стольких прекрасных сооружений Ирод приступил при начале восемнадцатого¹⁴ года своего царствования к невиданному дотоле делу, а именно — к перестройке храма Господня. Он желал расширить его объемы и увеличить его высоту, считая, что тем он окончит самое замечательное из всех своих сооружений. Так оно и было в действительности, и этим Ирод снискал себе вечную славу. Но так как он знал, что народ нерасположен к нему, и отлично понимал трудности такого сооружения, он счел за лучшее, раньше чем приступить к делу, убедить народ речью в целесообразности такого начинания. Поэтому он собрал народ и обратился к нему со следующими словами: «Сограждане! Говорить обо

всем, что сделано мной во время моего царствования, я теперь считаю излишним; впрочем, все это я сделал не столько для своей собственной славы, сколько в видах вашей же личной безопасности. И вот, после того как я не забывал о вас в многоразличных и крайних бедствиях и при сооружении разных построек думал менее о себе, чем о вашем благе, я полагаю, что мне с помощью и по желанию Предвечного удалось довести вас до такого цветущего благосостояния, которого раньше не достигал народ иудейский.

Поэтому мне кажется теперь лишним говорить здесь вам, которые вы это сами прекрасно знаете, о том, что я сделал для страны, сколько городов мы воздвигли в стране и вновь присоединенных к ней владениях, чем отличнейшим образом мы сами возвысились; здесь я хочу указать лишь на то, сколько поднимет наше благочестие и прославит нас то сооружение; приступить к которому я теперь имею в виду. Этот храм построили в честь Всесильного Бога наши отцы по возвращении из Вавилона; но ему недостает целых шестидесяти локтей в высоту, чтобы сравняться с древним Соломоновым храмом. Но пусть никто не вздумает при этом случае обвинять предков наших в недостатке благочестия. Они сами имели в виду соорудить его в должных размерах, но меры были тут предписаны им Киром и Дарием Гистаспом, которым и потомкам которых были подвластны наши предки, равно как впоследствии они были подчинены македонянам. Поэтому они не имели возможности построить храм такой высоты, какой бы требовали его прототип и их собственное благочестие. А так как я теперь, по милости Божьей, правлю (самостоятельно), наслаждаюсь полным миром, у меня много денег и большие доходы, а главным образом, так как к нам расположены и дружелюбны римляне, эти властители всего, как говорится, мира, то я попытаюсь исправить ошибку прежних времен, объясняющуюся стесненным положением зависимых людей, и воздам Предвечному дань благочестия за все те благодеяния, которыми Он осыпал меня во время этого моего царствования».

2. Так говорил Ирод, и его неожиданная речь поразила большинство присутствовавших. Отсутствие твердой уверенности не придавало им бодрости, и они беспокоились, что царь уничтожит все (старое) здание храма раньше, чем смо-

жет довести до конца свое предприятие. Эта опасность казалась им тем более серьезной, чем серьезнее представлялись им размеры нового сооружения. Видя их в таком настроении, царь стал их успокаивать, говоря, что не раньше снесет храм, чем когда у него будет все готово для сооружения (нового святилища). В этом он, действительно, и не обманул их: приготовив тысячу телег для перевозки камней, выбрав десять тысяч наиболее опытных работников, купив для тысячи священников облачения и позаботившись обучить одних из этих священнослужителей плотничьему, других же строительному искусству¹⁵, он при такой подготовке приступил к самому сооружению нового храма.

3. Срыв древние фундаменты и возведя вместо них новые, он воздвиг на них храм, длиной в сто локтей, шириной в сто, вышиной же в сто двадцать локтей, из которых последние двадцать с течением времени ушли в землю, когда фундамент опустился¹⁶. Впрочем, возвести эти добавочные двадцать локтей мы собрались во времена Нерона. Храм был сооружен из прочных белых камней, из которых каждый имел в длину двадцать пять, в высоту восемь, а в ширину около двенадцати локтей. Все здание, подобно царскому чертогу, понижалось к краям, тогда как высшей частью являлась середина, так что ее можно было видеть издалека на расстоянии многих стадий; особенно же хорошо видно было это тем, кто жил как раз напротив здания или подходил к нему. Входные двери и их карнизы были, наподобие входа в сам храм, украшены пестрыми занавесами, на которых были вышиты узорами цветы и которые свешивались со столбов. Сверху над входом с фриза свешивалась золотая виноградная лоза, кисти которой спадали вниз. Зрители поражались в одинаковой мере как величиной, так и искусством этого украшения, равно как ценностью употребленного на него материала. Царь окружил здание храма рядами покоев, которые все находились по величине своей в соответствии со зданием храма. При этом он потратил на них такое множество денег, что, казалось, никто раньше него не мог так украсить храм. Эти здания покоились на огромной стене, в свою очередь, представлявшей одно из замечательнейших человеческих сооружений. Гора (на которой стоял храм) представляла значительный каменистый холм, постепенно

повышавшийся к восточной стороне города и заканчивавшийся там крутой вершиной. По повелению Предвечного первый наш царь Соломон¹⁷ вершину этого холма отделил и обстроил крупными сооружениями, равно как воздвиг стену и снизу у подошвы холма, там, где открывается глубокое ущелье. Тут он постепенно охватил края холма большими соединенными свинцовыми скрепами, глыбами камня, так что в конце концов получилась четверугольная терраса, удивительная как по своему объему, так и по высоте, на которой она находится. Огромные глыбы показывали снаружи всю свою величину, тогда как внутри они были связаны между собой прочными железными скреплениями, делавшими их устойчивыми навеки. Когда это сооружение было доведено таким образом до вершины холма, царь велел сровнять верх тем, что засыпал промежуток между скалой и стеной и устроил таким образом совершенно гладкое и ровное место без выступов. Вся окружность этой площади обнимала в совокупности четыре стадии, причем каждая сторона ее имела одну стадию в длину. Внутри, вокруг всей вершины горы, тянулась еще стена, к которой с востока примыкала двойная галерея одинаковой со стеной длины и лежала как раз против находившегося в центре площадки входа в здание храма. Эту галерею украсили многие из прежних царей. Вокруг всего здания храма тянулись прибитые к стенам доспехи варваров, и к этим трофеям, которые Ирод опять поместил теперь на их прежнем месте, он присоединил еще доспехи, отнятые им у арабов.

4. С северной стороны этого сооружения была построена прямоугольная сильная крепость, славившаяся своей неприступностью. Ее воздвигли еще предшественники Ирода, цари и первосвященники из дома асмонеяского, и называли ее Варис. Здесь сохранялось у них священное облачение, которое надевал на себя только первосвященник в случае необходимости принести жертву. Также и Ирод сохранял здесь это облачение; после его смерти оно попало в руки римлян, у которых и оставалось вплоть до времен императора Тиверия. При последнем сирийский наместник Вителлий, прибыв в Иерусалим и удостоившись от жителей весьма блестящего приема, желал им выказать свою за это благодарность и, так как они просили вернуть им это священное облачение, на-

писал о том императору Тиверии. Тиверий согласился вернуть священное одеяние иудеям, и таким образом оно оставалось у них до смерти царя Агриппы. После него тогдашний наместник сирийский Кассий Лонгин и наместник Иудеи Куспий Фад приказали иудеям положить это облачение в крепость Антонию, ибо римляне одни должны были быть хозяевами, как они были таковыми и раньше. Тогда иудеи послали послов к императору Клавдию с соответственными представлениями. Когда послы эти прибыли в Рим, находившийся там как раз царь Агриппа-младший обратился по этому поводу с просьбой к императору и получил разрешение вернуть иудеям облачение, причем соответственное распоряжение было послано верховному сирийскому наместнику Вителлию. Прежде первосвященническое облачение было обыкновенно запечатано печатями самого первосвященника и казначеев, так что за день до наступления праздника казначеи явились к начальнику римского гарнизона и по проверке печатей получали от него облачение. Затем, по миновании праздника, они относили его обратно на прежнее место, показывали начальнику крепости и осматривали и удостоверяли печати. — Все это я упомянул здесь вследствие многообразных горестных событий, имевших совершиться в будущем.

В то время иудейский царь Ирод еще более укрепил эту цитадель в целях усиления и ограждения храма и назвал ее Антонией в честь своего друга, бывшего римского военачальника Антония.

5. В западной стене, окружавшей все храмовые постройки, было 4 ворот. Одни из них вели к царскому дворцу, причем необходимо было пересечь лежавшую по пути котловину, двое вели к предместью города, а четвертые ворота обращены были к самому городу. При этом спуск в ложбину и выход из нее совершались по ряду специально устроенных для того ступеней. Город лежал как раз напротив святилища, образуя амфитеатр, за которым с южной стороны тянулось глубокое ущелье.

Фасад святилища также имел с южной стороны в середине входы и вместе с тем тройную царскую галерею, тянувшуюся от восточного до западного склона в долину; провести ее дальше оказалось невозможным. Это было одно из

самых замечательных сооружений в мире. Дело в том, что долина была так глубока, что голова кружилась, если смотреть в нее сверху; а тут была построена еще огромная галерея, так что у каждого кружилась голова еще раньше, чем взор достигал дна долины, потому что здесь присоединялась глубина последней к высоте галереи. Вместе с тем с одного конца галереи до другого были воздвигнуты четыре параллельных ряда колонн; из них последний, четвертый ряд входил в самую стену здания. Толщина каждой колонны была так значительна, что для обхвата ее требовалось три человека; высота каждой достигала двадцати семи футов, причем подножие ее составляло двойную базу. Всех колонн было сто шестьдесят две; капители их были снабжены коринфскими украшениями и поражали тонкостью своей работы. Так как колонны тянулись четырьмя рядами, то получались три (крытых) галереи. Из них две были совершенно одинаковы, а именно — имели по тридцать футов в ширину, по стадии в длину и более чем по пятидесяти футов в высоту. Ширина же средней галереи была в полтора, а высота в два раза больше крайних галерей, так что она значительно возвышалась над последними. Крыши этих зданий были украшены рельефными резными деревянными изображениями. Крыша средней галереи была выше прочих, и кругом вдоль стены были поставлены небольшие колонки, делившие все пространство на отдельные поля. Все это было так гладко и отполировано, что иной, кто не видал этого, пожалуй, и не поверит и что никто не мог взирать на это без величайшего изумления.

Такова была внешняя ограда храма. Внутри, в небольшом от нее расстоянии, была другая, снабженная несколькими ступенями. Она образовалась из каменной стены, на которой находилась надпись, под страхом смертной казни запрещавшая иностранцам доступ сюда¹⁸. Эта внутренняя ограда имела на южной и северной стороне по три входа, отстоявших друг от друга на равном расстоянии, с восточной же стороны одни большие ворота, через которые входим мы с женами своими в состоянии ритуальной чистоты. За этой оградой находилось недоступное женщинам святилище, а дальше третье отделение, доступ куда был открыт одним только священнослужителям. Тут находился самый храм, а перед ним возвышался алтарь, на котором мы приносим

Господу Богу жертвы всесожжения. Ни в одно из этих трех отделений царь Ирод не вступал (ему это было запрещено как не священнослужителю); он лично участвовал лишь в возведении галерей и внешних стен, которые и были воздвигнуты им в течение восьми лет.

6. Сам храм был отстроен священнослужителями за один год и шесть месяцев. Весь народ преисполнился радости и возблагодарил Господа Бога, во-первых, за быстрое окончание работы, а затем и за ревность царя. При этом они устроили радостный праздник в честь освящения храма. Царь принес в жертву Предвечному триста волов; остальные жертвовали каждый сообразно своим средствам; впрочем, невозможно установить совершенно точное число принесенных тогда в жертву животных. При этом день освящения храма совпал с днем восшествия царя на престол (а этот день уже всегда праздновался), и поэтому теперь празднество отличалось особенным блеском.

7. Вместе с тем был сооружен для царя также подземный ход, ведущий из цитадели Антония до самого храма, вплоть до восточного входа. Тут Ирод воздвиг для себя башню, куда он мог проникнуть подземным ходом, если бы пришлось опасаться народных волнений. Существует предание, что во все время производства работ по постройке храма днем ни разу не было дождя, который шел исключительно ночью, чтобы не препятствовать правильному ходу работ. Это предание сохранилось у нас от предков. Оно вполне правдоподобно, потому что ведь и в других случаях виден был перст Божий.

Таким-то образом закончилась постройка храма¹⁹.

КОММЕНТАРИИ

Глава вторая

¹ Срв. выше, стр. 289.

² Он отрезал ему уши. См. выше, стр. 288.

³ Срв. «Иуд. войну», I, 22, 3.

Глава четвертая

⁴ Срв. выше, стр. 246, прим. 6.

⁵ Срв. «Иуд. войну», I, 19, 1.

Глава пятая

⁶ В 30 г. до Р. Хр.

⁷ Здесь в большинстве рукописей замечается пропуск, восстанавливаемый Niese, по Bell. judaic. I, 19, 5, следующим образом: «Выведа войско свое вперед, Ирод стал вызывать врагов на бой, видя, что их войско охвачено ужасом, особенно же nepřиятельскій военачальник Ельфем решится и т. д.»

Глава седьмая

⁸ Срв. выше, т. II, стр. 322.

⁹ Второзак. XXVI, 1-4 разрешает такой развод лишь исходящим со стороны мужа.

Глава восьмая

¹⁰ Колесницы, в которые впрягалась четверка лошадей.

Глава девятая

¹¹ Цезарь Август вел тогда войну с арабами.

¹² Так назывался город вблизи Афин, служивший последним отличной гаванью.

Глава десятая

¹³ См. ниже, XVIII, 1, 2 и след., а также выше, стр. 192, прим. 25.

Глава одиннадцатая

¹⁴ Срв. «Иуд. войну», I, 21, 1 (где назван 15-й год). Впрочем, «Древн.» XXVIII, 9, 7 также цитируют восемнадцатый год.

¹⁵ Эти священнослужители должны были строить те части храма, куда был запрещен вход мирянам.

¹⁶ Здесь текст представляет пропуск, восстанавливаемый мной по латинскому переводу (Naber III, р. XLVII) на основании Bell. jud. V, 5, 4; Antiquit. XX.

¹⁷ Конечно, Соломон вовсе не был первым царем иудейским. Его здесь и в других местах (напр., кн. XX, гл. 8) Флавий называет так, потому что желает характеризовать Соломона как первого действительно блестящего и могущественного государя евреев.

¹⁸ Вот этот текст, найденный недавно: *Μηδένα ἀλλογενῆ εἰσπορεύεσθαι ἐντὸς περὶ τὸ ἱερὸν τρυφάκτου καὶ περίβολου ὅς δ' ἂν λήφθῃ ἐαυτῷ αἰτίος ἔσται διὰ τὸ ἐξακολουθεῖν θάνατον.* «Ни один иноземец не смеет войти за решетку и ограду святилища. Кто будет схвачен, тот сам станет виновником собственной смерти». Срв. Nowack, l. c. II, p. 77.

¹⁹ Вопрос о храме Ирода породил огромную литературу, указания на которую имеются у Nowack'a, l. с. II, p. 74, 75. — Главными древними источниками служат, кроме данной главы Иосифа Флавия, где находим преимущественно описание первого наружного двора храма, еще данные в его «Иудейской войне» (V, 5) и главным образом трактат Мишны, Миддот. Сообщения талмудического трактата крайне ценны не только как дополнение к данным Флавия, но и потому, что еще раз подтверждают значительную точность указаний последнего.

Книга шестнадцатая

Содержание:

1. Каким образом Александр и Аристовул вернулись из Рима.
2. О том, какие интриги пустили против них в ход Саломия и Ферора, сестра и брат царя.
3. О том, как Ирод, женив Александра и Аристовула, поехал к Агриппе в Митилену и там убеждал его присхать в Иудею.
4. Об отъезде Агриппы в Ионию и о том, как Ирод вторично поехал к Агриппе в Босфор.
5. Жалоба иудеев в Ионии Агриппе, в присутствии Ирода, на обращение с ними греков.
6. Как Агриппа поручился им в соблюдении законов и как Ирод возвратился в Иудею.
7. О том, как Ирод обратился с речью к жителям Иерусалима и освободил их от четверти налогов за истекший год.
8. О том, как смуты постигли семью Ирода, предпочитавшего всем остальным старшего сына своего, Антипатра; как Александр и Аристовул страдали от заносчивости последнего.
9. О том, как во время пребывания Антипатра в Риме Ирод предстал с обоими братьями перед императором и жаловался на них.
10. Защитительная речь Александра перед императором и его примирение с отцом.
11. О том, как Ирод при основании Цезареи установил повторявшиеся через каждые пять лет общественные игры.
12. О посольстве иудеев Кирены и азиатских к императору с жалобами на греков.
13. Содержание писем, посланных вследствие этого Цезарем и Агриппой греческим городам.
14. О том, как пуждавшийся в деньгах Ирод проник в могилу Давила, но бежал оттуда, преследуемый призраками, и затем воздвиг над этой могилой памятник.
15. О том, как каппадокийский царь Архелай примирил брошенного в темницу Александра с его отцом и затем вновь усхал домой, тогда как Ирод отправился в Рим.
16. О возмущении жителей Трахона и о подавлении его воспальниками этой провинции.
17. О том, как Ирод потребовал выдачи бежавших в Аравию зачинщиков бунта и как он, по получении отказа, устроил поход туда при Сатурнии.

18. О том, как арабский князь Силлей пожаловался императору на это вторжение Ирода и как последний чрез Николая смягчил гнев императора.

19. О наветах Еврикла Ироду на обоих сыновей его и о том, как царь велел посадить их в тюрьму и написал о них императору.

20. О том, как уполномоченный на то императором Ирод обвинил сыновей своих в Берите перед синедрионом, как обвиненные были казнены и как их похоронили в Александреуме.

Книга обнимает период в двенадцать лет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Ревностно заботясь при устройстве всего общественного строя об искоренении всяческого зла как из пределов самого города, так и вообще из страны, царь личной властью издал закон, который совершенно не соответствовал прежним установлениям и который требовал продажи воров в рабство вне пределов царства. Это постановление было не только слишком сурово за подобные провинности, но и шло вразрез с основными иудейскими законами: быть рабом у иноземцев, ведших различный с иудеями образ жизни, и быть вынужденным исполнять все требования иноземцев само по себе представляло уже нарушение благочестия, а вовсе не наказание виновных, относительно которых древнее законодательство сохранило известное постановление, гласившее: вор должен был вчетверо возместить убыток, а в случае невозможности — быть проданным в рабство, впрочем, никак не к иноземцам и отнюдь не навсегда; он обязательно получал обратно свою свободу по истечении шестилетнего срока¹. И вот когда вышло это (царское) постановление, определявшее столь суровое и незаконное наказание, в этом была усмотрена известная доля заносчивости царя, который издал свое постановление не как царь, а как тиран в насмешку над подданными; а так как оно вполне соответствовало вообще характеру всех прочих его постановлений, то оно послужило поводом к упрекам и недовольству по адресу его.

2. Около этого же времени царь предпринял поездку в Италию, чтобы повидаться с Цезарем, а также со своими сыновьями, жившими в Риме. Цезарь принял его во всех отношениях любезно и разрешил ему отвезти обратно на родину сыновей, которые уже успели закончить свое образование.

Когда Ирод вернулся с ними из Италии, простонародье восторженно отнеслось к юношам, снискавшим себе всеобщее благоволение как дарами счастья, которыми их наделила судьба, так и своей царственной внешностью и осанкой. Но зато они тотчас же навлекли на себя и недоброжелательство со стороны Саломии, сестры царя, и тех, что своими наветами загубили Мариамну. Дело в том, что последние уже теперь боялись, что, когда юноши сами вступят на престол, им придется поплатиться за незаконные свои поступки по отношению к их матери. Это опасение опять побуждало (придворных) к клеветническим наветам на юношей, причем выставлялось на вид, что те вовсе не находят удовольствия в обществе отца своего, так как считают безнравственным жить вместе с тем, кто являлся убийцей их матери. Так как подобные наветы походили на истину, основываясь на убедительном факте, то врагам удалось преуспеть в своих кознях и лишитъ юношей расположения, которое питал к ним отец их. Конечно, недоброжелатели ничего этого не высказали царю прямо, но распространяли такие слухи в народе; когда же об этом было допесено Ироду, в нем понемногу стала развиваться та ненависть (к сыновьям), подавить которую он с течением времени уже по самой природе своей не был в состоянии. Впрочем, пока у царя чувство родительской любви было еще сильнее всякой подозрительности и клеветы, и потому он заботился, чтобы его сыновьям оказывались всевозможные почести; когда же они достигли соответственного возраста, он женил их, а именно: Аристову дал в жены Беренику, дочь Саломии, а Александру — Глафиру, дочь каппадокийского царя Архелая.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Устроив это и узнав, что Марк Агриппа вновь прибыл из Италии в Азию, Ирод тотчас поехал к нему и просил его приехать в иудейское царство, чтобы пайти там гостеприимство предашного ему друга. Тот уступил настойчивым просьбам царя и приехал в Иудею. Ирод принял его с возможной любезностью во вновь отстроенных городах своих, где показывал ему все замечательные сооружения, а затем доставлял ему и друзьям его всевозможные развлечения и удовольствия,

не щадя на это никаких средств. Так, он показал ему Себасту и вновь отстроенную приморскую Цезарею, равно как и сооруженные с такими крупными издержками крепости Александреум, Иродиаду и Гирканию. Вместе с тем он повез его также в Иерусалим, где народ встретил Агриппу в праздничных одеяниях и с кликами восторга. Агриппа, в свою очередь, принес Всевышнему в жертву гекатомбу и устроил народу угощение, причем не давал никому перешеголять себя в щедрости. Несмотря на то, что он охотно остался бы здесь еще несколько дней, Агриппа, однако, был стеснен временем: будучи принужден вернуться вновь в Ионию, он ввиду приближения зимы не считал безопасным отлагать свое плавание.

2. Итак, Агриппа отплыл назад, богато одаренный Иродом, который почтил подарками также наиболее выдающихся лиц его свиты.

Царь провел зиму у себя дома, а с наступлением весны направился опять к Агриппе, который, как он знал, имел в виду предпринять поход на Босфор. Таким образом, он проплыл мимо островов Родоса и Коса, рассчитывая у Лесбоса встретиться с Агриппой. Но тут застиг его северный ветер, который не дал кораблям возможности войти в гавань. Простояв поэтому несколько дней у Хиоса, он принял тут множество просителей и отпустил их, одарив по-царски; когда же он увидел городские портики, разрушенные во время войны с Митридатом и нелегко восстанавливаемые, как другие здания, вследствие своей величины и красоты, Ирод отпустил (гражданам) столько денег, сколько было нужно для восстановления этого сооружения, и даже больше, и приказал не мешкать, а поскорее приняться за постройку, чтобы вернуть городу его прежнее украшение.

Когда, наконец, ветер улегся, царь поехал в Митилену, а оттуда в Византию; узнав же, что Агриппа успел уже миновать Кианейские скалы², он поспешил нагнать его. Около Синопа на Черном море Агриппа неожиданно увидел флотилию Ирода, и это доставило ему удовольствие. Свидание было очень радостно, так как Агриппа увидел доказательство величайшей преданности и любви к нему Ирода, который пустился в столь продолжительное плавание и не желал покидать его в нужную минуту, причем бросил свою страну и поставил на втором плане управление своими собственными дела-

ми. Во время этого похода Ирод был неотлучно с ним, являясь его союзником в боях, советником в серьезные минуты и приятным товарищем в удовольствиях; всегда и везде был он с ним, деля с ним все тягости, вследствие своего к нему расположения и радости, чтобы почтить его.

Когда окончилось у них то дело на Понте, ради которого Агриппа был послан туда, они решили возвратиться назад уже не морем, но проехать через Пафлагонию и Каппадокию. Перерезав затем Великую Фригию, они прибыли в Ефес, а оттуда морем переправились на Самос. Тут в каждом городе царь оказывал великие милости всем обращавшимся к нему за помощью. Он никогда не останавливался в раздаче денег или в оказании любезности, беря все издержки на свой счет. Он являлся также у Агриппы заступником за тех, которые имели к нему какие-либо просьбы, и достигал того, что никто из просителей не уходил недовольным. Так как сам Агриппа был человеком хорошим, великодушным и готовым быть всякому по мере сил своих полезным, лишь бы не обижать никого, то заступничество царя находило себе здесь широкое поле применения, побуждая и без того тороватого Агриппу к оказанию всевозможных благодеяний. Так, напр., царь примирил его с илионцами, на которых тот гневался, заплатил за хиосцев сумму, которую они должны были императорским наместникам, освободил их от ввозных пошлин и вообще поддерживал всех, по мере сил, в их нуждах.

3. Когда они, таким образом, прибыли в Ионию, к ним явилась огромная толпа живших в (ионийских) городах иудеев, которые воспользовались представившимся удобным случаем, чтобы пожаловаться на те притеснения, которым их подвергают, а именно, что им мешают жить сообразно их обычаям, что их нарочно заставляют являться в суд в дни священных праздников, что у них отнимают предназначенные для Иерусалима деньги, что их заставляют нести военную службу и заниматься общественными работами, причем принуждают тратить на это священные деньги, тогда как от всего этого они навсегда освобождены римлянами, предоставившими им право жить по собственным их законам. И вот, когда они так кричали, царь просил Агриппу выслушать их жалобу и приказал одному из своих друзей, некоему Николаю, выступить в качестве их заступника и представителя.

Агриппа собрал римских должностных лиц и присутствовавших там царей и властителей, а Николай выступил вперед и начал за иудеев (следующую) речь:

4. «Всесильный Агриппа! Все те, которые находятся в стесненном положении, должны обращаться за помощью к лицам, могущим поддержать их. Особенное право на это имеют здесь предстоящие ныне. Получая от вас прежде неоднократно те милости, которые служили к их благополучию, они теперь просят, чтобы вы, даровавшие им эти милости, теперь не лишали их таковых.

Ведь они получили свои привилегии от тех, у которых исключительно и есть на то возможности и власть, а теперь у них отнимают эти преимущества не более сильные, но такие же точно, как они сами, подданные ваши. Если они удостоились больших преимуществ, то в этом самом и заключается уже похвала им: значит, они оказались достойными таких великих милостей.

Если же эти преимущества незначительны, то гнусно, что даровавшие их не дают им возможности спокойно пользоваться ими. Вполне ведь ясно, что те, которые стесняют и гнетут иудеев, оскорбляют обе стороны, как тех, кто удостоился милостей, не признавая порядочными людьми тех, кого таковыми признали более могущественные, почему и даровали им указанные привилегии, так и самих даровавших эти преимущества, потому что стараются свести на ничто дарованные ими привилегии. И вот, если бы кто-нибудь спросил их, чего они предпочли бы лишиться, жизни или родных своих обычаев, процессий, жертвоприношений и ирзднеств, устраиваемых ими в честь так называемых богов их, то я отлично знаю, что они готовы были бы претерпеть все, лишь бы не тронуть чего-либо из обычаев. Ведь большинство их и предпринимает войны для ограждения этих установлений. Мы же тем измеряем благополучие, которым ныне благодаря вам пользуется все человечество, что каждой стране предоставлена возможность справлять почитаемые родные обычаи и жить по ним. И вот теперь люди, которые сами не согласились бы претерпеть таковое, изо всех сил пытаются навязать это другим, совершенно упуская из виду, что они поступают одинаково безбожно, когда пренебрегают собственными священными постановлениями относительно своих богов или когда святотатствен-

но посягают на подобные чужие установления. Посмотрим теперь на дело еще с другой стороны. Разве существует такое племя, такой город или целый народ, которым покровительство вашей власти и могущество римлян не представлялось бы величайшим благом? Разве найдется кто-либо, который бы отказался от ваших милостей? Нет, не найдется такого сумасшедшего. Нет никого, ни частного лица, ни общины, которые бы не чувствовали на себе этих милостей. Действительно, все, кто собирается отнять у кого бы то ни было вами дарованные милости, должны отказаться, в свою очередь, и от своих собственных вами дарованных привилегий; при этом все такие милости не могут быть даже вполюе оценены во всем их значении: если сопоставить прежнюю форму правления с теперешней, то среди многих прочих преимуществ последней, направленных к всеобщему благополучию, следует особенно остановиться на том, что ныне люди более не рабы, но свободны. И тем не менее, невзирая на все наши преимущества, последние все-таки не могут возбуждать зависти. Благодаря вам мы живем счастливо во всех отношениях и теперь просим только одного, именно и впредь пользоваться правом беспрепятственно соблюдать требования древнего благочестия, а это как само по себе не может быть вредно, так не может стеснять и тех, кто нам разрешил это. Ведь Божество в одинаковой мере охотно принимает поклонение, как и относится доброжелательно к тем, кто способствует поклонению Ему. В наших установлениях нет решительно ничего несовместимого с человеческим достоинством, а все направлено к благочестию и благотворной справедливости. Мы отнюдь не утаиваем данных нам для повседневной жизни предписаний, которые являются лишь напоминанием о нашем благочестии и свидетельствуют о прекрасном отношении нашем к людям вообще; каждый седьмой день (недели) мы посвящаем изучению законов и предписаний, считая необходимым такое напоминание и изучение всего, что избавило бы нас от будущих прегрешений. Если кто рассмотрит эти законы наши поближе, то увидит, что они, и сами по себе прекрасные, особенно выигрывают в наших глазах от своей древности, хотя некоторые и отрицают это; а эта древность их вызывает к ним тем более почтения и любознательности в тех, кто, приняв эти законы, свято чтит их. Теперь нас лишают этих преимуществ, насильственно

Псалмопевец Давид — покаяние

отнимая у нас деньги, собранные нами с богоугодной целью, и, таким образом открыто кощунствуя, назначают нам принудительные работы, заставляют нас в праздники являться в судилища и на работы, и все это не на основании заранее заключенного договора, но чтобы поглумиться над нашей хорошо всем известной религиозностью и для того, чтобы выразить нам свою ни на чем не основанную и беспредельную ненависть. Впрочем, ваше распространившееся по всей земле владычество одно в состоянии поддерживать в одинаковой мере добрые стремления, как и сдерживать всякое недоброжелательство, высказываемое одними против других.

Поэтому, могущественный Агриппа, мы теперь просим о том, чтобы не подвергаться обидам и глумлениям, чтобы не быть стесненными в наших обычаях, чтобы не лишиться нашего имущества и не подвергаться насилиям со стороны тех, кого мы сами ни в чем не стесняем.

Все эти требования наши не только справедливы, но уже раньше были признаны с вашей стороны вполне законными.

Песнь песней

Мы могли бы сослаться на целый ряд сенатских постановлений и на таблицы, помещенные на Капитолии, относительно наших привилегий, которые наглядно показали бы, что они дарованы нам вами за испытанную верность нашу, и которые имели бы все-таки законную силу, даже если бы мы их вовсе не заслужили своим к вам отношением. Охраняя права не только наши, но вообще всех людей, вы благодетельствуете в вашем владычестве всем, даруя милости в большей мере, чем можно было бы рассчитывать; всякий, кто вздумал бы перечислять все оказанные вами благодеяния, мог бы вести речь свою без конца. Впрочем, для того чтобы доказать, что мы достигли всех милостей совершенно справедливо, нам достаточно, умолчав о всем прочем, назвать одно лишь имя теперешнего царя нашего, который ныне сидит здесь рядом с тобой.

Разве он хоть раз изменил своему расположению к вашему дому, разве он когда-либо обнаружил какую-нибудь неверность? Разве можно говорить о какой-нибудь такой чести,

которой он не оказал бы вам? Разве есть такая услуга, в оказании которой он не явился бы первым? Что же препятствует тому, чтобы число наших услуг не сравнялось с числом ваших нам благодеяний? Конечно, вполне уместно, чтобы я не оставил теперь без упоминания также и доблести отца его Антипатра, который явился на помощь Цезарю с двумя тысячами воинов при вторжении его в Египет и не уступал в храбрости никому ни во время сухопутных сражений, ни во время морских битв. Что теперь говорить о том, какой поддержкой явились тогда эти воины и каких великих наград удостоился каждый из них от Цезаря; мне следовало бы тут напомнить о письмах, посланных тогда Цезарем сенату, о том почете, которого публично удостоился Антипатр, получивший тогда и право (римского) гражданства.

Итак, все с достаточной убедительностью свидетельствует о том, что мы вполне заслужили (римские) милости и теперь на вполне законном основании требуем от тебя подтверждения этих наших преимуществ, на которые мы могли бы, если бы они даже не были дарованы нам раньше, ныне рассчитывать, видя добрые отношения нашего царя к вам, а ваши к нему. Вместе с тем нам сообщили тамошние (иерусалимские) иудеи, сколь милостиво ты посетил страну их, как ты принес богатые жертвы Предвечному, выразив свое к Нему почтение молитвами, как ты угостил народ и благожелательно принял от него его дары.

Такой прием, оказанный тебе, человеку со столь обширной властью, народом и городом (Иерусалимом), должен служить символом твоей дружбы к народу иудейскому, дружбы, возникшей благодаря посредничеству дома Ирода. Напоминая тебе обо всем этом, мы теперь, в присутствии здесь сидящего царя нашего, не просим ничего сверх того, что вы сами уже даровали нам, и умоляем не относиться безразлично к тому, что этих ваших милостей собираются теперь лишить нас посторонние лица».

5. На такую речь Николая греки и не думали возражать, тем более что тут не было никакого судебного разбирательства, но лишь возбуждался вопрос о насильственном нарушении фактических прав. Поэтому греки вовсе и не отрицали правильности приведенных фактов, но ограничились лишь указанием на то, что иудеи совершенно завладели теперь их

территорией и позволяют себе всяческие несправедливости. На это иудеи отвечали, что они сами являются такими же коренными жителями страны (как и греки) и, соблюдая свои родные установления, никому не причиняют ни малейшего зла. Тогда Агриппа признал, что иудеи являются потерпевшей стороной, и ввиду расположения к нему и дружбы Ирода выразил готовность оказать иудеям всяческую поддержку в их совершенно законных требованиях, сказав при этом, что он готов исполнить и всякие другие просьбы их, лишь бы это не умаляло власти римлян. Что же касается их просьбы о подтверждении уже прежде дарованных им прав их, то он сим вновь утверждает их за ними и требует, чтобы никто не препятствовал им спокойно жить сообразно их собственным установлениям.

С этими словами он распустил собрание. Ирод же поднялся с места, обнял Агриппу и выразил ему свою признательность за его расположение к нему. Обрадованный этим Агриппа, в свою очередь, заключил царя в объятия и расцеловался с ним.

После этого Агриппа уехал с Лесбоса, царь же решил от Самоса вернуться домой и поэтому простился с Агриппой. Несколько дней спустя он прибыл, благодаря попутному ветру, в Цезарею. Отправившись отсюда в Иерусалим, он созвал народ в собрание; там было также много обитателей внутренних частей страны. Тут он выступил вперед, дал отчет о своем путешествии и особенно подчеркнул то обстоятельство, что ему удалось добиться для всех иудеев повсеместно в Азии невозбранное на будущее время отправление своих установлений. О своей удаче и об устройстве своих дел он сумел также упомянуть, равно как о том, что он не упускал никогда случая заботиться о благе иудеев. В радости он отпустил народу четвертую часть повинностей за истекший год. Народ в восторге от его речи и оказанной милости разошелся в великой радости, выражая царю своему всяческие благопожелания.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Тем временем неурядица в доме царя росла и росла, принимая все более угрожающий характер; с одной стороны, Саломия как бы по наследству перенесла всю свою ненависть

на юношей и, принимая во внимание успешность своих интриг против их (покойной) матери, совершенно потеряла чувство меры и дошла до того, что решилась не оставить в живых никого из родни покойной ею загубленной царицы, кто мог бы отомстить за смерть ее; с другой же стороны, и у юношей кипела глухая злоба против отца отчасти при воспоминании о страданиях их матери (и эта злоба была вполне основательна), отчасти вследствие пробуждавшегося и в них страстного желания власти. И вот вновь началось горе, подобное прежнему, а именно — раздалась укору юношей по адресу Саломии и Фероры, возникали ненависть последних к юношам и интриги против них. Обе стороны отличались одинаковой ненавистью друг к другу; неодинаков был лишь характер проявления этой ненависти. В то время как юноши видели признак благородства в том, что по неопытности не сдерживали своего гнева и всегда были готовы открыто высказывать хулу и порицания, придворная партия поступала таким же образом, но прибегала при этом к ловким и остроумно подведенным наветам, постоянно тем самым подзадоривая юношей и побуждая их к решительному и рискованному шагу относительно их родителя. Так как юноши не обращали внимания на приписываемые их матери провинности и полагали, что она, во всяком случае, пострадала невинно, то придворные не сомневались, что они лично отомстят тому, кто, видимо, являлся виновником ее смерти. В конце концов этими слухами преисполнился весь город, и, как это бывает в борьбе, все сожалели о неопытности юношей; вместе с тем росла и бдительность Саломии, которая старалась в поведении самих юношей найти доказательство непреложности своих слов. Они так скорбели о смерти своей матери, и смерть ее, по их мнению, ложилась позором и на них самих, что старались повсюду вызвать законшую жалость не только к участи своей матери, но и к самим себе, которые принуждены жить вместе с убийцами ее и делить с ними все.

2. Все эти распри быстро росли, так как удобной для того почвой являлось отсутствие царя. Когда Ирод вернулся и обратился, как мы выше упомянули, с речью к народу, Ферора и Саломия немедленно явились к нему с представлением, как велика для него опасность со стороны юношей, которые-де без стеснения грозят не отлагать мщения за убийство

своей матери. Вместе с тем они указывали Ироду также на то, что те рассчитывают при помощи каппадокийца Архелая предстать перед Цезарем и обратиться к нему с обвинениями против отца своего. Услышав это, Ирод очень встревожился и еще более смутился, когда ему о том же сообщили также и другие. При этом он не мог не подумать о прежде постигших его бедствиях, как он лишился своих лучших друзей и любимой жены вследствие возникших в семье распрей, а так как он предвидел, что ближайшее будущее сулит ему гораздо более тяжкое горе и несчастье, он был крайне расстроен. Дело в том, что, несмотря на дарованные ему Господом Богом и превосходившие всякие ожидания внешние успехи, он в домашней жизни был невыразимо несчастен, и рознь эта доходила до таких пределов, что никто себе этого даже не мог представить; вместе с тем он не знал, не отдать ли ему все внешние свои успехи за устранение зол в домашней среде и не лучше ли будет избавиться от такого обилия домашних неурядиц отречением от высокого царственного положения.

3. Находясь в таком смущении и столь неопределенном положении, он решил, чтобы обуздать юношей, призвать другого сына своего, Антипатра, который родился у него, когда он еще был частным человеком, и дать ему почетное положение, впрочем, не в такой степени, как сделал он это впоследствии, уступив и отдав ему все. Таким путем Ирод рассчитывал сократить притязания сыновей Мариамны и думал, что они тем скорее придут в себя, чем скорее поймут, что не они являются единственными господами положения и что не им одним, и притом обязательно, предстоит унаследование царской власти. Поэтому он ввел при дворе Антипатра в качестве их соперника, рассчитывая не без основания на целесообразность такой меры для себя лично и на то, что, если он поставит юношей на второй план, они со временем исправятся. Однако все случилось иначе, чем он предполагал.

Сыновьям (Ирода) отнюдь не понравилось стеснение, которому они теперь подверглись; с другой же стороны, Антипатр выказал всю силу своего характера, внезапно добившись власти, на которую раньше никак не мог рассчитывать: теперь у него была одна только цель — вредить своим братьям и не допускать их к занятию первенствующего положения, равно как не отходить от отца, который уже поддавался наветам со

стороны и благодаря стараниям (Антипатра) мог быть еще более возбуждаем против опороченных юношей. Все такие наветы исходили от Антипатра, причем последний, однако, остерегался подавать вид, что он является виновником их; напротив, он пользовался для этого совершенно неподозрительными клеветами, которые тем самым лишь еще более доказывали свое мнимое расположение к царю. В то время (при дворе) было уже много лиц, которые примкнули к Антипатру в расчете на награды и которые заставляли Ирода верить, что они говорят все это из преданности ему. При таком дружном и верно рассчитанном образе действий сами юноши, со своей стороны, подавали все новые поводы к сплетням. Они нередко плакали над постигшим их унижением, взывали к матери своей и открыто в присутствии приближенных царя обвиняли последнего в нарушении права. Все это ловко подхватывалось гнусными сообщниками Антипатра и доносилось Ироду в приукрашенном виде, так что домашние смуты только росли и росли. Царь расстраивался этими доносами и, желая еще более унижить сыновей Мариамны, все более возвышал Антипатра, так что в конце концов решился даже пригласить ко двору мать его; вместе с тем он неоднократно писал о нем императору и выставял его как особенно дельного человека.

Когда же Агриппа после десятилетнего правления в Азии собрался вернуться в Рим, Ирод отплыл к нему из Иудеи и взял с собой при этом случае одного лишь Антипатра. Последнего он поручил Агриппе с просьбой взять его с большими подарками в Рим, чтобы Антипатр там мог заслужить благоволение Цезаря. Таким образом, могло казаться, что Антипатр забрал всю власть в свои руки, тогда как его юные братья окончательно и раз навсегда были лишены ее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Во время этого путешествия Антипатр достиг действительно всякого почета и, видимо, пользовался огромным успехом; так как Ирод заранее оповестил всех друзей своих об его приезде, то в Риме ему был оказан блестящий прием. Но Антипатр теперь страдал от того, что он вдали от отца и что ему не представляется более случая по-прежнему клеветать на братьев; поэтому он опасался возможности перемены в отце,

который мог бы вздумать относиться к сыновьям Марииамны более ласково. Носясь с этими мыслями, Антипатр не отступал от раз принятого намерения своего, но посылал и отсюда частые письма отцу своему, чтобы восстанавливать последнего и раздражать его относительно братьев. Предлогом ему служило при этом сильное беспокойство об отце; на самом же деле тут целиком сказывалась вся гнусность его характера и вся сила его и без того необузданного властолюбия. В конце концов ему удалось довести Ирода до такого гнева и такой злобы, что последний окончательно возненавидел юношей; впрочем, пока он еще воздерживался от приведения в исполнение своих (мрачных) планов касательно их. Чтобы, однако, не совершить опрометчивости по недосмотру или по слишком большой поспешности, Ирод предпочел поехать в Рим и там пожаловаться императору на детей своих. При этом он желал избегнуть всего, чем он мог бы навлечь на себя подозрение в слишком большой жестокости. Прибыв в Рим, он поспешил в Аквелею, чтобы тут поскорее повидаться с Цезарем. Получив аудиенцию и попросив разрешения побеседовать о крупном постигшем его горе, Ирод представил (императору) сыновей своих и стал жаловаться на их недружелюбие и дерзкие замыслы, направленные к тому, чтобы всюду и всячески выказывать отцу враждебность и ненависть, которые-де клонятся к тому, чтобы умертвить его и таким безбожным образом овладеть царским престолом. При этом Ирод указывал на то свое, дарованное ему самим Цезарем право, в силу которого он перед смертью вовсе не был обязан отдать царство тому или другому сыну, но пользовался правом свободной передачи престола тому из сыновей своих, которого он сочтет по его преданности ему наиболее достойным. Впрочем, продолжал он, они вовсе уж не столь заботятся о власти, но охотно отказались бы даже вовсе не только от нее, но и от собственной своей жизни, лишь бы иметь возможность умертвить отца своего: такая дикая и свирепая ненависть к нему развилась в сердцах их. Это свое горе, которое он долго был принужден таить в себе, ему теперь приходится раскрывать перед Цезарем и такими речами оскорблять его слух. Пусть скажут юноши, подвергались ли они когда-либо какому-нибудь стеснению с его стороны? Когда он был жесток с ними? Как же они смеют у него, столь справедливого человека, оспаривать

вать право власти, которой он сам достиг после долгих трудов и опасностей! Как они могут мешать ему пользоваться ею и предоставить ее тому, кого найдет достойным ее? Ведь такая награда, паравне со всякой другой за благочестие, выпадает лишь на долю того, кто старается за это сравниться в достаточной заботливости со своим предшественником. Итак, очевидно, что все их интриги против него никак не могут быть названы приличными. Ведь тот, кто только и думает о получении царской власти, тем самым все время рассчитывает вместе с тем и на смерть отца своего: иначе ему не достигнуть власти. Сам он давал до сих пор (всем) своим подданным и особенно своим царственным детям все в изобилии, позаботившись не только о приличной обстановке, о служителях и о содержании их, но и поживив их блестящим образом, а именно, дав одному из них в жены дочь сестры своей, Александру же — дочь царя Архелая. Самое важное, однако, теперь то, что он сам при таких обстоятельствах не воспользовался своей личной властью, но решил привезти юношей к их общему благодетелю, Цезарю, и, отказавшись теперь от всего, на что может иметь право оскорбленный отец и подвергшийся козням царь, готов вместе с ними выслушать решение императора. Впрочем, он просит, чтобы его права не были попораны и чтобы ему не приходилось дольше жить в постоянном страхе за себя; он надеется, что Цезарь не оставит дольше в живых тех, кто решился на такое ужасное дело: если они теперь избегнут кары, то им самим впоследствии придется также сильно пострадать от людей, как они теперь причинили страдания другому.

2. С такой страстностью жаловался Ирод Цезарю на сыновей своих. Пока он говорил, юноши в крайнем смущении разразились слезами, а еще громче заплакали, когда он кончил, потому что в них было искреннее сознание, что они никогда не доходили до такого безбожного намерения; но вместе с тем они отлично сознавали, как трудно на самом деле оправдаться им в возведенных на них Иродом обвинениях; несмотря на то, что теперь представлялся к тому наиболее подходящий случай, они все-таки не сочли уместным выяснить, насколько отец был введен в заблуждение своей собственной страстностью и поспешностью. Поэтому они совершенно не знали, что им говорить, только плакали и в конце

концов разразились громкими рыданиями; они боялись, что, если будут молчать, это может подтвердить их виновность, а с другой стороны, затруднились, по юности и вследствие страшного смущения, в способе своей защиты. Впрочем, от Цезаря, который следил за ними, отнюдь не ускользнуло, что они молчат не столько по сознанию своей виновности, сколько по неопытности и смущению. Жалость к ним обуяла всех присутствовавших; вместе с тем сам отец их в тайниках души своей не мог не чувствовать сострадания к ним.

3. Увидя некоторое расположение как со стороны отца, так и со стороны Цезаря, видя также, что многие из присутствующих плачут и все глубоко опечалены, один из братьев, Александр, обратился к отцу со следующей речью, в которой пытался опровергнуть взводимые обвинения:

«Отец! Расположение твое к нам подтверждается уже всем этим делом; ведь если бы ты замышлял против нас что-нибудь ужасное, ты не привел бы нас к тому, кто является общим спасителем. Тебе, в силу твоей царской и отцовской власти, было вполне возможно расправиться с людьми, тебя обидевшими. Но то, что ты привез нас в Рим и посвящаешь его (императора) во все это дело, служит гарантией нашего спасения. Ведь никто не поведет того, убить кого имеет в виду, в святилища и храмы. Но наше положение отчаянное: мы не желали бы оставаться долее в живых, если во всех укоренилась уверенность, что мы посягали на такого отца. Еще хуже было бы, если бы предпочли безвишней смерти жизнь, оставаясь в вечном подозрении. Итак, если наше сознание, что мы говорим правду, имеет некоторую силу в глазах твоих, нам доставила бы блаженство возможность одновременно убедить тебя в своей невинности и избежать грозящей нам опасности; но если все-таки клевета удержится на своем месте, то к чему нам это солнце, на которое мы взирали бы, занятные подозрением? Конечно, указание на то, что мы стремимся к власти, является достаточно ловким обвинением по отношению таких молодых людей, как мы, а если к тому еще присоединить упоминание о нашей достойной матери, то этого вполне достаточно, чтобы усугубить первое наше несчастье и довести нас до настоящего горя. Но взгляни на то, не общий ли это случай и не применимо ли подобное обвинение в сходных случаях. Ведь ничто никогда не мешает царю, у кото-

рого есть молодые сыновья, мать коих умерла, видеть в них подозрительных лиц, домогающихся престола своего отца. Однако одного только подозрения не довольно, чтобы высказывать столь безбожное обвинение. Пусть кто-либо осмелится сказать нам, что случилось нечто такое, в силу чего при всем легковерии (людей) нечто невероятное стало непреложным. Разве кто-либо смеет обвинять нас в составлении отравы, или совершении заговора среди сверстников, или в подкупе прислуги, или в распространении воззваний против тебя? И все-таки каждое из таких преступлений, даже если оно и не имело места, легко служит предметом клеветы. Правда, отсутствие единоклассника в царской семье является крупным несчастьем, и та власть, которую ты называешь наградой за благочестие, часто вызывает в гнуснейших людях такие надежды, ради которых они готовы не сдерживать своих дурных склонностей. Никто не сможет упрекнуть нас в чем-либо противозаконном. Но как устранишь клевету тот, кто не желает слушать? Быть может, мы сказали что-либо лишнее?

Если это так, то, во всяком случае, это не относилось к тебе, ибо это было бы несправедливо, но относилось к тем, которые не умалчивают ни о чем сказанном. Кто-либо из нас оплакивал свою мать? Да, но мы жаловались не на то, что она умерла, а на то, что и после смерти она подвергается поруганию со стороны недостойных людей. Обвиняемся мы в том, что стремимся к власти, которая, как нам известно, в руках отца нашего? Но с какой стати? Если, как это и есть на самом деле, мы пользуемся царским почетом, разве мы стараемся не напрасно? Или если мы им еще не пользуемся, то разве мы не можем впоследствии рассчитывать на него? Или неужели мы стремились захватить власть, уничтожив тебя? Но после такого злодеяния нас не несла бы земля и не держало бы море. Разве благочестие и религиозность всего народа допустили бы, чтобы во главе правления стали отцеубийцы и чтобы такие люди входили в священный храм, тобой же сооруженный? Далее, наконец! Оставляя в стороне все прочее, разве мог бы, пока жив император, оставаться безнаказанным какой-либо убийца? Сыновья твои не так безбожны и безумны, но, право, они гораздо несчастнее, чем бы следовало для тебя. Если же у тебя нет поводов к обвинениям, если ты не находишь козней, что же укрепляет тебя в уве-

репности совершения такого страшного преступления? Мать наша умерла. Но ее судьба не могла нас восстановить (против тебя), а лишь сделала нас более рассудительными. Мы хотели бы еще многое привести в свое оправдание, но у нас нет слов для этого, так как ничего не случилось. Поэтому мы предлагаем всемогущему Цезарю, являющемуся в настоящую минуту судьей между нами, следующий исход: если ты, отец, вновь желаешь относиться к нам без подозрительности и верить нам, то мы готовы оставаться в живых, хотя, конечно, уже не будем по-прежнему счастливы, ибо среди крупных несчастий одно из наиболее тяжких — быть ложно обвиненным; если же у тебя еще есть какое-либо опасение относительно нас, то спокойно принимай себе меры к ограждению своей личной безопасности, мы же удовлетворимся сознанием своей невиновности: нам жизнь вовсе не так дорога, чтобы сохранять ее ценой беспокойства того, кто даровал нам ее».

4. Пока юноша говорил таким образом, Цезарь, который и раньше не верил чудовищной клевете, теперь еще более склонялся в его пользу и не спускал глаз с Ирода, видя, как он расстроен. Волнение охватило также всех присутствовавших, и в зале раздался ропот против жестокосердия царя. Всеобщее сожаление вызвало столь невероятное обвинение цветущих и красивых юношей, и все готовы были оказать им поддержку, особенно после того как Александр так ловко и умело возразил на обвинение. Впрочем, и юноши сами еще не были в состоянии прийти в себя, плакали и, убитые горем, смотрели в землю.

Таким образом, однако, у них опять явилась надежда на благополучный исход этого дела, тем более что царь, видимо, построивший свое обвинение на весьма шатком основании, нуждался в некоторой поддержке, так как сам не был в состоянии что-либо возразить. Немного погодя Цезарь сказал, что если, по его мнению, юноши и были довольно далеки от желания совершить возводимое на них преступление, они все-таки не так держали себя по отношению к отцу своему, чтобы не подавать повода к такому обвинению. При этом император предложил Ироду оставить всякое подозрение и помириться со своими сыновьями, потому что несправедливо с его стороны верить в такие козни собственных детей. Взаимное примирение, говорил он, заставит забыть все случившееся и

лишь усилит любовь их друг к другу, причем обе стороны должны будут простить друг другу слишком поспешное подозрение и постараться загладить последнее еще большей преданностью. Увещевая их таким образом, император сделал юношам знак (рукой). Когда же они хотели броситься к ногам отца и со слезами вымолить себе у него прощение, Ирод предупредил их, заключил их в объятия и стал осыпать их поцелуями, так что никто из присутствовавших, ни свободнорожденный, ни раб, не был в состоянии скрыть свое волнение.

5. Поблагодарив затем Цезаря, юноши вместе удалились, и с ними ушел Антипатр, притворно выражавший свою радость по поводу их примирения. В течение ближайших дней Ирод одарил Цезаря, который как раз устраивал для римского народа игры и раздачу хлеба, тремястами талантов. Цезарь, в свою очередь, подарил ему половину доходов с кипрских медных рудников и поручил ему заведование другой половиной их; вместе с тем он почтил царя всяческими другими дарами и вниманием, относительно же престолонаследия предоставил Ироду полную свободу в выборе себе либо одного преемника, либо нескольких, между которыми он, по личному усмотрению, мог разделить свое царство. Ирод хотел это сделать немедленно, но император не разрешил, указывая на то, что при жизни не следует отказываться от власти ни над царством, ни над детьми своими.

6. После этого Ирод вернулся назад в Иудею. Пока он был в отсутствии, значительная часть, а именно область Трахонская, отпала от него. Впрочем, оставленные в ней военачальники вскоре опять справились с ней и побудили ее к повиновению. Когда Ирод с сыновьями пришел к киликийскому городу Елеусу, который теперь переименован в Себасту, он встретился тут с кашадокийским царем Архелаем; тот радушно приветствовал его, радуясь его примирению с сыновьями и особенно тому обстоятельству, что именно его зять Александр опроверг возведенное на них обвинение. Тут они обменялись истинно царскими дарами. Отсюда Ирод поехал в Иудею и, прибыв туда, вступил в храм, где сообщил о всем случившемся во время путешествия, упомянул о расположении к нему Цезаря и обо всем прочем, что считал полезным довести до сведения народа. Закончил он речь свою увещеванием жить дружно и обратился с этим увещеванием не толь-

ко к сыновьям своим, но и к придворным и ко всему прочему населению и объявил, что назначает себе в преемники по престолу сыновей своих, сперва Антипатра, а затем и сыновей от Мариамны, Александра и Аристовула. Пока же он просил смотреть на него одного как на царя и властелина, так как ему не мешают ни его старость, являющаяся наилучшим моментом для царствования ввиду приобретенного опыта, ни что другое держать еще бразды правления: он еще в силах управлять государством и держать в повиновении детей своих. Затем он обратился к военачальникам и войску с указанием, что, если они будут пока смотреть на него одного как на государя, жизнь их потечет спокойно и они сами будут способствовать собственному благополучию.

С этими словами царь распустил собрание. Большинству присутствовавших речь его понравилась. Впрочем, были также некоторые, не оставшиеся довольны ею, потому что вследствие его борьбы с сыновьями и надежд, возлагавшихся на них, многое в государстве изменилось, и население допускало возможность коронного переворота³.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Около этого времени закончилась отстройка города Цезареи Себасты, которую вновь отделал Ирод⁴; десятый год со времени начала работ близился к концу, а освящение города пало на двадцать восьмой год правления царя, в сто девяносто вторую олимпиаду. Для ознаменования освящения города был устроен необычайный праздник, к которому были сделаны блестящие приготовления. Царь обещал при этом случае устроить музыкальные и гимнастические состязания, заготовил огромное число гладиаторов и диких зверей, позаботился о конском ристалище и вообще обставил все празднество большим блеском, чем то было принято даже в Риме или в других местах. Эти игры он посвятил Цезарю и распорядился, чтобы они повторялись каждые пять лет. Император, в свою очередь, желая почтить преданность Ирода, посылал ему из личных средств все нужное для игр. Равным образом и жена Цезаря, Юлия, послала от себя много особенно ценных (в Палестине) вещей, дабы ни в чем не было недостатка. Стоимость всех этих даров исчислялась в общем до пятисот талантов.

В город на игры собрались огромные массы народа и целые посольства, которые отправили отдельные общины в знак благодарности за полученные благодеяния. Всех их Ирод принял радушно и гостеприимно и почтил их непрерывными удовольствиями: днем увеселяли их театральные зрелища, а по ночам их ждали изысканные и дорогие удовольствия, так что щедрость царя вошла в поговорку. Во всех своих предприятиях Ирод всегда старался превзойти все, что было раньше. Говорят даже, будто Цезарь и Агриппа неоднократно заявляли, что страна Ирода слишком мала для его великодушия и что он достоин быть царем всей Сирии и Египта.

2. После этого празднества и игр царь воздвиг новый город на равнине, носящей название Кафарсава, выбрав для того богато орошенную и плодородную местность. Вокруг нового города текла река, а над ним возвышалась замечательная по величине деревьев роща. В честь отца своего, Антипатра, Ирод назвал этот город Антипатридою. Кроме того, он построил выше Иерихона в честь своей матери укрепление, отличавшееся как неприступностью, так и красотой, и назвал его Кипром. В честь своего давно любимого брата Фасаила он воздвиг великолепный мавзолей, а именно соорудил над самым городом (Иерусалимом) башню, не уступающую по величине своей маяку в Фаросе. Башню эту он назвал Фасаиловой, и она служила как для охраны города, так и для сохранения воспоминания об умершем брате, в честь которого и была названа. Вместе с тем он основал в честь того же брата также город при входе в северную часть иерихонской долины, и благодаря ему он поднял благосостояние дотоле бесплодных окрестностей города, так как о том позаботилось новое население его. И этот город был назван им Фасаилидой.

3. Было бы затруднительно перечислить здесь все прочие благодеяния, которыми он осыпал города Сирии и Эллады, равно как другие местности, куда ему приходилось заезжать во время своих путешествий. Для общественных и казенных зданий он, видимо, израсходовал действительно крупные денежные средства, равно как доставлял таковые для окончания начатых построек, если первоначально ассигнованные суммы оказывались недостаточными. Самыми крупными и знаменитыми из его сооружений и деяний являются следующие.

Родосцам он на собственные средства отстроил пифийский храм и дал им много талантов серебра на снаряжение флота; жителям Никополя, основанного императором вблизи Акциума, он помог соорудить большинство их общественных зданий; антиохийцам, жителям крупнейшего сирийского центра, он украсил двумя рядами портиков ту широкую улицу, которая пересекает весь город, и велел всю занимаемую городом площадь вымостить шлифованными плитами для большего украшения города и удобства жителей; олимпийским играм, по безденежью утратившим свою прежнюю славу, он даровал прежнее их значение и почет тем, что назначил им денежную субсидию и путем жертвоприношений и прочими подарками сделал их вновь популярными. Благодаря своей щедрости он был навеки записан элидцами в число почетных устроителей игр.

4. При таких обстоятельствах, конечно, многие изумляются противоречиям в характере Ирода. Если мы взглянем на щедрость и благодеяния, которыми он осыпал всех людей, то никто, сколь низко ни оценивал бы его, не смог бы не согласиться, что царь обладал весьма доброй душой. Если же, с другой стороны, обратить внимание на насилия и несправедливости, которые он совершал относительно своих подчиненных и ближайших родственников, и вспомнить о жестокости и неумолимости его характера, то придется склониться к убеждению, что Ирод являлся чудовищем, чуждым всякой мягкости. Вследствие этого некоторые полагают, что он страдал внутренним разладом и всегда боролся сам с собой. Я, впрочем, с этим не согласен и думаю, что обе указанные черты его характера имеют одну общую причину. Так как он был честолюбивым и совершенно подчинялся этой страсти, то он предавался порывам великодушной щедрости, лишь бы у него была надежда сейчас же списать себе славу или впоследствии увековечить себя; благодаря, однако, непосильным при этом денежным затратам ему поневоле приходилось быть жестоким к своим подданным. Все то, что он изобильно тратил на одних, приходилось насильно отнимать у других. Отлично сознавая, насколько подданные ненавидят его за все притеснения, а с другой стороны, не будучи в состоянии прекратить насилия (что отозвалось бы неблагоприятно на его доходах), он пользовался этим самым нерасположением народа

в целях личного своего обогащения. Что касается, далее, его приближенных и домашних, то если кто-либо из них не льстил ему на словах, или не признавал себя рабом его, или возбуждал к себе подозрение в смысле злоумышления против царской власти, то Ирод не умел владеть собой и свирепствовал без меры против родственников и друзей своих, обходясь с ними как с врагами; все эти гнусности он позволял себе относительно них исключительно потому, что безумно жаждал личного почета. Доказательством столь сильно в нем развитой страсти этой служат мне почести, оказанные им Цезарю, Агриппе и прочим друзьям своим. Поскольку он сам преклонялся перед более могущественным, постольку же он желал почета и для себя лично, и такое сильное приложение с его стороны старания доказывало лишь, что он сам домогался подобного. Народ иудейский по своему закону чужд всему подобному и привык ставить справедливость выше славолубия. В силу всего этого он и не пользовался благосклонностью в глазах Ирода, так как не умел льстить честолюбию царя ни статуями, ни храмами, ни подобными средствами. Во всем этом я вижу причину безобразного отношения Ирода к своим домашним и приближенным, а также объяснение его потворства иноземцам и людям вообще недостойным.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Отдельные общины притесняли иудеев, живших в Азии, равно как в ливийской Кирене; хотя прежние правители когда-то даровали им равноправие, но в это время греки отнеслись к ним отвратительно, отнимая у них священные деньги и нанося им вред в их частных владениях. Сильно от этого страдая и не предвидя предела бесчеловечному отношению к ним греков, иудеи отправили к императору посольство с жалобой на свое положение. Цезарь восстановил им их прежнюю равноправность и послал в указанные провинции соответственные распоряжения. Здесь мы приводим копии с этих постановлений в доказательство расположения, которое питали к нам древние правители.

2. «Цезарь Август, верховный жрец, облеченный властью народного трибуна, объявляет: ввиду того, что народ иудейский не только в настоящее время, но и прежде, особенно при

отце моем, императоре Цезаре, являл себя преданным римскому народу, особливо когда иудейским первосвященником был Гиркан, я и присяжные советчики мои, по решению римского народа, постановляем: чтобы иудеи пользовались правом невозбранно жить по своим законам, как то было при первосвященнике Всевышнего Гиркане; чтобы священные деньги были неприкосновенны, посылались в Иерусалим и вручались там казначеям иерусалимским; чтобы иудеев не привлекали в судебные заседания ни по субботам, ни накануне суббот с девятого часа. Если кто-нибудь будет уличен в краже священных книг или священных денег из молитвенного дома или залы иудейского совета, тот будет обвинен в кощунстве, а имущество его поступит в римскую казну. Свидетельство, данное мне иудеями относительно моего гуманного отношения ко всем людям, а также о Гае Марции Цензорине, равно как настоящее постановление, я приказываю вывесить в знаменитом посвященном мне всеми жителями Азии храме ашкирском⁵. Кто нарушит в чем-либо это постановление, будет жестоко наказан». Это было записано на колонне в святилище Цезаря.

3. «Император посылает привет свой Норбану Флакку. Все те иудеи, которые по древнему обычаю собирают и отправляют в Иерусалим священные деньги, пусть делают это беспрепятственно».

4. Таковы постановления императора. Также и Агриппа издал следующее постановление об иудеях: «Агриппа посылает привет свой начальству, совету и населению города Ефеса. Я желал бы, чтобы контроль и охрана отправляемых в иерусалимский храм священных денежных сумм лежали, сообразно издревле установленному обычаю, на живущих в Азии иудеях. Все те, кто украдет священные деньги иудеев и будет искать убежища в священном месте, должны быть схватываемы и выдаваемы для заслуженной кары иудеям как лица кощунствующие. Вместе с тем я послал также претору Силану письменный приказ о том, чтобы в субботние дни ни один иудей не привлекался к суду».

5. «Марк Агриппа посылает привет начальству, совету и народу Кирены. Киренские иудеи, относительно которых уже Август запретил ливийскому претору Флавию и остальным лицам провинции затруднять отсылку священных, по их обычаям, денег в Иерусалим, теперь обратились ко мне с жало-

бой, что некоторые чиновники препятствуют им в этом, совершенно неосновательно и незаконно домогаясь различных поборов. Поэтому я приказываю отныне ни в чем не стеснять иудеев, и, если у некоторых общин были отняты священные деньги, возвратить их тем, кому поручено было собрать их, или живущим там иудеям».

6. «Проконсул Гай Норбан Флакк посылает привет свой должностным лицам и совету города Сард. Цезарь прислал мне приказание не мешать никому из иудеев, сколько бы их ни было, собирать по установленному у них обычаю и отсылать в Иерусалим священные деньги. Я пишу вам об этом, дабы вы знали, что то желание не только мое, но и самого императора».

7. Равным образом и проконсул Юлий Антоний писал: «Посылаю привет свой должностным лицам, совету и населению города Ефеса. Живущие в Азии иудеи явились ко мне в февральские иды во время судебного заседания в Ефесе и заявили мне, что Цезарь Август и Агриппа разрешили им пользоваться собственными их законоположениями, жить по их установлениям и в знак благочестия приносить в жертву Всевышнему по собственному усмотрению и невозбранно все перворожденное; равным образом они просили теперь меня закрепить за ними это право, дарованное им Августом и Агриппой. Посему я объявляю вам, что, согласно постановлениям Августа и Агриппы, я сам также разрешаю им это делать беспрепятственно на основании их древних постановлений».

8. Все это я привел здесь по необходимости, потому что наша история попадет главным образом в руки греков. Им я хочу доказать, что мы не только издревле удостаивались всяких почестей и правители никогда не возбраняли нам жить по нашим установлениям, но что они даже поддерживали нас в нашем благочестии и в воздавании почестей Всевышнему. Я часто упоминаю об этом, чтобы примирить народы с нами и уничтожить причину врожденной во многих неразумных людях вражды к нам и этим нашим установлениям. Среди отдельных племен нет ни одного, которое жило бы по обычаям, вполне тождественным с правами других народов; между государствами мы в этом отношении находим множество различий. Между тем, у всех людей, у греков и у варваров, справедливость представляет одинаковое понятие и считает-

ся везде в равной мере полезным началом для всех. А так как наши законы в особенно сильной мере отличаются этой справедливостью, то естественно, что, если мы только точно следуем этим законам, мы становимся ко всем решительно расположенными и любвеобильными людьми. Поэтому мы можем и от других требовать к себе хорошего отношения и не допустим, чтобы с нами обходились как с чужеземцами лишь вследствие различия в наших установлениях; напротив, мы желали бы признания нашей пригодности и порядочности. Стремление к последней обще всем людям и представляет из себя единственное средство как следует устроить жизнь. Возвращусь, однако, к своему повествованию.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1 Расходовавши большие деньги на внешние и внутренние дела царства, Ирод как-то узнал, что предшественник его, Гиркан, открыл гробницу Давида и похитил оттуда три тысячи талантов серебра⁶, но что там осталось весьма много денег, которыми можно было бы покрыть все расходы; поэтому он довольно долго обдумывал план — воспользоваться этими суммами. И вот однажды ночью он с большими предосторожностями, чтобы никто из граждан не узнал о том, распорядился открыть гробницу и в сопровождении преданнейших друзей своих вошел в нее. Впрочем, денег, подобно Гиркану, он тут не нашел, но зато обрел огромное множество золотых украшений и разных драгоценностей. Все это он взял себе. Желая основательно ознакомиться с содержимым склепов, он захотел проникнуть глубже в гробницы, к тому самому месту, где покоились тела Давида и Соломона. Тут, однако, погибли двое из его оруженосцев, как говорят, от пламени, которое вылетело на них, когда они сделали попытку проникнуть внутрь склепа. В полном ужасе Ирод выбежал из склепа и затем распорядился воздвигнуть, в знак умиловления Предвечного, памятник из белого камня при входе в гробницу. На это он израсходовал огромную сумму денег. Об этом памятнике упоминает также современный Ироду историк Николай, но не говорит, чтобы царь проник в самую гробницу, так как он (Николай) понимал все неприличие подобного деяния. Впрочем, и в других случаях

этот писатель поступает подобным же образом. Живя в его царстве и находясь с царем в личных сношениях, он писал лишь в угоду ему и чтобы ему льстить, останавливаясь при этом исключительно на таких фактах, которые могли возвеличить Ирода, оправдывая многие из явных его несправедливостей и даже особенно тщательно скрывая их. Так, напр., он старается превознести царя даже в таких его поступках, как казнь Мариамны и умерщвление сыновей ее, и для этого клеветет, обвиняя царицу в отсутствии целомудрия, а юношей в интригах (против царя). Вообще, во всей своей истории этот автор чрезмерно превозносит все справедливые поступки царя и в такой же мере старается извинить все совершенные им беззакония. Впрочем, как я уже говорил, ему это вполне простительно: он писал не историю, а оказывал лишь услугу царю. Мы же, которые сами происходим из асмонеяского царского рода и поэтому сами принадлежим к священническому сословию, не сочли удобным говорить о нем неправду и чистосердечно и сообразно истине излагаем ход событий; правда, мы высоко чтим многих царственных потомков Ирода, но гораздо выше их мы ставим истину, которой, когда Ирод поступал справедливо...⁷ Поэтому случилось, что мы навлекли на себя гнев их.

2. После его безбожного посягательства на гробницу домашние дела Ирода видимо стали ухудшаться — оттого ли, что уже прежде замечались изъяны, которые теперь стали расти от его греховности и наконец привели к неописанным бедствиям, или потому, что царя преследовал злой рок; при этом то обстоятельство, что он (в прочих делах) был счастлив, могло вызвать предположение, что все эти (домашние) неурядицы являлись следствием его греховности. В придворном кругу был такой разлад, какой бывает в момент междоусобной войны: всюду чувствовалась ненависть, выражавшаяся в чудовищных взаимных наветах. Антипатр постоянно ковал крамолу против своих братьев; он очень ловко навлекал на них обвинение извне, тогда как сам притворялся нередко их заступником. Делал он это с целью выказать им якобы свое расположение и преданность; на самом деле он преследовал свои личные планы. Таким образом действий он ловко обманывал даже отца своего, так что последний был убежден, что он все предпринимает исключительно в

видах его блага. Ввиду этого Ирод подчинил Антипатру даже своего главного министра Птолемея и стал советоваться относительно государственных дел с его матерью. Одним словом, эти люди стали отныне играть главнейшую роль, могли делать что бы ни пожелали и возбуждать царя против кого угодно. Тем временем сыновья Мариамны все сильнее ощущали тягость своего положения и в сознании своего благородного происхождения никак не могли примириться с постигшим их бесчестьем, именно, что они были отторгнуты (от семьи) и занимали такое неблестящее положение. Что касается женщин, то жена Александра, дочь Архелая, Глафира, питала ненависть к Саломии, отчасти из чувства привязанности к своему мужу, отчасти потому, что ее обвиняли в слишком высокомерном отношении к дочери Саломии. Дочь последней была замужем за Аристовулом, и Глафира не выносила, что та держала себя как равная ей.

3. Когда эта ссора обнаружилась во второй раз, сюда оказался замешанным даже брат царя, Ферора. Он навлек на себя особенное подозрение и ненависть, потому что совершенно подчинился одной из своих рабынь, так недостойно увлекся любовью к ней и в столь сильной мере отдался ей, что совершенно забросил невесту, дочь царя, и только думал о рабыне. Ирод почувствовал себя опозоренным со стороны брата, которому он оказал такие значительные благодеяния, которого он сделал своим соправителем и который, как он видел, платил ему теперь злом за добро. Он не желал его даже видеть. Не считая Ферору достойным этой девушки, Ирод выдал ее за сына Фасаила; лишь долго спустя, когда он мог предположить, что страсть погасла в его брате, он вступил с ним вновь в переговоры о браке и предложил ему в жены свою вторую дочь, называвшуюся Кипррой. Вместе с тем и Птолемей стал советовать Фероре прекратить оскорбительное для брата поведение и покончить со своим любовным увлечением. При этом (министр) указывал, что постыдно в угоду рабыне лишать себя расположения со стороны царя, возбуждать последнего и подавать ему повод к сильной ненависти.

Видя всю пользу такого изменения вещей, Ферора вспомнил, что и раньше ему простили одну провинность, и отторгнул рабыню, успевшую родить ему ребенка. Вместе с тем он выразил царю согласие на брак со второй его дочерью,

назначил сроком свадьбы тридцать дней и поклялся при этом, что отныне прекратит все свои отношения к отторгнутой рабыне. По истечении тридцатидневного срока, однако, он настолько был одержим любовью к рабыне, что отказался решительно от всех своих намерений и вновь вернулся к любимой женщине. Это окончательно расстроило и взорвало Ирода, который не скрывал своего гнева. Отныне царь в разговорах постоянно делал разные намеки, и многие, основываясь на гнѳе Ирода, делали эти замечания исходной точкой разных наветов против Фероры. Вообще теперь не проходило ни дня, ни даже часа, чтобы царю не приходилось волноваться. Напротив, постоянно ему докладывали о новых распрях между его родными и наиболее близкими ему людьми. Так, напр., Саломия дошла в своем сильном озлоблении против сыновей Мариамны до того, что вмешалась в супружеские отношения своей родной дочери, бывшей замужем за Аристовулом, одним из юных сыновей Мариамны, и побудила ее рассказать и сообщить ей о многом, чего бы та, собственно, не должна была говорить. Этим она вызывала раздоры и вводила новые поводы к подозрениям. Таким образом она сама разузнавала все, что происходило между юношами, и сеяла разлад между дочерью и ее мужем. В угоду своей матери дочь часто сообщала Саломии, как братья, оставаясь наедине, вспоминают о Мариамне, как ненавидят отца и как постоянно грозят, в случае, если когда-либо достигнут царства, обратиться сыновей Ирода от прочих жѳен в сельских писарей (к чему-де они благодаря своим теперешним занятиям и по своей подготовке только и способны), и как они грозят, если увидят женщин в царственном убранстве их матери, облечь их в мешки и бросить в темницы, где бы они не видели даже солнечного света. Все это через посредство Саломии немедленно сообщалось царю, который узнавал о том, правда, со скорбью в сердце, но все-таки старался об общем умиротворении. Впрочем, все эти подозрительные вести мучили его, он лишь более озлоблялся и в конце концов начинал верить всему. Хотя он тогда относительно своих сыновей держал себя все еще довольно милостиво, вследствие того, что они сумели оправдаться перед ним, однако зато впоследствии произошло гораздо более крупное горе.

4. Дело в том, что Ферора явился к Александру, женатому, как мы упомянули, на дочери Архелая, Глафире, и сообщил ему, будто бы со слов Саломии, что Ирод воспылал страстью к Глафире, и притом страстью неудержимую. Услышав это, Александр по юности и страстности своей страшно разгорячился и на основании случайно прорвавшегося замечания стал особенно подозрительно относиться к проявлениям нежности Ирода к молодой женщине (а Ирод действительно неоднократно выражал ей свое расположение) и принимал их с самой скверной стороны. Наконец, он почувствовал себя более не в силах сдерживать свое горе, отправился к отцу и со слезами поведал ему то, что сообщил ему Ферора. Ирод окончательно вышел из себя и, не будучи в состоянии снести столь гнусной для него и притом ложной клеветы, страшно заволновался; он громко стал жаловаться на гнусность своих родных, которым он оказал столько добра и которые, в свою очередь, возвели на него такую напраслину, послал затем за Феророю и обратился к нему с проклятиями: «Гнуснейший мерзавец, — сказал он ему, — неужели ты дошел до такой степени неблагодарности, что мог обо мне подумать и распространять такие вещи? Разве я не вполне ясно вижу в этом твои намерения; ведь ты являешься к моему сыну с такими речами не только для того, чтобы опозорить меня, но и добиваешься моей гибели, заставляя детей моих ковать крамолу против меня и готовить мне яд их руками? Какой бы сын, если бы его не охраняли, подобно этому, добрые гении, удержался от убийства родного отца при таком обвинении, возводимом на него? Разве ты желал вселить в его душу один лишь разлад или же дать ему в руку и меч против родителя? Чего же ты желал, когда ты в ненависти своей к нему и к его брату, прикидываясь другом, клеветал ему на меня и говорил ему такие вещи, которые измыслить и вымолвить могла лишь твоя гнусность? Прочь, негодяй, который так подло поступил относительно своего благодетеля и брата; пусть позор твой будет вечен на тебе, я же не только не стану преследовать моих детей, как они того заслуживают, но превзойду самого себя в ласковом к ним отношении в гораздо большей мере, чем они того достойны».

5. Так говорил царь, Ферора же, который на месте попался в своей гнусности, сказал, что все выдумала Саломия, от

Пророк Исаия

которой-де и исходят все эти речи. Лишь только услышала это присутствовавшая тут же Саломия, как она притворно возопила, что все это ложь относительно нее, что все прилагают всяческие усилия навлечь на нее ненависть царя и что всяким образом хотят погубить ее за ее преданность Ироду, которого она всегда предвещает об угрожающих ему опасностях. В настоящую минуту возбуждение против нее достигло еще гораздо больших размеров, потому что она была единственной, которая убеждала брата отречься от теперешней жены своей и жениться на дочери царя. Очевидно, что он и возненавидел ее за это. Пока она так говорила, она рвала на себе волосы и неоднократно била себя в грудь. Все это по виду убеждало в ее искренности, но гнусность ее характера явно свидетельствовала о притворстве с ее стороны. Тем временем Ферора стоял посреди них и не имел возможности приличным образом оправдаться; он должен был признаться в том, что действительно распускал такие слухи про царя, но ему не верили, что он говорил с чужих слов. Эта перебранка

Плач Иеремии

и спор между ними продолжались порядочное время. Наконец царь с чувством гадливости отпустил от себя как брата, так и сестру, похвалил сына за силу воли и за то, что он передал ему все эти наветы, и уже поздно вечером подумал о том, чтобы дать телу своему покой и отдых. Вся эта внезапно обнаружившаяся история сильно повредила репутации Саломии (все были уверены, что навет все-таки исходил от нее). Жены царя были и без того восстановлены против нее, так как знали ее скверный характер и ее непостоянство, в силу которого она становилась с ними то во враждебные, то в дружеские отношения. Поэтому они постоянно имели сказать что-нибудь Ироду против нее, а один случай еще более укрепил их в этой решимости.

6. Арабский царь Обод был человеком неделятельным и апатичным по характеру и (поэтому) все дела его лежали на Силлее, муже способном, еще молодом и красивом. Однажды Силлей по какому-то делу прибыл к Ироду. Обедая вместе с последним, он увидел Саломию и почувствовал влечение к ней.

Зная к тому же, что она вдова, он вступил с ней в разговор. Саломия, в свою очередь, теперь не пользовавшаяся таким расположением брата, как некогда, и отнесшаяся тепло к молодому человеку, согласилась на брак с ним. С этого момента все присутствовавшие за столом (женщины) убедились, что между Силлеем и Саломией явно установились необыкновенно короткие отношения. Обо всем этом женщины донесли царю, причем смеялись над неприличным поведением обоих. Ирод обратился по этому поводу также к Фероре и поручил ему проследить за столом, как те относятся друг к другу. Ферора сообщил, что, судя по их жестам и взорам, они, очевидно, пришли к взаимному между собой соглашению. После этого араб уехал, оставаясь под подозрением. Спустя, однако, два или три месяца он вновь вернулся и теперь уже прямо явился к Ироду с предложением выдать за него замуж Саломию. При этом он указывал, что такое родство будет бесполезно для него в смысле вступления царя в более тесное общение с царством арабским, которое, в сущности, у него уже теперь почти в руках, а впоследствии, наверно, перейдет к нему. Когда Ирод передал сестре своей это предложение и спросил ее, согласна ли она на такой брак, та немедленно ответила утвердительно. Тогда от Силлея потребовали перехода в еврейство (иначе брак был невозможен); тот, однако, на это не согласился, ссылаясь на то, что в таком случае арабы побьют его камнями. С этим он уехал. Между тем Ферора стал обвинять Саломию в несоблюдении целомудренности, тем более что и женщины утверждали, что у нее установились слишком интимные отношения к арабу. Тогда Саломия попросила выдать за сына своего от брака с Костобаром ту девушку, которую царь первоначально предназначил в жены своему брату, но которой не взял Ферора, так как сообразно нашему сообщению, он был увлечен другой женщиной. Царь первоначально согласился на этот брак, но затем склонился на убеждения Фероры, который указывал на то, что юноша этот не будет надежным зятем, так как его отец был убит Иродом, и что было бы куда правильнее выдать девушку замуж за его собственного сына, будущего владельца тетрархии. Вместе с тем он просил прощения у Ирода, и тот согласился на это. Таким образом, девушка, переменяв жениха, вышла за сына Фероры, и царь подарил ей в приданое сто талантов⁸.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Домашние смуты, однако, отнюдь не прекращались, но постоянно вызывали все новые и большие осложнения. И вот случилось нечто, что, проистекая из довольно скверного источника, повело впоследствии к крупным затруднениям. У царя были евнухи, которых он крайне любил за их красоту. Из них один исполнял обязанности виночерпия, другой служил за столом, а третий, как наиболее преданный, должен был заботиться о ложе царя. Влияние их на государственные дела было огромно.

Кто-то донес царю, что сын Ирода, Александр, подкупил этих евнухов огромной суммой денег. Когда они были допрошены относительно дружественных сношений с Александром и близости к нему, они этого не отрицали, но вместе с тем настаивали на невинности своей в смысле каких-либо козней против отца Александра. Однако, когда их подвергли пытке и они очутились в безвыходном положении, причем палачи в угоду Антипатру особенно старательно мучили их, несчастные сказали, что в душе Александра (действительно) были нерасположение и ненависть к отцу и что Александр убеждал их покинуть уже слишком состарившегося Ирода, который-де старался скрыть свои лета, крася волосы и таким образом вводя всех в заблуждение относительно своего возраста. Если же, говорил он, они будут преданы ему, то, лишь только он добьется царского престола, который, несмотря ни на какие желания царя, все-таки должен перейти только к нему (Александру), они быстро получат первые места в государстве. При этом он будто бы указывал на то, что не только благодаря своему происхождению, но и вследствие того, что у него все уже приготовлено, власть не может миновать его, так как многие из военачальников и целый ряд верных и надежных друзей вполне готовы сделать для него все и подвергнуться чему угодно.

2. Узнав об этом, Ирод весь преисполнился гнева и страха; он озлобился такими гнусными речами, и вместе с тем они испугали его, заставляя видеть всю опасность. Все это в совокупности только еще больше раздражало его, и он в своем озлоблении опасался, как бы в эту минуту ему не угрожала более серьезная опасность, чем от какой он был в

силах оградить себя. Ввиду этого он не приступал к открытому расследованию дела, но подослал к подозрительным лицам соглядатаев. Так как он относился с недоверием и ненавистью решительно ко всем и всюду видел угрожающую опасность, то стал питать подозрение даже относительно ни в чем не повинных людей. В этом он совершенно не знал никаких границ: те, кто, на его взгляд, были при нем слишком долго, казались ему опасными, так как он считал их более способными нанести ему зло; тех же, кто почему-либо не общался с ним, было достаточно только назвать: этого ему было довольно, чтобы загубить их и тем гарантировать себе личную безопасность.

В конце концов его приближенные, потеряв всякую уверенность в своей безопасности, стали доносить друг на друга, торопясь предупредить в этом своих товарищей и думая лишь сами оградить себя; когда случалось, что они достигали своей цели, то, в свою очередь, навлекали на себя подозрения и оказывались сами (в глазах царя) достойными того же наказания, которое они столь предусмотрительно и преступно уготовили своим товарищам. Таким-то образом поступали все те, кто имел с кем-либо личные счеты, но месть их падала назад на их же собственные головы; каждый случай представлялся им удобным для того, чтобы устроить ловушку противникам; впрочем, они сами попадались таким же способом, каким старались устроить козни другим. Дело в том, что на царя вскоре нападало раскаяние в гибели людей, очевидно невиновных, но это тяжелое чувство отнюдь не удерживало его от дальнейших подобных меропрятий, а скорее побуждало его подвергать доносчиков такой же участи.

3. Таковы были смуты при дворе. Царь объявил уже многим приближенным своим, что впредь не требует более их посещений. Это распоряжение он сделал для того, чтобы иметь большую свободу действий и не стесняться по-прежнему. При этом случае он удалил от себя также двух издавна преданных ему друзей, Андромаха и Гемелла, которые оказали ему многочисленные услуги при дворе и немало поддерживали его во время посольств и разных совещаний, равно как воспитывали сыновей Ирода; они раньше занимали высокое место при дворе. Андромаха царь удалил оттого, что сын его был близок к Александру, Гемелла же

потому, что он знал личную преданность старика Александру, которого он воспитал и обучил и с которым не разлучался во все время пребывания его в Риме. Царь охотно избавился бы от них менее деликатным способом, но так как он не мог этого сделать относительно столь выдающихся и недавно еще игравших у него столь крупную роль мужей, то лишил их только внешнего почета и тем предупредил возможность преступных замыслов с их стороны.

4. Виновником всего этого являлся Антипатр, который, поняв страшное действие распущенности отца своего, издавна был его ближайшим советником и рассчитывал скорее всего добиться своей цели, если избавится решительно от всех лиц, которые могли бы оказывать ему сопротивление. И вот, лишив таким образом Андромаха всякого влияния, царь стал подвергать пыткам всех, кого признавал за лиц, преданных Александру, и добиваться, не знают ли они о какой-нибудь интриге против него. Все эти люди умирали, не имея что сказать. Это (еще более) озлобляло царя, так как он не мог допытаться ничего из предполагавшегося им. Антипатр при этом выказал необычайное умение представлять действительно невинных людей в качестве непоколебимых и преданных приверженцев (Александра) и побуждать тем самым царя к еще более тщательным розыскам в области тайных мероприятий. Однажды одна из многочисленных жертв пытки сказала, что знает, как юноша неоднократно, когда его хвалили за высокий рост и умение стрелять и прославляли его доблесть, говаривал, что все эти блага, которыми наделила его природа, скорее вредны ему, чем полезны: за них-де отец сердится на него и завидует ему. Поэтому он во время совместных прогулок всегда нагибается, чтобы казаться меньше отца, а на охоте в присутствии отца всегда дает промах, ибо ему хорошо известно завистливое чувство отца ко всяким соперникам. Когда подвергшийся пытке вследствие этих слов почувствовал некоторое облегчение, он присовокупил к сказанному, что Александр в сообществе брата своего Аристовула решил устроить во время охоты засаду и умертвить отца, затем, по совершении этого преступления, бежать в Рим и добиться там утверждения на царском престоле. Вместе с тем было захвачено также письмо юноши к брату, где Александр обвинял отца в несправедливости, так как он предоставил

Антипатру область, дававшую доход в двести талантов. Ирод решил, что тут у него в руках имеется уже существенное и непреложное, на его взгляд, доказательство виновности сыновей. Поэтому он распорядился схватить Александра и посадить в тюрьму. Впрочем, он все-таки и теперь еще не успокоился, так как не очень верил доходившим до него слухам (при некотором размышлении царь приходил к выводу, что пока еще нисколько не обнаружались коварные замыслы юношей, а напротив, только их неудовольствие и известное юношеское самолюбие, да и очевидно было, что убийца никак не отправится в Рим). Вместе с тем он хотел бы иметь в руках какое-либо более солидное доказательство беззаконных происков сына и очень бы не желал, чтобы казалось, будто он слишком поспешно решил посадить его в тюрьму. Поэтому он подверг пытке наиболее выдающихся друзей Александра, загубил множество их, но не добился от них ничего, на что рассчитывал. И вот в то самое время, как Ирод решил на такие мероприятия, а во дворце все было преисполнено страхом и смущением, один молодой человек сказал под пыткой, что Александр поручил своим римским друзьям добиться у Цезаря скорейшего приглашения его (Александра) в Рим, так как он имеет сообщить подробности направленного против императора плана, в силу которого отец его склонил на свою сторону против римлян парфянского царя Митридата. К этому юноша присовокупил, что Александр приготовил и держит в Аскалоне наготове яд.

5. Этому навету Ирод поверил, находя некоторое утешение относительно своей поспешности в лстивых уверениях гнусных приближенных. Впрочем, несмотря на немедленно принятые меры, яда не нашлось. Между тем Александр, упрямо желая преисполнить чашу своих бедствий, нисколько не стал отрицать возводимые на него обвинения, но встретил страстность отца еще большей ошибкой, быть может, с целью пристыдить таким путем отца, столь готового внимать клевете, а быть может, и для того, чтобы в случае, если ему поверят, загубить Ирода со всем его двором. Дело в том, что Александр составил в четырех экземплярах и разослал заявление, где говорилось, что нечего прибегать к пыткам и дальнейшему следствию, так как он действительно составил заговор, в котором приняли участие также Ферора и

наиболее преданные друзья его, и что здесь против его воли замешана явившаяся к нему ночью Саломия. Все заговорщики (говорилось далее) пришли к одному и тому же выводу, а именно: решили как можно скорее избавиться от царя и восстановить прочный мир и безопасность. В этом заявлении находились также указания на причастность к делу Птолемея и Сапииния, наиболее преданных царю людей. Старинные друзья теперь свирепствовали друг против друга, как будто бы только что всех охватило какое-то ослепление; ни защита, ни обвинения не принимались более в расчет; над всеми тяготело сознание неизбежной роковой гибели. Пока одни томилась в оковах, другие шли на смерть, а третьи с ужасом думали о подобной же предстоявшей им самим судьбе, во дворце на месте прежнего веселья воцарились уединение и грусть... Невыносимой показалась Ироду вся жизнь его, он был сильно расстроен; великим наказанием ему было — никому больше не верить и от всех чего-то ожидать. Нередко его расстроенному воображению чудилось, что сын его восстает против него и он видит его подле себя с обнаженным мечом. При таком, длившемся день и ночь, душевном состоянии царя обуяла болезнь, не уступавшая бешенству или (полному) расстройству умственных способностей.

6. В таком положении находился Ирод. Узнав об этом его состоянии, озабочиваясь судьбой дочери и мужа ее и сочувствуя Ироду, с которым был дружен и бедственное положение которого знал, кашадокийский царь Архелай прибыл (в Иерусалим), потому что не делал себе иллюзий насчет действительности. Застав Ирода в таком состоянии, он счел в данный момент совершенно неуместным ни укорять его, ни указывать на преждевременность некоторых его мер; он понимал, что если начнет хулить его, то только укрепит его в настойчивости, если же поспешит защищать, то вызовет в нем лишь еще больший гнев. Поэтому он начал другую тактику, чтобы поправить столь несчастное положение, прикинулся разгневанным на юного зятя своего и говорил, что Ирод еще достаточно мягок, что не предпринимает ничего поспешно. Вместе с тем он указал на свое желание расторгнуть брак дочери с Александром и не щадить даже дочери, если бы оказалось, что она знала что-либо и не донесла о том.

Когда Ирод сверх всякого ожидания нашел Архелая таковым, особенно же когда увидел, как он сердится за него, царь стал несколько мягче и, полагая, что он, по всей видимости, все-таки был не вполне справедлив в своих предшествующих мероприятиях, понемногу дал охватить себя прежнему отцовскому чувству. Однако теперь он оказался вполне достойным сожаления: когда кто-нибудь стал отвергать взведенные на юношу обвинения как клеветнические, он выходил из себя, если же Архелай поддерживал обвинение, он преисполнялся страшной скорбью, плакал и даже просил его не расторгать брака и не так сердиться на совершенные юношей злодеяния. Когда Архелай нашел, что Ирод смягчился, он стал переносить обвинения на друзей Александра, указывая на то, что молодого и неопытного человека загубили те, и все более навлекать подозрений Ирода на его брата. А так как Ирод и без того был восстановлен против Фероры, то последний, не имея посредника и видя влияние Архелая, сам явился к нему в черной одежде. Видя перед собой в недалеком будущем все признаки неизбежной гибели, он сделал это. Архелай не отказался от заступничества, но вместе с тем указал также на полное свое бессилие скоро убедить царя, находящегося в таком состоянии. Он сказал, что гораздо лучше будет, если Ферора сам отправится просить у него прощения и при этом возьмет всю вину на себя. Таким образом он несколько умерит гнев Ирода, при этом Архелай обещал поддержать его своим присутствием. Убедив Ферору в целесообразности этого, он достиг двух благих результатов: во-первых, юный Александр освободился от тяготевших над ним клеветнических обвинений, и во-вторых, Ферора примирился с братом. После этого Архелай вернулся в Каппадокию, успев себе, как никто в те времена, списать благоволение Ирода, который почтил его весьма ценными подарками и, между прочим, торжественно причислил его к наиболее преданным друзьям своим. Вместе с тем он обещал ему также поехать в Рим, тем более что об этом уже было написано императору. До Антиохии они ехали вместе. Тут Ирод устроил примирение между сирийским наместником Титием и Архелаем, которые поссорились друг с другом, и затем вернулся обратно в Иудею⁹.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Пробыв в Риме и вернувшись оттуда, Ирод начал войну с арабами по следующему поводу: жители Трахона, область которых император отнял у Зенодора и отдал Ироду, не имели более возможности заниматься разбоями, но были принуждены жить теперь спокойно, занимаясь земледелием. Однако этим они не были довольны, да и земля не щедро вознаграждала труд их. Вначале, впрочем, они воздерживались от насилий над соседями, потому что царь не допускал этого, и своей заботливостью Ирод стяжал себе великую славу. Когда же он отплыл в Рим с целью обвинить там своего сына Александра и представить императору Агипатра, жители Трахона стали распускать слухи, будто Ирод погиб, отпали от царства и обратились к прежним обычным своим насилиям относительно соседей. Впрочем, тогда их усмирили военачальники отсутствовавшего царя. Около сорока главных разбойников покинули страну в страхе, что их постигнет участь попавших в плен, отправились в Аравию и были там приняты Силлеем в отместку за неудавшийся брак его с Саломиею. Он предоставил им укрепленное место, где они и поселились; отсюда они совершали разбойничьи набеги не только на Иудею, но и на все Келесирию, причем Силлей оказывал им поддержку в их злодеяниях.

Когда Ирод вернулся из Рима, то узнал, в каком бедственном положении обстоят дела в его стране; а так как он не был в состоянии совладать с разбойниками, благодаря поддержке, оказываемой им арабами, но вместе с тем был вне себя от их злодейств, то отправился в Трахон и стал умерщвлять родственников разбойников. Вследствие этих бедствий разбойники еще более озлобились, а так как у них был закон, в силу которого требовалось всяческим образом мстить убийцам родных, они усиленно продолжали разорять и грабить всю страну Ирода. Тогда царь переговорил об этом с императорскими наместниками Сатурнином и Волумнием и потребовал наказания разбойников. Но от этого те в своем возбуждении стали еще более дерзки, приводили в полное смятение области Иродова царства, разрушали деревни и умерщвляли пленных, так что их без-

закона походили на настоящую войну. Теперь число разбойников доходило уже до тысячи. В гневе на это Ирод стал требовать выдачи разбойников и, кроме того, возвращения долга в шестьдесят талантов, которые он при посредстве Силлея дал Ободу и срок отдачи которых миновал. Между тем, совершенно отстранивший Обода Силлей самостоятельно правил страной; он отрицал, чтобы в Аравии находились разбойники, отдачу же долга отложил вперед до постановления на этот счет решения Сатурнина и Волумния, наместников сирийских. В конце концов последние постановили, что деньги должны быть выданы Ироду в тридцатидневный срок, равно как должна состояться взаимная выдача подданных. В стране Ирода не нашлось, впрочем, решительно ни единого араба, бежавшего туда вследствие совершения какого-либо преступления или по иной причине, арабам же было доказано, что они дают у себя приют разбойникам.

2. По миновании условленного срока Силлей отправился в Рим, не исполнив ничего из постановленного решения. Ирод стал настойчиво требовать возвращения денег и выдачи разбойников, а так как Сатурнин и Волумний дали ему разрешение пойти на арабов походом, то он во главе войска двинулся на Аравию и сделал в течение трех дней семь (обычных) переходов. Достигнув крепости, где засели разбойники, он приступом взял их всех, сровнял крепость, посившую название Раипты, с землей, но, впрочем, никого при этом не обидел. Арабы под предводительством Накеба поспешили им на помощь, и произошла битва, в которой пало много людей Ирода, но были убиты сам предводитель Накеб и около двадцати пяти людей его. Остальные обратились в бегство. Наказав их, Ирод переселил в Трахон 3 000 иудейцев, которые должны были держать разбойников в повиновении. Затем он отправил находившимся тогда в Финикии (римским) наместникам донесение об этом и сообщил, что он ничем не преступил данного ему относительно арабов полномочия. По точном расследовании наместники нашли это донесение вполне согласным с истиной.

3. Поспешившие в Рим вестники немедленно сообщили Силлею о всем происшедшем и при этом по обыкновению сильно все преувеличили. Силлей тем временем уже успел

стать известным императору. Лишь только он узнал о посольстве, как немедленно отправился ко двору, облекшись в черную одежду, и предстал перед Цезарем с жалобой на то, что Аравия опустошена войной и все его царство приведено в смятение, так как Ирод разгромил его со своим войском. Со слезами на глазах он уверял, что 2 500 самых лучших арабов пало, и в числе их был убит также предводитель Накеб, его друг и родственник, что богатства, находившиеся в Раиште, разграблены и что никакого внимания не обратили на Обода, который не в состоянии вести войну, так как не было налицо ни его, Силлея, ни ядра арабской рати. Так говорил Силлея и хитро прибавил, что он сам не покинул бы страны, если бы не был уверен в желании Цезаря, чтобы везде и всюду царствовал мир, и что война не окончилась бы благоприятно для Ирода, если бы он сам оставался дома. Цезарь разгневался на это и стал спрашивать находившихся налицо приверженцев Ирода и его посланных из Сирии о том только, действительно ли Ирод предпринял поход. Так как те были принуждены подтвердить это, император же не входил в рассуждение, по какой причине все это случилось, гнев Цезаря еще возрос, и он написал Ироду резкое письмо, в котором говорил, что, если он обходился с ним раньше как с другом, он будет видеть в нем теперь лишь своего подданного.

Вместе с тем и Силлей сообщил арабам письмом о повороте дела. Арабы воспрянули духом, не стали вовсе выдавать разбойников, искавших у них убежища, и не заплатили денег; напротив, они теперь совершенно свободно овладели пастбищами, которые им Ирод предоставил за плату, и говорили, что вследствие гнева императора царь иудейский смещен. Этим же моментом воспользовались трахонцы, встали против идумейских гарнизонов и стали разбойничать вместе с арабами, которые разоряли страну иудейскую, преследуя здесь не только цели наживы, но особенно свирепствуя в видах гнусного мщения.

4. Когда Ирод потерял расположение Цезаря, то всем этим крайне опечалился; но он должен был переносить это и еще худшее, что вскоре случилось и что его еще больше расстроило. Дело в том, что Цезарь не принял его посольства, которое царь отправил (в Рим), чтобы оправдаться, равно как

отослал обратно без аудиенции и второе посольство. Все это убивало царя и внушало ему опасение; еще больше огорчало его, что Силлей находился в Риме и списал себе доверие, в то же самое время домогаясь всевозможных льгот. Обод успел тем временем умереть, и власть его над арабами перешла к Энею, изменившему свое имя в Арета. Силлей старался клеветой устранить последнего от власти, чтобы самому овладеть ею, и с этой целью роздал крупные суммы царедворцам, обещая заплатить самому Цезарю тоже большие деньги. Император успел уже рассердиться на Арета за то, что он вступил на престол, не списавшись предварительно с ним. Между тем Арет послал императору письмо и дары, в числе которых находился золотой венец стоимостью во много талантов. В этом письме он обвинял Силлея, говоря, что это презренный раб, который отравил Обода и еще при жизни его захватил высшую власть, что он совершал постоянные прелюбодеяния с арабскими женами и что он занимал деньги, чтобы таким образом добиться власти. Однако император не обратил на это письмо никакого внимания, но отправил его обратно вместе со всеми дарами.

Между тем положение Иудеи и Аравии все ухудшалось, так как в одной царствовала неурядица, а в другой все распалось за отсутствием хозяина. Царь арабский пока не имел возможности подавлять всех нечестивцев, так как не успел еще упрочить власть свою; Ирод же был принужден сносить все незаслуженные оскорбления, потому что император сердился на него за его слишком поспешные мероприятия. Не видя исхода из столь бедственного положения, Ирод решил еще раз отправить посольство в Рим с целью вновь снискать себе расположение Цезаря при помощи друзей или непосредственным обращением к самому императору.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Туда уехал Николай Дамасский. В это время дела с семейством и сыновьями стали у Ирода гораздо хуже (прежнего). Вообще, если раньше было очевидно, что злой рок уготовал царю самое ужасное горе, которое может испытать человек, то теперь еще более крупное бедствие постигло царя. Эврикл из Лакедемона, человек происходивший из доволь-

но знатного рода, но вполне испорченный, равно как отличавшийся большим сладострастием и льстивостью, но умевший скрывать то и другое, приехал к Ироду, привез ему подарки, за которые, впрочем, получил гораздо более ценные, и сумел ловко воспользоваться представившимися обстоятельствами для того, чтобы снискать себе в особенно высокой степени расположение царя. Собственно, он остановился у Антипатра, но посещал больше всего Александра, потому что говорил, что находится в близких отношениях к кашадокийскому царю Архелаю. Таким точно образом он представился также поклонником Глафиры и вообще незаметно сумел всех склонить на свою сторону, причем постоянно следил за всем, что говорилось и делалось, чтобы выводить из этого сплетни.

В конце концов оказывалось, что каждый считал его исключительно своим только другом, тогда как всем прочим казалось, что он общается с другими лишь им на пользу. И так удалось ему склонить на свою сторону юного еще Александра и убедить его в том, что он только ему одному может сказать решительно все. Тогда тот со скорбью рассказал ему о своем отчуждении от отца, сообщил ему о судьбе своей матери и об отношениях к Антипатру, как последний, отстранив их совсем, пользуется теперь неограниченной властью. Все это, говорил Александр, прямо невыносимо, тем более что отец настолько уже всех их возненавидел, что не принимает больше участия в их обедах и вовсе не говорит с ним. Так, вполне естественно, поведал ему Александр все, о чем скорбел.

Все эти разговоры Эврикл передал Антипатру, указывая на то, что он делает это не из корыстных или личных целей, но потому, что его, которого Антипатр принял с такими почестями, совершенно подавляет вся серьезность этого положения; он присовокупил еще совет остерегаться Александра. Вероятно, говорил он, все это было сказано неспроста: очевидно, что в основании всех этих слов лежит какое-нибудь крайнее решение. Видя в этом доказательство его дружбы и расположения, Антипатр стал теперь делать Эвриклу при разных случаях подарки и в конце концов уговорил его даже сообщить о всем Ироду. Царь из его убедительных речей вполне вывел заключение о правильности

неприятности Александра, и Эвриклу постоянными ловкими напештываниями удалось настолько настроить и возбудить царя, что ненависть последнего не знала теперь пределов. Это он показал сейчас же, сделав Эвриклу подарок в пятнадцать талантов. Получив эти деньги, Эврикл поехал к каппадокийскому царю Архелаю и стал там восхвалять Александра и Ирода, говоря, что он сам оказал ему крупную услугу, примирив Александра с отцом его. Получив затем деньги и от Архелая, он уехал раньше, чем обнаружилась его гнусность. Впрочем, и в Лакедемонне Эврикл не прекратил своего скверного образа жизни и за целый ряд гнусностей был затем изгнан из отечества.

2. Иудейский царь теперь уже относился к Александру и Аристовулу не так, как прежде, когда он только выслушивал возводимую на них клевету. Он стал настолько озлоблен против них, что, если ему не клеветали на них, сам доискивался чего-либо, заставляя следить решительно за всем, все разузнавая и охотно слушая каждого, кто мог сказать против юношей что бы то ни было. (И вот он узнал)¹⁰, что Эварат с острова Коса вошел в соглашение с Александром. Это известие доставило Ироду особенное наслаждение.

3. Так как клевета против юношей росла и все как будто видели особую, так сказать, заслугу в том, что могли сообщить относительно них что-либо тяжкое, донесение о чем могло казаться преследующим лишь благо царя, то случилось нечто весьма серьезное в жизни молодых людей. У Ирода было два телохранителя, Юкунд и Тиранн, особенно ценные им за силу и рост. Царь рассердился на них и удалил их от себя; и вот они стали сопровождать Александра, который ценил их за их гимнастическую ловкость, давал им кое-какие деньги и вообще делал им разные подарки. Царю немедленно они показались подозрительными, и он велел подвергнуть их пытке. Сперва они долго крепились, но затем сознались, что Александр убеждал их умертвить Ирода, если он во время охоты за дикими зверями очутится вблизи их. Тогда-де возможно будет сказать, что царь свалился с лошади и упал на их копыта, как это раз с ним действительно и случилось. Вместе с тем они показали, что в конюшне у них зарыто золото, и обвинили начальника охоты в том, что он дал им копыта из царского арсенала, равно как

по приказанию Александра снабдил оружием также и слуг последнего.

4. После них был схвачен также комендант крепости Александреума и подвергнут пытке. Его обвинили в том, что он хотел принять в эту крепость (царственных) юношей и выдать им хранившуюся там царскую казну. Однако он не признался в этом, но явившийся Иуда, сын его, подтвердил правильность обвинения и представил, видимо, писанное рукой Александра письмо следующего содержания: «Если мы, с Божьей помощью, совершим все то, что имеем в виду, то мы прибудем к вам. Поэтому, согласно обещанию, приготовьте все к нашему приему в крепости». После получения этого письма Ирод уже нисколько не сомневался в существовании заговора сыновей против него. Александр, однако, уверял, что писец Диофант подделал его почерк и вся эта записка является плодом коварства Антипатра. Диофант слыл знатоком своего дела и впоследствии умер, изблеченный в таком же точно поступке.

5. Всех тех, кто подвергся пытке, царь представил в Иерихоне толпе пародной, дабы добиться обвинения сыновей своих. Чернь побила их собственноручно камнями. Когда же толпа приготовилась подобным же образом умертвить и Александра, царь удержал ее от этого и выслал для успокоения ее Птолемея и Ферору. Юношей заключили под стражу и учредили за ними тщательный надзор; к ним более не допускали никого, все их поступки и слова замечались, одним словом, они очутились в ужасном положении бесчестных преступников. Один из арестантов, именно Аристовул, был доведен до такого отчаяния, что заставил даже свою тещу и тетку (Саломию) пожалеть о постигших его бедствиях и возненавидеть виновника их. «Разве, — говорил он, — и тебе не угрожает опасность гибели, потому что о тебе клеветают, будто ты, в надежде на брак с Силлеем, сообщал ему все здесь происходящее?» Впрочем, та немедленно поспешила сообщить об этих речах брату. Последний тогда более уже не мог сдержать себя, приказал заковать их в оковы и разлучить, а также велел им самим написать императору, какое зло они причинили отцу своему. Так им это было велено, но они написали, что вовсе не злоумышляли против отца своего и не принимали никаких мер относительно

него; что они (правда) задумали бежать, да и то по необходимости, потому что вечные подозрения делали им жизнь невыносимой.

6. Около этого времени из Каппадокии от Архелая прибыл посол, некий Мела, который принадлежал к числу саповников царя. Ирод, желая ему доказать нерасположение к нему Архелая, велел позвать Александра, который и явился, как был, в кандалах, и вновь стал расспрашивать его, куда и как (братья) решили бежать. Александр сказал, что к Архелая, потому что последний обещал доставить их в Рим. Впрочем, говорил он, они не имели в виду ничего неуместного или гнусного относительно отца и нет ни слова правды в том, в чем обвиняют их бессовестные противники. Им бы хотелось, в видах более точного расследования, чтобы Тиранн и его товарищи еще оставались в живых, но и их загубили скорее, причем Антипатр подослал в народ своих собственных клеветов.

7. При этих словах его царь приказал отвести Мелу и Александра вместе к дочери Архелая Глафире и спросить у нее, не знает ли она чего-либо относительно злого умысла против Ирода. Лишь только они явились и Глафира увидела Александра в оковах, как стала биться головой об стену и вне себя громко и жалостно рыдать. У молодого человека также выступили на глазах слезы, и всем присутствующим зрелище это было крайне тягостно, так что они долго не были в состоянии сделать или говорить то, ради чего явились. Несколько позже Птолемей, которому было поручено привести Александра, обратился с просьбой сказать, знала ли его жена что-либо из его планов, и тогда Александр воскликнул: «Да разве она этого не знала, она, которую я люблю больше жизни своей и которая является матерью детей моих?» На это Глафира с рыданиями отвечала, что она не знала ни о чем дурном, если же она тем сможет способствовать спасению мужа, то она готова лгать на себя и рассказать все что угодно. Александр сказал: «Ни я сам, ни ты, мы не знаем ни о чем гнусном, что предполагают те, кому это всего менее к лицу; тебе известно только, что мы решили удалиться к Архелая, а оттуда в Рим». Когда Глафира, в свою очередь, подтвердила это, Ирод, полагая, что он изблечил Архелая в происках против него, вручил Олим-

цу и Волумнию письма и приказал им во время проезда отдать их в Элеусе Киликийском, выразить ему свое недовольствие на то, что он принял участие в заговоре сыновей его, а оттуда поехать в Рим; если там Николай сообщит им, что Цезарь более не гневается на него, то пусть они вручат ему прилагаемые письма, которые вполне изобличают козни юношей. Архелаю удалось оправдаться признанием, что он действительно собирался принять у себя юношей, но лишь с целью оказать пользу им и их отцу, дабы последний в своем гневе на возводимые против них обвинения не прибег к слишком крутым мерам; при этом Архелай совершенно отрицал свое намерение направить юношей к императору, равно как не обещал им ничего, что могло бы служить доказательством его отпадения от Ирода.

8. Когда посланные приехали в Рим, им вскоре представился случай вручить письмо императору, уже успевшему примириться с Иродом. Посольство Николая постигла судьба такого рода: когда он прибыл в Рим и явился ко двору, то решил говорить сперва не только о цели своего приезда, но и прямо приступить к обвинению Силлея. Дело в том, что арабы, еще до его прибытия, очевидно, распались на враждебные друг другу партии. Надеясь найти поддержку в нем, многие арабы примкнули к Николаю, сообщили ему о всех преступлениях, совершенных Силлеем, и доставили ему очевидные доказательства того, что он умертвил весьма многих приближенных Обода. У них в руках были и письма, попавшие к ним во время ссоры и вполне изобличавшие Силлея. Видя в этом особенно благоприятный случай, Николай воспользовался им для приведения своих намерений в исполнение и ревностно занялся примирением Ирода с Цезарем. Он отлично понимал, что если вздумает оправдывать образ действий Ирода, то не достигнет ничего, и поэтому решил обвинять Силлея, полагая, что тут представится случай замолвить словечко и за Ирода. Когда при таком положении дел был назначен день для разбора обоюдных жалоб, Николай в присутствии послов Арета стал во многом обвинять Силлея, особенно же в том, что он умертвил царя и многих арабов, что он занимал деньги не для полезных мероприятий, и доказал, что он виновен в изнасиловании не только многих арабских, но и римских женщин. Ко

всему этому он присоединил затем самое важное обвинение, а именно, что он обманул Цезаря, рассказав ему совершенно неправильно о поступках Ирода. Когда Николай дошел до этого пункта, Цезарь остановил его, требуя, чтобы он говорил лишь об Ироде, правда ли, что тот повел свое войско на Аравию, что он умертвил 2 500 жителей и подверг страну разграблению и увел массу пленных. Николай сказал, что именно об этом он и собирался говорить и объяснить, что ничего не произошло из того, что донесли императору, и что вполне несправедливо сердиться на все это. При таком неожиданном обороте дела Цезарь стал особенно внимательно слушать Николая, который рассказал о ссуде в пятьсот талантов и о существовании расписки, в которой сказано, что, если будет пропущен срок платежа, Ироду предоставляется право гарантировать себе уплату захватом всей территории. При таких условиях, говорил он, весь поход царя является уже не походом, а лишь поездкой с целью потребовать себе обратно собственные свои деньги. К тому же и этот поход не был предпринят скоро и опрометчиво и не совпал со сроком обязательства. Ирод решился на крайнюю меру лишь после того, как неоднократно обращался к содействию сирийских наместников Сатурнина и Волумния и после того, как Силлей, наконец, в присутствии их поклялся именем императора, что он в тридцатидневный срок уплатит деньги и выдаст Ироду бежавших из Иудеи к нему подданных его. А так как Силлей не сдержал своего обещания, то Ирод опять отправился к (римским) наместникам; когда же они разрешили ему взять свое, то и тогда он нехотя выступил со своим войском. «Такова-то была война, — сказал Николай, — каковой представляли ее тебе эти артисты, таков был весь поход. Какая же это война, разрешение на которую дали твои собственные военачальники, которую допускал договор, причем подверглось поруганию имя не только прочих богов, но и твое собственное, Цезарь? Теперь же мне следует поговорить также относительно пленных. Бежавшие от гнева Ирода сперва сорок трахонских разбойников, а потом и больше, сделали своим убежищем Аравию. Их принял к себе Силлей и стал кормить их пазло всем прочим обитателям страны. Им он роздал земли, и с ними он сам делил добычу от грабежей их. Он клятвенно обещал

выдать этих людей (Ироду) в день возвращения своего долга, но и теперь еще нельзя указать ни на кого, кто был бы уведен царем из Аравии, кроме именно этих разбойников, притом даже не всех, а тех лишь, которые не нашли возможности скрыться. И вот, так как вся история о пленниках является ложным и злобным измышлением, то ты, Цезарь, узнаешь, какое огромное здание лжи воздвиг Силлей для того только, чтобы вызвать гнев твой. Я утверждаю, что когда на нас напала арабская рать и лишь после того, как на стороне Ирода пал один или двое, а Ирод слабо отбивался, явился на поле битвы арабский военачальник Накеб, потерявший при этом случае около двадцати пяти воинов. Число их Силлей умножил на сто и заявил, что пало две тысячи пятьсот человек».

9. Это еще более подействовало на императора, и, обратясь к Силлею, он, преисполненный гнева, спросил, сколько арабов пало. Когда тот смутился и сказал, что его ввели в заблуждение, тогда были прочитаны письменный договор, документы наместников и целый ряд жалоб (разных) городов на грабежи. Цезарь был вне себя от ярости, так что приговорил было Силлея к смертной казни; затем он помирился с Иродом, высказал ему сожаление по поводу слишком резкого письма своего, вызванного клеветой, и упрекнул Силлея в том, что тот лживым доносом принудил его опозорить преданного друга. В конце концов Силлей был отправлен домой для того, чтобы исполнить свои обязательства согласно договору, а затем потерпеть заслуженное наказание. Цезарь, однако, не благоволил Арету за то, что он не через него, а самовольно сел на престол. Он решил было отдать и Аравию Ироду, но от этого его удержали посланные последним письма. Узнав о том, что император (вновь) благоклонен к Ироду, Олимп и Волумний, сообразно приказанию царя, решили немедленно вручить Цезарю письменное извещение о виновности сыновей Ирода. По прочтении этих писем император решил, что будет неудобно предоставить новую область старику, который не в ладах со своими собственными детьми. Поэтому он принял послов Арега и, укорив их только в том, что царь их поступил слишком поспешно, не дождавшись с его стороны утверждения на престоле, взял у них дары их и утвердил за Арегом власть.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Примирившись с Иродом, император написал ему об этом, выразил свое соболезнование по поводу неурядиц его с сыновьями и сказал, что, если последние действительно решились на какую-либо крайнюю меру, с ними следует обойтись как с отцеубийцами, на что он его сам и уполномочивает; если же они имели в виду только бегство, то ему следует изменить свое решение и не предпринимать относительно них ничего серьезного. При этом Цезарь советовал ему созвать суд в Берите, где имелось римское население, пригласить туда наместников и кашадокийского царя Архелая, равно как всех тех, кого Ирод считает настоящими и неизменными своими друзьями, и порешить с ними, как поступить в данном случае. Такое письмо Цезарь послал Ироду. По получении его царь очень обрадовался состоявшемуся примирению, но еще более был доволен, что ему предоставлена относительно своих сыновей полная свобода действий. И поскольку прежние несчастья сделали его человеком тяжелым, хотя и не могли бы подвинуть его на кровавую расправу с собственными детьми, постольку он теперь, ввиду поворота дел к лучшему и возвращения свободы действий, совершенно отдался мощному чувству своей ненависти. Итак, он послал в суд такое количество человек, какое ему заблагорассудилось, за исключением, впрочем, одного Архелая: он не считал возможным пригласить его ввиду его враждебности, а также оттого, что предусматривал с его стороны серьезный отпор.

2. Когда в Берит прибыли (римские) наместники и все вызванные царем из различных городов, Ирод поместил сыновей своих (не желая их представлять судьям) в сидонской деревушке Платане, вблизи города, чтобы всегда иметь возможность представить их в случае их вызова в суд. Сам он лично предстал перед полуторастами судьями и начал свое обвинение, которое казалось не слишком тяжким, поскольку его принуждали к тому печальные обстоятельства, по которое было совершенно неуместно в устах отца относительно детей своих. Он был крайне раздражен и выходил из себя, доказывая виновность юношей; при этом он выказал явные признаки своего гнева и необузданной дикости, не давая су-

дьям возможности лично проверять доказательства виновности, но повторяя свое недостойное отца обвинение детей, сам читая их письма, в которых, впрочем, вовсе не упоминалось ни о заговоре, ни о каком-либо другом преступном замысле, но где только говорилось об их планах бегства и встречались некоторые крупные резкости по его адресу, вызывавшие его собственной враждебностью к детям. На таких местах царь возвышал голос и говорил, что тут лишнее доказательство очевидного существования заговора, причем клялся, что охотнее лишился бы жизни, чем выслушивать такие речи. В заключение он сказал, что как по природе, так и в силу предоставленной ему императором власти он имел бы право решить данный вопрос по собственному усмотрению, и привел древнее постановление, в силу которого, если родители человека выступали против него с обвинением и возлагали руки свои на голову сына, последний обязательно подвергался побитию камнями со стороны всех присутствовавших при этом. Несмотря на то, что он (царь) властен делать в своей стране и в своем царстве все что угодно, он все-таки готов выслушать приговор судей. Последние, говорил он, здесь не столько в качестве судей, должныствующих вынести приговор по очевидному преступлению детей, которые его чуть не погубили, сколько в качестве свидетелей, имеющих возможность понять гнев его, так как никто, даже иноземец, не отнесется безучастно к столь коварному замыслу.

3. После этой речи царя судьи, даже не пригласив юношей в заседание для возражения на обвинения, решили, что невозможно смягчить гнев Ирода или побудить его к примирению, и поэтому согласились с ним. Первым высказал свое мнение Сатурнин, бывший консул и человек с весом, выражаясь сдержанно, как то подобало его высокому общественному положению. Он сказал, что Ирод может судить сыновей своих, но не считает его вправе умерщвлять их. Onde говорит как отец, также имеющий сыновей, и оставался бы при своем мнении даже при более тяжких условиях, если бы дети его причинили ему даже более крупное горе. За ним высказались совершенно в таком же точно смысле и сыновья Сатурнина; их было трое, и они сопровождали отца своего в качестве легатов. Волумний, напротив, настаивал на смерт-

пой казни людей, совершивших такое преступление относительно отца своего. То же самое по очереди говорило и большинство судей, так что казалось, что теперь уже ничто не спасет юношей от смерти.

Вдруг Ирод увез юношей в Тир. Сюда прибыл к нему из Рима Николай. Рассказав ему предварительно обо всем, происшедшем в Берите, царь стал расспрашивать его, какого мнения держатся его римские друзья насчет сыновей его. Тот ответил, что друзья считают их намерения преступными, но советовал при этом заключить их только в тюрьму и стеречь их там. «Если ты, впрочем, — сказал он, — все-таки решишь казнить их, то сделай это поспешно, чтобы не навлечь на себя обвинения, будто ты действовал по внушению гнева, а не рассудка. Если же ты, напротив, думаешь помиловать их, то отпусти их, чтобы не вызывать на себя еще большей и окончательно непоправимой беды. Таково мнение и большинства твоих римских друзей». Он умолк, а царь погрузился в глубокое раздумье и затем приказал Николаю ехать вместе с ним.

4. Когда Ирод приехал в Цезарею, все население тотчас стало говорить только о его сыновьях, и вся столица была в волнении, какой исход примет дело. Страх обуял всех при мысли, что старая неурядица приведет теперь к крайне тягостному концу и, хотя все сочувствовали страданиям (узников), без риска нельзя ничего говорить и даже слушать других. Все скрывали в душе свое соболезнование и заметно переносили страшнейшие страдания. Впрочем, нашелся некий ветеран, по имени Тиран, сын которого, будучи сверстником Александра, находился в дружественных отношениях с последним. Все то, о чем думали другие и о чем они молчали, он свободно высказывал, причем неоднократно и без стеснения говорил народу, что истина погибла, что справедливость в людях исчезла, что ложь и порочность овладели ими и что дела пахотятся в таком неприглядном свете, что преступники не видят даже всего ужаса человеческих страданий. Все это он говорил свободно, подвергаясь при этом значительной опасности. Правильность его взглядов трогала всех, так как он столь смело и мужественно выступил с ними в такую минуту. Поэтому все, кто слышал его речи, относились к нему с уважением и с удивлением взирали на

его бесстрашие в то самое время, как сами считали более безопасным хранить молчание. Перспектива самим пострадать заставляла всех разделять его взгляды.

5. Тирон затем явился совершенно свободно к самому царю и потребовал чтобы ему позволили переговорить с ним один на один. Когда ему была дана эта возможность, он сказал: «Не будучи, о царь, в состоянии удерживаться долее в таком бедственном положении, я решился рискнуть своей личной безопасностью и позволить себе эту вольность, которая, однако, необходима в твоих же собственных интересах и принесет тебе пользу, если ты только как следует отнесешься к ней. Куда девался твой рассудок, (очевидно) тебя покинувший? Где тот тонкий ум, при помощи которого ты совершил столько великих деяний? Почему это тебя покинули друзья твои и близкие тебе люди? Я не в состоянии признать в приближенных твоих искренне преданных тебе друзей, которые спокойно взирают на такое злодеяние, совершаемое в некогда столь счастливой стране. Разве ты сам не хочешь понять, что делается? Неужели ты собираешься умертвить двух юношей, которых родила тебе твоя царственная супруга, юношей, наделенных всякими преимуществами, и на старости лет отдашь в распоряжение сына, который плохо оправдал возлагаемые на него надежды, или в распоряжение родных, которых ты сам уже столько раз приговаривал к смерти? Разве ты не можешь понять, что молчащая чернь все-таки видит совершаемое преступление и преисполняется ненависти к этому бедствию и что солдаты, особенно же их начальники, питают сострадание к несчастным и вместе с тем ненависть к виновникам всего этого?» Сначала царь выслушивал все это довольно безучастно; но он, естественно, рассвирепел, когда Тирон прямо коснулся его слабого места и упомянул о неверности его приближенных. В свою очередь, Тирон, по необразованности не применяясь к обстоятельствам, постепенно расходился все более и более и говорил с солдатской развязностью. Тогда Ирод сильно возмутился и принял слова его скорее за поношение, чем за полезный совет. Когда же царь услышал о неудовольствии солдат и о возбуждении их предводителей, то приказал схватить и посадить в тюрьму всех тех, кого поименовал Тирон, равно как его самого.

6. Этим случаем ловко воспользовался некий Трифон, царский брдобрей. Явившись к царю, он заявил, будто Тирон неоднократно уговаривал его зарезать Ирода бритвой во время исполнения его служебных обязанностей. При этом будто бы старик указывал ему на то, что таким путем Трифон добьется высокого положения у Александра и получит от него крупные подарки. После этого царь велел схватить Трифона и подвергнуть пыткам Тирона, его сына и брдобрея. Тирон оставался непреклонен, но сын его, видя, как уже измучен отец, и не имея никакой надежды на спасение, наоборот, предвидя для себя еще большие мучения вследствие бедственного положения старика, обещал поведать царю всю правду, лишь бы только такой ценой избавить от пытки и истязаний самого себя и отца своего. Когда царь честным словом обещал ему это, он объявил, что было решено, чтобы Тирон лично расправился с Иродом, так как, оставаясь с ним наедине, такого рода замысел мог быть легко приведен в исполнение; в таком случае по совершении этого намерения он мог, наверное, рассчитывать на благодарность и признательность со стороны Александра. Этими словами юноша действительно избавил отца своего от пытки; остается лишь неизвестным, сказал ли он сущую правду или выдумал все это, чтобы избавить себя и родителя своего от тяжкого положения.

7. Если Ирод раньше хоть несколько задумывался и в тайниках души своей стыдился казнить сыновей своих, то теперь он устранил все, что могло бы его подвинуть на более гуманное решение, и спешил поскорее привести свое намерение в исполнение. Сперва он вывел на площадь 300 обвиненных начальников, Тирона с сыном и обвинявшего их брдобрея. Всех их он осудил, а чернь закидала их насмерть всем, что попадало ей под руку. Александр и Аристовул были доставлены в Себасту и казнены там, по повелению отца, через повешение. Трупы их ночью были похоронены в Александрее, где уже покоились их дядя со стороны матери и весьма многие из предков.

8. Вероятно, кое-кому покажется довольно неестественным, что давно питаемая ненависть могла возрасти до таких пределов и, перейдя все границы, побороть даже самую при-

роду. Равным образом можно было бы спросить, какая вина была возведена на юношей: разве они чем-нибудь основательным довели отца своего до такого гнева, что впоследствии уже никак не могли примирить его с собой? Или, быть может, он был так бессердечен, так властолюбив и тщеславен, что не терпел рядом с собой никого, лишь бы одному нераздельно владеть всем? Или следует признать здесь вмешательство рока, который в состоянии осилить всякое самое толковое рассуждение, того рока, который, как мы уверены, неизбежно направляет все деяния людей, которые мы называем судьбой и помимо которого не случается ничего? Мне кажется, будет вполне достаточно определить это представление совершенно различным от того, в силу которого мы якобы сами себе приписываем все и становимся лично ответственными за все свои начинания. Впрочем, обо всем этом еще раньше нас дал свое определение закон. Что касается двух других причин, то, пожалуй, можно было бы упрекнуть юношей в том, что они в своем юношеском самообольщении и своем царственном тщеславии были доступны всяким возводимым на отца наветам, что они недостаточно терпимо относились к его поступкам и привычкам, что они легко верили всем гнусностям и не были сдержанны на язык; вследствие обеих последних причин нетрудно было поймать их шпионам, следившим за ними и доносившим о них в угоду царю. Однако и отец их, очевидно, никак не может рассчитывать на оправдание своего преступного решения, так как вовсе не собрал достаточно ясных улик существования заговора и рискнул умертвить собственных детей своих без достаточного расследования. Между тем эти сыновья его были красивы и популярны, никому ни в чем не уступали, были одинаково искусны как на охоте, так и на войне и при случае могли блеснуть краспоречием. Во всем этом они преуспевали, особенно старший, Александр. Если Ирод решил уже окончательно осудить их, то было бы достаточно, оставя их в живых, бросить их в темницу или изгнать их и держать вдали от власти, причем римское могущество представило бы ему полную гарантию того, что они не повредили бы ему ни нападением, ни каким-либо насильственным действием.

Между тем столь поспешная казнь сыновей, вызванная лишь обуявшей его страстностью, является доказательством его необузданной преступности; при этом он совершил такое преступление в старческом уже возрасте. Вместе с тем его не может извинить также то обстоятельство, что он так долго тянул дело и постоянно откладывал казнь. Иногда бывает, что человек в (первом) волнении решается на какой-нибудь неуместный поступок; но если он обдумывает этот поступок и колеблется, то решаясь на него, то опять отступая, и в конце концов все-таки приводит его в исполнение, это доказательство гнуснейшей кровожадности характера. Это Ирод действительно впоследствии и подтвердил, не останавливаясь перед казнью остальных своих друзей, которых особенно любил; хотя о них и можно было сожалеть меньше, так как они вполне заслужили гибель, однако и здесь царь проявил прежнюю жестокость и не пощадил никого. Впрочем, об этом ниже придется еще говорить.

КОММЕНТАРИИ

Глава первая

¹ Срв. кн. Исх. гл. 21, 2: «Если купишь раба сврея, пусть он работает (тебе) шесть лет, а в седьмой пусть выйдет на волю даром».

Глава вторая

² Так назывались два островка, лежащие при впадении Босфора в Черное море. Они известны по мифу об аргонавтах. На большем из этих островов воздвигается так назыв. колонна Помпея. Срав. Voettger, l. c. p. 96 и 97.

Глава четвертая

³ Срв. «Иуд. войну», I, 23, 3-1, 23, 5.

Глава пятая

⁴ Это бывшая так называемая Стратонова башня.

Глава шестая

⁵ Город Анкира, первоначально входивший в состав Фригии, стал впоследствии столицей Галатии. Тут проходила большая дорога из Византии в Сирию. Замечателен так наз. monumentum Ансуганум с надписью о подвигах Октавиана Августа.

Глава седьмая

⁶ Срв. выше, кн. XIII, 8, 4.

⁷ Здесь в тексте пропуск.

⁸ Срв. «Иуд. войну». I, 24, 1–6.

Глава восьмая

⁹ Срв. «Иуд. войну». I, 24, 8–25, 3.

Глава десятая

¹⁰ Тут в тексте пропуск, восстанавливаемый нами по смыслу.

Книга семнадцатая

Содержание:

1. О том, как Антипатр, благодаря убийству братьев, навлек на себя ненависть всего народа и как он поэтому старался крупными денежными суммами склонить на свою сторону правителей римских, сирийского наместника Сатурнина и его чиновников.

2. О том, как царь Ирод, убежденный, что область трахонская не может процветать вследствие вторжений арабов, пригласил к себе происходившего из Вавилонии и жительствовавшего в Антиохии иудея Замариса и поселил его в Трахоне, пользуясь им в качестве оплота против арабов.

3. О том, как Антипатр уговорил отца своего, когда последний усыновил детей Александра и Аристовула и помолвил их с дочерью Фероры, помолвить их с его (Антипатра) сыновьями, и о том, как он затем льстил Фероре, чтобы воспользоваться им впоследствии для интриг против своего же отца.

4. О том, как сестра царя, Саломия, все это поняла и тайно сообщила о том брату.

5. О том, как Ирод запретил Антипатру посещать Ферору и вообще водить с ним дружбу; о том, как Антипатр преступил это запрещение, правда, не открыто, но втайне, и как это немедленно стало известно Ироду.

6. О том, как Антипатр послал своим римским друзьям письма с просьбой отписать его отцу и побудить Ирода отправить его с крупными денежными суммами к императору; о том, как Ирод склонился на это и действительно отправил своего сына.

7. О том, как Антипатр уговорил Ферору отравить Ирода и как он доставил Фероре яд; о том, как царь Ирод предоставил брату своему Фероре выбор между устранением жены или удалением из страны; о том, как Ферора согласился на первое, удалился в свою тетрархию и немного спустя после этого умер.

8. Обвинение жены Фероры его братом, будто она отравила мужа; о том, как Ироду во время расследования дела попался в руки яд, который заготовил для него сын его Антипатр, и как Ирод при помощи пытки узнал о всех интригах Антипатра.

9. О возвращении Антипатра из Рима к отцу; о том, как его обвинил Николай Дамасский, как он был приговорен отцом своим к смерти и брошен тогдашним сирийским наместником Квинтилием Варом в тюрьму до утверждения приговора императором.

10. О посольстве Ирода к императору по делу Антипатра и о том, как император приговорил последнего к смерти, убедившись в основательности обвинения.

11. О болезни Ирода; о возникшем вследствие этого волнении среди иудеев; о том, как бунтовщики были наказаны.

12. О том, как Антипатр, полагая, что Ирод умер, хотел уговорить тюремщика освободить его. Результат этого — казнь Антипатра.

13. О смерти Ирода; его завещание в пользу императора и о разделе владений среди его троих сыновей; Архелай назначается царем иудейским.

14. Письмо Ирода к войску, о его подарках каждому солдату. Его сын Архелай провозглашается царем.

15. О погребении Ирода в крепости Иродиаде. О том, как народ восстал против его сына Архелая во время пасхальных праздников.

16. О том, как Архелай распорядился перебить 3 000 бунтовщиков и как он сам в сопровождении своего брата Ирода поехал к императору в Рим, причем поручил управление делами свосму брату Филиппу.

17. О том, как императорский наместник сирийский, Сабин, силой проник в Иерусалим и потребовал от чиновников Архелая выдачи сокровищ Ирода и передачи крепостей.

18. О том, как чиновники Архелая побудили народ взяться за оружие и осадить Сабина с его отрядом в Антонии; о том, как упавший об этом Вар явился во главе огромной рати к Иерусалиму, сместил Сабина, наказал зачинщиков мятежа, ввел в Иудее порядок и донес императору о всем случившемся.

19. О том, как император утвердил завещание Ирода и гарантировал его сыновьям право преемства. О том, как Архелай был обвинен своими родственниками перед императором, как он оправдался и был утвержден царем, как его после десятилетнего гнусного правления вновь обвинили, как он был сослан в Визигну и как император провозгласил его страну римской провинцией.

Содержание книги обнимает период в 14 лет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. После того как Антипатр погубил своих братьев и заставил отца решиться на гнуснейшую относительно них крайность и безбожную преступность, ему уже не приходилось рассчитывать впоследствии на особенную жизненную удачу.

Хотя он и был избавлен от страха за прочность своей власти вследствие невозможности вмешательства со стороны братьев, но находил, что овладеть царством представит ему крупные затруднения и тягости: так глубоко внедрилась в парод ненависть против него. Если уже это было для него **весьма** тягостно, то еще более огорчало его нерасположение к нему войска; а между тем на войске всегда зиждилось внутреннее благополучие, если чернь проявляла склонность к мятежам. Таковую опасность уготовила ему гибель его братьев. Тем не менее он был теперь соправителем отца своего и **собственно** настоящим царем; отец ему доверял больше **прежнего**, причем Антипатр укрепил свое положение именно тем, за что он, собственно, был достоин гибели, но при этом он загубил братьев своих, как будто бы заботясь о спасении Ирода, а не потому, что его побуждала к тому **ненависть** к этим братьям; больше них он сам был враждебен отцу своему. Такие мучения терзали теперь Антипатра. Он во всем этом положении предвидел возможность удалить со своего пути Ирода и тем предупредить, что кто-либо станет обвинять его в чем-нибудь и этим поставит его в затруднение; с другой стороны, он предвидел для Ирода возможность **найти** поддержку, если бы он, Антипатр, открыто выступил в качестве его врага. И вот, подобно тому как одна лишь ненависть к отцу побудила его посягнуть на братьев, эта же **самая** ненависть теперь еще более подзадорила его не **выпускать** из рук начатого дела. Он рассчитывал, что если Ирод **умрет**, то он тем самым прочно утвердит за собой власть, если же **дольше** останется в живых, то это лишь усугубит его опасность, потому что раскрытие всех тех планов, которые он затеял по необходимости, заставит отца смотреть на него как на заклятого врага. Поэтому он не щадил средств, чтобы снискать себе расположение приближенных отца, стараясь крупными денежными подарками подавить ненависть многих к себе и особенно добываясь путем блестящих и щедрых даров снискать благоволение друзей своих в Риме, на первом же плане расположение сирийского наместника, Сатурнина. Щедростью даров он надеялся склонить на свою **сторону** также и брата Сатурнина, равно как сестру царя, **которая** была замужем за одним из виднейших приближенных Ирода. В искусстве притворяться другом людей, с ко-

торыми он общался, он достиг величайших результатов и снискал доверие; вместе с тем он сумел отлично заглушить во многих ненависть к себе. Впрочем, он не был в состоянии обмануть свою тетку, которая уже давно его поняла, которую нельзя было ввести в заблуждение и которая вполне приготовилась оказать отпор его гнусным начинаниям. Несмотря на то, что ее дочь была замужем за дядей Антипатра со стороны матери (причем этот дядя женился на ней, которая раньше была женой Аристовула, благодаря посредничеству и заботливости именно Антипатра, тогда как другая дочь ее была замужем за Каллеем, сыном Саломии от второго брака), однако это родство не могло оградить его от того, что вся его гнусность была понята. Так же точно его не избавили от (всеобщей) ненависти и прежние его родственные отношения. Дело в том, что Ирод заставил Саломию, влюбленную в араба Силлея и желавшую выйти за него замуж, вступить в брак с неким Алексом. При этом Ироду оказывала поддержку (императрица) Юлия; она-то именно и уговорила Саломию не отказываться от этого брака, чтобы не вызывать открытой вражды, так как Ирод поклялся, что поссорится с Саломией, если она не выйдет за Алекса. Саломия подчинилась отчасти потому, что ее уговаривала Юлия, жена самого Цезаря, а отчасти и потому, что та указала ей на всю выгоду этого брака. В это же самое время Ирод отправил дочь царя Архелая, бывшую замужем за его сыном Александром, назад к отцу ее и вернул ей из своих личных средств ее приданое, чтобы не было на этот счет никаких недоразумений между ними.

2. Ирод сам весьма заботливо занялся воспитанием детей сыновей своих (у Александра было от Глафиры двое мальчиков, а у Аристовула от Береники, дочери Саломии, трое мальчиков и две девочки); когда его навещали друзья, он показывал им внуков и при этом (всегда) оплакивал судьбу, постигшую его собственных сыновей. При этом он молил Бога, чтобы его внуков не постигла подобная же участь, но чтобы они росли в добродетели и любви к справедливости и тем отплатили ему за все его попечения о них.

Когда внуки его достигли соответственного возраста, он подумал об их браке и помолвил старшего из сыновей Александра с дочерью Фероры, а сына Аристовула с дочерью

Антипатра; одну из дочерей Аристовула он решил выдать замуж за сына Антипатра, другую же дочь Аристовула — за своего собственного сына Ирода, который родился у него от дочери первосвященника. У нас ведь в обычае, что мужчина в одно и то же время имеет нескольких жен¹. Эти помолвки царь устроил из сострадания к сиротам, думая путем нового родства вызвать в Антипатре расположение к ним.

Однако Антипатр не преминул выказать к этим юным существам такую же неприязнь, какую он питал к их родителям, своим братьям; заботливость Ирода о них только раздражала его, так как он предполагал, что влияние их будет гораздо больше влияния их отцов и что особенно, когда они подрастут, царь Архелай станет поддерживать своих внуков, да и Ферора, который уже был тетрархом, даст одну из девушек в жены сыну своему. Вместе с тем его возмущало также простонародье своей постоянно выказываемой жалостью к сиротам, а также тем, что оно из ненависти к нему всячески доказывало непримиримую вражду его относительно братьев. Поэтому он особенно старался побудить отца к отмене его решения, устрашая его представлениями об опасности, связанной с дарованием (юношам) такой силы. Наконец, Ирод уступил просьбам Антипатра, так что последний сам решил жениться на дочери Аристовула, а его сын на дочери Фероры. Таким образом, состоявшиеся помолвки были, благодаря уступчивости царя, отменены.

3. У царя Ирода в это время было девять жен: мать Антипатра, дочь первосвященника, которая родила ему сына его же имени (Ирода), дочь его брата и дочь его сестры, у которых обеих, впрочем, не было детей. В числе его жен находилась также одна самарянка, от которой он имел двух сыновей, Антипаса и Архелая, и дочь Олимпиаду, которую впоследствии взял в жены Иосиф, племянник царя. Архелай и Антипас воспитывались у одного частного лица в Риме. Кроме того, женой Ирода была также иерусалимская гражданка Клеопатра, от которой у него были сыновья Ирод и Филипп, также воспитывавшиеся в Риме. Другая жена его была некая Паллада, родившая ему сына Фасаила. Помимо этих жен, он жил еще с Федрой и Эльпидой, родившими ему двух дочерей, Роксану и Саломию. Что касается старших дочерей Ирода от Мариамны, от брака с

которыми отказался Ферора, то одну из них царь выдал замуж за племянника своего Антипатра, а другую за племянника своего Фасаила.

Вот из кого состояла семья Ирода.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Желая обезопасить себя относительно трахонцев, царь решил в центре их страны основать иудейское поселение, по размерам своим не уступавшее городу. Этим он желал не только оградить свою собственную страну, но и иметь пункт, откуда он мог бы быстро нападать на врагов своих. Узнав, что некий вавилонский еврей перешел через Евфрат во главе пятисот вооруженных луками всадников и около ста родственников и поселился наудачу в сирийском городе Антиохии Епидафне, причем тогдашний претор Сатурнин предоставил ему для поселения местность Валафу, Ирод послал за ним и за его отрядом и обещал отдать ему область в топархии Батанее, граничащей с Трахоном, желая тем самым создать оплот лично для себя. Вместе с тем он объявил эту область свободной от всех налогов и обычных повинностей и предоставил ее ему в безвозмездное пользование.

2. Привлеченный этими обещаниями, вавилонянин прибыл к (царю), принял от него землю и построил в ней крепости, а также поселение, которому дал имя Бафира. Этот человек стал действительно оплотом как туземцам, так и иудеям, являвшимся из Вавилона в Иерусалим для жертвоприношений, и ограждал их от разбоев трахонцев. Поэтому многие, которым были дороги иудейские установления, со всех сторон стекались к нему. Таким образом, эта страна (быстро) заселилась, тем более, что при полной безопасности она была еще свободна от налогов. Это продолжалось все время, пока Ирод был жив. Когда власть перешла после него к Филиппу, последний короткое время взимал незначительные подати. Однако Агриппа Великий и сын его Агриппа в значительной степени повысосали соки из населения этой области, причем, впрочем, не желали лишать его свободы. Римляне, к которым перешла власть после них, оставили за населением его прежнюю свободу, но сильно притесняли его повышением налогов.

Впрочем, о том я еще поговорю в своем месте, когда пойдет речь об этом.

3. Когда скончался вавилонянин Замарис, который оказал Ироду такую услугу сохранением за ним указанной области, всю жизнь свою отличался доблестью и оставил после себя доблестных сыновей, один из них, Иоаким, выдававшийся своей храбростью, приучил своих вавилонян к конским ристаниям, так что отряд из этих лиц служил телохранителями указанным царям. Когда Иоаким в преклонных годах умер, он оставил после себя доблестного и отважного сына Филиппа, который мог быть во всех отношениях сопоставлен с крупнейшими героями. Поэтому-то царь Агриппа соблюдал верную с ним дружбу и питал непреклонное к нему благоволение. Какое бы крупное войско царь ни содержал, этот Филипп постоянно должен был заведовать обучением его и всегда, во всех походах, на его долю выпадала обязанность предводительствовать этой ратью.

4. Но возвращаясь к Ироду. Все дела при нем были поручены Антипатру. Ирод не стеснял его решительно ни в чем, так как Антипатр окончательно сумел овладеть расположением и доверием отца. Полагаясь на последнего, Антипатр стал серьезно помышлять о том, как бы еще расширить свою власть, тем более что отец чувствовал себя совершенно безопасным со стороны его. Между тем, Антипатр внушал всем страх не столько своим могуществом, сколько гнусностью своих интриг. Впрочем, Ферора особенно льстил ему, равно как тот, в свою очередь, отвечал ему в высокой степени тем же, причем, однако, Антипатр, склонив на свою сторону всю женскую половину двора, завлек его в искусно расставленные сети. Дело в том, что Ферора находился в полном подчинении у своей жены, тещи и свояченицы, несмотря на всю ненависть к последним вследствие оскорбительного их поведения относительно его незамужних дочерей. Тем не менее он подчинялся им и не мог ничего предпринять помимо этих женщин, которые совершенно обставили его и окончательно между собой спелись. Таким же точно образом и Антипатр повиновался им, как по собственному своему желанию, так и в угоду своей матери: эти четыре женщины были вполне солидарны между собой. Впрочем, раз между Феророй и Антипатром возникла размолвка из-за пустяков. Повод к этому подала сестра царя,

которая давно поняла положение дел. Видя, что эта солидарность всех их направлена во вред Ироду, она не задумалась сообщить последнему обо всем. Понимая, что их дружба неприятна царю, они решили с виду более не сходиться друг с другом, но выказывать взаимную ненависть и хулить друг друга, особенно в присутствии самого Ирода или кого-либо из лиц, могущих донести ему об этом, втайне же еще теснее сплотиться между собой. Так они и поступили. Однако от Саломии не осталась скрытой с самого начала ни их солидарность, ни значение их дальнейшего поведения. Она не дала ввести себя в заблуждение, но выведывала все и сообщала об этом с крупными преувеличениями брату, рассказывая ему об их тайных собраниях и пиршествах, а также об их сокровенных планах. Если бы последние не преследовали гибели царя, то ничто, по ее мнению, не препятствовало бы действовать им открыто. Теперь же они, будучи на глазах у всех, враждуют между собой и всячески стараются якобы повредить друг другу, когда же они вдали от народа, они как лучшие друзья стараются во всем быть солидарными между собой и соглашаются относительно (совместной) борьбы с теми, от которых столь старательно скрывают свою дружбу. Все это она разузнавала и при случае в точности доносила брату, который и сам уже понимал положение, но не решался принять крутые меры на основании почти голословных обвинений сестры. Дело в том, что среди иудеев существовала партия, которая кичилась своим точным соблюдением предписаний закона и имела притязание на особое благоволение Всевышнего. В полном подчинении у этой секты были женщины. Партия эта именуется фарисеями. Они могли в сильной степени оказывать противодействие царям, будучи в одинаковой мере хитры и готовы открыто воевать с ними и подрывать их авторитет. Когда все иудеи клятвенно подтвердили свою верность Цезарю и повиновение постановлениям царя, эти лица в числе более шести тысяч человек отказались от присяги. Когда царь приговорил их за это к уплате денежного штрафа, жена Фероры внесла за них требуемую сумму. В ответ на эту ее любезность они предсказали ей (все верили, что Господь Бог даровал им предвидение будущего), что по решению Предвечного власть будет отнята у Ирода и его потомства и что царство перейдет к ней и ее детям от Феро-

ры. Это не осталось скрытым от Саломии и было объявлено царю с присовокуплением того, будто некоторые из придворных уже подкуплены. Тогда царь распорядился казнить наиболее виновных фарисеев, а также своего евнуха Багою, равно как одного из наиболее красивых в то время прислужников своих, некоего Кару. Вместе с тем он распорядился предать казни также всех тех своих близких, которые поверили предсказанию и речам фарисеев. Они подействовали на тщеславие Багои, предсказав ему, что он еще будет носить имя отца и благодетеля ими объявленного будущего царя. Они говорили, что он со временем будет держать всех в своих руках, потому что к нему вернется способность вступить в брак и иметь законных детей².

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Наказав таким образом избличенных фарисеев, Ирод собрал синедрион из своих друзей, обвинил жену Фероры в дерзких оскорблениях, нанесенных ею его племянницам, и объявил, что он сам чувствует себя обесчещенным ею: она де сеет раздор и распрю между ним и его братом, по силе возможности, словом и делом; она виновна в том, что фарисеям удалось увернуться от наложенного на них денежного штрафа, и она виновница всего того, что теперь происходит. «Итак, Ферора, — сказал он, — если ты, не настаивая на моих на этот счет объяснениях, сам по личной инициативе расстанешься с этой женщиной, которая только подает повод к распрям между нами, и если теперь же решишь отпустить ее, дорожа родственным ко мне чувством, то только таким образом ты останешься мне братом и ничто не нарушит наших отличных отношений».

Однако Ферора, правда, сильно потрясенный этими прекрасными словами, сказал, он не считает возможным ни отказаться от родственных чувств к брату, ни же отречься от любви к жене своей, но охотнее бы умер, чем лишился любимой жены. Несмотря на тяжкое оскорбление, заключавшееся для царя в этих словах, Ирод, однако, пока подавил в себе гнев против Фероры, но запретил Антипатру и его матери общаться с Феророй, а также советовал удерживать от этого остальных женщин. Те обещали это, но при

случае Ферора и Антипатр продолжали видаться и даже пировать вместе. В то же время поговаривали также о том, будто жена Фероры находится в близких отношениях с Антипатром, причем посредницей служит мать Антипатра.

2. Побаиваясь, однако, отца и опасаясь, как бы далее не навлечь на себя еще больше неудовольствия с его стороны, Антипатр написал своим римским друзьям, чтобы они посоветовали Ироду отправить его как можно скорее к императору. На основании этого Ирод послал Антипатра (в Рим), дав ему с собой ценнейшие подарки и завещание, в котором назначал после своей смерти Антипатра своим преемником или, в случае, если бы он умер раньше его, своего сына Ирода, который был у него от дочери первосвященника. Единоновременно с Антипатром и араб Силлей приехал (в Рим); впрочем, он не сделал ничего из того, что повелел ему Цезарь. Поэтому Антипатр стал обвинять его перед императором в тех же преступлениях, в каких обвинял его раньше Николай. Вместе с тем и Арет выступил с жалобой на Силлея, так как последний распорядился против его воли казнить многих выдающихся лиц, в том числе Соэма, человека, заслуживавшего во всех отношениях глубокого уважения, а также императорского слугу Фабата. Поводом к последнему обвинению, возбужденному против Силлея, послужило следующее обстоятельство: у Ирода был в качестве особенно доверенного телохранителя некий Кориинфий. Силлей уговаривал его крупной суммой денег умертвить Ирода, и тот согласился. Об этом узнал Фабат от самого Силлея и сообщил о том царю. Последний велел схватить и пытать Кориинфия и в конце концов добился от него полного признания. На основании оговора Кориинфия он распорядился также арестовать двух других арабов; один из них был начальником племени, другой другом Силлея. Эти люди, которых царь также подверг пытке, сознались, что они явились с тем, чтобы ободрить Кориинфия в его намерении и оказать ему в случае необходимости поддержку в деле убийства Ирода. После того как Ирод донес обо всем том Сатурнину, этот распорядился отправить их в Рим.

3. Так как Ферора не изменял любви своей к жене, то Ирод приказал ему удалиться в свою тетрархию. Ферора с удовольствием повиновался этому повелению и дал священ-

ную клятву в том, что возвратится не раньше, чем узнает о смерти Ирода. В силу этой клятвы он не повиновался царю даже тогда, когда Ирод перед смертью просил его к себе, чтобы оставить ему кое-какие распоряжения. Однако Ирод не поступил по его примеру, но сам без приглашения явился впоследствии к Фероре, когда тот заболел. Когда же Ферора умер, он торжественно перевез его тело в Иерусалим и похоронил его там, назначив продолжительный траур по нему. Это обстоятельство стало для Антипатра, несмотря на его отплытие в Рим, причиной бедствий, и Господь Бог наказал его теперь за братоубийство. Я в подробностях расскажу всю его историю, которая может служить примером того, поскольку во всем главную роль играет добродетель.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. После смерти и погребения Фероры к Ироду явились два особенно чтимых Феророй вольноотпущенника его и просили не оставлять так смерти брата, но подвергнуть расследованию его неожиданную и грустную кончину. Ирод внимательно отнесся к этим речам, которые вызвали в нем доверие, и вольноотпущенники заявили, что Ферора накануне заболевания обедал у своей жены и что он умер оттого, что был там отравлен ядом, всыпанным в дотолу неизвестное ему блюдо. Этот яд был привезен какой-то арабской женщиной и должен был якобы служить любовным зельем (откуда он носит и название свое), но на самом деле был предназначен для отравления Фероры. Как известно, все арабские женщины искусны в составлении ядов. Та же женщина, которую они теперь обвиняют, сама созналась, что была особенно дружна с одной из приятельниц Силлея. Вместе с тем они утверждали, что для покупки яда к ней отправились также теща Фероры и его свояченица, которые накануне указанного обеда и возвратились в обществе той аравитянки. Разгневанный этими сообщениями, Ирод приказал подвергнуть пытке прислужниц указанных женщин, а также нескольких свободнорожденных женщин, но вследствие их упорного молчания дело оставалось темным, пока наконец одна из рабынь, терзаемая пыткой, не сказала только того, что просит Предвечного уготовить такие же мучения Антипатровой матери, которая одна

Иудифь

является виновницей всех их страданий. Все это раскрыло глаза Ироду, и в конце концов он с помощью пыток выведal от женщины все о пиршествах и тайных сходках, о том, что Антипaтр передавал Фероре самые тайные вещи, сообщенные ему под секретом (а между тем Антипaтр получил от отца подарок в сто талантов в награду за обещание ничего не сообщать Фероре), о ненависти Антипaтра к отцу и об его постоянных жалобах своей матери на живучесть Ирода, тогда как к самому Антипaтру уже приближается старость, так что, если он когда-либо добьется власти, последняя навряд ли порадует его; о том, что многие из его братьев и их сыновей воспитываются как будущие правители и тем самым безусловно лишают его твердой уверенности в получении власти. Уже теперь, говорил Антипaтр, в случае какого-нибудь несчастья преемником на престоле объявлен его брат, а не сын его. Вместе с тем Антипaтр обвинял царя в крайней жестокости, выразившейся, между прочим, в умерщвлении сыновей. При этом он говорил, что, опасаясь подобной же

Хвала хорошему воспитанию детей

участи, он сам придумал свою поездку в Рим, а Ферора по той же причине удалился в тетрархию.

2. Все это совпадало с доносами сестры царя (Саломии) и заставляло более не сомневаться в искренности показаний женщин. В отместку за гнусность Антипатра Ирод отнял у его матери Дорис все ее драгоценности стоимостью на много талантов и изгнал ее из страны, с женщинами же Фероры он вступил опять в дружеские отношения. Особенно возбуждал гнев царя против его сына самарянина Антипатр, управляющий делами царского сына Антипатра.

Между прочим, этот самарянин сообщил под пыткой, что Антипатр приготовил яд и вручил его Фероре с советом всыпать его отцу во время его (Антипатра) отсутствия, чтобы тем менее навлечь подозрение именно на него. Этот яд привез из Египта Антифил, один из друзей Антипатра; затем яд этот был послан Фероре через Фейдиона, дядю Антипатра со стороны матери; таким-то образом яд попал в руки жены Фероры, которой последний передал его на сохранение. При допросе

со стороны царя та создалась во всем и, побежав якобы для того, чтобы принести яд, бросилась с крыши дома; однако она не убилась насмерть, потому что упала на ноги. Приведя ее затем в чувство, царь обещал ей и ее родным полную безопасность, если только она скажет всю правду, тогда как пригрозил ей ужаснейшими мучениями, если она вздумает скрывать что-либо. Тогда она клятвенно обещала рассказать все по правде и действительно, по мнению многих, рассказала эту правду следующим образом: «Яд был привезен из Египта Антифилом, которому дал его брат — врач. Затем этот яд доставил нам Фейдион, и я спрятала его, получив его от Фероры, которому вручил его для тебя Антипатр; когда же Ферора заболел и ты, прибыв к нему, отнесся к нему столь ласково, он увидел твое к нему расположение и переменял свое первоначальное намерение. Призвав меня, он сказал: «Жена, Антипатр соблазнил меня и подговорил меня к умерщвлению своего отца, моего брата, задумав адское дело и дав мне яд для совершения его. Теперь же, когда брат мой ясно доказал неизменность своих прежних чувств ко мне, а сам я собираюсь покончить все свои счета с жизнью, я не желаю осквернять памяти своих предков, соглашаясь на братоубийство. Принеси поэтому яд и сожги его на моих глазах».

Затем она сказала, что принесла яд и поступила совершенно сообразно повелению своего мужа, сжегши большую часть яда и оставив лишь ничтожную долю его, чтобы после смерти Фероры, в случае притеснений со стороны царя, самой принять отраву и тем покончить с собой и своими бедствиями. Сказав это, она представила флакон с ядом. Второй брат Антифила и его мать подтвердили все это под пыткой и признали флакон за настоящий. Вместе с тем подверглась обвинению также и жена царя, дочь первосвященника, в том, что она, зная о всем, захотела скрыть все. В силу этого Ирод прогнал ее с сыном и вычеркнул его из своего завещания, где он первоначально фигурировал в качестве претендента на царский престол. Тестя своего Симона, сына Бозта, он лишил первосвященнического сана и назначил на его место иерусалимца Матфия, сына Феофила.

3. В это время прибыл из Рима и Батилл, вольноотпущенник Антипатра. Будучи допрошен под пыткой, он показал, что привез яд для вручения его матери Антипатра и Фероре с тем,

чтобы в случае неудачи первой попытки отравления царя теперь можно было наверняка избавиться от Ирода. Вместе с тем Ирод получил также письма от своих римских друзей, которые извещали его, что по наущению Антипатра обвиняются Архелай и Филипп в том, что они будто бы ненавидят отца за убийство Аристовула и Александра и начинают уже жалеть о своей собственной судьбе, причем будто бы высказывают предположение, что отец зовет их назад с исключительной целью и их также загубить. Этой клеветы приверженцы Антипатра добились ценой крупных денежных сумм. Вместе с этим и сам Антипатр писал о братьях отцу, приводя все взводимые на них тяжкие обвинения, но при этом прося совершенно простить юношей, ссылаясь на их возраст и объясняя этим их невоздержанные речи. Сам он в то время продолжал свою борьбу с Силлеем и ухаживал за влиятельными лицами, приобретая с этой целью всяких дорогих подарков на сумму до двухсот талантов. Станным является, во всяком случае, то обстоятельство, что он сам ничего не узнал из того, что готовилось против него в течение последних семи месяцев. Причиной того были надзор и охрана путей и общая ненависть всех к Антипатру: не было никого, кто бы подверг себя опасности ради доставления Антипатру сведений, касавшихся его спокойствия³.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Когда Антипатр написал отцу, что вскоре окончит все свои дела как следует и затем приедет, Ирод скрыл свой гнев и ответил ему, чтобы он не замешкался в пути, дабы с ним (Иродом) не произошло чего-либо во время его отсутствия, вместе с тем он коснулся слегка и обвинений, взведенных на его мать, но обещал покончить все дело миром, лишь только Антипатр приедет. Ирод пустил здесь в ход всю свою любезность, боясь, как бы сын его не заподозрил чего-либо и не только не отложил бы своего путешествия, но и, оставаясь в Риме, не стал бы интриговать против царской его власти и не добился бы в этом отношении чего-нибудь существенного. Антипатр получил это письмо в Киликии, после того как ему уже успели сообщить в Таренту о смерти Фероры. Последнее известие сильно смутило его, впрочем, не потому, чтобы он

был столь сильно расположен к Фероре, но оттого, что Ферора умер, не отравив, согласно обещанию своему, Ирода. Прибыв в киликийский город Келендерис, он уже стал колебаться, следует ли ему вообще возвращаться домой: очень уж его огорчало изгнание матери. При этом одни из друзей его советовали ему где-нибудь обождать исхода дела, другие же настаивали на необходимости его возвращения домой, говоря, что он своим появлением прекратит все обвинения, подобно тому как и теперь обвинители его только потому так сильны, что он отсутствовал. Антипатр внял совету последних и поехал в гавань Себасту, которую дорогой ценой соорудил Ирод и которую назвал в честь Цезаря Себастой⁴. Тут Антипатр уже явно мог догадаться о грозящей ему беде, потому что никто не встретил и не приветствовал его, тогда как при его отплытии народ провожал его благословениями и пожеланиями всего лучшего. Теперь то же население не задумалось встретить его с самыми враждебными проклятиями, видя, что ему приходится поплатиться за смерть братьев.

2. В это самое время в Иерусалиме находился преемник сирийского наместника Сатурнина, Вар Квинктилий. Ирод послал за ним, прося его выступить советчиком в данном деле. Пока они совещались между собой, прибыл Антипатр, который был совершенно неосведомлен о случившемся. Он, еще облеченный в порфиру, вошел во дворец. Привратники впустили его, но запретили доступ его друзьям. Теперь он сильно испугался, отлично поняв, в какое попал положение; особенно же поразило его, что, когда он приблизился к отцу, чтобы обнять его, царь оттолкнул его от себя, стал упрекать его в братоубийстве и в злоумышлении против его собственной жизни и сказал, что на следующий день Вар все разберет и рассудит. Лишь только Антипатр узнал о таком постигшем его бедствии, как удалился, удрученный этим горем. Тут ему встретились его мать и жена (дочь Антигона, предшественника Ирода на иудейском престоле). Узнав от них все подробности, он занялся приготовлениями к своей защите.

3. На следующий день Вар и Ирод собрались на заседание, куда были призваны также приверженцы обеих партий, родственники царя и его сестра Саломия, равно как все те, которые могли дать какие бы то ни было показания, те, которые подверглись пыткам, и схваченные незадолго до его

приезда рабы матери Антипатра. Последние представили также письмо, содержание которого главным образом сводилось к тому, чтобы Антипатр не возвращался, так как царь осведомлен обо всем, и что единственным теперь для него заступником является император, где он может рассчитывать не попасться в руки отцу. Антипатр бросился перед отцом на колени и стал умолять его не произносить приговора, не расследовав дела, но выслушать его, потому что он имеет возможность оправдаться. Однако Ирод приказал отвести Антипатра в середину залы и затем стал громко жаловаться на то, что у него такие дети, от которых он уже столько страдал раньше, теперь ему на старости лет пришлось убедиться в столь ужасной гнусности Антипатра; при этом Ирод упомянул о том, как он постоянно заботился о воспитании и образовании своих детей, не жалея для этого ничего и всегда предоставляя для удовлетворения всех их желаний крупные денежные суммы. За это, говорил он, воздаянием теперь служит то, что они коварно старались загубить его жизнь и преступно домогаются царства, во всяком случае, раньше, чем это дозволяется законом, желанием отца и чувством справедливости. Он удивляется Антипатру и тому, в расчете на что тот решился на столь отчаянный шаг. Ведь он документально уже назначен его преемником на престоле и при жизни царя ни в чем не уступал ему, ни в внешнем блеске, ни в фактическом могуществе; ведь Ирод предоставил ему ежегодную ренту в пятьдесят талантов и дал ему на дорогу в Рим триста талантов. Вместе с тем он напомнил ему, что он теперь вполне уподобился своим братьям, если они действительно виновны в том, в чем он их осуждал; что если же они не виновны, то он напрасно взвалил на них вину и обвинил в тяжком преступлении (столь близких) родственников. Ведь все то, что постановил относительно них он сам, он постановил исключительно на основании донесений и сообщений его (Антипатра). Теперь братья считаются вполне оправданными, так как он сам навлек на себя подозрение в покушении на отцеубийство.

4. При этих словах Ирод разразился слезами и не был в состоянии говорить дальше. По просьбе царя заступить его место Николай Дамасский, который был дружен с Иродом, долго жил при нем и знал все дела его, стал приводить затем все доводы за и против Антипатра. Антипатр обратился с за-

щитительной речью к отцу своему и стал указывать на множество примеров своей ему преданности, равно как на те почести, которых он за это удостоился и которые не имели бы места, если бы он не доказал ему своей полнейшей верности. «Везде, — говорил он, — где представлялась необходимость в особой заботливости, я прилагал все старания, чтобы предусмотреть все; если требовалось личное вмешательство, я все брал лично на себя». Поэтому, продолжал он, несколько не основательно предполагать, что он, который столько раз ограждал отца своего от гнусных интриг, теперь сам является злоумышленником и заменяет явную засвидетельствованную ему преданность гнусностью такого намерения. Ведь он уже давно провозглашен преемником отца своего, и никто не оспаривал у него в будущем тех почестей, которые воздаются ему уже теперь; несколько не вероятно, чтобы человек, невозбранно и заслуженно владеющий половиной чего-либо, стал с риском и опасностью для себя домогаться целого, причем остается вполне невыясненным, насколько ему удастся достигнуть своей цели. Неужели он предпринял бы нечто такое, он, который был свидетелем казни своих братьев, он, который выступил доносчиком и обвинителем, когда дело могло оставаться скрытым, и исполнителем самого приговора, когда гнусное их намерение относительно отца выяснилось целиком. Все эти поступки его служат поэтому доказательством того, насколько благожелательно он, Антипатр, всегда поступал относительно отца своего. Касательно его поступков в Риме он ссылается на свидетельство императора, которого столь же трудно обмануть, как самого Господа Бога. Все это могут подтвердить письма императора, причем нехорошо, что больше веры, чем им, приписывается тем, которые клеветой стараются посеять смуту; большинство этих лиц воспользовалось для проявления своей враждебности досугом, явившимся у них вследствие его отъезда, и они ничего не смогли бы сделать, если бы он не уехал. После этого Антипатр стал проклинать пытки, говоря, что они приводят лишь ко лжи, потому что по самой природе вещей пытаемые говорят в своих мучениях все, что угодно палачам; впрочем, он сам предложил подвергнуть его пытке.

5. После этого в судилище произошло движение. Все очень жалели Антипатра, который обливался слезами и же-

стоко царапал себе лицо; даже во врагах его явилось чувство жалости, и видно было, что и Ирод поколеблен, хотя не желал показать это. Тем временем, однако, Николай стал дальше и подробнее развивать мысль, высказанную вначале царем, привел доказательства виновности обвиняемого на основании признаний под пыткой и сообщений прочих свидетелей, особенно же он остановился на явном мягкосердечии царя, который не щадил никогда ничего для воспитания и образования своих сыновей и теперь попадает из одного тяжелого положения в другое. Правда, говорил он, его не столько изумляет дерзость тех братьев, потому что они были слишком юны и подпали влиянию гнусных людей, советовавших им поправить все законы природы и поспешить овладеть могуществом раньше, чем следовало. Но зато его, естественно, крайне поражает гнусность Антипатра, который не только остался безучастен к величайшим благодеяниям, оказанным ему отцом (подобно самым ядовитым змеям, хотя и в последних замечается стремление не жалить своих благодетелей), но и в своей жестокости не принял во внимание ужасную судьбу, постигшую его братьев, сам вел следствие над ними и сам настаивал на приведение в исполнение приговора над изобличенными: «Мы, однако, не укоряем теперь тебя в том, что ты не сдержал своего гнева на них, но мы поражены тем, что ты поспешил уподобиться им по преступности. Мы убеждаемся, что все твои начинания в этом смысле вовсе не были направлены к тому, чтобы оградить отца, но преследовали лишь гибель братьев, дабы своей ненавистью к ним ты мог более уверить всех в своей сыновней преданности и тем получить возможность вернее погубить его самого. Все это ты подтвердил своими поступками.

Ты умертвил своих братьев, доказав их виновность, но не выдал их единомышленников. Этим ты всем доказал, что ты пакапуне обвинения вошел с ними в сделку, направленную против твоего отца, желая один воспользоваться плодами отцеубийства и из обоих преступлений извлечь удовольствие, вполне достойное твоего характера. Впрочем, явно перед всеми ты выступил в роли преследователя своих братьев, за что тебя все, как и следовало, превозносили высоко. Если же это было не так, то ты являешься еще большим негодяем, так как ты втайне ковал козни против отца своего, не схватив братьев

как злоумышленников против него (сам ты не задумался перед таким же преступлением), но ненавидя их как преемников власти, на которую они имели больше прав, чем ты. Кроме того, ты желал после братьев умертвить также и отца своего, чтобы не рискнуть быть избалованным в ложном обвинении их. Ту смерть, которую ты теперь сам заслужил, ты уготовил несчастному отцу своему, задумав не обыкновенное отцеубийство, но такое, какого до сих пор не знала история.

Ты злоумыслил не только как сын против отца, но поднял руку на своего друга и благодетеля, которому ты помогал в государственных делах и преемником которого ты был объявлен, причем тебе не было возбранено теперь уже пользоваться всеми благами власти; напротив, желания отца твоего и его письменное постановление гарантировали тебе исполнение всех твоих надежд. Между тем ты не имел в этом деле в виду расположения Ирода, но решил все это по своему личному усмотрению и своей гнусности, желая отнять у отца, который во всем слепо доверял тебе, его часть, причем, однако, ты на словах выставлял себя его спасителем. На самом же деле ты искал случая умертвить его и не только довольствовался при этом своей личной испорченностью, но втянул в интриги также и мать свою, посеял смуту в семье относительно своих братьев и даже осмелился называть отца своего разъяренным зверем. Этим ты выказал злобу, которая сильнее злобы всякой змеи. Ведь ты напустил своего яду в душу ближайших родных и благодетелей своих. Ты втянул в свое дело телохранителей и впутал в свои интриги против старца мужчин и женщин, как будто тебе не было довольно удовлетвориться чувством своей личной ненависти. И теперь, после того, как ради тебя подверглись пыткам свободнорожденные и рабы, и после того, как мужчины и женщины сознались в существовании заговора, ты явился сюда и спешешь не только отрицать истину, утверждая, что ты вовсе не задумывал умерщвления отца своего, но и восстаешь против принятого относительно тебя решения, против добронормальности Вара и против всякой справедливости! И вот ты настолько уверен в своем собственном бесстыдстве, что выражаешь сам готовность подвергнуться пытке, чтобы все преданные отцу твоему оказались лжецами, а твоим заявлениям под пыткой была придана вера. Конечно, ты, Вар, не станешь ограждать царя

против дерзких поплзновений его родных, ты не умертвишь того гнусного животного, которое притворяется предашным отцу своему для того лишь, чтобы добиться гибели своих братьев и затем поскорее овладеть самолично престолом, причем оно выказывает всю свою смертельную ненависть к нему. Ведь ты знаешь, что отцеубийство является одинаковым преступлением как против природы, так и против всех жизненных условий, причем исполнение его несколько не отличается от самого замышления его. Тот, кто за это не наказывает, сам совершает преступление против природы».

6. К этому (оратор) присоединил еще целый ряд обвинений против матери Антипатра, указал на то, сколь много она по женскому легкомыслию болтала, упомянул о ее заговорах и жертвоприношениях, предпринятых с целью повлиять на царя, рассказал, как разнузданно и цинично держал себя Антипатр с женами Фероры, и остановился на данных, добытых пыткой и свидетельскими показаниями. Он заранее подготовил много различных пунктов обвинения и ловко пользовался в этих видах также случайно раскрывавшимися теперь фактами. Все те люди, которые раньше, боясь мщения Антипатра в случае его оправдания, умалчивали о многом, теперь открыто выдали его врагам и не скрывали более своей к нему ненависти, потому что видели, насколько он подавлен всеми обвинениями и насколько изменяет ему его обычное счастье. Все это ускорило обвинительный над ним приговор, и притом не столько в силу нерасположения к нему обвинителей, сколько вследствие чудовишной его дерзости, вследствие его ненависти к отцу и братьям, так как он преисполнил дом свой смутой и убийствами и всегда относился ко всем либо с ненавистью, либо дружелюбно не по заслугам, но по степени возможной пользы, которую могли ему впоследствии оказать. Большинство этих людей уже давно ясно видели все это, именно те из них, которые обладали критическим чутьем и могли нелицеприятно судить о фактах; но прежде они не решались громко объявлять о том, теперь же, когда им нечего было бояться, они выложили решительно все, что знали. И вот тогда-то посыпались всевозможные разоблачения, причем их нельзя было оспаривать ни ссылкой на то, будто большинство своими показаниями заискивает у Ирода, ни тем, что они умалчивают о чем-либо в видах личной безопасности. Все это

люди высказывали потому, что действительно считали поведение Антипатра гнусным и побуждались к тому не ограждением безопасности Ирода, но были убеждены в необходимости наказания Антипатра. Многие выступили со своими разоблачениями даже без приглашения, так что Антипатр, несмотря на свое уменье отрицать все и не краснеть, не имел возможности раскрыть рот для возражения. — Когда Николай закончил обвинительную речь свою, Вар предложил Антипатру приступить к опровержению обвинений, если у него имеются доказательства невинности. При этом Вар указал как на свое желание, так и, как ему известно, на желание отца его, чтобы Антипатр вышел из суда оправданным. Тогда Антипатр, вместо того чтобы предъявить непреложные доказательства своей невинности в заговоре против отца, бросился наземь и стал взывать к Господу Богу и ко всем, прося их засвидетельствовать его невинность. Таков уж прием всех непорядочных людей: когда они задумывают какую-либо гнусность, то забывают совершенно о Боге и приступают к своему делу по личному усмотрению; когда же их накрывают и они подвергаются опасности поплатиться за свои деяния, они всегда прибегают к Предвечному, прося его засвидетельствовать их невинность. Так было и с Антипатром. Сперва он решился на все, как будто бы Бога не существовало вовсе; когда же ему был отрезан всякий путь к самооправданию и не на что было опереться, чтобы опровергнуть взведенные обвинения, он положился на милость Божью, прося Его свидетельствовать за него и явить чудо для его спасения. При этом он не переставал выставять перед отцом на вид все свои заслуги.

7. После того как Вар несколько раз обращался к Антипатру, но не добился от него ничего, кроме взывания к Всевышнему, он, видя неуспешность своей попытки, приказал принести яд, чтобы убедиться в его действительности. Когда яд был принесен, то, по требованию Вара, его должен был выпить осужденный на казнь преступник. Он немедленно пал мертвым. После этого Вар поднялся с места и распустил собрание. На следующий день он поехал в Антиохию, где, как в столице Сирии, чаще всего и пребывал.

Ирод распорядился немедленно заключить сына в оковы. Впрочем, никто не узнал, в каких отношениях были Вар и

Ирод и что сказал последнему Вар перед своим отъездом. Однако большинству казалось, что все, предпринятое впоследствии Иродом относительно Антипатра, было сделано им с одобрения Вара.

Посадив Антипатра в темницу, царь послал донесение об этом деле императору в Рим и поручил лицам, везшим это письмо, устно сообщить Цезарю о гнусности Антипатра. В эти же дни было перехвачено также и письмо Антифила к Антипатру (первый находился тогда в Египте), и когда царь распечатал его, то прочитал следующее: «С опасностью для своей собственной жизни я посылаю тебе письмо Акмеи. Тебе известно, что, если это узнают, я подвергнусь опасности с двух сторон. Желаю тебе, впрочем, успеха в своем деле».

Таково было содержание письма. Царь же стал искать второго письма, которого нигде нельзя было найти. Раб Антифила, доставивший это послание, говорил, что не получал другого. Царь был в большом смущении. Тогда кто-то из приближенных Ирода увидел складку на хитоне раба складку (на нем было два платья) и подумал, не спрятано ли письмо внутри этой складки. Так оно и оказалось. Письмо было захвачено и оказалось следующего содержания: «Акмея — Антипатру. Я написала для твоего отца такое письмо, какое ты пожелал, и послала копию с него моей госпоже якобы от имени Саломии; когда (Ирод) прочитает это письмо, он, наверное, накажет Саломию как злоумышляющую против его жизни». Письмо это было якобы адресовано Саломией на имя госпожи Акмеи и было по заказу Антипатра составлено от имени Саломии, причем Акмея сама сочинила его по указаниям Антипатра. Содержание его было следующее: «Акмея — царю Ироду. Задавшись целью сообщать тебе решительно обо всех направленных против тебя начинаниях и найдя письмо Саломии к моей госпоже, я с личной для себя опасностью, но имея в виду твою пользу, сняла с него копию и послала тебе ее. Это письмо Саломия писала еще тогда, когда собиралась выйти замуж за Силлея. Разорви письмо, чтобы моя жизнь не подверглась опасности». Это было написано также Антипатру, дабы он знал, что по его желанию Акмея известила Ирода, будто Саломия прилагает все усилия к тому, чтобы злоумышлять против царя, и что Акмея послала ему копию с подложного письма

Саломии к ее госпоже. Акмея была еврейка, находившаяся в услужении у императрицы Юлии. Все это она сделала в угоду Антипатру, потому что была подкуплена им ценой крупной суммы денег для того, чтобы способствовать ему в его начинаниях, направленных против его отца и тетки.

8. Ирод рассвирепел от неслыханной гнусности Антипатра и решил было немедленно казнить его как виновника такого преступления и злоумышленника, направившего все силы свои не только против него и его сестры, но и как человека, введшего смуту в семью Цезаря. К этому побуждала его также Саломия, которая била себя в грудь и предлагала казнить ее, если бы обнаружилось, что это обвинение правильно. Ирод послал за сыном и подверг его допросу, причем предложил ему без страха говорить все, что он может привести в свое оправдание. Когда же Антипатр молчал, царь просил его, так как все равно он по всем пунктам изобличен, по крайней мере, не скрывать от него имен своих сообщников по преступлению.

Антипатр взвалил всю вину на Антифила, но больше не выдал никого. В гневе Ирод решил отправить сына к императору в Рим, чтобы он там дал ответ в своих страшных замыслах. Но затем он побоялся, как бы Антипатру не удалось при помощи друзей избежать угрожающей ему опасности, и потому по-прежнему велел держать его в темнице в оковах, сам же послал новых послов с письменным обвинением против сына, сообщил, в какой мере Акмея являлась соучастницей в преступлениях Антипатра, и приложил к этому копии писем⁵.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Посланные, получив инструкции о том, что говорить на вопрос (императора), и снабженные письмами, поехали в Рим. Царь же тем временем заболел и составил новое завещание, в котором, из ненависти к сыновьям Антипатра, Архелаю и Филиппу, за козни их отца, предоставлял престол младшему своему сыну; кроме того, он оставлял императору тысячу, жене его Юлии, его детям, друзьям и вольноотпущенникам пятьсот талантов. Вместе с тем он назначал в завещании также сыновьям и внукам своим денежные суммы, ренты и земельные наделы. Сестру свою Саломию он

наградил особенно щедро, ибо она всегда оставалась ему верна и никогда не решалась злоумышлять против него. Так как царь отчаивался в своем выздоровлении (ему было уже около семидесяти лет), то он стал особенно раздражителен против всех и легко сердился. Причиной такому раздражению его служило предположение, что все его презирают и народ радуется постигнутому его горю, тем более что некоторые из более влиятельных в глазах народа лиц восстали против него по следующему поводу.

2. Иуда, сын Сарифея, и Матфий, сын Маргалофа, считались самыми красноречивыми и наиболее опытными знатоками иудейских законов; эти люди пользовались большим расположением в глазах народа за то, что они воспитывали юношество (все, кто желал усовершенствоваться в добродетели, бывали у них ежедневно). Узнав, что теперешняя болезнь царя неизлечима, они побудили юношество уничтожить все начинания царя, противоречившие основным древним законам, и начать борьбу благочестия за эти законы. «Благодаря дерзким нововведениям царя, — говорили они, — и противоречию этих нововведений основному закону его и постигли не только неслыханные для обыкновенного человека несчастья, но и самая болезнь его является последствием этого». Действительно, Ирод кое в чем нарушил закон, в чем его и могли упрекать последователи Иуды и Матфия. Так, напр., царь воздвиг над главным фронтоном храма очень дорогой жертвенный дар в форме огромного золотого орла. Между тем закон возбраняет своим последователям постановку статуй и вообще изображений живых существ. Учителя потребовали снятия этого орла, причем говорили, что, если тут и есть опасность, людям, которые собираются пожертвовать жизнью для спасения и сохранения родных обычаев, приходится значительно выше удовольствий жизни ценить свою доблесть, потому что они тем самым создадут себе вечную славу как теперь, так и впоследствии: их жизнь будет всегда вспоминаться с уважением. Ведь и тем, кто беспрепятственно и спокойно живет теперь, придется неизбежно когда-либо умереть, и поэтому все, кто стремится к самоусовершенствованию, должны твердо решиться расстаться с жизнью со славой и почетом. Ведь великое успокоение заключается в том, что умираешь, совершая славные подвиги».

ги, связанные с опасностью, и в таком случае как сыновья умирающих, так и все родственники их, мужчины и женщины, делаются участниками их славы.

3. Такими речами Иуда и Матфий возбуждали молодежь; в это время до них донесся благоприятный им слух, будто царь скончался. Поэтому они в полдень отправились к храму, сорвали на глазах у множества бывшего в храме народа золотого орла и разрубили его на куски. Царский военачальник (которому немедленно сообщили об этом деле) посмотрел на это серьезнее, чем бы следовало, и явился во главе значительного отряда, достаточного для того, чтобы дать отпор черни, собиравшейся снять священное изображение. Он совершенно неожиданно напал на толпу; как это обыкновенно бывает, чернь решилась на свою решительную попытку скорее необдуманно, чем по здравом рассуждении, и потому пришла в замешательство и совершенно не знала, что ей делать. Поэтому военачальнику удалось захватить не менее сорока юношей, которые смело остались на месте, когда остальная толпа бежала, а также взять в плен Иуду и Матфия, считавших позорным бежать при его появлении; он представил их царю. Когда их привели и царь спросил их, почему они осмелились уничтожить им воздвигнутый жертвенный подарок, они отвечали: «То, что мы задумали, мы решили исполнить и исполнили все так, как подобает настоящим мужчинам. Мы желали оградить святилище, которое посвящено Господу Богу, тем более что укрепило нас в нашем решении постоянное ознакомление с законом. Нет ничего удивительного в том, что мы выше оценили те законы, которые преподал нам Моисей и которые он по указанию Предвечного оставил нам записанными, чем твои постановления. Мы с удовольствием подвергнемся смерти и какому угодно наказанию с твоей стороны, потому что сознаем, что мы подвергнемся этому не за преступные деяния, но за любовь к истинному благочестию». То же самое сказали все они и доказали на словах такую же решимость, которая заставила их и действовать.

Тогда царь велел заковать их в оковы и послать в Иерихон, куда он созвал всех влиятельных иудеев. Когда последние съехались, царь пригласил их в амфитеатр. Там, лежа на постели и не будучи более в силах держаться на ногах, он принялся перечислять все свои заслуги перед ними, упомянул, с какими

расходами он построил храм, чего не могли сделать в течение своего двадцатилетнего царствования Асмонеи, и сказал, что он соорудил его во славу Предвечному и украсил его драгоценными приношениями, память о которых, как он надеется, и слава которых останется за ним и после смерти. Затем он возвысил голос и начал кричать, что они еще при его жизни не стесняются оскорблять его, что днем на виду у всех пагло прикасаются к его жертвенным дарам и что, хотя как будто все это направлено против него лично, если присмотреться поближе, на деле тут совершенно простое святотатство.

4. Боясь, как бы Ирод в своей жестокости не рассвирепел на них и не сделал бы их ответственными за происшедшее, все присутствующие стали утверждать, что все это произошло помимо их ведома и что, по их мнению, этого дела нельзя оставить безнаказанным.

Ирод обошелся с ними вообще довольно мягко, но сместил с должности первосвященника Матфия как отчасти виновника всего случившегося и назначил первосвященником брата жены своей, Иозара. При этом же первосвященнике Матфие случилось, что на один день был назначен другой первосвященник, именно на один из дней постных. Произошло это дело таким образом: накануне постного дня Матфий видел во сне, будто бы он общается с женой. Так как он в силу этого лишился возможности отправлять свои священнические обязанности, то его заместил его родственник Иосиф, сын Эллина.

Итак, Ирод сместил первосвященника Матфия, а другого Матфия, который поднял бунт, вместе с несколькими товарищами велел сжечь живьем. В эту ночь произошло лунное затмение.

5. Между тем болезнь Ирода все ухудшалась, так как Господь Бог наказывал его за все его беззакония. То был медленный огонь, который был не столько замечен наружно, сколько свирепствовал у него внутри тела; к этому присоединялось еще страстное, непреодолимое желание оторвать у себя какой-нибудь член тела.

Его мучили также внутренние нарывы, особенно же страшные боли в желудке; ноги его были наполнены водянистой, прозрачной жидкостью. Такая же болезнь постигла и низ его живота; на гниющих частях появлялись черви; когда он хотел

подняться, дыхание причиняло ему страшные страдания как вследствие зловония, так и вследствие затруднительности своей; всего его охватывали судороги, причем царь обнаруживал неестественную силу. Богобоязненные люди, которые по своим знаниям умели объяснять такие явления, говорили, что теперь Предвечный наказывает царя за его великие беззакония. Между тем большой, страдая более всякого другого, все еще надеялся на выздоровление, посылал за врачами и не переставал в точности пользоваться всеми предписываемыми ими средствами. Переправившись через Иордан, он даже погрузился в горячие ключи Каллирои⁶, которые вообще очень целебны и содержимое которых годно для питья. Вода этих ключей стекает в так наз. Асфальтовое (Мертвое) море. Тут врачам показалось, будто он поправляется; но когда царь сел в ванну, наполненную маслом, он чуть не умер на глазах их. Ирод пришел в себя лишь от громких криков слуг. Теперь он уже потерял всякую надежду на выздоровление и потому приказал выдать каждому солдату по пятидесяти драхм. Вместе с тем он распорядился выдать крупные награды военачальникам и друзьям своим. Затем он вернулся назад в Иерихон, и тут желчь так возбудила его против всех, что он перед самой смертью выдумал следующее страшное дело: когда по его приказанию явились отовсюду все наиболее влиятельные иудеи (это была страшная масса людей, потому что все повиновались предписанию, ибо послушникам угрожала смертная казнь), царь, в одинаковой мере возбужденный как против невишных, так и против виновных, приказал всех их запереть в ипподроме. Затем он послал за своей сестрой Саломией и ее мужем Алексасом и сказал им, что он скоро умрет, так как его страдания невероятны. Конечно, это вполне естественно и бывает со всеми, но его особенно огорчает, что он умрет и никто не станет оплакивать его и скорбеть о нем в такой мере, в какой это было бы прилично, так как он ведь царь.

Ему прекрасно известно настроение иудеев, и он знает, насколько желательна и приятна им смерть его, так как они еще при его жизни устроили бунт и нагло отнеслись к его жертвенным дарам. Поэтому, говорил он, теперь их дело придумать для него какое-нибудь облегчение его страданий. Итак, если они (Саломия и ее муж) не откажутся помочь

ему, то ему будут устроены такие пышные похороны, каких не удостоился еще никто из царей, и тогда весь народ обуреет искренняя скорбь, между тем как теперь народ этот издевается и смеется над ним. Поэтому, когда они (Саломия и ее муж) удостоверятся в его смерти, пусть они распорядятся окружить ипподром войсками, которым, однако, не следует пока сообщать об его кончине (это можно будет возвестить народу после исполнения его воли), и прикажут им перестрелять заключенных в ипподроме людей. Тем, что они таким образом умертвят всех, они окажут ему двойную услугу, во-первых, тем, что в точности исполнят выраженное им перед смертью желание, а во-вторых, тем, что в таком случае народ почитит его искренним горем. Ирод умолял их об этом со слезами на глазах, прося их сделать это из родственного чувства к нему и из любви к Господу Богу. Так как он настаивал на том, чтобы они оказали ему эту честь, те обещали в точности исполнить его желание.

6. Если кто-либо вздумает объяснять прежние поступки этого человека относительно родных тем, что он совершил их из привязанности к жизни (и боязни умереть), то это его приказание является окончательно бесчеловечным, так как он, покидая жизнь, желал повергнуть весь народ в горе вследствие утраты самых дорогих ему лиц. Ведь он приказал умертвить из каждого дома по одному человеку, притом без того, чтобы эти лица совершили что-либо незаконное или обвинялись в каком-нибудь преступлении; все, кто ценит добродетель, обыкновенно в такие минуты забывают свою ненависть к действительным врагам своим⁷.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Пока Ирод давал это поручение родственникам своим, получилось письмо от отправленных им к римскому императору послов. Сущность этого письма сводилась к тому, что Цезарь в гневе велел казнить Акмею за ее участие в преступлениях Антипатра; последнего же он вполне отдавал в распоряжение Ирода, как отца и царя, и предоставлял царю право либо изгнать его из страны, либо казнить. Услышав это, Ирод немного оправился от своих страданий, потому что письмо доставило ему удовольствие; особенно же он был доволен

казню Акмеи и предоставлением ему права по личному усмотрению распорядиться с Антипатром. Но так как вскоре страдания его опять возобновились со страшной силой, он в изнеможении захотел съесть чего-нибудь и потребовал себе яблоко и нож. И раньше он обыкновенно сам срезал с яблок кожу и ел плод, нарезав его небольшими кусочками. Взяв нож и оглянувшись, он вдруг вздумал пронзить себя им. Он, наверное, привел бы это намерение в исполнение, если бы его не предупредил его двоюродный брат Ахиав, который схватил его за руку. Он громко закричал, и сейчас же по всему дворцу раздались крики и громкие стенания, как будто царь уже умер. Ввиду этого Антипатр, убежденный в смерти отца, воспрянул духом, рассчитывая теперь выйти на волю и немедленно захватить в свои руки царскую власть. Он тотчас вступил в переговоры с тюремщиком, обещая ему большую награду сейчас и впоследствии и указывая на то, что теперь наступил момент действовать решительно. Однако тюремщик не только не склонился на просьбы Антипатра, но и сообщил царю весьма красноречиво об его планах. Ирод, который и раньше не был расположен к сыну, услышав это сообщение тюремщика, громко возопил и стал биться головой об стену, несмотря на то, что лежал уже при последнем издыхании. Затем он оперся на локоть и приказал послать нескольких копьеносцев, не откладывая, умертвить Антипатра и похоронить его без всяких почестей в Гиркании⁸.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Ирод изменил свое первоначальное решение и вновь переделал свое завещание. Антипасу, которого он сперва назначил своим преемником на царском престоле, он отдал тетрархию в Галилее и Перее, Архелая он провозгласил своим преемником, а области Гауланитиду, Трахон, Батанею и Панаиду оставил в виде тетрархии Филиппу, сыну Архелая, царского брата. Ямнию, Азот, Фасаилиду он предоставил сестре своей Саломии, которая получила сверх того пятьсот тысяч серебряной монеты. Царь подумал также о всех остальных родственниках своих и, дав каждому из них денежные суммы и значительные ренты, сделал их всех богатыми людьми. Императору он завещал десять миллионов серебра-

ников, кроме различной золотой и серебряной утвари и весьма драгоценной одежды, а жене его Юлии и некоторым другим лицам он оставил по пятисот тысяч. Затем он умер, спустя пять дней после казни Антипатра, процарствовав тридцать четыре года после умерщвления Антигона и тридцать семь лет после провозглашения своего царем со стороны римлян. Это был человек, одинаково жестокий ко всем, необузданный в гневе, попиравший справедливость, но притом пользовавшийся большей удачей, чем кто-либо иной. (Ведь он, происходя из простого звания, добился царского сана и, несмотря на тысячи опасностей, всегда ускользал от них, сумев при этом дожить до преклонного возраста.) Что же касается его домашней обстановки и его сыновей, то и здесь все соответствовало его личным желаниям и стремлениям, потому что он мог радоваться тому, что сумел совладать с ними как со своими врагами. Мне, однако, он и в этом отношении представляется человеком крайне несчастным.

2. Между тем Саломия и Алексас выпустили заключенных в ипподроме на свободу раньше, чем стало известно о смерти царя. При этом они сказали, будто сам царь распорядился, чтобы они вернулись к себе домой к делам своим. Этим они оказали народу крупное благодеяние. Когда весть о смерти царя распространилась повсюду, Саломия и Алексас собрали войско в иерихонский амфитеатр и тут сначала прочитали ему послание Ирода к воинам, где царь благодарил последних за верную преданность и просил их так же отнестись и к его сыну Архелая, которого он назначает своим преемником. Затем Птолемей, которому был доверен царский перстень с печатью, прочитал завещание; последнее, впрочем, не иначе вступало в законную силу, как с утверждения императора. По прочтении завещания немедленно поднялись громкие клики в честь (нового) царя, Архелая; воины по отдельным частям, предводительствуемые своими начальниками, присягнули ему на верность и преданность и призвали Господа Бога в хранители царя.

3. Затем состоялись похороны царя, причем Архелай озаботился устроить их как можно пышнее и не щадил средств, чтобы придать им в честь усопшего больше блеска. Тело умершего покоилось на золотом ложе, усеянном разнообразными драгоценными камнями; покров был пурпуровый, и тело

покойного было облачено в багряницу; на голове его покоилась диадема, поверх которой был надет золотой венец, в правой руке находился скипетр. Около ложа шли сыновья умершего и масса его родственников; за ними следовало войско по отрядам сообразно своей национальности: сперва шли копьеносцы, затем отряды фракийцев, германцев и галлов, все в полной походной форме. За ними следовало уже все остальное войско, предводительствуемое своими лохагами и таксидархами и снаряженное как бы на войну. Затем шли пятьсот служителей, несших курения. Вся процессия прошла (таким образом) восемь стадий до Иродиума, где, сообразно повелению покойного, и состоялось его погребение.

4. Так умер Ирод. Архелай справил в честь отца, как того требовал обычай, семидневный траур, затем угостил своих друзей и, отменив траур, направился в храм. Везде на пути его приветствовали кликами радости и прославлениями, так как все наперерыв друг перед другом старались выказать ему свои благопожелания. Затем Архелай взошел на устроенное возвышение, снабженное золотым тронем, и обратился с приветственной речью к народу, выражая ему свое удовольствие по поводу его расположения к нему, которое высказалось в его благопожеланиях; вместе с тем он благодарил собравшихся, что они предали забвению все несправедливости, совершенные относительно них его отцом, и обещал приложить все старания, чтобы воздать им добром за их к нему расположение. При этом Архелай сказал, что он пока не принимает титула царя, потому что тогда только будет иметь на него право, когда император утвердит завещание отца его. По этой же причине он отклонил и желание иерихонского войска, собиравшегося возложить на него диадему; он-де отлично понимает неуместность такой почести, потому что еще не удостоился официального утверждения со стороны императора. Когда же он достигнет власти, то приложит все свое старание, чтобы вознаградить их за расположение к нему; он постарается доказать им, что хочет быть во всех отношениях и для всех лучше отца своего. Как это обыкновенно бывает с толпой, последняя была уверена, что люди, достигшие высокого положения и власти, в первые же дни выказывают весь свой характер, поэтому поскольку Архелай говорил мягко и любезно с народом, постольку же чернь еще более превозно-

сила его похвалами, а затем стала требовать себе всяких льгот: одни громко требовали, чтобы им облегчили их ежегодные налоги, другие просили освободить узников, заключенных Иродом в темницы (там их давно томилось множество); были, наконец, и такие, которые требовали отмены налогов, безжалостно взимавшихся со всего покупаемого и продаваемого на рынках. Считая весьма важным для себя с самого начала заслужить расположение народа, нужное для утверждения его во власти, Архелай несколько не отклонял этих просьб, но начал с полной готовностью исполнять все эти желания народа. Затем он принес жертву Предвечному и отправился обедать со своими друзьями⁹.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. В это время некоторые иудеи, собравшись для того, чтобы совершить попытку к восстанию, стали громко оплакивать Матфия и его умерщвленных Иродом товарищей, которые из страха народа перед последним до сих пор не удостоились еще чести быть погребенными; эти люди были приговорены к казни за снятие золотого орла (с храма). И вот бунтовщики с криками и воплями стали поносить царя, как будто бы это могло облегчить положение казненных. Собравшись на сходку, они потребовали, чтобы Архелай наказал всех тех лиц, которые пользовались особым благоволением Ирода, а раньше всего сместил назначенного Иродом первосвященника и заменил его более сведущим в законах и более порядочным человеком. Хотя Архелай и очень беспокоился этим их движением, однако постарался успокоить их, имея в виду поскорее отравиться в Рим и там гарантировать себе поддержку со стороны императора. Поэтому он выслал к ним одного из своих военачальников с приказанием уговорить их, указав им, чтобы они оставили свою неразумную в данный момент затею и приняли во внимание, что смерть, постигшая их друзей, была вполне законной; вместе с тем военачальнику было поручено доказать им, что в их требованиях много оскорбительного и что современные обстоятельства требуют на первом плане единодушия, пока Архелай не вернется к ним обратно с утверждением в сане царя со стороны императора. Тогда он готов обсудить с ними совместно их требования; пока

же просит воздержаться от дальнейших манифестаций, чтобы не навлечь на себя недовольства бунтовщиков.

2. Такое поручение царь дал военачальнику и отпустил его затем к народу. Бунтовщики, однако, кричали и не дали военачальнику промолвить слово; они угрожали смертью ему, равно как всякому, кто бы вздумал уговорить и остановить их в их намерениях; при этом они придавали больше значения своим собственным желаниям, чем требованиям начальников, считая безобразным, что если они при жизни Ирода лишились друзей своих, не иметь, после его смерти, возможности отомстить своим врагам. В своем крайнем озлоблении они считали законным и справедливым всякий приятный им поступок, совершенно игнорируя связанную с этим для них опасность; если кому-нибудь из них и приходила в голову такая мысль, то он предпочитал насладиться скорее чувством мщения своим злейшим врагам, чем думал о возможных последствиях этого мщения. Несмотря на то, что Архелай высылал к ним для переговоров нескольких лиц и некоторые сами, без его приказа, от себя пытались успокоить недовольных, последние никому не дали говорить. Напротив, они страшно рассвирепели и подняли целый бунт; при этом было очевидно, что они решатся на крайние меры, если к ним присоединится побольше простонародья.

3. В это время наступил праздник, в который иудеям древним законом предписано есть опресноки. (Этот праздник носит название Пасхи, служа напоминанием их удаления из Египта; эти дни иудеи празднуют особенно охотно, и у них в обычае приносить тогда больше жертв, чем в какой-либо другой праздник; в это же время на поклонение Всевышнему стекается в город бесчисленная масса жителей не только из пределов их собственной страны, но и из-за границы). И вот бунтовщики, оплакивавшие смерть законоучителей Иуды и Матфия, также собрались в храме, где у них всего было вдоволь, потому что им не было стыдно выклянчивать себе запасы у других. Тогда Архелай, опасаясь, как бы эти люди в своем ослеплении не решились на опасные меры, выслал к ним отряд тяжеловооруженных под командой хилиарха с предписанием сдерживать пыл бунтовщиков раньше, чем к ним присоединится и ими будет увлечена слишком большая часть народа. При этом царь приказал привести к

нему всех тех, кто обнаружил бы слишком большое увлечение беспорядками. На этих солдат руководители бунта и масса престоиародья набросились с яростью, крича и ободряя друг друга, окружили их и закидали большинство их камнями. Спаслись бегством лишь немногие из солдат и их военачальник, но все они были ранены. Затем, совершив это, бунтовщики вновь принялись за жертвоприношения. Между тем Архелай стал опасаться за целостность своего царства, если не подавит этого волнения народа. Поэтому он выслал все свое войско, а также кавалерию, предписав последней воспрепятствовать тому, чтобы заключенным в храме была оказываема какая-либо поддержка со стороны расположившихся вне святилища, а также ловить тех, кто избегнет рук пехоты и считал бы себя уже в безопасности. Таким образом, всадники перебили до трех тысяч человек; остальные ушли на ближайшие возвышенности. Затем Архелай велел возвестить всем, что разрешает им вернуться к делам своим. Тогда эти люди оставили празднование Пасхи и возвратились домой, боясь всяких осложнений, хотя они (вначале) и выказали, благодаря своей необразованности, такую дерзость.

После этого Архелай в сопровождении своей матери, Птолемея, Николая и многих друзей отправился в морское путешествие, поручив заведование всеми домашними и государственными делами своему брату Филиппу. Вместе с ним поехала также Саломия, сестра Ирода, со всей многочисленной родней своей, под предлогом поддержать Архелая в его утверждении царем, на деле же с целью противодействовать ему в этом и особенно для того, чтобы поднять шум из-за случившегося в храме. В Цезарее с Архелаем встретился Сабин, сирийский уполномоченный императора, отправлявшийся в Иудею, чтобы заарестовать денежные суммы Ирода. Однако от этого намерения удержал его прибывший туда Вар, которого с этой целью Архелай специально пригласил через Птолемея. В угоду Вару Сабин воздержался от занятия иудейских крепостей и от опечатания казны, которую предоставил в распоряжение Архелая до постановления соответствующего решения со стороны императора. Сам он остался в Цезарее, обещав это Архелаю. Когда же Архелай отплыл в Рим, а Вар вернулся в Антиохию, Сабин двинулся на Иерусалим и занял царский дворец. Затем он послал за начальниками гарнизонов

и всеми чиновниками и прямо потребовал от них отчета, распоряжаясь по личному усмотрению судьбой укреплений. Однако чиновники не ослушались ни в чем приказаний Архелая, удержали у себя все, что им доверил царь, и сослались на то, что они берегут все для императора.

4. В это же самое время отправился в Рим также другой сын Ирода, Антипас, имея в виду со своей стороны выступить претендентом на престол. Он был побужден к тому Саломией, которая убедила его, что он имеет больше прав на престол, чем Архелай, так как он был объявлен царем в первом завещании, которое имеет более законной силы, чем написанное впоследствии. Его сопровождали его мать и Птолемей, брат Николая, который раньше принадлежал к числу наиболее влиятельных друзей Ирода, а теперь был близок к нему. Особенно же сильно побуждал Антипаса домогаться престола некий Ириней, человек, отличавшийся необыкновенным красноречием и достигший благодаря этому своему недюжинному таланту высокого общественного положения. Поэтому Антипас и не внимал советам тех, которые уговаривали его уступить своему старшему брату Архелаю, вдобавок назначенному царем в самом завещании Ирода.

Когда Антипас прибыл в Рим, все родные стали на его сторону, впрочем, не из расположения к нему, но из ненависти к Архелаю, особенно же оттого, что все они жаждали свободы и желали быть подчинены римскому наместнику. Если бы, однако, тут вышла задержка, то они считали для себя более выгодным поддерживать Антипаса, чем Архелая, и потому всячески отстаивали интересы первого. Вместе с тем и Сабин прислал Цезарю письменное обвинение против Архелая.

5. Архелай, со своей стороны, представил императору прошение, в котором излагал свои притязания и, приложив к этому завещание отца, равно как послав к Цезарю Птолемея с перечнем Иродова имущества и перстня, стал ожидать исхода своего дела. Император прочитал бумаги его и письма Вара и Сабина, удостоверился в состоянии имущества Ирода и в его ежегодных доходах, а также внимательно разобрал все доводы Антипаса относительно его прав на царский престол. Затем он собрал для обмена мыслей своих друзей, и в том числе Гая, сына Агриппы и его дочери Юлии, ко-

торый пользовался у него большим влиянием и которого он считал своим первым советником. Всем желающим высказаться относительно настоящего положения дел император предоставил это право. Первым выступил с речью Антипатр, сын Саломии, человек, отличавшийся необыкновенным красноречием и весьма враждебный Архелая. Он сказал, что притязания Архелая на престол являются насмешкой, потому что Архелай на самом деле вполне воспользовался царской властью раньше, чем его утвердил в этом сане император; при этом он укорял его в том, как дерзко он распорядился с умерщвленными во время праздника, наказание которых ему, даже если бы те были действительно виновны, надлежало бы предоставить власть имущим, а не оставлять это право за собой: если он тут действовал как царь, то он оскорбил императора, не зная еще, как тот относится к нему; если же он действовал как частное лицо, то это еще хуже, так как нельзя иметь притязания на какое-либо право и на утверждение в нем, если отнял у самого Цезаря принадлежащее ему одному право. Вместе с тем он обвинил Архелая также в том, что тот уволил некоторых военачальников, что самовольно сел на царский престол, что он, как настоящий царь, постановлял решения и соглашался на требования лиц, предъявивших ему свои притязания официально, и что он вообще держал себя так, как только мог себя держать человек, уже утвержденный Цезарем в сане. При этом он поставил ему также на вид, что Архелай выпустил лиц, заключенных в ипподроме, и присоединил к этому еще многое, что отчасти было верно, отчасти по самому существу своему могло случиться вследствие того, что слишком молодые люди злоупотребляют властью из честолюбия. Равным образом он укорял его в недостаточном уважении к памяти отца, указывая будто Архелай задал пир в ту самую ночь, когда скончался Ирод, следствием чего и явилась попытка народа устроить бунт. Если, продолжал он, Архелай так отплатил мертвому отцу своему, который оказал ему столько благодеяний, и притом таких значительных, днем притворно обливался слезами, как актер, а ночью предавался всяким удовольствиям, которые были ему доступны вследствие его высокого положения, то ясно, что Архелай таким же точно поступит и относительно Цезаря, если тот утвердит его во влас-

ти, как он поступил и относительно отца своего: ведь он танцует и поет, как будто бы умер его враг, а не ближайший родственник и вдобавок благодетель. Весьма странным поступком со стороны Архелая является и то обстоятельство, что он теперь прибыл к Цезарю с просьбой утвердить его на престоле, после того как раньше сделал все, на что уполномочить его могло лишь признание его верховным властителем. Особенно же ярко он описывал преступное избиение людей в святилище, подробно рассказал, как они при наступлении праздника были перерезаны наподобие жертвенных животных (причем в числе их находилось несколько чужеземцев, остальные же были туземцами), как храм наполнялся мертвыми телами. Он подчеркивал, что такое злодеяние было совершено не иноземцем, но человеком, облеченным священным именем царя, и было сделано им для того, чтобы удовлетворить ненавистную и прирожденную всем людям страсть к тираническому своеволию. Поэтому-то отцу и во сне никогда не снилось сделать такого человека своим преемником на престоле: ведь Ироду был известен характер Архелая. При этом оратор указал на то, что и по смыслу завещания преимущество принадлежит Антипасу, которого отец назначил своим преемником на троне тогда, когда он еще не страдал ни физически, ни душевно, но был в полном владении своими умственными силами и настолько здоров, что мог сознательно управлять и распоряжаться всеми своими делами. Впрочем, если бы отец Архелая в прежнем своем завещании распорядился относительно его так же, как в последнем, то ясно, каким бы царем мог стать Архелай, который уже теперь пренебрег императором, тогда как от последнего только и зависит его утверждение в сане, и который, будучи еще частным человеком, не задумался перерезать своих сограждан в храме.

б. Сказав все это и скрепив свою речь свидетельскими показаниями целого ряда тут же находившихся родственников, Антипатр смолк. Тогда в качестве представителя интересов Архелая поднялся Николай и начал говорить, что все случившееся в храме скорее должно быть приписано самовольному поведению пострадавших, чем властным распоряжениям Архелая; ведь лица, решающиеся на такие предприятия, не только поступают гнусно с теми, кого они возбуж-

дают, но и принуждают к насильственным мерам людей совершенно спокойных. Вполне ясно, что бунтовщики восстали на словах как бы против Архелая, в действительности же против императора. Ведь они напали на высланных вполне своевременно Архелаем воинов, которые должны были остановить их в дерзком начинании, и перебили их, не принимая во внимание ни близости Предвечного, ни святости праздника. За таких-то людей Антипатр выступил теперь ходатаем, потому ли, что желает насытить вражду свою к Архелаю, или оттого, что ненавидит голую истину. «Те, кто приступает неожиданно к насильственным действиям, именно и являются лицами, принуждающими других даже против воли братья за оружие для ограждения своей безопасности». Вместе с тем оратор привел целый ряд других возражений против доводов обвинителей, которые сами находились в числе советчиков (Архелая): ничто, что облекается в форму обвинения, не произошло помимо их ведома. Впрочем, все это само по себе и не является преступным, но выставляется теперь таковым для того лишь, чтобы повредить Архелаю, ибо таково уже у них желание насолить родственнику, который оказал крайне важные услуги отцу своему, а по отношению к ним всегда выказывал родственные чувства и обходился с ними гуманно. При этом царь Ирод составил свое завещание в полном обладании умственными способностями, и это второе завещание уже потому действительнее первого, что царь предоставил Цезарю, как верховному правителю, право утвердить его по всем пунктам. (Я убежден, что) Цезарь никоим образом не последует примеру тех дерзких людей, которые, пользуясь всеми благами власти при жизни Ирода, теперь во всем нагло противодействуют его желаниям, причем не имеют даже права считать себя такими его слугами (каким является Архелай). Ведь Цезарь и не подумает нарушить последнюю волю человека, который постоянно и во всем следовал его указаниям, был его другом и сотрудником и написал свое завещание в уповании на его лояльность. Император по своей доблести и верности, которые известны всему миру, не последует примеру этих гнусных людей и не признает сумасбродным безумцем человека и царя, который назначил преемником своим достойного сына и в этом вполне уповал на преданность Цезаря. Ирод не мог

ошибиться в выборе своего наследника, если он был настолько рассудителен, что решил все это оставить на утверждение императора.

7. Этим словом Николай закончил речь свою, Архелай же бросился к ногам Цезаря. Последний велел ему подняться и сказал, что он считает его вполне достойным престола. Этим он в достаточной мере ясно высказал свое личное на этот счет мнение и доказал, что он поступит совершенно сообразно завещанию и вполне примет во внимание интересы Архелая. Сейчас, впрочем, он не решил дальнейшего образа своих действий, но удовлетворился тем, что удостоверился в полном успокоении Архелая. Распустив затем собрание, император стал обсуждать вопрос о том, утвердить ли на престоле Архелая или распределить эту власть между всеми представителями Иродовой семьи, которая ведь также нуждалась в поддержке.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Пока, однако, император постановлял какое бы то ни было решение, мать Архелая, Малфака, заболела и умерла, а от сирийского наместника Вара получилось письмо, в котором он извещал о бунте иудеев. Дело в том, что после отплытия Архелая народ стал волноваться; сам Вар приехал, жестоко наказал зачинщиков восстания, по силе возможности успокоил волнующихся и возвратился в Антиохию, оставив в Иерусалиме один легион для подавления всякой попытки иудеев к восстанию. Впрочем, ему не вполне удалось подавить возмущение. Дело в том, что по отъезде Вара императорский наместник Сабин, оставшийся на месте, стал сильно удручать восставших, рассчитывая на то, что при помощи оставленного ему войска он справится с ними и с народом. Он окружил себя значительным числом телохранителей, чем возбуждал лишь иудеев и побуждал их к возмущению. При этом он пытался насильно овладеть укреплениями и в своей алчности и своем корыстолюбии всецело предавался разыскиванию царских сокровищ.

2. При наступлении Пятидесятницы (так называется один из наших праздников) огромные толпы народа собрались в город не только с целью помолиться, но и для того, чтобы

выразить свое негодование по поводу насилий Сабина; много явилось также галилеян, идумеян, иерихонцев, а также жителей Заиордания; к ним присоединилось огромное множество иудеев, которые сильнее других пылали желанием отомстить Сабину. Все собравшиеся разбились на три отряда и расположились каждый отдельно, причем одни заняли ишподром, а из прочих двух отрядов один расположился вдоль восточной, южной и северной сторон святилища, а другой — вдоль западной стороны, где находился царский дворец. У них были сделаны приготовления для осады отовсюду окруженных ими римлян. Сабин испугался такой массы врагов и опасался вспышки со стороны мужей, которые предпочли умереть, чем подчиниться, и всю свою доблесть полагали в победе; поэтому он немедленно послал Вару письмо и настоятельно просил его тотчас же поддержать его в крайней опасности, угрожающей оставленному им войску; он писал ему о возможности быть вскоре захваченными в плен и перебитыми. Сам он занял высокую башню крепости, так наз. Фасаилу башню, воздвигнутую в честь Иродова брата Фасаила и получившую свое название после убийства Фасаила парфянами, и дал знак римлянам выступить против иудеев; и в то время как сам он не решался спуститься к друзьям своим, он считал возможным, чтобы другие умирали за него и за его любостязание. Когда римляне рискнули сделать вылазку, произошел ожесточенный бой, в котором римляне одержали верх над врагами. Однако, невзирая на такое бедствие и несмотря на массу павших, иудеи не переставали сохранять мужество. Они сделали обход и взобрались на крыши галерей, окружающих снаружи храм; тут снова возгорелся ожесточенный бой, причем иудеи бросали сверху камни, либо прямо руками, либо из пращей; они были на это мастера. К ним также присоединились все стрелки, которые наносили римлянам значительный урон, потому что успели занять более возвышенную позицию и были недосыгаемы для неприятельских дротиков, тогда как сами имели крупные преимущества перед врагами. В таком виде бой продолжался значительное время. Наконец, римлянам надоело все это, и они, незаметно от иудеев, взобравшихся на крыши галерей, подожгли эти галереи. Так как они при этом кидали в огонь много горючего материала, то пламя быстро охвати-

ло крышу, деревянные части которой, особенно благодаря наличности массы смолы и воска, равно как покрытой лаком позолоты, вскоре были объаты пламенем. Таким образом это великое и дивное сооружение превратилось в ничто, а находившиеся на крыше нашли тут неожиданно свою гибель. Когда крыша рухнула, многие упали вместе с ней в огонь, других при этом застрелили враги. Отчаиваясь в своем спасении и страшась предстоящей участи, многие сами ринулись в огонь, другие же собственноручно покончили с собой при помощи своих мечей. Те, наконец, которые пытались спастись тем же путем, каким взобрались на крышу, были все перебиты римлянами вследствие своей безоружности, своего отчаяния и потери мужества, в которую их ввергала безоружность. Таким образом, ни один из тех, которые взобрались на крышу, не спасся. Римляне ринулись повсюду, где только можно было проникнуть, внутрь храма и старались овладеть богатствами последнего. При этом многое было разворовано солдатами, Сабин же унес на глазах у всех четыреста талантов.

3. Иудеи были огорчены несчастьем, постигшим павших в битве друзей, а также похищением сокровищ. Тем не менее, однако, они заняли царский дворец всеми своими наиболее дельными и храбрыми воинами и угрожали поджечь дворец и перебить всех; при этом они предлагали римлянам скорее удалиться, обещая им и Сабину с его приверженцами в этом случае полную безопасность. Тогда большинство царских войск перешло на их сторону. Руф же и Грат, располагавшие тремя тысячами отборного и рослого войска Ирода, примкнули к римлянам. То же самое сделал и отдельный конный отряд, бывший под командой Руфа. Иудеи, в свою очередь, не ослабляли осады; они подкапывали стены и кричали осажденным, чтобы те не мешали им вернуть прежнюю свою свободу. Сабину, правда, хотелось удалиться со своими воинами, но вместе с тем он не решался поверить (иудеям) вследствие учиненных над ними насилий, да к тому же его сильно сбивала неожиданная мягкость врагов. Кроме того, он ожидал прибытия Вара и потому подвергался дальнейшей осаде.

4. В это же самое время множество других волнений охватило Иудею, причем многие решились на открытую борьбу

либо в надежде на личную выгоду, либо из ненависти к иудеям. Так, напр., две тысячи бывших солдат Ирода, вернувшихся теперь на родину, собрались в пределах самой Иудеи и начали неприязненные действия против царских приверженцев. Спротивление стал им оказывать двоюродный брат Ирода, Ахиав, но так как более опытные в военном деле противники оттеснили его с равнины на плоскогорье, то он искал по возможности спасения в неприступных горных ущельях.

5. Был там также некий Иуда, сын могущественного атамана разбойников, Езекии, которого Ирод с большими трудностями держал в повиновении. Этот Иуда собрал около галилейского города Сепфориса огромную толпу отчаянных людей, сделал набег на царский дворец, захватил все находившееся там оружие, вооружил им всех своих приверженцев и похитил все находившиеся там деньги. Так как он грабил и брал в плен всех, кто ему попадался на пути, то он всюду вселял ужас. При этом им руководило желание добиться высшего положения и даже царского достоинства; впрочем, он рассчитывал достигнуть этого не столько доблестью, сколько дерзким захватом.

6. Существовал тогда также один из служителей царя Ирода, некий Симон, человек красивый, огромного роста и крайне сильный, пользовавшийся доверием царя. Основываясь на беспорядочном состоянии дел, этот человек осмелился возложить на себя царский венец. Собрав себе толпу приверженцев, которые в своем безумии провозгласили его царем, и считая себя вполне достойным этого высокого сана, Симон разграбил и сжег царский дворец в Иерихоне. Равным образом он предал пожару целый ряд других дворцов в стране, причем предоставлял толпе своих приверженцев грабить их сколько угодно. Он, наверное, совершил бы еще более значительные беззакония, если бы против него не были приняты меры: Грат присоединил царские войска к римским и во главе этой рати выступил против Симона. Когда затем произошла продолжительная и ожесточенная битва, большинство приверженцев Симона, происходивших из Переи и представлявших из себя беспорядочную толпу, сражавшуюся скорее храбро, чем умело, погибло, а сам Симон, искавший спасения в бегстве по узкому ущелью, попался в руки Грата и был им обезглавлен.

Около Иордана, в Амафе, дворец был также сожжен толпой бродяг, похожей на приверженцев Симона. Таким образом, полная разнузданность овладела народом, так как у него не было своего царя, который мог бы доблестным правлением сдерживать народную массу, а прибывшие для успокоения возмущившихся иноземцы лишь подливали масла в огонь своим наглым отношением и своим корыстолюбием.

7. Вместе с тем даже некий Афронг, человек, не блиставший ни знатностью рода, ни личной доблестью, ни обилием денежных средств, всего-навсего простой пастух, отличавшийся, впрочем, огромным ростом и недюжинной физической силой, решил домогаться царской власти. Удовольствие пользоваться выдающимся положением заставляло его не дорожить даже личной жизнью и подвергнуться гибели. У него было четверо братьев, таких же рослых и сильных, как он сам. В них он рассчитывал иметь хорошую поддержку при овладении царским престолом. Так как около них собралась огромная толпа приверженцев, то каждый из братьев взял на себя командование одним отрядом. Таковы-то были его военачальники. Они помогали ему, вступая постоянно, по собственному усмотрению, в стычки.

Сам же Афронг падел на себя царский венец и держал совет относительно дальнейшего образа действий. При этом он всюду руководился лишь своим собственным мнением. В руках такого человека власть была долгое время; он назывался царем и мог невозбранно делать все, что ему было угодно. Как он сам, так и его братья сильно вредили своей жестокостью римлянам и царским войскам, питая как к тем, так и к другим сильную ненависть: последнюю они ненавидели за надменность при жизни Ирода, римлян же — за те обиды, которые они, по их мнению, наносили им. С течением времени озлобленность их росла все более и более. Никому, кто попадался им в руки, уже не было спасения либо вследствие их корыстолюбия, либо вследствие их любви к убийствам. Однажды они напали близ Еммауса на когорту римлян, которая везла войску хлеб и оружие. Окружив римский отряд, они закидали дротиками начальника его, Ария, и сорок лучших его пехотинцев. Испугавшись этого поражения, остальные римляне спаслись бег-

ством, бросив трупы товарищей; им на выручку, впрочем, пришел Грат во главе царских войск, бывших в его распоряжении.

Такие стычки устраивали они в течение долгого времени, нанося римлянам немало вреда и сильно притесняя свой собственный народ. Впрочем, впоследствии все они пали, один в битве с Графом, другой в бою с Птолемеем. Старший попался в руки Архелая, и тогда последний, в горе от постигшей братьев неудачи и не видя для себя спасения вследствие своего одиночества и потери войска от переутомления, отдался, уповая на Господа Бога, в полное распоряжение Архелая.

8. Все это, впрочем, произошло значительно позже. Тем временем Иудея была полна разбойничьих шаек. Где только ни собиралась толпа недовольных, она тотчас выбирала себе царя, на общую гибель. Правда, эти цари наносили римлянам мало важный вред, зато свирепствовали среди своих собственных единоплеменников.

9. Лишь только Вар узнал из письма Сабина о случившемся, он стал опасаться за участь римского легиона. Поэтому он взял два остальных легиона (в Сирии их было всего три) и четыре отряда конницы, равно как вспомогательные войска, которые тогда предоставили в его распоряжение некоторые цари и тетрархи, и поспешил с ними на помощь осажденным в Иудее. Войска, высланные вперед, получили приказание спешить в Птолемаиду. Между прочим, когда он проходил через город Берит, жители дали ему вспомогательный отряд в полторы тысячи человек. Равным образом и царь Каменистой Аравии, Арет, который из вражды к Ироду сдружился с римлянами, послал ему довольно значительные пешие и конные отряды. Когда же вся рать собралась в Птолемаиде, он дал часть ее своему сыну и одному из своих друзей для того, чтобы они начали войну с галилеянами, населявшими окрестности Птолемаиды. Было совершено нападение, и враги были обращены в бегство. Затем был занят город Сепфорис, жители его проданы в рабство, а город сожжен. Сам Вар во главе всего войска двинулся к Самарии, но не причинил этому городу никакого вреда, так как жители его не принимали участия в смутах. Тут он расположился станом в деревушке Арус, входившей в состав области Птолемея. Эту деревню подожгли

арабы, побуждаемые к тому ненавистью к Ироду и потому также враждебно относившиеся ко всем друзьям последнего. Выступив отсюда, арабы разграбили и сожгли другую деревню, Самфо, которая представляла из себя довольно укрепленный и неприступный пункт. Вообще на пути их все подвергалось насилию, везде царили пожар и убийство. Таким образом, по приказанию Вара, желавшего устроить нечто вроде искупительной жертвы в память павших воинов, был подожжен и Еммаус; жители, впрочем, успели вовремя покинуть этот город. Отсюда он двинулся уже к Иерусалиму. Когда же расположившиеся у стен для осады иудеи увидели приближение его войска, то не стали дольше ждать и отступили, бросив осаду. Затем, когда Вар жестоко накинулся на иерусалимских иудеев, последние стали оправдываться тем, что стечение такой массы народа в городе объясняется наступившими праздниками и что войну следует приписать вовсе не их желанию, но дерзости пришельцев, и что они вместе с римлянами скорее подвергались осаде, чем думали сами осаждать римлян. Навстречу Вару выехали Иосиф, двоюродный брат царя Ирода, Грат и Руф во главе войск своих и все осажденные римляне. Сабин, впрочем, не попадался Вару на глаза: он удалился из города к морю.

10. Потом Вар разослал по стране часть своего войска и стал ловить виновников возмущения. Когда ему указывали на таковых, он их наказывал как зачинщиков; многих, впрочем, он отпустил без наказания. Таким образом было казнено (через пригвождение к кресту) две тысячи человек. Видя затем, что войска ему более не нужны, он распустил их, потому что они, вопреки повелениям и желаниям Вара, совершили много насилий и грабежей из любопытства. Когда же он узнал, что вновь собралось десять тысяч иудеев, он поспешил захватить их. Впрочем, они не вступили с ним в бой, но, по совету Ахиава, сдались Вару.

Последний простил толпе ее провинность, руководителей же ее отправил к императору. Большинство из них Цезарь отпустил безнаказанными, подвергнув казни лишь тех из участников бунта, которые принадлежали к числу родственников Ирода, потому что они вопреки всякой справедливости выступили против своих сородичей¹⁰.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Устроив таким образом дела свои и оставив в Иерусалиме в качестве гарнизона прежний легион, Вар двинулся к Антиохии. Для Архелая же тем временем в Риме возникли новые осложнения по следующему поводу: с разрешения Вара в Рим прибыло посольство иудеев, просившее автономии. Этих представителей народа было всего пятьдесят; в Риме к ним присоединилось еще свыше восьми тысяч иудеев. Когда Цезарь собрал совет из своих приближенных и главных римских должностных лиц в храме Аполлона, сооруженном им с большими расходами, туда прибыли посланные в сопровождении толпы местных евреев, а также Архелай со своими друзьями. Так как родственники царя питали ненависть к Архелаю, то, с одной стороны, они не желали поддержать его, с другой же, считали тягостным вместе с посланными выступить против него, причем понимали, насколько будет позорно в присутствии Цезаря выступать против родственника. Вместе с тем и Филипп, по совету Вара, прибыл из Сирии в Рим, главным образом для поддержания брата (к которому питал большое расположение Вар), а с другой стороны, также для того, чтобы в случае перемены порядка правления (Вар считал и это возможным, так как предвидел разделение царства вследствие множества поборников автономии) не упустить случая гарантировать и себе некоторую часть.

2. Когда было предоставлено слово иудейским посланным, собиравшимся говорить о необходимости уничтожения царской власти, они приступили к обвинению Ирода во всевозможных беззакониях; правда, они называли его царем и он был таковым по имени, но позволял себе тиранические деяния, направленные к гибели иудеев, и не отступал перед самовольным введением различных новшеств. Существовало множество людей, которых он загубил дотоле неизвестным по своей жестокости в истории способом, а еще хуже страдания оставшихся в живых, так как он стеснял их не только лично, но и угрожал отнять у них все их имущество. Окрестные города, населенные иноземцами, не уставал украшать за счет гибели и разорения своих собственных подданных; народ он вверг в безвыходную нищету,

тогда как он застал его, за немногими исключениями, в положении благосостояния; у знати, которую он подвергал казни по самым ничтожным причинам, он отнимал имущество, тех же представителей ее, которым оставлял жизнь, окончательно лишал всех денег. Помимо того, что насильно и беспощадно взимались налоги, назначенные каждому жителю ежегодно, никогда нельзя было обойтись без взяток как ему самому, так и его приближенным, друзьям и чиновникам, которым было поручено взимание этих налогов. Иначе, если не заплатить денег, нельзя было спокойно жить. Можно обойти молчанием растление им девушек и опозорение женщин. Так как эти злодеяния совершались им в пьяном виде и без свидетелей, то потерпевшие лучше молчали, как будто бы ничего и не было, чем разносили молву об этом. Итак, Ирод выказал относительно них такое же зверство, какое могло выказать лишь животное, если бы последнему была предоставлена власть над людьми. Хотя народ претерпевал и раньше многие превратности и пертурбации, однако история не знает о таком несчастье, какое постигло народ благодаря Ироду. Поэтому-то они так охотно провозгласили царем Архелая, полагая, что, кто бы ни сел на престоле, он будет все-таки мягче Ирода; поэтому они охотно несли траур по его отцу и были готовы сделать все, лишь бы расположить к себе нового царя. Последний, однако, видимо, боясь показаться неродным сыном Ирода, не задумался немедленно выказать народу весь свой характер, и притом в такое время, когда император еще не успел утвердить его в сане и дать ему безграничную власть. Он немедленно показал своим подданным пример той доблестной мягкости и законности, которую желал впоследствии проявлять относительно них: первым его поступком относительно народа и Предвечного было, что он учинил избивание трех тысяч единоплеменников в святилище. Как же им теперь не выказывать ему совершенно основательной ненависти, если он, помимо своей жестокости, еще возвел на них обвинение в незаконном сопротивлении его власти! Результат их просьбы сводится теперь к тому, чтобы освободиться от такого царства и таких правителей, слиться с населением Сирии и подчиниться посылаемым туда наместникам. Тогда-то обнаружится, действительно ли они бес-

покойны и добиваются смут, или же они могут быть добрыми подданными при мягких правителях.

3. Так говорили иудеи. Николай приступил к оправданию царей от возводимых на них обвинений и сказал, что они не выступали против Ирода, пока он был жив (особенно неприлично обвинять мертвого, когда имели возможность сделать это при его жизни и когда они могли добиться наказания его). Поступок Архелая он отнес на счет их собственной дерзости; они стремились к противозаконным деяниям и сами начали избивать тех, на обязанности которых лежало удерживать их от насилий; теперь они жалуются на то, что и с ними поступили так же. Вместе с тем он упрекнул их в беспокойном нраве и в том, что они находят удовольствие в возмущениях, причем их невоспитанность выражается в нежелании повиноваться справедливости и законам, так как они хотят везде занимать первенствующее место.

4. Так говорил Николай. Услышав это, император распустил собрание. Через несколько дней он назначил Архелая, правда, не царем, но этнархом половины владений Ирода, причем обещал ему почетный титул царя, если только Архелай заслужит этого своим поведением. Вторую половину он разделил на две части и отдал их двум другим сыновьям Ирода, а именно Филиппу и Антипасу. Последний являлся конкурентом своему брату Архелаю на всю область. Антипасу достались Перея и Галилея, дававшие ежегодный доход в двести талантов. Батанея, Трахон, Атранитида и область, носящая название «удел Зенодора», доставляли Филиппу доход в сто талантов. Остальное, именно Идумея, Иудея и Самария, достались Архелаю, причем самаряне были освобождены от четвертой части налогов; император даровал им эту льготу за то, что они не приняли участия в общем восстании народа. Таким образом, Архелаю были подчинены города Стратонова башня, Себаста, Яффа и Иерусалим.

Газа, Гадара и Иннос были городами с греческим населением; император отнял их у него и включил их в состав Сирии. Архелай получал с уделенной ему области ежегодного дохода шестьсот талантов.

5. Это досталось сыновьям Ирода из отцовского наследия Саломии император подарил, кроме того, что оставил

ей по завещанию брат ее (а именно Ямнию, Азот, Фасаилиду и 500 000 серебряных монет), еще царский дворец в Аскалоне. Таким образом, ежегодный доход ее достигал до шестидесяти талантов, а владения ее находились в области Архелая. Также и остальные родственники царя получили уделы, назначенные им по завещанию. Двум незамужним дочерям царя император подарил, помимо того, что оставил им отец, еще по 250 000 сребреников и выдал их замуж за сыновей Фероры. Все те суммы, до полутора тысяч талантов, которые были царем завещаны самому Цезарю, он вернул сыновьям его, а себе оставил лишь несколько вещей, не столько, впрочем, вследствие их ценности, сколько на память о царе Ироде¹¹.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. Когда Цезарь распорядился таким образом, один иудейский юноша, воспитывавшийся в городе Сидоне у некоего римского вольноотпущенника, выдал себя за сына Ирода, так как очень походил лицом на Александра, которого умертвил его отец Ирод. Это сходство было подтверждено всеми видевшими юношу. Это-то обстоятельство и побудило его добиваться царской власти. В сообщники он выбрал себе единоплеменника, человека, опытного в придворных интригах, впрочем, большого негодяя, который по самой природе своей был искусным интриганом. Этого человека иудей взял себе в руководители в своем гнусном предприятии и затем объявил себя Александром, сыном Ирода, говоря, что его спрятал один из тех, кому было поручено казнить его. Последний умертвил других юношей, чтобы ввести в заблуждение присутствовавших при этом, его же и его брата Аристовула он спас. Этим он сам был окончательно сбит с толку и невольно вводил в заблуждение других. Когда он прибыл на остров Крит, то убедил в том всех иудеев, с которыми ему пришлось иметь дело. Снабженный с их стороны значительной денежной суммой, он поехал затем на остров Мелос. Тут в еще гораздо большей степени стали стекаться к нему деньги, потому что люди верили в его царственное происхождение и давали ему деньги в надежде, что он, по достижении престола отца свое-

го, вознаградит своих благодетелей. Затем он в сопровождении своих новых друзей поехал в Рим и, пристав в Диксархее, так же удачно сумел обмануть тамошних иудеев. К нему отнеслись как к царю, и особенно примкнули к нему те, кто был расположен к Ироду и дружен с ним. Причиной этого служило общечеловеческое свойство, в силу которого охотно слушаешь речи человека красивого. Ему удалось вселить в людей, имевших сношения с Александром, уверенность, что он именно и есть сам царевич, так что те даже готовы были присягнуть в этом. Молва о нем достигла Рима раньше него, так что все тамошние иудеи вышли к нему навстречу. Их особенно увлекала чудесность его спасения, и, когда он проезжал на колеснице по улицам, они выражали особенно бурную радость по поводу того, что он сын именно Мариамны. Вся обстановка Александра была, за счет друзей его, поистине царская. Народ окружал его толпой, в честь его раздавались ликования, и вообще произошло все то, что обыкновенно бывает, когда, против ожидания, находится мнимо погибший.

2. Когда весть о нем дошла до императора, последний не поверил ей, так как знал, что нелегко было обмануть Ирода в столь серьезных для него делах. Однако не будучи вполне уверен, он приказал одному из своих вольноотпущенников, Келладу, который был (когда-то) близок с царственными юношами, привести к нему Александра. Так тот и сделал, причем оказался не смысленнее прочих. Император, впрочем, не дал ввести себя в заблуждение. Сходство действительно было, но не настолько большое, чтобы можно было обмануть зоркий глаз. От тяжелой работы Лже-Александр огрубел, и тогда как можно было бы ожидать у человека такого происхождения, получившего такое воспитание, нежности кожи, последняя, напротив, на всем его теле была жестка и груба. Видя, насколько учитель и его ученик спелись в своей лжи и держали себя одинаково дерзко, император стал расспрашивать мнимого Александра о судьбе спасшегося вместе с ним Аристовула и по какой причине он не явился сюда для участия в тех почестях, которые подобают лицам столь высокого происхождения. Тот сказал, что Аристовул из боязни перед опасностями моря остался на Кипре, а также для того, чтобы, в случае,

если Александра постигнет неудача, род Мариамны не прексся окончательно; тогда Аристовул, оставаясь в живых, мог бы начать действовать против своих врагов. Когда же выдумавший всю эту комедию стал подтверждать слова юноши и поддерживать его, император отвел юношу в сторону и обратился к нему со следующими словами: «Если ты мне скажешь всю правду, то я тебе в награду за это подарю жизнь. Поэтому скажи мне, кто ты такой и кто побудил тебя к такому рискованному предприятию; ведь это преступление, которого ты, по юности своей, не мог сам придумать». Тут не было уже исхода. Пришлось рассказать Цезарю о всем плане, каким образом и кем он был придуман. Видя крепкое телосложение Лже-Александра, император (желавший сдержать данное ему слово) отправил его гребцом на корабль, а виновника всей этой истории предал казни. Жителям острова Мелоса было уже достаточным наказанием, что они бросили на ветер в пользу Лже-Александра такую кучу денег.

Так бесславно окончился дерзкий план Лже-Александра¹².

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1. Когда назначенный тетрархом Архелай прибыл в Иудею, то лишил сына Боэта, Иоазара, первосвященнического сана в наказание за его участие в восстании и назначил на его место его брата Елеазара. Затем он роскошно отстроил иерихонский дворец и провел половину воды, орошавшей в избытке деревушку Неару, к городу, причем засадил всю окрестную равнину финиковыми пальмами. Тут он основал деревню, которую назвал Архелайдой. Вместе с тем он позволил себе одно закононарушение, а именно: женился на Глафире, дочери Архелая, которая раньше была женой его брата Александра и имела от последнего детей. Иудеям строго возбраняется жениться на вдовах своих братьев. И Елеазар недолго был первосвященником, так как еще при его жизни эту должность занял вместо него Иисус, сын Сия.

2. На десятом¹³ году правления Архелая наиболее выдающиеся иудеи и самаряне, не будучи в состоянии переносить его жестокость и тиранию, обвинили его перед императором, особенно ввиду того, что Архелай, как они узнали, нарушил

предписание Цезаря обращаться мягко с подданными. Когда это услышал император, то разгневался и послал за поверенным Архелая в Риме (его также звали Архелаем), так как не считал нужным писать этнарху Архелаю. Поверенному этому он сказал: «Поезжай немедленно и привези к нам Архелая». Последний тотчас же отправился в путь и, прибыв в Иудею, застал Архелая за пиром в обществе друзей. Тут он сообщил ему о желании Цезаря и стал торопить его с отплытием. Когда же он прибыл (в Рим) и Цезарь выслушал некоторых обвинителей и его самого, то он приговорил его к изгнанию, назначил ему для жительства галльский город Виенну¹⁴ и конфисковал его имущество.

3. Раньше чем Архелай получил приглашение явиться в Рим, он рассказал своим друзьям о следующем сне: он видел десять¹⁵ зрелых и полных колосьев пшеницы, склонившихся низко; их объедало десять волов. Проснувшись и считая этот сон весьма знаменательным, он послал за снотолкователями, которые были искусны в своем деле. Пока те еще спорили между собой и не могли прийти к соглашению, некий ессеянин Симон потребовал, чтобы ему было предоставлено право говорить без стеснения, и сказал, что виденный Архелаем сон предвещает поворот судьбы его к худшему. Волы знаменуют собой горе, потому что труд этих животных тяжкий, а перемена судьбы предвещается тем, что волы трудом своим вспахивают землю, которая поэтому благодаря им подвергается изменениям. Десять колосьев указывают на такое же количество лет, потому что колосья зреют ежегодно один раз. Итак, наступает конец правлению Архелая. Таким образом Симон объяснил сон, а на пятый день после этого прибыл посланный императором в Иудею уполномоченный Архелай.

4. Нечто подобное случилось также с женой Архелая, Глафирой, дочерью царя Архелая, с которой тот, как я упомянул выше, вступил в брак, после того как она была замужем за Александром, сыном Ирода и братом Архелая. Когда ее первый муж, Александр, был казнен отцом своим, то она вышла замуж за ливийского царя Иова. После смерти последнего она жила вдовой в Каппадокии у отца своего, и тут-то на ней женился Архелай, расставший по этому поводу со своей женой Мариамной. Такая сильная лю-

бовь к Глафире обуяла его. Уже в бытность замужем за Архелаем ей приснился следующий сон: ей приснилось, будто Александр явился к ней и она заключила его в свои объятия. Он же стал укорять ее, говоря: «Глафира, ты теперь подтверждаешь поговорку, что не следует доверять женщинам. Ты девушкой вышла за меня и жила со мной, у нас с тобой были дети, но ты предала забвению мои ласки и вступила во второй брак. И с тебя не было достаточно этого позора. Ты решилась отдаться третьему мужу, и притом бесстыдно и нагло ввела его в мой дом. Выйдя за Архелая, ты связалась со своим шурином, моим братом. Я же не могу забыть своей любви к тебе; поэтому я освобожу тебя от этого позора и верну тебя к себе, как то было прежде».

Глафира рассказала это своим родственницам, а несколько дней спустя умерла.

5. Я считал приведение этих фактов вполне уместным в своем повествовании, которое в этом месте посвящено истории царей. Кроме того, я полагаю, что тут мы имеем отличное доказательство бессмертия души и того, что Предвечный нечется о людях. Кто же этому не поверит, тот, оставаясь при своем мнении, никому не должен препятствовать признавать за истину то, что побуждает человека к добродетели.

Область, некогда подчиненная Архелаю, была включена в состав Сирии. Император же послал туда бывшего консула, Квириния, чтобы сделать перепись в¹⁶ Сирии и продать дом Архелая¹⁷.

КОММЕНТАРИИ

Глава первая

¹ Как известно, нигде в кн. Ветхого завета свреям не запрещено многоженство. Евреи, живущие в мусульманских странах, до сих пор держатся полигамии. В Европе р. Гершом в 1018 году установил моногамию.

Глава вторая

² Срв. Исаия, LVI, 3–4.

Глава четвертая

³ Срв. «Иуд. войну», I, 30, 1, 4, 5–31, 1.

Глава пятая

⁴ Эпитет «Август», обязательно присоединявшийся к имени римского императора, передается по-гречески через Sebastos.

⁵ Содержание этой главы отчасти затронуты в «Иуд. войне», I, 31, 3, 5; 32, 2, 4, 5, 6 и 7.

Глава шестая

⁶ Срв. «Иуд. войну», I, 33, 5. Каллироя находилась на восточном берегу Мертвого моря и представляла в древности оживленный курорт. Горячие ключи с большой примесью минеральных ингредиентов еще по сей день служат арабам для целебных целей. Срв. Boettger, l. c. p. 72.

⁷ Срв. «Иуд. войну», I, 33, 2–7. Насколько несерьезно можно относиться к этому рассказу Иосифа, видно из того, что то же деяние приписывается в Талмуде Яншаю. Срв. Derenbourg, Palestine, p. 163–164. Таким же вымыслом, по мнению Э. Ренана («Евреи под владычеством Рима»), является и рассказ об осквернении золотого орла над фронтоном храма.

Глава седьмая

⁸ Ренан (l. c.) пишет. «Узнав об этом печальном, крайне расстроившем его происшествии, Август сказал: «Вот человек, быть свиньей которого лучше, чем сыном!» Срв. Макроб. Saturn. II, 4.

Глава восьмая

⁹ Срв. «Иуд. войну», I, 33, 7–11, 1, 1.

Глава десятая

¹⁰ Срв. «Иуд. войну», II, 3, 1–5, 2.

Глава одиннадцатая

¹¹ Срв. «Иуд. войну», II, 6, 1–3.

Глава двенадцатая

¹² Срв. «Иуд. войну», II, 7, 1, 2.

Глава тринадцатая

¹³ По «Иуд. войн.» II, 7, 3, на девятом году.

¹⁴ Это главный город аллоброгов в нарбоннской Галлии, на левом берегу реки Роны. В V веке здесь была резиденция бургундских королей. Ныне городок Vienne в департаменте Isère. Срв. Boettger, l. c. p. 252.

¹⁵ В параллельном месте («Иуд. войн.» II, 7, 3) число колосьев и волов определено в девять, согласно там указанному числу лет правления Архелая.

¹⁶ Эта перепись, по времени вторая, упоминается в Деян. Апост. V, 37, тогда как о первой, касавшейся всей Римской империи, говорится в Евангелии от Луки (II, 2). — (Kaulen).

¹⁷ Срв. «Иуд. войну», II, 7, 2, 3, 4.

Книга восемнадцатая

Содержание:

1. Как Квириций был послан императором для совершения переписи в Сирии и Иудее и выдачи состояния Архелая.
2. Как Копоний, происходивший из сословия всадников, был отправлен в Иудею в качестве прокуратора.
3. Как галилеянин Иуда уговаривал народ не определять своего имущества, пока наконец первосвященник Иоазар не посоветовал ему лучше подчиниться римлянам.
4. О том, какие философские школы были у иудеев и каково было их учение.
5. О том, как тетрархи Ирод и Филипп воздвигали города в честь императора.
6. О том, как самаряне бросили в храм кости умерших и тем осквернили народ на целых семь дней.
7. О том, как Саломия, сестра Ирода Великого, завещала перед смертью свое имущество императрице Юлии.
8. О том, как Понтий Пилат хотел тайно доставить в Иерусалим изображения императора, как этому воспротивилось население и подняло бунт.
9. О том, что постигло римских иудеев в это время со стороны самарян.
10. О жалобе самарян Вителлию на Пилата и о том, как Вителлий побудил его поехать в Рим и дать отчет во всем случившемся.
11. О войне тетрарха Ирода с арабским царем Аретом и о его поражении.
12. О том, как император Тиверий послал Вителлию приказ побудить парфянского правителя Артабана послать ему заложников и начать войну с Аретом.
13. О смерти Филиппа и о том, как его тетрархия стала римской провинцией.
14. О путешествии Агриппы в Рим, где он был обвинен своим собственным вольноотпущенником и брошен в тюрьму.
15. О том, как Агриппа после смерти Тиверия был освобожден Гасем (Калигулой) и провозглашен царем тетрархии Филиппа.
16. О том, как Ирод во время своего путешествия в Рим был смещен и как Гай Калигула предоставил его тетрархию Агриппе.
17. О споре иудеев с александрийскими греками и как те и другие отправили к императору по посольству.
18. Обвинение иудеев со стороны Апиона и его товарищей по посольству в том, что иудеи не признают изображения императора.

19. О том, как разгневанный этим Калигула послал Петрония наместником в Сирию для войны с иудеями, если бы последние отказались воздвигнуть ему статую.

20. О гибели, уготованной вавилонским иудеям братьями Асинеем и Анилеем.

Содержание книги обнимает период в тридцать два года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Сенатор Квириний, который раньше занимал все государственные должности и проложил себе дорогу к консульству, человек, пользовавшийся во всех делах огромным влиянием, явился в Сирию, куда его посылал император для того, чтобы творить суд и оценить все имущество населения. Вместе с ним был послан и Копоний, происходивший из всаднического сословия. Ему была предоставлена верховная власть (прокуратора) над всей Иудеей. Затем в Иудею, которая тем временем вошла в состав Сирии, прибыл и Квириний, желая совершить общую перепись и конфисковать имущество Архелая.

Хотя иудеи при первых слухах о переписи с самого начала были возмущены этим, но в конце концов оставили всякую мысль о сопротивлении благодаря увещеваниям первосвященника Иоазара, сына Бозта. Уступая увещеваниям Иоазара, они наконец беспрепятственно допустили расценку своего имущества. Однако некий галилеянин Иуда, происходивший из города Гамалы, вместе с фарисеем Саддуком стал побуждать народ к оказанию сопротивления, говоря, что допущение переписи поведет лишь к рабству. Они побуждали народ отстаивать свою свободу. Их не может постигнуть неудача, говорили они, потому что налицо самые благоприятные условия, даже если народ ошибется в своих расчетах, он создаст себе вечный почет и славу своим великодушным порывом; Предвечный лишь в том случае окажет иудеям поддержку, если они приведут в исполнение свои намерения, особенно же, если они, добиваясь великого, не отступят перед осуществлением своих планов.

Народ с восторгом внимал этим речам, и, таким образом, предприятие получило еще более рискованный характер. Не было большего бедствия для нашего простонародья, как то, какое уготовили ему вышеназванные люди. Благодаря насто-

Антиох преследует верующих израильтян

янным войнам иудеи более уже не были в состоянии оказывать кому бы то ни было сопротивление; друзей, которые могли бы поддержать их в трудную минуту, также больше не было; зато происходили постоянные разбойничьи набеги и умерщвления наиболее именитых граждан под предлогом преследования общего блага, на самом же деле для того, чтобы палачи могли пользоваться имуществом умерщвленных. Отсюда возникли всевозможные возмущения, происходил ряд политических убийств, отчасти вследствие кровопролитной междусобойной борьбы, так как люди, озверев, кидались друг на друга и в своем увлечении не желали оставлять в живых никого из своих противников, отчасти же вследствие избиения врагов. Наконец, наступил голод, доводящий людей до крайнего бесстыдства, города брались насильно и разрушались, пока наконец эта смута не довела до того, что самый храм Предвечного стал жертвой пламени, брошенного врагами. Такое горе и такие осложнения приносят с собой нарушение и отвержение родных установлений для всех участников этого дела.

Иуда Маккавей побеждает врагов и очищает храм

Между тем Иуда и Саддук ввели у нас четвертую философскую школу. Имея большое число горячих приверженцев, они не только в настоящий момент преисполнили государство смутой, но и необычными философскими учениями положили на будущее время начало всевозможных бедствий.

Я думаю на этом несколько подробнее остановиться, особенно уже потому, что гибель нашему государству принесла ревностно приверженная этому учению молодежь.

2. У иудеев с давних пор существовали три философские школы, основывавшиеся на толковании древних законов: школы ессеев, саддукеев и фарисеев. Нам уже приходилось говорить о них во второй книге (нашей) «Иудейской войны»¹, но вместе с тем я и здесь готов в немногих словах упомянуть о них.

3. Фарисеи ведут строгий образ жизни и отказываются от всяких удовольствий. Всему тому, что разум признает за благо, они следуют, считая разум лучшим охранителем во всех желаниях. Они выдаются своим почтительным отношением

к людям престарелым и отнюдь не осмеливаются противоречить их предначертаниям. По их мнению, все совершающееся происходит под влиянием судьбы. Впрочем, они нисколько не отнимают у человека свободы его воли, но признают, что по предначертанию Божию происходит смешение Его желания с желанием человека, идти ли ему по пути добродетели или злобы. Фарисеи верят в бессмертие души и что за гробом людей ожидает суд и награда за добродетель или возмездие за преступность при жизни; грешники подвергаются вечному заключению, а добродетельные люди имеют возможность вновь воскреснуть. Благодаря этому они имеют чрезвычайное влияние на народ, и все священнодействия, связанные с молитвами или принесением жертв, происходят только с их разрешения. Таким образом, отдельные общины засвидетельствовали их добродетель, так как все были убеждены, что фарисеи на деле и на словах стремятся лишь к наиболее высокому².

4. По учению саддукеев, души людей умирают вместе с телом, они не признают никаких других постановлений, кроме постановлений закона. Они считают даже похвальным выступать против учителей своей собственной философской школы. Это учение распространено среди немногих лиц, притом принадлежащих к особенно знатым родам. Впрочем, влияние их настолько ничтожно, что о нем и говорить не стоит³. Когда они занимают правительственные должности, что случается, впрочем, редко и лишь по принуждению, то саддукеи примыкают к фарисеям, ибо иначе они не были бы терпимы простонародьем⁴.

5. Учение ессеев требует все предоставлять на волю Божью; они признают бессмертие душ и считают стремление к справедливости высшей целью. В храм они доставляют пожертвования, но сами они не занимаются жертвоприношениями, признавая другие способы очищения более целесообразными. Поэтому им запрещен доступ в общий храм, и они совершают свое богослужение отдельно. Впрочем, это наилучшие люди, которые всецело отдаются земледельческому труду. Достоинно удивления то чувство справедливости у них, которое они, помимо всех прочих народов, ставят не ниже добродетели и которого не знают ни греки, ни другие народы. Это столь в них развитое чувство укоренилось у них не со вчерашнего дня,

а издревле, и в силу его они не препятствуют никому жить со всеми общей, равной жизнью: имущество у них общее, и богач пользуется у них не большим, чем ничего не имеющий бедняк. Такой образ жизни ведут эти люди, и число их превышает четыре тысячи человек. Они не имеют ни жен, ни рабов, полагая, что женщины ведут лишь к несправедливостям, а вторые подают повод к недоразумениям. Живя сами по себе, они услуживают друг другу. Для заведования доходами и произведениями почвы они с помощью голосования избирают наиболее достойных лиц из священнического сословия; последние и должны заботиться о доставлении хлеба и прочих съестных припасов. Они живут все одинаково и наиболее подходят к тем дакийским племенам, которые носят название полистов⁵.

6. Родоначальником четвертой философской школы стал галилеянин Иуда. Приверженцы этой секты во всем прочем вполне примыкают к учению фарисеев. Зато у них замечается ничем не сдерживаемая любовь к свободе. Единственным руководителем и владыкой своим они считают Господа Бога. Идти на смерть они считают за ничто, равно как презирают смерть друзей и родственников, лишь бы не признавать над собой главенства человека. Так как в этом лично может убедиться воочию всякий желающий, то я не считаю нужным особенно распространяться о них. Мне ведь нечего бояться, что моим словам о них не будет придано веры, напротив, мои слова далеко не исчерпывают всего их великодушия и готовности их подвергаться страданиям. Народ стал страдать от безумного увлечения ими при Гессии Флоре, который был наместником и довел иудеев злоупотреблением своей власти до восстания против римлян.

Таковы были философские школы иудеев⁶.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Секвестровав имущество Архелая и окончив перепись в тридцать седьмом году после поражения Антония Цезарем Августом при Акциуме⁷, Квириний сместил первосвященника Иоазара за то, что он не поладил с народом, и назначил на его место Апана, сына Сефа⁸. Ирод (II) и Филипп получили каждый по предназначенной им тетрархии. Ирод затем

окружил стенами Сепфорис, красивейший город всей галилейской страны, и посвятил его императору, а другой город, Вифарамфту, он также окружил стеной и назвал его в честь императрицы Юлиадой. Филипп, со своей стороны, отстроил расположенную у истоков Иордана Пениаду и назвал ее Цезареей. Местечко Вифсаиду⁹, расположенное у Генисаретского озера, он обратил в город, увеличив число жителей и снабдив его всем нужным, и назвал его Юлиадой в честь Юлии, дочери императора.

2. При прокураторе Копонии, который, как я упомянул, прибыл в Иудею вместе с Квиринием, произошло следующее событие: во время праздника опресноков, посящего у нас название Пасхи, в полночь священнослужители обыкновенно открывали врата храма. Когда они и на этот раз последовали этому обычаю, несколько тайно прибывших в Иерусалим самарян разбросали под сводами галерей человеческие кости¹⁰. Вследствие этого пришлось, чего раньше никогда не было, никого не впускать в храм и вообще снабдить последний большей охраной.

Вскоре после этого Копоний возвратился в Рим, и преемником ему стал Марк Амбивий. При нем умерла Саломия, сестра царя Ирода Великого, оставив (императрице) Юлии Ямнии, всю топархию, расположенный на равнине город Фасаилиду и город Архелаиду, где находились огромные плантации пальм с наилучшими плодами. После Амбивия наместником стал Анний Руф, при котором умер второй римский император¹¹ после пятидесяти семи лет, шести месяцев и двух дней правления (в течение этого периода он четырнадцать лет делил власть с Антонием) в семидесятисемилетнем возрасте. Преемником ему на престоле стал Тиверий Нерон, сын его от императрицы Юлии¹². Он был, следовательно, третьим римским императором. При нем был послан в Иудею пятый наместник, преемник Анния Руфа, Валерий Грат. Он сместил первосвященника Анапа и поставил на его место Исмаила, сына Фаби. Впрочем, недолго спустя он уволил и Исмаила и назначил на его место Елеазара, сына первосвященника Анапа. Про прошествии года он удалил и его и передал этот пост Симоу, сыну Камифа. Однако и последний удержался не более года, и преемником ему был назначен Иосиф, прозванный также Кайафой¹³. После всего

этого Грат возвратился в Рим, проведя в Иудее одиннадцать лет, и вместо него прибыл его преемник Понтий Пилат.

3. Тетрарх Ирод, находившийся в очень дружественных отношениях с Тиверием, основал в честь последнего в самой плодородной местности Галилеи, у Генисаретского озера¹⁴, город Тивериаду. Невдалеке отсюда, в деревушке Аммаусе¹⁵, находятся горячие ключи. Здесь были поселены всевозможные пришельцы отовсюду, в числе которых было немало галилеян, множество насильно удаленных и отправленных в ссылку людей, а также несколько высокопоставленных лиц. Сюда же были привлечены для поселения всевозможные набранные отовсюду бедняки, равно как целый ряд лиц, свободное происхождение которых не было даже установлено. Всем им тетрарх предоставил права свободно-рожденных граждан и дал им различные преимущества; а для того, чтобы привязать их к городу, он настроил жилища и дал им земельные участки. Он отлично понимал, что поселение здесь людей было, собственно, противно иудейским законам, вследствие того, что Тивериада была основана на месте множества находившихся здесь и разрытых с этой целью могил. Тут закон постановлял, что жители должны считаться ритуально нечистыми в течение семидневного срока.

4. Около этого времени пал от руки сына своего Фраатака парфянский царь Фраат. Поводом к этому послужило следующее; хотя у Фраата были законные дети, однако он взял себе в наложницы итальянскую рабыню Формусу, которую прислал ему в числе прочих даров Юлии Цезарь. Сперва он находился с ней в незаконном сожителстве, но с течением времени, увлеченный ее красотой, женился на ней и сделал ее своей законной супругой, после того как она успела родить ему сына Фраатака. Она вскоре достигла огромного влияния на царя и задумала приложить все старания, чтобы укрепить за своим сыном престол парфянский. Впрочем, она (вскоре) увидела, что достигнет этого не иначе, как если коварным образом избавится от законных детей Фраата. Тогда она стала уговаривать последнего отправить законных детей в Рим в качестве заложников. Так оно и было сделано (Фраат не был в состоянии отказать Формусе в чем бы то ни было), и Фраатак, оставшись один, получал теперь подготовку к будущему правлению. Но вместе с этим юноше показалось

слишком долгим ждать смерти отца для получения престола и потому он задумал умертвить отца при содействии своей матери, с которой, как гласила молва, он даже находился в преступной связи. Все это, т.е. отцеубийство, равно как кровосмешение с матерью, возбудило в одинаковой мере ненависть к нему его подданных, и поэтому он, не успев достигнуть совершеннолетия, потерял власть во время мятежа и был убит. Тогда, однако, наиболее родовитые парфяне пришли к заключению, что им невозможно жить без царя. Последний должен был, иначе это противоречило бы закону, происходить непременно из рода Арсакидов, тем более что и раньше неоднократно, да и теперь происходили в правлении затруднения вследствие наличности италийской наложницы и ее потомства. Поэтому они отправили депутацию к Ороду и просили его сесть на престол. Впрочем, этот человек по своей гнусности, легкой раздражительности и крайней жестокости вскоре заслужил ненависть всего народа, хотя и принадлежал к царскому роду. Решив убить его, заговорщики привели свой план в исполнение, по мнению некоторых, во время пиршества за столом (парфяне никогда не расстаются со своими мечами), а по мнению большинства, во время охоты. Потом парфяне послали в Рим и стали просить себе царя из числа тамошних заложников. Преимущество перед прочими братьями было оказано Бонону, который теперь стал думать, что судьба улыбнулась ему, так как царство предлагали ему две крупнейшие державы в мире, его собственная страна и чужая ему (Римская империя). Впрочем, варвары, вообще по природе своей не отличающиеся устойчивостью, быстро раскаялись в своем выборе, считая последний и неуместным, и бесславным, так как не хотели повиноваться чужеземному рабу: заложничество они признавали рабством, да и к тому же царь у них явился не результатом правильной войны, но, что было гораздо хуже, был им позорно навязан в мирное время. Поэтому они немедленно призвали на царство мидийского правителя Артабана, происходившего из рода Арсакидов. Артабан принял это приглашение и явился к ним с войском. Навстречу ему выступил Бонон, а так как первоначально парфяне еще оставались верны последнему, то в происшедшей затем битве он победил своего соперника, и Артабан должен был бежать к пределам Мидии. Вскоре, впрочем, Артабан набрал новое боль-

шое войско и сразился с Бононом, которого ему удалось победить. Бонон умчался верхом, в сопровождении немногих приверженцев, в Селевкию. Учинив затем страшную резню среди не оправившегося еще от ужаса парфянского войска, Артабан двинулся во главе своей многочисленной рати к Ктесифону. Таким образом, он стал наконец царем парфянским, а Бонон бежал в Армению. Тут он продолжал сначала домогаться своей страны и отправил посольство к римлянам. Однако Тиверий ответил ему отказом как вследствие его малодушия, так и по причине угроз Артабана (который, в свою очередь, отправил послов с извещением, что он начнет войну). Так как теперь уже не было никакой возможности вернуть престол, тем более что и могущественные, жившие около Нифаты¹⁶, армянские князья примкнули к Артабану, Бонон отдался под покровительство сирийского претора Силана. Последний, принимая во внимание римское воспитание Бонона, оставил его у себя в Сирии, Артабан же отдал Армению одному из своих сыновей, а именно — Ороду.

5. Тем временем умер также царь Коммагены, Антиох. При этом престоноходее восстало против знати; обе партии послали (в Рим) делегации. Знать просила обратить область в римскую провинцию; народ, однако, желал иметь по-прежнему своих царей. Сенат решил отправить Германика для улаживания положения на востоке, но здесь судьба уготовила Германику найти смерть. Прибыв на восток и устроив там все дела, он был отравлен Пизоном, как о том рассказывается в других источниках¹⁷.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Когда претор Иудеи Пилат повел свое войско из Цезареи в Иерусалим на зимнюю стоянку, он решил для надругания над иудейскими обычаями внести в город изображения императора на древках знамен. Между тем, закон наш возвращает нам всякие изображения. Поэтому прежние преторы вступали в город без таких украшений на знаменах. Пилат был первым, который внес эти изображения в Иерусалим и сделал это без ведома населения, вступив в город ночью. Когда узнали об этом, население толпами отправилось в Цезарею и в течение нескольких дней умоляло претора убрать изобра-

жения. Пилат не соглашался, говоря, что это будет оскорблением императора, а когда толпа не переставала досаждать ему, он на шестой день приказал своим воинам тайно вооружиться, поместил их в засаде в здании ристалища, а сам вошел на возвышение, там же сооруженное. Но так как иудеи опять возобновили свои просьбы, то он дал знак, и солдаты окружили их. Тут он грозил немедленно перерубить всех, кто не перестанет шуметь и не удалится восвояси. Иудеи, однако, бросились на землю, обнажили свои шеи и сказали, что они предпочитают умереть, чем допускать такое наглое нарушение мудрого закона. Пилат изумился их стойкости в соблюдении законов, приказал немедленно убрать из Иерусалима (императорские) изображения и доставить их в Цезарею.

2. Затем Пилат соорудил водопровод в Иерусалиме. На это он употребил деньги святилища. Водопровод питался ключами, находившимися в расстоянии двухсот стадий¹⁸ от города. Однако население воспротивилось этому, и много десятков тысяч иудеев собралось около рабочих, занятых сооружением водопровода, и стало громко требовать, чтобы наместник оставил свой план. Как то обыкновенно бывает в таких случаях, некоторые из них позволили себе при этом оскорбить Пилата ругательствами. Последний распорядился переодеть значительное число солдат, дал им дубины, которые они должны были спрятать под платьем, и велел им окружить толпу со всех сторон. Толпа, в свою очередь, получила приказание разойтись. Но так как она продолжала поносить его, то он подал воинам условный знак, и солдаты принялись за дело гораздо более рьяно, чем то было желательно самому Пилату. Работая дубинами, они одинаково поражали как шумевших мятежников, так и совершенно пассивных людей. Иудеи, однако, продолжали держаться стойко; но так как они были безоружны, а противники их вооружены, то многие из них тут и пали мертвыми, а многие ушли, покрытые ранами. Таким образом было подавлено возмущение.

3. Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил Его к кресту. Но те, кто раньше

не любил Его, не прекращали этого и теперь. На третий день Он вновь явился им живой, как возвестили о Нем и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки. Поньше еще существуют так называемые христиане, именующие себя, таким образом, по Его имени¹⁹.

4. Около этого же самого времени другое горе постигло иудеев. Впрочем, об этом после. В это же самое время не прекращались в Риме бесстыдства, совершавшиеся в храме богини Изиды²⁰. Поэтому я сперва упомяну о последнем, а затем перейду уже к рассказу о судьбе иудеев.

В Риме жила некая знатная и славившаяся своей добродетелью женщина по имени Паулина. Она была очень богата, красива и в том возрасте, когда женщины особенно привлекательны. Впрочем, она вела образцовый образ жизни. Замужем она была за неким Сатурнином, который был так же порядочен, как и она, и не уступал ей в хороших качествах. В эту женщину влюбился некий Деций Муид, один из влиятельнейших тогда представителей всаднического сословия. Так как Паулина была слишком порядочная женщина, чтобы ее можно было купить подарками, как он узнал от подсланных лиц, Деций возгорел еще большим желанием обладать ею, так, что обещал за единокжды дозволенное сношение с ней заплатить ей целых 200 000 аттических драхм²¹. Однако Паулина не склонилась и на такое щедрое вознаграждение, и тогда юноша, не будучи далее в силах переносить муки (неудовлетворенной) любви, решил покончить с собой и умереть голодной смертью. Решив это, он не откладывал исполнения этого решения в долгий ящик и сейчас же приступил к нему. У Муида жила одна бывшая вольноотпущенница отца его, некая Ида, женщина, способная на всякие гнусности. Видя, как юноша чахнет, и, озабоченная его решением покончить с собой, она явилась к нему и, переговорив с ним, выразила твердую уверенность, что при известных условиях вознаграждения сможет ему доставить возможность иметь Паулину. Юноша обрадовался этому, и она сказала, что ей будет достаточно всего 50 000 драхм для того, чтобы овладеть Паулиной. Подбодрив таким образом Муида и получив от него требовавшуюся сумму денег, она пошла не той дорогой, какой пошел он, так как видела, что ту женщину за деньги не купишь. С другой стороны, зная, как ревностно относится Паулина к куль-

ту Изиды, она выдумала следующий способ добиться своей цели: явившись к некоторым жрецам (Изиды) для тайных переговоров, она сообщила им под величайшим секретом, скрепленным деньгами, о страсти юноши и обещала сейчас выдать половину всей суммы, а затем остальные деньги, если жрецы как-нибудь помогут Мунду овладеть Паулиной. Жрецы, побужденные громадностью суммы, обещали свое содействие. Старший из них отправился к Паулине и просил у нее разрешения переговорить с ней наедине. Когда ему это было позволено, он сказал, что явился в качестве посланца от самого бога Анубиса, который-де пылает страстью к Паулине и зовет ее к себе. Римлянке доставило это удовольствие, она возгордилась благоволением Анубиса и сообщила своему мужу, что бог Анубис пригласил ее разделить с ним трапезу и ложе. Муж не воспротивился этому, зная скромность жены своей. Поэтому Паулина отправилась в храм. После трапезы, когда наступило время лечь спать, жрец запер все двери. Затем были потушены огни и спрятанный в храме Мунд вступил в обладание Паулиной, которая отдавалась ему в течение всей ночи, предполагая в нем бога. Затем юноша удалился раньше, чем явились жрецы, не знавшие об этой интриге. Паулина рано поутру вернулась к мужу, рассказала ему о том, как к ней явился Анубис, и хвасталась перед ним, как ласкал ее бог. Слышавшие это не верили тому, изумлялись необычности явления, но и не могли согласиться с таким невероятным событием, тем более что знали целомудрие и порядочность Паулины. На третий день после этого события она встрети-лась с Мундом, который сказал ей:

«Паулина, я сберег 200 000 драхм, которые ты могла внести в свой дом. И все-таки ты не преминула отдаться мне. Ты пыталась отвергнуть Мунда. Но мне не было дела до имени, мне нужно было лишь наслаждение, а потому я и прикрылся названием Анубиса». С этими словами юноша удалился. Паулина теперь только поняла всю дерзость его поступка, разодрала на себе одежды, рассказала мужу о всей этой гнусности и просила его помочь ей наказать Мунда за это чудовищное преступление. Муж ее (немедленно) сообщил обо всем императору.

Подвергнув дело относительно участия жрецов самому строгому и точному расследованию, Тиверий приговорил к

пригвождению к кресту их и Иду, которая была вишновницей всего этого преступления, совершенного столь гнусно над женщиной. Затем он велел разрушить храм Изида, а изображение богини бросить в реку Тибр. Мунда он приговорил к изгнанию, полагая, что наказал его таким образом достаточно за его любовное увлечение.

Таковы были позорные поступки жрецов храма Изида.

Теперь я, по обещанию своему, возвращусь к рассказу о судьбе, постигшей в это время римских иудеев.

5. В это время из Иудеи бежал человек, боявшийся обвинения в нарушении некоторых законов и наказания за это. Вообще это был гнусный человек. Он тогда проживал в Риме и соединился здесь с тремя подобными ему негодьями. К ним примкнула Фульвия, знатная женщина, принявшая иудаизм. Они убедили ее послать пурпур и золото в иерусалимский храм, и когда та сдала им это, то они присвоили его себе, как то и было их первоначальным намерением. Тиверий, которому по желанию Фульвии сообщил об этом муж ее Сатурнин, бывший с императором в дружественных отношениях, распорядился изгнать из Рима всех иудеев. Консулы выбрали из них четыре тысячи человек и послали их в качестве солдат на остров Сардинию. Гораздо большее число, однако, они предали казни, потому что те отказались от участия в военной службе, благодаря запрещению этого иудейскими законами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Таким образом, иудеи, вследствие гнусности четырех человек, были изгнаны из города. Также и самаряне не удержались от возмущения. Их смутил некий лживый человек, который легко во всем влиял на народ. Он побудил их собраться к нему на гору Гаризим, которую они считают особенно священной. Тут он стал уверять пришедших (отовсюду) самарян, что покажет им зарытые здесь священные сосуды Моисея. Самаряне вооружились, поверив этой басне, и расположились в деревушке Тирафане. Тут к ним примкнули новые пришельцы, чтобы возможно большей толпой подняться на гору. Однако Пилат предупредил это, выслав вперед отряды всадников и пехоты, которые, неожиданно

направ на собравшихся в деревушке, часть из них перебили, а часть обратили в бегство. При этом они захватили также многих в плен, Пилат же распорядился казнить влиятельнейших и наиболее выдающихся из этих пленных и беглецов.

2. Когда этим дело кончилось, представители верховного совета самарян явились к бывшему консулу Вителлию, который теперь был прокуратором сирийским, и стали обвинять Пилата в казни их погибших единоплеменников, говоря, что последние пошли в Тирафану вовсе не с целью отложиться от римлян, но для того, чтобы уйти от насилий Пилата. Тогда Вителлий послал Марцелла, одного из своих приближенных, в Иудею, чтобы принять там бразды правления, Пилату же велел ехать в Рим для ответа перед императором в возводимых на него обвинениях. Проведя в Иудее десять лет, Пилат поехал в Рим, так как не смел послушаться приказания Вителлия. Но раньше, чем он успел прибыть туда, Тиверий умер²².

3. После этого Вителлий поехал в Иудею и прибыл в Иерусалим как раз во время праздника Пасхи. Так как он был встречен радушно, то Вителлий навсегда освободил население от платежа налога на привозимые и продаваемые (в городе) плоды. Вместе с тем он разрешил держать первосвященническое облачение и все к этому относящееся в храме, предоставив надзор и охрану этих вещей священнослужителям, как то было некогда раньше²³. Теперь же эти облачения хранились обыкновенно в так называемой крепости Антонии по следующей причине: некий Гиркан, первый из целого ряда первосвященников, посивших это имя, построил себе вблизи храма башню, в которой обыкновенно и жил. Здесь у него хранилось его облачение, надевать которое он один только был вправе, и когда он уходил в город, то облакался в свою простую собственную одежду. Так поступали затем его сыновья и их дети. Овладев царством, Ирод Великий роскошно отстроил эту башню, назвавшую им в честь своего друга Антония, Антонией, и как нашел там первосвященническое облачение, так и продолжал хранить его там, не думая, что возбудит этим недовольствие народа против себя. Такого же образа действий держался и преемник и сын его Архелай. Овладев областью последнего, римляне удержали у себя также облачение первосвященника, которое сохранялось в камен-

ном здании, запечатанном печатями священнослужителей и казначеев, причем начальник стражи башни обязан был ежедневно заботиться о том, чтобы перед этим помещением всегда горел светильник. За семь дней до наступления праздника облачение выдавалось священнослужителям начальником стражи. Освятив облачение, первосвященник возвращал его через день после окончания праздников, и оно продолжало по-прежнему храниться в башне. Так делалось в каждый из трех больших ежегодных праздников и в день поста. Вителлий разрешил иудеям хранить облачение у себя и запретил вмешиваться в это дело начальнику стражи, но предоставить иудеям пользование облачением, когда в том представится надобность. Этим он расположил народ в свою пользу. Затем он сместил первосвященника Иосифа Кайафу и назначил на его место Ионафа, сына бывшего первосвященника Апаана. После этого Вителлий вернулся обратно в Антиохию.

4. Тем временем Тиверий отправил Вителлию письмо, в котором просил его заключить дружественные сношения с парфянским царем Артабаном. Император опасался его враждебных действий, так как Артабан успел овладеть Арменией и мог подать повод к значительным осложнениям. При этом император указывал на то, что лишь в том случае может доверять Артабану, если он выдаст заложников и, главным образом, в числе их своего собственного сына. Вместе с этим письмом Вителлию Тиверий отправил значительные денежные подарки царям Иберии и Албании, убеждая их немедленно начать войну с Артабаном. Цари, однако, воздержались от такой войны, но напустили на Артабана скифов, предоставив последним свободный пропуск через свои владения и проход Каспийский. Таким образом, Артабан вновь лишился Армении, страна парфянская стонала под ужасами войны, наиболее влиятельные лица были убиты, везде царило полное смятение, и сын самого царя пал со многими тысячами войска в одной из битв. Вителлий был готов умертвить старика Артабана и с этой целью за большие деньги подкупил друзей и родственников царя, но Артабан понял, что этот замысел будет приведен в исполнение, так как он окружен массой влиятельных лиц, которые не остановятся ни перед чем. Он ясно сознавал, что все его родственники подкуплены и лишь коварным внешним образом выказывают ему преданность, которая

у них впоследствии немедленно изменится, когда они перейдут на сторону врагов. Поэтому он решил спастись бегством в свои горные сатрапии. Тут ему удалось впоследствии набрать большое войско из даев и саков, вступить затем в борьбу с противниками и вернуть себе власть.

5. При известии об этом Тиверий пожелал заключить с Артабаном дружественный союз. Получив приглашение в этом смысле, старик охотно принял предложение. Тогда Артабан и Вителлий встретились у берегов Евфрата. На реке был сооружен мост, и посередине этого моста они сошлись, сопровождаемые каждый отрядом своих телохранителей. После того как они обо всем условились, тетрарх Ирод угостил их в роскошной палатке, которую он с большими расходами велел для этой цели соорудить на самой середине моста. Вскоре после этого Артабан послал Тиверию в качестве заложника своего сына Дария и отправил императору богатые дары. В числе последних находился также некий иудей Елеазар, человек семи футов роста, прозванный за это Гигантом. После того Вителлий вернулся в Антиохию, Артабан же в Вавилон.

Желая, чтобы император от него первого узнал о получении заложников, тетрарх Ирод отправил к нему посланных с письмами, где все было в точности донесено, так что консуляру (Вителлию) не приходилось ничего прибавить к этому. Когда император известил Вителлия, что он уже все знает из донесения Ирода, Вителлий страшно рассердился, видя в этом поступке (Ирода) большее оскорбление, чем то было на самом деле. Однако он подавил в себе гнев до тех пор, пока власть не перешла к Гаю Калигуле.

6. Тогда же, на двадцатом году правления Тиверия, умер и брат тетрарха Ирода, Филипп, после того как в течение тридцати семи лет правил Трахоном, Гауланитидой и Батанеией. Его правление отличалось мягкостью и спокойствием. Он провел всю жизнь в пределах подчиненной ему области. Когда ему случалось выезжать, он делал это в обществе нескольких избранных. При этом за ним всегда возили его кресло, сидя на котором он творил суд. Если по пути к нему являлся кто-либо с жалобой, то он, недолго думая, тут же ставил кресло, садился на него и выслушивал обвинителя. Виновных он тут же подвергал наказанию и немедленно отпускал тех,

кого обвинили несправедливо. Филипп умер в Юлиаде. Труп его был доставлен в мавзолей, который он сам заранее воздвиг для себя, и торжественно похоронен там. Так как Филипп не оставил после себя потомства, то Тиверий взял его область себе и присоединил ее к Сирии. Впрочем, доходы с этой тетрархии он распорядился сохранить за ней.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Около этого времени царь Каменистой Аравии Арет и тетрарх поссорились между собой по следующей причине: Ирод был давно уже женат на дочери Арета. Во время одного путешествия в Рим он заехал к своему сводному брату Ироду, который родился от дочери первосвященника Симона. Влюбившись в жену брата, Иродиаду (она была дочерью их общего брата Аристовула и сестрой Агриппы Великого), он рискнул предложить ей выйти за него замуж. Иродиада согласилась и сговорила с ним войти в его дом, когда он возвратится из Рима. При этом было условлено, что Ирод прогонит дочь Арета. После этого тетрарх отплыл в Рим, заключив вышеуказанный договор. Когда же он по исполнению в Риме всего нужного собирался вернуться домой, жена его, без его ведома успевшая разузнать все о его условиях с Иродиадой, просила разрешения уехать в Махерон, находящийся как раз на границе владений Арета и Ирода, причем никому не сказала о цели этой своей поездки. Ирод согласился, не предполагая, что жене его что-либо известно. Последняя между тем заранее послала в Махерон к начальнику, поставленному там ее отцом, просьбу приготовить все к дальнейшему путешествию. Затем она явилась сама и поехала тотчас же в Аравию, причем арабские князья последовательно сопровождали ее, пока она (довольно скоро) не приехала к отцу своему. Ему она рассказала о намерении Ирода. Арет на основании этого решил начать войну со своим зятем, именно на границах Гамалитиды. Собрав войска, обе стороны вступили в борьбу, причем вместо Арета и Ирода сражались их военачальники. В происшедшей тут битве все войско Ирода было уничтожено благодаря измене нескольких перебежчиков, которые примкнули к Ироду, принадлежа, собственно, к числу подданных

тетрарха Филиппа. Ирод отписал об этом Тиверии. Император разгневался на образ действий Арета, послал Вителлию приказ объявить ему войну и представить ему Арета либо живым в оковах, либо прислать ему его голову.

2. Такой приказ отдал Тиверий сирийскому наместнику. Некоторые иудеи, впрочем, видели в уничтожении войска Ирода вполне справедливое наказание со стороны Господа Бога за убийство Иоанна. Ирод умертвил этого праведного человека, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивое чувство к Предвечному и собираться для омовения. При таких условиях (учил Иоанн) омовение будет угодно Господу Богу, так как они будут прибегать к этому средству не для искупления различных грехов, но для освящения своего тела, тем более что души их заранее уже успеют очиститься. Так как многие стекались к проповеднику, учение которого возвышало их души, Ирод стал опасаться, как бы его огромное влияние на массу (вполне подчинившуюся ему) не повело к каким-либо осложнениям. Поэтому тетрарх предпочел предупредить это, схватив Иоанна и казнив его раньше, чем пришлось бы раскаяться, когда будет уже поздно. Благодаря такой подозрительности Ирода Иоанн был в оковах послан в Махерон, вышеуказанную крепость, и там казнен. Иудеи же были убеждены, что войско Ирода погибло лишь в наказание за эту казнь, так как Предвечный желал проучить Ирода.

3. Приготовив для войны с Аретом два легиона и присоединив к ним тех легковооруженных и всадников, которых ему предоставили подвластные римлянам царьки, Вителлий между тем двинулся к Петре (столице Аравии) и прибыл (сперва) в Птолемаиду. Когда же он собрался повести свое войско через Иудею, к нему навстречу вышли наиболее влиятельные граждане и умоляли его не проходить через их страну, так как по закону они не вправе разрешить внесение в Иудею тех изображений, которые в таком значительном числе имеются на его знаменах. Вителлий согласился, изменил свое первоначальное решение и, велев войску идти по великой равнине, сам в сопровождении тетрарха Ирода и некоторых друзей своих поехал в Иерусалим, чтобы, ввиду наступления иудейского национального праздника, принести там жертву Предвечному. Здесь он был восторженно принят на-

селением и пробыл там три дня, в течение которых отнял первосвященство у Ионафа и поставил на его место брата его Феофила. На четвертый день он получил письменное известие о смерти Тиверия и потому заставил население присягнуть на верность императору Гаю Калигуле. Вместе с тем он отозвал также свое войско и распустил его на зимние стоянки, так как теперь, с переходом престола к Гаю, Вителлий имел уже полномочия продолжать войну. Рассказывают, что и Арет, при известии о походе Вителлия, стал гадать по полету птиц и пришел к заключению, что неприятельское войско не дойдет до Петры: из военачальников сторон умрет либо тот, кто начал войну, либо тот, кто отдал приказание к вступлению войск, либо тот, против кого направлен весь поход.

Таким образом, Вителлий вернулся в Антиохию. Тем временем сын Аристовула, Агриппа, за год до смерти Тиверия отправился в Рим, чтобы там, при первой представившейся возможности, добиться чего-либо от императора. Мне хочется здесь несколько подробнее остановиться на потомстве Ирода Великого, отчасти потому, что это потомство играло большую роль в истории, отчасти потому, что тут оправдывается положение, что ни обилие потомков, ни другая какая-либо находящаяся в распоряжении людей сила не имеет никакого значения, если люди не отличаются истинным благочестием. Ведь в течение столетнего периода почти все многочисленное потомство Ирода, за немногими исключениями, подверглось гибели. Вместе с тем каждому будет полезно ознакомиться с постигшими этих потомков бедствиями. Особенно интересно в этом отношении судьба наиболее выдающегося из них, Агриппы, который, происходя из совершенно второстепенной семьи, помимо всякого ожидания, достиг такой значительной власти. Правда, на эту тему мы говорили и раньше, но теперь я хотел бы остановиться на этом подольше.

4. У Ирода Великого было от Мариамны, дочери Гиркана, две дочери. Одна из них, Саламисио, была выдана отцом своим замуж за своего двоюродного брата Фасаила, сына брата Ирода того же имени. Другая дочь, Киприда, также вышла замуж за другого двоюродного брата своего, сына сестры Ирода, Саломии. Саламисио родила Фасаилу пятерых детей, сыновей: Антипатра, Ирода и Александра, и дочерей Александру и Киприду. На последней женился Агриппа, сын

Аристовула. Александра же вышла замуж за знатного киприйца Тимия и умерла бездетной. Киприда родила Агриппе двух мальчиков, Агриппу и Друза (из них последний умер ребенком), и трех дочерей: Беренику, Мариамну и Друзиллу. Отец их, Агриппа, когда-то воспитывался вместе с другими своими братьями, Иродом и Аристовулом. Все трое были детьми Береники и сына Ирода Великого. Береника, в свою очередь, была дочерью Костобара и сестры Ирода, Саломии. Все они остались сиротами после казни, постигшей отца их Аристовула и его брата Александра, как мы рассказали уже выше. Когда они подросли, то поженились; а именно: указанный Ирод, брат Агриппы, взял себе в жены Мариамну, дочь Олимпиады и внучку царя Ирода Великого. Мариамна была дочерью Иосифа, племянника Ирода. От нее Ирод имел сына Аристовула. Третий брат Агриппы, также носивший имя Аристовула, женился на дочери эмессийского царя Сампсигерама, Иотапе, которая родила ему глухую дочь, также названную Иотапой. Это было потомство по мужской линии. Сестра их Иродиада вышла замуж за сына Ирода Великого, Ирода же, происшедшего от Мариамны, дочери первосвященника Симона. Она родила ему дочь Саломию. После рождения этой девочки Иродиада, вопреки нашим законам, вышла замуж за сводного брата своего мужа, именно за галилейского тетрарха Ирода, но разошлась и с ним еще при его жизни. Ее дочь Саломия вышла замуж за трахонского тетрарха Филиппа, сына Ирода (Великого). Так как Филипп умер бездетным, то на ней женился Аристовул, сын Ирода и брат Агриппы. У них было трое детей: Ирод, Агриппа и Аристовул. Это, следовательно, было потомство Фасаила и Салампсио.

У Киприды родилась от Антипатра дочь того же имени, на которой впоследствии женился Алексас Гелкий, сын Алексаса, и от которой он также имел дочь Киприду. Братья же Антипатра, Ирод и Александр, умерли бездетными. У казненного царем Иродом Александра были от дочери каппадокийского царя Архелая сыновья Александр и Тигран. Последний стал царем Армении и умер бездетным после обвинений, возведенных на него в Риме. У Александра же родился сын, прозванный в честь дяди своего, Тиграном. Нерон сделал его царем Армении, и у него родился сын Александр. Последний женился на Иотане, дочери коммагенского царя

Антиоха, и был провозглашен Веспасианом царем киликийского острова. Все потомство Александра сейчас же при рождении оставляло старинные иудейские обычаи и жило по образцу греков. Остальные дочери царя Ирода умерли бездетными. А так как перечисленные мною потомки Ирода были еще в живых в то время, когда Агриппа Великий овладел престолом, то мне остается теперь рассказать, какие превратности судьбы постигли Агриппу и как он, преодолев их, сумел добиться величайшего почета и власти²⁴.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Незадолго до смерти царя Ирода Великого Агриппа жил в Риме, где очень сдружился со своим сверстником Друзом, сыном императора Тиверия. Вместе с тем он сблизился также с Антонией, женой Друза Великого (т.е. старшего)²⁵. Антония очень ценила мать Агриппы, Беренику, и хотела вывести в люди также сына ее. Будучи по характеру своему человеком широким и в высшей степени щедрым, Агриппа, однако, сдерживал себя в этом отношении, пока была жива его мать, так как боялся возбудить ее гнев. Когда же Береника умерла и он стал самостоятелен, Агриппа растратил свои средства отчасти постоянными ежедневными кутежами, отчасти путем той расточительности, с которой он раздавал деньги. Наиболее значительные суммы пошли в карманы императорских вольноотпущенников, так как Агриппа рассчитывал на их поддержку. Вскоре он впал в такую бедность, что не мог долее жить в Риме. Кроме того, и Тиверий запретил друзьям своего (недавно) скончавшегося сына показываться ему, чтобы вид их не вызывал в нем горестных воспоминаний о покойном.

2. Вследствие этого Агриппа отплыл в Иудею. Он был убит потерей всех своих денег, а также невозможностью уплатить долги кредиторам, которых было много и которые не давали ему случая как-нибудь скрыться. Не зная, что делать, и мучимый стыдом, он отправился в идумейскую крепость Малафу, чтобы там покончить самоубийством. Об этом намерении узнала его жена Киприда и стала употреблять все усилия, чтобы помешать приведению его в исполнение. Так, напр., она отправила жене тетрарха Ирода, сестре своей Иродиаде, письмо, в котором рассказала о намерении Агриппы и о том, что

его к этому побудило, и просила ее как родственницу помочь ее мужу выпутаться, причем указывала на свои собственные в этом направлении попытки, несмотря на то, что она сама не обладала такими крупными средствами. Иродиада и муж ее послали за Агриппой, дали ему для жительства Тивериаду, определили ему вместе с тем известную сумму денег на содержание и дали ему звание тивериадского агораном²⁶. Вскоре, однако, Ирод изменил свое решение относительно зятя, хотя то, что он для него сделал, вовсе не удовлетворяло Агриппу. Однажды в Тире во время пиршества возникли у них за вином какие-то разногласия; Ирод стал ругать зятя бедняком и укорять его в том, что он получает свое пропитание от него. Этого не снес Агриппа; от тотчас отправился к консуляру Флакку, с которым был когда-то в Риме особенно дружен и который теперь был сирийским наместником.

3. Флакк его принял любезно и дал ему помещение, приняв к себе раньше того брата Агриппы, Аристовула, с которым Агриппа, впрочем, жил в ссоре. Однако, несмотря на их взаимную вражду, консуляр одинаково дружественно относился к ним обоим и одинаково почитал их. Впрочем, Аристовул успокоился не раньше, чем во вражде своей к брату восстановил против него также и Флакка, причем поводом к этому послужило следующее обстоятельство: жители Дамаска спорили с сидонцами относительно правильности границ. Флакк собирался разрешить их распрю. Зная, каким влиянием пользуется Агриппа у Флакка, они решили просить его о заступничестве и обещали ему за это крупную сумму денег. Агриппа постарался сделать все в пользу дамассцев. Между тем Аристовул, который узнал об обещанной брату взятке, донес о том Флакку. Так как при расследовании этот донос оказался правильным, то Флакк порвал свою дружбу с Агриппой и прогнал его от себя. Впав таким образом опять в крайнюю бедность, Агриппа отправился в Птолемаиду, а так как ему ни здесь, ни в другом месте не представлялось возможности жить, он решил ехать в Италию. Однако он был стеснен в деньгах. Поэтому он просил своего вольноотпущенника Марсию занять у кого-нибудь для него нужную сумму. Марсия обратился к некоему Петру, вольноотпущеннику Береники, матери Агриппы, которая, однако, в завещании передала его в распоряжение (своей подруги) Антонины, и просил

его выдать ему деньги под письменное обязательство Агриппы с его поручительством. Петр, однако, который был зол на Агриппу за то, что потерял за ним несколько денег, потребовал от Марсии расписку в получении двадцати тысяч аттических драхм, хотя и выдал ему на две с половиной тысячи меньше. Марсия должен был согласиться на это, так как иначе ничего нельзя было сделать.

Получив эти деньги, Агриппа поехал в Авфедон, где нанял корабль, чтобы отправиться в дальнейший путь. Узнав об этом, наместник Ямнии, Геренний Капитон, выслал военный отряд с тем, чтобы вытребовать от Агриппы триста тысяч сестерций, взятых им в Риме из императорской казны, и вместе распорядился насильно задержать должника. Агриппа наружно подчинился последнему распоряжению, с наступлением же ночи велел перерубить канаты и отплыл в Александрию. Тут он просил алабарха Александра дать ему займы двести тысяч драхм. Александр отказал ему в этом, но согласился выдать эту сумму под поручительство Киприды, в уважение к ее преданности мужу и вообще за ее порядочность. Киприда дала свое поручительство. Тогда Александр выдал им в Александрии пять талантов, а остальные обещал вручить в Дикеархее по прибытии туда Агриппы: он знал и боялся расточительности последнего. Киприда затем простилась с мужем, который поехал в Италию, и возвратилась с детьми своими в Иудею.

4. Прибыв в ПUTEОЛИ²⁷, Агриппа отправил письмо императору Тиверии, находившемуся тогда на острове Капрее, извещая его о своем приезде и прося его разрешения приехать поклониться ему на Капрее. Тиверий был очень рад этому, ответил ему любезным письмом и сказал, что с удовольствием примет его у себя на Капрее. Когда Агриппа приехал, император принял и приветствовал его с той же любезностью, которую выказал ему и в письме. На следующий день, однако, Тиверий получил письмо от Геренния Капитона, который писал ему, что Агриппа задолжал 300 000 сестерций²⁸, пропустил условленный срок уплаты и, когда ему напомнили об этом, бежал из страны своей; таким образом, теперь Геренний совершенно не знает, как вернуть эти деньги. Прочитав письмо, император сильно разгневался и запретил Агриппе доступ ко двору, пока он не заплатит долга. Агрипп-

па, однако, нисколько не испугался гнева императора, но обратился к Антонии, матери Германика и Клавдия, который впоследствии стал императором, с просьбой одолжить ему 300 000 сестерций, чтобы не утратить дружбы Тиверия. В уважение к памяти его матери Береники, с которой ее связывала тесная дружба, равно как и потому, что он был сверстником и товарищем ее сына Клавдия, Антония выдала ему деньги, так что он мог уплатить означенный долг, и у него возобновились прежние дружеские отношения к Тиверию. Последний, в свою очередь, даже поручил ему своего внука (Тиверия) и велел сопровождать его повсюду. Питая благодарность к Антонии, Агриппа стал особенно ласково относиться к ее внуку Гаю²⁹, который пользовался особенной популярностью благодаря расположению всех к его покойному отцу³⁰. В это время жил некий самарянин Фалл, императорский вольноотпущенник. Сделав у него заем в миллион сестерций, Агриппа вернул Антонии долг свой, а с помощью остальных денег старался угождать Гаю, причем достиг на него особенно значительного влияния.

5. Между тем, дружба между Агриппой и Гаем все росла. Когда они однажды вместе выехали на прогулку, у них зашла речь о Тиверии, и, так как они были одни, Агриппа выразил желание, чтобы Тиверий поскорее умер и предоставил власть Гаю как наиболее достойному во всех отношениях. Это услышал Евтих, вольноотпущенник и возница Агриппы. Впрочем, пока он молчал об этом. Впоследствии Агриппа совершенно основательно обвинил этого вольноотпущенника в похищении у него плаща. Евтих бежал, но, будучи пойман, был приведен к городскому префекту Пизону. Когда последний спросил его о причине бегства, Евтих отвечал, что ему необходимо сделать императору сообщение, касающееся безопасности его личности. Поэтому Пизон велел связать его и отправить на Капрею. Тиверий по своей привычке оставил его в оковах (и не торопился с его допросом), потому что был вообще наиболее медлительным государем. Так, напр., он никогда не принимал посольств тотчас же по их прибытии и не смещал военачальников и наместников до их смерти. Так же медленно происходил и допрос арестантов. Когда друзья однажды спросили его о причине такой его медлительности, Тиверий отвечал, что он потому задержи-

вает посольства, чтобы их сейчас же не сменили новые депутаты уполномоченных, которых затем во множестве пришлось бы принимать и угощать; общественные же должности он оттого дает людям один раз навсегда, чтобы те несколько совестились и не слишком притесняли подчиненных. В самой природе всякого должностного лица, говорил он, лежит стремление к любостыжанию. Если должности будут предоставляться чиновникам ненадолго и не на определенное, но на короткое время, то эти чиновники приложат все свое старание полнее обобрать людей состоятельных. Если же их назначат на более продолжительный срок, то они, имея перед собой возможность беспрепятственного грабежа, вскоре вследствие своего обогащения утомятся этим и надолго оставят подчиненных в покое. Если же перемещения следуют быстро друг за другом, то начальники не успевают удовлетвориться наложенными на подчиненных поборами, так как они не будут иметь времени ощутить неудовольствие по поводу своих вымогательств и не успеют обогатиться до перемещения на новую должность. В доказательство правильности этого своего взгляда он приводил следующий пример: некий раненый лежал на дороге, и множество мух село на его раны. Кто-то из прохожих почувствовал сострадание к несчастному и, видя его беспомощное состояние, решил отогнать мух. Но раненый просил его оставить это, и тогда прохожий удивленно спросил, почему он противится, чтобы тот облегчил ему его страдания. На это раненый отвечал: «Ты причинишь мне еще более сильные страдания, если отгонишь этих мух. Так как они успели уже насытиться моей кровью, то они не с такой силой кусают меня и даже иногда совсем перестают меня терзать. Если же затем явятся новые рои мух голодных и найдут меня уже истощенным, то я окончательно погибну». Поэтому-то (продолжал император) он, заботясь о состоянии без того уже сильно разоренных подданных своих, и не отправляет к ним одного чиновника за другим, которые, наподобие мух, стали бы высасывать из них, тем более что тогда к их любостыжательности присоединилась бы боязнь, что их вскоре лишат предоставленного им удовольствия. Подтверждением этого взгляда Тиверия служит и соответственный образ его действий: в течение тех двадцати двух лет, что он был импера-

ором, он послал в Иудею всего только двух наместников, брата и его преемника Пилата. Так поступал он не только относительно Иудеи, но и относительно других подвластных ему провинций. Также и преступления арестантов он, по собственному признанию, подвергал разбору всегда спустя лишь продолжительное время, дабы преступники быстрой казнью не получали облегчения своих страданий, которого они, по преступности своей, вовсе не заслужили, и для того, чтобы наказание им увеличилось томительной неизвестностью.

6. По этой-то причине и Евтих не мог добиться, чтобы его допросили, и оставался в темнице. Через некоторое время Тиверий переехал с острова Капри в Тускуланум, который находится в расстоянии ста стадий от Рима. Тут Агриппа стал просить Антонию добиться (у императора) вопроса Евтиха по возведенному на него обвинению. Антония пользовалась у Тиверия большим почетом отчасти вследствие близких родственных к нему отношений (она была женой его брата и друга), отчасти же вследствие своего добродетельного образа жизни. Дело в том, что, несмотря на свою молодость, она оставалась вдовой и отказывалась от всякого нового брака, хотя император и уговаривал ее выйти вторично замуж. При этом она вела незанятный образ жизни. Кроме того, она оказала Тиверию неоценимую услугу: некий Сеян, начальник преторианской гвардии, бывший друг мужа Антонии и пользовавшийся, благодаря войскам, огромной властью, устроил опасный заговор, к которому примкнули многие сенаторы и вольноотпущенники³¹. Так как заговорщики сумели подкупить войско, то дело приняло бы серьезный оборот и Сеян привел бы свой план в исполнение, если бы Антония не выступила смелой противницей его гнусных намерений. Узнав о задуманном покушении на жизнь Тиверия, она написала последнему о том подробное письмо, которое вручила одному из преданнейших слуг своих, Палласу, для доставки Тиверию на остров Каприю. Извещенный об этом, император велел казнить Сеяна и его заговорщиков. С этих пор Антония, которую Тиверий и раньше очень уважал, пользовалась в его глазах еще большим почетом и доверием.

И вот, когда Антония просила Тиверия допросить Евтиха, император сказал: «Если Евтих выдумал слова, которые ты приписал Агриппе, то он получит от меня должное воз-

мездие; если же при расследовании окажется, что он сказал правду, то пусть Агриппа остерегается, как бы наказание, которое он собирается уготовить своему вольноотпущеннику, не пало на его собственную главу». Когда Антония сообщила об этом Агриппе, последний еще более настаивал на производстве следствия, и так как Агриппа не переставал просить об этом Антонию, то она выбрала удобную минуту, когда Тиверия после обеда вынесли в носилках на прогулку в сопровождении ее внука Гаю и Агриппы, приблизилась к носилкам и просила императора вызвать Евтиха и допросить его. На это Тиверий заметил: «Клянусь, Антония, богами, что то, что я теперь делаю, я делаю не по своей личной воле, но благодаря твоим просьбам». С этими словами он приказал Макрону, преемнику Сеяна, привести Евтиха. Когда тот вскоре затем явился, император спросил его, что он может сказать против человека, которому он обязан свободой. Евтих сказал: «Государь! Однажды этот вот Гаю и Агриппа выехали на прогулку в колеснице, а я сидел у ног их. Они беседовали долго о всякой всячине, и наконец Агриппа обратился к Гаю со следующими словами. «Наступит ли день, когда этот старик умрет и сделает тебя владыкой мира? Ведь внук его, Тиверий, не будет нам препятствием. Ты можешь умертвить его. Тогда вселенная будет счастлива, а более ее я». Тиверий поверил этому, и в нем пробудилось прежнее неудовольствие против Агриппы, так как он приказал ему когда-то следить за его внуком Тиверием, сыном Друза; однако Агриппа не поступил сообразно этому, но всецело посвятил себя Гаю. Поэтому император сказал: «Макрон, наложи на него оковы». Макрон, однако, не понял, о ком говорил Тиверий, никак не предполагая, что последний мог иметь в виду Агриппу, и поэтому не привел приказание в исполнение.

Вскоре затем император застал Агриппу в ипподроме. Тогда он обратился к Макрону: «Ведь я же приказал наложить на него оковы». Когда Макрон еще раз переспросил императора, о ком идет речь, последний ответил: «Об Агриппе».

Тогда Агриппа стал просить о помиловании, указывая на то, что ведь он воспитывался совместно с его сыном и руководил воспитанием младшего Тиверия. Однако он ничего не добился и в пурпуровой одежде был отведен в темницу.

Тогда стояла сильная жара, и, так как Агриппа за обедом выпил много вина, его теперь стала мучить жажда, так что он совершенно изнемогал от нее и жестоко страдал; вдруг он увидел, что один из рабов Гая, некий Фаумаст, нес воду в сосуде. Он попросил дать ему напиться. Тот охотно подал ему кувшин, и Агриппа воскликнул: «Юноша, так как ты оказал мне эту услугу, то, когда я освобожусь от оков, я не премину добиться у Гая освобождения твоего; ведь ты услужил мне, арестанту, совершенно таким же образом, как делал это раньше, когда я был полноправным человеком». Агриппа действительно сдержал это свое обещание: когда он впоследствии сам стал царем, то добился у Гая, ставшего тем временем императором, полного освобождения Фаумаста и сделал его своим личным управляющим; перед смертью своей он поручил его сыну своему Агриппе и дочери своей Беренике с тем, чтобы они оставили его в этой должности. Фаумаст и умер в ней, достигнув преклонного возраста.

7. Все это, впрочем, случилось гораздо позже. Тогда же Агриппа в числе многих других арестантов стоял перед императорским дворцом и в отчаянии прислонился к дереву. На это дерево внезапно слетел филин, и тогда один из арестантов, германец по происхождению, увидя это, спросил стоявшего тут же солдата, кто этот человек в пурпуровом плаще. Узнав, что тот называется Агриппой, иудей, принадлежащий к числу наиболее видных представителей своего народа, он просил воина подвести его поближе к Агриппе, так как имеет сообщить ему нечто и желал бы задать ему несколько вопросов относительно иудейских законов. Когда ему это было разрешено, германец обратился через переводчика к Агриппе и сказал ему: «Молодой человек, теперь ты опечален внезапным поворотом в судьбе своей, которая так круто изменилась у тебя. Вероятно, ты не поверишь словам моим, когда я скажу тебе, что Предвечный решил изменить твою судьбу и прекратить настоящую скорбь твою. Однако знай, что я готов клясться как своими собственными богами, так и римскими, благодаря которым мы томимся в этих оковах, что скажу одну только правду, и притом не ради праздного времяпрепровождения и болтовни и не для того, чтобы тщетно ободрить тебя. Ведь обещания, в случае их неисполнения, лишь усугубляют печаль, и лучше их

с самого начала вовсе не делать. И несмотря на это, несмотря на то, что я рискую личной безопасностью, я считаю себя обязанным сообщить тебе о решении богов. По всей видимости, ты скоро будешь освобожден от этих своих цепей; тогда ты достигнешь величайшего почета и власти, и все те, кто теперь скорбит о постигшей тебя судьбе, будут заискивать перед тобой. Ты умрешь, добившись счастья и оставив состояние детям своим. Помни, однако, что когда ты вновь увидишь эту птицу, тебе предстоит умереть через пять дней. Что все так и случится, это возвещают тебе боги, пославшие эту птицу. Я, знакомый с предсказанием будущего, не считал себя вправе скрыть от тебя все это, дабы ты, зная, что тебя ждет лучшее будущее, легче переносил страдания настоящей минуты и не придавал им слишком большого значения. Помни также, что когда счастье улыбнется тебе, то были мы, товарищи твои по заключению, которые предсказали тебе скорое освобождение». Это предсказание германца первоначально показалось Агриппе столь же смешным, сколь оно впоследствии возбудило его удивление.

Тем временем Антония, которую очень огорчало постигшее Агриппу несчастье, но которая понимала, что теперь несвоевременно да и бесполезно будет заступаться за него у Тиверия, постаралась добиться от Макрона, чтобы в виде стражи Агриппы и в лице сотников, которым поручался неуклонный надзор за арестантами, назначались люди более мягкосердечные, чтобы Агриппе ежедневно разрешалось купаться, чтобы ему было дозволено видеться с друзьями и вольноотпущенниками своими и чтобы он вообще не ощущал никакого существенного недостатка ни в чем. Таким образом, арестованного посещали его друг Силас и вольноотпущенники Марсия и Стойхей. Они доставляли ему любимую пищу и вообще всячески заботились о нем; так, напр., они приносили с собой как будто бы для продажи, плащи, которые с наступлением ночи при содействии солдат и с ведома Макрона подстилали Агриппе. Так продолжалось дело в течение шести месяцев.

8. Таково-то было положение Агриппы. Между тем, Тиверий возвратился на остров Капрею, где и заболел, сперва, правда, легко, но затем, когда болезнь осложнилась, он стал сильно опасаться за свое выздоровление. Поэтому он

приказал Эводу, самому приближенному из вольноотпущенников своих, привезти к нему детей, с которыми ему необходимо было переговорить перед смертью. Родных детей у Тиверия больше не было, после того как единственный сын его, Друз, умер. Теперь оставались в живых еще сын Друза, Тиверий Гемелл, а также сын брата Тиверия, Германика, Гай, юноша, получивший вполне законченное образование и пользовавшийся в глазах народа большой популярностью за доблесть отца своего, Германика. Последний (т.е. Германик) пользовался особенным расположением простонародья благодаря чистоте нравов, легкой доступности и тому, что он никогда не домогался особенно выдающегося положения. Поэтому-то не только народ и римский сенат весьма уважали Германика, но и все подвластные римлянам племена, которых подкупала мягкость его обращения с ними или которые слышали об этой черте его характера. Когда он умер, всех обуяла скорбь, причем люди не представлялись опечаленными в угоду властям, но потому что все в государстве горевали о нем как о родном дорогом покойнике. Так, воспоминание о нем продолжало жить среди людей. Результатом всего этого была большая популярность его сына; особенно привязаны были к нему солдаты, которые сильно старались, чтобы престол перешел к нему, и в случае необходимости готовы были умереть за него.

9. Тиверий, приказав Эводу привести к нему на следующий день рано утром детей, стал теперь молить богов явить знамение, кому из юношей надлежит стать его преемником. Правда, он охотнее всего оставил бы престол своему внуку, но еще больше значения и веры, чем своему личному взгляду на дело и желанию, он придавал решению богов. У него, между прочим, было твердое убеждение, что тот из претендентов получит престол, который первым явится к нему рано утром.

Решив это, он послал за воспитателем своего внука и приказал ему на заре привести к нему питомца. Тиверий предполагал, что этим он повлияет на решение богов. Бог, однако, решил иначе. В таком расчете император приказал Эводу, как только стало светать, впустить к нему того из юношей, который придет первым. Тот вышел и, найдя Гая (Тиверий еще не пришел, так как ему слишком поздно по-

дали завтрак, а Эвод ничего не знал о намерениях своего государя), сказал ему: «Отец зовет тебя». С этими словами он ввел его к императору.

Увидя Гая, Тиверий понял всемогущество Бога и то, что он сам ничего не мог против этого поделать и не мог теперь уже изменить принятое решение. Затем он стал жалеть как о самом себе, что у него отнята возможность привести в исполнение собственное желание, так и о своем внуке Тиверии, который не только лишился римского престола, но и вместе с тем подвергается личной опасности, потому что его безопасность теперь в руках других, более могущественных лиц, которые не станут терпеть его рядом с собой. При этом император понимал, что и родственные узы не окажут Тиверию услуги, так как наследник престола будет бояться и ненавидеть его отчасти как претендента на власть, отчасти как человека, который не сможет не злоумышлять против его особы с целью совершить государственный переворот.

Тиверий был вообще предан учению о предзнаменованиях и более кого бы то ни было другого руководился этим в течение всей своей жизни. Так, напр., однажды при появлении Гальбы³² он сказал своим приближенным, что входит человек, которому некогда выпадет на долю честь быть римским императором. Так как Тиверий более других императоров придавал значения предзнаменованиям, тем более что неоднократно видел их оправдывавшимися, то он руководствовался ими также в делах правления. Теперь его крайне огорчало все случившееся, он страдал, как будто бы его внук уже был умерщвлен, и упрекал себя в том, что так пожелал на предзнаменование. Ему ведь было так легко спокойно и без печали умереть в неведении будущего, а теперь приходилось расставаться с жизнью, предвидя грядущее горе наиболее близких ему людей. Хотя его и очень огорчало, что престол неожиданно перешел к нежелательному лицу, однако император, правда, нехотя и с неудовольствием, обратился к Гаю со следующими словами: «Дитя мое! Хотя Тиверий мне и ближе, чем ты, однако я все-таки по доброй воле и с утверждения богов вручаю тебе власть над римским народом. Но при этом прошу тебя, не забывай, когда ты будешь императором, ни о моем к тебе благоволении, в силу которого я поставил тебя на такое высокое место, ни о

Симон избирается начальником и первосвященником

родстве своем с Тиверием. Знай, что я с соизволения богов даровал тебе такое благо, за которое ты вознаградишь меня, если подумаешь о родстве своем с Тиверием. С другой стороны, помни, что, пока он будет жив, Тиверий будет оплотом твоей власти и личности, а если умрет, то это будет началом твоего несчастья. Стоять одиноким на таком высоком посту тяжело, и боги не оставят безнаказанным беззаконного нарушения какого-либо предписания». Так говорил Тиверий. Впрочем, ему не удалось повлиять на Гая, который обещал ему, правда, повиновение, но который, вступив на престол, немедленно распорядился умертвить Тиверия, как то предвидел старый император. Однако и сам он немного спустя погиб, пав жертвой заговора.

10. Несколько дней спустя после назначения Гая своим преемником Тиверий умер, пробыв императором двадцать два года, пять месяцев и три дня. Таким образом, Гай стал четвертым римским императором³³. Когда римляне узнали о смерти Тиверия, они очень обрадовались этому приятному для них

Защита сокровищницы храма от разграбления

известию. Они все еще не решались поверить этому, хотя они того и страстно желали (за верность этого сообщения они готовы была заплатить огромные деньги); однако вместе с тем они опасались, как бы в случае, если бы известие было опровергнуто, им не пришлось по доносам поплатиться жизнью за проявление такой своей радости. Ведь один этот человек совершил ужаснейшие преступления по отношению к римской знати, будучи крайне раздражительным и совершенно не умея сдерживать свой гнев, даже когда не было никакого повода к тому. Он ко всем относился крайне жестоко и за самые маловажные провинности сейчас же палал смертную казнь. Поэтому, насколько римляне радовались при извещении об его смерти, настолько же им мешало предаваться этой радости опасение за то наказание, которому подверглись бы, если бы слух оказался ложным.

Узнав о смерти Тиверия, вольноотпущенник Агриппы, Марсия, поспешил к последнему, чтобы сообщить ему эту добрую весть. Он застал его отправляющимся на купание,

наклонился к нему и по-еврейски шепнул ему на ухо: «Лев умер!» Агриппа сразу понял смысл этих слов, очень обрадовался и сказал: «Я тебя отблагодарю за все твои услуги и за эту добрую весть. Лишь бы это была правда». Сотник, которому было поручено наблюдение за Агриппой, видя, с какой поспешностью прибыл Марсия и какую радость вызвали в Агриппе слова его, подумал, не случилось ли что-нибудь особенное, и спросил их об этом. Те сперва старались уклониться от ответа, но когда сотник стал приставать к Агриппе, последний (успевший уже снискать его благоволение) открыто рассказал ему дело. Сотник разделил радость Агриппы, предвидя выгоду и для себя, и предложил ему вместе пообедать. Пока они еще сидели за столом и наслаждались вином, пришел кто-то с известием, что Тиверий жив и через несколько дней вернется в город. Тогда сотник страшно испугался, совершив проступок, за который полагалась смертная казнь, а именно, что он при известии о смерти императора в радостях пировал с арестантом. Поэтому он столкнул Агриппу с ложа и воскликнул: «Да разве ты думаешь, что безнаказанно обманул меня с известием о кончине императора? Ведь ты за это заплатишь мне головой своей». Затем он приказал вновь заковать Агриппу в цепи, которые он перед тем снял с него, и усилил за ним надзор. Это была страшная ночь для Агриппы.

На следующий день, однако, по городу распространилось известие, подтверждающее кончину Тиверия; теперь население уже не боялось открыто говорить об этом; некоторые лица даже стали приносить (благодарственные) жертвы. Тем временем были получены письма от Гая. Одно из них было адресовано в сенат, которому Гай сообщал о смерти Тиверия и о том, что престол перешел к нему. Другое письмо было получено городским префектом Пизоном с тем же известием и приказанием освободить Агриппу из военной тюрьмы и перевести его в дом, где он жил до своего ареста. Теперь он мог спокойно ожидать будущего. Правда, он был еще подвержен аресту и охраняем стражей, но мог жить по своему усмотрению.

Когда затем Гай приехал с телом покойного Тиверия в Рим и, по римскому обычаю, устроил пышные похороны, он хотел в тот же самый день освободить Агриппу. Однако Ан-

тония отговорила его от этого, впрочем, не из перасположения к арестанту, а потому, что заботилась, чтобы Гай не скомпрометировал себя и не навлек на себя обвинение, будто он так обрадовался смерти Тиверия, что немедленно освободил человека, подвергнутого покойным императором тюремному заключению. Впрочем, по прошествии нескольких дней Гай послал за Агриппой, велел его привести во дворец, поручил его заботам своего братора и портного, а затем возложил ему на главу диадему и провозгласил его правителем тетрархии Филиппа, к которой он присоединил еще тетрарию Лисания. Вместо той железной цепи, в которую был закован Агриппа, он подарил ему золотую такого же веса. Начальником стоявшей в Иудее римской кавалерии он назначил Марилла.

11. На втором году правления императора Гая (Калигулы) Агриппа просил разрешения отправиться в свои владения, чтобы устроить там дела свои. Затем он обещал возвратиться ко двору. Разрешение это было дано ему Гаем, и Агриппа поехал домой, куда, вопреки ожиданию всех, возвратился царем, причем наглядно показал людям, знавшим его некогда в бедности и теперь видевшим такое его благополучие, насколько велика сила судьбы. Одни поздравляли его с тем, что его надежды сбылись, другие же не верили всему этому.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Между тем, сестра Агриппы, Иродиада, бывшая замужем за тетрархом Галилеи и Переи, Иродом, стала завидовать могуществу своего брата, видя, что он занимает гораздо более высокое положение, чем ее муж, и вернулся покрытый почетом и богатый, тогда как ему некогда пришлось спастись бегством от кредиторов. Она печалилась и сердилась при такой перемене в положении брата, особенно же она была недовольна, когда видела Агриппу в царском облачении разъезжающим по улицам. Тут она не была в состоянии скрыть свое неудовольствие и зависть и уговаривала мужа отправиться в Рим и добиться там подобных же почестей. Она указывала на то, как трудно жить ей, если Агриппа, сын некогда казненного родным отцом своим Аристовула, чело-

век, впавший в такую пужду, что люди из сострадания изо дня в день доставляли ему все необходимое для жизни, человек, уехавший от своих кредиторов, теперь вернулся домой царем, тогда как Ирод, сын царя, которому само происхождение дает право на занятие такой высокой должности, сидит себе спокойно дома, оставаясь частным человеком. «Если ты, Ирод, — говорила она, — раньше не огорчался тем, что занимаешь положение ниже отца своего, то теперь, по крайней мере, воспользуйся своим царским происхождением и не оставайся позади человека, который пользовался твоими деньгами; не допускай, чтобы он добился своей бедностью большего, чем мы, так как мы можем многого достигнуть при помощи нашего богатства; стыдись быть ниже тех, кто вчера еще и позавчера жил благодаря твоему состраданию. Поедем в Рим и не будем щадить ни труда, ни денег, потому что нисколько не лучше копить деньги, чем добиться с помощью их царского престола».

2. Ирод настойчиво отклонил это предложение, любя свой покой и подозрительно относясь к шумной римской жизни. Иродиаду он старался отговорить от ее намерения. Ввиду этого последняя, однако, еще более приставала к нему, настаивая на том, что необходимо пустить в ход все, чтобы добиться царского престола. Она не раньше успокоилась, чем склонила его на свою сторону, впрочем, он не умел ей ни в чем отказать и подчинялся ее решениям. Итак, он приготовился к отъезду, который обставил всевозможной пышностью, не щадя для этого денег, и отправился в Рим в сопровождении Иродиады. Лишь только Агриппа узнал об их намерениях и приготовлениях, как и сам принял свои меры. Узнав об их отъезде, он отправил в Рим Фортуната, одного из своих вольноотпущенников, которому вручил подарки для императора, а также письмо, направленное против Ирода. Остальное Фортунат при случае должен был словесно сообщить Гаю. Фортунат поехал немедленно вслед за Иродом, и плавание его было столь благополучно, что он прибыл к императору одновременно с Иродом. Последнего он застал у Гая, которому Фортунат сейчас же вручил письмо. Оба корабля одновременно пристали в Дикеархее. Гая они нашли в кампанском городке Баях, который отстоит от Дикеархеи на расстоянии пяти стадий. Тут в Баях находится

целый ряд сооруженных с большими издержками императорских вилл, причем каждый государь старался при постройке этих дворцов перещеголять своего предшественника. В этой местности имеются бьющие из земли горячие ключи, которые отличаются целебными свойствами. Вообще, жизнь тут представляет много приятного. Гай только что разговаривал с Иродом, который явился к нему раньше других, как ему было подано письмо Агриппы, содержащее обвинения против Ирода. Дело в том, что Агриппа обвинял последнего в участии в заговоре Сеяна при императоре Тиверии³⁴ и в заговоре с парфянским царем Артабаном, направленном против Гая. Он подкреплял свой донос указанием, что в арсенале Ирода лежит заготовленное для 70 000 воинов оружие. Гай, прочитав письмо, пришел в беспокойство и спросил Ирода, правда ли то, что сказано в письме об оружии. Не имея возможности отрицать истину, Ирод признался, что это так. Тогда Гай поверил также обвинению в соучастии его в заговоре, отнял у него тетрархию и присоединил ее к царству Агриппы. Вместе с тем он предоставил последнему также все деньги Ирода, которого приговорил к позорной ссылке в галльский город Лугдунум³⁵. Узнав, что Иродиада — сестра Агриппы, император вернул ей ее личные средства и, полагая, что она не захочет разделить печальную участь своего мужа, сказал, что отныне защитником ей будет брат ее. Однако Иродиада ответила на это: «Государь! Ты великодушно и милостиво предложил мне исход, но мне мешает воспользоваться милостью твоей моя преданность мужу: я, разделявшая с ним все, когда он был счастлив, теперь не считаю себя вправе бросить его при перемене судьбы». Император рассердился на нее за это великодушие и приговорил ее к ссылке вместе с Иродом. Имущество ее он предоставил Агриппе. Такое наказание постигло Иродиаду от Господа Бога за ее зависть к брату и за то, что она легкомысленно угодила мужа, а он ее послушался.

Первый и следующий год своего правления Гай являл себя великодушным государем и человеком мягким, чем и заслужил глубокую любовь римлян и подчиненных народов. С течением же времени он благодаря своей власти перестал считать себя обыкновенным смертным, сам провозгласил себя божеством и вообще начал всячески глумиться над Предвечным³⁶.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Тем временем между александрийскими иудеями и жившими в том же городе греками произошла распря, результатом которой было то, что к императору Гаю явилось по депутации из трех выборных с той и с другой стороны³⁷. В числе представителей александрийских граждан находился также некий Апион, который возводил на иудеев тяжкие обвинения и, между прочим, утверждал, что они отказываются почитать императора. Все-де подданные Римской империи, говорил Апион, воздвигают в честь Гая алтари и храмы и всюду почитают его как бога; одни только александрийские иудеи считают позорным воздвигать в честь его статуи и клясться его именем. На эти гнусные и тяжкие обвинения, которыми Апион, естественно, рассчитывал восстановить Гая против иудеев, готовился возражать главный представитель иудейской депутации, Филон, человек, пользовавшийся широкой известностью, брат алабарха Александра и большой знаток философии. Но Гай не разрешил этого Филону и приказал ему удалиться. При этом император был так озлоблен, что, очевидно, замышлял что-то ужасное против иудеев. Филон, оскорбленный, удалился и сказал при этом своим товарищам-иудеям, что они не должны терять мужества, так как Гай на словах, правда, страшно озлоблен против них, но что на деле он уже успел восстановить против себя Предвечного.

2. Разгневанный тем, что одни иудеи так презирают его, Гай послал в Сирию легата Петрония, преемника Вителлия. Он приказал ему с сильной ратью вторгнуться в Иудею и, если иудеи добровольно уступят, воздвигнуть в храме Господнем его статую, если же они окажут сопротивление, сделать это с оружием в руках. Приняв начальство над Сирией, Петроний поспешил исполнить поручение императора. Он собрал возможно больше союзнических войск, присоединил к ним два римских легиона и явился в Птолемаиду на зимовку, чтобы весной начать правильную войну. Об этих своих решениях он написал Гаю. Последний похвалил его за энергию и советовал не уступать, но неуклонно преследовать ослушников войной. Между тем толпы иудеев являлись к Петронию в Птолемаиду, моля его не побуждать их к противозаконным действиям и к нарушению древних установле-

ний. «Если тебе уж безусловно необходимо воздвигнуть статую (императора), — говорили они, — то делай по-своему, но сначала перебей нас всех. Мы не в состоянии допустить вещь, запрещенную нам авторитетом законодателя нашего, а также нашими предками, которые в этом запрещении видели главное побуждение к добродетели». Петроний, сдерживая гнев, ответил: «Если бы я был императором и постановил бы это самолично, то обращение ваше ко мне имело бы смысл. Теперь же я, как уполномоченный государя, обязан всеми силами исполнить его предначертания, чтобы послушанием не навлекать на себя тяжкого наказания». «Так как, Петроний, таково твое решение, — сказали иудеи, — а именно не нарушать повелений Гая, то и мы сами не станем нарушать предписания закона, которому мы, повинувшись Предвечному и памятуя о добродетели и трудах наших предков, до сих пор оставались верны; мы не решимся на гнусное нарушение тех предписаний, которые, по постановлению Предвечного, должны принести нам счастье, и все это из страха перед смертью. Поэтому мы попытаем счастья в бою за соблюдение наших древних установлений, и знаем, что раз мы решились подвергнуться опасности, у нас будет надежда с помощью Божией на победу во славу Его, особенно, если мы ради Него рискнем на все это и подвергнемся военной судьбе. Если же мы послушаемся тебя, то навлечем на себя страшный позор трусости как по отношению к самому факту нарушения законов, так и особенно тем, что вызовем неудержимый гнев Предвечного, которого ведь и ты сам признаешь более могущественным, чем Гая».

3. Видя из этих слов непоколебимость иудеев и что ему без боя не удастся исполнить приказание Гая и воздвигнуть его статую лишь ценой страшной резни, Петроний решил в обществе своих приближенных и слуг отправиться в Тивериаду, чтобы ознакомиться с настроением тамошних иудеев. Сознывая всю опасность войны с римлянами, но считая гораздо более опасным и преступным нарушать законы, огромные толпы иудеев и здесь встретили Петрония по его прибытии в Тивериаду. Они умоляли его не доводить их до такой крайности и не осквернять города постановкой статуи. «Итак, — воскликнул Петроний, — вы желаете воевать с императором, не принимая во внимание его боевой готовности и своего

собственного бессилия?» Иудеи отвечали: «Мы вовсе не желаем войны; мы охотнее умрем, чем нарушим законы». При этом они бросались наземь и открывали шеи, готовясь принять смертельные удары. Так поступали они в течение сорока дней. При этом они окончательно запустили свои занятия земледелием, несмотря на то, что было время посева. Они выказывали большую стойкость и полную готовность скорее умереть, чем допустить постановку статуи.

4. При таком положении дел Аристовул, брат царя Агриппы, и Хелкия Великий, в сопровождении прочих знатных членов семьи и главнейших представителей народа, обратились к Петронию с просьбой, так как он видит решимость народа, не доводить последнего до исступления, но написать Гаю, как толпа противится постановке статуи, как она бросила даже земледельческие занятия, как она не желает и не может вступить в войну, но охотнее соглашается умереть, чем преступить свои законы, и как по причине невозделанности почвы явятся разбои неизбежным следствием этого и невозможности платить повинности. Быть может, Гай при таких условиях оставит свою мысль о насильственном образе действий и не захочет погубить народ во время возмущения. Если же Гай все-таки будет настаивать на своем прежнем решении начать войну, то тогда Петроний сможет приняться за это дело. Такими представлениями товарищи Аристовула старались уговорить Петрония. Видя, с одной стороны, столь серьезное отношение и настойчивые просьбы их, причем они не щадили средств убедить его, с другой же стороны, видя непоколебимость иудеев и считая большим грехом перед Всевышним пожертвовать жизнью стольких десятков тысяч людей в угоду сумасбродству Гая, Петроний, боясь также вечных угрызений совести, решил все-таки написать об этом Гаю — о невозможности исполнить его приказание, хотя и был уверен в страшном гневе императора за то, что не повиновался ему неотложно. Быть может, Петроний рассчитывал также уговорить императора, а уже в противном случае, если тот будет настаивать на своем безумном мнении, решил начать войну с иудеями. Даже если бы гнев императора обратился против него самого, Петроний готов был в силу своей доблести умереть за такое множество людей. Поэтому он решил послушаться иудеев, умолявших его.

5. Созвав иудеев в Тивериаду (куда явились несметные толпы их) и обратившись к ним с речью, Петроний сказал, что теперешний шаг он предпринимает не по собственному желанию, но по повелению императора, который приказал дать почувствовать его гнев немедленно всем тем, кто бы осмелился ослушаться его. Поэтому он, Петроний, который достиг такого почетного положения, считает своей обязанностью поступить вполне согласно повелениям государя. «И тем не менее, — продолжал он, — я счел бы несправедливым пожертвовать своей личной безопасностью и своим почетным положением ради вас, которых так много. Я преклоняюсь перед величием закона, который вы, благодаря его древности, считаете своей обязанностью отстаивать, и преклоняюсь главным образом перед величием и могуществом Всевышнего. Я не могу допустить, чтобы храм Его был осквернен дерзким святотатством правителя. Поэтому я посылаю Гаю донесение о вашем решении и по силе возможности поддерживаю вас, чтобы доказать вам, что я соглашаюсь с вашими, вполне правильными, взглядами. Предвечный же, могущество которого выше всякого человеческого начинания и умения, да поддержит вас в соблюдении вами древних законов и да предохранит его (Гая) от того, чтобы он в своих нечеловеческих требованиях не лишился окончательно того почета, к которому привык. Если же Гай выйдет из себя и направит против меня всю силу гнева, я готов идти на всякую опасность и подвергнуться всякому физическому и нравственному страданию скорее, чем видеть гибель вашу, гибель такого множества людей за столь славную идею. Теперь же пусть каждый отправится восвояси, к делам своим. Позаботьтесь о возделке земли. Сам я пошлю в Рим и не упущу ни лично, ни через друзей своих никакого случая, чтобы добиться для вас благоприятного результата».

6. С этими словами он отпустил иудеев, причем просил наиболее выдающихся из них принудить народ к занятию земледелием и успокоить его обещаниями всего лучшего в будущем. Так Петроний спешил ободрить народ. Предвечный, в свою очередь, явил Петронию свою помощь и заботливость во всем. Лишь только Петроний окончил разговор с иудеями, Всевышний ниспослал сильный дождь. Это было большой неожиданностью, потому что с самого утра этого страшно

жаркого дня не было видно на небе ни одного облачка, да и жара в течение целого года отнимала у людей всякую надежду на дождь, хотя они иногда и видели на небе облачка. Когда поэтому теперь так неожиданно и внезапно полил сильный дождь, иудеи почерпнули в этом надежду, что и Петронию удастся его ходатайство за них. Сам Петроний поразился еще больше, видя воочию, насколько Предвечный заботится об иудеях и как Он проявляет это; никто, даже если бы захотел, не мог бы утверждать противное. Поэтому все то, что Петроний написал Гаю, должно было побудить императора к перемене решения и заставить его отказаться от мысли довести до отчаяния столько тысяч человек. При этом Петроний поставлял на вид, что, если Гай распорядится перебить их всех (а по его мнению, было ясно, что они без борьбы не допустят нарушения законов), он лишится доходов и подвергнет себя позору на вечные времена. Затем Петроний охарактеризовал Гаю могущество Бога, покровительствующего иудеям, как чрезвычайное, которое, наверное, не преминет вскоре же явить себя во всей своей силе.

Таковы были доводы Петрония.

7. Царь Агриппа, живший пока еще в Риме, все более и более сближался с другом своим Гаем. Однажды Агриппа пригласил его обедать, причем постарался превзойти всех как расходами, так и роскошью блюд и всяческих удовольствий, так что, не говоря уже о других, и сам Гай не мог бы, в случае желанья, не только превзойти его, но даже и помериться с ним в этом отношении. Одним словом, Агриппа превзошел самого себя и сделал все возможное в угоду императору. Преклоняясь перед его расположением к нему и перед великодушием, с которым Агриппа в угоду ему принудил себя понести огромные, чрезмерные расходы, Гай, желая, в свою очередь, не отставать от Агриппы и вознаградить его чем-либо за доставленное ему удовольствие, разгоряченный и развеселившийся от вина, которое ему постоянно подливал Агриппа за обедом, воскликнул: «Я и раньше чувствовал честь, которую ты мне всегда оказывал, и знаю твою великую преданность мне, выражавшуюся тобой с личной опасностью при Тиверии. И теперь ты ни в чем не изменил своего ко мне отношения и стараешься даже выше сил своих выказать мне свою преданность. Поэтому я, счи-

тая. что было бы постыдно уступать тебе со своей стороны в подобном же рвении, желаю теперь наверстать упущенное. То, чем я до сих пор одаривал тебя, конечно, были сущие пустяки. Теперь я хочу доставить тебе от всего сердца и по мере сил моих все, что могло бы сделать счастье твое полным». Гай говорил таким образом, предполагая, что Агриппа попросит себе обширной земельной собственности или доходов с каких-либо городов. Хотя у Агриппы была уже вполне готовая просьба, однако он пока умолчал о ней, а тотчас ответил Гаю, что как в прежних его добрых отношениях к нему вопреки желанию Тиверия, так и в теперешнем его добром расположении к нему им, Агриппой, никогда не руководила мысль об извлечении для себя каких-либо выгод. То, что Гай дал ему раньше, уже является крупным вознаграждением, превосходящим всякие самые смелые надежды. «Даже если бы дары эти, — сказал он, — и были меньше, чем они есть, то и в таком случае они все-таки явились бы слишком большой наградой за мою любовь и заслуги перед тобой».

Гай был поражен этой скромностью и стал настаивать, чтобы Агриппа сказал ему, чего он желает. Тогда тот сказал: «Государь, так как ты столь милостиво считаешь меня достойным награды, то я не стану просить тебя ни о чем таком, что имело бы в виду мое обогащение; ведь я, благодаря твоему великодушию, и без того не беден. Поэтому я попрошу тебя о такой вещи, которая даст тебе славу человека благочестивого, которая побудит Предвечного быть твоим защитником во всех твоих начинаниях и которой я смогу стяжать себе добрую память у всех, кто о том узнает; могу ли я рассчитывать на исполнение с твоей стороны моего желания? Прошу тебя, откажись от мысли воздвигнуть твою статую в иудейском храме, как ты о том послал распоряжение Петронию».

8. Хотя Агриппа понимал всю опасность этой просьбы (если бы Гай не согласился на исполнение ее, то ему предстояла бы неизбежная смерть), однако он сознавал все значение ее и решил попытаться счастья. Гай был очарован любовью Агриппы, с другой стороны, не желал оказаться лжецом перед столькими свидетелями, видевшими, как он сам настаивал на просьбе Агриппы, и не хотел, чтобы эти люди подумали, будто он сейчас же раскаялся в своем решении.

Вместе с тем он изумился сдержанности Агриппы, который отстранил на задний план личное счастье в виде ли денежных доходов или другим каким-либо способом и выставил вперед лишь общее благо, сохранение законов и поклонение Предвечному. Поэтому Гай согласился на исполнение просьбы Агриппы и тотчас же отправил Петронию письмо, в котором похвалил его за набор войска и за то, что он послал к нему за советом, как поступит дальше. В письме этом между прочим было сказано:

«Если ты успел уже воздвигнуть мою статую, то пусть она стоит; если же ты не успел еще сделать это, то не забойся дольше о том, но распусти войско и вернись к тому делу, ради которого я тебя первоначально послал. Я не интересуюсь более постановкой статуи и делаю это в угоду Агриппе, человеку, которого я слишком высоко чту, чтобы мог отказать ему в какой-либо просьбе».

Это письмо Гай написал Петронию раньше, чем получил его донесение о том, что иудеи оказывают отчаянное сопротивление и открыто выражают намерение вступить в борьбу с римлянами. Получив это сообщение, Гай страшно разгневался, что иудеи дерзнули испытать его могущество. Он был вообще человеком, которому все было безразлично, который не останавливался ни перед чем, который, если озлоблялся против кого-нибудь, уже не знал никаких пределов, но находил удовольствие лишь в удовлетворении своей злобы. Поэтому он послал Петронию следующий ответ: «Так как ты оценил дары, преподнесенные тебе иудеями, выше моих приказаний и осмелился в угоду им послушаться моих повелений, то я повелеваю тебе самому быть своим судьей и решить, как тебе следует поступить, дабы почувствовать мой гнев. Я желаю, чтобы твоя судьба послужила уроком для всех в настоящее и будущее время, что нельзя не исполнять приказаний своего государя».

9. Такое письмо написал Гай Петронию. Однако последний не получил его при жизни Гая, так как путешествие тех, кому была поручена доставка этого письма, затянулось, и Петроний раньше получил другое письмо с известием о смерти Гая. Господь Бог не забыл об опасностях, которым добровольно подверг себя Петроний в угоду иудеям и во славу Божию, но дал ему удовлетворение тем, что в гневе своем низверг

Гая за его дерзкую попытку объявить себя божеством. Вместе с Петронием были довольны и Рим и вся империя, особенно же выдающиеся сенаторы, против которых необузданно свирепствовал Гай. Последний умер немного спустя после отправки Петронию письма с приказанием ему покончить самоубийством. О причине смерти Гая и о характере составленного против него заговора я поговорю впоследствии. Петроний сперва получил письмо, извещавшее его о смерти Гая, а немного спустя пришло то, в котором ему предписывалось покончить самоубийством. Он был доволен гибелью, постигнутою Гая, и изумлялся Провидению, которое вознаградило его так быстро за оказанное им Господу Богу почтение и за спасение храма и иудеев. Таким образом, Петроний избег, сам того не зная, смертельной опасности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Тем временем живших в Месопотамии и главным образом в Вавилоне иудеев постигло страшное, необычайное бедствие, выразившееся в том, что многие из них были перерезаны так, как раньше не бывало тому примера в истории. Чтобы в точности рассказать о всем этом, мне придется изложить причины, поведшие к такому несчастью. В Вавилоне находится город Наардея, крайне оживленный, обладающий отличной и обильной землей. Ко всем прочим преимуществам присоединялось еще и то, что там был избыток населения. Город этот недоступен врагам, так как река Евфрат со всех сторон окружает его и он, кроме того, защищен стенами. В таких же благоприятных условиях находится на той же реке город Низибис. Уповав на укрепленность своих городов, тамошние иудеи удерживали у себя двойные драхмы, которые закон предписывает отдавать Предвечному³⁸, равно как не посылали никаких других жертвенных даров и смотрели на свои города как на казнохранилища. Отсюда уже деньги при случае посылались в Иерусалим, причем огромные тысячные толпы людей сопровождали эту доставку денег из боязни перед грабежами парфян, которым Вавилония платила дань. В это время в Наардее жило два брата, Асиней и Апилей. Так как они (рано) лишились отца, то мать приучила их ткать, тем более что в этом, по поня-

тиям местных жителей, не было ничего позорного; у них мужчины даже прядут шерсть. Однажды мастер, у которого они учились, стал выговаривать им за их опаздывания на работу и затем подверг их телесному наказанию. Юноши приняли это за личное оскорбление, собрали все хранившееся у них в доме оружие и отправились в такое место, где река разделяется на два рукава; тут были отличные пастбища и множество хлеба, запасенного на зиму.

К ним собрались все негоднейшие юноши; им братья роздали оружие, сами стали во главе их и не переставали руководить ими при совершении всевозможных гнусностей. Уповая на недоступность своего убежища и соорудив себе укрепление, братья стали посылать товарищей к соседним пастухам с предложением выплачивать известную дань овцами, которые могли бы им служить пищей. При этом они обещали, в случае повинования, жить с пастухами в дружбе и ограждать их от всех врагов, откуда бы они ни явились, и угрожали перебить их стада в случае отказа. Так как при таких условиях не было выбора, то пастухи послушались и послали им столько скота, сколько те от них потребовали. Таким образом, силы юношей крепили, и они были в состоянии внезапными нападениями вредить кому угодно по личному своему усмотрению. Всякий, кто имел с ними дело, старался задобрить их, а они наводили страх даже на смельчаков. Молва о них дошла, наконец, до парфянского царя.

2. Тогда вавилонский сатрап, узнав об этом и желая подавить мятежников в самом корне раньше, чем они успели бы натворить бед, собрал возможно большее войско из парфян и вавилонян и ринулся на них, имея в виду нагрянуть на них врасплох, пока они еще не узнали о готовящемся на них походе. Он тихо оценил низменность и спокойно дождался следующего дня. То была суббота, когда иудеи отдыхают от трудов. Полагая, что враги в этот день не решатся вступить с ним в бой и что ему придется лишь схватить и перевязать их, он понемногу начал подвигаться вперед, имея в виду затем сразу неожиданно нагрянуть на них. В это время Асиной сидел со своими товарищами в стороне, причем оружие лежало вблизи их. Вдруг Асиной воскликнул: «Товарищи, до меня доносится конское ржанье, но не коней, которые пасутся на свободе, а таких, на которых сидят всадни-

ки; при этом я слышу лязг удил, боюсь, как бы враги не застали нас врасплох и не окружили нас. Пусть кто-нибудь выйдет вперед соглядатаем, чтобы принести точную весть о случившемся; я желал бы, чтобы мое предположение оказалось ложным».

Так он говорил, и немедленно некоторые из его товарищей пошли удостовериться. Впрочем, они весьма быстро вернулись и сказали: «Ты несколько не ошибся относительно действия врагов, которые более не желают, чтобы мы дольше издевались над ними. Они нас застали хитростью и теперь нагрянут на нас с такой огромной ратью, что перебьют нас как скот, причем мы оказываемся бессильными что-нибудь поделывать, так как наш закон повелевает нам воздерживаться от всякого труда в сегодняшний день». Однако Асиной не разделял мнения лазутчиков на этот счет, но считал более разумным мужественно нагрянуть на врагов, чем спокойно дать убить себя; поэтому он предпочел прибегнуть в такой крайности к силе, на которую его побуждали обстоятельства: он решился даже преступить закон и готов был в случае необходимости умереть. После этого он взялся за оружие и тем подал пример смелости и храбрости своим товарищам. Итак, они ринулись на врагов, перебили множество их, которые столь беспечно рассчитывали на легкую победу, и обратили в бегство остальных.

3. Между тем парфянский царь, получив известие об этом сражении и удивившись мужеству братьев, пожелал лично повидать их и поговорить с ними. Поэтому он послал к ним самого верного своего телохранителя со следующим поручением:

«Царь Артабан, хотя вы и позволили себе панести дерзкое оскорбление ему и его стране, готов, однако, подавить свой гнев ради вашей доблести; он прислал меня предложить вам вступить с ним в союз и с этой целью предоставляет вам безопасный проезд по всем его дорогам и просит дружественно явиться к нему без обмана и коварства. При этом он вам обещает подарки и такой почет, который вам при вашем теперешнем положении будет особенно полезен благодаря могуществу царя». Между тем, Асиной сам не решился ехать, а послал своего брата Анилея с дарами, какие мог набрать. Тот отправился и вскоре предстал перед царем. Артабан, увидав одного только Анилея, спросил его о причине отсут-

ствия Асиная. Узнав, что тот остался в своей низине из опасения, царь стал клясться всеми богами, что он никогда не обидит никого, кто явится к нему, полагаясь на его слово. При этом он протянул ему правую руку, что служит у всех варваров доказательством величайшего доверия. Никто из них, дав правую руку, никогда не счел бы себя вправе обмануть другого и никто не сомневается в своей безопасности, если получит это доказательство верности со стороны тех, кого он подозревал бы в желании причинить ему зло. Поступив таким образом с Анилеем, Артабан отослал его назад к брату для того, чтобы он уговорил его приехать к нему. Все это царь сделал, имея в виду воспользоваться доблестью этих иудейских братьев в свою пользу, а именно — думая сделать из них себе оплот против своих собственных сатрапий, которые уже возмутились или собирались возмутиться. В таком случае он думал выпустить их против сатрапий; с другой же стороны, он боялся, что, если будет принужден к войне против мятежников, Асиной и вавилоняне лишь укрепятся в своем могуществе, при первом слухе о войне сами начнут неприязненные действия и, в крайнем случае, не упустят возможности по мере сил разорить страну.

С такими расчетами Артабан отправил Анилея. Последний крайне убедительно рассказал брату о любезности царя вообще, в особенности же о данной им клятве. В результате оба поехали к Артабану.

Последний принял их с большим удовольствием и удивился Асиною, который выказал такое геройство духа, тогда как на вид был так мал и настолько ничтожен, что вызывал во всех чувство презрения. При этом царь сказал друзьям своим: «Он, очевидно, обладает душой гораздо более величественной, чем его тело». Во время пиршества царь указал на Асиная Авдагасу, начальнику своих телохранителей, и сказал, какой он славный герой и какую доблесть обнаруживает на войне. Однако Авдагас просил царя разрешить ему убить этого человека и тем воздать ему за все то зло, которое он причинил стране парфянской. На это царь ответил: «Не могу же я дать тебе такое разрешение по отношению к человеку, доверившемуся моему слову, человеку, которому, кроме того, я дал свою правую руку и которому поклялся именем богов. Но если ты толковый человек, то не заста-

вишь меня прибегнуть к нарушению клятвы и сам постарайся отомстить за попранную парфянскую страну. Поэтому, когда он поедет назад, ты напади на него и без моего ведома расправься с ним». На заре царь послал за Асинеем и сказал ему: «Юноша, теперь пора тебе вернуться восвояси уже для того, чтобы не возбудить в некоторых здешних полководцах зависти и не вызывать в них желания, помимо моего ведома, расправиться с тобой. Я тебе предоставляю вавилонскую область, дабы твоя заботливость оградила ее от грабежей и от всяких бедствий. Я считаю себя вправе видеть в тебе своего друга, так как я поклялся в своей верности, при этом ни в каких-нибудь мелких делах, а в серьезном вопросе, касающемся твоей личной безопасности». С этими словами он вручил ему дары и немедленно отпустил Асинея. По возвращении последнего на родину он принялся за сооружение крепостей и за укрепление запущенных местностей. Таким образом, он вскоре достиг большого могущества, какого раньше не достигал никто, кто собственной смелостью добился столь высокого положения. Также и парфянские полководцы, которые посылались в его распоряжение, весьма раболепствовали перед ним. Малым сравнительно с их почетом казался почет, который оказывали ему за его доблесть жители Вавилона. Таким образом, Асинея достиг величайшего могущества: все дела Месопотамии сосредоточились в его руках, и это счастье его длилось пятнадцать лет.

5. Несмотря на такую удачу братьев, в конце концов и их начали постигать бедствия, главным образом потому, что они обратили свою добродетель, при помощи которой достигли такой великой власти, в насмешку, решившись ради удовлетворения своих страстей и удовольствия преступить древние узаконивания. Дело в том, что в их страну прибыл некий парфянский военачальник; он привез с собой и жену свою, которая отличалась всевозможными прелестями и красотой своего стана вызывала всюду удивление. О красоте ее либо узнал, либо лично в ней убедился Анилей, брат Асинея; он в нее безумно влюбился и вместе с тем был в большом затруднении, так как у него не было никакой надежды овладеть этой женщиной иначе как силой; а с другой стороны, он никак не мог противостоять своей страсти.

Поэтому немедленно муж ее был признан врагом Анилея, и лишь только между ними произошел поединок, в котором, конечно, пал муж, женщина должна была насильно выйти за Анилея. Вместе с тем она вошла в дом братьев и принесла в одинаковой мере горе как Анилею, так и Асиною, и причиной этого послужило следующее обстоятельство. Когда она после смерти мужа была захвачена насильно, то принесла с собой также изображения богов, которых почитали она и ее муж. У жителей тех мест в обычае держать в домах божков и брать их с собой во время путешествий; так и она привезла их с собой по обычаю своей страны. Сперва она поклонялась этим божкам втайне, когда же стала женой Анилея, она стала по-прежнему почитать их и воздавать им те почести, которые воздавала при первом муже. Тогда наиболее приближенные к брату лица стали укорять Анилея, что он нарушает еврейские постановления и глумится над их законом, взяв себе в жены иностранку, которая отвергает жертвоприношения и установленное богопочитание. Пусть он смотрит, как бы ему в погоне за удовольствиями не пришлось потерять власть, которая теперь благодаря Господу Богу достигла такого значения. Однако они не только ничего не добились, но Анилей убил даже одного из наиболее почитаемых воинов за то, что он позволил себе слишком вольные речи. Умирая за законы, этот воин стал взывать к Богу о мести, которая должна была постигнуть Анилея и Асиenea, и просил послать остальным товарищам такой же конец от руки врагов. Такая месть должна была постигнуть братьев за то, что они подали пример беззаконий, товарищей же за то, что они не поддержали его и допустили такие его страдания за глумление над законом. Товарищи очень опечалились, но пока сдерживали себя, памятуя, что они достигли благополучия исключительно благодаря могуществу братьев. Когда же они услышали, что среди них происходит культ парфянских божеств, они не сочли возможным долгие допускать таких глумлений Анилея над законами. Поэтому они в громадном количестве явились к Асиною и громко требовали от Асиenea, чтобы он, если раньше не сумел соблюсти своих интересов, теперь, по крайней мере, вернулся на путь истинный раньше, чем его преступление станет причиной гибели как для него, так и для всех остальных. Затем они жаловались

на то, что брак его с этой женщиной заключен против их законов и обычаев, и говорили, что культ этой женщины направлен к обезещению Господа Бога.

Асинею и сам знал прекрасно, что преступление его брата является и явится причиной великих бедствий; впрочем, он ничего не сделал, уступая родственному чувству, против брата, который был охвачен такой сильной страстью. Но, когда ежедневно товарищи все в большом числе стали приставать к нему и все громче жаловаться на брата, он обратился к Анилею с соответственными представлениями и стал порицать его за прежние его поступки, потребовал прекращения этих безобразий на будущее время и велел отослать жену к ее родственникам. Однако он этим ничего не достиг; напротив, женщина, узнав, что народ волнуется из-за нее, и, боясь, как бы Анилей не пострадал из-за любви к ней, подсыпала Асинею в пищу яду и таким образом освободилась от этого человека. При этом она не беспокоилась о последствиях своего поступка, так как судить ее пришлось бы ее же сожителю.

6. Став, таким образом, единовластным правителем, Анилей задумал идти походом на некоего Митридата, человека, занимавшего в стране парфянской высокое положение, женатого на дочери царя Артабана. Это владение он подверг разграблению, причем захватил здесь массу денег, рабов, скота и многого другого, что может сделать жизнь человека приятной. Находившийся поблизости Митридат, узнав о захвате своих владений, страшно рассердился на то, что Анилей без всякого повода и невзирая на его высокое положение вздумал обидеть его; потому он набрал как можно более всадников, и притом наилучших, и явился во главе их, чтобы начать неприятельские действия против Анилея. Прибыв к одной из своих деревень, он расположился здесь на отдых, имея в виду на следующий день вступить в бой, так как следующий день была суббота, которую иудеи обыкновенно проводят в бездействии. Анилей узнал о том от некоего сирийца, жителя другой деревни; этот человек между прочим сообщил ему все в точности, а также указал ему место, где Митридат собирался ужинать; поэтому Анилей, накормив своих солдат заранее, ночью двинулся вперед в расчете застигнуть парфян врасплох. Около четвертой стра-

жи³⁹ он напал на врагов, когда те еще спали, перебил многих из них, а остальных обратил в бегство. При этом он захватил Митридата живьем, посадил его голого на осла и повез с собой, а это у парфян считается величайшим бесчестьем. Приведя его затем в таком жалком виде в лес, Анилей должен был приложить все старания отговорить товарищей своих, которые требовали смерти Митридата. Он указал им на то, насколько нехорошо убивать человека, занимающего у парфян столь высокое положение, притом особенно высокочтимого у царя благодаря родству с ним. Теперь дело еще возможно поправить, потому что если Митридат и подвергся оскорблению, то он все-таки будет относиться с благодарностью к тем, кто спас ему жизнь. Если же он подвергнется гибели, царь, конечно, не задумается устроить великую резню среди вавилонских иудеев. Последних, однако, следует пощадить как из родственных чувств, так и потому, что, если приключится какая-нибудь неудача, они лишатся последнего убежища, тем более что цвет иудейского юношества уже призван под знамена. Так рассуждал Анилей и убедил собрание, которое отпустило Митридата

Когда последний вернулся домой, жена встретила его упреками и спросила его, неужели он, зять царя, так спокойно отнесется к нанесенному оскорблению и не подумает отомстить обидчикам своим, удовлетворившись тем, что избег плена у иудеев. «Поэтому вернись теперь, — сказала она, — к своей прежней доблести, или я должна поклясться своими царственными богами, что перестану быть твоей женой». Тогда Митридат, не будучи в состоянии выносить изо дня в день постоянные глумления, а с другой стороны, зная гордость жены и боясь расторжения брака с ней, против воли и неохотно решился собрать по возможности большое войско и двинулся во главе его на врагов. При этом он решил скорее погибнуть, чем попасть в руки иудеев.

7. Когда Анилей узнал, что Митридат приближается к нему во главе огромного войска, он счел постыдным оставаться в своих низинах, а не выступить навстречу врагам. Поэтому он, полагаясь на прежние свои удачи, рассчитывал и теперь справиться с врагами и думал, что, по обыкновению, возбудит мужество своих воинов. Таким образом, он двинул вперед свою рать. К его войску пристали многие лица в рас-

чете поживиться на чужой счет во время грабежа; кроме того, эти люди думали устрашить врагов своим внешним видом. Они прошли около 90 стадий⁴⁰, причем путь их лежал по безводной местности, был полдень, и их страшно мучила жажда. Тут-то внезапно появился Митридат и нагрянул на них, истощенных жаждой и потому не бывших в состоянии в такую жару даже нести оружие. Началось постыдное бегство людей Анилея, так как им, утомленным, приходилось сражаться с бодрым неприятелем. Произошла страшная резня, и много десятков тысяч народа пало.

Анилей с трудом собрал остатки войска и спасся бегством в лес. Этим он доставил большую радость Митридату, который одержал такую победу. Впрочем, к Анилею вскоре собралось огромное количество всякого сброда, который несколько не дорожил своей безопасностью, но искал лишь минутной удачи. Конечно, эти люди несколько заполнили ряды его поредевшего войска, но они не могли сравниться с павшими благодаря своей полной неподготовленности; впрочем, он с ними нагрянул на вавилонские деревни и подверг их полному опустошению. Тогда вавилоняне и прочие участники войны послали в город Наарду к жившим там иудеям с требованием выдать им Анилея. Это было тщетное желание, потому что иудеи, даже если бы и хотели, не имели возможности выдать его; поэтому они предложили заключить мир. Так как и те желали мира, то они вместе с вавилонянами послали людей к Анилею для переговоров. Вавилоняне, лично осмотрев и изучив то место, где расположился станом Анилей, ночью тайно напали на опьяненных и покоившихся в глубоком сне врагов и без труда перебили всех и в том числе Анилея.

8. Таким образом, вавилоняне освободились от столь тягостного им соседа, который до сих пор служил им препятствием в их действиях против иудеев. С последними они всегда сильно ссорились вследствие разности религиозных установлений, и обе стороны старались делать друг другу неприятности. Поэтому теперь с гибелью Анилея вавилоняне набросились на иудеев. Последние боялись насилия со стороны вавилонян и, не будучи в состоянии оказать им сопротивление в открытом бою, а с другой стороны, считая невозможным жить с ними, ушли в Селевкию, один из наи-

более выдающихся городов, основанный Селевком Никатором. Население этого города составляют в большом числе македоняне, а еще в большем — греки; также имеется там значительное ассирийское население. В этот город бежали иудеи; тут они в течение пяти лет жили спокойно, на шестой же год в Вавилоне появилась среди них чума. Вследствие этого в Селевкию пришли новые иудеи. Их постигло тогда более крупное бедствие, о котором я сейчас расскажу.

9. Между греками и сирийцами Селевкии происходили постоянные споры и разногласия, причем, однако, победителями всегда оставались греки. Теперь же, когда в этот город переселились иудеи, перевес оказался на стороне сирийцев, потому что к ним примкнули иудеи, привыкшие к опасности и отличавшиеся также способностью воевать. Тогда греки, видя, что они в меньшинстве, и считая единственным средством к восстановлению своего прежнего значения по силе возможности разъединение иудеев и сирийцев, вступили в переговоры с теми сирийцами, с которыми они раньше были близки, и обещали им мир и дружбу. Те охотно на это согласились. Таким образом, обе стороны вступили в переговоры, которые вели наиболее выдающиеся представители той и другой партии. Вскоре состоялось полное соглашение. После этого, желая дать друг другу веское доказательство взаимной дружбы, они воспользовались ненавистью к иудеям, напали на них неожиданно и перебили свыше 50 000 человек. Таким образом, погибли все иудеи, кроме тех, кого спасли сострадательные друзья или кому дали возможность бежать близкие соседи. Беглецы направились в Ктесифон, город с греческим населением, недалеко от Селевкии. Тут царь обыкновенно проводил зиму, и здесь у него были собраны значительные запасы. Впрочем, и тут они не могли долго оставаться, потому что селевкийцы не питали никакого уважения к своему царю. Таким образом, все тамошнее иудейское население дрожало перед вавилонянами и селевкийцами, тем более что все жившие в тех местах сирийцы соединились с селевкийцами с целью истребить иудеев. Поэтому многие иудеи ушли в Наарду и в Низибис из-за безопасности в этих городах и руководствуясь тем, что там была сосредоточена масса воинов. Таково было положение вавилонских евреев.

КОММЕНТАРИИ

Глава первая

¹ Срв. «Иуд. войну», II, 8, 2–14. Тут особенно подробно говорится об ессеях. Впрочем, и в «Иуд. Дрвн.» XIII, 5, 9, автор останавливается на этих сектах.

² Срв. Жизнеописание Иосифа Флавия, 2, где автор сравнивает фарисеев с греческими стоиками. Иосиф так выражается во II кн. «Иуд. войны» о фарисеях: «Из двух первенствующих сект фарисеи славятся точнейшими толкователями закона и считаются основателями первой секты. Они ставят все в зависимость от Бога и судьбы и учат, что, хотя человеку предоставлена свобода выбора между честными и бесчестными поступками, в этом участвует предопределение судьбы. Души, по их мнению, все бессмертны; но только души добрых переселяются по их смерти в другие тела, а души злых обречены на вечные муки» (перев. Чертока, стр. 176). Срв. дельное примечание там же.

³ Однако проф. Д. Хвольсон доказал их огромное влияние на историю Христа. (О некот. средневеков. обвинен. против евреев, 2 изд. стр. 39–44.)

⁴ О взаимоотношениях саддукеев Флавий в «Иуд. войне» выражается следующим образом: «Фарисеи сильно преданы друг другу и, действуя соединенными силами, стремятся к общему благу. Отношения же саддукеев между собой суровее и грубее; и даже со своими единомышленниками они обращаются как с чужими». (Там же, стр. 177.)

⁵ Гораздо обстоятельнее об этой секте рассказано Флавием в указанном месте II кн. «Иуд. войны». Г. Черток (см. выше) пишет в примечании к данному месту следующее: «Несмотря на это сравнительное богатство материала и многочисленные исследования, посвященные европейскими учеными этому предмету (Систематич. указат. литературы о евреях отмечает четыре статьи об этом вопросе, №№ 7343–7346), вопрос о происхождении ессеев все еще остается не вполне разъясненным. Даже этимология и значение имени ессеев еще не окончательно установлены. Нет сомнения, что ессейзм получил свое начало в Палестине и вырос на почве иудаизма. Основные части его учения имеют свои корни в самом еврействе, и можно поэтому с большой вероятностью допустить, что ессейский орден образовался из среды тех «хассидеев», которые во время борьбы против эллинизма проявили такую замечательную энергию и такое редкое самоотвержение в деле защиты веры отцов. Нельзя, однако, не заметить в ессействе и некоторых посторонних элеме-

тов, чуждых еврейству и привившихся ему как будто извне. В особенности поражает обычай их обращаться утром с молитвой к солнцу. Отвержение брака и весь аскетический характер ордена также не совсем согласуются с воззрениями чистого иудаизма. Не без основания поэтому полагали, что эссеизм не чужд и некоторому внешнему влиянию. Сам Иосиф Флавий, как мы видели, проводит параллель между учением эссеев о бессмертии души и воззрениями греков на этот предмет; в другом же месте (Иуд. древн. XV, 10, 4) он прямо сопоставляет эссеизм с пифагореизмом. В действительности нельзя не заметить много сходного между обоими этими учениями. На это в особенности обратил внимание известный знаток греческой философии Эдуард Целлер (*Die Philosophie der Griechen, Teil III, Abth. 4, p. 277–338* третьего издания, и *Ueber den Zusammenhang des Essaismus mit dem Griechenthume* в *Theolog. Jahrbücher* 1856, стр. 401–433). Но Целлер заходит слишком далеко, если он почти весь эссеизм хочет вывести из пифагореизма. Можно согласиться, что эссеи кое-что восприняли из пифагореизма, но нет сомнения, что в основных своих чертах учение их опирается на еврейство». — «Безусловной ошибкой будет производить эссеизм исключительно от израильтва ветхозаветных пророков; но не менее неправильным будет мнение, будто эссеизм потому лишь явление не чисто иудейское, что на него оказывали воздействие парсизм и греческое мировоззрение. Именно два последних явления путем своего влияния превратили мир израильский в иудейский», — пишет Оскар Гольцман в своем сочинении «Падение иудейского государства» (только что вышедший русск. перевод, стр. 320).

⁶ Срв. Иуд. войну, II, 8.

Глава вторая

⁷ Битва эта произошла в 30 г. до Р. Хр.

⁸ В Новом завете он цитируется под именем Анны.

⁹ Эту Вифсаиду не следует смешивать с расположенным к западу от Генисаретского озера местечком того же имени; там родились апостолы Андрей и Петр.

¹⁰ По Моиссееву законодательству, такой поступок осквернял храм и всех пресбывавших в нем.

¹¹ Август здесь неправильно назван вторым императором. Очевидно, Флавий считает первым Гая Юлия Цезаря.

¹² Это неверно. Он был сыном Тиверия Клавдия Нерона и Ливии Друсиллы, которая впоследствии вышла за Августа, усыновившего своего пасынка, Тиверия.

¹³ Известный из Нов. зав. Кайафа, судивший Иисуса Христа.

¹⁴ Озеро поэтому получило название Тивериадского.

¹⁵ Срв. «Иуд. войну», IV, 1, 3, где эта деревня названа Аммаусом. «Веспасиан выступил из Аммауса, где стоял лагерь на виду Тивериады (слово Аммаус означает теплые купанья, по находящимся здесь теплым целебным источникам)...» Быть может, это *πάπ*, упоминаемое в кн. Иисуса Навина, XIX, 35.

¹⁶ Снежные горы Курдистана в северной Месопотамии.

¹⁷ Срв. Tacit. Ann. XII, 72. Германик, сын Друза, долго воевал с германцами на Рейне. Его популярность беспокоила Тиверию, который отдал приказ Пизону при случае умертвить молодого человека. Пизон был подчинен Германику, но не ладил с ним.

Глава третья

¹⁸ Около тридцати восьми верст.

¹⁹ Это самое знаменитое место Флавия. Подлинность его неоднократно подвергалась сомнению, так как казалось невероятным, чтобы такие слова мог произнести иудей, фарисей Иосиф Флавий. Вопрос о подлинности этого места, кстати, встречающегося во всех рукописях, породил целую литературу. Естественно, что повторения этой цитаты у отцов церкви (Евсевия, Иеронима, Оригена и др.) не могут еще служить убедительным доказательством ее подлинности. Некоторые ученые считают это место интерполяцией, другие видят в тексте умышленные искажения и добавления. К числу последних относится и Schürer, *Lehrbuch der neutestamentlichen Zeitgeschichte* и особенно Wieseler (*Jahrbücher f. deutsche Theologie* XXIII). В последнее время появилась в *Revue des études juives*, T. XXXV, № 69, обстоятельная об этом статья Рейнака, где собран обильный библиографический материал.

²⁰ Культ египетской Изиды довольно рано нашел распространение в Риме, где ему охотно предавались распущенные представительницы знати. По учению жрецов, бог Агубис иногда осчастливливал своим вниманием особенно ревностных служительниц богини.

²¹ Около 50 000 рублей на наши деньги.

Глава четвертая

²² Это было, следовательно, в 37 г. по Р. Хр.

²³ Срв. выше, кн. XV, 11, 4 (т. II, стр. 365–366).

Глава пятая

²⁴ Жены Ирода Великого и их потомство:

1. *Дорис* — у нее сын Антипатр.

Иудейские древности

II. Асмонеянка *Мариамна I*, у нее дети:

Александр	Аристовул (жена Береника)		Салампсио, Киприда
Александр, Тигран	Агриппа I,	Ирод,	Иродиада, Аристовул
Агриппа II, Друз, Береника, Мариамна, Друзилла	Аристовул (жена Саломия)	Иотапа	Антипатр, Ирод, Александр, Александра, Киприда
Ирод, Агриппа, Аристовул			

III. *Мариамна II*, дочь первосвященника Симона

Ирод (Бозт), женатый на Иродиаде

Саломия, замужем за а) Филиппом, за б) Аристовулом

IV. *Мальфака* из Самарии

Архелай, Тетрарх Галилейский Ирод, Антипас, женатый на дочери царя Арета, а затем на Иродиаде.	Олимпиада
	Мариамна

V. *Клеопатра* из Иерусалима

Филипп, тетрарх Трахонский	Ирод
----------------------------	------

VI. *Паллада*

Фасаил

VII. Дочь брата (бездетна)

VIII. Дочь сестры Саломии (бездетна)

IX. *Федра*

Роксана, замужем за племянником Ирода I, Феророю

X. *Эльпида*

Саломия, замужем за сыном Фероры, брата Ирода I

Глава шестая

²⁵ Старший, так наз. Клавдий Нерон Друз, был сыном Тиверия и Ливии и племянником того Тиверия, который впоследствии стал императором. Он совершал походы в Германии и умер 30 лет от роду. Жена его, известная под именем Antonia minor, родила ему двух сыновей, Германика и Клавдия, впоследствии ставшего императором, и Ливиллу. Младший Друз, или иначе Друз Цезарь,

был сыном Тиверия от первого его брака с Випсалией Агриппиной. Он женился на указанной выше Ливилле, которая впоследствии при помощи любимца императора, Сеяна, отравила его.

²⁶ Так назывались в греческих городах чиновники, на обязанности которых, подобно римским эдилам, лежал присмотр за рынками и взимание податей за доставляемые туда товары.

²⁷ Puteoli, ныне Pozzuoli, небольшой приморский городок к северу от Неаполя. Капрья теперь носит название Капри.

²⁸ Около 22 000 рублей на наши деньги.

²⁹ Впоследствии император, известный под именем Калигулы.

³⁰ То был знаменитый Германик.

³¹ Тас. ann. V, 3; VI, 25. Характеристика его там же, IV, 1.

³² Гальба был действительно римским императором в 69 г. до Р. Хр. Срв. Тас. ann. VI, 20.

³³ Собственно, третьим. См. выше, стр. 492.

Глава седьмая

³⁴ См. выше, стр. 512.

³⁵ Теперешний Лион.

³⁶ Срв. Suet. Cal. 23 sqq, 52; Dio Cass. 59, 13, 17.

Глава восьмая

³⁷ История посольства к Калигуле подробно рассказана Филоном в его сочинениях: *Adversus Flaccum* и *De legatione ad Gajum*.

Глава девятая

³⁸ Каждый совершеннолетний иудей должен был ежегодно на Пасхе доставлять в Иерусалимский храм полсикла (две драхмы), или 60 коп. на наши деньги.

³⁹ Между тремя и шестью часами ночи.

⁴⁰ 17 верст.

Книга девятнадцатая

Содержание:

1. О том, как император Гай Калигула был убит Кассием Хереей и как его дядя Клавдий по требованию войска принял бразды правления.

2. О раздорах между сенатом и народом, с одной стороны, и преданными императору войсками — с другой.

3. О посольстве царя Агриппы к сенату и о том, как примирившиеся с сенатом войска отправились к Клавдию и провозгласили его владыкой государства; о том, как покинутый сенат просил Клавдия о примирении.

4. О том, как император Клавдий вернул Агриппе полностью царство его отца и, кроме того, предоставил ему еще тетрархию Лисания.

5. Постановление императора Клавдия относительно александрийских и вообще всех живших в его империи иудеев.

6. Возвращение царя Агриппы в Иудею.

7. Постановление сирийского наместника Петрония в пользу иудеев.

8. О том, как царь Агриппа с большими запасами принялся восстанавливать стены Иерусалима, но не успел покончить с этим предприятием, так как его настигла смерть.

9. О том, что совершил Агриппа в течение 3-х лет до своей смерти и как он умер.

Содержание книги обнимает время в три года и шесть месяцев.

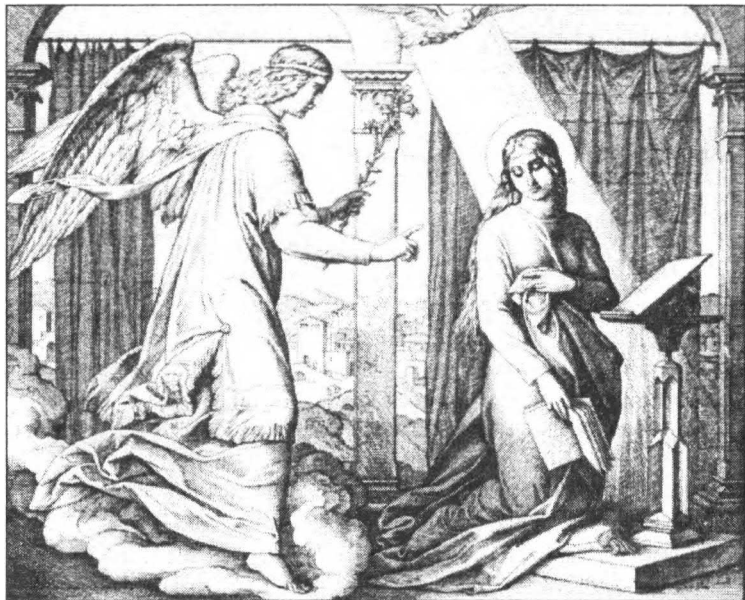
ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Император Гай не только выказывал сумасбродство относительно иерусалимских и прочих живших в тех местах иудеев, но и в своем безумии свирепствовал по всему протяжению Римской империи, на суше и на море, преисполняя мир тысячами таких бедствий, о которых никогда раньше не было слышно. Наиболее чувствовал его гнет город Рим, который он нисколько не выделял из числа прочих городов; тут он своевольно обращался со всеми гражданами и особенно с сенаторами, главным же образом с теми, которые принадлежали к числу патрициев и пользовались почетом за знатное происхождение. Он ревностно преследовал сословие

всадников, которые пользовались особенным почетом и значением благодаря своим деньгам и которые почитались одинаково с сенаторами; из числа их поэтому пополнялись члены сената. Этим людей он подвергал бесчестию и изгнанию, убивал их и присваивал их имущество. Вообще все эти казни в большинстве случаев имели в виду разграбление имущества казненных. Он требовал себе божественных почестей и желал, чтобы подданные его поклонялись ему как Богу. Придя в храм Зевса, который римляне называют Капитолием и считают наиболее священным капищем своим, он осмелился назвать Зевса братом. В прочих его поступках также сказывалось безумие. Так, напр., считая лишним проезжать на корабле от кампанского города Дикеархеи до другого приморского города Мисена и вообще признавая себя владыкой моря и земли и потому считая себя вправе требовать от них покорности, он соединил эти города, находящиеся на расстоянии тридцати стадий, мостом и оставил, таким образом, в стороне весь залив, и ездил по мосту в колеснице, утешая себя тем, что ему, как Богу, так подобает путешествовать. Он не оставил ни одного греческого храма без разграбления; везде, где находились какие-нибудь рисунки или изваяния, или утварь, он приказывал привозить все это к нему, говоря, что красивое обязательно должно находиться в красивейшем месте, а таким является город Рим. Похищенными таким образом вещами он украшал дворец и свои сады, а также свои многочисленные, рассеянные по всей Италии виллы. Он даже распорядился перевезти в Рим статую почитаемого греками Зевса Олимпийского работы афинянина Фидия. Впрочем, это намерение его не было приведено в исполнение, так как архитекторы сказали Манлию Регулу, которому была поручена перевозка статуи, что изваяние сломается, если его вздумают сдвинуть с места.

Говорят, что Манлий по этой причине, а также потому, что ему явились во сне необыкновенные знамения, отказался от своего намерения и написал Гаю извинение, что не может исполнить его поручение. В результате он, конечно, подвергся бы казни, если бы его не спасла неожиданная кончина Гая.

2. Сумасбродство императора достигло такой степени, что, когда у него родилась дочь, он снес ее на Капитолий и по-

Благовещение

ложил на колени статуи Юпитера, уверяя, что этот ребенок в одинаковой мере принадлежит как ему, так и Юпитеру, что у нее, значит, двое отцов и что он, Гай, поэтому оставляет вопрос открытым, кто из них обоих является более могущественным. Между тем, народ спокойно взирал на такие его поступки. Гай также позволил рабам выступать с какими угодно обвинениями против своих хозяев; конечно, все, что они говорили, было ужасно, потому что в угоду Гаю и по его понуждению ими возбуждались страшнейшие обвинения. Дело дошло даже до того, что некий раб Полидевк решился выступить с обвинением против Клавдия, и Гай не постеснялся явиться послушать судебное разбирательство по делу своего родственника; он питал даже надежду найти теперь предлог избавиться от Клавдия. Однако это дело у него не выгорело, ибо он преисполнил все свое государство наветами и злом, а так как он сильно восстановил рабов против господ, то теперь во множестве стали возникать против него заговоры, причем одни участвовали в них, желая отомстить

Возвешение пастухам о рождении Иисуса Христа

за испытанные бедствия, другие же считали нужным избавиться от этого человека раньше, чем он вверг бы их в большие бедствия. Поэтому смерть его была бы по законам всех народов всякому желательна, особенно же нашему народу, который чуть не погиб, если бы смерть Гая не наступила так быстро. Я желаю подробно рассказать о нем особенно потому, что этот рассказ должен возбудить во всех, которые находятся в каком-нибудь стеснении, большую уверенность во всемогуществе Божием и дать им утешение; для тех же, которые считают счастье вечным, даже если оно не связано с добродетелью, тут заключается предостережение.

3. Тремя способами собирались умертвить Гая, и в каждом из этих заговоров инициаторами являлись благородные мужи. Так, напр., Эмилий Регул, родом из иберийского города Кордубы, собрал товарищей, имея в виду либо при помощи их, либо самолично умертвить Гая. Во главе другой партии заговорщиков стоял трибун Кассий Херея; наконец, Аппий Минуциан был также готов покончить с этой тирани-

ей. Причиной их ненависти к Гаю являлись различные обстоятельства. Так, Регул был человеком весьма вспыльчивым и с ненавистью относившимся ко всему, в чем проявлялась несправедливость; в его характере вообще была решимость и любовь к свободе, почему он и не скрывал своих планов, о которых сообщил друзьям и другим людям, казавшимся ему достаточно решительными. Минуциан пришел к своему решению вследствие желания отомстить за близкого друга Лепида, одного из выдающихся граждан, которого казнил Гай. С другой же стороны, его побуждал страх за самого себя, так как Гай и ему, подобно другим, выразил свой гнев и намерение казнить его. Наконец, Херея был возмущен теми упреками в трусости, которые швырял ему в лицо Гай, а с другой стороны, несмотря на свое расположение и готовность служить ему, отлично сознавал, что каждый день приносит ему опасность; поэтому он не усматривал в убиении Гая постыдного поступка. Все эти заговорщики считали удобным сообщать о своих намерениях тем, которые видели безобразия Гая и после его смерти могли надеяться избежать затруднений. Они рассчитывали на вероятный успех своего предприятия и в этом случае считали большим преимуществом располагать таким количеством добрых товарищей, которые на благо города и государства не задумались бы рискнуть собой даже с возможностью собственной гибели. Главным образом эти желания ободряли Херею, который желал прославиться; с другой же стороны, ему, как трибуну, имевшему свободный доступ к Гаю, исполнение покушения представлялось менее затруднительным, чем другим.

4. В это время начались игры. Зрелище это особенно любимо римлянами, которые охотно стекаются в цирк и толпой приступают с просьбами о своих нуждах к императору. Последний не считает себя вправе отказывать им и всегда исполняет эти просьбы. И в этот раз народ приступил к Гаю с настоятельной просьбой об ослаблении поборов и облегчении бремени налогов. Гай не согласился, а так как народ слишком бурно выражал свои желания, он распорядился схватить крикунов и безотлагательно казнить их. Так велел Гай, и приказание его было исполнено; тут погибла масса народа. Чернь перестала кричать и в ужасе смотрела на это, убедаясь воочию, насколько легко их просьбы могут

повести к смерти. Между тем Херею все это побудило и еще более убедило в необходимости заговора и освобождения человечества от озверевшего Гая. Неоднократно собирался он покончить с ним во время пира, но каждый раз удерживался, не потому, что затруднялся его умертвить, но потому, что желал выбрать наиболее удачное время, чтобы наверняка привести в исполнение свой замысел.

5. Он служил уже продолжительное время, но общение с Гаем не доставляло ему ни малейшего удовольствия. Когда Гай поручил ему собирание податей и всяких недоимок императорской казне, которые успели с течением времени удвоиться, Херея не торопился с этим делом, слушаясь более своего сердца, чем приказаний Гая, а так как он жалел и щадил людей при взимании этих поборов, то возбудил против себя гнев Гая, и тот вследствие такого медленного собирания податей назвал его старой бабой. Император вообще глумился над ним и всякий раз, когда на его долю выпадала необходимость просить о назначении пароля, тот назначал слово «баба», делая к этому всевозможные позорные добавления. Все это Гай делал, хотя сам не был свободен от упрека в неких таинственных похождениях. Дело в том, что он облакался в женские одежды и выдумал своего рода прическу, причем вообще придавал себе вид женщины; несмотря на все это, он осмеливался называть Херею такими позорными именами. Всякий раз, когда Херее приходилось являться за паролем, у него вскипал гнев, особенно когда ему приходилось сообщать пароль войску, потому что тогда товарищи его смеялись над ним. Всякий раз, когда он являлся с докладом к императору, они рассчитывали на немалое удовольствие. Поэтому у Хереи, который был доведен в своем гневе до крайностей, окончательно созрела решимость наметить некоторых товарищей по заговору. Тут был некий Помпедий, имевший звание сенатора и прошедший почти все общественные должности; впрочем, он был эпикурейцем и вел праздный образ жизни. На него донес его враг Тимидий, будто он позволял себе неприличные отзывы о Гае; при этом он призвал в свидетельницы актрису Квинтилию, отличавшуюся большой красотой и имевшую множество поклонников, и в том числе Помпедия. Женщина эта отказалась лжесвидетельствовать против него и тем навлекла смерть на своего возлюбленного. Тогда Тимидий по-

требовал для нее пытки. Гай в иступлении приказал Херею немедленно пытаться Квинтилию; он охотно пользовался Хереей для приведения в исполнение смертных приговоров и вообще во всех тех случаях, когда требовалась известная жестокость. Он рассчитывал на особенную безжалостность Хереи, который, конечно, будет стараться избегнуть обвинения в слишком большой мягкости. Когда Квинтилию повели на пытку, она наступила на ногу одному из своих поклонников, побуждая его тем самым мужаться и не бояться за нее во время пытки, которую она собиралась перенести со стойкостью. Тогда Херея стал жестоко пытаться ее, правда, он делал это против воли лишь из необходимости, дрожа за самого себя. Затем, когда она все-таки ничего не сказала, он представил ее Гаю. Квинтилия своим истерзанным видом вызвала у всех присутствующих ужас. Сам Гай почувствовал при виде ее жалость, оправдал и отпустил ее и Помпедия, причем почтил ее даже денежным подарком в утешение за испытанные страдания и в награду за выказанную стойкость.

6. Этот случай расстроил Херею, как будто бы он добровольно причинял людям такие бедствия, которые вызвали сострадание даже у Гая; поэтому он сказал Клименту и Папинию, из которых первый был начальником стражи, а другой трибуном: «Мы, Климент, не можем упрекнуть себя, что не были на страже императора; из тех, которые составили заговор против его власти, мы, благодаря нашей предусмотрительности и старанию, одних казнили, других пытками привели в такое состояние, что они вызвали жалость даже у Гая; а кто станет упрекать нас в нашем отношении к войскам?» Так как Климент молчал, а с другой стороны, покрасневшее лицо его показывало, насколько он стыдился предписаний императора, но не решался в видах своей личной безопасности говорить о безумии тирана, Херея стал в своих речах смелее и без стеснения начал говорить с ним об ужасах, постигших город и всю империю. При этом он сказал, что Гая упрекают во всех этих позорных поступках. «Но, — сказал он, — те, кто ищет истины, могут убедиться, что я и Климент, а также Папиний и более нас другие нанесли римлянам и всему человечеству ужасные удары, причем поступали так не по приказанию Гая, но по собственному своему желанию. Хотя теперь было бы время покои-

читать нам с жестокостями по отношению к нашим согражданам и подчиненным, мы служим в качестве палачей вместо того, чтобы быть воинами, носим оружие не за свободу и за власть римлян, но на благо человека, который поработает тела и души. При этом мы ежедневно обагрям себя кровью убийства и пытки этих людей до тех пор, пока кто-нибудь по приказанию Гая не поступит точно так же и с нами. И несмотря на все это, Гай не относится к нам с расположением, но скорее с подозрительностью, невзирая на множество принесенных ему нами человеческих жертв. Гай никогда не успокоится, потому что он ищет не справедливости, но наслаждения. Мы сами испытываем это на себе, тогда как нам бы следовало заботиться об общем благе и свободе и ограждать себя от всяких опасностей».

7. Климент, очевидно, отнесся сочувственно к мыслям Херея, но советовал ему молчать, чтобы эти речи не проникли в народ, указывая на то, что если распространятся об этом слухи раньше исполнения его и узнают о заговоре, то они будут подвергнуты смертной казни; следует все предоставить времени и связанным с ним надеждам, потому что счастье неожиданно улыбнется им. Сам он, конечно, слишком стар, чтобы идти на такие рискованные предприятия. «Конечно, — сказал он, — я сумел бы противопоставить твоим намерениям и речам нечто более безопасное, но кто бы мог выставить против них что-либо более благородное?» Затем Климент удалился в смущении от всего слышанного и сказанного. Между тем Херея испугался и поспешил к Корнелию Сабину, который также был трибуном. Он вообще знал его за порядочного человека, любившего свободу и потому враждебно относившегося к настоящему положению вещей. Он желал немедленно сообщить ему свои планы и побудить его к исполнению их, так как опасался болтовни Климента, а с другой стороны, ему надоела постоянная неизвестность и откладывание.

8. Сабину все это понравилось, тем более что он и раньше был того же самого мнения и лишь потому молчал, что у него не было никого, с кем бы он мог безопасно поделиться своими мыслями. Теперь же, когда он нашел человека, который не только был готов молчать о слышанном, но и вполне разделял его мнение, он воспрянул духом и стал уговаривать Херею отнюдь не откладывать дела. Поэтому

они отправились к Минуциану, человеку, не уступавшему им в доблести и одинаково с ними великодушному.

Этот Минуциан возбуждал в Гае подозрение после казни Лепида. Дело в том, что Минуциан и Лепид были очень дружны между собой, тем более что их связывал постоянный страх за свою безопасность. На всех занимавших высокое общественное положение Гай наводил ужас, так как не переставал свирепствовать против каждого из них. Такие люди отлично знали, насколько каждый из них страдает при настоящем положении дел, но от общения друг с другом и от выражения своего настроения и ненависти к Гаю их удерживала боязнь за свою личную безопасность. С другой же стороны, они отлично понимали всеобщую ненависть к Гаю и потому не переставали дружественно относиться друг к другу.

9. И вот, когда эти три человека сошлись вместе, они поздоровались, причем по обыкновению, как и раньше, предоставили Минуциану первенство за его высокий сан, за то, что он был одним из выдающихся граждан и пользовался общей популярностью; так они поступали и раньше, особенно когда Минуциану приходилось говорить. Теперь Минуциан ласково спросил Херею, какой пароль назначил ему император на этот день. Весь город отлично знал, каким глумлениям подвергался Херея при назначении пароля. При этом ласковом обращении тот не желал более медлить и ответил Минуциану, что благодарит его за доверие и относительно этих вопросов желает поговорить с ним как с другом.

«Ты мне, — сказал он, — даешь теперь пароль свободы, и я тебе благодарен, что ты тем самым окончательно и всецело разбудил меня от сна, в который я был погружен. Я не нуждаюсь в длинных речах, которые возбудили бы мое мужество, раз ты того же взгляда на вещи, что и я; если мы были сообщниками раньше, то с тем сошлись сюда и сейчас; я опоясан лишь одним мечом, но этот меч будет достаточен для двоих; поэтому примемся за дело; будь ты руководителем, приказывай, и я пойду куда ты захочешь; или же я сам при твоей помощи и твоём содействии возьмусь за дело. Люди, которые вносят в дело душу, не нуждаются в железе; благодаря этой душе их и железо становится страшнее; я готов действовать, и меня не пугает представление о возможных моих страданиях; мне нет времени думать о своей личной опас-

ности, когда приходится оплакивать рабство моего столь свободного некогда отечества, когда нужно плакать о попираемых законах и когда приходится оплакивать всех людей, падающих от руки Гая. О, если бы я удостоился в настоящую минуту найти в тебе верного судью, который смотрит на дело моими глазами и который меня не осудит!»

10. Минуциан отлично понял смысл этих слов, с радостью заключил Херею в объятия и тем самым укрепил его в его решимости. Затем он открыто похвалил его и, обняв еще раз, отпустил со всевозможными благопожеланиями.

Некоторые уверяют, будто Херея был укреплен в своем намерении еще следующим случаем: дело в том, что, когда он раз входил в здание совета, из толпы раздавался голос, побуждавший его исполнить предприятие и полагаться на Божество. Сперва Херея испугался, подозревая, что кто-либо из заговорщиков изменил и что теперь он будет схвачен. Однако в конце концов он убедился в том, что этот призыв обещает ему удачу, так как в нем сказывалось либо одобрение со стороны одного из товарищей, либо действительно Божество, взирающее на все человеческие дела, этим побуждало его не терять мужества. Между тем, слух о заговоре распространился среди многих, и все эти люди — сенаторы, всадники и простые воины — вооружились; не было вообще никого, кто бы не считал умерщвление Гая великим счастьем. Вследствие этого все, кто как мог, старались не только не отставать друг от друга в доблести, но по силе возможности от всего сердца словом и делом способствовать убиению тирана. Даже Каллист принадлежал к числу заговорщиков. Это был вольноотпущенник Гая, человек, достигший величайшей власти, почти такой же, как сам тиран, потому что все его боялись, между прочим, из-за его огромного богатства; он брал крупные взятки и позволял себе величайшие несправедливости, злоупотребляя властью и отлично зная непримиримую натуру Гая, который никогда не отступал от раз принятого намерения. Он также знал, что имеет много разнообразных причин бояться за свою личную безопасность; особенно тут играло роль его несметное богатство. Поэтому он сблизился с Клавдием и тайно примкнул к нему в надежде, что после смерти Гая власть должна же будет перейти к Клавдию и что он тогда благодаря своему влия-

нию достигнет у него подобного же почетного положения, особенно оттого, что заранее успеет доказать ему свою благодарность и расположение. По крайней мере, он позволил себе сказать Клавдию, будто Гай приказал ему отравить его, но будто он, Каллист, придумал различные способы уклониться от этого. Мне же кажется, что Каллист выдумал все это, чтобы заслужить расположение Клавдия, так как если бы Гай действительно решил избавиться от Клавдия, он не остановился бы перед отговорками Каллиста, да и Каллист, получив такое приказание, исполнил бы его: нарушая предписания своего государя, он бы сам немедленно подвергся наказанию. Я полагаю, что Клавдий избег безумства Гая лишь по воле Предвечного, Каллист же приписал себе заслугу, на которую не имел ни малейшего притязания.

11. Между тем, благодаря нерешительности большинства заговорщиков, планы Хереи отлагались со дня на день. Сам Херея неохотно соглашался на такую проволочку, считая всякую минуту удобной для этого. Такой случай представлялся, напр. неоднократно, когда Гай ходил на Капитолий, чтобы принести жертвы за дочь свою. Тут нетрудно было сбросить его с высокой крыши на площадь, когда он стоял на этой крыше и кидал народу золотые и серебряные монеты, также нетрудно было покончить с ним во время введенных им мистерий, он ведь заботился только о том, чтобы все было устроено как можно лучше и совершенно не верил, что кто-нибудь мог предпринять против него что-либо. Если даже не было доказательств тому, что боги внушат Херею мысль покончить с Гаем, у него самого было достаточно силы и без оружия расправиться с ним. Поэтому Херея сердился на своих товарищей по заговору, боясь, что они упустят удобный случай. Те должны были согласиться, что Херея прав и вполне основательно требует большей поспешности, но, с другой стороны, они просили его повременить еще немного, чтобы в случае, если бы предприятие постигла неудача, город не был приведен в замешательство тем, что начнут ловить соучастников преступления и тем отнимут у заговорщиков всякую возможность действовать, так как Гай будет им тогда недоступен. По их мнению, было бы лучше взяться за дело во время Палатинских игр. Эти игры установлены в честь первого императора, присвоившего себе власть, и тут присутствуют,

кроме самого императора, римские патриции с детьми и с женами, причем недалеко от царской ложи для них сооружается особая трибуна. Итак, заговорщики полагали, что в присутствии такой массы зрителей, собранных на столь небольшом пространстве, им нетрудно будет совершить покушение на Гая, когда он войдет в театр. Даже его телохранители, если бы и пожелали, не смогли бы оказать ему в этом случае помощь.

12. Так спешил Херея и, когда наступили игры, решил в первый же день привести в исполнение свое намерение; однако сильнее его была судьба, которая потребовала отсрочки. Таким образом, прошли первые три дня праздников, пока наконец на четвертый и последний дело было приведено в исполнение. Херея созвал своих товарищей и сказал им: «Уже много времени прошло, и это заставляет нас стыдиться, что мы в своем намерении были так долго нерешительны. Ужасно будет, если произойдет донос, который заставит рухнуть все наше дело и побудит Гая к еще большим насилиям; разве мы не видим, что отнимаем от свободы столько же дней, сколько мы потворствуем тираническому правлению Гая? Разве мы не должны на будущее время обезопасить себя и тем самым, дав остальным людям залог счастья, на веки вечные снискать себе удивление и всеобщий почет?» Но так как те не умели на это ничего ответить и все-таки не решались взяться за дело, молчали и, видимо, были поражены, он сказал: «Чего же мы, друзья, медлим? Разве вы не видите, что сегодня последний день игр и что Гай собирается совершить морское путешествие?» Дело в том, что император готовился отплыть в Александрию, чтобы посетить Египет. «Красиво будет, если мы при громе рукоплесканий римлян выпустим из рук своих этого безобразника для того, чтобы он с торжеством объезжал земли и моря; разве мы не испытаем справедливого стыда, если его умертвит какой-нибудь египтянин, который не сочтет возможным допустить его издевательство над свободнорожденными людьми? Я более не в состоянии выносить вашу медлительность и поэтому еще сегодня приступлю к своему предприятию, будучи готов с удовольствием снести все его последствия, которым в случае необходимости охотно подвергнусь. Что могло бы меня, разумного человека, более обидеть, если бы на моих глазах кто-либо другой покончил с Гаем и этим лишил меня моей славы?»

13. Сказав это, он не только еще более возгорел желанием осуществить свое дело, но возбудил и в остальных решимость, так что у всех возникло желание, не откладывая, осуществить предприятие.

С раннего утра, опоясавшись (коротким) всадническим мечом, Херея явился во дворец. Таков уж был обычай, что трибуны в подобном вооружении являлись к императору за паролем. В этот день именно на долю Хереи выпала очередь принять пароль. Народ в большом множестве с громким криком и толкотней уже стекался к театру, чтобы записаться местами на зрелище. Между тем, Гай с удовольствием смотрел на эту толпу и нарочно распорядился не оставлять свободных мест ни для сенаторов, ни для всадников. Все садились попеременно: мужчины рядом с женщинами и рабы рядом со свободными гражданами. Между тем для Гая был оставлен свободный проход. Он стал приносить жертву в память Цезаря-Августа, в честь которого и были установлены эти игры. Случилось так, что при падении одного из жертвенных животных была совершенно забрызгана кровью одежда сенатора Аспрена. Это обстоятельство вызвало смех Гая, но для Аспрена являлось, очевидно, дурным предзнаменованием. Дело в том, что он был убит вместе с Гаем. Вообще рассказывают, что Гай в этот день вопреки своему обыкновению был особенно обходителен и настолько ласков и доступен, что все видевшие это были поражены. После совершения жертвоприношения он направился к своему месту и сел там, окруженный наиболее выдающимися из приближенных. Театр, который вновь ежегодно сооружался, был следующего устройства: он имел два выхода, из которых один вел на улицу, а другой оставлял открытыми вход и выход к портику, дабы находившиеся внутри зрители не подвергались стеснению; здесь же был выход для актеров и для музыкантов, которые могли удаляться в особое отдельное для них помещение.

И вот, когда толпа уселась по своим местам, а Херея со своими трибунами поместился недалеко от Гая, который занимал правую сторону театра, Ватиний, один из сенаторов и бывший претор, спросил сидевшего рядом с ним консулара Клувия, не слышал ли он чего-нибудь нового. При этом Ватиний нарочно говорил так тихо, чтобы никто другой не расслышал его слов. Когда сосед ответил на это отрицатель-

но, Ватиний сказал: «А между тем, Клувий, имеется в виду представить убийство тирана». На это Клувий отвечал: «Помалкивай, милый друг, дабы кто из ахеев не услышал твоего слова»¹. Затем стали кидать на зрителей огромное количество редких фруктов и разных дорогих и редких птиц; Гаю доставляло удовольствие смотреть на борьбу и драку, происходившую из-за них среди зрителей. Тут произошло два обстоятельства, которые могли заключать в себе дурное предзнаменование, а именно: началось представление пьесы, в которой подвергался казни на кресте атаман разбойничьей шайки, а затем давалась пьеса, представлявшая историю Кинира. В этой пьесе умирали как сам Кинир, так и его дочь Мирра². Как во время казни разбойника, так и при умерщвлении Кинира было пролито много искусственной крови. Рассказывают, что в этот же самый день некогда случилось убийство македонского царя Филиппа, сына Аминта, Павзанием, одним из его товарищей, в то время, когда Филипп входил в театр³. Между тем Гай был в нерешимости, оставаться ли ему до конца игр в театре, так как то был последний день, или же пойти выкупаться и позавтракать, а затем вернуться назад. Тогда сидевший выше Гая Минуциан, опасаясь, как бы опять попусту не было потеряно время, и видя, что Херея встал и пошел к выходу, поспешил к нему, чтобы ободрить его, но в эту минуту Гай любезно удержал его снизу за одежду, спросив: «Куда же ты, милейший?» Тогда Минуциан, по-видимому, из уважения к императору, сел на свое место (на самом же деле он испугался), а немного спустя опять поднялся. Теперь уже Гай не препятствовал его уходу, полагая, что это обуславливается необходимостью. Между тем Аспрен, который также участвовал в заговоре, стал советовать Гаю по примеру прошлых дней пойти выкупаться и позавтракать, а затем уже вернуться. Этим он думал ускорить исполнение задуманного плана.

14. Херея со своими товарищами стали на известных пунктах, и каждый должен был стараться по мере возможности не покидать своего места. Между тем они тяготились проволочкой и постоянным откладыванием дела, тем более что наступил уже девятый час дня⁴. При нерешимости Гая Херея уже был готов броситься в его ложу и покончить с ним. Однако он понимал, что тут должно произойти боль-

шое кровопролитие, так как было палицо такое количество сенаторов и всадников; вместе с тем он был готов рискнуть всем, считая, что общая безопасность и свобода не будут куплены слишком дорогой ценой, даже если будет перебито столько народу. И вот поднялся шум, потому что Гай встал со своего места. Народ столпился у входа в театр, однако заговорщики стали отгонять и оттеснять народ, уверяя, что такое скопление рассердит Гая, на самом же деле потому, что желали наверняка совершить покушение и для того должны были по возможности удалить от Гая его защитников. Впереди Гая шли его дядя Клавдий, его зять Марк Виниций и Валерий Азиатик, которых по их высокому положению никоим образом невозможно было разлучить с императором; за ним следовал сам Гай с Павлом Аррунцем.

Когда он вошел во дворец, то миновал главный вход, где были выстроены прислуживающие ему рабы и через который прошли Клавдий и его товарищи, и свернул в узкий и темноватый проход, ведущий в ванную комнату. Тут он вместе с тем хотел взглянуть на мальчиков, прибывших из Азии, которые должны были во время устраиваемых им мистерий петь гимны или выступать в театре в качестве танцовщиков. Здесь его встретил Херея и просил у него пароль; когда же тот ему опять ответил насмешкой, Херея не задумываясь произнес проклятие по адресу Гая, извлек меч и нанес ему жестокий, впрочем, не смертельный, удар. Некоторые говорят, будто Херея умышленно не покончил с Гаем одним ударом, но хотел наказать его, нанеся ему целый ряд ран. Однако такой взгляд мне кажется невероятным, потому что в таких случаях страх не оставляет времени для размышлений; если Херея действительно имел в виду это, я считал бы его величайшим глупцом, который охотнее желал удовлетворить свой гнев, чем освободить себя и своих товарищей сейчас же от грозивших всем им опасностей. Ведь много было способов оказать Гаю помощь, если бы тот не умер тотчас же; в таком случае Херея, значит, думал не о том, чтобы отомстить Гаю, но о том, чтобы наказать себя и товарищей, если бы он напрасно загубил себя и потерял время; между тем при удобном исходе он втихомолку мог избежать преследования стражи, причем раньше было совершенно неизвестно, насколько все это кончится удачно. Впрочем, предоставляю судить об этом каждому по

его желанию. Между тем Гай, терзаемый болью (меч проник между плечом и горлом, и его остановила на пути ключица), даже не вскрикнул в первую минуту и не позвал никого из друзей своих, потому ли, что он не доверял им, или просто потому, что не догадался. Застонав от страшной боли, он сделал попытку к бегству. Тут его встретил Корнелий Сабин, который уже приготовился к этому. Он толкнул его, Гай упал на колени, и тут по данному знаку заговорщики окружили его и стали рубить его мечами, ободряя друг друга. Известно, что последний, окончательно смертельный удар нанес ему Аквила. Однако Херею нужно рассматривать как настоящего виновника всего дела; если он привел свой план в исполнение в сообщничестве со многими, он был все-таки первым, который задумал это дело; он раньше всех других приступил к его осуществлению, первый смело решился говорить с остальными об этом; когда же они выслушали его призыв к покушению, он собрал заговорщиков отовсюду, везде являлся со своим советом и не только всюду достигал успеха, где он действовал путем убеждения; своими умелыми речами он убедил всех, даже нерешительных людей; когда же наступил момент действовать, то и здесь он был первым, который взялся за дело, произвел покушение и нанесением смертельного удара Гаю облегчил задачу остальным. Вследствие этого мы по справедливости должны приписать рассудительности, доблести и отваге Хереи все то, что было сделано остальными.

15. Убитый таким образом Гай лежал на полу, покрытый множеством ран. Когда товарищи Хереи покончили с Гаем, то поняли, что им невозможно спастись тем же путем, каким они пробрались во дворец; с другой стороны, они ужаснулись своего поступка, потому что убийство императора было связано для них с большой опасностью, ввиду того, что он был почитаем и любим безрассудной толпой и солдаты, отыскивая его, не оставили бы этого деяния без кровавой мести; с другой же стороны, коридор, в котором они совершили покушение, был узок и вблизи находилась большая масса прислуги, равно как те солдаты, на долю которых в этот день выпало охранять особу императора. Поэтому они избрали другие пути и проникли во дворец отца убитого Гая, Германика. Этот дом был связан с дворцом, так как собственно весь дворец составлял одно собрание различных пристроек, сооруженных разными правителями, дававшими каждой пристройке свое

имя, либо по готовому зданию, либо по начатому. Таким образом, заговорщики избегли ярости толпы и пока находились в безопасности: бедствие, постигшее императора, не получило еще огласки. Весть о смерти Гая дошла впервые до германских телохранителей, называющихся так по народу, из среды которого набираются. Из них же набирается так называемый кельтский легион. Эти варвары легко раздражаются; этим они походят на некоторые варварские племена, отличающиеся недостаточной рассудительностью в своих поступках. Обладая страшной физической силой, они всегда совершают первый натиск на тех, которых считают врагами, и нередко пользуются успехом.

Когда они узнали об умерщвлении Гая, то страшно опечалились, впрочем, не потому, что подумали о том, что здесь произошло нечто недоблестное, но только оттого, что вспомнили о своей выгоде: Гай пользовался у них большой популярностью, успев снискать расположение их денежными подарками. Извлеки меч, они под предводительством Сабина, который был трибуном их не вследствие доблести или знатного происхождения (он был гладиатором), но сумел своей огромной физической силой снискать власть над этими людьми, бросились по всему зданию разыскивать убийц императора. Сперва им попался в руки Аспрен, которого одежда, как я выше рассказал, была забрызгана кровью жертвенного животного, что было дурным предзнаменованием. Его они искрошили на мелкие куски. Вторым попался им Норбан, один из благороднейших граждан, считавший в числе своих предков целый ряд полководцев. Так как они не обратили внимания на его сан и набросились на него, то Норбан, отличавшийся значительной физической силой, выхватил меч у первого попавшегося германца и нанес ему удар, тем самым показывая, что недешево продаст им свою жизнь. Однако массой нападавших он был наконец сбит с ног и пал, весь покрытый ранами; третьим попался им в руки Антей, один из сенаторов. Впрочем, германцы схватили его не случайно, как двух предшествующих лиц: ненависть к покойному Гаю, любопытство и желание убедиться в его смерти понуждало его проникнуть во дворец. Дело, в том, что Гай не только не удовлетворился тем, что присудил к изгнанию его отца, которого тоже звали Антеем, но еще подослал

солдат убить его. Итак, Аптей явился сюда, чтобы испытать удовольствие от личного созерцания убитого. При суматохе, охватившей всех, он захотел спрятаться, но не избег германцев, которые в поисках убийц одинаково свирепствовали как над виновными, так и над невинными.

16. Таким образом погибли эти люди. Когда в театр пришло известие о смерти Гая, всех охватило смтение и недоверие. Одни с удовольствием приняли весть о его гибели и считали ее великим для себя счастьем, но не верили ей из страха. Были и такие, которые, не желая подобного конца Гаю, не могли поверить этому и никак не хотели свыкнуться с фактом, так как не считали возможным, чтобы какой-нибудь человек мог решиться на столь смелый поступок. К числу последних относились женщины, молодые люди, многие рабы и некоторые воины. Солдаты эти получали от него плату, поэтому поддерживали его тиранические наклонности, потворствовав его насилиям и, умерщвляя наиболее видных граждан, тем добивались личного почета и всяких выгод. Женщины и молодежь, как это обыкновенно бывает, увлекались даровыми зрелищами, гладиаторскими боями и массовыми истреблениями (зверей), которые производились как будто в угоду народу, на самом же деле служили лишь к удовлетворению сумасбродной жестокости Гая. Рабы получили при нем возможность обвинять своих господ и глумиться над ними, находя при каждом случае поддержку в самом императоре. Даже если они решались на ложные доносы на своих господ, им довольно легко верили; при этом нужно было лишь указать на денежные средства господ, и тогда рабы-доносчики получали не только свободу, но и вознаграждение за свои доносы, так как им полагалась за это восьмая часть всего имущества оклеветанных. Что же касается, наконец, патрициев, то, хотя многие из них и верили слуху об этом, так как, с одной стороны, знали о заговоре, с другой же, страстно желали умерщвления Гая, они, однако, должны были при этом известии либо молча скрывать свою радость, либо подавать вид, будто совсем не слышат, о чем идет речь: одни боялись, как бы упования их не оказались ложными и как бы их не постигла кара, если они без стеснения выкажут таким образом свой взгляд на вещи; другие, хотя и были вполне уверены в справедливости слухов, однако, будучи соучастниками

заговора, тем более хранили молчание, не зная настроения других лиц; при этом были и такие, которые боялись сказать что-либо лишнее людям, извлекавшим личную выгоду из тиранического правления Гая: они опасались доноса и наказания, если бы Гай остался в живых, так как (по городу) распространился слух, будто Гай только сильно ранен, не умер, но остался жив и находится на попечении врачей. Таким образом, никто никому не мог довериться и смело высказать свое мнение. Если собеседник был другом (Гая), то возникало подозрение, что он загубит вследствие своей приверженности к тирану, если же ненавидел императора, то его боялись и не верили ему именно в силу этой ненависти. Некоторые лица стали распускать слух (этим они особенно разочаровали и убивали патрициев), будто Гай, невзирая на опасность и не думая о своих ранах, явился, как был, залитый кровью, на форум и там говорит с народом. Впрочем, эти слухи распространялись лишь теми людьми, которые старались посеять смуту и желали угодить всяким партиям. Между тем, однако, никто не покидал своего места, боясь, что, если уйдет, навлечет на себя ответственность: всякому приходилось опасаться, что его осудят не за действительный образ мыслей, но за то, что пожелают приписать ему обвинители и судьи.

17. Когда же толпа германских телохранителей с мечами наголо окружила театр, все зрители подумали, что настали их последние минуты. При каждом появлении германца они содрогались, как будто бы уже началась резня. Люди были в полном отчаянии, не смея удалиться из театра, а с другой стороны, видели, что дальнейшее их пребывание там связано с большой опасностью. Когда же германцы действительно ворвались в театр, поднялся крик и вопль; стали умолять воинов о пощаде, указывая на то, что преступление было совершено без ведома здесь собравшихся и что никто не знал о возмущении, если таковое действительно имело место. Поэтому их следует, вопили они, пощадить, не наказывать ни в чем не повинных людей за чужое преступление и стараться разыскать настоящих виновников того, что случилось. Таким и подобным образом, с воплем и отчаянием призывая и умоляя богов, кричали люди ввиду близкой опасности и видя неизбежность смерти. Гнев воинов смягчился при этом, и им стало жаль своего намерения относительно собравшихся в

театре зрителей. Несмотря на всю свою озверелость, германцы, наконец, сами поняли жестокость, после того как они возложили головы Аспрена и павших вместе с ним на алтарь (в театре). Однако зрители при этой картине еще более содрогнулись, видя, что тех не спасло их высокое общественное положение. Им особенно стало жаль их, так как и сами они вскоре могли подвергнуться такой же печальной и опасной участи, причем оставалось совершенно неизвестным, удастся ли им в конце концов избежать этой участи. Таким образом даже те, которые от всей души и справедливо ненавидели Гая, были теперь лишены возможности радоваться постигшей его судьбе, так как они сами подвергались опасности погибнуть и у них не было никакой уверенности, что при теперешних обстоятельствах им удастся избежать как-нибудь этой своей гибели.

18. В то время жил в городе Еварест Аррунций, по профессии аукционный глашатай. Благодаря последнему обстоятельству он отличался громовым голосом. Кроме того, он был одним из самых богатых римлян и поэтому имел возможность как теперь, так и впоследствии приобретать какие угодно имущества в городе. Хотя он и ненавидел Гая всей силой души, однако страх за свою личную безопасность и боязнь лишиться жизни при выражении своего удовольствия в настоящую минуту побудили его прибегнуть к хитрости. Он притворился в высшей степени опечаленным, надел на себя траур, как будто потерял кого-либо из самых дорогих ему людей, и явился в театр, где со слезами объявил о смерти Гая. Этим самым он положил конец общей неизвестности по поводу случившегося. Вскоре прибыл и (Павел) Аррунций, за которым послали. Он немедленно отозвал германцев, а сопровождавшие его трибуны приказали им вложить мечи в ножны. При этом они также объявили о смерти Гая. Это-то обстоятельство окончательно спасло всех находившихся в театре, которым раньше угрожали германцы. Дело в том, что, пока у последних еще имелась надежда, что Гай жив, они не останавливались ни перед какими насилиями: в них было столько расположения и привязанности к императору, что они готовы были отдать жизнь за него, чтобы оградить его от покушения или подобного несчастья. Когда же они получили определенное известие о смерти Гая, то весь их гнев и вся их мстительность сразу

прекратились, тем более, что теперь было совершенно бесполезно стараться за того, кто погиб и не мог уже вознаградить их; вместе с тем им приходилось при дальнейших насилиях опасаться наказания либо со стороны сената, к которому могла теперь перейти верховная власть, либо со стороны вновь назначенного правителя. Поэтому германцы, правда, неохотно, все-таки должны были сдерживать свой порыв, который охватил их при первом известии о кончине Гая.

19. Между тем, Херея, который очень боялся, как бы Минуциан не попал в руки обезумевших германцев и не погиб бы, обращался к каждому воину, прося пощадить его, и всячески старался узнать что-либо о судьбе Минуциана. Тем временем Климент, к которому привели Минуциана, отпустил последнего и тем самым вместе с прочими сенаторами явно засвидетельствовал правильность совершенного поступка и доблесть тех лиц, которые задумали его, хотя и не могли лично почему-либо принять участие в этом деле. Таким образом подтверждалось, что тиран, правда, короткое время может быть довольным, удовлетворяя своей страсти к насилиям, но что он вместе с тем не может рассчитывать хорошо окончить жизнь свою, так как он благодаря ненависти к нему всех в конце концов найдет такую смерть, какая постигла Гая. Последний ведь еще раньше, чем возник против него заговор и было решено покончить с ним, сам стал врагом себе. Этим самым он же показал, что, совершая безобразия и совершенно пренебрегая законами, он обратил своих лучших друзей в заклятых врагов. Итак, если эти люди теперь как будто и являлись убийцами Гая, то на самом деле Гаю приходилось себе же приписывать собственную гибель.

20. Теперь, когда стража удалась, все в театре поднялись со своих мест, чтобы уйти. Тут среди присутствующих произошел сильный шум и давка. Причиной такого поспешного бегства из театра явился врач Алкион, который отлучался под предлогом, что ему необходимо поспешить к некоторым тяжелораненым, и который ускакал вперед своих людей якобы для того, чтобы они приготовили все нужное для операций над ранеными, а на самом деле с расчетом спасти их от опасности в настоящую критическую минуту. В это же самое время сенат собрался на совещание, а народ, по обыкновению, двинулся к форуму и расположился там. Как сенаторы, так

и народ занялись исследованием вопроса, кто убийцы Гая, причем народ взялся за это дело вполне серьезно, а сенат делал лишь вид, будто также серьезно заботится об этом. Между тем, бывший консул Валерий Азиатик явился к народу, шумевшему и очень недовольному тем, что до сих пор еще не найдены убийцы императора. Когда все набросились на него с вопросом, кто же преступник, то Валерий рискнул сказать: «О, если бы им был я сам!»

В то же самое время консулы издали прокламацию с обвинениями против Гая. Здесь они предлагали народу и войскам разойтись по домам; при этом они обещали народу значительное сокращение налогов, а войску почетные дары, если только они соблюдут обычное спокойствие и не вздумают прибегать к насилиям. Дело в том, что возникло опасение, как бы народ и войска не обратились к грабежу и разорению храмов и город таким образом не пострадал бы при таком возбужденном состоянии их. Впрочем, скоро все собравшиеся сенаторы, особенно же заговорщики, учинившие убиение Гая, стали выказывать большую смелость и решимость, как будто бы власть уже перешла в их руки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Во время всех этих событий Клавдий внезапно был увезен из своего дворца. Дело в том, что солдаты собрались на сходку и стали совещаться относительно дальнейшего образа действий. Они понимали, что при обширности Римской империи демократический образ правления был бы неуместен, тем более что в таком случае они сами остались бы внакладе. С другой стороны, рассуждали они, если какое-либо лицо сумеет захватить верховную власть в свои руки, им самим навсегда придется отказаться от своих выгод, так как они ничем не способствовали его возвышению. Поэтому, так как дела находились пока в столь неопределенном положении, они сочли наилучшим провозгласить императором Клавдия, дядю убитого Гая, тем более что Клавдий не уступал никому из сенаторов ни в знатности происхождения, ни в образовании. При этом естественно было предположить, что Клавдий, будучи провозглашен ими императором, наверное, воздаст им по заслугам и богато одарит их. Решив это, они немедленно

приступили к исполнению своего плана, и таким образом Клавдий был уведен солдатами. Тогда (сенатор) Гней Сенций Сатурнин, лишь только узнал о том, что Клавдий уведен воинами, делая вид, будто неохотно принимает предлагаемое ему императорское достоинство, на самом же деле очень доволен этим, поднялся в сенате со своего места и безбоязненно и вполне достойно свободного и благородного человека обратился к товарищам со следующей речью:

2. «Римляне! Как это ни невероятно, однако мы достигли того, на что мы так долго не смели рассчитывать, а именно — свободы. Правда, неизвестно, на сколь продолжительное время мы удержим ее. Это зависит от воли богов, даровавших ее нам. Теперь, однако, мы можем пока наслаждаться ею, и если бы даже мы (вновь) лишились ее, она все-таки припесет нам счастье. Ведь уже одного часа довольно для хороших людей, если только они проживут в течение этого часа с чистым сердцем и в свободном государстве по тем законам, благодаря которым эта их родина некогда достигла цветущего состояния. Что касается прежней нашей свободы, то я не могу здесь говорить о ней, так как, родившись значительно позже того (как мы ее утратили), я не знал ее; теперь же я вполне отдаюсь минуте и считал бы весьма счастливыми всех тех, кто родился именно теперь или в это время юн. После богов поэтому я считал бы особенно достойными всякого почета тех мужей, которые, хотя и поздно, однако все-таки и в таком возрасте дали нам возможность вкусить этой свободы. О, если бы эта свобода теперь навеки оставалась нам невозбранной! Нам же, будь мы молоды или близки к могиле, пусть будет удовлетворением хотя бы (один уже) этот день. Старики могут быть довольны, если, умирая, почувствуют все блага свободы; для молодежи же эта свобода будет доказательством и примером доблести мужей, даровавших им это благо и являющихся их предками. И поэтому нам, которые достигли уже зрелого возраста, не может быть другой, более священной задачи, как жить по заветам добродетели, которая одна может гарантировать человечеству свободу. Я сам знаю из примеров древности и убедился личным опытом в том, какими бедствиями преисполняют тираны свои государства, как они подавляют всякую доблесть, как отнимают у всех свободнорожденных всякую самостоятельность, как распространяют

всюду лесть и страх, причем все дела ведутся не сообразно мудрости законов, но по произволу правителей. С тех пор как Юлий Цезарь решил отнять у народа власть и произвольным насилием над законодательством потряс основы государственности, попирая право и направляя все сообразно личному своему удобству, с тех пор не было такого бедствия, которое не постигло бы нашего города. При этом все преемники Юлия Цезаря, сколько их ни было, наперерыв друг перед другом старались о том, чтобы уничтожить древние установления и чтобы по возможности избавиться от всех благородных граждан, считая необходимым в видах якобы личной безопасности привлечь на свою сторону самых отъявленных негодяев. Таким образом, они не только подавляли всякую самостоятельность людей порядочных, но и считали своей задачей навсегда загубить последних. Хотя этих тиранов было много и каждый из них старался ознаменовать свое правление невыносимыми притеснениями, однако сегодня погибший Гай превзошел в своих преступлениях всех их, обращая свой необузданный гнев не только против сограждан, но и против своих родственников и приближенных; он одинаково насилует и безвинно наказывал всех и одинаково свирепствовал против людей и против богов. Ведь тирану недостаточно путем насилия удовлетворять своим страстям и распространять вокруг себя печаль, похищая имущество и жен своих противников; он находит удовлетворение лишь в безусловном и окончательном истреблении всей родни этих своих противников. А такими противниками его являются все свободомыслящие люди; и даже те не в состоянии снискать себе его расположение, которые терпеливо подчиняются ему и сносят его обиды. Так как эти тираны отлично сознают несправедливости, которые они причинили многим людям, а эти последние, в свою очередь, великодушно мирятся с постигшей их судьбой, то тираны наконец сами начинают думать, не будучи в состоянии обманывать себя относительно своей виновности, что только в том случае смогут гарантировать себе полную личную безопасность, если окончательно избавятся от этих несчастных. Теперь вы избавились от подобных бедствий и равноправны; а так как подобный способ правления наиболее способствует не только минутному благополучию, но и дальнейшему спокойствию и славе благоустроенного государства, то вы долж-

ны каждый подумать о том, как принести наибольшую пользу обществу и открыто высказать свое мнение, если кому-либо не нравится то, что сделано было до сих пор; пусть при этом никто не боится за свою безопасность, так как теперь уже нет более деспота, который безнаказанно мог бы причинить вред городу или мог бы своевольно умертвить лиц, без стеснения высказавших свое мнение. Тиранию ничто так не поддерживало, как трусость и боязнь противоречить ее предначертаниям. Подавленные, убаюканные спокойствием и приученные вести жизнь рабов, мы, из боязни доблестно умереть, старались избежать этого, сносили величайший позор и гнуснейшие бедствия и спокойно взирали на позорную смерть наших товарищей. Поэтому раньше всего следует оказать величайшие почести тем, кто избавил нас от тирана, а именно Кассию Херея. С помощью богов этот один человек как по своей сообразительности, так и вследствие своей решимости, даровал нам свободу. Не следует об этом забывать, что мы должны сообразно с тем, как он единовременно не только подумал о возвращении нам свободы, но и подвергся опасности для достижения ее, недолго думая и размышляя выразить ему за это наше почтение и благодарность. Является поступком прекраснейшим и достойнейшим свободных мужей воздать благодарностью своим благодетелям; в числе последних находится и тот муж, который облагодетельствовал всех нас, притом совершенно не так, как это сделали убийцы Гая Юлия (Цезаря), Кассий и Брут. Они своим поступком посеяли смуту и междоусобные распри в государстве; этот же, убив тирана, тем самым избавил город от всяких бедствий».

3. Так говорил Сенций, и речь его была с восторгом принята сенаторами и теми всадниками, которые присутствовали в заседании. Тогда вдруг вскочил некий Требеллий Максим и совлек с пальца Сенция перстень с камнем, на котором было выгравировано изображение Гая⁵. Этот перстень Сенций в пылу своей речи и сгорая желанием сделать то, что он только что совершил, забыл снять. В эту самую минуту камень с портретом Гая сломался.

Между тем наступила ночь, и Херея обратился к консулам с просьбой назначить пароль. Они дали ему пароль, гласивший «свобода». Они при этом сами удивились, и подобный поступок их вызвал даже недоверие. Дело в том, что

теперь вновь, спустя сто лет после утраты власти, консулам пришлось назначать пароль: раньше чем город попал во власть тиранов, консулы были главнокомандующими над войсками. Получив этот пароль, Херея сообщил его солдатам, стоявшим у здания сенатского собрания. То были четыре когорты, которые охотнее желали оставаться совершенно без императора, чем служить тирану. Итак, войска ушли под предводительством своих трибунов, а затем разошелся по домам и народ, радуясь, полный надежд и упования и сознавая, что власть в его руках, а не в руках верховного вождя. Теперь Херея стал в глазах народа воплощением всех доблестей.

4. Между тем, Херея был очень недоволен тем, что в живых оставались еще дочь и вдова Гая и что не вся семья его истреблена, так как он полагал, что все остающиеся в живых члены семьи его могут быть причиной гибели города и законов. А так как Херея хотел довести свое дело до конца и вполне удовлетворить свою ненависть к Гаю, то послал трибуна Юлия Луна с приказанием убить вдову и дочь Гая. Лун получил это поручение, так как он был родственником Климента и так как было желательно, чтобы он, приняв хотя бы это участие в истреблении тиранов, мог гордиться своей гражданской доблестью, как будто бы он принимал участие в заговоре с самого начала возникновения его.

Однако некоторым из заговорщиков казалось слишком жестоким убивать вдову Гая, потому что последний всегда действовал скорее по своим собственным природным побуждениям, чем по ее указаниям во всем, что принесло государству бедствия и погубило цвет его граждан. Другие же, наоборот, приписывали все ее влиянию и считали именно ее виновницей всех содеянных Гаем несправедливостей, говоря, будто она дала Гаю любовное зелье, чтобы окончательно поработить его себе и сделать из него игрушку своих прихотей. Этим-де она довела его до безумия и навлекла такое горе на судьбу римлян и всей подчиненной им империи. Таким образом, мнение, что ее следует умертвить, одержало верх, так как желавшие спасти ее ничего не смогли поделать, и Луну было дано это поручение. Последний не замедлил ни минуты приведенным в исполнение приказанием пославших его, ибо не желал навлекать на себя укор в том, будто он задумался перед чем-либо, что могло послужить на пользу народа.

Придя во дворец, Луп пошел вдову Гая, Кесонию, рядом с трупом убитого, лежащим на земле, совершенно не удостоившимся того, что закон повелевает оказывать мертвому. Кесония была покрыта кровью, которая вытекла из ран покойного ее мужа, и представляла картину полнейшего несчастья и отчаяния, а рядом с ней на полу лежала ее дочь. Женщина твердила только одно: она упрекала Гая, что он не хотел послушаться ее, когда она неоднократно уговаривала его. Уже тогда эти речи вдовы Гая подверглись двоякого рода толкованию, да и теперь еще можно понимать их так или иначе, как угодно. Одни истолковывали эти речи в том смысле, что она уговаривала его отказаться от своей безумной жестокости по отношению к гражданам и мягко и добропорядочно править делами, чтобы не погибнуть от руки граждан. Другие же уверяли, будто, когда стали распространяться слухи о существовании заговора, она советовала Гаю, не откладывая, перерезать всех заговорщиков, даже если они еще не успели причинить ему никакого зла, и тем обезопасить себя; таким образом, будто бы в ее словах заключался упрек в бездеятельности в то время, как она уговаривала его принять решительные меры. Таковы были речи Кесонии, и таким-то образом люди истолковывали их.

Когда Кесония заметила приближающегося Лупа, она указала ему на труп Гая и со слезами и стонами просила подойти поближе. Когда же она увидела, что Луп явился вовсе не из сострадания к ней и не для того, чтобы оказать ей поддержку, она сразу поняла причину его прихода и с полной готовностью обнажила шею, умоляя его в полном отчаянии готового к смерти человека не медлить дольше и привести в исполнение то, что ему поручено. Таким образом, Кесония мужественно пала от руки Лупа и вместе с ней погибла также ее дочь. Луп после этого поспешил известить о том Херею и его товарищей.

5. Таким образом погиб Гай после четырехлетнего без четырех месяцев правления над римлянами. Еще раньше, чем власть перешла к нему, он явил себя человеком жестоким и в высшей степени испорченным, преследовавшим исключительно свои личные удовольствия, и доступным клевете: он легко пугался всего и поэтому был кровожаден там, где мог бы быть вполне покоен; всю свою власть и безумное чван-

ство он направил к тому, чтобы обижать наименее того заслуживавших людей; при этом он извлекал для себя выгоды из казней и противозаконий. Он желал быть и казаться выше самого Бога и Его законов, с другой же стороны, рабски преклонялся перед похвалой толпы. Все то, что закон считает постыдным и клеймит позором, он признавал высшей добродетелью. Он совершенно забывал о своих друзьях, несмотря даже на бесчисленные крупнейшие услуги их, и за мельчайшие провинности готов был жестоко наказывать их. При этом он считал враждебным себе все то, что делалось в видах добродетели, и принимал все, даже самое невероятное, если только к тому побуждала его страстность его.

Так, напр., он находился в близких сношениях с родной сестрой своей, что и положило начало особенной ненависти граждан к нему, так как они этому сперва не хотели верить и такой безобразный поступок доселе был в истории еще неизвестен. С другой стороны, никто не был бы в состоянии привести в пример какой-либо великий чисто царственный поступок его на пользу его современников или потомства. Исключение составляют разве только задуманные им гавани в Региуме и Сицилии для стоянки прибывающих из Египта судов с хлебом. По общему признанию, эти сооружения имели громадное значение и представляли большую пользу для моряков. Однако он так и не довел их до конца, и дело остановилось на полпути. Причиной тому служило то обстоятельство, что Гай думал о разных ненужных вещах и тратил деньги на свои удовольствия, которые могли удовлетворить его одного и которые делали невозможным более щедрый отпуск сумм на полезные предприятия.

Между прочим, Гай был отличным оратором, одинаково хорошо владевшим греческим и латинским языками. При этом он сразу понимал все; пока другим приходилось соображать и сопоставлять, он сразу находил, что ответить, и тем далеко оставлял за собой любого оратора в любом деле. Он развил свои природные дарования трудом и достиг силы в этом отношении благодаря усидчивому труду.

Будучи внучатым племянником Тиверия, преемником которого ему пришлось сделаться, Гай должен был особенно заботливо отнестись к требованиям образования, потому что сам Тиверий придавал образованию большое значение.

Повинуясь своему родственнику и подчиняясь требованиям императора, Гай старался угодить ему в этом смысле. Таким образом, он занимал в этом отношении одно из первых мест среди своих сограждан; впрочем, плоды его образования не были в состоянии оградить его от гибели, надвигавшейся на него вследствие его произвола. Так тяжела добродетель самообладания для тех, которые могут не отдавать (никому) отчета в своих действиях и следовать личному своему желанию. Первоначально Гай окружил себя друзьями и по своему образованию и любви к славе стремился иметь дело с наиболее достойными людьми, пока с увеличением его произвола он понемногу не стал утрачивать свою популярность; когда же, наконец, ненависть к нему стала возрастать, ему пришлось погибнуть от руки заговорщиков, бывших первоначально его приближенными.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Когда Клавдий, как я выше рассказал, расстался с Гаем и услышал, что весь дворец огласился криками и стопами по поводу смерти Цезаря, он стал беспокоиться относительно своей личной безопасности и спрятался в узком проходе; впрочем, он знал, что ничто, кроме его высокого происхождения, ему не может теперь повредить. Дело в том, что он вел замкнутый образ жизни частного человека и вполне удовлетворялся этим, работая над расширением своего образования и особенно занимаясь греческой литературой. Таким образом, он вполне ушел от шумной внешней жизни. И вот, когда теперь народ находился в большом смятении, весь дворец был преисполнен обезумевшими солдатами, а отряд телохранителей обуяли те же смущенность и растерянность, что и частных лиц, так называемые преторианцы, представлявшие из себя отборный отряд войска, собрались на совещание о том, что следует предпринять.

Все эти воины менее всего думали о том, чтобы отомстить за смерть Гая, которого постигла лишь вполне заслуженная кара, а скорее заботились о своем личном благосостоянии, подобно тому как и германцы, столь кровожадно преследовавшие убийц, делали это скорее в своих личных интересах, чем для общего блага.

Все это, однако, приводило в смущение Клавдия, который стал беспокоиться за свою участь, особенно когда увидел, как пронесли головы Аспрена и его товарищей. И вот, под покровом ночи, он стал на возвышении, к которому вело несколько ступеней. Тут его увидал Грат, один из дворцовых солдат, и так как он не мог разглядеть в темноте лицо его, с другой же стороны, думал, что имеет, вероятно, дело с человеком злопамерным, подошел к нему поближе и, когда Клавдий просил его удалиться, стал наступать на него. Схватив его, он, однако, признал Клавдия и, обратившись к товарищам, воскликнул: «Да это Германик; возьмем и провозгласим его императором». Когда же Клавдий увидел, что воины собрались насильно увести его, он испугался, как бы его не постигла участь Гая, и стал молить о пощаде, напоминая солдатам о том, что он никогда никого не притеснял и вообще находится в полном неведении о случившемся. Тогда Грат с улыбкой схватил его правую руку и сказал: «Перестань же повторять малодушные слова о своем спасении; будь храбр и подумай об императорской власти, которую боги, заботясь о вселенной, отняли у Гая и предоставили теперь тебе в награду за твою добродетель. Иди и воссядь на троне своих предков!» При этом он поддержал Клавдия, который от страха, а также от радости едва удержался на ногах.

2. Между тем к Грату присоединилось еще много телохранителей, которые, видя, что Клавдия куда-то ведут, опечалились, так как предполагали, что его тащат также на казнь; а между тем они знали его как человека, всегда очень смиренного, который неоднократно при правлении Гая подвергался со стороны последнего значительным опасностям. Поэтому некоторые воины решили обратиться к консулам за заступничеством за него. Тем временем число прибывавших солдат все росло и росло; приближенные же Клавдия, которому по его физической слабости было очень тяжело идти, разбежались, равно как разбежались при известии о взятии Клавдия и его слуги, которые обыкновенно носили его посылки. Они все думали, что пришел конец их господину. И вот, когда воины и Клавдий пришли к площадке на Палатинском холме (тут, по преданию, были воздвигнуты первые постройки города Рима и тем положено его основание) и собирались решить участь народа, толпа солдат стала прибывать. Все они с ра-

достью желали взглянуть на Клавдия и из расположения к Германику особенно охотно готовы были провозгласить его императором: Клавдий ведь был братом Германика, а последний, как известно, распространил свою славу на всех близких ему. При этом солдатам пришло на ум вспомнить о корыстолюбии лиц, заседавших теперь с властью в руках в сенате, и о том, какие беззакония эти люди позволяли себе в предшествующие царствования. Вместе с тем они подумали также о своем собственном безвыходном положении, в котором они очутились бы, если бы был выбран кто-нибудь другой в императоры, тогда как если эта власть перешла бы при их посредстве и благодаря их преданности именно к Клавдию, они могли рассчитывать на то, что он в память этой услуги воздаст им так, как того заслуживала их помощь.

3. Таким образом рассуждали воины между собой и сообщили свои взгляды на дело вновь прибывавшим. Узнавая, в чем дело, последние охотно присоединялись к решению, и затем воины окружили Клавдия плотной стеной и торжественно повели его в казарму, чтобы там никто не мог помешать их начинанию. Тем временем, однако, произошел разлад во взглядах народа и сенаторов. Последние добивались прежней власти и, пользуясь представившимся случаем, хотели свергнуть с себя иго, которое наложили на них насилия тиранов. Народ между тем относился к этому недоброжелательно, так как понимал, что в лице императора имел сдерживающее начало против притязаний знати и мог опереться на личность императора, и потому радовался уходу Клавдия, предполагая, что избрание его на престол положит предел междоусобной смуте. Пример тому был уже при Помпее. Когда сенат узнал, что Клавдий в сопровождении солдат прибыл в казарму, то послал к нему нескольких выдающихся членов своих с советом не настаивать на получении престола, но уступить сенату, против численного превосходства которого он стоит одиноким, и предоставить законной власти озаботиться об общем благе; пусть он при этом вспомнит, насколько прежние правители повредили государству и насколько он сам вместе с ними, сенаторами, подвергался разным опасностям со стороны Гая. Итак, если он был возмущен тягостью тиранических насилий других, то пусть сам добровольно не осмеливается предпринять что-либо против блага своей родины. Если он

послушается их и удовлетворится по-прежнему прочным почетом спокойной жизни частного человека, он удостоится этого почета со стороны своих свободных сограждан и сможет снискать себе славу доблестного мужа, который в пределах законности готов находить благо не только во власти, но и в добровольном своем отречении. Если же он не разделяет их взгляда и не примет в соображение примера Гая, они сумеют с ним справиться: на их стороне большая часть войска, у них большие запасы оружия и они располагают множеством рабов, которые сумеют воспользоваться этим оружием. Главная при этом надежда их сводится к тому, что судьба и боги оказывают поддержку лишь тем, кто доблестно идет в бой за правду, а такими, в свою очередь, являются все те, кто готов сразиться за независимость своего отечества.

4. Так говорили посланные, Вераний и Брокх (оба были народными трибунами), причем пали на колени и просили не навлекать на государство войн и бедствий. Когда же они увидели, какая масса воинов окружает Клавдия и что в этом случае сами консулы не смогут ничего поделать, они просили его, если он уже непременно добивается власти, принять таковую от сената: ведь он будет править куда спокойнее и счастливее, если добром получит эту власть от сената, чем если добьется ее путем насилия.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Пошима, с каким расчетом были посланы эти депутаты, Клавдий, однако, в данную минуту под влиянием их слов был готов идти на некоторые уступки. Впрочем, он уже успел оправиться от страха за свою личную безопасность, с одной стороны, потому, что ему придавала мужества наличность войск, а с другой — царь Агриппа советовал ему не выпускать из рук такую явившуюся к нему сама собою власть. Между прочим, Агриппа поступил и относительно Гая так, как мог поступить человек, которого тот столь любил. Дело в том, что он взял и снес труп Гая на его ложе, покрыл его там одеялами, а затем отправился к отряду телохранителей и объявил им, что, хотя Гай еще жив, однако сильно страдает от полученных ран и требует медицинской помощи. Когда же Агриппа услышал, что солдаты увели Клавдия, он побежал к нему

и застал его в ту самую минуту, когда тот был в полном смущении и уже намеревался уступить требованиям сената. Он ободрил Клавдия и советовал ему не упускать власти. Затем он отправился к себе домой. Когда из сената прислали за ним, он умастил себе волосы, как будто бы только что явился с пира, пришел в собрание и спросил сенаторов, что поделывает Клавдий. Сенаторы сообщили ему о положении дел и спросили его мнение насчет этого. Тогда Агриппа ответил, что он сам охотно готов умереть за сенат, но что нужно иметь в виду (общую) пользу и отрешиться от всего, что могло бы быть полезно отдельным личностям. Он сказал, что, если сенаторы хотят удержать власть в своих руках, им нужно будет подумать об оружии и войске, которое могло бы отразить их, чтобы им неожиданно не попасть вприсаки неподготовленными. Когда же сенат возразил, что у него в распоряжении масса оружия и будет много денег, что у них уже имеется некоторая часть войска и что они уже согласились освободить с этой целью рабов, Агриппа воскликнул: «Да будет вам, сенаторы, удача во всем сообразно вашему желанию! Я должен теперь без обиняков высказать свое мнение, касающееся общего блага. Знайте, что войско, которое готово сражаться за Клавдия, испытано долголетней службой. Наша же рать будет состоять из разного сброда и случайно освобожденных рабов, а это скверно. Нам придется сражаться с испытанными воинами и выставить против них людей, навряд ли знающих, как извлечь меч из ножен. Поэтому мне сдается, что следует послать теперь же к Клавдию депутатов с предложением отказаться от власти, и я сам готов принять на себя это поручение».

2. Так сказал Агриппа. С ним согласились, и он был вместе с другими послан к Клавдию. Говоря с ним наедине, он советовал ему отвечать потверже, как достойно будущего императора, и опираться при этом на могущество своей будущей власти. Поэтому Клавдий отвечал, что он нисколько не удивляется, если сенат неохотно подчинится чужой власти, так как он уже столько выстрадал от жестокости прежних правителей; теперь же настали более благоприятные времена, сенаторы испытают его, Клавдия, мягкость, так как он лишь по имени будет правителем, на деле же готов с ними делиться этой властью. Ввиду того, что он на глазах их вел столько разных дел, они навряд ли не поверят ему. С таки-

ми данными депутаты были отправлены назад. Затем Клавдий потребовал от собравшихся воинов присяги на верность и подарил каждому из телохранителей по пяти тысяч драхм; начальствующим лицам он сделал соответственно большие подарки и обещал всем частям войск, где бы они ни были расположены, подобное же вознаграждение.

3. Между тем, консулы, несмотря на поздний ночной час, созвали сенат на совещание в храм Юпитера-Победоносца. Однако при известии об ответе Клавдия одни испугались и спрятались в городе, другие поспешили уехать в свои поместья, предвидя, к какому печальному концу придет все дело, и потому они отказались от мысли о свободе и предпочитали в безопасном подчинении вести бездеятельный образ жизни, чем сохранить за собой власть и положение своих предков и постоянно дрожать за свое личное спокойствие. И все-таки собравшихся было сто человек. Пока они совещались относительно положения вещей, бывшее в их распоряжении войско внезапно подняло крик, требуя, чтобы сенат выбрал кого-нибудь одного императором и не ослаблял власти, разделив ее между многими лицами. Войска высказывались в том смысле, что власть следует предоставить не всем (сенаторам), но одному лицу, и требовали, чтобы им, солдатам, было предоставлено выбрать того, кто, по их мнению, является наиболее достойным ее. Теперь положение сената стало особенно затруднительным, потому что, с одной стороны, приходилось отказаться от свободы, а с другой, следовало опасаться Клавдия. Между тем, среди сенаторов были люди, которые рассчитывали сами быть избранными — как вследствие своей родovitости, так и вследствие родства с императорским домом. Таким претендентом, напр., являлся Марк Виниций, который происходил из очень знатного рода и, кроме того, был женат на сестре Гая, Юлии. Когда он объявил себя кандидатом на императорский престол, консулы стали, однако, приводить против его кандидатуры всевозможного рода возражения. Валерия Азиатика, который также подумывал об этом, удержал Минуциан, один из убийц Гая. Если бы кандидаты на престол получили удовлетворение, то при неизбежной борьбе их с Клавдием произошла бы крайне кровопролитная резня. Тем временем и гладиаторы (которых в городе было довольно значительное количество), и ночная городская стража, и

гребцы направились к (преторианским) казармам, так что лица, домогавшиеся (первоначально) власти, теперь отказались от своего намерения, отчасти чтобы оградить и пощадить город, отчасти из опасения за свою личную безопасность.

4. На самом рассвете Херея и его товарищи отправились к войскам, имея в виду обратиться к ним с речью. Когда же масса солдат увидела, как они делали знаки рукой, чтобы вызвать тишину и начать свою речь, она закричала, что не даст им говорить, а настаивает на том, чтобы им был дан единовластный правитель. Они требовали императора, так как им надоело ждать. Тем временем сенат находился в большом затруднении, не зная, каким образом разрешить вопрос о форме правления: солдаты не хотели признавать компетентности сената, а убийцы Гая не допускали вмешательства войска в это дело. При таком положении вещей Херея не мог удержаться, чтобы не выразить своего гнева по поводу требования ими императора, и обещал дать им такового, если кто-либо из солдат принесет ему удостоверение от Евтиха. Евтих этот был одним из возниц партии зеленых⁶ и был особенно предан Гаю, что наглядно выразилось в его отношениях к солдатам во время постройки царских конюшен. Тут Евтих обременял воинов всевозможными позорными для них работами. На последние теперь иронически намекал Херея, равно как осыпал воинов насмешками в том же роде и говорил, что принесет (им) голову Клавдия. При этом он указывал, что будет ужасно, если они после сумасшедшего передадут власть слабоумному. Однако солдаты не смущались его речами, но извлекли мечи и, подняв знамена, отправились к Клавдию, чтобы присоединиться к тем, которые уже принесли присягу. Таким образом, сенат остался без защитников, и консулы обратились в частных лиц. Всюду наступили смущение и уныние, так как никто не знал, что предпринять и как оградить себя от гнева Клавдия; люди стали укорять друг друга и все раскаивались в своей горячности. Тогда Сабин, один из убийц Гая, выступил вперед и объявил, что он скорее сам убьет себя, чем согласится на избрание Клавдия и допустит восстановление рабства. Затем он стал укорять Херею в трусости, если он, который первый пошел на Гая, теперь готов остаться в живых, когда он своим поступком не смог вернуть отечеству свободы. Херея

ответил на это, что он ни минуты не задумается умереть, но сперва желал бы узнать о настроении Клавдия.

5. Пока дела были в таком положении, все воины отовсюду стали стекаться к Клавдию, чтобы выразить ему свою преданность. При этом они обвиняли одного из консулов, именно Квинта Помпония, в том, что он особенно возбуждал сенаторов к отстаиванию свободы. Солдаты даже извлекли мечи и, устремившись на консула, покончили бы с ним, если бы их вовремя не остановил Клавдий. Освободив его таким образом от опасности, Клавдий посадил затем Помпония рядом с собой. Однако те сенаторы, которые были тут вместе с Квинтом, не удостоились со стороны Клавдия подобного почета. Некоторые из них подверглись даже побоям, так как их насильно не хотели допустить к Клавдию; Апоний должен был удалиться, совершенно израненный, и все вообще сенаторы подверглись крайней опасности. Тогда царь Агриппа приблизился к Клавдию и просил его оградить сенаторов и обойтись с ними помягче, потому что, если они подвергнутся истреблению, ему некому будет показать свою власть. Клавдий внял этому совету и предложил сенаторам собраться в палатинском дворце, куда он затем велел снести себя в носилках через весь город, причем войско сопровождало его и по пути позволяло себе совершать различные насилия над народом. Тогда вышли на улицу также убийцы Гая, Херея и Сабин, хотя это им было запрещено Поллионом, которого незадолго перед тем Клавдий назначил начальником отряда телохранителей. Когда Клавдий прибыл во дворец, он собрал приближенных и предложил им решить участь Херея. Хотя те и признали в поступке последнего много благородства, однако вместе с этим они обвиняли его также в известном вероломстве (по отношению к Гаю) и решили подвергнуть его смертной казни, как пример на будущее время. Таким образом, Херея был поведен на казнь и вместе с ним Луи и еще целый ряд римлян. Говорят, что Херея мужественно отнесся к постигнутому его несчастью и не только не изменился при этом в лице, но и осыпал упреками разрыдавшегося Луи. Когда же последний снял одежду и стал жаловаться на холод, Херея заметил ему, что холод ведь привычен волку⁷. Масса народа шла за осужденными, чтобы присутствовать при казни. Когда они пришли к мес-

ту казни, Херея спросил солдата (который должен был исполнить обязанности палача), ловко ли он делает свое дело или же ему впервые приходится действовать мечом. Затем он просил принести меч, которым он сам убил Гая.

Херея умер, не дрогнув, под первым же ударом меча. Луп, вследствие своего отчаяния, не так счастливо окончил жизнь свою; ему пришлось пасть повторный удар, так как он недостаточно спокойно подставил свою голову.

6. Несколько дней спустя наступил праздник поминовения усопших, когда римский народ приносит жертвы в память своих покойников. Тогда же римляне почтили и память Хереи, бросив в честь его лепешки в огонь и умоляя его быть милостивым к ним и не воздавать злом за народную неблагодарность.

Таков был конец Хереи. Сабин же, которому Клавдий не только простил его вину, но которого он даже утвердил в его прежней должности, счел бесчестным отречься таким образом от прежних своих товарищей по заговору и сам покончил с собой, бросившись на меч, который вонзился в его тело вплоть до самой рукоятки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Между тем, Клавдий немедленно удалил из войска все ненадежные элементы, а затем издал указ, которым утверждал за Агриппой власть, дарованную ему Гаем, причем отозвался о царе в весьма лестных выражениях. Он прибавил к его владениям все области, которыми правил дед Агриппы, Ирод Великий, а именно — Иудею и Самарию. Эти области он отдал ему как принадлежавшие ему по праву рождения. Кроме того, Клавдий предоставил ему еще Авилу⁸, которой управлял некогда Лисаний, и всю местность в пределах Ливанского хребта. Затем он на форуме в Риме заключил клятвенный союз с Агриппой. Антиоху он подарил отнятые у него владения, а именно — часть Киликии и Коммагену. Вместе с тем он освободил также алабарха Александра (Лисимаха), который навлек на себя гнев Гая и томился в темнице; он был с ним издавна дружен, тем более что тот заведовал делами его матери Антонии. Сын этого алабарха женился на дочери Агриппы, Беренике. Когда Марк — так звали сына алабарха —

умер, Агриппа выдал его вдову за своего брата Ирода и упротребил Клавдия предоставить Ироду царство халкидское.

2. В это время произошли смуты между иудейским и греческим населением города Александрии. Дело в том, что после смерти Гая, под властью которого народ иудейский был очень притесняем и подвергался со стороны александрийцев страшнейшим насилиям, он воспринял духом и немедленно взялся за оружие. Клавдий приказал египетскому наместнику подавить смуту. Вместе с тем он, по настоянию царей Агриппы и Ирода, отправил в Александрию и в Сирию указ следующего содержания:

«Так постановляет император Тиверий Клавдий Германик Август, верховный жрец, облеченный властью народного трибуна: принимая во внимание, 1) что александрийские иудеи, называющиеся александрийцами, были поселены в Александрии вместе с первыми жителями этого города и пользовались благодаря распоряжению царей одинаковыми (с греками) гражданскими правами, как то явствует из писанных документов и имеющих на сей счет указов; 2) что во время нашего (римского) владычества Александрия была подчинена Августу и при этом в различные времена дарованные тамошним иудеям права были соблюдаемы посылаемыми туда наместниками, которые отнюдь не умаляли этих прав; 3) что вместе с этим в то время, когда в Александрии находился Аквила и умер иудейский этнарх, Август не препятствовал избранию новых этнархов, так как желал, чтобы все его подданные невозбранно пользовались самоуправлением и не были принуждаемы к нарушению своих исконных религиозных обрядов; и, наконец, 4) что возмущение александрийских греков против тамошних иудеев датирует еще со времен императора Гая, который в своем великом безумии и недомыслии притеснял иудеев за то, что они не желали отречься от религии своих предков и признать самого его богом, — принимая все это во внимание, я не желаю, чтобы, вопреки глупому распоряжению Гая, иудейский народ был чем-либо стеснен в своих правах, но требую, чтобы за ним были утверждены все прежние права его, дабы иудеи могли жить по своим обычаям. При этом я требую, чтобы с обеих сторон было приложено всяческое старание избегнуть каких бы то ни было волнений после обнародования этого моего распоряжения».

3. Таково было содержание императорского указа относительно александрийских иудеев. Другое же распоряжение, касавшееся остальных частей империи, гласило следующим образом:

«Я, Тиверий Клавдий Август Германик, император, верховный жрец с трибунской властью и вторично консул, постановляю, так как любезнейшие мне цари Агриппа и Ирод обратились ко мне с просьбой утвердить за всеми римско-подданными иудеями те же права, которые я утвердил за иудеями александрийскими, я с удовольствием согласился на это, и притом не только в угоду просителям, но и потому, что счел того достойными тех, за которых они просили, ибо они всегда соблюдали верность римлянам; поэтому я решил, чтобы права эти распространились на все даже греческие города, где есть иудейское население, так как права эти были признаны еще божественным Августом. Пусть поэтому иудеи, живущие на всем протяжении нашей славной империи, невзысканно соблюдают свои исконные обычаи, причем я, по своему великодушию позволив им это, требую, чтобы они держали себя спокойнее, не глумились над религиозными обрядами иноверцев и соблюдали в точности свои собственные законы. Это мое распоряжение пусть будет сообщено всем правителям городов, колоний и муниципий не только в пределах Италии, но и вне ее, а также царям и князьям через их собственных посланников. Пусть этот указ будет вывешен в течение тридцатидневного срока на видном месте, где каждый легко сможет прочесть его».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Этими распоряжениями, разосланными в Александрию и вообще по всей империи, Клавдий достаточно ясно выказал свой взгляд на иудеев. Затем он с величайшим почетом отпустил Агриппу в его царство, причем послал всем преторам и наместникам письменные указы с требованием принимать его любезно. Агриппа, в свою очередь, как это и было вполне естественно со стороны человека, судьба которого приняла самый благоприятный оборот, поспешил воспользоваться разрешением уехать. По прибытии своем в Иерусалим он принес благодарственные жертвы и исполнял все

предписания законов. Так, напр., он распорядился остричь волосы множеству назиреев⁹. Подаренную ему Гаем золотую цепь, которая весила столько же, сколько железная, некогда отягчавшая его царственные руки¹⁰, он повесил внутри храма над входом в ризницу в память тяжелой участи своей и в доказательство того, как судьба человека может перемениться к лучшему; эта цепь служила напоминанием, что и великие мира сего могут когда-нибудь пасть и что Предвечный может поднять павших. Посвящение этой цепи Богу показывало всем, что царь Агриппа по маловажной причине утратил свою прежнюю власть и попал в темницу, откуда некоторое время спустя вышел, чтобы сделаться еще более могущественным, чем был прежде. Все это являло наглядный пример того, что среди людей великое могло быть унижено, а униженное вновь возродиться к прежнему величию.

2. Исполнив все ритуальные предписания, Агриппа сместил первосвященника Феофила, сына Анапа, и поручил его должность сыну Боэта, Симону, носившему также имя Канферы. У этого Симона было два брата и отец Боэт, дочь которого, как нами было упомянуто выше, была замужем за царем Иродом. Таким образом, и Симон, и его отец, и его братья были первосвященниками подобно тому, как некогда, во времена македонского владычества, первосвященство переходило последовательно к трем сыновьям Симона, сына Онии. Впрочем, об этом мы уже упоминали в предшествующих книгах.

3. Устроив таким образом дела, касавшиеся первосвященнического достоинства, царь задумал вознаградить иерусалимцев за их преданность ему. Поэтому он, желая воздать им за любовь их, освободил каждый из домов их от специального налога. Затем он назначил начальником над всем войском Силаса, человека, который некогда разделял с ним все его бедствия.

Спустя некоторое время несколько юношей из города Дора, решившихся поглумиться над священными вещами и по природе своей отличавшихся необычайной смелостью, задумали поставить в одной из синагог статую императора. Это привело Агриппу в страшную ярость, потому что тем могло быть положено начало попиранию ископных иудейских законов. Поэтому он немедленно отправился к сирийскому наместнику Публию Петронию и выступил перед ним с жалобой на дори-

тян. Петроний не менее самого Агриппы рассердился на этот поступок последних (дело в том, что он сам считал нарушение законов верхом безбожия) и в гневе своем послал доритским отступникам письмо следующего содержания: «Публий Петроний, представитель императора Тиверия Клавдия Августа Германика, обращается к начальствующим лицам доритян. Так как некоторые из вас дошли в своей безрассудной дерзости до того, что, вопреки предписанию императора Клавдия Августа Германика относительно предоставления иудеям права соблюдать их законы, решились не послушаться его и поступить как раз наоборот, а именно — что осквернили собрание иудеев постановкой статуи императора в зале их заседаний, вы поступили противозаконно не только относительно иудеев, но и относительно самой личности императора. Ведь постановка статуи последнего была бы гораздо уместнее в его собственном, лично ему посвященном храме, чем в чужом месте, тем менее в синагоге. По самой природе вещей справедливо, чтобы каждый был у себя дома своим хозяином; так посмотрел на дело и император. При этом было бы смешно упоминать здесь относительно моего постановления после императорского указа, в силу которого иудеям разрешено жить по собственным законам и пользоваться полной равноправностью с греческим населением. Так как ослушники решились на свой поступок вопреки распоряжению Августа, чем они навлекли на себя, вероятно, и неудовольствие своих начальников, и так как они при этом указали на то, что поступили таким образом не по собственному побуждению, а по требованию простонародья, я распорядился, чтобы центурион Прокл Вителлий представил мне виновных для расправы. Вместе с тем я предлагаю лицам начальствующим, если они не желают навлекать на себя подозрения в соучастии в этом правонарушении, назвать центуриону имена виновных и тем предотвратить всякие смуты и междоусобия, которые, по моему мнению, должны быть вызваны этими делами. При этом я, равно как почтеннейший друг мой, царь Агриппа, не заботился ни о чем более, как о том, чтобы предотвратить смуты среди иудейского населения, которое под предлогом самозащиты уже начало собираться и делать ряд неосмотрительностей. А для того чтобы было вполне известно, как смотрит на все дело император, я присоединяю к своему письму его указ относи-

тельно жителей Александрии, указ, который, несмотря на свою общеизвестность, был мне в собрании прочитан любезнейшим царем Агриппой. Последний счел нужным в свое время заступиться перед императором за иудеев и постарался, чтобы у них не были отняты прежние императорские милосги. Поэтому я на будущее время предлагаю вам не выискивать никакого предлога для смут и волнений, но дать каждому возможность по-своему отправлять свое богослужение».

4. Таким-то образом Петроний позаботился загладить нанесенную иудеям обиду и оградить их от подобных явлений на будущее время. Между тем, Агриппа лишил Симона Канферу первосвященства и вновь поставил на эту должность Ионафа, сына Анана, считая его достойным этого высокого сана. Однако Ионаф отказался в следующих выражениях от этой чести: «Царь! Получая от тебя столь почетное предложение, я радуюсь, тем более что ты сам собой пришел к этому решению. Однако Предвечный никак не может считать меня достойным первосвященства. С меня довольно, что я единожды облекся в это священное одеяние. Тогда я сделал это с более чистым сердцем, чем сделал бы это теперь. Если же ты желаешь, чтобы ныне эта честь была оказана человеку, более меня достойному ее, то позволь дать тебе совет. У меня, царь, есть брат, который совершенно чист от всякого греха, как относительно Бога, так и относительно тебя. Его я предлагаю тебе как лицо, достойное этой чести».

Царь вполне согласился с этими доводами, высоко почтил мнение Ионафа и утвердил в первосвященническом сане брата последнего, Матфия.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Немного спустя Петрония сменил Марс и стал наместником сирийским.

Между тем, Силас, царский главнокомандующий, который оставался верен Агриппе во всех превратностях его судьбы и не только неизменно разделял с ним некогда все тягости, но и неоднократно подвергал себя крайней опасности, очень чванился этим, думая, что царь должен воздавать ему за его верную дружбу высшим почетом. Ввиду этого он никоим образом не желал уступать первенство царю, но обходился

с ним всегда крайне фамильярно, а во время дружеских бесед даже становился крайне тягостным, так как он безмерно кичился и часто напоминал царю о превратностях его судьбы. Делал он это с единственной целью, чтобы выказывать ему свою большую давнишнюю преданность. Поэтому он часто и подробно перечислял царю все тяготы, которым он подвергался ради него.

Такие хвастливые речи в конце концов звучали как насмешка, почему царь однажды возмущился такой несдержанной нескромностью этого человека. Ведь никому не доставляет удовольствия напоминание о бесславном прошлом, а постоянное повторение этой темы может быть делом лишь близорукого глупца. В конце концов Силас добился того, что страшно рассердил царя, который, уступая чувству раздражения перед рассудительностью, не только сместил Силаса, но и велел заковать его в цепи и отправить на родину. С течением времени, однако, гнев царя смягчился, и он, припоминая целый ряд заслуг Силаса, понял, что слишком сурово обошелся с этим человеком. Поэтому, когда наступил день рождения Агриппы, который ознаменовывался празднествами всех его подчиненных, он велел призвать Силаса обратно и пригласить его во дворец к нему на пир. Силас же, отличавшийся откровенностью, нисколько не постеснялся выказать перед посланными справедливый, по его мнению, гнев и сказал им: «Зачем царь приглашает меня для такой чести, которой он все равно немного погодя лишит меня? Ведь и прежние доказательства благодарности его ко мне за мою преданность были непродолжительны, так как он позорно лишил меня их. Или он думает, что я раз навсегда отказался от свободы своего слова? Сознывая свою правоту и это право за собой, я теперь еще громче буду говорить о том, в скольких тяжелых положениях я выручал Агриппу, каким тягостям подвергался ради него, доставляя ему спасение и почет; и за все это в благодарность я получил лишь кандалы и темную тюрьму. Конечно, я об этом никогда не забуду. Быть может, вскоре мне придется расстаться с жизнью и тогда моя смерть облегчится сознанием доблестно исполненного долга».

Так энергично говорил Силас и требовал, чтобы его слова были переданы царю. Видя его столь непримиримым, Агриппа оставил Силаса в крепости.

2. Тем временем царь стал укреплять стены Иерусалима со стороны нового города. Делал он это за счет государственной казны, расширяя стены и значительно возвышая их. Ему удалось бы придать этим стенам окончательную неприступность, если бы сирийский наместник Марс письменно не сообщил о том императору Клавдию. Последний, усмотрев в этом предприятии некоторое опасное новшество, приказал Агриппе немедленно приостановить постройку стен. Агриппа не считал возможным ослушаться¹¹.

3. Этот царь был по природе своей весьма щедр на подарки и любил одаривать подчиненных. Расходуя на это часто значительные суммы, он списал себе славу, находя удовольствие в своей щедрости и в том, что жизнь его от этого лишь выигрывала. Этим он совершенно не походил на своего предшественника Ирода (Великого). Последний отличался страстной мстительностью и неудержимой ненавистью ко всем противникам своим и в то же время открыто признавался, что симпатия его скорее на стороне греков, чем иудеев. Иностранные города Ирод одарил значительными денежными суммами, сооружая термы, театры и всякие другие здания; в одних он строил храмы, в других портики. Между тем он решительно ничего не сделал ни для одного иудейского города и не подарил ему ничего, что было бы достойно упоминания.

Агриппа, напротив, был мягкого характера и одинаково щедр ко всем. С иноземцами он был предупредителен и любил одаривать их, но зато он не менее щедрым являл себя также к своим единоплеменникам и даже старался особенно выказывать им сочувствие и благоволение. Поэтому он любил подолгу жить в Иерусалиме; он всегда в точности исполнял предписания законов. Во всем он старался точно соблюдать требования ритуала, и не проходило дня, чтобы он не совершил установленного законом жертвоприношения.

4. В Иерусалиме в это время жил иудей, считавшийся особенно глубоким знатоком законов. Его звали Симоном. Когда однажды царь уехал в Цезарею, он собрал народ на сходку и решил выступить тут с обвинениями против Агриппы, говоря, что последний не религиозен и что ему следовало бы запретить доступ в храм, куда могли входить лишь природный иудеи. Эти речи Симона к народу были (немедленно) письменно сообщены царю военачальником города.

Тогда Агриппа послал за Симоном и по прибытии его велел ему сесть рядом с собой (Агриппа в это время был в театре). Затем он мягко спросил его: «Скажи мне, что делается тут противозаконного?» Симон не нашелся, что ответить на это, и стал просить у царя прощения. Царь простил его раньше всякого другого; вообще он считал мягкость особенно царственным качеством и понимал, что великим мира сего более приличествует доброта, чем гнев. Затем он дал Симону еще кое-что в подарок и с этим отпустил его.

5. Среди множества воздвигнутых Агриппой сооружений те, которыми он почтил город Берит, занимают особенно выдающееся место. Тут он воздвиг роскошнейший театр, который мог равняться с любым зданием этого рода, а также необычайно красивый амфитеатр, равно как термы и портики. Не желая стеснять себя в смысле красоты и объемов всех этих зданий, он не щадил средств на них. Освящение этих зданий он обставил особенной торжественностью. В театре он велел устроить представления, во время которых дал зрителям всевозможную музыку и поэтические состязания. Масса гладиаторов в амфитеатре должна была служить доказательством необычайной щедрости царя. Желая доставить зрителям особенное удовольствие, Агриппа распорядился устроить бой двух отрядов по семисот человек в каждом. Для этого он отрядил решительно всех имевшихся в стране преступников, дабы некоторые из них получили тут заслуженное наказание, и это воинственное зрелище положило основание продолжительному миру. Так он избавил страну от злодеев.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Поступив в Берите так, как нами было рассказано, Агриппа отправился в галилейский город Тивериаду. В это время Агриппа пользовался уже большим уважением в глазах прочих царей. Поэтому к нему сюда съехались Антиох, царь Коммагены, Сампсигерам, царь эмесский, Полемон, владетель Понта, и, наконец, его собственный брат Ирод, царь халкидский. Всех этих лиц Агриппа принял радушно и любезно, выказывая тем самым большое великодушие, почему эти цари и считали его достойным своего почетного посещения. Пока гости еще были у него, прибыл сирийский на-

местник Марс. Желая почтить в его лице римлян, царь Агриппа выехал ему навстречу за семь стадий от города. Впрочем, этот же самый поступок его относительно Марса послужил поводом к недоразумению. Дело в том, что Агриппа выехал к нему навстречу в сообществе прочих гостивших у него царей. Однако это согласие между последними и такая их дружба показались Марсу подозрительными, так как он полагал, что столь тесное общение нескольких правителей между собой не может быть особенно полезно в римских интересах. Поэтому Марс вскоре послал к каждому из царей по одному из своих приближенных и советовал каждому немедленно вернуться в свою область. Агриппа отнесся к этому постуку Марса с крайним неудовольствием, и с этих пор между ними установились дурные отношения. Впоследствии царь лишил Матфия первосвященнического сана и поставил на его место Элионея, сына Канферы.

2. Между тем, исполнилось три года, что Агриппа царствовал над всей Иудеей. Однажды он поехал в город Цезарею, которая раньше называлась Стратоновой башней. Тут он устроил игры в честь императора, так как наступил какой-то праздник, установленный в честь Клавдия. На эти игры стеклась масса лиц начальствующих и таких, которые занимали видное общественное положение. На второй день игр, рано утром, царь явился в театр в затканной серебром одежде, удивительным образом блиставшей и сверкавшей. Серебро дивно переливалось в лучах восходящего солнца, так что все были ослеплены и с содроганием должны были отвращать свои взоры от Агриппы. Сейчас же несколько льстецов с разных концов стали, впрочем, не на благо царю, громко возносить его и называть его богом, говоря: «Будь милостив к нам! Если мы до сих пор преклонялись перед тобой как перед человеком, то теперь мы готовы признать, что ты по природе своей выше всякого смертного». Царь не особенно был поражен этими заявлениями и не думал остановить кощунствующих льстецов. Когда же он, немного погодя, поднял взор кверху, то увидел на перекладине сидящего там филина. Он немедленно признал в нем предвозвестника грядущих бедствий, как эта же птица некогда принесла ему счастье¹²; скорь обуяла сердце царя. Вскоре затем Агриппа почувствовал, что во внутренностях его начинается сильнейшая боль. Он поднялся с места и

обратился к своим со следующими словами: «Я, которого вы признали своим богом, теперь готов расстаться с жизнью. Судьба неожиданно изобличила мне всю лживость ваших уверений, ибо я, которого вы (только что) называли бессмертным, теперь должен умереть. Впрочем, следует покорно отнестись к решению Предвечного. Я рад, что прожил не как бездеятельный ленивец, но счастливо и с блеском». Лишь только Агриппа сказал это, как его охватила особенно сильная боль¹³. Тогда его поскорее перенесли во дворец. Быстро повсюду разнеслась весть, что царю придется вскоре умереть. Тогда масса народа с женами и детьми облеклась в мешки и по исконному обычаю стала молить Господа Бога о здравии царя. Везде раздавались плач и стенания. Царь же тем временем лежал в верхнем этаже дворца и мог видеть толпу колелопоклоненных. При виде этого зрелища он не был в состоянии удержаться от слез. Затем, промучившись еще пять дней страшными болями в желудке, царь умер в возрасте пятидесяти четырех лет, на седьмом году своего правления. При императоре Гае он царствовал в течение четырех лет, правя три года тетрархией Филиппа, а на четвертый получив в удел еще область Ирода. Затем он прожил еще три года во время правления императора Клавдия. Тут он не только был царем вышеупомянутых областей, но царствовал над всей Иудеей, Самарией и Цезареей. Он извлекал из своих владений крупнейшие доходы, доходившие до двух миллионов. Однако, несмотря на это, ему пришлось делать крупные займы; так как он был очень щедр, то доходы не покрывали его расходов, тем более что он не умел сдерживать свою щедрость.

3. Народ еще не знал о кончине Агриппы, когда сговорившиеся заранее халкидский царь Ирод и паместник и друг царя Хелкий послали одного из преданнейших слуг, некоего Аристана, убить Силаса (который был во враждебных с ними отношениях). Сделали они это как бы по распоряжению самого царя Агриппы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Таким образом окончил жизнь свою царь Агриппа. Он оставил после себя сына, Агриппу же, которому шел тогда семнадцатый год, и трех дочерей: шестнадцатилетнюю Веро-

нику, вышедшую замуж за своего родного дядю Ирода, и двух девочек, Мариамну и Друсиллу, из которых первой было десять, а второй шесть лет. Отец предназначил Мариамну в жены Юлию Архелаю, сыну Хелкии, а Друсиллу Епифану, сыну коммагенского царя Антиоха.

Когда распространилось известие о смерти Агриппы, жители Цезареи и самаряне забыли о полученных от него благодеяниях и позволили себе поступить как отъявленные враги его. Они стали осыпать усопшего насмешками, не поддающимся описанию, а все находившиеся там (в довольно значительном количестве) солдаты отправились домой, вытащили статуи царских дочерей, понесли их в торжественной процессии в дома терпимости и, поставив их там на крышах, стали изо всех сил издеваться над ними так, что и рассказывать о том неприлично. Затем они расположились пировать на площадях и устроили всенародные празднества, причем надевали венки, умащались благовонными мазями и совершали возлияния в честь Харона¹⁴, чокаясь между собой по поводу кончины царя, так неблагодарны были они не только к памяти Агриппы, щедростью которого они столь часто пользовались, но и к памяти его деда, Ирода Великого, отстроившего им город их и с крупными издержками соорудившего им гавани и храмы.

2. В это время сын усопшего, Агриппа, находился в Риме, воспитываясь при дворе императора Клавдия. Когда последний узнал о кончине Агриппы и о том, как издевались над ним жители Цезареи и Самарии, он глубоко опечалился и страшно разгневался на их неблагодарность. Клавдий сперва немедленно хотел послать молодого Агриппу на место отца его и вместе с тем собрался возобновить с ним клятвенный союз. Однако от этого удержали его пользовавшиеся огромным влиянием вольноотпущенники и приближенные, указывавшие на то, что было бы рискованно поручать юноше, едва вышедшему из детского возраста, управление таким обширным царством, с которым ему невозможно будет справиться и которое для взрослого человека представляло бы значительные затруднения. Император вполне признал правильность их доводов. Поэтому он отправил в качестве наместника над Иудеей и всеми владениями Агриппы Куспия Фада и оказал тут честь покойно-

му царю, не поручив этой должности Марсу, с которым, как узнал Клавдий, усопший находился в натянутых отношениях. Раньше всего он приказал Фаду наказать жителей Цезареи и Самарии за оскорбление памяти умершего и за их глумление над его дочерьми. Затем Фаду было поручено перевести эскадрон, состоявший из граждан Цезареи и самарян, равно как и сформированные из них пять когорт, на службу в Понт, и выбрал в качестве заместителей сосланных соответственное число расположенных в Сирий римских легионеров. Однако это приказание не было приведено в исполнение, потому что виновные отправили депутацию к Клавдию, смягчили его гнев и добились того, что им было разрешено остаться в Иудее. Впрочем, с течением времени именно эти люди положили начало величайшим бедствиям для иудеев, потому что они посеяли смуту, из-за которой впоследствии произошла война Флора. Поэтому, когда Веспасиан, как мы вскоре расскажем, подчинил себе эту страну, он распорядился выслать их из пределов данной области.

КОММЕНТАРИИ

Глава первая

¹ Это выражение заимствовано из Гомера.

² Кинир был мифическим царем о. Кипра. По преданию, его сыном был Адонис, которого родила ему его дочь Мирра. Когда Кинир узнал, что ошибочно совокупился с собственной дочерью, то покончил с собой. Срв. Ovid. Metam. X, 298 sqq.

³ В 36 году до Р.Хр.; Филипп был отцом Александра Великого.

⁴ По нашему времени около 3-х часов дня.

Глава вторая

⁵ Это так наз. гемма.

Глава четвертая

⁶ Участники конских ристалищ в цирке делились на четыре группы и внешним образом отличались друг от друга цветом одежды (белые, красные, голубые и зеленые).

⁷ В этом игра слов. Луп (lupus) по-латыни значит «волк».

Глава пятая

⁸ По Поливию (V, 71, 2), это была столица области Авилены в Келесирии, недалеко от Дамаска. До сих пор сохранились там развалины под именем Nebi Abel. Срв. Boettger, l. c. p. 4-5.

Глава шестая

⁹ Как известно, назиреи были люди, давшие обет навсегда или на определенное время вести воздержанный образ жизни, не пить вина и т.п. и в знак этого отращивавшие себе волосы. По окончании срока обета священнослужители при особенно торжественной обстановке стригли им волосы.

¹⁰ См. выше, стр. 521.

Глава седьмая

¹¹ Срв. «Иуд. войну», II, 11,6.

Глава восьмая

¹² См. выше, стр. 514.

¹³ В Деян. Апост. XII, 21-23 читаем: «В назначенный день Ирод (Агриппа), одевшись в царскую одежду, сел на возвышенном месте и говорил к ним; а народ восклицал: это голос Бога, а не человека. Но вдруг ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу; и он, быв изъеден червями, умер».

Глава девятая

¹⁴ Харон — мифический лодочник, по представлениям древних греков, перевозивший в челне через подземную реку Стикс души умерших в царство Аида.

Книга двадцатая

Содержание:

1. О том, как император Клавдий послал в Иудею после смерти Агриппы некоего Фада наместником.

2. О ссоре филиладельфийцев с иудеями, жившими в Перее, вследствие границ области Мии; о том, как Фад, сердясь на убийство иудеями многих филиладельфийцев, велел схватить трех самых влиятельных перейских иудеев и казнить их.

3. О том, как атаман разбойничьей шайки, Фолемей, притеснявший арабов, был доставлен к Фаду и казнен.

4. О том, как Фад и Кассий Лонгин, наместник сирийский, отправились в Иерусалим и тут потребовали от иудейских главарей перенесения головного убора и священного одеяния (первосвященника) в замок Антонию под надзор римлян, как то было раньше.

5. О том, как по этому поводу иудеи пожаловались Фаду и Лонгину и просили их разрешения послать относительно этого дела депутацию к императору Клавдию.

6. О том, как Фад разрешил это, при условии получения заложников.

7. О том, как император Клавдий благодаря заступничеству Агриппы Младшего исполнил просьбу иудеев и написал о том Фаду.

8. О том, как адиабенская царица Елна вместе со своими сыновьями Монобазом и Изатом и всей родней своей приняла иудаизм.

9. О том, как после смерти Ирода Агриппа Младший получил, с разрешения императора Клавдия, халкидский престол.

10. О том, как наместником иудейским был назначен Тиверий Александр и как он распорядился пригвоздить к кресту сыновей галилеянина Иуды, побуждавших народ к восстанию.

11. О постигшем страну голоде.

12. О прибытии в Иудею Кумана, посланного в качестве наместника.

13. О том, как при нем множество иудеев погибло вблизи храма.

14. О ссоре между иудеями и самарянами и о том, как многие из последних были умерщвлены.

15. О том, как сирийский наместник, Модий Квадрат, получив известие об этом, прибыл в Иудею и отправил наиболее влиятельных иудеев и самарян, равно как Фада и трибуна Целера, в Рим для ответа; о том, как он сам казнил некоторых из иудеев.

16. О том, как Клавдий, подвергнув всех их допросу, по настоянию царя Агриппы оправдал иудеев, сослал Кумана и казнил трибуна Целера и главарей самарян.

17. О том, как посланный наместником в Иудею Феликс нашел страну стонущей под игом разбойничьих шакк, как он решил уничтожить последние и восстановить мир в стране и как отправил главара разбойников, некоего Елеазара, в кандалах в Рим.

18. О том, как некий египтянин прибыл в страну и побудил многих иудеев к возмущению; как Феликс принял против него решительные меры и распорядился перебить много народа.

19. О том, как Феликс успокоил влиятельнейших иудеев в Цезарее, находившихся в ссоре с сирийцами.

20. О том, как после смерти Клавдия императорский престол перешел к Нерону.

21. О том, как при посланном в Иудею наместнике Порции Фесте страна стонала под гнетом сикарисев.

22. О колоннаде вокруг храма и о том, как иудеи сделали ее выше.

23. О том, как Фест, недовольный этим, послал в Рим к Нерону главарей иудейских, пытавшихся умиротворить его.

24. О том, как Фест умер в Иудее и его пресмником стал Альбин.

25. О том, как при нем сикарии прекратили свою пагубную для страны деятельность.

26. О том, как преемник Альбина, Флор, настолько притеснял иудеев, что заставил их взяться за оружие.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Когда умер царь Агриппа, император Клавдий послал, как мы рассказали в предшествующей книге, преемником Марсу Кассия Лонгина. Это Клавдий сделал в угоду памяти покойного царя, так как Агриппа неоднократно при жизни своей обращался к императору с просьбой не оставлять Марса во главе Сирии. Когда же в Иудею прибыл новый наместник, Фад, то нашел здесь распрю между перейскими иудеями и жителями Филадельфии¹ из-за границ области Мии, причем население уже взялось за оружие. Между тем, жители Переи, помимо ведома своих начальников, успели перебить множество филадельфийцев. Узнав об этом, Фад очень рассердился, что они не предоставили ему разрешения своего спора, если считали себя обиженными со стороны филадельфийцев, но немедленно приступили к военным дей-

ствиям. Поэтому он велел схватить трех начальников их и заковать в кандалы как виновников всей этой смуты. Одного из них, Аннибала, он затем приказал казнить, а двух других, Амарама и Елеазара, приговорил к изгнанию. Немного спустя к нему привели также схваченного атамана разбойников, некоего Феломея, который причинил много вреда Идумее и арабам. Фад распорядился казнить его. Таким образом, благодаря заботливости и усердию Фада вся Иудея и Аравия была избавлена от разбойников. Затем он, согласно предписанию императора, призвал первосвященника и наиболее именитых иерусалимских граждан и предложил им доставить, как то практиковалось прежде, головной убор и священную ризу, которую мог надевать на себя один лишь первосвященник, в крепость Антонию, чтобы они там находились под наблюдением римлян. Собравшиеся, правда, не осмелились противоречить требованию наместника. Но вместе с тем они просили Фада и Лонгина, также явившегося в Иерусалим во главе значительного войска из боязни, чтобы требования Фада не вызвали волнений среди иудейского престолярства, сперва разрешить им отправить послов к императору с просьбой оставить священную одежду в их распоряжении. При этом они умоляли Фада подождать с исполнением своего требования, пока не получится ответ Клавдия на их ходатайство. Римляне отвечали, что они готовы разрешить иудеям отправку депутации при условии выдачи ими детей в качестве заложников. На это иудеи охотно согласились и, выдав заложников, отправили своих послов. Когда последние прибыли в Рим и Агриппа Младший, сын умершего царя, узнал о причине их приезда (Агриппа, как мы уже раньше упоминали, жил при дворе императора), он стал просить Клавдия исполнить просьбу иудеев относительно священного облачения и написать в этом смысле письмо Фаду.

2. Призвав затем депутатов, Клавдий сообщил им, что исполняет их просьбу, и велел им благодарить за это Агриппу (по ходатайству которого он, император, это делает). При этом он вручил им в виде письменного ответа бумагу следующего содержания: «Император Клавдий Германик, в пятый раз облеченный властью народного трибуна, в четвертый раз консул и в десятый раз главный военачальник, отец

своего отечества, сим посылает привет начальникам, членам совета, населению иерусалимскому и всему вообще иудейскому народу. Так как мой любезный Агриппа, которого я воспитал и который так предан мне, представил мне ваших послов, поблагодаривших меня за мою заботливость о вашем народе и усердно и почтительно просивших меня представить в ваше собственное распоряжение священную одежду и головной убор первосвященника, я сим выражаю свое на это согласие, подобно доблестному и любезнейшему мне Вителлию. На эту вашу просьбу я согласился, во-первых, как вследствие своего благочестия, так и желания, чтобы каждый мог исполнять по-своему требования религии; а во-вторых, я согласился на это потому, что знаю, что этим я доставлю удовольствие царю Ироду и младшему Аристовулу, преданность которых ко мне и заботливость которых о вас мне одинаково известны. К тому же я особенно расположен к этим отличным и милым людям. Вместе с тем я послал своему наместнику Куспию Фаду соответственное распоряжение. Это письмо вручено Корнелию, сыну Керона, Трифону, сыну Фейдиона, Дорофею, сыну Иоанна. Составлено оно за четыре дня до июльских календ², в консульство Юлия Руфа и Помпея Сильвана».

3. Тогда же Ирод, брат покойного Агриппы, управлявший в это время Халкидой, обратился к императору Клавдию с просьбой предоставить ему право заведования (иерусалимским) храмом, его суммами и назначением первосвященников. Клавдий согласился на это. С того времени право это оставалось за всеми его потомками — вплоть до конца (иудейской войны). Между прочим, Ирод сместил первосвященника, прозванного Канферой, и предоставил его сан Иосифу, сыну Каменя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Около того же времени адиабенская царица Елена и ее сын Изат приняли иудаизм. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство.

Царь Адиабены, Монобаз, известный также под именем Базея, влюбился в свою сестру Елену и стал жить с ней. Затем она забеременела. Когда он однажды спал с ней, то

Рождение Иисуса Христа

случайно во сне прикоснулся рукой к ее животу. Тут ему показалось, будто он слышит голос, требующий, чтобы он отнял руку и не повредил бы младенца в утробе жены своей, так как это дитя зачалось по особенному желанию Господа Бога и будет всю свою жизнь счастливо. Голос поразил царя, который тотчас же проснулся и сообщил обо всем жене. Когда у них родился сын, царь назвал его Изатом. У Монобаза был еще другой, старший сын от Елены, равно как были другие сыновья от других жен. Однако всю свою любовь он очевидно сосредоточил на Изате, как будто бы он был единственным его сыном.

2. В результате получилось то, что другие братья стали завидовать Изату. Вскоре это чувство зависти перешло в ненависть, так как все были огорчены явным предпочтением, которое Изату оказывал отец его. Хотя Монобаз и отлично замечал это, однако он простил других сыновей своих, зная, что они поступают так не по злобе, а потому что каждый из них считал и себя достойным такой же любви

со стороны отца. Однако, опасаясь как бы ненавидевшие его братья не устроили Изату какой-нибудь неприятности, Монобаз отправил его с большими подарками к Авеннеригу, царю Спасинхараксы³, и поручил ему позаботиться о безопасности юноши. Авеннериг любезно принял последнего, очень полюбил его и выдал за него замуж свою дочь Симахо, причем подарил ему область, из которой Изат мог извлекать значительные доходы.

3. Состарившись и видя, что ему уже немного остается жить, Монобаз перед смертью захотел повидаться с сыном. Поэтому он послал за ним. Когда Изат прибыл, он сердечнейшим образом приветствовал его и подарил ему область, носящую название Карры⁴. Эта местность отличается обилием смолы амома. Тут же сохраняются и остатки ковчега, в котором, по преданию, Ной спасся во время потопа; эти остатки по сей день показываются всем желающим.

Изат оставался тут вплоть до смерти отца своего. В самый день кончины Монобаз царица Елена послала за всеми высшими начальниками, за сатрапами и теми, кому были вверены ответственные должности. Когда все они явились к ней, она сказала им: «Я полагаю, что вам неизвестно, что мой покойный муж признал Изата достойным себе преемником на престоле; впрочем, я ожидаю теперь и вашего на этот счет решения; счастлив может быть лишь тот правитель, которому вручается власть не одним человеком, по который получает ее добровольно от многих». Царица сказала все это, чтобы испытать настроение созванных ее лиц. Последние, лишь только услышали слова царицы, преклонились перед нею, по обычаю своей страны, а затем выразили полное сочувствие решению покойного царя и сказали, что охотно повинуются ему, так как Монобаз вполне справедливо предпочел, по их мнению, Изата всем его братьям. Затем они предложили умертвить всех прочих братьев и родственников, дабы Изат был гарантирован в безопасности и прочности своей власти. Они указывали на то, что, когда эти будут умерщвлены, исчезнет всякий страх из-за ненависти их к Изату. На это Елена выразила им свою признательность за их преданность ей и Изату, но вместе с тем советовала удержаться от умерщвления остальных братьев, хотя

бы до тех пор, пока не прибудет Изат и даст им на то свое разрешение. Не убедив таким образом царицу в необходимости избавиться от соперников, придворные стали уговаривать ее, по крайней мере, арестовать братьев и держать их, для своей же безопасности, в заключении, пока не приедет Изат. Вместе с тем они советовали ей временно поручить бразды правления человеку, которому она наиболее доверяет. Елена согласилась с этим и назначила временно исполняющим обязанности царя старшего сына своего Монобаза. Она сама возложила на него диадему, вручила ему именной перстень отца (у них это называется сампсерой) и велела ему управлять государством до прибытия брата. Последний скоро приехал, узнав о смерти отца. Затем он сменил своего брата Монобазу, который передал ему правление.

4. В то время как Изат жил в Спасинхараксе, некий иудей-купец, по имени Анания, вошел в сношения с женами (покойного) царя и познакомил их с сущностью иудейской религии. Таким образом, Анания при посредстве женщин стал известен также Изату, которого ему тоже удалось склонить на свою сторону, и когда Изат был призван отцом своим в Адиабену, Анания сопровождал его по настоятельной просьбе Изата. Тем временем и Елена, которую просветил другой иудей, приняла иудаизм.

Когда Изат, став царем, прибыл в Адиабену и увидел тут своих братьев и прочих родственников в оковах, он был очень недоволен этим. Считая безбожным не только умерщвлять их, но и томить в темнице, а с другой стороны, не считая безопасным держать их при себе, когда они могли быть злопамятны, он отправил часть их вместе с их семьями в Рим к императору Клавдию, а прочих послал в качестве заложников к парфянскому царю Артабану. Узнав затем, насколько его матери правятся положения иудейской религии, он поспешил и сам принять эту веру, а так как не мог считать себя настоящим иудеем, пока не принял обрезания, то выразил готовность подвергнуться и этому.

5. Когда же его мать узнала об этом, она пыталась отговорить его и указывала ему на опасность, связанную с таким переходом: ведь он царь и может навлечь на себя недовольствие своих подданных, которые, узнав об его расположении к иноземцам и их обычаям, смогут не пожелать

повиноваться царю-иудею. Так рассуждала Елена и всячески старалась отговорить сына от его намерения; последний между тем передал все ее речи Анании. Анания вполне согласился со взглядами царицы и стал грозить Изату покинуть его и уехать, если он будет настаивать на своем. При этом Анания указывал на то, что он сам, если все это дело станет известным, должен опасаться и за себя, так как все будут считать именно его виновником такого перехода и наставником царя в столь недостойном деле. Анания присовокуплял, что Изат может поклоняться Господу Богу и не принимая обрезания, если уже он непременно желает прикнуть к иудейству. Такое поклонение, по его мнению, будет гораздо важнее принятия обрезания. Когда же Анания указал еще на то, что Предвечный простит ему это упущение, так как он согласился на него по необходимости и из соображений политического свойства, царь наконец склонился в пользу мнения Анании. Однако Изат не мог вполне подавить в себе желание подвергнуться обрезанию. После этого к нему однажды прибыл некий Елеазар, галилейский иудей, пользовавшийся славой большого знатока закона. Этот-то человек и склонил Изата подвергнуться обрезанию. Войдя к царю и приветствовав его, Елеазар застал его за чтением Моисеева Пятикнижия и воскликнул: «О царь, ты не исполняешь главного закона и этим грессишь против Господа Бога. Тебе следует не только читать эти законы, но раньше всего исполнять их. Доколе же ты хочешь оставаться необрезанным? Если тебе до сих пор неизвестны законоположения на этот счет и ты не знаешь, в чем заключается настоящее благочестие, то познакомься теперь с этим». При этих словах царь перестал откладывать дело, но перешел в другую комнату, позвал врача и велел ему совершить операцию. Затем он послал за своей матерью и за своим наставником Апанией и сообщил им о случившемся. Последние были поражены и очень испуганы этим, боясь, как бы при распространении известия о поступке царя Изат не подвергся опасности потерять царство, так как подданные не захотят повиноваться человеку, который предался чужим обычаям; вместе с тем они боялись и за себя, так как их могли признать виновниками всего этого дела. Однако Господь Бог оградил их от осуществления их боязни. Когда Изату и его детям пришлось

действительно подвергнуться серьезным опасностям, Он выручал их всегда из затруднительного положения и тем показывал, что люди, уповающие на Него и доверяющиеся Ему одному, постоянно получают награду за свое благочестие.

6. Впрочем, об этом мы поговорим впоследствии. Тем временем мать царя, Елена, видя, что мир в стране не нарушается, что ее сын счастлив, всеми любим и благодаря заступничеству Предвечного заслужил расположение даже иноземных народов, возымела желание поехать в город Иерусалим, поклониться пользовавшемуся знаменитостью храму Господа Бога и принести там благодарственные жертвы. Поэтому она просила сына дать ей на то разрешение. Изат весьма охотно исполнил просьбу матери, распорядился приготовить все нужное для поездки, снабдил ее очень крупной суммой денег и проводил ее довольно далеко, когда она отправилась в Иерусалим. Приезд царицы был весьма полезен и кстати для жителей, потому что в это время город страдал от голода и многие жители умирали от недостатка в съестных припасах. Тогда царица Елена послала нескольких лиц своей свиты с крупными суммами в Александрию для закупки хлеба, а других приближенных на Кипр за сушеными финиками. Поручения ее были быстро исполнены, и когда посланные вернулись, она стала раздавать пищу нуждавшимся. Этим благодеянием она навсегда оставила среди нашего народа добрую о себе память. Когда же ее сын Изат узнал об этом голоде, то и он послал значительные деньги иерусалимским начальникам. Распределенные среди нуждающихся, эти суммы спасли многих от жестоких мучений голода. Эта династия вообще оказала нашему городу большие услуги; как мы за то выручали ее, мы расскажем впоследствии.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Между тем, парфянский царь Артабан узнал, что его сатрапы устроили против него заговор. Не считая себя безопасным среди них, он решил уехать к Изату, чтобы просить его о помощи и о восстановлении своем в царской власти, если это будет возможно. Таким образом, он поехал к нему в сопровождении своих родственников и слуг и встре-

тился на пути с Изатом, которого он сам прекрасно знал, но который не знал его вовсе. Подъехав ближе, Артабан начал с того, что, по обычаю своей страны, пал ниц, а затем уже обратился к нему со следующими словами: «О царь! Не отвращай от меня, явившегося к тебе просителем, взора своего и не относись безучастно к моей просьбе. Меня постигло несчастье, я превратился из царя в частное лицо, и теперь прибегаю к твоему заступничеству. Подумай о том, сколь непостоянна судьба, вспомни, что всех нас может постигнуть несчастье, и подумай о моей любви к тебе. Ведь если я буду покинут тобой без помощи, то могут явиться и другие, более смелые злоумышленники, которые восстанут против других царей». Эти слова Артабан произнес со слезами на глазах и низко склонив голову.

Когда Изат узнал имя просителя и увидел его в таком жалком и измученном положении, то немедленно соскочил с коня и воскликнул: «Мужайся, царь, и пусть теперешнее несчастье не сокрушает тебя. Настоящая печаль твоя скоро сменится радостью. Во мне ты найдешь друга и товарища, который будет лучше, чем ты сам рассчитывал: или я верну тебе обратно твой парфянский трон, или предоставлю тебе свой собственный».

2. С этими словами он предложил Артабану сесть на коня, а сам пошел пешком рядом с ним, чтобы оказать ему тем высокую честь. Артабан не мог равнодушно отнестись к этому, стал отказываться от предложенной ему чести и сказал, что положительно сойдет с коня, если Изат, в свою очередь, не сядет на лошадь и не поедет вперед. Изат наконец уступил его настояниям и также поехал верхом. Привезя затем гостя во дворец, он стал оказывать ему всевозможный почет, сажая его во время заседаний и обедов на первое место. При этом он не взирал на теперешнее его положение, но делал все это из уважения к его прежнему сану, отлично сознавая, что всякого человека могут постигнуть превратности судьбы. Вместе с тем Изат написал парфянам письмо, убеждая их вновь принять к себе своего царя Артабана, причем ручался им клятвенно и своим царским словом, что всем им будет дарована амнистия. Хотя парфяне и не отказывались вновь принять к себе Артабана, однако они ответили, что это им теперь невозможно потому, что они уже

доверили власть другому лицу (его звали Киннамоном) и теперь опасаются, как бы среди них из-за этого не произошли волнения. Когда Киннамон узнал об этом ответе парфян, он немедленно сам написал Артабану (воспитанником которого он был; Киннамон отличался добрым и благородным сердцем), чтобы тот доверился ему и приехал назад получить от него обратно бразды правления. Артабан доверился ему и поехал. Киннамон же выехал ему навстречу, преклонился перед ним, как перед царем, и, сняв со своей головы диадему, возложил ее на голову Артабана.

3. Таким образом, Артабан при содействии Изата вернул себе трон, которого раньше лишился благодаря своим сановникам. Он не забывал оказанных ему Изатом благодеяний, но старался воздать ему за это тем, что у парфян считается особенно почетным, а именно он разрешил ему носить прямую тиару и спать на золотой кровати.

Эти привилегии принадлежат одним только парфянским царям. Вместе с тем он предоставил Изату также обширную и плодородную область, которую отнял у армянского царя. Имя этой области — Низибис; тут когда-то македоняне основали город Антиохию, прозванную Епимигдонийской.

4. Таким почетом парфянский царь отличил Изата. Вскоре затем, однако, Артабан умер и оставил царство сыну своему, Вардану. Прибыв к Изату и намереваясь начать войну с римлянами, этот Вардан просил его о помощи и предложил примкнуть к нему. Однако Изат не согласился, потому что знал силу и удачу римлян и не считал возможным померяться с ними. Вместе с тем Изат послал своих пятерых сыновей, находившихся еще в юном возрасте, в Иерусалим, чтобы они там научились нашему языку и законам и получили законченное образование. Он очень охотно, как я уже упомянул выше, отпускал свою мать на поклонение храму. Тем временем, постоянными рассказами о могуществе и подвигах римлян, он старался удержать Вардана от его намерения, рассчитывая таким образом запугать его и подавить в нем желание воевать с римлянами. В конце концов парфянин на все это рассердился и объявил войну самому Изату; однако он не привел своей угрозы в исполнение, потому что Предвечный расстроил все его планы. Дело в том, что парфяне, узнав характер Вардана и его решение вступить в

борьбу с римлянами, умертвили его, а царство передали его брату Котарду. Впрочем, и этот немного времени спустя пал жертвой заговора, и преемником ему стал его брат Вологез, который, в свою очередь, доверил две большие части своих владений двум братьям своим, а именно, отдал область мидийскую старшему брату Пакору, а Армению младшему, Тиридату.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Тем временем брат Изата, Монобаз, и его родственники видели благочестие царя, его душевную чистоту и то, насколько он любим всеми. Поэтому они и сами пожелали отказаться от своей религии и принять иудаизм. Действительно, это свое намерение они и привели в исполнение. Между тем их поступок стал известен среди подданных; сановники очень рассердились на это, но, Впрочем, не выказывали гнева, имея в виду выбрать удобный момент и расправиться с ними. Поэтому они написали Авии, царю арабскому, письмо, в котором обещали ему крупную сумму денег, если он согласится начать поход против их царя. При этом они заявили ему, что в первом же сражении покинут Изата, ибо желают наказать его за его вероотступничество. Они готовы были связать себя с Авией клятвенным договором и просили его явиться поскорее. Арабский царь согласился на это и, не откладывая, во главе большой рати двинулся против Изата. В первой же стычке, даже еще до начала настоящего рукопашного боя, все заговорщики по данному знаку покинули Изата и, будто охваченные паническим ужасом, повернули тыл и бросились бежать. Впрочем, Изат не испугался этого; он понял, что начальствующие лица совершили измену. Поэтому он сам пока отступил к своему лагерю и стал исследовать дело. Когда же он узнал, что действительно было заключено соглашение с царем арабским, он казнил виновных; на следующий день он вновь сразился с врагами, перебил множество их, а всех остальных обратил в бегство. При этом, преследуя самого арабского царя, он добрался до крепости Арсама; он стал упорно осаждать ее и в конце концов взял ее силой. Захватив там крупную добычу, он возвратился в Адиабену. Авию же ему не удалось поймать живьем, так

как он, находясь в таком стесненном положении, раньше чем попасть в руки Изата, сам покончил с собой.

2. Потерпев таким образом неудачу в своем первом предприятии, так как Предвечный выдал их царю с головой, влиятельные адиабенцы, однако, не успокоились на этом, но написали новое письмо, теперь уже к парфянскому царю Вологезу с предложением умертвить Изата и дать им какого-нибудь другого правителя, хотя бы парфянина; они ссылались при этом на свою ненависть к Изату, который изменил их древней вере и ревностно предан чужим обычаям. При этом известии царь парфянский приготовился к войне; но так как у него не было достаточного повода к ней, то он послал Изату требование отказаться от предоставленных ему его отцом (Артабаном) почетных преимуществ. В противном случае он угрожал войной. Изат очень смутился при этом известии; однако отречение от раз дарованных ему прав он считал позорным и боялся этим навлечь на себя обвинение в трусости. С другой же стороны, он также понимал, что даже в случае его отречения парфянский царь не успокоится. Поэтому Изат в такой опасности решил обратиться к всемилосердному Богу. Видя в Нем своего могущественнейшего заступника, он распорядился отвезти детей и женщин в наиболее безопасную крепость, собрать туда весь хлеб и сжечь все сено и подножный корм. Сделав эти приготовления, он стал ожидать врагов. Тем временем парфянский царь, совершая непрерывные переходы, прибыл раньше, чем его ожидали, во главе огромного пешего и конного войска, и расположился станом вблизи реки, отделяющей Адиабену от Мидии. Невдалеке от него и Изат стал лагерем, имея в своем распоряжении около шести тысяч всадников. В это время к Изату явился посланный парфянским царем вестник, который объявил, как велико могущество парфянского царя и что его владения простираются от реки Евфрат до границ Бактрии. При этом он также перечислил всех царей, находившихся у него в зависимости. Посланный грозил, что парфянский царь накажет Изата за его неблагодарность, и говорил, что от власти врага не сможет избавить его даже столь почитаемый им Бог его. Когда вестник кончил, Изат ответил ему, что он знает, насколько могущество парфян больше его собственной власти, однако он знает также и то,

что Предвечный могущественнее всех в мире. Дав такой ответ, он обратился с молитвой к Богу, пал ниц, посыпал голову пеплом и стал с женами и детьми своими поститься. Затем он обратился к Господу Богу со следующей мольбой: «Всевышний! Если я не напрасно уповал на Твою милость, считая Тебя главным заступником и владыкой, яви мне теперь свою помощь и отрази врагов не столько ради меня, сколько потому, что они дерзко отзывались о Твоем могуществе и не сдержали своего пахального языка». Так со слезами и стенаниями молил Изат Предвечного, и Господь услышал его: еще в ту же ночь, пока царь молился, Вологез получил письмо с извещением, что даи и саки⁵ собрали огромное войско, воспользовались его отсутствием и предадут страну парфянскую разграблению. Поэтому Вологез тотчас вернулся назад, не причинив Изату ни малейшего вреда. Таким образом Изат благодаря заступничеству Предвечного счастливо избавился от грозного парфянского царя.

3. Немного времени спустя Изат умер пятидесяти пяти лет от роду, на двадцать четвертом году своего правления. Он оставил после себя 24 сыновей и столько же дочерей. Преемником он назначил своего брата Монобазу в благодарность за то, что он во время его отсутствия, после смерти отца их, так верно сохранил ему престол. Когда Елена узнала о смерти сына, то очень опечалилась, как и подобало матери, лишившейся столь благочестивого сына. Вместе с тем ей послужило утешением известие, что преемником ему стал старший брат его. Она немедленно поспешила к Монобазу. По прибытии своем в Адиабену Елена недолго пережила сына своего Изата, но вскоре умерла от старости и от тоски по нему. Монобаз отправил останки ее и брата в Иерусалим, где распорядился похоронить их в тех трех пирамидах, которые в расстоянии трех стадий от города воздвигла Елена. О деяниях же царя Монобазу во время его царствования мы расскажем впоследствии.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Во время наместничества Фада в Иудее, некий Февда⁶, обманщик, уговорил большую массу народа забрать с собой все имущество и пойти за ним, Февдой, к реке Йор-

дан. Он выдавал себя за пророка и уверял, что прикажет реке расступиться и без труда пропустить их. Этими словами он многих ввел в заблуждение. Однако Фад не допустил их безумия. Он выслал против них отряд конницы, которая неожиданно нагрянула на них, многих из них перебила и многих захватила живьем. Остервеневшись, воины отрубили самому Февде голову и повезли ее в Иерусалим⁷. Это было все, что случилось выдающегося у иудеев во времена наместничества Кусния Фада.

2. Преемником Фада стал Тиверий Александр, сын александрийского алабарха Александра, который выдавался среди своих сограждан как знатностью происхождения, так и богатством. Вместе с тем алабарх отличался также благочестием, тогда как сын его не оставался верен древним традициям. В это же самое время случился в Иудее и тот большой голод, когда, как я рассказал выше, царица Елена на большие деньги закупила хлеба в Египте и раздала его нуждавшимся. Тогда же были казнены и сыновья галилеянина Иуды, Иаков и Симон, которые, как мы упомянули выше, во время переписи Квирина возбудили народ к отпадению от римлян. Александр велел их пригвоздить к кресту. Тогда же и халкидский царь Ирод сместил первосвященника Иосифа, сына Кемея, и передал эту должность Ананию, сыну Недевея.

Преемником Тиверия Александра стал Куман. При нем умер Ирод, брат царя Агриппы Великого, на восьмом году правления императора Клавдия. Он оставил после себя трех сыновей: Аристовула, которого родила ему его первая жена, Береникиана, и Гиркана от дочери своего брата, Береники. Царство Ирода император Клавдий передал Агриппе Младшему.

3. Во времена наместничества Кумана в Иудее в Иерусалиме произошли волнения, причем погибли многие из иудеев. Но сперва я расскажу о причине этого волнения. Когда наступил праздник Пасхи, в который у нас принято есть опресноки, и когда отовсюду в город стеклось большое количество народа, Куман стал опасаться, как бы не произошли беспорядки. Поэтому он приказал одному отряду солдат с оружием в руках занять галереи храма и подавлять в случае необходимости всякий беспорядок. Так

обыкновенно поступали во время празднеств и прежние наместники.

На четвертый день праздника какой-то солдат позволил себе непристойную выходку в храме перед народом, который при виде этого рассвирепел, говоря, что солдат оскорбил не их, но самого Господа Бога. Некоторые из более смелых иудеев стали даже поносить Кумана, указывая на то, что он разрешил это солдату. Когда Куман узнал об этом, он сам крайне рассердился и стал увещевать народ успокоиться, не волноваться и избегать смут и волнений. Но он не мог убедить их; они еще более поносили его. Тогда он собрал все войска и повел их в полном вооружении в замок Антонию, который, как мы уже раньше упоминали, примыкал к самому храму. При виде солдат толпа испугалась и бросилась бежать. Но улицы были узки, и народ, предполагая погоню врагов, стал тесниться и толкаться, и таким образом на улицах были задавлены во время этого бегства многие; число человеческих жертв тут было исчислено в двадцать тысяч. Таким образом праздник обратился в печаль. Народ оставил свои молитвы и жертвоприношения, плакал и предавался горю. Вот какое бедствие навлек на народ святотатственный поступок одного солдата.

4. Еще не успели люди успокоиться от постигшего их горя, как произошло новое бедствие. Дело в том, что несколько людей, искавших повода к смутам, напали на большой дороге в расстоянии ста стадий от города на ехавшего там императорского чиновника Стефана и окончательно ограбили его. Узнав о том, Куман немедленно выслал воинов с приказанием разграбить ближайшие местности и, схватив наиболее видных представителей населения, доставить их в оковах к нему, чтобы он мог привлечь их к ответу за содеянное. В то время как воины предавали местность разграблению, какой-то безрассудный молодой солдат нашел в одной деревне хранившийся там экземпляр Моисеева законодательства. Вытащив этот свиток, солдат бессовестно разодрал его на глазах у всех, причем глумился, ругался и всячески издевался над ним. Узнав об этом, иудеи собрались в большом числе и отправились в Цезарею, где находился тогда Куман. Тут они просили отомстить не за них, но за Предвечного, законы которого подверглись поруганию. Они при

этом указывали на то, что не могут оставаться долее в живых, если их старинные установления попираются таким образом. В свою очередь, Куман опасался новых народных волнений. Поэтому он, по совету друзей своих, велел отрубить виновному солдату голову и тем подавил уже готовое вспыхнуть восстание⁸.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Между самарянами и иудеями произошла распря по следующей причине: галилеяне, которые отправлялись во время праздников в священный город, имели обыкновение проходить через пределы Самарии. И вот, когда они однажды держали таким образом путь свой, из деревни Гинеи, лежавшей между Самарией и Великой равниной, на галилеян напало несколько человек и перебило множество их. Узнав об этом происшествии, именитые галилеяне явились к Куману и просили его отомстить за смерть невинно погибших. Однако Куман дал себя подкупить крупной суммой денег, полученных от самарян, принял их сторону и отказался от наказания виновных. На это галилеяне рассердились и стали уговаривать народ иудейский взяться за оружие, перебить врагов и тем отстоять свою свободу, потому что, как говорили они, рабство само по себе уже тяжело и становится совершенно нестерпимым, если связано с глумлением. Хотя начальники и пытались умиротворить их и положить предел волнениям и обещали склонить Кумана к наказанию убийц, однако они ничего не добились: иудеи взяли за оружие, призвали к себе на помощь Елезара, сына Динейя (то был разбойник, уже много лет хозяйничавший в горах), подожгли несколько самарянских деревень и предали их разграблению.

Когда весть об этом деле дошла до Кумана, он взял себастийский отряд и четыре роты пехоты, вооружил также самарян и двинулся против иудеев. Сойдясь с ними, он многих из них перебил, а еще большее количество их взял в плен. Видя, до какого ужасного бедствия дожил народ, наиболее почитаемые и родовитые граждане облеклись в мешки, посыпали головы пеплом и все вместе стали уговаривать возмутившихся успокоиться. Они наглядно представляли толпе, как погибнет от этого родина, как будет предан пла-

мени храм, как их жены и дети попадут в рабство, и убеждали их опомниться, бросить оружие, успокоиться на будущее время и разойтись по домам. Эти увещания имели успех. Народ разошелся, а разбойники вновь удалились в свои неприступные убежища. С той поры вся Иудея наполнилась разбойниками.

2. В это время главные представители самарян отправились к сирийскому наместнику Умидию Квадрату, который тогда жил в Тире, с жалобой на то, что иудеи сожгли и разграбили их деревни. При этом самаряне заявляли не столько о своем личном недовольствии, сколько указывали на то, что иудеи отнеслись презрительно к римлянам; им бы следовало обратиться к их суду, если они почувствовали себя обиженными, вместо того чтобы самостоятельно совершать набеги, как будто бы римляне не были хозяевами страны. Ввиду всего этого они, самаряне, и явились к нему с просьбой взыскать с виновных. Так формулировали обвинение самаряне; иудеи же, со своей стороны, говорили, что виновниками всей смуты и военных действий являются самаряне, уже потому, что они задобрили Кумана дарами, так что тот не дал хода делу об умерщвлении (галилеян). Когда Квадрат узнал об этом, он отложил постановление своего решения, сказав, что сделает это, когда приедет в Иудею, в точности расследует все дело и узнает истину. Таким образом, те уехали ни с чем.

Немного погодя Квадрат прибыл в Самарию, где предполагал найти виновных в смутах самарян. Когда же он узнал, что и некоторые иудеи находились в числе бунтовщиков, он распорядился пригвоздить к кресту тех, которых забрал Куман. Отсюда он поехал в деревню Лидду, которая, впрочем, по величине своей не уступала целому городу. Здесь он вторично стал публично творить суд над самарянами. Тут ему сообщил один самарянин, что некий влиятельный иудей, по имени Дорт, и вместе с ним четыре бунтовщика уговаривали народ отложиться от римлян.

Квадрат распорядился казнить виновных, первосвященника же Апанию и военачальника Апапа велел заковать в цепи и отправить в Рим, чтобы они там дали ответ императору Клавдию о всем случившемся. Вместе с тем он предписал наиболее влиятельным самарянам и иудеям, равно как наме-

стнику Куману и трибуну Целеру, отправиться в Италию к императору, который-де разберет их жалобы друг на друга. Сам же он, опасаясь новых волнений со стороны иудеев, поехал в Иерусалим. Однако он нашел город спокойным и занятым отправлением праздника в честь Предвечного.

Убедившись таким образом, что ему печего бояться волнений, он покинул иудеев и вернулся в Антиохию.

3. Когда Куман и влиятельнейшие самаряне прибыли в Рим, император назначил день для разбора их взаимных жалоб друг на друга. Императорские вольноотпущенники и приближенные тем временем усердно хлопотали за Кумана и самарян, и те, наверное, одержали бы верх над иудеями, если бы случайно находившийся в Риме Агриппа Младший, видя интриги против иудеев, не обратился к императрице Агриппине с настоятельной просьбой уговорить мужа внимательно и беспристрастно отнестись ко всему делу и уже тогда наказать настоящих виновников смуты. Подготовленный этим путем, Клавдий выслушал дело, признал самарян главными зачинщиками и приказал казнить тех из них, которые явились к нему. Кумана он приговорил к ссылке, трибуна же Целера велел отвезти в Иерусалим, позорно провезти по всему городу, чтобы все видели его, и затем подвергнуть казни⁹.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. После этого Клавдий послал в качестве правителя в Иудею Феликса, брата Палланта. На тринадцатом году своего правления император отдал Агриппе тетрархию Филиппа, и Батанею, и Трахон с Авилою (входившие некогда в состав тетрархии Лисания) Вместе с тем, однако, он отнял у него Халкиду, после того как Агриппа правил ею в течение четырех лет. Получив эти области в удел от императора, Агриппа выдал свою сестру Друсиллу замуж за эмесского царя Азиза, пожелавшего принять обрезание. Дело в том, что Ешифан, сын царя Антиоха, отклонил брак с ней, не желая принимать иудаизм, хотя он раньше и обещал ее отцу сделать это. Мариамну Агриппа выдал за Архелая, сына Хелкия; она уже раньше еще отцом Агриппы была объявлена невестой Архелая. От этого брака родилась дочь Береника.

2. Впрочем, немного спустя расстроился брак Друсиллы с Азизом. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство:

В то время наместником Иудеи был Феликс¹⁰. Когда он увидал Друсиллу, отличающуюся необыкновенной красотой, он захотел сблизиться с этой женщиной. Поэтому он подошел к ней некоего Симона, иудея, происходившего с острова Кипра и выдававшего себя за мага, и стал уговаривать ее бросить мужа и выйти замуж за него, Феликса. При этом он, в случае ее согласия, обещал сделать все для ее счастья. Друсилла была настолько испорченной, что дала себя уговорить преступить закон и выйти замуж за Феликса. К этому ее, между прочим, побудило также желание избавиться от постоянного выражения зависти со стороны своей сестры Береники, которая немало досаждала ей за ее красоту. Она родила затем Феликсу сына, которого назвала Агриппой. О том, каким образом этот юноша погиб вместе со своей матерью при извержении горы Везувий во времена императора Тита, я расскажу впоследствии.

3. После смерти своего мужа и дяди Ирода Береника долго оставалась вдовой. Но затем, когда стали носиться слухи, будто она живет со своим братом, она уговорила Полемона, царя киликийского, принять обрезание и жениться на ней. Таким путем она рассчитывала покончить со всеми сплетнями. Полемон согласился на это, особенно ввиду ее богатства. Впрочем, этот брак продолжался недолго: Береника, как говорят, вследствие своей неводержанности, вскоре покинула Полемона, который при этом отказался от иудаизма. Около этого же самого времени и Мариамна бросила Архелая и вышла замуж за Димитрия, родовитого и богатого александрийского иудея, который тогда был там алабархом. Родившегося от этого брака сына она назвала Агриппином. Впрочем, о каждом из них мы впоследствии расскажем подробно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Около этого времени¹¹ умер император Клавдий, процарствовав тринадцать лет, восемь месяцев и двадцать дней. Между некоторыми лицами распространился слух, что он

был отравлен женой своей Агриппиной¹². Отцом последней был Германик, брат Клавдия. Сперва она была замужем за Домицием Агенобарбом, одним из выдающихся римских граждан. После его смерти она долго вдовела, а затем вышла за Клавдия; у нее тогда был уже сын от первого брака, Домиций. Перед этой женитьбой на Агриппине Клавдий из ревности развелся с женой своей Мессалиной, от которой у него было двое детей, Британник и Октавия. Кроме того, у него была еще дочь, Антония, которую родила ему его первая жена, Петина. Октавию он выдал за Нерона, как Клавдий впоследствии, после усыновления, назвал Домиция¹³.

2. Агриппина, опасаясь, как бы достигший зрелого возраста Британник не стал преемником отца своего, и желая гарантировать своему собственному сыну (Нерону) престол, отравила, как говорят, Клавдия. Затем она немедленно послала за военачальником Бурром, равно как за трибунами и наиболее влиятельными вольноотпущенниками, чтобы они представили Нерона войскам и провозгласили его императором.

Таким образом власть перешла к Нерону. Он тайно распорядился отравить Британника, а затем недолго спустя уже открыто умертвил родную мать, отплатив ей таким образом не только за то, что она даровала ему жизнь, но и за то, что благодаря ее стараниям он стал римским императором. Вместе с тем он велел убить также жену свою Октавию, равно как целый ряд выдающихся лиц под предлогом, будто они составили заговор против него.

3. Однако довольно об этом! Многие писатели повествовали о Нероне; одни из них, которым он оказывал благодеяния, из признательности к нему извращали истину, другие из ненависти и вражды настолько нагнали на него, что не заслуживают никакого извинения. Впрочем, мне не приходится удивляться тем, кто сообщил о Нероне столь лживые данные, так как эти люди не говорили истины даже относительно предшественников его, несмотря на то, что они не имели никакого повода относиться неприязненно к ним и жили гораздо позже их. Однако пусть те, кто не дорожит истиной, пишут о нем как им угодно, если это доставляет им такое удовольствие. Мы же на первом плане ставили истину и потому коснулись лишь вскользь всего того, что не относится прямо к нашему предмету¹⁴, касательно же иудейских дел мы

распространяемся подробно, не останавливаясь ни перед постигшими иудеев бедствиями, ни перед их ошибками. Итак, я возвращаюсь к своему повествованию о наших внутренних делах

4. В первый же год правления Нерона умер эмесский царь Азиз, и преемником его стал его брат Соэм. Управление Малой Арменией Нерон поручил Аристовулу, сыну халкидского царя Ирода. Агриппе он отдал часть Галилеи, Тивериаду и Тарихею, равно как черейский город Юлиаду и двадцать четыре окрестные деревни.

5. Между тем, дела Иудеи приходили со дня на день в больший упадок. Страна вновь наполнилась разбойниками и обманщиками, которые вводили простонародье в заблуждение. Тем временем Феликс ежедневно ловил и казнил как тех, так и других. Так, напр., он хитростью захватил Елезара, сына Динея, собравшего вокруг себя огромную шайку разбойников, уверениями полнейшей безопасности он заманил его к себе, затем велел заковать в оковы и отправил его в Рим. Особенную неприязнь Феликс питал к первосвященнику Ионафу за то, что тот часто напоминал ему о необходимости лучшего управления иудейскими делами, дабы Феликс, которого император по просьбе Ионафа же послал наместником в Иудею, не навлекал на себя несправедливости народа. Поэтому Феликс стал придумывать предлог, под которым он мог бы избавиться от столь тягостного ему Ионафа, потому что постоянные увещания тяжелы тем, кто имеет в виду поступать противозаконно. По этой причине Феликс за огромную сумму денег подкупил одного из преданнейших друзей Ионафа, иерусалимского жителя Дораса, и уговорил его подослать к Ионафу наемных убийц. Дорас согласился и следующим образом решил привести, при помощи убийц, в исполнение свой замысел: несколько человек отправились в город под предлогом поклониться Господу Богу; при этом у них под платьем были спрятаны ножи. Затем они приблизились к Ионафу, обступили его и покопчили с ним. Так как это убийство прошло безнаказанным, то разбойники впоследствии стали совершенно безбоязненно являться во время праздников в город, держа под платьем ножи наготове. Затем они смешивались с народной толпой и убивали тут как своих личных врагов, так и тех,

против которых их панимали за деньги. Это они делали не только в пределах города, но и в самом храме, так как не стеснялись осквернять святилище столь святотатственными убийствами. Поэтому, полагаю я, и Господь Бог, в гневе на такое кощунство, лишил нас нашего города и напустил на нас римлян, не видя более в своем храме прежней его чистоты и незапятнанности, предал город всеочищающему пламени и дал увести нас с женами и детьми в рабство, желая, чтобы мы образумились при таких бедствиях.

6. Итак, деяния убийц преисполнили весь город ужасом. Тем временем разные проходимцы и обманщики старались побудить народ последовать за ними в пустыню, где обещали ему явить всякие чудеса и необыкновенные вещи¹⁵, которые будто бы должны случиться по желанию Предвечного. Многие поверили этому и (жестоко) поплатились за свое безумие, потому что Феликс возвращал их обратно и наказывал. Около того же времени в Иерусалим явился некий египтянин, выдававший себя за пророка; он уговорил простой народ отправиться вместе с ним к Елеонской горе, отстоящей от города на расстоянии пяти стадий. Тут он обещал легковверным иудеям показать, как по его мановению падут иерусалимские стены, так что, по его словам, они будто бы свободно пройдут в город. Когда Феликс узнал об этом, он приказал войскам вооружиться; затем он во главе большого конного и пешего отряда выступил из Иерусалима и нагрянул на приверженцев египтянина. При этом он умертвил четыреста человек, а двести захватил живьем. Между тем, египтянину удалось бежать из битвы и исчезнуть¹⁶. Впрочем, разбойники вновь стали побуждать народ к войне против римлян, говоря, что не следует повиноваться. При этом они разграбляли и сжигали деревни тех, кто не примыкал к ним¹⁷.

7. Около того же времени возникли разногласия и между иудейским населением Цезареи и ее сирийскими жителями из-за вопроса о политической равноправности. Дело в том, что иудеи требовали себе первенства вследствие того, что основатель Цезареи, царь Ирод, был иудейского происхождения. Сирийцы с этим хотя и соглашались, но вместе с тем указывали на то, что Цезарея первоначально называлась Стратоновой башней и тогда в городе не было ни одного жителя из иудеев. Когда римские чиновники узнали об этом,

они распорядились арестовать зачинщиков всей смуты как с той, так и с другой стороны, велели наказать их палочными ударами и таким образом ненадолго подавили волнение. Однако вскоре иудейские жители города, кичась своим богатством и потому презрительно относясь к сирийцам, вновь стали глумиться над последними, имея в виду вызвать их неудовольствие. Сирийцы, правда, уступали иудеям в зажиточности, но зато полагались на то обстоятельство, что большинство римских легионеров, там квартировавших, состояло из цезарейцев и себастийцев. Поэтому и они, в свою очередь, некоторое время глумились над иудеями. Впоследствии, однако, дело дошло до того, что они стали кидать друг в друга камнями, пока много человек с обеих сторон не было ранено и пало. В конце концов, впрочем, победителями остались иудеи.

Когда Феликс заметил, что эта распря переходит в открытую войну, он поспешил уговорить иудеев прекратить ее. Но так как те не повиновались ему, он выпустил на них вооруженных солдат, многих иудеев перебил, а еще большее количество их захватил живьем, причем разрешил солдатам разграбить несколько особенно богатых домов. Более сдержанные и влиятельные иудеи между тем испугались за свою личную безопасность и просили Феликса велеть трубить отбой, вообще пощадить их сограждан и дать им возможность загладить проступок. Феликс внял их просьбам.

8. Около этого времени царь Агриппа передал первосвященство Измаилу, сыну Фаба. Тогда же возникли ссоры и смуты между первосвященниками, священниками и наиболее влиятельными иерусалимскими гражданами. Каждый из враждующих собирал вокруг себя толпу крайне отчаянных и беспокойных приверженцев, становился во главе их и вел их в бой. При столкновениях эти отряды осыпали друг друга сперва бранью, а затем и камнями. Между тем, не было никого, кто бы мог их припугнуть и тем положить предел смуте; напротив, все эти злоупотребления происходили, как будто бы в городе не было начальства. Первосвященники настолько потеряли всякий стыд и дошли до такой дерзости, что решались отправлять своих слуг к гумнам, чтобы забирать там десятину, предназначавшуюся для простых священнослужителей. Таким образом случилось, что несколько

бедных священников умерло от голода. Насилия бунтовщиков подавили всякое понятие о справедливости.

9. Когда Нерон назначил Феликсу преемником Порция Феста, наиболее влиятельные из цезарейских иудеев отправились в Рим и там выступили с обвинениями против Феликса. Последний, вероятно, поплатился бы за совершенные над иудеями притеснения, если бы брат Нерона, Паллант, которого император тогда особенно ценил, не заступился за него. Тогда же главные сирийцы Цезареи путем огромной суммы денег склонили Бурра, бывшего воспитателя Нерона и теперь его греческого секретаря, выхлопотать для них у императора указ, которым бы у иудеев отнималась всякая равноправность. Бурру действительно удалось склонить императора к изданию такого указа, который впоследствии подал повод к разным бедствиям для нашего народа. Дело в том, что, когда жившие в Цезарее иудеи узнали об этом указе Нерона в пользу сирийцев, они стали еще более предаваться смутам, пока не дошли до открытой войны¹⁸.

10. Когда Фест прибыл в Иудею, он нашел страну бедствующей от разбойников, которые предавали грабежу и пожарам все селения. Эти разбойники носили название сикариев. Их расплодилось тогда очень много, и они пускали в ход ножи, по величине своей схожие с персидскими акинаками, а по изогнутости с римскими *sicae*; от этих-то ножей убийцы, умерщвлявшие много народа, и получили название сикариев.

Как мы упоминали выше, они смешивались во время праздников с народной толпой, отовсюду стекавшейся в город для отправления своих религиозных обязанностей, и без труда резали тех, кого желали. Нередко они появлялись также в полном вооружении во враждебные им деревни, разграбляли и сжигали их. Фест, между прочим, выслал конный и пеший отряды против людей, введенных в заблуждение неким проходивцем, который обещал им спасение и избавление от всех бедствий, если они пожелают последовать за ним в пустыню. Высланные против них воины перебили как самого обманщика, так и его жертвы.

11. Около этого времени царь Агриппа воздвиг огромное здание вблизи царского дворца в Иерусалиме, у гимназии. Самый же дворец возник еще при асмонеях. Так как этот

дворец был расположен на возвышенности, то отсюда открывался прелестнейший вид на город. Лежа там на своем ложе, царь мог оттуда видеть все, что происходило в храме. Когда иудейские главари заметили это, то страшно рассердились, потому что никогда законом не было дозволено глядеть на происходившее в святилище, особливо во время службы. Поэтому они построили у галереи с западной стороны храма высокую стену, которая не только скрывала вид из царской столовой, но и замыкала вид на западную галерею, тянущуюся вдоль храма; там римляне ставили караулы во время религиозных иудейских праздников.

Агриппа рассердился на это, но еще более был недоволен наместник Фест, приказавший иудеям снести стену. Те, однако, просили его разрешить им отправить относительно этого дела посольство к Нерону, говоря, что они предпочитают умереть, чем снести какую-либо из построек храма. Фест разрешил им это, и тогда иудеи отправили к Нерону десять наиболее влиятельных лиц из своей среды, равно как первосвященника Измаила и храмового казначея Хелкию.

Выслушав их, Нерон не только простил им их поступок, но и согласился оставить стену; это он сделал в угоду жене своей Пoppее (она отличалась истинным благочестием)¹⁹, которая просила его за иудеев. Императрица затем отпустила десять депутатов²⁰, Хелкию же и Измаила оставила у себя в качестве заложников. Когда царь (Агриппа) узнал о том, он сделал первосвященником сына первосвященника же Симона, Иосифа, прозванного Кавием.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Узнав о смерти Феста, император послал в Иудею наместником Альбина. Около того же времени царь (Агриппа) лишил Иосифа первосвященнического сана и назначил преемником ему Анана, сына Анана же. Последний, именно Анан-старший, был очень счастлив: у него было пять сыновей, которые все стали первосвященниками после того, как он сам очень продолжительное время занимал это почетное место.

Такое счастье не выпадало на долю ни одного из наших первосвященников. Анан же младший, о назначении которого мы только что упомянули, имел крутой и весьма неспо-

койный характер; он принадлежал к партии саддукеев, которые, как мы уже говорили, отличались в судах особенной жестокостью. Будучи таким человеком, Анан полагал, что вследствие смерти Феста и неприбытия пока еще Альбина наступил удобный момент (для удовлетворения своей суровости). Поэтому он собрал синедрион и представил ему Иакова, брата Иисуса, именуемого Христом, равно как нескольких других лиц, обвинил их в нарушении законов и приговорил к побитию камнями. Однако все усерднейшие и лучшие законоведы, бывшие (тогда) в городе, отнеслись к этому постановлению неприязненно. Они тайно послали к царю с просьбой запретить Анану подобные мероприятия на будущее время и указали на то, что и теперь он поступил неправильно. Некоторые из них даже выехали навстречу Альбину, ехавшему из Александрии, и объяснили ему, что Анан не имел права, помимо его разрешения, созывать синедрион. Альбин разделил их мнение на этот счет и написал Анану гневное письмо с угрозой наказать его. Ввиду этого царь Агриппа лишил Анана первосвященства уже три месяца спустя после его назначения и поставил на его место Иисуса, сына Дамнея.

2. Когда Альбин приехал в Иерусалим, он приложил всяческое старание и усердие, чтобы умиротворить страну. При этом он умертвил множество сикариев. Тем временем влияние первосвященника Анана росло со дня на день, и он пользовался любовью и почетом среди своих сограждан. Дело в том, что он давал займы деньги и постоянно умел склонять подарками Альбина и другого первосвященника (Иисуса). При этом у него были крайне испорченные слуги, которые в обществе подонков народа отправлялись на гумна и там насильно овладевали предназначавшеюся для простых священнослужителей десятиной; в случае же сопротивления они прибегали к побоям. Так как никто не мог препятствовать этому, то и другие первосвященники делали то же, что и слуги Анана. Тогда-то многим из священников, для которых раньше десятина представляла источник существования, пришлось умереть от голода.

3. Когда во время наступившего праздника сикариям удалось ночью пробраться в город, они схватили письмоводителя, храмового смотрителя Елеазара, который был сыном

первосвященника Анана, связали его и увели с собой. Затем они послали к Анану, обещая, что отпустят к нему писмоводителя, если Анан уговорит Альбина освободить захваченных им десять сикариев. Анан был принужден уговорить Альбина, и тот исполнил его просьбу. Между тем этот случай подал повод к большим бедствиям. Теперь разбойники всячески старались захватить кого-нибудь из членов семьи или близких Анана и систематически держать их у себя до тех пор, пока не получат в обмен нескольких сикариев. Тем временем число последних вновь увеличилось, и они с неслыханной дотоле дерзостью опустошали всю страну.

4. Около этого времени царь Агриппа расширил город Цезарею Филиппу и назвал ее в честь Нерона Нерониадой. Равным образом он с большими издержками воздвиг в Берите театр, в котором ежегодно устраивал на свой счет представления. На это он тратил огромные суммы. Вместе с тем он раздавал народу хлеб и масло. Весь город он украсил статуями и картинами древних мастеров, и вообще почти весь блеск своего двора он перенес именно в этот город. Впрочем, это-то обстоятельство и усилило нерасположение к нему его подданных, потому что он отнимал у них многое для украшения чужого города.

Потом Иисус, сын Гамалиила, был назначен в преемники первосвященнику Иисусу, сыну Дамнея. Результатом этого была ссора, возникшая между ними обоими. Каждый из них собрал вокруг себя толпу отчаянных приверженцев, которые нередко от ругательств переходили к закидыванию друг друга камнями. Тем временем Анан, благодаря своему богатству, пользовался огромным влиянием, так как с помощью денег склонял людей на свою сторону. Также и Костобар и Саул, происходившие из царского рода и пользовавшиеся большой популярностью благодаря своему родству с Агриппой, набрали себе каждый по толпе негодяев, совершали во главе которых всякие насилия и были всегда готовы отнять имущество более слабых. С этого времени для нашего города начались особенно тяжкие бедствия, так как все дела стали клониться к окончательному упадку.

5. Когда Альбин узнал, что прибыл его преемник, Гесий Флор, он пожелал оставить какие-нибудь результаты своего пребывания среди иерусалимцев. Поэтому он велел

передать казни всех арестантов, которые заслужили смерть; тех же лиц, которые сидели в тюрьме по каким-либо незначительным и маловажным причинам, он освободил за известную сумму денег. Таким образом, тюрьма, правда, опустела, зато страна наполнилась разбойниками.

6. Те представители левитов, которые исправляли обязанности певчих, обратились к царю с просьбой созвать синаедрион и внести предложение о разрешении всем левитам носить такую же льняную одежду, какую носили священники. При этом они говорили, что он таким достойным его правления нововведением сможет списать себе вечную славу. Просьба их была уважена, и царь, по постановлению членов синаедриона, разрешил певчим заменить прежние одежды льняными, как они того желали. Так как одна часть левитов участвовала в храмовом богослужении, то он, по просьбе их, разрешил и им также изучать псалмы. Все это, однако, находилось в противоречии с древними законоположениями, нарушение которых не могло не повлечь за собой наказания.

7. В то время была вполне закончена постройка храма. Когда же народ увидел рабочих, которых было свыше восемнадцати тысяч человек, без дела и понял, что теперь они, по окончании работ, останутся без хлеба, а с другой стороны, из страха перед римлянами не желал копить храмовые деньги, то он, думая о рабочих и имея в виду употребить эти деньги на них (всякий рабочий, который поработал хотя бы один час в день, немедленно получал свой заработок), обратился к царю с просьбой приняться за перестройку восточной галереи храма. Эта галерея тянулась вне храма и была воздвигнута над глубоким обрывом. Она покоилась на стенах, имевших в длину четыреста локтей. Эти стены были сооружены из белого мрамора, каждая глыба которого имела в длину двадцать, а в высоту шесть локтей, и представляли дело царя Соломона; он первый отстроил весь храм. Однако Агриппа, которому император Клавдий поручил заведование делами храма, полагая, что разрушение всякой вещи нетрудно, тогда как тяжело ее создание, особенно же в применении к такой галерее, которая потребует много времени и громадных денежных затрат, отказал населению в этой просьбе. Зато он ничего не имел против того, чтобы весь город был вымошен белым мрамором.

Вместе с тем царь лишил первосвященнического сана Иисуса, сына Гамалиила, и поставил на его место сына Феофила, Матфия, при котором началась война иудеев с римлянами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Теперь я считаю необходимым и полезным в видах полноты исторического повествования остановиться на первосвященниках, рассказать о возникновении их, кто удостоился этой высокой чести и сколько их было всего до окончания (иудейской) войны. По преданию, первым первосвященником был Аарон, брат Моисея; после его смерти преемниками ему немедленно становились сыновья и потомки его, среди которых это звание оставалось наследственным. Поэтому-то и вошло в обычай не назначать никого на эту должность, кто не происходил бы из рода Ааронова. Лицо, принадлежащее к другой семье, даже к царской, не имеет права на первосвященство. И вот всех первосвященников, от упомянутого нами родоначальника их, Аарона, до Финееса, который бунтовщиками был провозглашен первосвященником во время войны, было восемьдесят три. Из них с того времени, как Моисей в пустыне воздвиг Скинию в честь Предвечного, до прибытия (народа) в Иудею, когда царь Соломон построил Господу Богу храм, первосвященствовало тринадцать человек. Сначала они были несменяемы до самой смерти, а затем смещались. Эти тринадцать первосвященников, которые являлись потомками двух сыновей Аарона, последовательно друг за другом удаивались своего высокого сана. При них государственное устройство иудеев первоначально носило аристократическую, потом единовластную, а затем царскую (с известными ограничениями) форму. Указанные тринадцать лиц первосвященствовали с того дня, когда предки наши под предводительством Моисея покинули Египет, вплоть до сооружения в Иерусалиме Соломонова храма, т.е. в течение шестисот двенадцати лет. После указанных тринадцати лиц звание это принадлежало восемнадцати первосвященникам, а именно: в течение периода от иерусалимского царя Соломона и до падения Навуходоносора, царя вавилонского, который при этом сжег

храм, увел народ в рабство в Вавилонию и захватил в плен первосвященника Иосадака. Эти лица занимали свои должности в течение четырехсот шестидесяти шести лет, шести месяцев и десяти дней.

В это время иудеи управлялись царями. Спустя семьдесят лет после вавилонского пленения персидский царь Кир вновь отпустил живших в Вавилонии иудеев назад на родину и разрешил им воздвигнуть храм. Первосвященническое звание перешло тогда к одному из возвратившихся из плена, именно к Иисусу, сыну Иосадака. Он и его потомки, всего пятнадцать человек, управляли получившим демократический строй государством в течение трехсот сорока четырех лет, вплоть до царя Антиоха Евпатора. Этот-то упомянутый Антиох вместе со своим военачальником Лисием решили сместить первосвященника Онию и умертвить его в Бее; при этом они обошли его сына и назначили первосвященником Иакима, происходившего, правда, из рода Ааронова, но не принадлежавшего к семье Онии. Поэтому-то другой Ония, двоюродный брат вышеупомянутого, называвшийся так же, как и отец его, отправился в Египет, снискал дружбу Птолемея Филометора и его жены Клеопатры и уговорил их построить в гелиополитанском номе Предвечному храм на подобие иерусалимского и назначить его, Онию, первосвященником. Впрочем, об этом египетском храме мы говорили уже неоднократно.

Между тем, Иаким пробыл первосвященником всего три года и затем умер. Ему не тотчас же был назначен преемник, но город в течение семи лет обходился без первосвященника. Затем уже асмонеи, которым было доверено управление народом, по окончании войны с македонянами назначили первосвященником Ионафа, занимавшего эту должность семь лет. Когда же он пал жертвой интриг и заговора Трифона, как мы в свое время рассказали, то первосвященство перешло к брату его, Симону. Но и этот, пробыв в своей должности годом дольше брата, был во время обеда коварно умерщвлен своим зятем.

Преемником ему стал его сын Гиркан. Последний был первосвященником в течение тридцати одного года и умер в преклонных летах, оставив сан свой Иуде, прозванному также Аристовулом. Ему наследовал его брат, царь Алек-

сандр, когда Иуда умер от болезни; этот Иуда был одновременно царем и первосвященником, так как он за год до своей смерти воздел на главу свою царский венец. Александр умер, пробыв царем и первосвященником в течение двадцати семи лет, и поручил жене своей Александре назначить первосвященника по собственному усмотрению. Александра поручила эту должность Гиркану, сама же в течение десяти лет вплоть до своей смерти была царицей. Столько же времени был первосвященником и сын ее Гиркан. Дело в том, что после ее смерти брат Гиркана, Аристовул, вступил в борьбу с ним, победил его и отнял у него власть, которую присвоил себе как царь и как первосвященник. Однако по истечении трех лет и стольких же месяцев его правления (в Иудею) явился Помпей, силой взял Иерусалим и затем отправил Аристовула с детьми его пленными в Рим. При этом Помпей вернул Гиркану первосвященнический сан и поручил ему управление народом, но в то же время запретил носить диадему. Таким образом Гиркан был еще двадцать четыре года правителем. После того парфянские князья Барзафарн и Пакор перешли через Евфрат, объявили войну Гиркану, взяли последнего в плен и провозгласили царем сына Аристовула, Антигона. Он успел процарствовать (лишь) три года и три месяца, как Соссий и Ирод осадили его. Затем Антоний повез его в Антиохию и казнил там. После этого царская власть была передана римлянами Ироду (Великому), который не стал более назначать первосвященников из рода асмонеев, но, за исключением одного только Аристовула, передавал этот почетный сан некоторым ничем не выдававшимся, простым священникам. Если же он назначил первосвященником Аристовула, внука взятого парфянами в плен Гиркана и брата жены своей Мариамны, то он сделал это лишь в угоду простонародью, которое высоко чтит память Гиркана. Но так как он впоследствии стал опасаться слишком большой популярности Аристовула, то он, как мы уже рассказали, решил избавиться от него, утопив его во время купанья в Иерихоне. После него Ирод уже более не поручал первосвященства потомкам асмонеев. Подобно Ироду поступали в деле назначения первосвященников также его сын Архелай и римляне, к которым впоследствии перешло управление Иудеей. И вот со времен Ирода вплоть до того

дня, когда Тит взял город и сжег храм, было всего двадцать восемь первосвященников в течение ста семи лет. Некоторые из них правили еще при жизни царя Ирода и его сына Архелая. После же смерти их форма правления стала опять аристократической, причем, однако, управление народом было доверено первосвященникам. Однако этого достаточно о первосвященниках.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Между тем, Гессий Флор, которого Нерон назначил преемником Альбина, навлек на иудеев большие бедствия. Сам он происходил из города Клазомен и привез с собой свою жену Клеопатру, бывшую в дружбе с женой Нерона, Поппеей. Клеопатра нисколько не отличалась от последней своей испорченностью²¹. Благодаря Поппее Гессий Флор и достиг своего назначения. Флор настолько злоупотреблял своей властью и позволял себе такие насилия, что иудеи, в своем крайнем горе, вспоминали об Альбине как о благодетеле. Последний по крайней мере старался скрывать свою гнусность и заботился о том, чтобы не уронить себя окончательно; Гессий же Флор кичился своими беззакониями относительно нашего народа, как будто бы он был прислан лишь для выказывания своей испорченности: он не упустил ни одного случая, где он мог грабить или обижать людей. Чувство жалости было недоступно ему, и его любостяжание было прямо ненасытно, так что он не делал различия между большим и малым, но делил свою добычу с разбойниками. Большинство последних действовало смело, потому что могло быть уверено в безнаказанности со стороны наместника, которому за это уделялась часть награбленного. Однако это было еще не все. Так как несчастные иудеи не могли долгие сносить грабежей разбойников, то они видели себя принужденными отказаться от своих привычек и массой выселяться, думая найти убежище где бы то ни было среди иноземцев. Чего же еще больше? Флор был тем, кто принудил нас начать войну с римлянами, так как он держался того мнения, что лучше гибнуть многим зараз, чем умерщвлять немногих отдельных лиц. Эта война началась во втором году наместничества Флора и на двенадцатом году правления Нерона.

К чему мы тогда были вынуждены и что нам пришлось перенести, об этом подробно может узнать всякий желающий из моих книг об иудейской войне.

Здесь я закончу свое сочинение «Древности», продолжением которых служит моя книга «Иудейская война». Содержание его обнимает рассказ от возникновения первого человека до двенадцатого года правления Нерона. Тут повествуется о судьбе нашей в Египте, Сирии и Палестине, как мы страдали от ассирийцев и вавилонян, что с нами сделали персы и македоняне и впоследствии римляне. Надеюсь, что все это передано мной с возможной точностью. Вместе с тем я попытался также установить преемство первосвященников за двухтысячелетний период их существования. Равным образом я в точности передал, как я и обещал в начале своего повествования, последовательно историю царей, их деяний и образа правления, равно как пределы их власти сообразно с тем, что имеется об этом в Писании.

В заключении своего сочинения позволю себе смело сказать, что передать все это настолько подробно по-гречески не смог бы, при всем моем желании, никто другой, будь то иудей или иноземец. Мои соотечественники все согласны с тем, что я являюсь одним из лучших знатоков истории страны нашей. Я старался с большим усердием преодолеть трудности в изучении греческого языка и литературы, основательно усвоив его грамматику. Впрочем, свободно говорить по-гречески мешает мне мое иудейское происхождение. Дело в том, что у нас не уважаются те, кто изучил много языков или умеет украшать речь свою красивыми оборотами. Это меньше считается принадлежностью не только свободнорожденных людей, но и рабов. Лишь те, которые в точности знают закон и отличаются умением толковать Св. Писание, признаются истинно образованными людьми. Поэтому-то, хотя многие и трудились над приобретением таких познаний, однако едва двое или трое вполне преуспели в том. Впрочем, за то они и вкусили от плодов трудов своих.

Вероятно, большинству не покажется неуместным и неудобным, если я здесь вкратце упомяну о своем происхождении и о своих деяниях в жизни²². Пока живы еще люди, которые могли бы либо изобличить, либо поддержать меня²³.

На этом я и покончу свои «Древности», которые распадаются на двадцать книг и состоят из шестидесяти тысяч строк. Если Господу Богу будет угодно, я впоследствии кратко расскажу об (иудейской) войне и историю нашей иудейской жизни до сегодняшнего дня, т. е. до тринадцатого года правления императора Домициана и до пятидесятишестилетнего года моей жизни²⁴. Я имею также в виду изложить в четырех книгах наше иудейское вероучение о Господе Боге и Его существе, равно как поговорить о законах и о причинах, почему одно нам разрешено, а другое запрещено²⁵.

КОММЕНТАРИИ

Глава первая

¹ Это была столица аммонитской области. Раньше она называлась Раббат-Аммоном.

² Т. е. 28 июня.

Глава вторая

³ Об этой местности см. выше, «Иуд. древн.», I, 6, 4 (Т. I, стр. 18 нашего перевода).

⁴ Это свр. гп, столь известное из пятикнижия. У арабов этот город долго был известен под именем Харрана (сосредоточие сабейского культа). Аммомом называлась пахучая смола, из которой приготавливали ценный бальзам.

Глава четвертая

⁵ Это были скифские племена, кочевавшие у берегов Аральского моря.

Глава пятая

⁶ Срв. о нем Деян. Апост. V, 36.

⁷ Срв. «Иуд. войну», II, 11, 6.

⁸ Срв. «Иуд. войну», II, 11, 6–12, 2.

Глава шестая

⁹ Срв. «Иуд. войну», II, 12, 3–7.

Глава седьмая

¹⁰ Срв. Деян. Апост. XXIV, 24 и след.

Глава восьмая

¹¹ В 54 году по Р. Хр.

¹² Срв. Dio Cass. 6, 14–16, 34. Tac. ann. XII, 64. Suet. Claud. XLIV, 46. Plin. X, 37.

¹³ Срв. «Иуд. войну», II, 12, 8.

¹⁴ Последние две книги сочинения этого не подтверждают.

¹⁵ Как видно из Тацита и других писателей той эпохи, вера в разные знамения и чудеса тогда была особенно распространена.

¹⁶ Срв. Деян. Апост. XXI, 28.

¹⁷ Срв. «Иуд. войну», II, 13, 6.

¹⁸ Срв. «Иуд. войну», II, 14, 1.

¹⁹ Этого уже никак нельзя сказать о Поппее. Все ее благочестие заключалось в том, что она внешним образом приняла иудейство.

²⁰ Срв. Tac. ann. XIII, 15, XIV, 3 sqq. Suet. Ner. XXXIV, 39 (вместо этого). В числе их находился и сам Флавий Иосиф.

Глава одиннадцатая

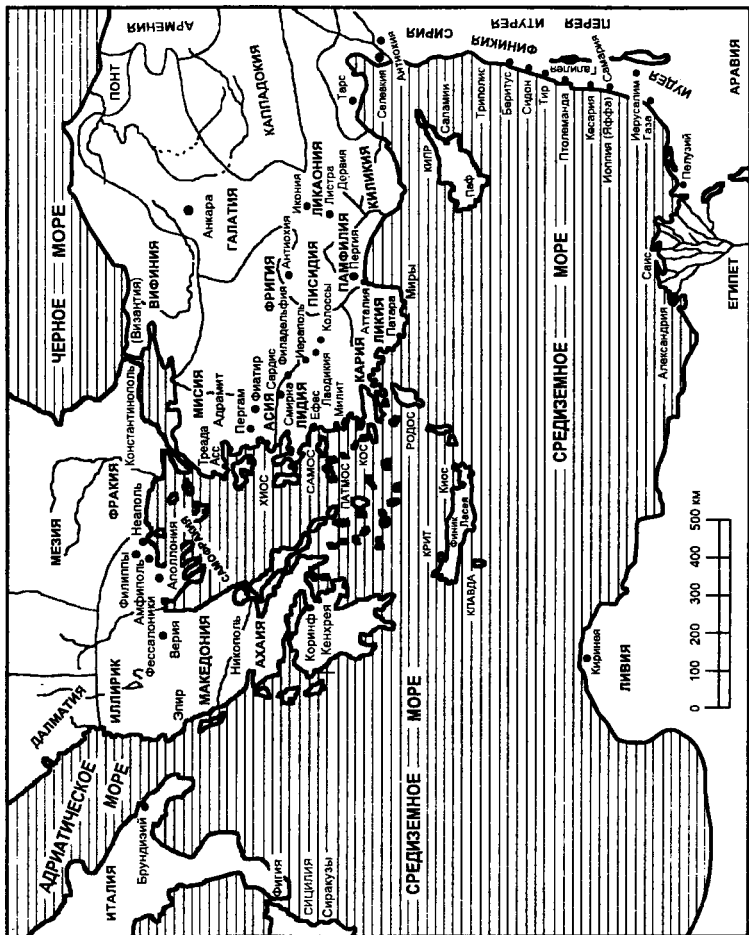
²¹ Срв. однако, выше, стр. 621, восторженный отзыв Иосифа о Поппее.

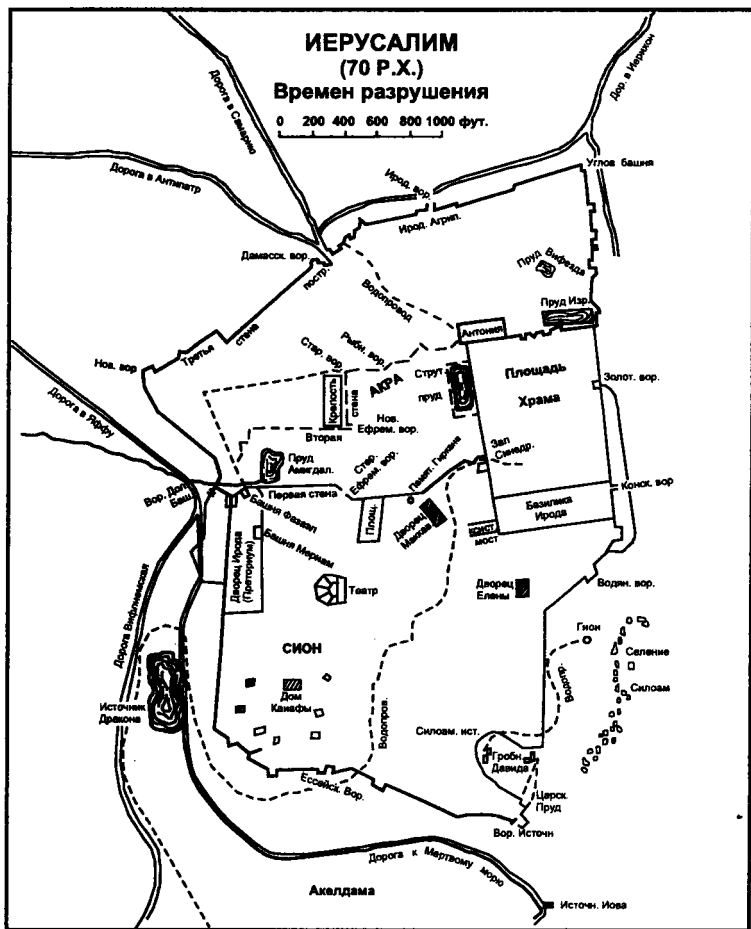
²² Это сделано Флавием в его еще не изданной в русском переводе автобиографии. См. наш очерк о жизни Флавия Иосифа.

²³ То был 83 год по Р. Хр.

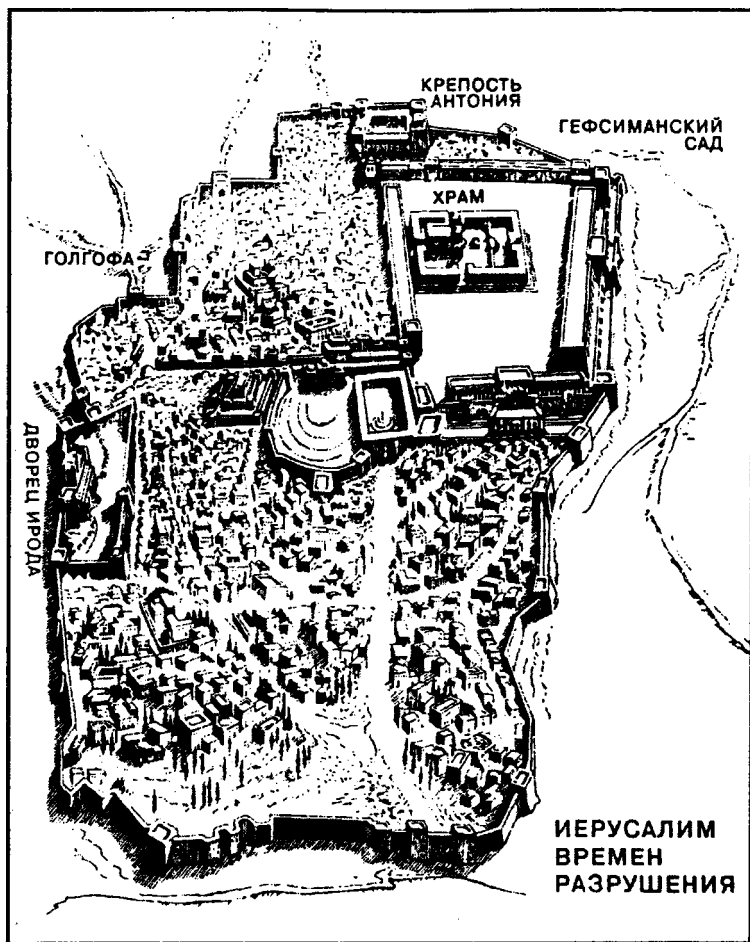
²⁴ Вероятно, Флавий не привел этого намерения в исполнение; такой книги, по крайней мере, не сохранилось от него. Срв. Niese, I. с. р. 230.

²⁵ Срв. В. Niese, Der jüdische Historiker Josephus. в Histor. Zeitschr. 76 Bd. III Heft, р. 229.

План Иерусалима времен разрушения

Иерусалим времен разрушения

Оглавление

Книга десятая	3
Книга одиннадцатая	51
Книга двенадцатая	103
Книга тринадцатая	167
Книга четырнадцатая	235
Книга пятнадцатая	309
Книга шестнадцатая	371
Книга семнадцатая	430
Книга восемнадцатая	486
Книга девятнадцатая	546
Книга двадцатая	596

Иосиф Флавий
Иудейские древности
Том второй

Корректоры *М. Коломенский,*
А. Веташкова

Художник *А. Фerez*

Компьютерный

дизайн *А. Алейниковой*

Лицензия ЛР № 065194 от 2 июня 1997 г.
Сдано в набор 01.12.98. Подписано в печать 05.01.99.
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура Петербург.
Тираж 5000 экз. Заказ № 113.

Издательство «ФЕНИКС»,
344007, г. Ростов-на-Дону,
пер. Соборный, 17.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Волгоградском полиграфическом
предприятии «Офсет»
400001, Волгоград, ул. КИМ, 6.

OCR Давид Титиевский, июль 2020 г., Хайфа

Торгово-издательская фирма

ЦЕНИКС

- ✓ Оптовая и розничная торговля книжной продукцией
- ✓ Издание книг и финансирование издательской деятельности своих партнеров
- ✓ Быстрообновляемый разнообразный ассортимент
- ✓ Своевременная доставка книг контейнерами и автотранспортом в любую точку России
- ✓ Разумные цены

Надежность, качество, оперативность

**Приглашаем к сотрудничеству авторов
научно-популярной и научной литературы
в области:**

- социальных и естественных наук
- юриспруденции
- медицины
- программирования и вычислительной техники,
а также переводчиков хороших книг любой тематики

Все финансовые затраты берем на СЕБЯ,
высокие гонорары выплачиваем согласно
договорам

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Наш адрес:

344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17
Тел.: (8632) 62-51-94, 62-55-27; факс: 62-33-11
E-mail: gleb@donpac.ru

Торгово-издательская фирма

ФЕНИКС

- ✓ Оптовая и розничная торговля книжной продукцией
- ✓ Быстрообновляемый разнообразный ассортимент
- ✓ Разумные цены

.....

Издательский Торговый Дом КноРус

Книги по юриспруденции, бухгалтерскому учету, экономике, информатике и разным вопросам предпринимательства

Центральный офис

г. Москва, Б. Переяславская, 46, м. «Рижская»,
«Проспект Мира»,

тел./факс: (095) 280-0207, 280-7254, 280-9106, 280-9213.

E-mail: office@knorus.ru

Мелкооптовый магазин «Литэк»

г. Москва, ул. Николоямская, 45, под. 2 (м. «Таганская»),
тел.: (095) 911-9863, 911-9742

Посетите наш сервер в сети Интернет!

<http://www.book.ru>

.....

Издательский клуб

Книжки мир – детям

*предлагает Вашему вниманию лучшие книги
и книжные серии издательства «ФЕНИКС»*

Любой человек с самым изысканным вкусом найдет для себя интересную и, главное, нужную книгу.

Наш адрес: 344010 г. Ростов-на-Дону 10, а/я 515

Каталог высылается **БЕСПЛАТНО**.

Ждем ваших писем.

.....

**Приглашаем к сотрудничеству авторов
и переводчиков**

Все финансовые затраты по изданию берем
на СЕБЯ, выплачиваем высокие гонорары
согласно договорам

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Издательский клуб
Книжный мир – почтой

*предлагает Вашему вниманию лучшие книги
и книжные серии издательства «ФЕНИКС»*

Мы выпускаем в свет книги
для всех слоев населения.

Любой человек с самым изысканным вкусом
найдет для себя интересную
и, главное, нужную книгу.

Наш адрес:

344010 г. Ростов–на–Дону 10, а/я 515

Каталог высылается БЕСПЛАТНО.

Ждем ваших писем.

Издательский Торговый Дом .
ИНОРУС

Книги по юриспруденции, бухгалтерскому учету,
экономике, информатике и разным вопросам
предпринимательства

Центральный офис

г. Москва, Б. Переяславская, 46,
м. «Рижская», «Проспект Мира»,

тел./факс: (095) 280-0207, 280-7254, 280-9106, 280-9213.

E-mail: office@knorus.ru

Мелкооптовый магазин «Литэк»

г. Москва, ул. Николаямская, 45, под. 2 (м. «Таганская»),

тел.: (095) 911-9863, 911-9742

Посетите наш сервер в сети Интернет!

<http://www.book.ru>

